3 1761 06250968 2

Полное собраніе сочиненій

И. С. Тургенева

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

Le Docteur J. Chapireau
de l' Université de Paris.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія А. Ф. Марка, Ср. Подъяч., № 1.

LIBRARY
AUG 2 0 2003
UNIVERSITY OF TORONTO

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

КЪ СОБРАНІЮ ЕГО РОМАНОВЪ, 1880 ГОДА *).

Рѣшившись въ предстоящемъ изданіи (1880 г.) помѣстить всѣ написанные мною романы—(Рудинъ, Дворянское гнѣздо, Наканунѣ, Отцы и Дѣти, Дымъ, Новь) въ послѣдовательномъ порядкѣ, считаю не лишнимъ объяснить, въ немногихъ словахъ, почему я это сдѣлалъ. — Мнѣ хотѣлось дать тѣмъ изъ моихъ читателей, которые возьмутъ на себя трудъ прочесть эти шесть романовъ сподрядъ, возможность наглядно убѣдиться, насколько справедливы критики, упрекавшіе меня въ измѣненіи однажды принятаго направленія, въ отступничествѣ и т. п. Мнѣ, напротивъ, кажется, что меня скорѣе можно упрекнуть въ излишнемъ постоянствѣ и какъ бы прямолинейности направленія. Авторъ «Рудина», написаннаго въ 1855-мъ году,—и авторъ «Нови», написаннаго въ 1876-мъ, является однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Въ теченіе всего этого времени, я стремился, насколько хватило силъ и умѣнія, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы — и то, что Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time **), и ту быстро измѣнявшуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій.— Насколько это мнѣ удалось—не мнѣ судить, но смѣю думать, что читатели не усомнятся теперь въ искренности и однородности моихъ стремленій.

Позволю себѣ прибавить нѣсколько краткихъ замѣчаній о каждомъ изъ этихъ шести романовъ, замѣчаній, не лишенныхъ, быть-можетъ, нѣкотораго интереса.

«Рудинъ», написанный мною въ деревнѣ, въ самый разгаръ крымской кампаніи, имѣлъ успѣхъ чисто-литературный не столько

---

*) Помѣщено въ томѣ III изданія 1880 года, и перепечатано въ томѣ I посмертнаго изданія.

**) «Самый образъ и давленіе времени».

въ самой редакціи «Современника», гдѣ онъ былъ помѣщенъ, сколько внѣ ея. Помнится, покойный Некрасовъ, выслушавъ мое чтеніе, сказалъ мнѣ: «ты затѣялъ что-то новое; но, между нами, по секрету, скученъ твой Рудинъ».—Правда, нѣсколько недѣль спустя, тотъ же Некрасовъ, говоря со мною о только-что написанной имъ поэмѣ: «Саша», замѣтилъ, что — «ты, молъ, увидишь, я въ ней до нѣкоторой степени подражаю твоему «Рудину»—но вѣдь ты не разсердишься».—Помню также, что меня очень изумило письмо Сенковскаго (барона Брамбеуса), котораго я чуждался, какъ вся тогдашняя молодая школа — и который отнесся къ «Рудину» съ великимъ сочувствіемъ.

«Дворянское гнѣздо» имѣло самый большой успѣхъ, который когда-либо выпалъ мнѣ на долю. Со времени появленія этого романа, я сталъ считаться въ числѣ писателей, заслуживающихъ вниманія публики.

Гораздо меньшій успѣхъ имѣло «Наканунѣ»—хотя ни одинъ изъ моихъ романовъ не вызвалъ столько статей въ журналахъ. (Самою выдающеюся была, конечно, статья Добролюбова.) — Покойный Н. Ф. Павловъ сильно раскритиковалъ меня—а другому, нынѣ также покойному критику, нѣкоему Дарагану, дали даже обѣдъ по подпискѣ въ благодарность за весьма строгую статью о «Наканунѣ», въ которой онъ особенно настаивалъ на безнравственности главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Появилось нѣсколько эпиграммъ; одна острота особенно часто повторялась: мое произведеніе потому-де названо «Наканунѣ», что оно вышло наканунѣ хорошаго романа.

Прошу позволенія у читателей разсказать—именно по поводу этого «Наканунѣ»—небольшой эпизодъ изъ моей литературной жизни.

Почти весь 55-й годъ (такъ же какъ предшествовавшіе три года)—я безвыѣздно провелъ въ своей деревнѣ, во Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Изъ числа моихъ сосѣдей самымъ мнѣ близкимъ человѣкомъ былъ нѣкто Василій Каратѣевъ, молодой помѣщикъ 25-ти лѣтъ. Каратѣевъ былъ романтикъ, энтузіастъ, большой любитель литературы и музыки, одаренный притомъ своеобразнымъ юморомъ, влюбчивый, впечатлительный и прямой. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ и жилъ въ деревнѣ у своего отца, на котораго каждые три года находила хандра въ родѣ сумасшествія. У Каратѣева была сестра,—очень замѣчательное существо—которая тоже кончила сумасшествіемъ. Всѣ эти лица давно уже умерли; — оттого я такъ свободно говорю о нихъ. Каратѣевъ заставлялъ себя заниматься хозяйствомъ — въ которомъ ровно ничего не смыслилъ — и особенно

любилъ чтеніе да разговоры съ людьми ему симпатичными. Такихъ людей оказывалось немного. Сосѣдямъ онъ не нравился за вольнодумство и насмѣшливый языкъ;—къ тому-жъ они боялись знакомить его съ своими дочерьми и женами, такъ какъ за нимъ упрочилась репутація—въ сущности вовсе имъ не заслуженная—репутація опаснаго волокиты. Ко мнѣ онъ ѣздилъ часто—и его посѣщенія доставляли мнѣ почти единственное развлеченіе и удовольствіе въ тогдашнюю, для меня не слишкомъ веселую, пору.

Когда настала крымская война и произошелъ рекрутскій наборъ на дворянство, названный ополченіемъ—не жаловавшіе Каратѣева дворяне нашего уѣзда, согласились, какъ говорится, упечь его—и выбрали въ офицеры этого самаго ополченія. Узнавъ о своемъ назначеніи, Каратѣевъ пріѣхалъ ко мнѣ. Меня тотчасъ поразилъ его разстроенный и встревоженный видъ. Первымъ его словомъ было: «я оттуда не вернусь; я этого не вынесу; я умру тамъ».—Здоровьемъ онъ похвалиться не могъ: грудь у него постоянно болѣла, и сложенія онъ былъ слабаго. Хотя я самъ боялся за него всѣхъ трудностей похода, однако я постарался разсѣять его мрачныя предчувствія и началъ увѣрять его, что не пройдетъ и года — и мы снова сойдемся въ нашемъ захолустьѣ, будемъ опять видѣться, толковать и спорить попрежнему. Но онъ упорно настаивалъ на своемъ—и послѣ довольно-продолжительной прогулки въ моемъ саду, вдругъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «У меня есть до васъ просьба. Вы знаете, что я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, но вы не знаете, что со мной произошла тамъ исторія, которая возбудила во мнѣ желаніе разсказать ее—и самому себѣ, и другимъ. Я попытался это сдѣлать; но я долженъ былъ убѣдиться, что у меня нѣтъ никакого литературнаго таланта—и все дѣло разрѣшилось тѣмъ, что я написалъ эту тетрадку, которую я передаю въ ваши руки». Сказавши это, онъ вынулъ изъ кармана небольшую тетрадку, страницъ въ пятнадцать. «Такъ какъ я увѣренъ», продолжалъ онъ: «несмотря на всѣ ваши дружескія утѣшенія, что я не вернусь изъ Крыма, то, будьте такъ добры, возьмите эти наброски и сдѣлайте изъ нихъ что-нибудь, что не пропало бы безслѣдно, какъ пропаду я!» — Я сталъ-было отказываться; но видя, что мой отказъ его огорчаетъ, далъ ему слово исполнить его волю, и въ тотъ же вечеръ, по отъѣздѣ Каратѣева, пробѣжалъ оставленную имъ тетрадку. Въ ней бѣглыми штрихами было намѣчено то, что составило потомъ содержаніе «Наканунѣ». Разсказъ, впрочемъ, не былъ доведенъ до конца и обрывался круто. Каратѣевъ, во время своего пребыва-

лія въ Москвѣ, влюбился въ одну дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью; но, познакомившись съ болгариномъ Катрановымъ (лицомъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, нѣкогда весьма извѣстнымъ и до сихъ поръ не забытымъ на своей родинѣ)—полюбила его и уѣхала съ нимъ въ Болгарію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.—Исторія этой любви была передана искренно—хотя неумѣло. Каратѣевъ, дѣйствительно, не былъ рожденъ литераторомъ. Одна только сцена, именно: поѣздка въ Царицыно, была набросана довольно живо—и я въ моемъ романѣ сохранилъ ея главныя черты. Правда, въ то время въ моей головѣ вращались другіе образы: я собирался писать «Рудина»; но та задача, которую я потомъ постарался выполнить въ «Наканунѣ», изрѣдка возникала передо мною. Фигура главной героини, Елены, тогда еще новаго типа въ русской жизни, довольно ясно обрисовывалась въ моемъ воображеніи; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ея еще смутномъ, хотя сильномъ стремленіи къ свободѣ, могла предаться. Прочтя тетрадку Каратѣева, я невольно воскликнулъ: «вотъ тотъ герой, котораго я искалъ!»—Между тогдашними русскими такого еще не было. Когда на слѣдующій день я увидѣлъ Каратѣева, я не только подтвердилъ ему мое рѣшеніе исполнить его просьбу—но и поблагодарилъ его за то, что онъ вывелъ меня изъ затрудненія и внесъ лучъ свѣта въ мои, еще до тѣхъ поръ темныя, соображенія и измышленія. Каратѣевъ этому обрадовался и, повторивъ еще разъ: «не дайте этому всему умереть», — уѣхалъ на службу въ Крымъ, откуда онъ, къ глубокому моему сожалѣнью, не вернулся. Предчувствія его сбылись. Онъ умеръ отъ тифа на стоянкѣ близъ Гнилого-Моря, гдѣ было помѣщено — въ землянкахъ — наше орловское ополченіе, не видавшее во все время войны ни одного непріятеля и тѣмъ не менѣе потерявшее отъ различныхъ болѣзней около половины своихъ людей. Я, однако, отложилъ исполненіе своего обѣщанія: я занялся другой работой; кончивши «Рудина», — я принялся за «Дворянское гнѣздо»; и только зимою, съ 58-го на 59-й годъ, очутившись снова въ той же деревнѣ и въ той же обстановкѣ, какъ и во время моего знакомства съ Каратѣевымъ, я почувствовалъ, что уснувшія впечатлѣнія зашевелились; я отыскалъ, я перечелъ его тетрадку; отступившіе на второй планъ образы выступили снова на первый—и я тотчасъ же принялся за перо. Нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ тогда же стало извѣстнымъ все то, что я теперь разсказалъ;—но я считаю своей обязанностью нынѣ, при окончательномъ изданіи моихъ романовъ, подѣлиться этимъ и съ публикой, и тѣмъ заплатить хотя позднюю дань памяти моего бѣднаго молодого друга.

И вотъ какимъ образомъ болгаринъ сдѣлался героемъ моего романа. А гг. критики дружно упрекали меня въ дѣланности и безжизненности этого лица, удивлялись моей странной затѣѣ выбрать именно болгарина, спрашивали: почему? съ какой стати? какой смыслъ? — Ларчикъ просто открывался—но я не почелъ тогда нужнымъ входить въ дальнѣйшія объясненія.

Объ «Отцахъ и Дѣтяхъ», кажется, нѣтъ нужды говорить подробно: этому роману посвящена цѣлая глава моихъ «Литературныхъ и житейскихъ Воспоминаній». — Замѣчу одно: вотъ уже семнадцать лѣтъ прошло со времени появленія «Отцовъ и Дѣтей»; а, сколько можно судить, взглядъ критики на это произведеніе все еще не установился — и не далѣе какъ въ прошломъ году я, по поводу Базарова, могъ прочесть въ одномъ журналѣ, что я не что иное, какъ «баши-бузукъ, добивающій не имъ раненыхъ».—Правда, это сказалъ тотъ самый г. Антоновичъ, который, вскорѣ послѣ появленія «Отцовъ и Дѣтей», утверждалъ, что г. Аскоченскій предвосхитилъ содержаніе моего романа.

«Дымъ», хотя успѣхъ имѣлъ довольно значительный, однако возбудилъ противъ меня большое негодованье. Особенно сильны были упреки въ недостаткѣ патріотизма, въ оскорбленіи родного края и т. п. Опять появились эпиграммы. Самъ Ѳ. И. Тютчевъ—дружбой котораго я всегда гордился и горжусь донынѣ—счелъ нужнымъ написать стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ ложную дорогу, избранную мною. Оказалось, что я одинаково, хотя съ различныхъ точекъ зрѣнія, оскорбилъ и правую, и лѣвую сторону нашей читающей публики. Я нѣсколько усомнился въ самомъ себѣ и умолкъ на нѣкоторое время.

Что же касается до «Нови»—то, я полагаю, не для чего настаивать на томъ, какимъ дружнымъ осужденіемъ было встрѣчено это мое послѣднее, столь трудно доставшееся мнѣ произведеніе. За исключеніемъ двухъ, трехъ отзывовъ — писанныхъ, не печатныхъ,—я ни отъ кого не слышалъ ничего, кромѣ хулы. Сперва увѣряли, что я все это выдумалъ: что живя почти постоянно за границей, я потерялъ всякое пониманіе русской жизни, русскаго человѣка; что одно лишь мелкое самолюбіе да склонность къ популярничанью водили моимъ перомъ; одинъ журналистъ поспѣшилъ объявить, что всякій порядочный человѣкъ долженъ непремѣнно плюнуть на мою книгу и тутъ же попрать ее ногами *). А потомъ, послѣ извѣстнаго процесса,

*) Одинъ рецензентъ пошелъ еще далѣе. По поводу нѣкоторыхъ статей о переводахъ «Нови» — появившихся за границей, онъ произнесъ слѣдующее изреченіе: «пускай иностранцы о немъ статьи пишутъ; а мы даже плюнуть на него не хотимъ». — Экая скупость, подумаешь!

оправдавшаго большую часть того, что называли моими выдумками, судьи мои принялись толковать другое: будто я самъ чуть ли не участвовалъ въ тѣхъ неблагонамѣренныхъ замыслахъ, и ужъ конечно зналъ о нихъ, ибо въ противномъ случаѣ — какъ бы могъ я предвидѣть и предсказать заранѣе?! и т. д., и т. д.—Все это потомъ пришло понемногу въ равновѣсіе; и во время моего послѣдняго пребыванія въ Россіи, я могъ убѣдиться, что, не отступая отъ нѣкоторыхъ, несомнѣнно справедливыхъ обвиненій, главнымъ образомъ основанныхъ на моемъ удаленіи отъ родины, большинство моихъ соотечественниковъ не считаетъ мой послѣдній романъ вполнѣ безполезнымъ или вреднымъ, или достойнымъ одного презрѣнія.

Такъ и оправдались на мнѣ слова покойнаго Бѣлинскаго, которыя онъ часто любилъ повторять: «всякій человѣкъ рано или поздно попадаетъ въ свою полочку».

«Was ist der langen Rede kurzer Sinn?»—Къ чему клонится вся эта рѣчь? спроситъ, пожалуй, иной читатель. — Во-первыхъ — къ оправданію того намѣренія, которое было выражено мною въ первыхъ же строкахъ настоящаго предисловія;— а во-вторыхъ, къ слѣдующему выводу, внушенному мнѣ многолѣтнимъ опытомъ: критика наша, особенно въ послѣднее время, не можетъ предъявить притязанія на непогрѣшимость — и тотъ писатель, кто слушается *ея одной*, — подвергается опасности испортить свое дарованіе. Главный ея грѣхъ состоитъ въ томъ, что она не свободна. Не могу кстати не высказать своего мнѣнія о «безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ», о «предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ», о «пользѣ объективности, непосредственности и наивности» — обо всѣхъ этихъ «жалкихъ» словахъ, которыя, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они ни исходили, всегда казались мнѣ общими мѣстами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишкомъ многіе принимаютъ за настоящую. Всякій писатель, *не лишенный таланта*—(это, конечно, первое условіе) — всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни, всякій читатель имѣетъ право судить, насколько онъ въ этомъ успѣлъ, и гдѣ ошибся;—но кто имѣетъ право указывать ему, какія именно впечатлѣнія годятся въ литературу, и какія нѣтъ? Коли онъ правдивъ — значитъ онъ правъ; а коли у него нѣтъ таланта—никакая «объективность» ему не поможетъ. У насъ теперь развелись сочинители, которые сами почитаютъ себя «безсознательными творцами» — и выбираютъ все «жизненные» сюжеты; а между тѣмъ насквозь

проникнуты именно этой злополучной «тенденціей». — Всѣмъ извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ образами;* это изреченіе совершенно неоспоримо и вѣрно,—но на какомъ основаніи? Вы, его критикъ и судья, дозволяете ему образно воспроизводить картину природы, что́ ли, народную жизнь, цѣльную натуру — (вотъ еще *жалкое* слово!); — а коснись онъ чего-нибудь смутнаго, психологически-сложнаго, даже болѣзненнаго—особенно если это не частный фактъ, а выдвинуто изъ глубины нѣдръ своихъ тою же самой народной, общественной жизнью, — вы кричите: стой! это никуда не годится, это — рефлексія, предвзятая идея, это — политика! публицистика!—Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ — глазами поэта. Въ дѣлѣ искусства вопросъ: ка̀къ?—важнѣе вопроса: что̀? Если все отвергаемое вами—*образомъ*, замѣтьте: *образомъ*—ложится въ душу писателя — то съ какой стати вы заподаѐриваете его намѣренія, почему выталкиваете его вонъ изъ того храма, гдѣ на разубранныхъ алтаряхъ возсѣдаютъ жрецы «безсознательнаго» искусства— на алтаряхъ, передъ которыми курится ѳиміамъ, часто зажженный собственными руками этихъ самыхъ жрецовъ? — Повѣрьте: талантъ настоящій—никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея *сосредоточеннымъ отраженіемъ;* но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ-концовъ — это ниже его. Подчиниться заданной тэмѣ или проводить программу—могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ.

И. Т.

Парижъ.—Августъ, 1879.

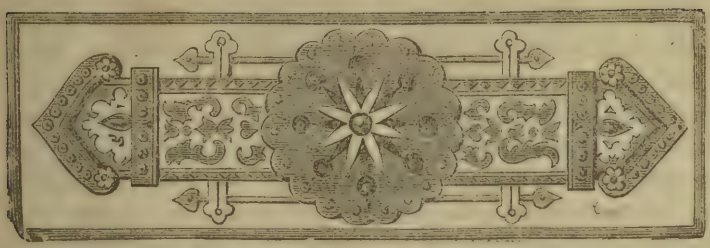
ОТЦЫ и ДѢТИ.

РОМАНЪ ВЪ XXVIII ГЛАВАХЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

(написано въ 1861 году)



I.

— Что̀, Петръ? не видать еще?—спрашивалъ, 20-го мая 1859 года, выходя безъ шапки на низкое крылечко постоялаго двора на *** шоссе, баринъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, въ запыленномъ пальто и клѣтчатыхъ панталонахъ, у своего слуги, молодого и щекастаго малаго съ бѣловатымъ пухомъ на подбородкѣ и маленькими тусклыми глазенками.

Слуга, въ которомъ все: и бирюзовая сережка въ ухѣ, и напомаженные разноцвѣтные волосы, и учтивыя тѣлодвиженія, словомъ, все изобличало человѣка новѣйшаго, усовершенствованнаго поколѣнія, посмотрѣлъ снисходительно вдоль дороги и отвѣтствовалъ: „никакъ нѣтъ-съ, не видать“.

— Не видать?—повторилъ баринъ.

— Не видать,—вторично отвѣтствовалъ слуга.

Баринъ вздохнулъ и присѣлъ на скамеечку. Познакомимъ съ нимъ читателя, пока онъ сидитъ, подогнувши подъ себя ножки и задумчиво поглядывая кругомъ.

Зовутъ его Николаемъ Петровичемъ Кирсановымъ. У него въ пятнадцати верстахъ отъ постоялаго дворика хорошее имѣніе въ двѣсти душъ, или, какъ онъ выражается, съ тѣхъ поръ, какъ размежевался съ крестьянами и завелъ

„ферму“,—въ двѣ тысячи десятинъ земли. Отецъ его, боевой генералъ 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой, русскій человѣкъ, всю жизнь свою тянулъ лямку, командовалъ сперва бригадой, потомъ дивизіей, и постоянно жилъ въ провинціи, гдѣ въ силу своего чина игралъ довольно значительную роль. Николай Петровичъ родился на югѣ Россіи, подобно старшему своему брату Павлу, о которомъ рѣчь впереди, и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста дома, окруженный дешевыми гувернёрами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, изъ фамиліи Колязиныхъ, въ дѣвицахъ Agathe, а въ генеральшахъ Агаѳоклея Кузьминишна Кирсанова, принадлежала къ числу „матушекъ-командиршъ“, носила пышные чепцы и шумныя шелковыя платья, въ церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала дѣтей утромъ къ ручкѣ, на ночь ихъ благословляла,—словомъ, жила въ свое удовольствіе. Въ качествѣ генеральскаго сына, Николай Петровичъ—хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужилъ прозвище трусишки — долженъ былъ, подобно брату Павлу, поступить въ военную службу; но онъ переломилъ себѣ ногу въ самый тотъ день, когда уже прибыло извѣстіе объ его опредѣленіи, и, пролежавъ два мѣсяца въ постели, на всю жизнь остался „хроменькимъ“. Отецъ махнулъ на него рукой и пустилъ его по штатской. Онъ повезъ его въ Петербургъ, какъ только ему минулъ восемнадцатый годъ, и помѣстилъ его въ университетъ. Кстати, братъ его о-ту пору вышелъ офицеромъ въ гвардейскій полкъ. Молодые люди стали жить вдвоемъ, на одной квартирѣ, подъ отдаленнымъ надзоромъ двоюроднаго дяди съ материнской стороны, Ильи Колязина, важнаго чиновника. Отецъ ихъ вернулся къ своей дивизіи и къ своей супругѣ, и лишь изрѣдка присылалъ сыновьямъ большія четвертушки сѣрой бумаги, испещренныя размашистымъ писарскимъ почеркомъ. На концѣ этихъ четвертушекъ красовались, старательно окруженныя „выкрутасами“ слова: „Піотръ Кирсановъ, генералъ-маіоръ“. Въ 1835 году Николай Петро-

вичъ вышелъ изъ университета кандидатомъ и въ томъ же году генералъ Кирсановъ, уволенный въ отставку за неудачный смотръ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ женой на житье. Онъ нанялъ-было домъ у Таврическаго сада и записался въ англійскій клубъ, но внезапно умеръ отъ удара. Агаѳоклея Кузьминишна скоро за нимъ послѣдовала: она не могла привыкнуть къ глухой столичной жизни; тоска отставного существованія ее загрызла. Между тѣмъ, Николай Петровичъ успѣлъ, еще при жизни родителей и къ немалому ихъ огорченію, влюбиться въ дочку чиновника Преполовенскаго, бывшаго хозяина его квартиры, миловидную и, какъ говорится, развитую дѣвицу: она въ журналахъ читала серьезныя статьи въ отдѣлѣ „Наукъ". Онъ женился на ней, какъ только минулъ срокъ траура, и, покинувъ министерство удѣловъ, куда по протекціи отецъ его записалъ, блаженствовалъ со своею Машей сперва на дачѣ около Лѣсного института, потомъ въ городѣ, въ маленькой и хорошенькой квартирѣ, съ чистою лѣстницей и холодноватою гостиной, наконецъ — въ деревнѣ, гдѣ онъ поселился окончательно, и гдѣ у него въ скоромъ времени родился сынъ, Аркадій. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не разставались, читали вмѣстѣ, играли въ четыре руки на фортепіано, пѣли дуэты; она сажала цвѣты и наблюдала за птичнымъ дворомъ, онъ изрѣдка ѣздилъ на охоту и занимался хозяйствомъ, а Аркадій росъ да росъ—тоже хорошо и тихо. Десять лѣтъ прошло какъ сонъ. Въ 47-мъ году жена Кирсанова скончалась. Онъ едва вынесъ этотъ ударъ, посѣдѣлъ въ нѣсколько недѣль; собрался-было за границу, чтобы хотя немного разсѣяться... но тутъ насталъ 48-й годъ. Онъ поневолѣ вернулся въ деревню и послѣ довольно продолжительнаго бездѣйствія занялся хозяйственными преобразованіями. Въ 55-мъ году онъ повезъ сына въ университетъ; прожилъ съ нимъ три зимы въ Петербургѣ, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства съ молодыми товарищами Аркадія. На послѣднюю зиму онъ пріѣхать не могъ, — и вотъ, мы видимъ его въ маѣ мѣсяцѣ 1859 года, уже совсѣмъ сѣдого, пухленькаго

и немного сгорбленнаго: онъ ждетъ сына, получившаго, какъ нѣкогда онъ самъ, званіе кандидата.

Слуга, изъ чувства приличія, а можетъ-быть и не желая остаться подъ барскимъ глазомъ, зашелъ подъ ворота и закурилъ трубку. Николай Петровичъ поникъ головой и началъ глядѣть на ветхія ступеньки крылечка: крупный, пестрый цыпленокъ степенно расхаживалъ по нимъ, крѣпко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная кошка недружелюбно посматривала на него, жеманно прикорнувъ на перила. Солнце пекло: изъ полутемныхъ сѣней постоялаго дворика несло запахомъ теплаго ржаного хлѣба. Замечтался нашъ Николай Петровичъ. „Сынъ... кандидатъ... Аркаша...“ безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; онъ пытался думать о чемъ-нибудь другомъ, и опять возвращались тѣ же мысли. Вспомнилась ему покойница-жена... „Не дождалась!“ шепнулъ онъ уныло... Толстый сизый голубь прилетѣлъ на дорогу и поспѣшно отправился пить въ лужицу возлѣ колодца. Николай Петровичъ сталъ глядѣть на него, а ухо его уже ловило стукъ приближающихся колесъ...

— Никакъ они ѣдутъ-съ,—доложилъ слуга, вынырнувъ изъ-подъ воротъ.

Николай Петровичъ вскочилъ и устремилъ глаза вдоль дороги. Показался тарантасъ, запряженный тройкой ямскихъ лошадей; въ тарантасѣ мелькнулъ околышъ студентской фуражки, знакомый очеркъ дорогого лица...

— Аркаша! Аркаша! — закричалъ Кирсановъ, и побѣжалъ, и замахалъ руками... Нѣсколько мгновеній спустя, его губы уже прильнули къ безбородой, запыленной и загорѣлой щекѣ молодого кандидата.

II.

— Дай же отряхнуться, папаша,—говорилъ нѣсколько сиплымъ отъ дороги, но звонкимъ юношескимъ голосомъ Аркадій, весело отвѣчая на отцовскія ласки:—я тебя всего запачкаю.

— Ничего, ничего,—твердилъ, умиленно улыбаясь, Николай Петровичъ, и раза два ударилъ рукою по ворот-

нику сыновней шинели и по собственному пальто. — Покажи-ка себя, покажи-ка, — прибавилъ онъ, отодвигаясь, и тотчасъ же пошелъ торопливыми шагами къ постоялому двору, приговаривая: „вотъ сюда, сюда, да лошадей поскорѣе“.

Николай Петровичъ казался гораздо встревоженнѣе своего сына; онъ словно потерялся немного, словно оробѣлъ. Аркадій остановилъ его.

— Папаша,— сказалъ онъ: — позволь познакомить тебя съ моимъ добрымъ пріятелемъ, Базаровымъ, о которомъ я тебѣ такъ часто писалъ. Онъ такъ любезенъ, что согласился погостить у насъ.

Николай Петровичъ быстро обернулся и, подойдя къ человѣку высокаго роста въ длинномъ балахонѣ съ кистями, только-что вылѣзшему изъ тарантаса, крѣпко стиснулъ его обнаженную, красную руку, которую тотъ не сразу ему подалъ.

— Душевно радъ,—началъ онъ:—и благодаренъ за доброе намѣреніе посѣтить насъ; надѣюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгеній Васильевъ,—отвѣчалъ Базаровъ лѣнивымъ, но мужественнымъ голосомъ, и, отвернувъ воротникъ балахона, показалъ Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, съ широкимъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣта, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ.

— Надѣюсь, любезнѣйшій Евгеній Васильичъ, что вы не соскучитесь у насъ,—продолжалъ Николай Петровичъ.

Тонкія губы Базарова чуть тронулись, но онъ ничего не отвѣчалъ и только приподнялъ фуражку. Его темнобѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа.

— Такъ какъ же, Аркадій,—заговорилъ опять Николай Петровичъ, оборачиваясь къ сыну:—сейчасъ закладывать лошадей, что̀ ли? Или вы отдохнуть хотите?

— Дома отдохнемъ, папаша; вели закладывать.

— Сейчасъ, сейчасъ, — подхватилъ отецъ.—Эй, Петръ, слышишь? Распорядись, братецъ, поживѣе.

Петръ, который въ качествѣ усовершенствованнаго слуги не подошелъ къ ручкѣ барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся подъ воротами.

— Я здѣсь съ коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, — хлопотливо говорилъ Николай Петровичъ, между тѣмъ какъ Аркадій пилъ воду изъ желѣзнаго ковшика, принесеннаго хозяйкой постоялаго двора, а Базаровъ закурилъ трубку и подошелъ къ ямщику, отпрягавшему лошадей: — только коляска двухмѣстная, и вотъ я не знаю, какъ твой пріятель...

— Онъ въ тарантасѣ поѣдетъ, — перебилъ вполголоса Аркадій. — Ты съ нимъ, пожалуйста, не церемонься. Онъ чудесный малый, такой простой—ты увидишь.

Кучеръ Николая Петровича вывелъ лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Базаровъ къ ямщику.

— Слышь, Митюха,—подхватилъ другой, тутъ же стоявшій ямщикъ съ руками, засунутыми въ заднія прорѣхи тулупа:—баринъ-то тебя какъ прозвалъ? Толстобородый и есть.

Митюха только шапкой тряхнулъ и потащилъ вожжи съ потной коренной.

— Живѣй, живѣй, ребята, подсобляйте, — воскликнулъ Николай Петровичъ:—на водку будетъ!

Въ нѣсколько минутъ лошади были заложены; отецъ съ ыномъ помѣстились въ коляскѣ; Петръ взобрался на козлы; Базаровъ вскочилъ въ тарантасъ, уткнулся головой въ кожаную подушку,—и оба экипажа покатили.

III.

— Такъ вотъ какъ, наконецъ ты кандидатъ и домой пріѣхалъ,—говорилъ Николай Петровичъ, потрогивая Аркадія то по плечу, то по колѣну.—Наконецъ!

— А что дядя? здоровъ?—спросилъ Аркадій, которому, несмотря на искреннюю, почти дѣтскую радость, его наполнявшую, хотѣлось поскорѣе перевести разговоръ съ настроенія взволнованнаго на обыденное.

— Здоровъ. Онъ хотѣлъ-было выѣхать со мной къ тебѣ навстрѣчу, да почему-то раздумалъ.

— А ты долго меня ждалъ?—спросилъ Аркадій.

— Да часовъ около пяти.

— Добрый папаша!

Аркадій живо повернулся къ отцу и звонко поцѣловалъ его въ щеку. Николай Петровичъ тихонько засмѣялся.

— Какую я тебѣ славную лошадь приготовилъ!—началъ онъ:—ты увидишь. И комната твоя оклеена обоями.

— А для Базарова комната есть?

— Найдется и для него.

— Пожалуйста, папаша, приласкай его. Я не могу тебѣ выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

— Ты недавно съ нимъ познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлою зимой я его не видалъ. Онъ чѣмъ занимается?

— Главный предметъ его—естественныя науки. Да онъ все знаетъ. Онъ въ будущемъ году хочетъ держать на доктора.

— А! онъ по медицинскому факультету,—замѣтилъ Николай Петровичъ и помолчалъ. — Петръ,—прибавилъ онъ и протянулъ руку:—это, никакъ, наши мужики ѣдутъ?

Петръ глянулъ въ сторону, куда указывалъ баринъ. Нѣсколько телѣгъ, запряженныхъ разнузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. Въ каждой телѣгѣ сидѣло по одному, много по два мужика въ тулупахъ нараспашку.

— Точно такъ-съ,—промолвилъ Петръ.

— Куда это они ѣдутъ, въ городъ, что̀ ли?

— Полагать надо, что въ городъ. Въ кабакъ,—прибавилъ онъ презрительно и слегка наклонился къ кучеру, какъ бы ссылаясь на него. Но тотъ даже не пошевельнулся: это былъ человѣкъ стараго закала, не раздѣлявшій новѣйшихъ воззрѣній.

— Хлопоты у меня большія съ мужиками въ нынѣшнемъ году,—продолжалъ Николай Петровичъ, обращаясь къ сыну.—Не платятъ оброка. Что̀ ты будешь дѣлать?

— А своими наемными работниками ты доволенъ?

— Да,—процѣдилъ сквозь зубы Николай Петровичъ.— Подбиваютъ ихъ, вотъ что̀ бѣда; ну, и настоящаго старанія все еще нѣту. Сбрую портятъ. Пахали, впрочемъ, ничего. Перемелется — мука̀ будетъ. Да развѣ тебя теперь хозяйство занимаетъ?

— Тѣни нѣтъ у васъ, вотъ что горе,—замѣтилъ Аркадій, не отвѣчая на послѣдній вопросъ.

— Я съ сѣверной стороны надъ балкономъ большую маркизу придѣлалъ,—промолвилъ Николай Петровичъ:— теперь и обѣдать можно на воздухѣ.

— Что-то на дачу больно похоже будетъ... а впрочемъ, это все пустяки. Какой зато здѣсь воздухъ. Какъ славно пахнетъ! Право, мнѣ кажется, нигдѣ въ мірѣ такъ не пахнетъ, какъ въ здѣшнихъ краяхъ! Да и небо здѣсь...

Аркадій вдругъ остановился, бросилъ косвенный взглядъ назадъ и умолкъ.

— Конечно,—замѣтилъ Николай Петровичъ:—ты здѣсь родился, тебѣ все должно казаться здѣсь чѣмъ-то особеннымъ...

— Ну, папаша, это все равно, гдѣ бы человѣкъ ни родился.

— Однако...

— Нѣтъ, это совершенно все равно.

Николай Петровичъ посмотрѣлъ сбоку на сына, и коляска проѣхала съ полверсты, прежде чѣмъ разговоръ возобновился между ними.

— Не помню, писалъ ли я тебѣ,—началъ Николай Петровичъ:—твоя бывшая нянюшка, Егоровна, скончалась.

— Неужели? Бѣдная старуха! А Прокофьичъ живъ?

— Живъ и нисколько не измѣнился. Все такъ же брюзжитъ. Вообще ты большихъ перемѣнъ въ Марьинѣ не найдешь.

— Приказчикъ у тебя все тотъ же?

— Вотъ развѣ что приказчика я смѣнилъ. Я рѣшился не держать больше у себя вольноотпущенныхъ, бывшихъ дворовыхъ, или, по крайней мѣрѣ, не поручать имъ ни-

какихъ должностей, гдѣ есть отвѣтственность. (Аркадій указалъ глазами на Петра.) Il est libre, en effet,—замѣтилъ вполголоса Николай Петровичъ:—но вѣдь онъ—камердинеръ. Теперь у меня приказчикъ изъ мѣщанъ: кажется, дѣльный малый. Я ему назначилъ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ. Впрочемъ,—прибавилъ Николай Петровичъ, потирая лобъ и брови рукою, что̀ у него всегда служило признакомъ внутренняго смущенія: — я тебѣ сейчасъ сказалъ, что ты не найдешь перемѣнъ въ Марьинѣ... Это не совсѣмъ справедливо. Я считаю своимъ долгомъ предварить тебя, хотя...

Онъ запнулся на мгновенье и продолжалъ уже по-французски.

— Строгій моралистъ найдетъ мою откровенность неумѣстною, но, во-первыхъ, это скрыть нельзя, а во-вторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особенные принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мои лѣта... Словомъ, эта... эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ...

— Ѳеничка?—развязно спросилъ Аркадій.

Николай Петровичъ покраснѣлъ.

— Не называй ея, пожалуйста, громко... Ну, да... она теперь живетъ у меня. Я ее помѣстилъ въ домѣ... тамъ были двѣ небольшія комнатки. Впрочемъ, это все можно перемѣнить.

— Помилуй, папаша, зачѣмъ?

— Твой пріятель у насъ гостить будетъ... неловко...

— Насчетъ Базарова ты, пожалуйста, не безпокойся. Онъ выше всего этого.

— Ну, ты, наконецъ, — проговорилъ Николай Петровичъ.—Флигелекъ-то плохъ—вотъ бѣда.

— Помилуй, папаша,—подхватилъ Аркадій:—ты какъ будто извиняешься; какъ тебѣ не совѣстно.

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, — отвѣчалъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Полно, папаша, полно, сдѣлай одолженіе!—Аркадій ласково улыбнулся. „Въ чемъ извиняется!“ подумалъ онъ

про себя, и чувство снисходительной нѣжности къ доброму и мягкому отцу, смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то тайнаго превосходства, наполнило его душу.—Перестань, пожалуйста, — повторилъ онъ еще разъ, невольно наслаждаясь сознаніемъ собственной развитости и свободы.

Николай Петровичъ глянулъ на него изъ-подъ пальцевъ руки, которою онъ продолжалъ тереть себѣ лобъ, и что-то кольнуло его въ сердце... Но онъ тутъ же обвинилъ себя.

— Вотъ это ужъ наши поля пошли,—проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— А это впереди, кажется, нашъ лѣсъ? — спросилъ Аркадій.

— Да, нашъ. Только я его продалъ. Въ нынѣшнемъ году его свозить будутъ.

— Зачѣмъ ты его продалъ?

— Деньги были нужны; притомъ же эта земля отходитъ къ мужикамъ.

— Которые тебѣ оброка не платятъ?

— Это ужъ ихъ дѣло; а впрочемъ, — будутъ же они когда-нибудь платить.

— Жаль лѣса, — замѣтилъ Аркадій и сталъ глядѣть кругомъ.

Мѣста, по которымъ они проѣзжали, не могли назваться живописными. Поля, все поля, тянулись вплоть до самаго небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-гдѣ виднѣлись небольшіе лѣса, и, усѣянные рѣдкимъ и низкимъ кустарникомъ, вились овраги, напоминая глазу ихъ собственное изображеніе на старинныхъ планахъ Екатерининскаго времени. Попадались и рѣчки съ обрытыми берегами, и крошечные пруды съ худыми плотинами, и деревеньки съ низкими избенками подъ темными, часто до половины разметанными крышами, и покривившіеся молотильные сарайчики съ плетеными изъ хвороста стѣнами и зѣвающими воротищами возлѣ опустѣлыхъ гуменъ, и церкви, то кирпичныя съ отвалившеюся кое-гдѣ штукатуркой, то деревянныя съ наклонившимися крестами и разоренными кладбищами. Сердце Аркадія

понемногу сжималось. Какъ нарочно, мужички встрѣчались все обтерханные, на плохихъ клячонкахъ; какъ нищіе въ лохмотьяхъ, стояли придорожныя ракиты съ ободранною корой и обломанными вѣтвями; исхудалыя, щершавыя, словно обглоданныя, коровы жадно щипали траву по канавамъ. Казалось, онѣ только что вырвались изъ чьихъ-то грозныхъ, смертоносныхъ когтей — и, вызванный жалкимъ видомъ обезсиленныхъ животныхъ, среди весенняго краснаго дня, вставалъ бѣлый призракъ безотрадной, безконечной зимы съ ея метелями, морозами и снѣгами... „Нѣтъ“, подумалъ Аркадій, „не богатый край этотъ, не поражаетъ онъ ни довольствомъ, ни трудолюбіемъ; нельзя, нельзя ему такъ остаться, преобразованія необходимы... но какъ ихъ исполнить, какъ приступить?..“

Такъ размышлялъ Аркадій... а пока онъ размышлялъ, весна брала свое. Все кругомъ золотисто зеленѣло, все широко и мягко волновалось и лоснилось подъ тихимъ дыханіемъ теплаго вѣтерка, все—деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми, звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, віясь надъ низменными лугами, то молча перебѣгали по кочкамъ; красиво чернѣя въ нѣжной зелени еще низкихъ яровыхъ хлѣбовъ, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побѣлѣвшей, лишь изрѣдка выказывались ихъ головы въ дымчатыхъ ея волнахъ. Аркадій глядѣлъ, глядѣлъ, и понемногу ослабѣвая, исчезали его размышленія... Онъ сбросилъ съ себя шинель, и такъ весело, такимъ молоденькимъ мальчикомъ посмотрѣлъ на отца, что тотъ опять его обнялъ.

— Теперь ужъ недалеко,—замѣтилъ Николай Петровичъ: — вотъ стòитъ только на эту горку подняться, и домъ будетъ виденъ. Мы заживемъ съ тобой на славу, Аркаша; ты мнѣ помогать будешь по хозяйству, если только это тебѣ не наскучитъ. Намъ надобно теперь тѣсно сойтись другъ съ другомъ, узнать другъ друга хорошенько, не правда ли?

— Конечно,—промолвилъ Аркадій:—но чтò за чудный день сегодня!

— Для твоего пріѣзда, душа моя. Да, весна въ пол-

номъ блескѣ. А впрочемъ, я согласенъ съ Пушкинымъ— помнишь, въ Евгеніи Онѣгинѣ:

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое...

— Аркадій!—раздался изъ тарантаса голосъ Базарова:— пришли мнѣ спичку, нечѣмъ трубку раскурить.

Николай Петровичъ умолкъ, а Аркадій, который началъ-было слушать его не безъ нѣкотораго изумленія, но и не безъ сочувствія, поспѣшилъ достать изъ кармана серебряную коробочку со спичками и послалъ ее Базарову съ Петромъ.

— Хочешь сигарку?—закричалъ опять Базаровъ.

— Давай,—отвѣчалъ Аркадій.

Петръ вернулся къ коляскѣ и вручилъ ему вмѣстѣ съ коробочкой толстую, черную сигарку, которую Аркадій немедленно закурилъ, распространяя вокругъ себя такой крѣпкій и кислый запахъ заматерѣлаго табаку, что Николай Петровичъ, отроду не курившій, поневолѣ, хотя незамѣтно, чтобы не обидѣть сына, отворачивалъ носъ.

Четверть часа спустя оба экипажа остановились передъ крыльцомъ новаго деревяннаго дома, выкрашеннаго сѣрою краской и покрытаго желѣзною, красною крышей. Это и было Марьино, Новая-Слободка тожъ, или по крестьянскому наименованью, Бобылій-Хуторъ.

IV.

Толпа дворовыхъ не высыпала на крыльцо встрѣчать господъ; показалась всего одна дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, а вслѣдъ за ней вышелъ изъ дому молодой парень, очень похожій на Петра, одѣтый въ сѣрую ливрейную куртку съ бѣлыми гербовыми пуговицами, слуга Павла Петровича Кирсанова. Онъ молча отворилъ дверцу коляски и отстегнулъ фартукъ тарантаса. Николай Петровичъ съ сыномъ и съ Базаровымъ отправились черезъ темную и почти пустую залу, изъ-за двери которой мелькнуло молодое женское лицо, въ гостиную, убранную уже въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Вотъ мы и дома,—промолвилъ Николай Петровичъ, снимая картузъ и встряхивая волосами. — Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.

— Поѣсть, дѣйствительно, не худо,—замѣтилъ потягиваясь Базаровъ и опустился на диванъ.

— Да, да, ужинать давайте, ужинать поскорѣе. — Николай Петровичъ безъ всякой видимой причины потопалъ ногами.—Вотъ кстати и Прокофьичъ.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, бѣловолосый, худой и смуглый, въ коричневомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами и въ розовомъ платочкѣ на шеѣ. Онъ осклабился, подошелъ къ ручкѣ къ Аркадію, и, поклонившись гостю, отступилъ къ двери и положилъ руки за спину.

— Вотъ онъ, Прокофьичъ, — началъ Николай Петровичъ: — пріѣхалъ къ намъ наконецъ... Что̀? какъ ты его находишь?

— Въ лучшемъ видѣ-съ,—проговорилъ старикъ и осклабился опять, но тотчасъ же нахмурилъ свои густыя брови.— На столъ накрывать прикажете?—проговорилъ онъ внушительно.

— Да, да, пожалуйста. Но не пройдете ли вы сперва въ вашу комнату, Евгеній Васильичъ?

— Нѣтъ, благодарствуйте, не зачѣмъ. Прикажите только чемоданишко мой туда стащить, да вотъ эту одежёнку,— прибавилъ онъ, снимая съ себя свой балахонъ.

— Очень хорошо. Прокофьичъ, возьми же ихъ шинель. (Прокофьичъ, какъ бы съ недоумѣніемъ, взялъ обѣими руками базаровскую „одежёнку“ и, высоко поднявъ ее надъ головою, удалился на цыпочкахъ.) А ты, Аркадій, пойдешь къ себѣ на минутку?

— Да, надо почиститься,—отвѣчалъ Аркадій и направился-было къ дверямъ, но въ это мгновеніе вошелъ въ гостиную человѣкъ средняго роста, одѣтый въ темный англійскій *сьютъ*, модный низенькій галстукъ и лайковые полусапожки, Павелъ Петровичъ Кирсановъ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ пять: его коротко остриженные, сѣдые волосы отливали темнымъ блескомъ, какъ новое серебро; лицо его, желчное, но безъ морщинъ, не-

обыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонкимъ и легкимъ рѣзцомъ, являло слѣды красоты замѣчательной: особенно хороши были свѣтлые, черные, продолговатые глаза. Весь обликъ Аркадіева дяди, изящный и породистый, сохранилъ юношескую стройность и то стремленіе вверхъ, прочь отъ земли, которое большею частью исчезаетъ послѣ двадцатыхъ годовъ.

Павелъ Петровичъ вынулъ изъ кармана панталонъ свою красивую руку съ длинными розовыми ногтями, руку, казавшуюся еще красивѣй отъ снѣжной бѣлизны рукавчика, застегнутаго одинокимъ, крупнымъ опаломъ, и подалъ ее племяннику. Совершивъ предварительно европейское „shake hands“, онъ три раза, по-русски, поцѣловался съ нимъ, то-есть, три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щекъ, и проговорилъ:

— Добро пожаловать.

Николай Петровичъ представилъ его Базарову: Павелъ Петровичъ слегка наклонилъ свой гибкій станъ и слегка улыбнулся, но руки не подалъ и даже положилъ ее обратно въ карманъ.

— Я уже думалъ, что вы не пріѣдете сегодня,—заговорилъ онъ пріятнымъ голосомъ, любезно покачиваясь, подергивая плечами и показывая прекрасные бѣлые зубы.— Развѣ что̀ на дорогѣ случилось?

— Ничего не случилось, — отвѣчалъ Аркадій: — такъ, замѣшкались немного. Зато мы теперь голодны, какъ волки. Поторопи Прокофьича, папаша, а я сейчасъ вернусь.

— Постой, я съ тобой пойду,—воскликнулъ Базаровъ, внезапно порываясь съ дивана. Оба молодые человѣка вышли.

— Кто сей?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Пріятель Аркаши, очень, по его словамъ, умный человѣкъ.

— Онъ у насъ гостить будетъ?

— Да.

— Этотъ волосатый?

— Ну, да.

Павелъ Петровичъ постучалъ ногтями по столу:

— Я нахожу, что Аркадій s'est dégourdi, — замѣтилъ онъ.—Я радъ его возвращенію.

За ужиномъ разговаривали мало. Особенно Базаровъ почти ничего не говорилъ, но ѣлъ много. Николай Петровичъ разсказывалъ разные случаи изъ своей, какъ онъ выражался, фермерской жизни, толковалъ о предстоящихъ правительственныхъ мѣрахъ, о комитетахъ, о депутатахъ, о необходимости заводить машины и т. д. Павелъ Петровичъ медленно похаживалъ взадъ и впередъ по столовой (онъ никогда не ужиналъ), изрѣдка отхлебывая изъ рюмки, наполненной краснымъ виномъ, и еще рѣже произнося какое-нибудь замѣчаніе или скорѣе восклицаніе, въ родѣ „а! эге! гм!“ Аркадій сообщилъ нѣсколько петербургскихъ новостей, но онъ ощущалъ небольшую неловкость, ту неловкость, которая обыкновенно овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ, когда онъ только-что пересталъ быть ребенкомъ и возвратился въ мѣсто, гдѣ привыкли видѣть и считать его ребенкомъ. Онъ безъ нужды растягивалъ свою рѣчь, избѣгалъ слова „папаша“ и даже разъ замѣнилъ его словомъ „отецъ“, произнесеннымъ, правда, сквозь зубы; съ излишнею развязностью налилъ себѣ въ стаканъ гораздо больше вина, чѣмъ самому хотѣлось, и выпилъ все вино. Прокофьичъ не спускалъ съ него глазъ и только губами пожевывалъ. Послѣ ужина всѣ тотчасъ разошлись.

— А чудаковатъ у тебя дядя,—говорилъ Аркадію Базаровъ, сидя въ халатѣ возлѣ его постели и насасывая короткую трубочку.—Щегольство какое въ деревнѣ, подумаешь! Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!

— Да вѣдь ты не знаешь,—отвѣтилъ Аркадій:—вѣдь онъ львомъ былъ въ свое время. Я когда-нибудь разскажу тебѣ его исторію. Вѣдь онъ красавцемъ былъ, голову кружилъ женщинамъ.

— Да, вотъ что̀! По старой, значитъ, памяти. Плѣнять-то здѣсь, жаль, некого. Я все смотрѣлъ: этакіе у него удивительные воротнички, точно каменные, и подбородокъ такъ аккуратно выбритъ. Аркадій Николаичъ, вѣдь это смѣшно?

— Пожалуй; только онъ, право, хорошій человѣкъ.

— Архаическое явленіе! А отецъ у тебя славный малый. Стихи онъ напрасно читаетъ, и въ хозяйствѣ врядъ ли смыслитъ, но онъ добрякъ.

— Отецъ у меня золотой человѣкъ.

— Замѣтилъ ли ты, что онъ робѣетъ?

Аркадій качнулъ головою, какъ будто онъ самъ не робѣлъ.

— Удивительное дѣло, — продолжалъ Базаровъ: — эти старенькіе романтики! Разовьютъ въ себѣ нервную систему до раздраженія... ну, равновѣсіе и нарушено. Однако, прощай! Въ моей комнатѣ англійскій рукомойникъ, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо—англійскіе рукомойники, то-есть, прогрессъ!

Базаровъ ушелъ, а Аркадіемъ овладѣло радостное чувство. Сладко засыпать въ родимомъ домѣ, на знакомой постели, подъ одѣяломъ, надъ которымъ трудились любимыя руки, быть-можетъ, руки нянюшки, тѣ ласковыя, добрыя и неутомимыя руки. Аркадій вспомнилъ Егоровну, и вздохнулъ, и пожелалъ ей царствія небеснаго... О себѣ онъ не молился.

И онъ, и Базаровъ заснули скоро, но другія лица въ домѣ долго еще не спали. Возвращеніе сына взволновало Николая Петровича. Онъ легъ въ постель, но не загасилъ свѣчки и, подперши рукою голову, думалъ долгія думы. Братъ его сидѣлъ далеко за полночь въ своемъ кабинетѣ, на широкомъ гамбсовомъ креслѣ, передъ каминомъ, въ которомъ слабо тлѣлъ каменный уголь. Павелъ Петровичъ не раздѣлся, только китайскія красныя туфли безъ задковъ смѣнили на его ногахъ лаковые полусапожки. Онъ держалъ въ рукахъ послѣдній нумеръ *Galignani,* но онъ не читалъ; онъ глядѣлъ пристально въ каминъ, гдѣ, то замирая, то вспыхивая, вздрагивало голубоватое пламя... Богъ знаетъ, гдѣ бродили его мысли, но не въ одномъ только прошедшемъ бродили онѣ: выраженіе его лица было сосредоточенно и угрюмо, чего не бываетъ, когда человѣкъ занятъ одними воспоминаніями. А въ маленькой задней комнатѣ, на большомъ сундукѣ, сидѣла, въ голу-

бой душегрѣйкѣ и съ наброшеннымъ бѣлымъ платкомъ на темныхъ волосахъ, молодая женщина, Ѳеничка, и, то прислушивалась, то дремала, то посматривала на растворенную дверь, изъ-за которой виднѣлась дѣтская кроватка и слышалось ровное дыханіе спящаго ребенка.

V.

На другое утро Базаровъ раньше всѣхъ проснулся и вышелъ изъ дома. „Эге!“ подумалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ, „мѣстечко-то не казисто“. Когда Николай Петровичъ размежевался съ своими крестьянами, ему пришлось отвести подъ новую усадьбу десятины четыре совершенно ровнаго и голаго поля. Онъ построилъ домъ, службы и ферму, разбилъ садъ, выкопалъ прудъ и два колодца; но молодыя деревца плохо принимались, въ прудѣ воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатаго вкуса. Одна только бесѣдка изъ сиреней и акацій порядочно разрослась; въ ней иногда пили чай и обѣдали. Базаровъ въ нѣсколько минутъ обѣгалъ всѣ дорожки сада, зашелъ на скотный дворъ, на конюшню, отыскалъ двухъ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми тотчасъ свелъ знакомство, и отправился съ ними въ небольшое болотце, съ версту отъ усадьбы, за лягушками.

— На что̀ тебѣ лягушки, баринъ?—спросилъ его одинъ изъ мальчиковъ.

— А вотъ на что́, — отвѣчалъ ему Базаровъ, который владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно: — я лягушку распластаю, да посмотрю, что̀ у нея тамъ внутри дѣлается; а такъ какъ мы съ тобой тѣ же лягушки, только что на ногахъ ходимъ, я и буду знать, что̀ и у насъ внутри дѣлается.

— Да на что тебѣ это?

— А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь, и мнѣ тебя лѣчить придется.

— Развѣ ты дохтуръ?

— Да.

— Васька, слышь, баринъ говоритъ, что мы съ тобой тѣ же лягушки. Чудно̀!

— Я ихъ боюсь, лягушекъ-то,—замѣтилъ Васька, мальчикъ лѣтъ семи, съ бѣлою какъ ленъ головою, въ сѣромъ казакинѣ съ стоячимъ воротникомъ, и босой.

— Чего бояться? развѣ онѣ кусаются?

— Ну, полѣзайте въ воду, философы, — промолвилъ Базаровъ.

Между тѣмъ, Николай Петровичъ тоже проснулся и отправился къ Аркадію, котораго засталъ одѣтымъ. Отецъ и сынъ вышли на террасу подъ навѣсъ маркизы; возлѣ перилъ, на столѣ, между большими букетами сирени, уже кипѣлъ самоваръ. Явилась дѣвочка, та самая, которая наканунѣ первая встрѣтила пріѣзжихъ на крыльцѣ, и тонкимъ голосомъ проговорила:

— Ѳедосья Николавна не совсѣмъ здоровы, придти не могутъ; приказали васъ спросить, вамъ самимъ угодно разлить чай, или прислать Дуняшу?

— Я самъ разолью, самъ, — поспѣшно подхватилъ Николай Петровичъ. — Ты, Аркадій, съ чѣмъ пьешь чай, со сливками или съ лимономъ?

— Со сливками, — отвѣчалъ Аркадій и, помолчавъ немного, вопросительно произнесъ:—папаша?

Николай Петровичъ съ замѣшательствомъ посмотрѣлъ на сына.

— Что̀?—промолвилъ онъ.

Аркадій опустилъ глаза.

— Извини, папаша, если мой вопросъ тебѣ покажется неумѣстнымъ, — началъ онъ: — но ты самъ, вчерашнею своею откровенностью, меня вызываешь на откровенность... ты не разсердишься?..

— Говори.

— Ты мнѣ даешь смѣлость спросить тебя... Не отъ того ли Ѳен... не оттого ли она не приходитъ сюда чай разливать, что я здѣсь?

Николай Петровичъ слегка отвернулся.

— Можетъ-быть, — проговорилъ онъ наконецъ: — она предполагаетъ... она стыдится...

Аркадій быстро вскинулъ глаза на отца.

— Напрасно жъ она стыдится. Во-первыхъ, тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей (Аркадію очень было пріятно произнести эти слова), а во-вторыхъ — захочу ли я хоть на волосъ стѣснять твою жизнь, твои привычки? Притомъ, я увѣренъ, ты не могъ сдѣлать дурной выборъ; если ты позволилъ ей жить съ тобой подъ одною кровлей, сталобыть она это заслуживаетъ: во всякомъ случаѣ, сынъ отцу не судья, и въ особенности я, и въ особенности такому отцу, который, какъ ты, никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

Голосъ Аркадія дрожалъ сначала: онъ чувствовалъ себя великодушнымъ, однако въ то же время понималъ, что читаетъ нѣчто въ родѣ наставленія своему отцу; но звукъ собственныхъ рѣчей сильно дѣйствуетъ на человѣка, и Аркадій произнесъ послѣднія слова твердо, даже съ эффектомъ.

— Спасибо, Аркаша, — глухо заговорилъ Николай Петровичъ, и пальцы его опять заходили по бровямъ и по лбу. — Твои предположенія дѣйствительно справедливы. Конечно, если бъ эта дѣвушка не стоила... Это не легкомысленная прихоть. Мнѣ нелегко говорить съ тобой объ этомъ; но ты понимаешь, что ей трудно было придти сюда, при тебѣ, особенно въ первый день твоего пріѣзда.

— Въ такомъ случаѣ я самъ пойду къ ней,—воскликнулъ Аркадій съ новымъ приливомъ великодушныхъ чувствъ, и вскочилъ со стула. — Я ей растолкую, что ей нечего меня стыдиться.

Николай Петровичъ тоже всталъ.

— Аркадій,—началъ онъ:—сдѣлай одолженіе... какъ же можно... тамъ... Я тебя не предварилъ...

Но Аркадій уже не слушалъ его и убѣжалъ съ террасы. Николай Петровичъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и въ смущеньи опустился на стулъ. Сердце его забилось... Представилась ли ему въ это мгновеніе неизбѣжная странность будущихъ отношеній между имъ и сыномъ, сознавалъ ли онъ, что едва ли не большее бы уваженіе оказалъ ему Аркадій, если бъ онъ вовсе не касался этого

дѣла, упрекалъ ли онъ самого себя въ слабости—сказать трудно; всѣ эти чувства были въ немъ, но въ видѣ ощущеній—и то неясныхъ; а съ лица не сходила краска, и сердце билось.

Послышались торопливые шаги, и Аркадій вошелъ на террасу.

— Мы познакомились, отецъ! — воскликнулъ онъ съ выраженіемъ какого-то ласковаго и добраго торжества на лицѣ. — Ѳедосья Николаевна, точно, сегодня не совсѣмъ здорова и придетъ попозже. Но какъ же ты не сказалъ мнѣ, что у меня есть братъ? Я бы уже вчера вечеромъ его расцѣловалъ, какъ я сейчасъ расцѣловалъ его.

Николай Петровичъ хотѣлъ что-то вымолвить, хотѣлъ подняться и раскрыть объятія... Аркадій бросился ему на шею.

— Что́ это? опять обнимаетесь? — раздался сзади ихъ голосъ Павла Петровича.

Отецъ и сынъ одинаково обрадовались появленію его въ эту минуту; бываютъ положенія трогательныя, изъ которыхъ все-таки хочется поскорѣе выйти.

— Чему жъ ты удивляешься? — весело заговорилъ Николай Петровичъ.—Въ кои-то вѣки дождался я Аркаши... Я со вчерашняго дня и насмотрѣться на него не успѣлъ.

— Я вовсе не удивляюсь, — замѣтилъ Павелъ Петровичъ:—я даже самъ не прочь съ нимъ обняться.

Аркадій подошелъ къ дядѣ и снова почувствовалъ на щекахъ своихъ прикосновеніе его душистыхъ усовъ. Павелъ Петровичъ присѣлъ къ столу. На немъ былъ изящный утренній, въ англійскомъ вкусѣ, костюмъ; на головѣ красовалась маленькая феска. Эта феска и небрежно повязанный галстучекъ намекали на свободу деревенской жизни; но тугіе воротнички рубашки, правда, не бѣлой, а пестренькой, какъ оно и слѣдуетъ для утренняго туалета, съ обычною неумолимостью упирались въ выбритый подбородокъ.

— Гдѣ же новый твой пріятель? — спросилъ онъ Аркадія.

— Его дома нѣтъ; онъ обыкновенно встаетъ рано и

отправляется куда-нибудь. Главное, не надо обращать на него вниманія: онъ церемоній не любитъ.

— Да, это замѣтно.—Павелъ Петровичъ началъ, не торопясь, намазывать масло на хлѣбъ.—Долго онъ у насъ прогоститъ?

— Какъ придется. Онъ заѣхалъ сюда по дорогѣ къ отцу.

— А отецъ его гдѣ живетъ?

— Въ нашей же губерніи, верстъ восемьдесятъ отсюда. У него тамъ небольшое имѣньице. Онъ былъ прежде полковымъ докторомъ.

— Тэ-тэ-тэ-тэ... То-то я все себя спрашивалъ: гдѣ слышалъ я эту фамилію: Базаровъ?.. Николай, помнится, въ батюшкиной дивизіи былъ лѣкарь Базаровъ?

— Кажется, былъ.

— Точно, точно. Такъ этотъ лѣкарь его отецъ. Гм!—Павелъ Петровичъ повелъ усами.—Ну, а самъ господинъ Базаровъ собственно что̀ такое?—спросилъ онъ съ разстановкой.

— Что̀ такое Базаровъ?—Аркадій усмѣхнулся.—Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что̀ онъ собственно такое?

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ.

— Какъ?—спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухѣ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвія, и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ,—повторилъ Аркадій.

— Нигилистъ,—проговорилъ Николай Петровичъ.—Это отъ латинскаго *nihil*, *ничего*, сколько я могу судить; стало быть, это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, — подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія,—замѣтилъ Аркадій.

— А это не все равно?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, ко-

торый не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что̀ жъ, это хорошо? — перебилъ Павелъ Петровичъ.

— Смотря ка̀къ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принсѝповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ. Аркадій, напротивъ, произносилъ „прѝнципъ, налегая на первый слогъ), безъ принсѝповъ принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа... какъ бишь?

— Нигилисты,—отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ; а теперь позвони-ка, пожалуйста, братъ, Николай Петровичъ, мнѣ пора пить мой какао.

Николай Петровичъ позвонилъ и закричалъ: „Дуняша!“ Но вмѣсто Дуняши на террасу вышла сама Ѳеничка. Это была молодая женщина лѣтъ двадцати-трехъ, вся бѣленькая и мягкая, съ темными волосами и глазами, съ красными, дѣтски-пухлявыми губками и нѣжными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на ея круглыхъ плечахъ. Она несла большую чашку какао и, поставивъ ее передъ Павломъ Петровичемъ, вся застыдилась: горячая кровь разлилась алою волной подъ тонкою кожицей ея миловиднаго лица. Она опустила глаза и остановилась у стола, слегка опираясь на самые кончики пальцевъ. Казалось, ей и совѣстно было, что она пришла, и въ то же время она какъ будто чувствовала, что имѣла право придти.

Павелъ Петровичъ строго нахмурилъ брови, а Николай Петровичъ смутился.

— Здравствуй, Ѳеничка,—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Здравствуйте-съ, — отвѣтила она не громкимъ, но звучнымъ голосомъ и, глянувъ искоса на Аркадія, который дружелюбно ей улыбался, тихонько вышла. Она ходила немножко въ развалку, но и это къ ней пристало.

На террасѣ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній господствовало молчаніе. Павелъ Петровичъ похлебывалъ свой какао, и вдругъ поднялъ голову.

— Вотъ и господинъ нигилистъ къ намъ жалуетъ,— промолвилъ онъ вполголоса.

Дѣйствительно, по саду, шагая черезъ клумбы, шелъ Базаровъ. Его полотняное пальто и панталоны были запачканы въ грязи; цѣпкое болотное растеніе обвивало тулью его старой, круглой шляпы; въ правой рукѣ онъ держалъ небольшой мѣшокъ; въ мѣшкѣ шевелилось что-то живое. Онъ быстро приблизился къ террасѣ и, качнувъ головою, промолвилъ:

— Здравствуйте, господа; извините, что опоздалъ къ чаю; сейчасъ вернусь; надо вотъ этихъ плѣнницъ къ мѣсту пристроить.

— Что это у васъ, піявки? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушки.

— Вы ихъ ѣдите—или разводите?

— Для опытовъ,—равнодушно проговорилъ Базаровъ и ушелъ въ домъ.

— Это онъ ихъ рѣзать станетъ,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Въ принсйпы не вѣритъ, а въ лягушекъ вѣритъ.

Аркадій съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дядю; Николай Петровичъ украдкой пожалъ плечомъ. Самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ, что сострилъ неудачно, и заговорилъ о хозяйствѣ и о новомъ управляющемъ, который наканунѣ приходилъ къ нему жаловаться, что работникъ Ѳома „дибоширничаетъ“ и отъ рукъ отбился. „Такой ужъ онъ Езопъ“, сказалъ онъ между прочимъ: „всюду протестовалъ себя дурнымъ человѣкомъ; поживетъ, и съ глупостью отойдетъ“.

VI.

Базаровъ вернулся, сѣлъ за столъ и началъ поспѣшно пить чай. Оба брата молча глядѣли на него, а Аркадій украдкой посматривалъ то на отца, то на дядю.

— Вы далеко отсюда ходили?—спросилъ наконецъ Николай Петровичъ.

— Тутъ у васъ болотце есть, возлѣ осиновой рощи. Я взогналъ штукъ пять бекасовъ; ты можешь убить ихъ, Аркадій.

— А вы не охотникъ?

— Нѣтъ.

— Вы собственно физикой занимаетесь?—спросилъ въ свою очередь Павелъ Петровичъ.

— Физикой, да; вообще естественными науками.

— Говорятъ, германцы, въ послѣднее время, сильно успѣли по этой части.

— Да, нѣмцы въ этомъ наши учители,—небрежно отвѣчалъ Базаровъ.

Слово: германцы, вмѣсто нѣмцы, Павелъ Петровичъ употребилъ ради ироніи, которой, однако, никто не замѣтилъ.

— Вы столь высокаго мнѣнія о нѣмцахъ?—проговорилъ съ изысканною учтивостью Павелъ Петровичъ. Онъ начиналъ чувствовать тайное раздраженіе. Его аристократическую натуру возмущала совершенная развязность Базарова. Этотъ лѣкарскій сынъ не только не робѣлъ, онъ даже отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое.

— Тамошніе ученые дѣльный народъ.

— Такъ, такъ. Ну, а объ русскихъ ученыхъ вы, вѣроятно, не имѣете столь лестнаго понятія?

— Пожалуй, что такъ.

— Это очень похвальное самоотверженіе, — произнесъ Павелъ Петровичъ, выпрямляя станъ и закидывая голову назадъ. — Но какъ же намъ Аркадій Николаичъ сейчасъ сказывалъ, что вы не признаете никакихъ авторитетовъ? Не вѣрите имъ?

— Да зачѣмъ я стану ихъ признавать? И чему я буду вѣрить? Мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь—вотъ и все.

— А нѣмцы все дѣло говорятъ? — промолвилъ Павелъ Петровичъ, и лицо его приняло такое безучастное, отдаленное выраженіе, словно онъ весь ушелъ въ какую-то заоблачную высь.

— Не всѣ,—отвѣтилъ съ короткимъ зѣвкомъ Базаровъ, которому явно не хотѣлось продолжать словопреніе.

Павелъ Петровичъ взглянулъ на Аркадія, какъ бы желая сказать ему: „учтивъ твой другъ, признаться".

— Что касается до меня,—заговорилъ онъ опять, не безъ нѣкотораго усилія: — я нѣмцевъ, грѣшный человѣкъ, не жалую. О русскихъ нѣмцахъ я уже не упоминаю: извѣстно, что̀ это за птицы. Но и нѣмецкіе нѣмцы мнѣ не понутру. Еще прежніе туда-сюда; тогда у нихъ были—ну, тамъ Шиллеръ, что̀ ли, *Гётте*... Братъ,—вотъ имъ особенно благопріятствуетъ... А теперь пошли все какіе-то химики да матеріалисты...

— Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта,—перебилъ Базаровъ.

— Вотъ какъ,—промолвилъ Павелъ Петровичъ, и, словно засыпая, чуть-чуть приподнялъ брови. — Вы, стало-быть, искусства не признаете?

— Искусство наживать деньги, или нѣтъ болѣе геморроя!—воскликнулъ Базаровъ съ презрительною усмѣшкой.

— Такъ-съ, такъ-съ. Вотъ какъ вы изволите шутить. Это вы все стало-быть отвергаете? Положимъ. Значитъ, вы вѣрите въ одну науку?

— Я уже доложилъ вамъ, что ни во что̀ не вѣрю; и что такое наука—наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, званія; а наука вообще не существуетъ вовсе.

— Очень хорошо-съ. Ну, а насчетъ другихъ, въ людскомъ быту принятыхъ постановленій, вы придерживаетесь такого же отрицательнаго направленія?

— Что̀ это, допросъ?—спросилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ слегка поблѣднѣлъ... Николай Петровичъ почелъ должнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Мы когда-нибудь поподробнѣе побесѣдуемъ объ этомъ предметѣ съ вами, любезный Евгеній Васильичъ; и ваше мнѣніе узнаемъ, и свое выскажемъ. Съ своей стороны я очень радъ, что вы занимаетесь естественными науками. Я слышалъ, что Либихъ сдѣлалъ удивительныя открытія насчетъ удобренія полей. Вы можете мнѣ помочь въ моихъ агрономическихъ работахъ: вы можете дать мнѣ какой-нибудь полезный совѣтъ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Николай Петровичъ; но куда намъ до Либиха! Сперва надо азбукѣ выучиться и потомъ уже взяться за книгу, а мы еще аза въ глаза не видали.

„Ну, ты, я вижу, точно нигилистъ“, подумалъ Николай Петровичъ.

— Все-таки позвольте прибѣгнуть къ вамъ при случаѣ,—прибавилъ онъ вслухъ.—А теперь намъ, я полагаю, братъ, пора пойти потолковать съ приказчикомъ.

Павелъ Петровичъ поднялся со стула.

— Да,—проговорилъ онъ, ни на кого не глядя:—бѣда пожить этакъ годковъ пять въ деревнѣ, въ отдаленіи отъ великихъ умовъ! какъ разъ дуракъ дуракомъ станешь. Ты стараешься не забыть того, чему тебя учили, а тамъ—хвать!—оказывается, что все это вздоръ, и тебѣ говорятъ, что путные люди этакими пустяками больше не занимаются, и что ты, молъ, отсталый колпакъ. Что̀ дѣлать! Видно, молодежь, точно, умнѣе насъ.

Павелъ Петровичъ медленно повернулся на каблукахъ и медленно вышелъ; Николай Петровичъ отправился вслѣдъ за нимъ.

— Что̀, онъ всегда у васъ такой?—хладнокровно спросилъ Базаровъ у Аркадія, какъ только дверь затворилась за обоими братьями.

— Послушай, Евгеній, ты уже слишкомъ рѣзко съ нимъ обошелся,—замѣтилъ Аркадій.—Ты его оскорбилъ.

— Да, стану я ихъ баловать, этихъ уѣздныхъ аристократовъ! Вѣдь это все самолюбіе, львиныя привычки, фатство. Ну, продолжалъ бы свое поприще въ Петербургѣ, коли ужъ такой у него складъ... А, впрочемъ, Богъ съ

нимъ совсѣмъ! Я нашелъ довольно рѣдкій экземпляръ водяного жука, Dytiscus marginatus, знаешь? Я тебѣ его покажу.

— Я тебѣ обѣщался разсказать его исторію, — началъ Аркадій.

— Исторію жука?

— Ну, полно, Евгеній. Исторію моего дяди. Ты увидишь, что онъ не такой человѣкъ, какимъ ты его воображаешь. Онъ скорѣе сожалѣнія достоинъ, чѣмъ насмѣшки.

— Я не спорю; да что онъ тебѣ такъ дался?

— Надо быть справедливымъ, Евгеній.

— Это изъ чего слѣдуетъ?

— Нѣтъ, слушай...

И Аркадій разсказалъ ему исторію своего дяди. Читатель найдетъ ее въ слѣдующей главѣ.

VII.

Павелъ Петровичъ Кирсановъ воспитывался сперва дома, такъ же какъ и младшій братъ его, Николай, потомъ въ пажескомъ корпусѣ. Онъ съ дѣтства отличался замѣчательною красотой; къ тому же онъ былъ самоувѣренъ, немного насмѣшливъ и какъ-то забавно-жёлченъ—онъ не могъ не нравиться. Онъ началъ появляться всюду, какъ только вышелъ въ офицеры. Его носили на рукахъ, и онъ самъ себя баловалъ, даже дурачился, даже ломался; но и это къ нему шло. Женщины отъ него съ ума сходили, мужчины называли его фатомъ и втайнѣ завидовали ему. Онъ жилъ, какъ уже сказано, на одной квартирѣ съ братомъ, котораго любилъ искренно, хотя нисколько на него не походилъ. Николай Петровичъ прихрамывалъ, черты имѣлъ маленькія, пріятныя, но нѣсколько грустныя, небольшіе черные глаза и мягкіе жидкіе волосы; онъ охотно лѣнился, но и читалъ охотно, и боялся общества. Павелъ Петровичъ ни одного вечера не проводилъ дома, славился смѣлостію и ловкостію (онъ ввелъ было гимнастику въ моду между свѣтскою молодежью) и прочелъ всего пять, шесть французскихъ книгъ. На двадцать-восьмомъ году

отъ роду онъ уже былъ капитаномъ; блестящая карьера ожидала его. Вдругъ все измѣнилось.

Въ то время въ петербургскомъ свѣтѣ изрѣдка появлялась женщина, которую не забыли до сихъ поръ, княгиня Р. У ней былъ благовоспитанный и приличный, но глуповатый мужъ, и не было дѣтей. Она внезапно уѣзжала за границу, внезапно возвращалась въ Россію, вообще вела странную жизнь. Она слыла за легкомысленную кокетку, съ увлеченіемъ предавалась всякаго рода удовольствіямъ, танцовала до упаду, хохотала и шутила съ молодыми людьми, которыхъ принимала передъ обѣдомъ въ полумракѣ гостиной, а по ночамъ плакала и молилась, не находила нигдѣ покою, и часто до самаго утра металась по комнатѣ, тоскливо ломая руки, или сидѣла, вся блѣдная и холодная, надъ псалтыремъ. День наставалъ, и она снова превращалась въ свѣтскую даму, снова выѣзжала, смѣялась, болтала и точно бросалась навстрѣчу всему, что̀ могло доставить ей малѣйшее развлеченіе. Она была удивительно сложена; ея коса золотого цвѣта и тяжелая, какъ золото, падала ниже колѣнъ, но красавицей ее никто бы не назвалъ; во всемъ ея лицѣ только и было хорошаго, что̀ глаза, и даже не самые глаза—они были не велики и сѣры—но взглядъ ихъ, быстрый и глубокій, безпечный до удали и задумчивый до унынія,—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ, даже тогда, когда языкъ ея лепеталъ самыя пустыя рѣчи. Одѣвалась она изысканно. Павелъ Петровичъ встрѣтилъ ее на одномъ балѣ, протанцовалъ съ ней мазурку, въ теченіе которой она не сказала ни одного путнаго слова, и влюбился въ нее страстно. Привыкшій къ побѣдамъ, онъ и тутъ скоро достигъ своей цѣли; но легкость торжества не охладила его. Напротивъ: онъ еще мучительнѣе, еще крѣпче привязался къ этой женщинѣ, въ которой, даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще какъ будто оставалось что-то завѣтное и недоступное, куда никто не могъ проникнуть. Что̀ гнѣздилось въ этой душѣ,—Богъ вѣсть! Казалось, она находилась во власти какихъ-то тайныхъ, для

нея самой невѣдомыхъ силъ; онѣ играли ею, какъ хотѣли; ея небольшой умъ не могъ сладить съ ихъ прихотью. Все ея поведеніе представляло рядъ несообразностей; единственныя письма, которыя могли бы возбудить справедливыя подозрѣнія ея мужа, она написала къ человѣку почти ей чужому, а любовь ея отзывалась печалью: она уже не смѣялась и не шутила съ тѣмъ, кого избирала, и слушала его и глядѣла на него съ недоумѣніемъ. Иногда, большею частью внезапно, это недоумѣніе переходило въ холодный ужасъ; лицо ея принимало выраженіе мертвенное и дикое; она запиралась у себя въ спальнѣ, и горничная ея могла слышать, припавъ ухомъ къ замку, ея глухія рыданія. Не разъ, возвращаясь къ себѣ домой послѣ нѣжнаго свиданія, Кирсановъ чувствовалъ на сердцѣ ту разрывающую и горькую досаду, которая поднимается въ сердцѣ послѣ окончательной неудачи. „Чего же хочу я еще?“ спрашивалъ онъ себя, а сердце все ныло. Онъ однажды подарилъ ей кольцо съ вырѣзаннымъ на камнѣ сфинксомъ.

— Что это?—спросила она:—сфинксъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—и этотъ сфинксъ—вы.

— Я?—спросила она, и медленно подняла на него свой загадочный взглядъ.—Знаете ли, что это очень лестно?—прибавила она съ незначительною усмѣшкой, а глаза глядѣли все такъ же странно.

Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладѣла къ нему, а это случилось довольно скоро, онъ чуть съ ума не сошелъ. Онъ терзался и ревновалъ, не давалъ ей покою, таскался за ней повсюду; ей надоѣло его неотвязное преслѣдованіе, и она уѣхала за границу. Онъ вышелъ въ отставку, несмотря на просьбы пріятелей, на увѣщанія начальниковъ, и отправился вслѣдъ за княгиней; года четыре провелъ онъ въ чужихъ краяхъ, то гоняясь за нею, то съ намѣреніемъ теряя ее изъ виду; онъ стыдился самого себя, онъ негодовалъ на свое малодушіе... но ничто не помогало. Ея образъ, этотъ непонятный, почти безсмысленный, но обаятельный образъ слишкомъ глубоко внѣд-

рился въ его душу. Въ Баденѣ онъ какъ-то опять сошелся съ нею попрежнему; казалось, никогда еще она такъ страстно его не любила... но черезъ мѣсяцъ все уже было кончено: огонь вспыхнулъ въ послѣдній разъ, и угасъ навсегда. Предчувствуя неизбѣжную разлуку, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, остаться ея другомъ, какъ будто дружба съ такою женщиной была возможна... Она тихонько выѣхала изъ Бадена, и съ тѣхъ поръ постоянно избѣгала Кирсанова. Онъ вернулся въ Россію, попытался зажить старою жизнью, но уже не могъ попасть въ прежнюю колею. Какъ отравленный, бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка; онъ могъ похвастаться двумя, тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ. Онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть по вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ, стало для него потребностію,—знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи; въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣй. Однажды, за обѣдомъ, въ клубѣ, Павелъ Петровичъ узналъ о смерти княгини Р. Она скончалась въ Парижѣ, въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Онъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатамъ клуба, останавливаясь, какъ вкопанный, близъ карточныхъ игроковъ, но не вернулся домой раньше обыкновеннаго. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ пакетъ, адресованный на его имя: въ немъ находилось данное имъ княгинѣ кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту, и велѣла ему сказать, что крестъ— вотъ разгадка.

Это случилось въ началѣ 48-го года, въ то самое время, когда Николай Петровичъ, лишившись жены, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Павелъ Петровичъ почти не видался съ братомъ съ тѣхъ поръ, какъ тотъ поселился въ деревнѣ: свадьба Николая Петровича совпала съ самыми первыми

днями знакомства Павла Петровича съ княгиней. Вернувшись изъ-за границы, онъ отправился къ нему съ намѣреніемъ погостить у него мѣсяца два, полюбоваться его счастіемъ, но выжилъ у него одну только недѣлю. Различіе въ положеніи обоихъ братьевъ было слишкомъ велико. Въ 48-мъ году это различіе уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ выросталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ, вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній похожихъ на надежды, надеждъ похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не настала.

Это время было труднѣе для Павла Петровича, чѣмъ для всякаго другого: потерявъ свое прошедшее, онъ все потерялъ.

— Я не зову теперь тебя въ Марьино, — сказалъ ему однажды Николай Петровичъ (онъ назвалъ свою деревню этимъ именемъ въ честь жены): — ты и при покойницѣ тамъ соскучился, а теперь ты, я думаю, тамъ съ тоски пропадешь.

— Я былъ еще глупъ и суетливъ тогда,—отвѣчалъ Павелъ Петровичъ: — съ тѣхъ поръ я угомонился, если не поумнѣлъ. Теперь, напротивъ, если ты позволишь, я готовъ навсегда у тебя поселиться.

Вмѣсто отвѣта, Николай Петровичъ обнялъ его; но полтора года прошло послѣ этого разговора, прежде чѣмъ Павелъ Петровичъ рѣшился осуществить свое намѣреніе. Зато, поселившись однажды въ деревнѣ, онъ уже не покидалъ ея, даже и въ тѣ три зимы, которыя Николай Петровичъ провелъ въ Петербургѣ съ сыномъ. Онъ сталъ читать, все больше по-англійски; онъ вообще всю жизнь свою устроилъ на англійскій вкусъ, рѣдко видался съ сосѣдями и выѣзжалъ только на выборы, гдѣ онъ большею частію помалчивалъ, лишь изрѣдка дразня и пугая помѣщиковъ стараго покроя либеральными выходками и не сближаясь съ представителями новаго поколѣнія. И тѣ, и

другіе считали его гордецомъ; и тѣ, и другіе его уважали за его отличныя, аристократическія манеры, за слухи о его побѣдахъ; за то, что онъ прекрасно одѣвался и всегда останавливался въ лучшемъ номерѣ лучшей гостиницы; за то, что онъ вообще хорошо обѣдалъ, а однажды даже пообѣдалъ съ Веллингтономъ у Людовика-Филиппа; за то, что онъ всюду возилъ съ собою настоящій серебряный несессеръ и походную ванну; за то, что отъ него пахло какими-то необыкновенными, удивительно „благородными" духами; за то, что онъ мастерски игралъ въ вистъ и всегда проигрывалъ; наконецъ, его уважали также за его безукоризненную честность. Дамы находили его очаровательнымъ меланхоликомъ, но онъ не знался съ дамами...

— Вотъ, видишь ли, Евгеній, — промолвилъ Аркадій, оканчивая свой разсказъ:—какъ несправедливо ты судишь о дядѣ! Я уже не говорю о томъ, что онъ не разъ выручалъ отца изъ бѣды, отдавалъ ему всѣ свои деньги,— имѣніе, ты, можетъ-быть, не знаешь, у нихъ не раздѣлено,—но онъ всякому радъ помочь и, между прочимъ, всегда вступается за крестьянъ: правда, говоря съ ними, онъ морщится и нюхаетъ одеколонъ...

— Извѣстное дѣло: нервы,—перебилъ Базаровъ.

— Можетъ-быть, только у него сердце предоброе. И онъ далеко не глупъ. Какіе онъ мнѣ давалъ полезные совѣты... особенно... особенно насчетъ отношеній къ женщинамъ.

— Ага! На своемъ молокѣ обжегся, на чужую воду дуетъ. Знаемъ мы это!

— Ну, словомъ, — продолжалъ Аркадій: — онъ глубоко несчастливъ, повѣрь мнѣ; презирать его—грѣшно.

— Да кто его презираетъ?—возразилъ Базаровъ.—А я все-таки скажу, что человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этакой человѣкъ — не мужчина, но самецъ. Ты говоришь, что онъ несчастливъ: тебѣ лучше знать; но дурь изъ него не вся вышла. Я увѣренъ, что онъ не шутя воображаетъ себя дѣльнымъ человѣкомъ,

потому что читаетъ Галиньяшку и разъ въ мѣсяцъ избавитъ мужика отъ экзекуціи.

— Да вспомни его воспитаніе, время, въ которомъ онъ жилъ,—замѣтилъ Аркадій.

— Воспитаніе? — подхватилъ Базаровъ. — Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ, — ну, хоть какъ я, напримѣръ... А что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня. Нѣтъ, братъ, все это распущенность, пустота! И что за таинственныя отношенія между мужчиной и женщиной? Мы, физіологи, знаемъ, какія это отношенія. Ты проштудируй-ка анатомію глаза: откуда тутъ взяться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество. Пойдемъ лучше смотрѣть жука.

И оба пріятеля отправились въ комнату Базарова, въ которой уже успѣлъ установиться какой-то медицинско-хирургическій запахъ, смѣшанный съ запахомъ дешеваго табаку.

VIII.

Павелъ Петровичъ недолго присутствовалъ при бесѣдѣ брата съ управляющимъ, высокимъ и худымъ человѣкомъ, съ сладкимъ, чахоточнымъ голосомъ и плутовскими глазами, который на всѣ замѣчанія Николая Петровича отвѣчалъ: „помилуйте-съ, извѣстное дѣло-съ“, и старался представить мужиковъ пьяницами и ворами. Недавно заведенное на новый ладъ хозяйство скрипѣло какъ немазанное колесо, трещало какъ домодѣланная мебель изъ сырого дерева. Николай Петровичъ не унывалъ, по частенько вздыхалъ и задумывался: онъ чувствовалъ, что безъ денегъ дѣло не пойдетъ, а деньги у него почти всѣ перевелись. Аркадій сказалъ правду: Павелъ Петровичъ не разъ помогалъ своему брату; не разъ, видя какъ онъ бился и ломалъ себѣ голову, придумывая какъ бы извернуться, Павелъ Петровичъ медленно подходилъ къ окну и, засунувъ руки въ карманы, бормоталъ сквозь зубы: „mais je puis vous donner de l'argent“, и давалъ ему де-

негъ; но въ этотъ день у него самого ничего не было, и онъ предпочелъ удалиться. Хозяйственныя дрязги наводили на него тоску; притомъ ему постоянно казалось, что Николай Петровичъ, несмотря на все свое рвеніе и трудолюбіе, не такъ принимается за дѣло, какъ бы слѣдовало; хотя указать, въ чемъ собственно ошибается Николай Петровичъ, онъ не сумѣлъ бы. „Братъ не довольно практиченъ", разсуждалъ онъ самъ съ собою: „его обманываютъ". Николай Петровичъ, напротивъ, былъ высокаго мнѣніи о практичности Павла Петровича и всегда спрашивалъ его совѣта. „Я человѣкъ мягкій, слабый, вѣкъ свой провелъ въ глуши", говаривалъ онъ: „а ты не даромъ такъ много жилъ съ людьми, ты ихъ хорошо знаешь: у тебя орлиный взглядъ". Павелъ Петровичъ въ отвѣтъ на эти слова только отворачивался, но не разувѣрялъ брата.

Оставивъ Николая Петровича въ кабинетѣ, онъ отправился по коридору, отдѣлявшему переднюю часть дома отъ задней, и, поровнявшись съ низенькою дверью, остановился въ раздумьи, подергалъ себѣ усы и постучался въ нее.

— Кто тамъ? Войдите,—раздался голосъ Ѳенички.

— Это я,—проговорилъ Павелъ Петровичъ и отворилъ дверь.

Ѳеничка вскочила со стула, на которомъ она усѣлась съ своимъ ребенкомъ и, передавъ его на руки дѣвушки, которая тотчасъ же вынесла его вонъ изъ комнаты, торопливо поправила свою косынку.

— Извините, если я помѣшалъ,—началъ Павелъ Петровичъ, не глядя на нее:—мнѣ хотѣлось только попросить васъ... сегодня, кажется, въ городъ посылаютъ... велите купить для меня зеленаго чаю.

— Слушаю-съ,—отвѣчала Ѳеничка:—сколько прикажете купить?

— Да полфунта довольно будетъ, я полагаю. А у васъ здѣсь, я вижу, перемѣна, — прибавилъ онъ, бросивъ вокругъ быстрый взглядъ, который скользнулъ и по лицу Ѳенички.—Занавѣски вотъ,—промолвилъ онъ, видя, что она его не понимаетъ.

— Да-съ, занавѣски; Николай Петровичъ намъ ихъ пожаловалъ; да ужъ онѣ давно повѣшены.

— Да и я у васъ давно не былъ. Теперь у васъ здѣсь очень хорошо.

— По милости Николая Петровича, — шепнула Ѳеничка.

— Вамъ здѣсь лучше, чѣмъ въ прежнемъ флигелькѣ?— спросилъ Павелъ Петровичъ вѣжливо, но безъ малѣйшей улыбки.

— Конечно, лучше-съ.

— Кого теперь на ваше мѣсто помѣстили?

— Теперь тамъ прачки.

— А!

Павелъ Петровичъ умолкъ. „Теперь уйдетъ“, думала Ѳеничка; но онъ не уходилъ, и она стояла передъ нимъ, какъ вкопанная, слабо перебирая пальцами.

— Отчего вы велѣли вашего маленькаго вынести?—заговорилъ наконецъ Павелъ Петровичъ.—Я люблю дѣтей: покажите-ка мнѣ его.

Ѳеничка вся покраснѣла отъ смущенія и отъ радости. Она боялась Павла Петровича: онъ почти никогда не говорилъ съ ней.

— Дуняша, — кликнула она: — принесите Митю (Ѳеничка всѣмъ въ домѣ говорила *вы*). А не то погодите; надо ему платьице надѣть.

Ѳеничка направилась къ двери.

— Да все равно,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Я сейчасъ,—отвѣтила Ѳеничка, и проворно вышла.

Павелъ Петровичъ остался одинъ, и на этотъ разъ съ особеннымъ вниманіемъ оглянулся кругомъ. Небольшая, низенькая комнатка, въ которой онъ находился, была очень чиста и уютна. Въ ней пахло недавно выкрашеннымъ поломъ, ромашкой и мелиссой. Вдоль стѣнъ стояли стулья съ задками въ видѣ лиръ; они были куплены еще покойникомъ генераломъ въ Польшѣ, во время похода; въ одномъ углу возвышалась кроватка подъ кисейнымъ пологомъ, рядомъ съ кованнымъ сундукомъ съ круглою крышкой. Въ противоположномъ углу горѣла лампадка пе-

редъ большимъ темнымъ образомъ Николая Чудотворца; крошечное фарфоровое личко на красной лентѣ висѣло на груди святого, прицѣпленное къ сіянію; на окнахъ банки съ прошлогоднимъ вареньемъ, тщательно завязанныя, сквозили зеленымъ свѣтомъ; на бумажныхъ ихъ крышкахъ сама Ѳеничка написала крупными буквами: „кружовникъ“; Николай Петровичъ любилъ особенно это варенье. Подъ потолкомъ, на длинномъ шнуркѣ, висѣла клѣтка съ короткохвостымъ чижомъ; онъ безпрестанно чирикалъ и прыгалъ, и клѣтка безпрестанно качалась и дрожала: конопляныя зерна, съ легкимъ стукомъ, падали на полъ. Въ простѣнкѣ, надъ небольшимъ комодомъ, висѣли довольно плохіе фотографическіе портреты Николая Петровича въ разныхъ положеніяхъ, сдѣланные заѣзжимъ художникомъ; тутъ же висѣла фотографія самой Ѳенички, совершенно не удавшаяся: какое-то безглазое лицо напряженно улыбалось въ темной рамочкѣ,—больше ничего нельзя было разобрать; а надъ Ѳеничкой—Ермоловъ, въ буркѣ, грозно хмурился на отдаленныя Кавказскія горы, изъ-подъ шелковаго башмачка для булавокъ, падавшаго ему на самый лобъ.

Прошло минутъ пять; въ сосѣдней комнатѣ слышался шелестъ и шопотъ. Павелъ Петровичъ взялъ съ комода замасленную книгу, разрозненный томъ *Стрѣльцовъ* Масальскаго, перевернулъ нѣсколько страницъ... Дверь отворилась, и вошла Ѳеничка съ Митей на рукахъ. Она надѣла на него красную рубашечку съ галуномъ на воротѣ, причесала его волосики и утерла лицо: онъ дышалъ тяжело, порывался всѣмъ тѣломъ и подергивалъ ручонками, какъ это дѣлаютъ всѣ здоровыя дѣти; но щегольская рубашечка видимо на него подѣйствовала: выраженіе удовольствія отражалось на всей его пухлой фигуркѣ. Ѳеничка и свои волосы привела въ порядокъ, и косынку надѣла получше; но она могла бы остаться, какъ была. И въ самомъ дѣлѣ, есть ли на свѣтѣ что-нибудь плѣнительнѣе молодой, красивой матери съ здоровымъ ребенкомъ на рукахъ?

— Экой бутузъ,—снисходительно проговорилъ Павелъ

Петровичъ, и пощекоталъ двойной подбородокъ Мити концомъ длиннаго ногтя на указательномъ пальцѣ; ребенокъ уставился на чижа, и засмѣялся.

— Это дядя, — промолвила Ѳеничка, склоняя къ нему свое лицо и слегка его встряхивая, между тѣмъ какъ Дуняша тихонько ставила на окно зажженную курительную свѣчку, подложивши подъ нее грошъ.

— Сколько, бишь, ему мѣсяцевъ? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Шесть мѣсяцевъ; скоро вотъ седьмой пойдетъ, одиннадцатаго числа.

— Не восьмой ли, Ѳедосья Николаевна?—не безъ робости вмѣшалась Дуняша.

— Нѣтъ, седьмой; какъ можно! — Ребенокъ опять засмѣялся, уставился на сундукъ, и вдругъ схватилъ свою мать всею пятерней за носъ и за губы. — Баловникъ,—проговорила Ѳеничка, не отодвигая лица отъ его пальцевъ.

— Онъ похожъ на брата, — замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

„На кого жъ ему и походить?“ подумала Ѳеничка.

— Да,—продолжалъ, какъ бы говоря съ самимъ собой, Павелъ Петровичъ:—несомнѣнное сходство.

Онъ внимательно, почти печально посмотрѣлъ на Ѳеничку.

— Это дядя,—повторила она, уже шопотомъ.

— А! Павелъ! вотъ гдѣ ты! — раздался вдругъ голосъ Николая Петровича.

Павелъ Петровичъ торопливо обернулся и нахмурился; но братъ его такъ радостно, съ такою благодарностью глядѣлъ на него, что онъ не могъ не отвѣтить ему улыбкой.

— Славный у тебя мальчуганъ, — промолвилъ онъ и посмотрѣлъ на часы:—а я завернулъ сюда насчетъ чаю...

И принявъ равнодушное выраженіе, Павелъ Петровичъ тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Самъ собою зашелъ? — спросилъ Ѳеничку Николай Петровичъ.

— Сами-съ; постучались и вошли.

— Ну, а Аркаша больше у тебя не былъ?

— Не былъ. Не перейти ли мнѣ во флигель, Николай Петровичъ?

— Это зачѣмъ?

— Я думаю, не лучше ли будетъ на первое время.

— Н... нѣтъ,—произнесъ съ запинкой Николай Петровичъ и потеръ себѣ лобъ. — Надо было прежде... Здравствуй, пузырь,—проговорилъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ и, приблизившись къ ребенку, поцѣловалъ его въ щеку; потомъ онъ нагнулся немного и приложилъ губы къ Ѳеничкиной рукѣ, бѣлѣвшей какъ молоко на красной рубашечкѣ Мити.

— Николай Петровичъ! что вы это?—пролепетала она и опустила глаза, потомъ тихонько подняла ихъ... Прелестно было выраженіе ея глазъ, когда она глядѣла какъ бы исподлобья, да посмѣивалась ласково и немножко глупо.

Николай Петровичъ познакомился съ Ѳеничкой слѣдующимъ образомъ. Однажды, года три тому назадъ, ему пришлось ночевать на постояломъ дворѣ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ. Его пріятно поразила чистота отведенной ему комнаты, свѣжесть постельнаго бѣлья: ужъ не нѣмка ли здѣсь хозяйка? пришло ему на мысль; но хозяйкой оказалась русская, женщина лѣтъ пятидесяти, опрятно одѣтая, съ благообразнымъ умнымъ лицомъ и степенною рѣчью. Онъ разговорился съ нею за чаемъ; очень она ему понравилась. Николай Петровичъ въ то время только что переселился въ новую свою усадьбу и, не желая держать при себѣ крѣпостныхъ людей, искалъ наемныхъ; хозяйка, съ своей стороны, жаловалась на малое число проѣзжающихъ въ городѣ, на тяжелыя времена; онъ предложилъ ей поступить къ нему въ домъ, въ качествѣ экономки; она согласилась. Мужъ у ней давно умеръ, оставилъ ей одну только дочь, Ѳеничку. Недѣли черезъ двѣ, Арина Савишна (такъ звали новую экономку), прибыла вмѣстѣ съ дочерью въ Марьино, и поселилась во флигелькѣ. Выборъ Николая Петровича ока-

зался удачнымъ. Арина завела порядокъ въ домѣ. О Ѳеничкѣ, которой тогда минулъ уже семнадцатый годъ, никто не говорилъ, и рѣдкій ее видѣлъ: она жила тихонько, скромненько, и только по воскресеньямъ Николай Петровичъ замѣчалъ въ приходской церкви, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тонкій профиль ея бѣленькаго лица. Такъ прошло болѣе года.

Въ одно утро Арина явилась къ нему въ кабинетъ, и по обыкновенію, низко поклонившись, спросила его, не можетъ ли онъ помочь ея дочкѣ, которой искра изъ печки попала въ глазъ. Николай Петровичъ, какъ всѣ домосѣды, занимался лѣченіемъ и даже выписалъ гомеопатическую аптечку. Онъ тотчасъ велѣлъ Аринѣ привести больную. Узнавъ, что баринъ ее зоветъ, Ѳеничка очень перетрусилась, однако пошла за матерью. Николай Петровичъ, подвелъ ее къ окну и взялъ ее обѣими руками за голову. Разсмотрѣвъ хорошенько ея покраснѣвшій и воспаленный глазъ, онъ прописалъ ей примочку, которую тутъ же самъ составилъ и, разорвавъ на части свой платокъ, показалъ ей какъ надо примачивать. Ѳеничка выслушала его и хотѣла выйти. „Поцѣлуй же ручку у барина, глупенькая“, сказала ей Арина. Николай Петровичъ не далъ ей своей руки и, сконфузившись, самъ поцѣловалъ ее въ наклоненную голову, въ проборъ. Ѳеничкинъ глазъ скоро выздоровѣлъ, но впечатлѣніе, произведенное ею на Николая Петровича, прошло не скоро. Ему все мерещилось это чистое, нѣжное, боязливо приподнятое лицо; онъ чувствовалъ подъ ладонями рукъ своихъ эти мягкіе волосы, видѣлъ эти невинныя, слегка раскрытыя губы, изъ-за которыхъ влажно блистали на солнцѣ жемчужные зубки. Онъ началъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ глядѣть на нее въ церкви, старался заговаривать съ нею. Сначала она его дичилась, и однажды, передъ вечеромъ, встрѣтивъ его на узкой тропинкѣ, проложенной пѣшеходами черезъ ржаное поле, зашла въ высокую, густую рожь, поросшую полынью и васильками, чтобы только не попасться ему на глаза. Онъ увидалъ ея головку сквозь золотую сѣтку колосьевъ, откуда она высматривала, какъ звѣрокъ, и ласково крикнулъ ей:

— Здравствуй, Ѳеничка! Я не кусаюсь.

— Здравствуйте,—прошептала она, не выходя изъ своей засады.

Понемногу она стала привыкать къ нему, но все еще робѣла въ его присутствіи, какъ вдругъ ея мать Арина умерла отъ холеры. Куда было дѣваться Ѳеничкѣ? Она наслѣдовала отъ своей матери любовь къ порядку, разсудительность и степенность; но она была такъ молода, такъ одинока; Николай Петровичъ былъ самъ такой добрый и скромный... Остальное досказывать нечего...

— Такъ-таки братъ къ тебѣ и вошелъ?—спрашивалъ ее Николай Петровичъ.—Постучался и вошелъ?

— Да-съ.

— Ну, это хорошо. Дай-ка мнѣ покачать Митю.

И Николай Петровичъ началъ его подбрасывать почти подъ самый потолокъ, къ великому удовольствію малютки и къ немалому безпокойству матери, которая, при всякомъ его взлетѣ, протягивала руки къ обнажавшимся его ножкамъ.

А Павелъ Петровичъ вернулся въ свой изящный кабинетъ, оклеенный по стѣнамъ красивыми обоями дикаго цвѣта, съ развѣшаннымъ оружіемъ на пестромъ персидскомъ коврѣ, съ орѣховою мебелью, обитой темно-зеленымъ трипомъ, съ библіотекой renaissance изъ стараго чернаго дуба, съ бронзовыми статуэтками на великолѣпномъ письменномъ столѣ, съ каминомъ... Онъ бросился на диванъ, заложилъ руки за голову и остался неподвиженъ, почти съ отчаяньемъ глядя въ потолокъ. Захотѣлъ ли онъ скрыть отъ самыхъ стѣнъ, что у него происходило на лицѣ, по другой ли какой причинѣ, только онъ всталъ, отстегнулъ тяжелыя занавѣски оконъ, и опять бросился на диванъ.

IX.

Въ тотъ же день и Базаровъ познакомился съ Ѳеничкой. Онъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ ходилъ по саду и толковалъ ему, почему иныя деревца, особенно дубки, не принялись.

— Надо серебристыхъ тополей побольше здѣсь сажать да елокъ, да пожалуй липокъ, подбавивши чернозему. Вонъ бесѣдка принялась хорошо,—прибавилъ онъ:—потому что акація да сирень—ребята добрые, ухода не требуютъ. Ба! да тутъ кто-то есть.

Въ бесѣдкѣ сидѣла Ѳеничка съ Дуняшей и Митей. Базаровъ остановился, а Аркадій кивнулъ головою Ѳеничкѣ, какъ старый знакомый.

— Кто это?—спросилъ его Базаровъ, какъ только они прошли мимо.—Какая хорошенькая!

— Да ты о комъ говоришь?

— Извѣстно о комъ: одна только хорошенькая.

Аркадій, не безъ замѣшательства, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, кто была Ѳеничка.

— Ага!—промолвилъ Базаровъ:—у твоего отца видно губа не дура. А онъ мнѣ нравится, твой отецъ, ей-ей! Онъ молодецъ. Однако надо познакомиться, — прибавилъ онъ, и отправился назадъ къ бесѣдкѣ.

— Евгеній!—съ испугомъ крикнулъ ему во слѣдъ Аркадій:—осторожнѣй, ради Бога.

— Не волнуйся, — проговорилъ Базаровъ: — народъ мы тертый, въ городахъ живали.

Приблизясь къ Ѳеничкѣ, онъ скинулъ картузъ.

— Позвольте представиться,—началъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ: — Аркадію Николаичу пріятель и человѣкъ смирный.

Ѳеничка приподнялась со скамейки и глядѣла на него молча.

— Какой ребенокъ чудесный!—продолжалъ Базаровъ.—Не безпокойтесь, я еще никого не сглазилъ. Что̀ это у него щеки такія красныя? Зубки, что ли, прорѣзаются?

— Да-съ, — промолвила Ѳеничка: — четверо зубковъ у него уже прорѣзались, а теперь вотъ десны опять припухли.

— Покажите-ка... да вы не бойтесь, я докторъ.

Базаровъ взялъ на руки ребенка, который, къ удивленію и Ѳенички, и Дуняши, не оказалъ никакого сопротивленія и не испугался.

— Вижу, вижу... Ничего, все въ порядкѣ: зубастый будетъ. Если что̀ случится, скажите мнѣ. А сами вы здоровы?

— Здорова, слава Богу.

— Слава Богу—лучше всего. А вы?—прибавилъ Базаровъ: обращаясь къ Дуняшѣ.

Дуняша, дѣвушка очень строгая въ хоромахъ и хохотунья за воротами, только фыркнула ему въ отвѣтъ.

— Ну и прекрасно. Вотъ вамъ вашъ богатырь.

Ѳеничка приняла ребенка къ себѣ на руки.

— Какъ онъ у васъ тихо сидѣлъ, — промолвила она вполголоса.

— У меня всѣ дѣти тихо сидятъ, — отвѣчалъ Базаровъ: — я такую штуку знаю.

— Дѣти чувствуютъ, кто ихъ любитъ, — замѣтила Дуняша.

— Это точно, — подтвердила Ѳеничка. — Вотъ и Митя, къ иному ни за что̀ на руки не пойдетъ.

— А ко мнѣ пойдетъ? — спросилъ Аркадій, который, постоявъ нѣкоторое время въ отдаленіи, приблизился къ бесѣдкѣ.

Онъ поманилъ къ себѣ Митю, но Митя откинулъ голову назадъ и запищалъ, что̀ очень смутило Ѳеничку.

— Въ другой разъ, — когда привыкнуть успѣетъ, — снисходительно промолвилъ Аркадій, и оба пріятеля удалились.

— Какъ, бишь, ее зовутъ?—спросилъ Базаровъ.

— Ѳеничкой... Ѳедосьей,—отвѣтилъ Аркадій.

— А по батюшкѣ... Это тоже нужно знать.

— Николаевной.

— *Bene*. Мнѣ нравится въ ней то, что она не слишкомъ конфузится. Иной, пожалуй, это-то и осудилъ бы въ ней. Что̀ за вздоръ? чего конфузиться? Она мать—ну, и права.

— Она-то права,—замѣтилъ Аркадій:—но вотъ отецъ мой...

— И онъ правъ,—перебилъ Базаровъ.

— Ну, нѣтъ, я не нахожу.

— Видно, лишній наслѣдничекъ намъ не понутру!

— Какъ тебѣ не стыдно предполагать во мнѣ такія мысли!—съ жаромъ подхватилъ Аркадій.—Я не съ этой точки зрѣнія почитаю отца неправымъ; я нахожу, что онъ долженъ бы жениться на ней.

— Эге-ге!—спокойно проговорилъ Базаровъ.—Вотъ мы какіе великодушные! Ты придаешь еще значеніе браку; я этого отъ тебя не ожидалъ.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ въ молчаньи.

— Видѣлъ я всѣ заведенія твоего отца,—началъ опять Базаровъ.—Скотъ плохой, и лошади разбитыя. Строенія тоже подгуляли, и работники смотрятъ отъявленными лѣнивцами; а управляющій либо дуракъ, либо плутъ, я еще не разобралъ хорошенько.

— Строгъ же ты сегодня, Евгеній Васильевичъ.

— И добрые мужички надуютъ твоего отца всенепремѣнно. Знаешь поговорку: „русскій мужикъ Бога слопаетъ“.

— Я начинаю соглашаться съ дядей,—замѣтилъ Аркадій:—ты рѣшительно дурного мнѣнія о русскихъ.

— Эка важность! Русскій человѣкъ только тѣмъ и хорошъ, что онъ самъ о себѣ прескверпаго мнѣнія. Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

— И природа пустяки?—проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенныя уже невысокимъ солнцемъ.

— И природа пустяки, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ.

Медлительные звуки віолончели долетѣли до нихъ изъ дома въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ съ чувствомъ, хотя и неопытною рукою, *Ожиданіе* Шуберта, и медомъ разливалась по воздуху сладостная мелодія.

— Это что?—произнесъ съ изумленіемъ Базаровъ.

— Это отецъ.

— Твой отецъ играетъ на віолончели?

— Да.

— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

— Сорокъ-четыре.

Базаровъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣешься?

— Помилуй! въ сорокъ-четыре года человѣкъ, pater familias, въ ...мъ уѣздѣ—играетъ на віолончели!

Базаровъ продолжалъ хохотать; но Аркадій, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбнулся.

X.

Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьинѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадій сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ и отрывочнымъ рѣчамъ. Ѳеничка, въ особенности, до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью велѣла разбудить его: съ Митей сдѣлались судороги; и онъ пришелъ, по обыкновенію полушутя, полузѣвая, просидѣлъ у ней часа два и помогъ ребенку. Зато Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодого „нигилиста“ и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадія; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собой микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и искоса, значительно посматривала на него, пробѣгая мимо „перепелочкой“; Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу, человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ по складамъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ — и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворо-

вые мальчишки бѣгали за „дохтуромъ“, какъ собачонки. Одинъ старикъ Прокофьичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его „живодеромъ“ и „прощелыгой“ и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами—настоящая свинья въ кустѣ. Прокофьичъ, по-своему, былъ аристократъ не хуже Павла Петровича.

Наступили лучшіе дни въ году—первые дни іюня. Погода стояла прекрасная; правда, издали, грозилась опять холера, но жители ...ой губерніи успѣли уже привыкнуть къ ея посѣщеніямъ. Базаровъ вставалъ очень рано и отправлялся версты за двѣ, за три, не гулять—онъ прогулокъ безъ цѣли терпѣть не могъ — а собирать травы, насѣкомыхъ. Иногда онъ бралъ съ собой Аркадія. На возвратномъ пути у нихъ обыкновенно завязывался споръ, и Аркадій обыкновенно оставался побѣжденнымъ, хотя говорилъ больше своего товарища.

Однажды они какъ-то долго замѣшкались; Николай Петровичъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу въ садъ и, поровнявшись съ бесѣдкой, вдругъ услышалъ быстрые шаги и голоса обоихъ молодыхъ людей. Они шли по ту сторону бесѣдки и не могли его видѣть.

— Ты отца недостаточно знаешь,—говорилъ Аркадій.

Николай Петровичъ притаился.

— Твой отецъ добрый малый,—промолвилъ Базаровъ:—но онъ человѣкъ отставной, его пѣсенка спѣта.

Николай Петровичъ приникъ ухомъ... Аркадій ничего не отвѣчалъ.

„Отставной человѣкъ“ постоялъ минуты двѣ неподвижно и медленно поплелся домой.

— Третьяго дня, я смотрю, онъ Пушкина читаетъ, — продолжалъ между тѣмъ Базаровъ.—Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтикомъ въ нынѣшнее время! Дай ему что-нибудь дѣльное почитать.

— Что̀ бы ему дать?—спросилъ Аркадій.

— Да, я думаю, Бюхнерово „Stoff und Kraft“ на первый случай.

— Я самъ такъ думаю,—замѣтилъ одобрительно Аркадій.—„Stoff und Kraft“ написано популярнымъ языкомъ...

— Вотъ какъ, мы съ тобой,—говорилъ въ тотъ же день послѣ обѣда Николай Петровичъ своему брату, сидя у него въ кабинетѣ:—въ отставные люди попали, пѣсенка наша спѣта. Что жъ? Можетъ-быть, Базаровъ и правъ; но мнѣ, признаюсь, одно больно: я надѣялся именно теперь тѣсно и дружески сойтись съ Аркадіемъ, а выходитъ, что я остался назади, онъ ушелъ впередъ, и понять мы другъ друга не можемъ.

— Да почему онъ ушелъ впередъ? И чѣмъ онъ отъ насъ такъ ужъ очень отличается?—съ нетерпѣнемъ воскликнулъ Павелъ Петровичъ.—Это все ему въ голову синьоръ этотъ вбилъ, нигилистъ этотъ. Ненавижу я этого лѣкаришку; по-моему, онъ просто шарлатанъ; я увѣренъ, что со всѣми своими лягушками онъ и въ физикѣ недалеко ушелъ.

— Нѣтъ, братъ, ты этого не говори: Базаровъ уменъ и знающъ.

— И самолюбіе какое противное,—перебилъ опять Павелъ Петровичъ.

— Да,—замѣтилъ Николай Петровичъ:—онъ самолюбивъ. Но безъ этого, видно, нельзя; только вотъ чего я въ толкъ не возьму. Кажется, я все дѣлаю, чтобы не отстать отъ вѣка: крестьянъ устроилъ, ферму завелъ, такъ что даже меня во всей губерніи *краснымъ* величаютъ; читаю, учусь, вообще стараюсь стать въ уровень съ современными требованіями,—а они говорятъ, что пѣсенка моя спѣта. Да что, братъ, я самъ начинаю думать, что она точно спѣта.

— Это почему?

— А вотъ почему. Сегодня я сижу да читаю Пушкина... Помнится, *Цыгане* мнѣ попались... Вдругъ Аркадій подходитъ ко мнѣ и, молча, съ этакимъ ласковымъ сожалѣніемъ на лицѣ, тихонько, какъ у ребенка, отнялъ у меня книгу и положилъ передо мною другую, нѣмецкую... улыбнулся и ушелъ, и Пушкина унесъ.

— Вотъ какъ! Какую же онъ книгу тебѣ далъ?

— Вотъ эту.

И Николай Петровичъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука пресловутую брошюру Бюхнера, девятаго изданія.

Павелъ Петровичъ повертѣлъ ее въ рукахъ.

— Гм!—промычалъ онъ. — Аркадій Николаевичъ заботится о твоемъ воспитаніи. Что жъ, ты пробовалъ читать?

— Пробовалъ.

— Ну и что̀ же?

— Либо я глупъ, либо это все—вздоръ. Должно-быть, я глупъ.

— Да ты по-нѣмецки не забылъ? — спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Я по-нѣмецки понимаю.

Павелъ Петровичъ опять повертѣлъ книгу въ рукахъ и исподлобья взглянулъ на брата. Оба помолчали.

— Да, кстати, — началъ Николай Петровичъ, видимо желая перемѣнить разговоръ.—Я получилъ письмо отъ Колязина.

— Отъ Матвѣя Ильича?

— Отъ него. Онъ пріѣхалъ въ*** ревизовать губернію. Онъ теперь въ тузы вышелъ и пишетъ мнѣ, что желаетъ, по-родственному, повидаться съ нами и приглашаетъ насъ съ тобой и съ Аркадіемъ въ городъ.

— Ты поѣдешь?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ; а ты?

— И я не поѣду. Очень нужно тащиться за пятьдесятъ верстъ киселя ѣсть. Mathieu хочетъ показаться намъ во всей своей славѣ; чортъ съ нимъ! будетъ съ него губернскаго ѳиміама, обойдется безъ нашего. И велика важность, тайный совѣтникъ! Если бъ я продолжалъ служить, тянуть эту глупую лямку, я бы теперь былъ генералъ-адъютантомъ. Притомъ же, мы съ тобой отставные люди.

— Да, братъ; видно, пора гробъ заказывать и ручки складывать крестомъ на груди, — замѣтилъ со вздохомъ Николай Петровичъ.

— Ну, я такъ скоро не сдамся, — пробормоталъ его братъ.—У насъ еще будетъ схватка съ этимъ лѣкаремъ, я это предчувствую.

Схватка произошла въ тотъ же день за вечернимъ чаемъ. Павелъ Петровичъ сошелъ въ гостиную уже готовый къ бою, раздраженный и рѣшительный. Онъ ждалъ только предлога, чтобы накинуться на врага, но предлогъ долго не представлялся. Базаровъ вообще говорилъ мало въ присутствіи „старичковъ Кирсановыхъ“ (такъ онъ называлъ обоихъ братьевъ), а въ тотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя не въ духѣ и молча выпивалъ чашку за чашкой. Павелъ Петровичъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ; его желанія сбылись наконецъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. „Дрянь, аристократишко“, равнодушно замѣтилъ Базаровъ, который встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ.

— Позвольте васъ спросить, — началъ Павелъ Петровичъ, и губы его задрожали:—по вашимъ понятіямъ слова: „дрянь“ и „аристократъ“ одно и то же означаютъ?

— Я сказалъ: „аристократишко“,—проговорилъ Базаровъ, лѣниво отхлебывая глотокъ чаю.

— Точно такъ-съ; но я полагаю, что вы такого же мнѣнія объ аристократахъ, какъ и объ аристократишкахъ. Я считаю долгомъ объявить вамъ, что я этого мнѣнія не раздѣляю. Смѣю сказать, меня всѣ знаютъ за человѣка либеральнаго и любящаго прогрессъ; но именно потому я уважаю аристократовъ — настоящихъ. Вспомните, милостивый государь (при этихъ словахъ Базаровъ поднялъ глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь,—повторилъ онъ съ ожесточеніемъ:—англійскихъ аристократовъ. Они не уступаютъ іоты отъ правъ своихъ, и потому они уважаютъ права другихъ; они требуютъ исполненія обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и потому они сами исполняютъ *свои* обязанности. Аристократія дала свободу Англіи и поддерживаетъ ее.

— Слыхали мы эту пѣсню много разъ,—возразилъ Базаровъ:—но что̀ вы хотите этимъ доказать?

— Я *эфтимъ* хочу доказать, милостивый государь (Па-

велъ Петровичъ, когда сердился, съ намѣреніемъ говорилъ: „эфтимъ“ и „эфто“, хотя очень хорошо зналъ, что подобныхъ словъ грамматика не допускаетъ. Въ этой причудѣ сказывался остатокъ преданій Александровскаго времени. Тогдашніе тузы, въ рѣдкихъ случаяхъ, когда говорили на родномъ языкѣ, употребляли, одни — *эфто*, другіе—*эхто*: мы, молъ, коренные русаки, и въ то же время мы вельможи, которымъ позволяется пренебрегать школьными правилами) — я *эфтимъ* хочу доказать, что безъ чувства собственнаго достоинства, безъ уваженія къ самому себѣ, — а въ аристократѣ эти чувства развиты,— нѣтъ никакого прочнаго основанія общественному... bien public... общественному зданію. Личность, милостивый государь, — вотъ главное; человѣческая личность должна быть крѣпка, какъ скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, напримѣръ, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность, наконецъ, но это все проистекаетъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ, да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка.

— Позвольте, Павелъ Петровичъ, — промолвилъ Базаровъ: — вы вотъ уважаете себя и сидите сложа руки; какая жъ отъ этого польза для bien public? Вы бы не уважали себя и то же бы дѣлали.

Павелъ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— Это совершенно другой вопросъ. Мнѣ вовсе не приходится объяснять вамъ теперь, почему я сижу сложа руки, какъ вы изволите выражаться. Я хочу только сказать, что аристократизмъ — принсипъ, а безъ принсиповъ жить въ наше время могутъ одни безнравственные или пустые люди. Я говорилъ это Аркадію на другой день его пріѣзда и повторяю теперь вамъ. Не такъ ли, Николай?

Николай Петровичъ кивнулъ головой.

— Аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы,— говорилъ между тѣмъ Базаровъ: — подумаешь, сколько иностранныхъ... и безполезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ не нужны.

— Что же ему нужно по-вашему! Послушать васъ, такъ мы находимся внѣ человѣчества, внѣ его законовъ. Помилуйте—логика исторіи требуетъ...

— Да на что намъ эта логика? Мы и безъ нея обходимся.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Вы, я надѣсь, не нуждаетесь въ логикѣ для того, чтобы положить себѣ кусокъ хлѣба въ ротъ, когда вы голодны. Куда намъ до этихъ отвлеченностей!

Павелъ Петровичъ взмахнулъ руками.

— Я васъ не понимаю послѣ этого. Вы оскорбляете русскій народъ. Я не понимаю, какъ можно не признавать принсиповъ, правилъ? Въ силу чего же вы дѣйствуете?

— Я уже говорилъ вамъ, дядюшка, что мы не признаёмъ авторитетовъ,—вмѣшался Аркадій.

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаёмъ полезнымъ,—промолвилъ Базаровъ. — Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ.

— Все?

— Все.

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить...

— Все,—съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Павелъ Петровичъ уставился на него. Онъ этого не ожидалъ, а Аркадій даже покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Однако, позвольте, — заговорилъ Николай Петровичъ.—Вы все отрицаете, или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете... Да вѣдь надобно же и строить.

— Это уже не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить.

— Современное состояніе народа этого требуетъ, — съ важностью прибавилъ Аркадій: — мы должны исполнять эти требованія, мы не имѣемъ права предаваться удовлетворенію личнаго эгоизма.

Эта послѣдняя фраза, видимо, не понравилась База-

рову; отъ нея вѣяло философіей, то-есть, романтизмомъ, ибо Базаровъ и философію называлъ романтизмомъ, но онъ не почелъ за нужное опровергать своего молодого ученика.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ съ внезапнымъ порывомъ Павелъ Петровичъ:— я не хочу вѣрить, что вы, господа, точно знаете русскій народъ, что вы представители его потребностей, его стремленій! Нѣтъ, русскій народъ не такой, какимъ вы его воображаете. Онъ свято чтитъ преданія, онъ — патріархальный, онъ не можетъ жить безъ вѣры...

— Я не стану противъ этого спорить,—перебилъ Базаровъ:—я даже готовъ согласиться, что *въ этомъ* вы правы.

— А если я правъ...

— И все-таки это ничего не доказываетъ.

— Именно ничего не доказываетъ, — повторилъ Аркадій съ увѣренностью опытнаго шахматнаго игрока, котовый предвидѣлъ опытный, повидимому, ходъ противника, и потому нисколько не смутился.

— Какъ ничего не доказываетъ? — пробормоталъ изумленный Павелъ Петровичъ.—Стало-быть, вы идете противъ своего народа?

— А хоть бы и такъ? — воскликнулъ Базаровъ. — Народъ полагаетъ, что когда громъ гремитъ, это Илья пророкъ въ колесницѣ по небу разъѣзжаетъ. Что̀ жъ? Мнѣ соглашаться съ нимъ? Да притомъ—онъ русскій, а развѣ я самъ не русскій?

— Нѣтъ, вы не русскій послѣ всего, что̀ вы сейчасъ сказали! Я васъ за русскаго признать не могу.

— Мой дѣдъ землю пахалъ,—съ надменною гордостію отвѣчалъ Базаровъ. — Спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ,—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете.

— А вы говорите съ нимъ и презираете его въ то же время.

— Что жъ, коли онъ заслуживаетъ презрѣнія? Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во

мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?

— Какъ же! Очень нужны нигилисты!

— Нужны ли они, или нѣтъ — не намъ рѣшать. Вѣдь и вы считаете себя не безполезнымъ.

— Господа, господа, пожалуйста, безъ личностей!—воскликнулъ Николай Петровичъ и приподнялся.

Павелъ Петровичъ улыбнулся и, положивъ руку на плечо брату, заставилъ его снова сѣсть.

— Не безпокойся,—промолвилъ онъ.—Я не позабудусь, именно вслѣдствіе того чувства достоинства, надъ которымъ такъ жестоко трунитъ господинъ... господинъ докторъ. Позвольте, — продолжалъ онъ, обращаясь снова къ Базарову:—вы, можетъ-быть, думаете, что ваше ученіе новость? Напрасно вы это воображаете. Матеріализмъ, который вы проповѣдуете, былъ уже не разъ въ ходу и всегда оказывался несостоятельнымъ...

— Опять иностранное слово!—перебилъ Базаровъ. Онъ начиналъ злиться, и лицо его приняло какой-то мѣдный и грубый цвѣтъ. — Во-первыхъ, мы ничего не проповѣдуемъ; это не въ нашихъ привычкахъ...

— Что̀ же вы дѣлаете?

— А вотъ что̀ мы дѣлаемъ. Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильнаго суда...

— Ну да, да, вы обличители,—такъ, кажется, это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и я соглашаюсь, но...

— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не сто̀итъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ-называемые передовые люди и обличители никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши

акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ.

— Такъ,—перебилъ Павелъ Петровичъ: — такъ: вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшились сами ни за что̀ серьезно не приниматься.

— И рѣшились ни за что̀ не приниматься, — угрюмо повторилъ Базаровъ.

Ему вдругъ стало досадно на самого себя, зачѣмъ онъ такъ распространился передъ этимъ бариномъ.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нигилизмомъ?

— И это называется нигилизмомъ, — повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостью.

Павелъ Петровичъ слегка прищурился.

— Такъ вотъ какъ!—промолвилъ онъ странно спокойнымъ голосомъ.—Нигилизмъ всему горю помочь долженъ, и вы, вы наши избавители и герои. Но за что̀ же вы другихъ-то, хоть бы тѣхъ же обличителей, честите? Не такъ же ли вы болтаете, какъ и всѣ?

— Чѣмъ другимъ, а этимъ грѣхомъ не грѣшны,—произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

— Такъ что жъ? вы дѣйствуете, что ли? Собираетесь дѣйствовать?

Базаровъ ничего не отвѣчалъ. Павелъ Петровичъ такъ и дрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Гм!.. Дѣйствовать, ломать...—продолжалъ онъ. — Но какъ же это ломать, не зная даже почему?

— Мы ломаемъ, потому что мы сила,—замѣтилъ Аркадій.

Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на своего племянника и усмѣхнулся.

— Да, сила — такъ и не даетъ отчета, — проговорилъ Аркадій и выпрямился.

— Несчастный!—возопилъ Павелъ Петровичъ; онъ рѣ-

шительно не былъ въ состояніи крѣпиться долѣе: — хоть бы ты подумалъ, *что* въ Россіи ты поддерживаешь твоею пошлою сентенціей! Нѣтъ, это можетъ ангела изъ терпѣнія вывести! Сила! И въ дикомъ калмыкѣ, и въ монголѣ есть сила—да на что намъ она?—Намъ дорога цивилизація, да-съ, да-съ, милостивый государь; намъ дороги ея плоды. И не говорите мнѣ, что эти плоды ничтожны: послѣдній пачкунъ, *un barbouilleur*, таперъ, которому даютъ пять копеекъ за вечеръ, и тѣ полезнѣе васъ, потому что они представители цивилизаціи, а не грубой монгольской силы! Вы воображаете себя передовыми людьми, а вамъ только въ калмыцкой кибиткѣ сидѣть! Сила! Да вспомните, наконецъ, господа сильные, что васъ всего четыре человѣка съ половиною, а тѣхъ—милліоны, которые не позволятъ вамъ попирать ногами свои священнѣйшія вѣрованія, которые раздавятъ васъ!

— Коли раздавятъ, туда и дорога,—промолвилъ Базаровъ. — Только бабушка еще на-двое сказала. Насъ не такъ мало, какъ вы полагаете.

— Какъ? Вы не шутя думаете сладить, сладить съ цѣлымъ народомъ?

— Отъ копеечной свѣчи, вы знаете, Москва сгорѣла, — отвѣтилъ Базаровъ.

— Такъ, такъ. Сперва гордость почти сатанинская, потомъ глумленіе. Вотъ, вотъ чѣмъ увлекается молодежь, вотъ чему покоряются неопытныя сердца мальчишекъ! Вотъ, поглядите, одинъ изъ нихъ рядомъ съ вами сидитъ, вѣдь онъ чуть не молится на васъ, полюбуйтесь. (Аркадій отворотился и нахмурился.) И эта зараза уже далеко распространилась. Мнѣ сказывали, что въ Римѣ наши художники въ Ватиканъ ни ногой. Рафаэля считаютъ чуть не дуракомъ, потому что это, молъ, авторитетъ; а сами безсильны и безплодны до гадости, а у самихъ фантазія дальше „Дѣвушки у фонтана“ не хватаетъ, хоть ты что! И написана-то дѣвушка прескверно. По-вашему они молодцы, не правда ли?

— По-моему, — возразилъ Базаровъ: — Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ; да и они не лучше его.

— Браво, браво! Слушай, Аркадій... вотъ какъ должны современные молодые люди выражаться! И какъ, подумаешь, имъ не идти за вами! Прежде молодымъ людямъ приходилось учиться; не хотѣлось имъ прослыть за невѣждъ, такъ они поневолѣ трудились. А теперь имъ стóитъ сказать: все на свѣтѣ вздоръ!— и дѣло въ шляпѣ. Молодые люди обрадовались. И въ самомъ дѣлѣ, прежде они просто были болваны, а теперь они вдругъ стали нигилисты.

— Вотъ и измѣнило вамъ хваленое чувство собственнаго достоинства, — флегматически замѣтилъ Базаровъ, между тѣмъ какъ Аркадій весь вспыхнулъ и засверкалъ глазами. — Споръ нашъ зашелъ слишкомъ далеко... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готовъ согласиться съ вами,— прибавилъ онъ, вставая: — когда вы представите мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызывало полнаго и безпощаднаго отрицанія.

— Я вамъ милліоны такихъ постановленій представлю,— воскликнулъ Павелъ Петровичъ:—милліоны! Да вотъ, хоть община, напримѣръ.

Холодная усмѣшка скривила губы Базарова.

— Ну, насчетъ общины,—промолвилъ онъ:—поговорите лучше съ вашимъ братцемъ. Онъ теперь, кажется, извѣдалъ на дѣлѣ чтó такое община; круговая порука, трезвость и тому подобныя штучки.

— Семья, наконецъ, семья, такъ какъ она существуетъ у нашихъ крестьянъ!—закричалъ Павелъ Петровичъ.

— И этотъ вопросъ, я полагаю, лучше для васъ же самихъ не разбирать въ подробности. Вы, чай, слыхали о снохачахъ? Послушайте меня, Павелъ Петровичъ, дайте себѣ денька два сроку, сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите всѣ наши сословія, да подумайте хорошенько надъ каждымъ, а мы пока съ Аркадіемъ будемъ...

— Надо всѣмъ глумиться,—подхватилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, лягушекъ рѣзать. Пойдемъ, Аркадій; до свиданія, господа!

Оба пріятеля вышли. Братья остались наединѣ и сперва только посматривали другъ на друга.

— Вотъ,—началъ, наконецъ, Павелъ Петровичъ:—вотъ вамъ нынѣшняя молодежь! Вотъ они—наши наслѣдники!

— Наслѣдники,—повторилъ съ унылымъ вздохомъ Николай Петровичъ. Онъ въ теченіе всего спора сидѣлъ, какъ на угольяхъ, и только украдкой болѣзненно взглядывалъ на Аркадія.—Знаешь, что̀ я вспомнилъ, братъ? Однажды я съ покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотѣла меня слушать... Я, наконецъ, сказалъ ей, что вы, молъ, меня понять не можете; мы, молъ, принадлежимъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ. Она ужасно обидѣлась, а я подумалъ: что̀ дѣлать? Пилюля горька—а проглотить ее нужно. Вотъ теперь настала наша очередь, и наши наслѣдники могутъ сказать намъ: вы, молъ, не нашего поколѣнія, глотайте пилюлю.

— Ты уже черезчуръ благодушенъ и скроменъ,—возразилъ Павелъ Петровичъ:—я, напротивъ, увѣренъ, что мы съ тобой гораздо правѣе этихъ господчиковъ, хотя выражаемся, можетъ-быть, нѣсколько устарѣлымъ языкомъ, *vieilli*, и не имѣемъ той дерзкой самонадѣянности... И такая надутая эта нынѣшняя молодежь! Спросишь иного: какого вина вы хотите, краснаго или бѣлаго? „Я имѣю привычку предпочитать красное!“ отвѣчаетъ онъ басомъ и съ такимъ важнымъ лицомъ, какъ будто вся вселенная глядитъ на него въ это мгновеніе...

— Вамъ больше чаю не угодно?—промолвила Ѳеничка, просунувъ голову въ дверь: она не рѣшалась войти въ гостиную, пока въ ней раздавались голоса споривших.

— Пѣтъ, ты можешь велѣть самоваръ принять,—отвѣчалъ Николай Петровичъ, и поднялся къ ней навстрѣчу. Павелъ Петровичъ отрывисто сказалъ ему: *bon soir*, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

XI.

Полчаса спустя, Николай Петровичъ отправился въ садъ, въ свою любимую бесѣдку. На него нашли грустныя думы. Впервые онъ ясно созналъ свое разъединеніе

съ сыномъ; онъ предчувствовалъ, что съ каждымъ днемъ оно будетъ становиться все больше и больше. Стало-быть, напрасно онъ, бывало, зимою въ Петербургѣ, по цѣлымъ днямъ просиживалъ надъ новѣйшими сочиненіями; напрасно прислушивался къ разговорамъ молодыхъ людей; напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово въ ихъ кипучія рѣчи. „Братъ говоритъ, что мы правы", думалъ онъ: „и отложивъ всякое самолюбіе въ сторону, мнѣ самому кажется, что они дальше отъ истины, нежели мы, а въ то же время я чувствую, что за ними есть что-то, чего мы не имѣемъ, какое-то преимущество надъ нами... Молодость? Нѣтъ: не одна только молодость. Не въ томъ ли состоитъ это преимущество, что въ нихъ меньше слѣдовъ барства, чѣмъ въ насъ?"

Николай Петровичъ потупилъ голову и провелъ рукой по лицу.

„Но отвергать поэзію?" подумалъ онъ опять: „не сочувствовать художеству, природѣ"...

И онъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ бы желая понять, какъ можно не сочувствовать природѣ. Уже вечерѣло, солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошадкѣ по темной, узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно виденъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно-отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толклись столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткою. „Какъ хорошо, Боже мой!" подумалъ Николай Петровичъ, и любимые стихи пришли было ему на уста: онъ вспомнилъ Аркадія, *Stoff und Kraft*—и умолкъ, но продолжалъ сидѣть, продолжалъ

предаваться горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ. Онъ любилъ помечтать; деревенская жизнь развила въ немъ эту способность. Давно ли онъ такъ же мечталъ, поджидая сына на постояломъ дворикѣ, а съ тѣхъ поръ уже произошла перемѣна, уже опредѣлились, тогда еще неясныя, отношенія... и какъ! Представилась ему опять покойница жена, но не такою, какую онъ ее зналъ въ теченіе многихъ лѣтъ, не домовитою, доброю хозяйкою, а молодою дѣвушкой, съ тонкимъ станомъ, невинно-пытливымъ взглядомъ и туго закрученною косой надъ дѣтскою шейкой. Вспомнилъ онъ, какъ онъ увидалъ ее въ первый разъ. Онъ былъ тогда еще студентомъ. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ квартиры, въ которой онъ жилъ, и, нечаянно толкнувъ ее, обернулся, хотѣлъ извиниться, и только могъ пробормотать: „pardon, monsieur“, а она наклонила голову, усмѣхнулась, и вдругъ какъ будто испугалась и побѣжала, а на поворотѣ лѣстницы быстро взглянула на него, приняла серьезный видъ и покраснѣла. А потомъ, первыя робкія посѣщенія, полу-слова, полу-улыбки, и недоумѣніе, и грусть, и порывы, и, наконецъ, эта задыхающаяся радость... Куда это все умчалось? Она стала его женой, онъ былъ счастливъ, какъ немногіе на землѣ... „Но,“ думалъ онъ: „тѣ сладостныя, первыя мгновенія, отчего бы не жить имъ вѣчною, неумирающею жизнью?“

Онъ не старался уяснить самому себѣ свою мысль, но онъ чувствовалъ, что ему хотѣлось удержать то блаженное время чѣмъ-нибудь болѣе сильнымъ, нежели память, ему хотѣлось вновь осязать близость своей Маріи, ощутить ея теплоту и дыханіе, и ему уже чудилось, какъ будто надъ нимъ...

— Николай Петровичъ, — раздался вблизи его голосъ Ѳенички:—гдѣ вы?

Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему: его сѣдые волосы, его старость, его настоящее...

Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, кото-

торый уже возникалъ изъ туманныхъ волнѣ прошедшаго, шевельнулся—и исчезъ.

— Я здѣсь, — отвѣчалъ онъ: — я приду, ступай. „Вотъ они, слѣды-то барства“, мелькнуло у него въ головѣ. Ѳеничка молча заглянула къ нему въ бесѣдку и скрылась; а онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что ночь успѣла наступить съ тѣхъ поръ, какъ онъ замечтался. Все потемнѣло и затихло кругомъ, и лицо Ѳенички скользнуло передъ нимъ такое блѣдное и маленькое. Онъ приподнялся и хотѣлъ возвратиться домой; но размягченное сердце не могло успокоиться въ его груди, и онъ сталъ медленно ходить по саду, то задумчиво глядя себѣ подъ ноги, то поднимая глаза къ небу, гдѣ уже роились и перемигивались звѣзды. Онъ ходилъ много, почти до усталости, а тревога въ немъ, какая-то ищущая, неопредѣленная, печальная тревога, все не унималась. О, какъ Базаровъ посмѣялся бы надъ нимъ, если бъ узналъ, что̀ въ немъ тогда происходило! Самъ Аркадій осудилъ бы его. У него, у сорокачетырехлѣтняго человѣка, агронома и хозяина, навертывались слезы, безпричинныя слезы; это было во-сто̀ разъ хуже віолончели.

Николай Петровичъ продолжалъ ходить, и не могъ рѣшиться войти въ домъ, въ это мирное и уютное гнѣздо, которое такъ привѣтно глядѣло на него всѣми своими освѣщенными окнами; онъ не въ силахъ былъ разстаться съ темнотой, съ садомъ, съ ощущеніемъ свѣжаго воздуха на лицѣ, и съ этою грустью, съ этою тревогой...

На поворотѣ дорожки встрѣтился ему Павелъ Петровичъ.

— Что̀ съ тобой?— спросилъ онъ Николая Петровича:— ты блѣденъ, какъ привидѣніе; ты нездоровъ; отчего ты не ложишься?

Николай Петровичъ объяснилъ ему въ короткихъ словахъ свое душевное состояніе, и удалился. Павелъ Петровичъ дошелъ до конца сада, и тоже задумался, и тоже поднялъ глаза къ небу. Но въ его прекрасныхъ, темныхъ глазахъ не отразилось ничего, кромѣ свѣта звѣздъ. Онъ не былъ рожденъ романтикомъ, и не умѣла мечтать его

щегольски-сухая и страстная, на французскій ладъ мизантропическая душа...

— Знаешь ли что?—говорилъ въ ту же ночь Базаровъ Аркадію. — Мнѣ въ голову пришла великолѣпная мысль. Твой отецъ сказывалъ сегодня, что онъ получилъ приглашеніе отъ этого вашего знатнаго родственника. Твой отецъ не поѣдетъ; махнемъ-ка мы съ тобой въ ***; вѣдь этотъ господинъ и тебя зоветъ. Вишь какая сдѣлалась здѣсь погода; а мы прокатимся, городъ посмотримъ. Поболтаемся дней пять-шесть, и баста!

— А оттуда ты вернешься сюда?

— Нѣтъ, надо къ отцу проѣхать. Ты знаешь, онъ отъ *** въ тридцати верстахъ. Я его давно не видалъ, и мать тоже; надо стариковъ потѣшить. Они у меня люди хорошіе, особенно отецъ: презабавный. Я же у нихъ одинъ.

— И долго ты у нихъ пробудешь?

— Не думаю. Чай, скучно будетъ.

— А къ намъ на возвратномъ пути заѣдешь?

— Не знаю... посмотрю. Ну, такъ, что ли? Мы отправимся!

— Пожалуй,—лѣниво замѣтилъ Аркадій.

Онъ въ душѣ очень обрадовался предложенію своего пріятеля, но почелъ обязанностью скрыть свое чувство. Не даромъ же онъ былъ нигилистъ.

На другой день онъ уѣхалъ съ Базаровымъ въ ***. Молодежь въ Марьинѣ пожалѣла объ ихъ отъѣздѣ; Дуняша даже всплакнула... но старичкамъ вздохнулось легко.

XII.

Городъ ***, куда отправились наши пріятели, состоялъ въ вѣдѣніи губернатора изъ молодыхъ, прогрессиста и деспота, какъ это сплошь да рядомъ случается на Руси. Онъ, въ теченіе перваго года своего управленія, успѣлъ перессориться не только съ губернскимъ предводителемъ, отставнымъ гвардіи штабсъ-ротмистромъ, коннымъ заводчикомъ и хлѣбосоломъ, но и съ собственными чиновниками. Возникшія по этому поводу распри приняли, наконецъ, такіе размѣры, что министерство въ Петербургѣ нашло

необходимымъ послать довѣренное лицо съ порученіемъ разобрать все на мѣстѣ. Выборъ начальства палъ на Матвѣя Ильича Колязина, сына того Колязина, подъ попечительствомъ котораго находились нѣкогда братья Кирсановы. Онъ былъ тоже изъ „молодыхъ", то-есть, ему недавно минуло сорокъ лѣтъ, но онъ уже мѣтилъ въ государственные люди и на каждой сторонѣ груди носилъ по звѣздѣ. Одна, правда, была иностранная, изъ плохенькихъ. Подобно губернатору, котораго онъ пріѣхалъ судить, онъ считался прогрессистомъ и, будучи уже тузомъ, не походилъ на бо̀льшую часть тузовъ. Онъ имѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе; тщеславіе его не знало границъ, но онъ держался просто, глядѣлъ одобрительно, слушалъ снисходительно, и такъ добродушно смѣялся, что на первыхъ порахъ могъ даже прослыть за „чуднаго малаго". Въ важныхъ случаяхъ онъ умѣлъ однако, какъ говорится, задать пыли. „Энергія необходима", говаривалъ онъ тогда: „l'énergie est la première qualité d'un homme d'état"; а со всѣмъ тѣмъ онъ обыкновенно оставался въ дуракахъ, и всякій нѣсколько опытный чиновникъ садился на него верхомъ. Матвѣй Ильичъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о Гизо, и старался внушить всѣмъ и каждому, что онъ не принадлежитъ къ числу рутинёровъ и отсталыхъ бюрократовъ, что онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного важнаго проявленія общественной жизни... Всѣ подобныя слова были ему хорошо извѣстны. Онъ даже слѣдилъ, правда съ небрежною величавостью, за развитіемъ современной литературы: такъ взрослый человѣкъ, встрѣтивъ на улицѣ процессію мальчишекъ, иногда присоединяется къ ней. Въ сущности Матвѣй Ильичъ недалеко ушелъ отъ тѣхъ государственныхъ мужей Александровскаго времени, которые, готовясь идти на вечеръ къ г-жѣ Свѣчиной, жившей тогда въ Петербургѣ, прочитывали поутру страницу изъ Кондильяка; только пріемы у него были другіе, болѣе современные. Онъ былъ ловкій придворный, большой хитрецъ, и больше ничего; въ дѣлахъ толку не зналъ, ума не имѣлъ, а умѣлъ вести свои собственныя дѣла:

тутъ ужъ никто не могъ его осѣдлать, а вѣдь это главное.

Матвѣй Ильичъ принялъ Аркадія съ свойственнымъ просвѣщенному сановнику добродушіемъ, скажемъ болѣе, съ игривостію. Онъ, однако, изумился, когда узналъ, что приглашенные имъ родственники остались въ деревнѣ. „Чудакъ былъ твой папа всегда", замѣтилъ онъ, побрасывая кистями своего великолѣпнаго бархатнаго шлафрока, и вдругъ, обратясь къ молодому чиновнику въ благонамѣреннѣйше-застегнутомъ вицъ-мундирѣ, воскликнулъ съ озабоченнымъ видомъ: „чего?" Молодой человѣкъ, у котораго отъ продолжительнаго молчанія слиплись губы, приподнялся и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Но, озадачивъ подчиненнаго, Матвѣй Ильичъ уже не обращалъ на него вниманія. Сановники наши вообще любятъ озадачивать подчиненныхъ: способы, къ которымъ они прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли, довольно разнообразны. Слѣдующій способъ, между прочимъ, въ большомъ употребленіи, „is quite a favourite", какъ говорятъ англичане: сановникъ вдругъ перестаетъ понимать самыя простыя слова, глухоту на себя напускаетъ. Онъ спроситъ напримѣръ: какой сегодня день?

Ему почтительнѣйше докладываютъ: „пятница сегодня, ваше с...с...с...ство".

— А? что? Что такое? Что вы говорите?—напряженно повторяетъ сановникъ.

— Сегодня пятница, ваше с...с...ство.

— Какъ? Что? Что такое пятница? какая пятница?

— Пятница, ваше с...ссс...ссс...ство, день въ недѣлѣ.

— Ну-у, ты учить меня вздумалъ?

Матвѣй Ильичъ все-таки былъ сановникъ, хоть и считался либераломъ.

— Я совѣтую тебѣ, другъ мой, съѣздить съ визитомъ къ губернатору,—сказалъ онъ Аркадію:—ты понимаешь, я тебѣ это совѣтую не потому, чтобъ я придерживался старинныхъ понятій о необходимости ѣздить къ властямъ на поклонъ, а просто потому, что губернаторъ —

порядочный человѣкъ; притомъ же ты, вѣроятно, желаешь познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ... Вѣдь ты не медвѣдь, надѣюсь? А онъ послѣзавтра даетъ большой балъ.

— Вы будете на этомъ балѣ?—спросилъ Аркадій.

— Онъ для меня его даетъ, — проговорилъ Матвѣй Ильичъ почти съ сожалѣніемъ. — Ты танцуешь?

— Танцую, только плохо.

— Это напрасно. Здѣсь есть хорошенькія, да и молодому человѣку стыдно не танцовать. Опять-таки я это говорю не въ силу старинныхъ понятій; я вовсе не полагаю, что умъ долженъ находиться въ ногахъ, но байронизмъ смѣшонъ, il a fait son temps.

— Да я, дядюшка, вовсе не изъ байронизма, не...

— Я познакомлю тебя съ здѣшними барынями, я беру тебя подъ свое крылышко,—перебилъ Матвѣй Ильичъ, и самодовольно засмѣялся.—Тебѣ тепло будетъ, а?

Слуга вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ предсѣдателя казенной палаты, сладкоглазаго старика съ сморщенными губами, который чрезвычайно любилъ природу, особенно въ лѣтній день, когда по его словамъ: „каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку...“ Аркадій удалился.

Онъ засталъ Базарова въ трактирѣ, гдѣ они остановились, и долго его уговаривалъ пойти къ губернатору. „Нечего дѣлать!“ сказалъ, наконецъ, Базаровъ: „взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Пріѣхали смотрѣть помѣщиковъ, давай ихъ смотрѣть!“ Губернаторъ принялъ молодыхъ людей привѣтливо, но не посадилъ ихъ и самъ не сѣлъ. Онъ вѣчно суетился и спѣшилъ; съ утра надѣвалъ тѣсный вицъ-мундиръ и чрезвычайно тугой галстукъ, не доѣдалъ и не допивалъ, все распоряжался. Его въ губерніи прозвали Бурдалу, намекая тѣмъ не на извѣстнаго французскаго проповѣдника, а на бурду. Онъ пригласилъ Кирсанова и Базарова къ себѣ на балъ, и черезъ двѣ минуты пригласилъ ихъ вторично, считая ихъ уже братьями и называя ихъ Кайсаровыми.

Они шли къ себѣ домой отъ губернатора, какъ вдругъ,

изъ проѣзжающихъ мимо дрожекъ, выскочилъ человѣкъ небольшого роста, въ славянофильской венгеркѣ, и съ крикомъ: „Евгеній Васильичъ!“ бросился къ Базарову.

— А! это вы, герръ Ситниковъ, — проговорилъ Базаровъ, продолжая шагать по тротуару: — какими судьбами?

— Вообразите, совершенно случайно, — отвѣчалъ тотъ, и, обернувшись къ дрожкамъ, махнулъ разъ пять рукой и закричалъ: — ступай за нами, ступай! — У моего отца здѣсь дѣло, — продолжалъ онъ, перепрыгивая черезъ канавку:—ну, такъ онъ меня просилъ... Я сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ и уже былъ у васъ... (Дѣйствительно, пріятели, возвратясь къ себѣ въ номеръ, нашли тамъ карточку съ загнутыми углами и съ именемъ Ситникова, на одной сторонѣ по-французски, на другой—славянскою вязью.) Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?

— Не надѣйтесь, мы прямо отъ него.

— А! въ такомъ случаѣ и я къ нему пойду... Евгеній Васильичъ, познакомьте меня съ вашимъ... съ ними...

— Ситниковъ, Кирсановъ,—проворчалъ, не останавливаясь, Базаровъ.

— Мнѣ очень лестно, — началъ Ситниковъ, выступая бокомъ, ухмыляясь и поспѣшно стаскивая свои уже черезчуръ элегантныя перчатки. — Я очень много слышалъ... Я старинный знакомый Евгенія Васильича, и могу сказать—его ученикъ. Я ему обязанъ моимъ перерожденіемъ...

Аркадій посмотрѣлъ на базаровскаго ученика. Тревожное и тупое выраженіе сказывалось въ маленькихъ, впрочемъ пріятныхъ чертахъ его прилизаннаго лица; небольшіе, словно вдавленные глаза глядѣли пристально и безпокойно, и смѣялся онъ безпокойно: какимъ-то короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— Повѣрите ли,—продолжалъ онъ:—что когда при мнѣ Евгеній Васильевичъ въ первый разъ сказалъ, что не должно признавать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человѣка! Кстати, Евгеній Васильевичъ, вамъ

непремѣнно надобно сходить къ одной здѣшней дамѣ, которая совершенно въ состояніи понять васъ и для которой ваше посѣщеніе будетъ настоящимъ праздникомъ; вы, я думаю, слыхали о ней?

— Кто такая?—произнесъ нехотя Базаровъ.

— Кукшина, Eudoxie, Евдоксія Кукшина. Это — замѣчательная натура, émancipée въ истинномъ смыслѣ слова, передовая женщина. Знаете ли что? Пойдемте теперь къ ней всѣ вмѣстѣ. Она живетъ отсюда въ двухъ шагахъ. Мы тамъ позавтракаемъ. Вѣдь вы еще не завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Ну, и прекрасно. Она, вы понимаете, разъѣхалась съ мужемъ, ни отъ кого не зависитъ.

— Хорошенькая она?—перебилъ Базаровъ.

— Н... нѣтъ, этого нельзя сказать.

— Такъ для какого же дьявола вы насъ къ ней зовете?

— Ну, шутникъ, шутникъ... Она намъ бутылку шампанскаго поставитъ.

— Вотъ какъ! Сейчасъ виденъ практическій человѣкъ. Кстати, вашъ батюшка все по откупамъ?

— По откупамъ,—торопливо проговорилъ Ситниковъ и визгливо засмѣялся.—Что жъ? идетъ?

— Не знаю, право.

— Ты хотѣлъ людей смотрѣть, ступай,—замѣтилъ вполголоса Аркадій.

— А вы-то что жъ, г. Кирсановъ,—подхватилъ Ситниковъ.—Пожалуйте и вы, безъ васъ нельзя.

— Да какъ же это мы всѣ разомъ нагрянемъ?

— Ничего. Кукшина—человѣкъ чудный.

— Бутылка шампанскаго будетъ?—спросилъ Базаровъ.

— Три!—воскликнулъ Ситниковъ.—За это я ручаюсь.

— Чѣмъ?

— Собственною головою.

— Лучше бы мошною батюшки. А впрочемъ, пойдемъ.

XIII.

Небольшой дворянскій домикъ на московскій манеръ, въ которомъ проживала Авдотья Никитишна или *Евдоксія*

Кукшина, находился въ одной изъ ново-выгорѣвшихъ улицъ города ***; извѣстно, что наши губернскіе города горятъ, черезъ каждыя пять лѣтъ. У дверей, надъ криво прибитою визитною карточкой, виднѣлась ручка колокольчика, и въ передней встрѣтила пришедшихъ какая-то, не то служанка, не то компаньонка въ чепцѣ, — явные признаки прогрессивныхъ стремленій хозяйки. Ситниковъ спросилъ, дома ли Авдотья Никитишна?

— Это вы, Victor?—раздался тонкій голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Войдите.

Женщина въ чепцѣ тотчасъ исчезла.

— Я не одинъ,—промолвилъ Ситниковъ, лихо скидывая свою венгерку, подъ которою оказалось нѣчто въ родѣ поддевки или пальто-сака, и бросая бойкій взглядъ Аркадію и Базарову.

— Все равно,—отвѣчалъ голосъ.—Entrez!

Молодые люди вошли. Комната, въ которой они очутились, походила скорѣе на рабочій кабинетъ, чѣмъ на гостиную. Бумаги, письма, толстые нумера русскихъ журналовъ, большею частью неразрѣзанные, валялись по запыленнымъ столамъ; вездѣ бѣлѣли разбросанные окурки папиросъ. На кожаномъ диванѣ полулежала дама, еще молодая, бѣлокурая, нѣсколько растрепанная, въ шелковомъ, не совсѣмъ опрятномъ, платьѣ, съ крупными браслетами на коротенькихъ рукахъ и кружевною косынкой на головѣ. Она встала съ дивана и, небрежно натягивая себѣ на плечи бархатную шубку на пожелтѣломъ горностаевомъ мѣху, лѣниво промолвила:

— Здравствуйте, Victor,—и пожала Ситникову руку.

— Базаровъ, Кирсановъ,— проговорилъ онъ отрывисто, въ подражаніе Базарову.

— Милости просимъ,—отвѣчала Кукшина, и, уставивъ на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснѣлъ крошечный вздернутый носикъ, прибавила:—я васъ знаю,—и пожала ему руку тоже.

Базаровъ поморщился. Въ маленькой и невзрачной фигуркѣ эманципированной женщины не было ничего безобразнаго; но выраженіе ея лица непріятно дѣйствовало

на зрителя. Невольно хотѣлось спросить у ней: „Что̀ ты, голодна? Или скучаешь? Или робѣешь? Чего ты пружишься?“ И у ней, какъ у Ситникова, вѣчно скребло на душѣ. Она говорила и двигалась очень развязно и въ то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и, между тѣмъ, что̀ бы она ни дѣлала, вамъ постоянно казалось, что она именно это-то и не хотѣла сдѣлать; все у ней выходило, какъ дѣти говорятъ—нарочно, то есть не просто, не естественно.

— Да, да, я знаю васъ, Базаровъ,—повторила она. (За ней водилась привычка, свойственная многимъ провинціальнымъ и московскимъ дамамъ — съ перваго дня знакомства звать мужчинъ по фамиліи.)—Хотите сигару?

— Сигарку сигаркой,—подхватилъ Ситниковъ, который успѣлъ развалиться въ креслахъ и задрать ногу кверху:— а дайте-ка намъ позавтракать. Мы голодны ужасно; да велите намъ воздвигнуть бутылочку шампанскаго.

— Сибаритъ, — промолвила Евдоксія, и засмѣялась. (Когда она смѣялась, ея верхняя десна обнажалась надъ зубами.)—Не правда ли, Базаровъ, онъ сибаритъ?

— Я люблю комфортъ жизни,—произнесъ съ важностію Ситниковъ.—Это не мѣшаетъ мнѣ быть либераломъ.

— Нѣтъ, это мѣшаетъ, мѣшаетъ! — воскликнула Евдоксія, и приказала, однако, своей прислужницѣ распорядиться и насчетъ завтрака, и насчетъ шампанскаго. — Какъ вы объ этомъ думаете?—прибавила она, обращаясь къ Базарову.—Я увѣрена, вы раздѣляете мое мнѣніе.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Базаровъ:—кусокъ мяса лучше куска хлѣба, даже съ химической точки зрѣнія.

— А вы занимаетесь химіей? Это моя страсть. Я даже сама выдумала одну мастику.

— Мастику? вы?

— Да, я. И знаете ли съ какою цѣлью? Куклы дѣлать, головки, чтобы не ломались. Я вѣдь тоже практическая. Но все еще не готово. Нужно еще Либиха почитать. Кстати, читали вы статью Кислякова о женскомъ трудѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“? Прочтите, пожалуйста.

Вѣдь васъ интересуетъ женскій вопросъ? И школы тоже? Чѣмъ вашъ пріятель занимается? Какъ его зовутъ?

Госпожа Кукшина *роняла* свои вопросы одинъ за другимъ съ изнѣженной небрежностію, не дожидаясь отвѣтовъ; избалованныя дѣти такъ говорятъ со своими няньками.

— Меня зовутъ Аркадій Николаичъ Кирсановъ,— проговорилъ Аркадій:—и я ничѣмъ не занимаюсь.

Евдоксія захохотала.

— Вотъ это мило? Что̀, вы не курите? Викторъ, вы знаете, я на васъ сердита.

— За что̀?

— Вы, говорятъ, опять стали хвалить Жоржъ Санда. Отсталая женщина и больше ничего! Какъ можно сравнить ее съ Эмерсономъ! Она никакихъ идей не имѣетъ ни о воспитаніи, ни о физіологіи, ни о чемъ. Она, я увѣрена, и не слыхивала объ эмбріологіи, а въ наше время—какъ вы хотите безъ этого? (Евдоксія даже руки разставила.) Ахъ, какую удивительную статью по этому поводу написалъ Елисѣвичъ! Это геніальный господинъ! (Евдоксія постоянно употребляла слово „господинъ“ вмѣсто „человѣкъ“.) Базаровъ, сядьте возлѣ меня на диванъ. Вы, можетъ-быть, не знаете, я ужасно васъ боюсь.

— Это почему? Позвольте полюбопытствовать.

— Вы опасный господинъ: вы такой критикъ. Ахъ, Боже мой! мнѣ смѣшно, я говорю, какъ какая-нибудь степная помѣщица. Впрочемъ, я дѣйствительно помѣщица. Я сама имѣніемъ управляю и, представьте, у меня староста Ероѳей — удивительный типъ, точно Патфайндеръ Купера: что-то такое въ немъ непосредственное! Я окончательно поселилась здѣсь; несносный городъ, не правда ли? Но что дѣлать?

— Городъ какъ городъ, — хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.

— Все такіе мелкіе интересы, вотъ что ужасно! Прежде я по зимамъ жила въ Москвѣ... но теперь тамъ обитаетъ мой благовѣрный, мосьё Кукшинъ. Да и Москва теперь... ужъ я не знаю—тоже ужъ не то. Я думаю съѣз-

дить за границу; я въ прошломъ году уже совсѣмъ-было собралась.

— Въ Парижъ, разумѣется?—спросилъ Базаровъ.

— Въ Парижъ и Гейдельбергъ.

— Зачѣмъ въ Гейдельбергъ?

— Помилуйте, тамъ Бунзенъ!

На это Базаровъ ничего не нашелся отвѣтить.

— Pierre Сапожниковъ... вы его знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Помилуйте, Pierre Сапожниковъ... онъ еще всегда у Лидіи Хостатовой бываетъ.

— Я и ея не знаю.

— Ну, вотъ онъ взялся меня проводить. Слава Богу, я свободна, у меня нѣтъ дѣтей... Что̀ это я сказала: *слава Богу!* Впрочемъ, это все равно.

Евдоксія свернула папироску своими побурѣвшими отъ табаку пальцами, провела по ней языкомъ, пососала ее и закурила. Вошла прислужница съ подносомъ.

— А, вотъ и завтракъ! Хотите закусить? Викторъ, откупорьте бутылку; это по вашей части.

— По моей, по моей,—пробормоталъ Ситниковъ, и опять визгливо засмѣялся.

— Есть здѣсь хорошенькія женщины?—спросилъ Базаровъ, допивая третью рюмку.

— Есть, — отвѣчала Евдоксія: — да всѣ онѣ такія пустыя. Напримѣръ, mon amie Одинцова — недурна. Жаль, что репутація у нея какая-то... Впрочемъ, это бы ничего, но никакой свободы воззрѣнія, никакой ширины, ничего... этого. Всю систему воспитанія надобно перемѣнить. Я объ этомъ уже думала; наши женщины очень дурно воспитаны:

— Ничего вы съ ними не сдѣлаете,—подхватилъ Ситниковъ. — Ихъ слѣдуетъ презирать, и я ихъ презираю, вполнѣ и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрѣніе была самымъ пріятнымъ ощущеніемъ для Ситникова; онъ въ особенности нападалъ на женщинъ, не подозрѣвая того, что ему предстояло нѣсколько мѣсяцевъ спустя пресмыкаться передъ своей женой, потому только

что она была урожденная княжна Дурдолеосова.) Ни одна изъ нихъ не была бы въ состояніи понять нашу бесѣду; ни одна изъ нихъ не стоитъ того, чтобы мы, серьезные мужчины, говорили о ней!

— Да имъ совсѣмъ не нужно понимать нашу бесѣду,— промолвилъ Базаровъ.

— О комъ вы говорите?—вмѣшалась Евдоксія.

— О хорошенькихъ женщинахъ.

— Какъ? Вы, стало-быть, раздѣляете мнѣніе Прудона!

Базаровъ надменно выпрямился.

— Я ничьихъ мнѣній не раздѣляю: я имѣю свои.

— Долой авторитеты!—закричалъ Ситниковъ, обрадовавшись случаю рѣзко выразиться въ присутствіи человѣка, передъ которымъ раболѣпствовалъ.

— Но самъ Маколей,—начала-было Кукшина.

— Долой Маколея!—загремѣлъ Ситниковъ.—Вы заступаетесь за этихъ бабенокъ?

— Не за бабенокъ, а за права женщинъ, которыя я поклялась защищать до послѣдней капли крови.

— Долой!—Но тутъ Ситниковъ остановился.—Да я ихъ не отрицаю,—промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, я вижу, вы славянофилъ!

— Нѣтъ, я не славянофилъ, хотя, конечно...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы славянофилъ. Вы послѣдователь *Домостроя*. Вамъ бы плетку въ руки!

— Плетка дѣло доброе,—замѣтилъ Базаровъ:—только мы вотъ добрались до послѣдней капли...

— Чего?—перебила Евдоксія.

— Шампанскаго, почтеннѣйшая Авдотья Никитишна, шампанскаго—не вашей крови.

— Я не могу слышать равнодушно, когда нападаютъ на женщинъ,—продолжала Евдоксія.—Это ужасно, ужасно. Вмѣсто того, чтобы нападать на нихъ, прочтите лучше книгу Мишле: *De l'amour*. Это чудо! Господа, будемте говорить о любви,—прибавила Евдоксія, томно уронивъ руку на смятую подушку дивана.

Наступило внезапное молчаніе.

— Нѣтъ, зачѣмъ говорить о любви,—промолвилъ Ба-

заровъ: — а вотъ вы упомянули объ Одинцовой... Такъ, кажется, вы ее назвали? Кто эта барыня?

— Прелесть, прелесть!—запищалъ Ситниковъ.—Я васъ представлю. Умница, богачка, вдова. Къ сожалѣнію, она еще недовольно развита: ей бы надо съ нашею Евдоксіей поближе познакомиться. Пью ваше здоровье, Eudoxie! Чокнемтесь! „Et toc, et toc, et tin-tin-tin. Et toc, et toc, et tin-tin-tin!!..“

— Victor, вы шалунъ.

Завтракъ продолжался долго. За первою бутылкой шампанскаго послѣдовала другая, третья и даже четвертая... Евдоксія болтала безъ умолку; Ситниковъ ей вторилъ. Много толковали они о томъ, что̀ такое бракъ—предразсудокъ или преступленіе, и какіе родятся люди — одинаковые или нѣтъ? и въ чемъ собственно состоитъ индивидуальность? Дѣло дошло, наконецъ, до того, что Евдоксія, вся красная отъ выпитаго вина, и стуча плоскими ногтями по клавишамъ разстроеннаго фортепіано, принялась пѣть сиплымъ голосомъ сперва цыганскія пѣсни, потомъ романсъ Сеймуръ-Шиффа: „Дремлетъ сонная Гранада“, а Ситниковъ повязалъ голову шарфомъ и представлялъ замиравшаго любовника, при словахъ:

„И уста твои съ моими
Въ поцѣлуй горячій слить“.

Аркадій не вытерпѣлъ, наконецъ.

— Господа, ужъ это что-то на Бедламъ похоже стало,— замѣтилъ онъ вслухъ.

Базаровъ, который лишь изрѣдка вставлялъ въ разговоръ насмѣшливое слово—онъ занимался больше шампанскимъ— громко зѣвнулъ, всталъ, и, не прощаясь съ хозяйкой, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Ситниковъ вскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что? — спрашивалъ онъ, подобострастно забѣгая то справа, то слѣва:—вѣдь я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше! Она, въ своемъ родѣ, высоко-нравственное явленіе.

— А это заведеніе *твоего* отца тоже нравственное явле-

ніе?—промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцемъ на кабакъ, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили.

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія, и не зналъ: чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго *тыканья* Базарова.

XIV.

Нѣсколько дней спустя состоялся балъ у губернатора. Матвѣй Ильичъ былъ настоящимъ „героемъ праздника", губернскій предводитель объявилъ всѣмъ и каждому, что онъ пріѣхалъ собственно изъ уваженія къ нему, а губернаторъ даже и на балѣ, даже оставаясь неподвижнымъ, продолжалъ „распоряжаться". Мягкость въ обращеніи Матвѣя Ильича могла равняться только съ его величавостью. Онъ ласкалъ всѣхъ — однихъ съ оттѣнкомъ гадливости, другихъ съ оттѣнкомъ уваженія; разсыпался „en vrai chevalier français" передъ дамами и безпрестанно смѣялся крупнымъ, звучнымъ и одинокимъ смѣхомъ, какъ оно и слѣдуетъ сановнику. Онъ потрепалъ по спинѣ Аркадія и громко назвалъ его „племянничкомъ", удостоилъ Базарова, облеченнаго въ староватый фракъ,— разсѣяннаго, но снисходительнаго взгляда вскользь, черезъ щеку, и неяснаго, но привѣтливаго мычанья, въ которомъ только и можно было разобрать, что „я..." да „ссьма"; подалъ палецъ Ситникову и улыбнулся ему, но уже отвернувъ голову; даже самой Кукшиной, явившейся на балъ безо всякой кринолины и въ грязныхъ перчаткахъ, но съ райскою птицею въ волосахъ, даже Кукшиной онъ сказалъ „enchanté". Народу было пропасть, и въ кавалерахъ не было недостатка; штатскіе болѣе тѣснились вдоль стѣнъ, но военные танцовали усердно, особенно одинъ изъ нихъ, который прожилъ недѣль шесть въ Парижѣ, гдѣ онъ выучился разнымъ залихватскимъ восклицаньямъ въ родѣ: „zut", „Ah fichtrrre", „pst, pst, mon bibi" и т. п. Онъ произносилъ ихъ въ совершенствѣ, съ настоящимъ парижскимъ *шикомъ*, и въ то же время говорилъ: „si j'aurais" вмѣсто „si j'avais", „absolument"

въ смыслѣ: „непремѣнно“, словомъ, выражался на томъ великорусско-французскомъ нарѣчіи, надъ которымъ такъ смѣются французы, когда они не имѣютъ нужды увѣрять нашу братью, что мы говоримъ на ихъ языкѣ, какъ ангелы, „comme des anges“.

Аркадій танцовалъ плохо, какъ мы уже знаемъ, а Базаровъ вовсе не танцовалъ: они оба помѣстились въ уголкѣ: къ нимъ присоединился Ситниковъ. Изобразивъ на лицѣ своемъ презрительную насмѣшку и отпуская ядовитыя замѣчанія, онъ дерзко поглядывалъ кругомъ и, казалось, чувствовалъ истинное наслажденіе. Вдругъ лицо его измѣнилось и, обернувшись къ Аркадію, онъ, какъ бы съ смущеніемъ, проговорилъ: „Одинцова пріѣхала“.

Аркадій оглянулся и увидалъ женщину высокаго роста въ черномъ платьѣ, остановившуюся въ дверяхъ залы. Она поразила его достоинствомъ своей осанки. Обнаженныя ея руки красиво лежали вдоль стройнаго стана; красиво падали съ блестящихъ волосъ на покатыя плечи легкія вѣтки фуксій; спокойно и умно, именно спокойно, а не задумчиво, глядѣли свѣтлые глаза изъ-подъ немного нависшаго бѣлаго лба, и губы улыбались едва замѣтною улыбкою. Какою-то ласковой и мягкой силой вѣяло отъ ея лица.

— Вы съ ней знакомы?—спросилъ Аркадій Ситникова.

— Коротко. Хотите я васъ представлю?

— Пожалуй... послѣ этой кадрили.

Базаровъ тоже обратилъ вниманіе на Одинцову.

— Это что за фигура?—проговорилъ онъ.—На остальныхъ бабъ не похожа.

Дождавшись конца кадрили, Ситниковъ провелъ Аркадія къ Одинцовой; но едва ли онъ былъ коротко съ ней знакомъ: и самъ онъ запутался въ рѣчахъ своихъ, и она глядѣла на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Однако лицо ея приняло радушное выраженіе, когда она услышала фамилію Аркадія. Она спросила его, не сынъ ли онъ Николая Петровича?

— Точно такъ.

— Я видѣла вашего батюшку два раза; и много слы-

шала о немъ,—продолжала она:—я очень рада съ вами познакомиться.

Въ это мгновеніе подлетѣлъ къ ней какой-то адъютантъ и пригласилъ ее на кадриль. Она согласилась.

— Вы развѣ танцуете?—почтительно спросилъ Аркадій.

— Танцую. А вы почему думаете, что я не танцую? Или я вамъ кажусь слишкомъ стара?

— Помилуйте, какъ можно... Но въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пригласить васъ на мазурку.

Одинцова снисходительно усмѣхнулась.

— Извольте,—сказала она и посмотрѣла на Аркадія, не то чтобы свысока, а такъ, какъ замужнія сестры смотрятъ на очень молоденькихъ братьевъ.

Одинцова была немного старше Аркадія, ей пошелъ двадцать девятый годъ, но въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя школьникомъ, студентикомъ, точно разница лѣтъ между ними была гораздо значительнѣе. Матвѣй Ильичъ приблизился къ ней съ величественнымъ видомъ и подобострастными рѣчами. Аркадій отошелъ въ сторону, но продолжалъ наблюдать за нею: онъ не спускалъ съ нея глазъ и во время кадрили. Она такъ же непринужденно разговаривала съ своимъ танцоромъ, какъ и съ сановникомъ; тихо поводила головой и глазами, и раза два тихо засмѣялась. Носъ у ней былъ немного толстъ, какъ почти у всѣхъ русскихъ, и цвѣтъ кожи не былъ совершенно чистъ; со всѣмъ тѣмъ Аркадій рѣшилъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ такой прелестной женщины. Звукъ ея голоса не выходилъ у него изъ ушей; самыя складки ея платья, казалось, ложились у ней иначе, чѣмъ у другихъ, стройнѣе и шире, и движенія ея были особенно плавны и естественны въ одно и то же время.

Аркадій ощущалъ на сердцѣ нѣкоторую робость, когда, при первыхъ звукахъ мазурки, онъ усаживался возлѣ своей дамы и, готовясь вступить въ разговоръ, только проводилъ рукой по волосамъ и не находилъ единаго слова. Но онъ робѣлъ и волновался не долго; спокойствіе Одинцовой сообщилось и ему: четверти часа не прошло, какъ ужъ онъ свободно разсказывалъ о своемъ отцѣ,

дядѣ, о жизни въ Петербургѣ и въ деревнѣ. Одинцова слушала его съ вѣжливымъ участіемъ, слегка раскрывая и закрывая вѣеръ; болтовня его прерывалась, когда ее выбирали кавалеры; Ситниковъ, между прочимъ, пригласилъ ее два раза. Она возвращалась, садилась снова, брала вѣеръ, и даже грудь ея не дышала быстрѣе, а Аркадій опять принимался болтать, весь проникнутый счастіемъ находиться въ ея близости, говорить съ ней, глядя въ ея глаза, въ ея прекрасный лобъ, во все ея милое, важное и умное лицо. Сама она говорила мало, но знаніе жизни сказывалось въ ея словахъ; по инымъ ея замѣчаніямъ Аркадій заключилъ, что эта молодая женщина уже успѣла перечувствовать и передумать многое...

— Съ кѣмъ вы это стояли?—спросила она его:—когда г-нъ Ситниковъ подвелъ васъ ко мнѣ?

— А вы его замѣтили? — спросилъ въ свою очередь Аркадій.—Не правда ли, какое у него славное лицо? Это нѣкто Базаровъ, мой пріятель.

Аркадій принялся говорить о „своемъ пріятелѣ“.

Онъ говорилъ о немъ такъ подробно и съ такимъ восторгомъ, что Одинцова обернулась къ нему и внимательно на него посмотрѣла. Между тѣмъ мазурка приближалась къ концу. Аркадію стало жалко разставаться съ своей дамой: онъ такъ хорошо провелъ съ ней около часа! Правда, онъ въ теченіе всего этого времени постоянно чувствовалъ, какъ будто она къ нему снисходила, какъ будто ему слѣдовало быть ей благодарнымъ... но молодыя сердца не тяготятся этимъ чувствомъ.

Музыка умолкла.

— Merci, — промолвила Одинцова, вставая. — Вы обѣщали мнѣ посѣтить меня, привезите жъ съ собой и вашего пріятеля. Мнѣ будетъ очень любопытно видѣть человѣка, который имѣетъ смѣлость ни во что не вѣрить.

Губернаторъ подошелъ къ Одинцовой, объявилъ, что ужинъ готовъ, и съ озабоченнымъ лицомъ подалъ ей руку. Уходя, она обернулась, чтобы въ послѣдній разъ улыбнуться и кивнуть Аркадію. Онъ низко поклонился, посмотрѣлъ ей вслѣдъ (какъ строенъ показался ему ея станъ,

облитый сѣроватымъ блескомъ чернаго шелка!) и подумавъ: „въ это мгновенье она уже забыла о моемъ существованіи“, — почувствовалъ на душѣ какое-то изящное смиреніе...

— Ну что?—спросилъ Базаровъ Аркадія, какъ только тотъ вернулся къ нему въ уголокъ. — Получилъ удовольствіе? Мнѣ сейчасъ сказывалъ одинъ баринъ, что эта госпожа—ой-ой-ой; да баринъ-то, кажется, дуракъ. Ну, и по-твоему, что́ она, точно—ой-ой-ой?

— Я этого опредѣленья не совсѣмъ понимаю, — отвѣчалъ Аркадій.

— Вотъ еще! Какой невинный!

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю твоего барина. Одинцова очень мила—безспорно, но она такъ холодно и строго себя держитъ, что...

— Въ тихомъ омутѣ... ты знаешь! — подхватилъ Базаровъ. — Ты говоришь, она холодна. Въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Вѣдь ты любишь мороженое?

— Можетъ-быть,—пробормоталъ Аркадій: — я объ этомъ судить не могу. Она желаетъ съ тобой познакомиться, и просила меня, чтобъ я привезъ тебя къ ней.

— Воображаю, какъ ты меня расписывалъ! Впрочемъ, ты поступилъ хорошо. Вези меня. Кто бы она ни была— просто ли губернская львица, или „эманципе“ въ родѣ Кукшиной, только у ней такія плечи, какихъ я не видывалъ давно.

Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова, но — какъ это часто случается — онъ упрекнулъ своего пріятеля не за то именно, что́ ему въ немъ не понравилось...

— Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли въ женщинахъ?—проговорилъ онъ вполголоса.

— Оттого, братецъ, что, по моимъ замѣчаніямъ, свободно мыслятъ между женщинами только уроды.

Разговоръ на этомъ прекратился. Оба молодыхъ человѣка уѣхали тотчасъ послѣ ужина. Кукшина нервически злобно, но не безъ робости, засмѣялась имъ во слѣдъ: ея самолюбіе было глубоко уязвлено тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не обратилъ на нее вниманія. Она оставалась

позже всѣхъ на балѣ, и въ четвертомъ часу ночи протанцовала польку-мазурку съ Ситниковымъ на парижскій манеръ. Этимъ поучительнымъ зрѣлищемъ и завершился губернаторскій праздникъ.

XV.

— Посмотримъ, къ какому разряду млекопитающихъ принадлежитъ сія особа, — говорилъ на слѣдующій день Аркадію Базаровъ, поднимаясь вмѣстѣ съ нимъ по лѣстницѣ гостиницы, въ которой остановилась Одинцова. — Чувствуетъ мой носъ, что тутъ что-то не ладно.

— Я тебѣ удивляюсь! — воскликнулъ Аркадій. — Какъ? Ты, ты, Базаровъ, придерживаешься той узкой морали, которую...

— Экой ты чудакъ! — небрежно перебилъ Базаровъ. — Развѣ ты не знаешь, что на нашемъ нарѣчіи и для нашего брата „не ладно“ значитъ „ладно“? Пожива есть, значитъ. Не самъ ли ты сегодня говорилъ, что она странно вышла замужъ, хотя, по мнѣнію моему, выдти за богатаго старика—дѣло ничуть не странное, а, напротивъ, благоразумное. Я городскимъ толкамъ не вѣрю; но люблю думать, какъ говоритъ нашъ образованный губернаторъ, что они справедливы.

Аркадій ничего не отвѣчалъ и постучался въ дверь номера. Молодой слуга въ ливреѣ ввелъ обоихъ пріятелей въ большую комнату, меблированную дурно, какъ всѣ комнаты русскихъ гостиницъ, но уставленную цвѣтами. Скоро появилась сама Одинцова въ простомъ утреннемъ платьѣ. Она казалась еще моложе при свѣтѣ весенняго солнца. Аркадій представилъ ей Базарова, и съ тайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ какъ будто сконфузился, между тѣмъ какъ Одинцова оставалась совершенно спокойною, по-вчерашнему. Базаровъ самъ почувствовалъ, что сконфузился, и ему стало досадно. „Вотъ тебѣ разъ! — бабы испугался!“ подумалъ онъ, и, развалясь въ креслѣ, не хуже Ситникова, заговорилъ преувеличенно развязно, а Одинцова не спускала съ него своихъ ясныхъ глазъ.

Анна Сергѣевна Одинцова родилась отъ Сергѣя Нико-

лаевича Локтева, извѣстнаго красавца, аффериста и игрока, который, продержавшись и прошумѣвъ лѣтъ пятнадцать въ Петербургѣ и Москвѣ, кончилъ тѣмъ, что проигрался въ прахъ и принужденъ былъ поселиться въ деревнѣ, гдѣ, впрочемъ, скоро умеръ, оставивъ крошечное состояніе двумъ своимъ дочерямъ, Аннѣ — двадцати и Катеринѣ — двѣнадцати лѣтъ. Мать ихъ, изъ обѣднѣвшаго рода князей Х.....ъ, скончалась въ Петербургѣ, когда мужъ ея находился еще въ полной силѣ. Положеніе Анны, послѣ смерти отца, было очень тяжело. Блестящее воспитаніе, полученное ею въ Петербургѣ, не подготовило ее къ перенесенію заботъ по хозяйству и по дому, — къ глухому деревенскому житью. Она не знала никого рѣшительно въ цѣломъ околоткѣ, и посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Отецъ ея старался избѣгать сношеній съ сосѣдями; онъ ихъ презиралъ, и они его презирали, каждый по-своему. Она, однако, не потеряла головы и немедленно выписала къ себѣ сестру своей матери, княжну Авдотью Степановну Х.....ю, злую и чванную старуху, которая, поселившись у племянницы въ домѣ, забрала себѣ всѣ лучшія комнаты, ворчала и брюзжала съ утра до вечера, и даже по саду гуляла не иначе, какъ въ сопровожденіи единственнаго своего крѣпостного человѣка, угрюмаго лакея въ изношенной гороховой ливреѣ съ голубымъ позументомъ и въ треуголкѣ. Анна терпѣливо выносила всѣ причуды тетки, исподволь занималась воспитаніемъ сестры и, казалось, уже примирилась съ мыслію увянуть въ глуши... Но судьба судила ей другое. Ее случайно увидѣлъ нѣкто Одинцовъ, очень богатый человѣкъ, лѣтъ сорока-шести, чудакъ, ипохондрикъ, пухлый, тяжелый и кислый, впрочемъ не глупый и не злой; влюбился въ нее и предложилъ ей руку. Она согласилась быть его женой, — а онъ пожилъ съ ней лѣтъ шесть и, умирая, упрочилъ за ней все свое состояніе. Анна Сергѣевна около года послѣ его смерти не выѣзжала изъ деревни; потомъ отправилась вмѣстѣ съ сестрой за границу, но побывала только въ Германіи; соскучилась и вернулась на жительство въ свое любезное Никольское, отстоявшее верстъ сорокъ отъ

города ***. Тамъ у ней былъ великолѣпный, отлично-убранный домъ, прекрасный садъ съ оранжереями: покойный Одинцовъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Въ городъ Анна Сергѣевна являлась очень рѣдко, большею частью по дѣламъ и то не надолго. Ея не любили въ губерніи, ужасно кричали по поводу ея брака съ Одинцовымъ, разсказывали про нее всевозможныя небылицы, увѣряли, что она помогала отцу въ его шуллерскихъ продѣлкахъ, что и за границу она ѣздила недаромъ, а изъ необходимости скрыть несчастныя послѣдствія... „Вы понимаете чего?“ договаривали негодующіе разсказчики. — „Прошла черезъ огонь и воду“, говорили о ней; а извѣстный губернскій острякъ обыкновенно прибавлялъ: „и черезъ мѣдныя трубы“. Всѣ эти толки доходили до нея; но она пропускала ихъ мимо ушей: характеръ у нея былъ свободный и довольно рѣшительный.

Одинцова сидѣла, прислонясь къ спинкѣ креселъ и, положивъ руку на руку, слушала Базарова. Онъ говорилъ, противъ обыкновенія, довольно много и явно старался занять свою собесѣдницу, что опять удивило Аркадія. Онъ не могъ рѣшить, достигалъ ли Базаровъ своей цѣли. По лицу Анны Сергѣевны трудно было догадаться, какія она испытывала впечатлѣнія: оно сохраняло одно и то же выраженіе, привѣтливое, тонкое; ея прекрасные глаза свѣтились вниманіемъ, но вниманіемъ безмятежнымъ. Ломаніе Базарова, въ первыя минуты посѣщенія, непріятно подѣйствовало на нее, какъ дурной запахъ или рѣзкій звукъ; но она тотчасъ же поняла, что онъ чувствовалъ смущеніе, и это ей даже польстило. Одно пошлое ее отталкивало, а въ пошлости никто бы не упрекнулъ Базарова. Аркадію пришлось въ тотъ день не переставать удивляться. Онъ ожидалъ, что Базаровъ заговоритъ съ Одинцовой, какъ съ женщиной умной, о своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ: она же сама изъявила желаніе послушать человѣка, „который имѣетъ смѣлость ничему не вѣрить“, но вмѣсто того Базаровъ толковалъ о медицинѣ, о гомеопатіи, о ботаникѣ. Оказалось, что Одинцова не теряла времени въ уединеніи: она прочла

нѣсколько хорошихъ книгъ и выражалась правильнымъ русскимъ языкомъ. Она навела рѣчь на музыку, но замѣтивъ, что Базаровъ не признаетъ искусства, потихоньку возвратилась къ ботаникѣ, хотя Аркадій и пустился-было толковать о значеніи народныхъ мелодій. Одинцова продолжала обращаться съ нимъ какъ съ младшимъ братомъ: казалось, она цѣнила въ немъ доброту и простодушіе молодости — и только. Часа три слишкомъ длилась бесѣда неторопливая, разнообразная и живая.

Пріятели наконецъ поднялись и стали прощаться. Анна Сергѣевна ласково поглядѣла на нихъ, протянула обоимъ свою красивую, бѣлую руку и, подумавъ немного, съ нерѣшительною, но хорошею улыбкой проговорила:

— Если вы, господа, не боитесь скуки, пріѣзжайте ко мнѣ въ Никольское.

— Помилуйте, Анна Сергѣевна, — воскликнулъ Аркадій:—я за особенное счастье почту...

— А вы, мсьё Базаровъ?

Базаровъ только поклонился,—и Аркадію въ послѣдній разъ пришлось удивиться: онъ замѣтилъ, что пріятель его покраснѣлъ.

— Ну?— говорилъ онъ ему на улицѣ:—ты все того же мнѣнія, что она—ой-ой-ой?

— А кто ее знаетъ! Вишь, какъ она себя заморозила!— возразилъ Базаровъ и, помолчавъ немного, прибавилъ:— герцогиня, владѣтельная особа. Ей бы только шлейфъ сзади носить, да корону на головѣ.

— Наши герцогини такъ по-русски не говорятъ, — замѣтилъ Аркадій.

— Въ передѣлѣ была, братецъ ты мой, нашего хлѣба покушала.

— А все-таки она прелесть,—промолвилъ Аркадій.

— Этакое богатое тѣло!—продолжалъ Базаровъ:—хоть сейчасъ въ анатомическій театръ.

— Перестань ради Бога, Евгеній! это ни на что не похоже.

— Ну, не сердись, нѣженка. Сказано—первый сортъ. Надо будетъ поѣхать къ ней.

— Когда?

— Да хоть послѣзавтра. Что̀ намъ здѣсь дѣлать-то! Шампанское съ Кукшиной пить? Родственника твоего, либеральнаго сановника, слушать?.. Послѣзавтра же и махнемъ. Кстати — и моего отца усадьбишка оттуда не далеко. Вѣдь это Никольское по *** дорогѣ.

— Да.

— Optime. Нечего мѣшкать; мѣшкаютъ одни дураки— да умники. Я тебѣ говорю: богатое тѣло!

Три дня спустя, оба пріятеля катили по дорогѣ въ Никольское. День стоялъ свѣтлый и не слишкомъ жаркій, и ямскія сытыя лошадки дружно бѣжали, слегка помахивая своими закрученными и заплетенными хвостами. Аркадій глядѣлъ на дорогу и улыбался, самъ не зная чему.

— Поздравь меня, — воскликнулъ вдругъ Базаровъ: — сегодня 22-е іюня, день моего ангела. Посмотримъ, какъ-то онъ обо мнѣ печется. Сегодня меня дома ждутъ, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ... — Ну, подождутъ, что за важность!

XVI.

Усадьба, въ которой жила Анна Сергѣевна, стояла на пологомъ, открытомъ холмѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ желтой каменной церкви съ зеленою крышей, бѣлыми колоннами и живописью ai fresco надъ главнымъ входомъ, представлявшею „Воскресеніе Христово“ въ „итальянскомъ“ вкусѣ. Особенно замѣчателенъ своими округленными контурами былъ распростертый на первомъ планѣ смуглый воинъ въ шишакѣ. За церковью тянулось въ два ряда длинное село съ кое-гдѣ мелькающими трубами надъ соломенными крышами. Господскій домъ былъ построенъ въ одномъ стилѣ съ церковью, въ томъ стилѣ, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ Александровскаго; домъ этотъ былъ также выкрашенъ желтою краской, и крышу имѣлъ зеленую; и

бѣлыя колонны, и фронтонъ съ гербомъ. Губернскій архитекторъ воздвигнулъ оба зданія съ одобренія покойнаго Одинцова, не терпѣвшаго никакихъ пустыхъ и самопроизвольныхъ, какъ онъ выражался, нововведеній. Къ дому съ обѣихъ сторонъ прилегали темныя деревья стариннаго сада, аллея стриженныхъ ёлокъ вела къ подъѣзду.

Пріятелей нашихъ встрѣтили въ передней два рослые лакея въ ливреѣ; одинъ изъ нихъ тотчасъ побѣжалъ за дворецкимъ. Дворецкій, толстый человѣкъ въ черномъ фракѣ, немедленно явился и направилъ гостей по устланной коврами лѣстницѣ въ особую комнату, гдѣ уже стояли двѣ кровати со всѣми принадлежностями туалета. Въ домѣ видимо царствовалъ порядокъ: все было чисто, всюду пахло какимъ-то приличнымъ запахомъ, точно въ министерскихъ пріемныхъ.

— Анна Сергѣевна просятъ васъ пожаловать къ нимъ черезъ полчаса,—доложилъ дворецкій:—не будетъ ли отъ васъ, покамѣстъ, какихъ приказаній?

— Никакихъ приказаній не будетъ, почтеннѣйшій,— отвѣтилъ Базаровъ:—развѣ рюмку водочки соблаговолите поднести.

— Слушаю-съ,—промолвилъ дворецкій не безъ недоумѣнья, и удалился, скрипя сапогами.

— Какой гранжанръ!—замѣтилъ Базаровъ:—кажется, это такъ по-вашему называется? Герцогиня, да и полно.

— Хороша герцогиня,—возразилъ Аркадій:—съ перваго раза пригласила къ себѣ такихъ сильныхъ аристократовъ, каковы мы съ тобой.

— Особенно я, будущій лѣкарь, и лѣкарскій сынъ, и дьячковскій внукъ... Вѣдь ты знаешь, что я внукъ дьячка?..

— Какъ Сперанскій,—прибавилъ Базаровъ, послѣ небольшого молчанія и скрививъ губы.—А все-таки избаловала она себя; охъ, какъ избаловала себя эта барыня! Ужъ не фраки ли намъ надѣть?

Аркадій только плечомъ пожалъ... но и онъ чувствовалъ небольшое смущеніе.

Полчаса спустя Базаровъ съ Аркадіемъ сошли въ гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но безъ особеннаго вкуса. Тяжелая, дорогая мебель стояла въ обычномъ чопорномъ порядкѣ вдоль стѣнъ, обитыхъ коричневыми обоями съ золотыми разводами; покойный Одинцовъ выписалъ ее изъ Москвы черезъ своего пріятеля и комиссіонера, виннаго торговца. Надъ среднимъ диваномъ висѣлъ портретъ обрюзглаго бѣлокураго мужчины—и, казалось, недружелюбно глядѣлъ на гостей.

— Должно-быть *самъ*, — шепнулъ Базаровъ Аркадію и, сморщивъ носъ, прибавилъ:—аль удрать?

Но въ это мгновенье вошла хозяйка. На ней было легкое барежевое платье; гладко зачесанные за уши волосы придавали дѣвическое выраженіе ея чистому и свѣжему лицу.

— Благодарствуйте, что сдержали слово,—начала она:— погостите у меня: здѣсь, право, недурно. Я васъ познакомлю съ моей сестрою, она хорошо играетъ на фортепіано. Вамъ, мсьё Базаровъ, это все равно; но вы, мсьё Кирсановъ, кажется, любите музыку; кромѣ сестры у меня живетъ старушка-тетка, да сосѣдъ одинъ иногда наѣзжаетъ въ карты играть: вотъ и все наше общество. А теперь сядемъ.

Одинцова произнесла весь этотъ маленькій спичъ съ особенною отчетливостью, словно она наизусть его выучила; потомъ она обратилась къ Аркадію. Оказалось, что мать ея знавала Аркадіеву мать, и была даже повѣренною ея любви къ Николаю Петровичу. Аркадій съ жаромъ заговорилъ о покойницѣ; а Базаровъ между тѣмъ принялся разсматривать альбомы. „Какой я смирненькій сталъ“, думалъ онъ про себя.

Красивая борзая собака съ голубымъ ошейникомъ вбѣжала въ гостиную, стуча ногтями по полу, а вслѣдъ за нею вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, черноволосая и смуглая, съ нѣсколько круглымъ, но пріятнымъ лицомъ, съ небольшими темными глазами. Она держала въ рукахъ корзину, наполненную цвѣтами.

— Вотъ вамъ и моя Катя, — проговорила Одинцова, указавъ на нее движеніемъ головы.

Катя слегка присѣла, помѣстилась возлѣ сестры и принялась разбирать цвѣты. Борзая собака, имя которой было Фифи, подошла, махая хвостомъ, поочередно къ обоимъ гостямъ, и ткнула каждаго изъ нихъ своимъ холоднымъ носомъ въ руку.

— Это ты все сама нарвала?—спросила Одинцова.

— Сама,—отвѣчала Катя.

— А тетушка придетъ къ чаю?

— Придетъ.

Когда Катя говорила, она очень мило улыбалась, застѣнчиво и откровенно, и глядѣла, какъ-то забавно-сурово, снизу вверхъ. Все въ ней было еще молодо-зелено: и голосъ, и пушокъ на всемъ лицѣ, и розовыя руки съ бѣловатыми кружками на ладоняхъ, и чуть-чуть сжатыя плечи... Она безпрестанно краснѣла и быстро переводила духъ.

Одинцова обратилась къ Базарову.

— Вы изъ приличія разсматриваете картинки, Евгеній Васильичъ, — начала она. — Васъ это не занимаетъ. Подвиньтесь-ка лучше къ намъ, и давайте поспоримте о чемъ-нибудь.

Базаровъ приблизился.

— О чемъ прикажете-съ?—промолвилъ онъ.

— О чемъ хотите. Предупреждаю васъ, что я ужасная спорщица.

— Вы?

— Я. Васъ это какъ будто удивляетъ. Почему?

— Потому что, сколько я могу судить, у васъ нравъ спокойный и холодный, а для спора нужно увлеченіе.

— Какъ это вы успѣли меня узнать такъ скоро? Я, во-первыхъ, нетерпѣлива и настойчива, спросите лучше Катю; а во-вторыхъ, я очень легко увлекаюсь.

Базаровъ поглядѣлъ на Анну Сергѣевну.

— Можетъ-быть, вамъ лучше знать. Итакъ, вамъ угодно спорить, — извольте. Я разсматривалъ виды Саксонской Швейцаріи въ вашемъ альбомѣ, а вы мнѣ замѣтили, что

это меня занять не можетъ. Вы это сказали оттого, что не предполагаете во мнѣ художественнаго смысла, — да, во мнѣ дѣйствительно его нѣтъ; но эти виды могли меня заинтересовать съ точки зрѣнія геологической, съ точки зрѣнія формаціи горъ, напримѣръ.

— Извините; какъ геологъ, вы скорѣе къ книгѣ прибѣгнете, къ спеціальному сочиненію, а не къ рисунку.

— Рисунокъ наглядно представитъ мнѣ то, что̀ въ книгѣ изложено на цѣлыхъ десяти страницахъ.

Анна Сергѣевна помолчала.

— И такъ-таки у васъ ни капельки художественнаго смысла нѣтъ? — промолвила она, облокотясь на столъ, и этимъ самымъ движеніемъ приблизивъ свое лицо къ Базарову.—Какъ же вы это безъ него обходитесь?

— А на что̀ онъ нуженъ, позвольте спросить?

— Да хоть на то, чтобъ умѣть узнавать и изучать людей.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Во-первыхъ, на это существуетъ жизненный опытъ; а, во-вторыхъ, доложу вамъ, изучать отдѣльныя личности не сто̀итъ труда. Всѣ люди другъ на друга похожи, какъ тѣломъ, такъ и душой; у каждаго изъ насъ мозгъ, селезенка, сердце, легкія одинаково устроены; и такъ-называемыя нравственныя качества одни и тѣ же у всѣхъ: небольшія видоизмѣненія ничего не значатъ. Достаточно одного человѣческаго экземпляра, чтобы судить обо всѣхъ другихъ. Люди, что̀ деревья въ лѣсу; ни одинъ ботаникъ не станетъ заниматься каждою отдѣльною березой.

Катя, которая, не спѣша, подбирала цвѣтокъ къ цвѣтку, съ недоумѣніемъ подняла глаза на Базарова, — и, встрѣтивъ его быстрый и небрежный взглядъ, вспыхнула вся до ушей. Анна Сергѣевна покачала головой.

— Деревья въ лѣсу,—повторила она.—Стало-быть, по вашему нѣтъ разницы между глупымъ и умнымъ человѣкомъ, между добрымъ и злымъ.

— Нѣтъ, есть: какъ между больнымъ и здоровымъ. Легкія у чахоточнаго не въ томъ положеніи, какъ у насъ съ вами, хоть устроены одинаково. Мы приблизительно

знаемъ, отчего происходятъ тѣлесные недуги; а нравственныя болѣзни происходятъ отъ дурного воспитанія, отъ всякихъ пустяковъ, которыми сызмала набиваютъ людскія головы, отъ безобразнаго состоянія общества, однимъ словомъ, исправьте общество, и болѣзней не будетъ.

Базаровъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, какъ будто въ то же время думалъ про себя: „вѣрь мнѣ, или не вѣрь, это мнѣ все едино!“ Онъ медленно проводилъ своими длинными пальцами по бакенбардамъ, а глаза его бѣгали по угламъ.

— И вы полагаете, — промолвила Анна Сергѣевна:— что, когда общество исправится, уже не будетъ ни глупыхъ, ни злыхъ людей?

— По крайней мѣрѣ, при правильномъ устройствѣ общества, совершенно будетъ все равно, глупъ ли человѣкъ или уменъ, золъ или добръ.

— Да, понимаю; у всѣхъ будетъ одна и та же селезенка.

— Именно такъ-съ, сударыня.

Одинцова обратилась къ Аркадію.

— А ваше какое мнѣніе, Аркадій Николаевичъ?

— Я согласенъ съ Евгеніемъ,—отвѣчалъ онъ.

Катя поглядѣла на него исподлобья.

— Вы меня удивляете, господа, — промолвила Одинцова: — но мы еще съ вами потолкуемъ. А теперь, я слышу, тетушка идетъ чай пить; мы должны пощадить ея уши.

Тетушка Анны Сергѣевны, княжна Х.....ая, худенькая и маленькая женщина съ сжатымъ въ кулачокъ лицомъ и неподвижными злыми глазами подъ сѣдою накладкой, вошла и, едва поклонившись гостямъ, опустилась въ широкое бархатное кресло, на которое никто, кромѣ ея, не имѣлъ права садиться. Катя поставила ей скамейку подъ ноги; старуха не поблагодарила ее, даже не взглянула на нее, только пошевелила руками подъ желтою шалью, покрывавшею почти все ея тщедушное тѣло. Княжна любила желтый цвѣтъ: у ней и на чепцѣ были ярко-желтыя ленты.

— Какъ вы почивали, тетушка? — спросила Одинцова, возвысивъ голосъ.

— Опять эта собака здѣсь, — проворчала въ отвѣтъ старуха, и замѣтивъ, что Фифи сдѣлала два нерѣшительные шага въ ея направленіи, воскликнула: — брысь, брысь!

Катя позвала Фифи и отворила ей дверь.

Фифи радостно бросилась вонъ, въ надеждѣ, что ее поведутъ гулять, но, оставшись одна за дверью, начала скрестись и повизгивать. Княжна нахмурилась, Катя хотѣла-было выйти...

— Я думаю, чай готовъ?—промолвила Одинцова.—Господа, пойдемте; тетушка, пожалуйте чай кушать.

Княжна молча встала съ кресла, и первая вышла изъ гостиной. Всѣ отправились вслѣдъ за ней въ столовую. Казачокъ въ ливреѣ съ шумомъ отодвинулъ отъ стола обложенное подушками, также завѣтное, кресло, въ которое опустилась княжна; Катя, разливавшая чай, первой ей подала чашку съ раскрашеннымъ гербомъ. Старуха положила себѣ меду въ чашку (она находила, что пить чай съ сахаромъ и грѣшно, и дорого, хотя сама не тратила копейки ни на что), и вдругъ спросила хриплымъ голосомъ:

— А что пишетъ *кнесь* Иванъ?

Ей никто не отвѣчалъ. Базаровъ и Аркадій скоро догадались, что на нее не обращали вниманія, хотя обходились съ нею почтительно. „*Для ради* важности держатъ, потому что княжеское отродье“, подумалъ Базаровъ... Послѣ чаю Анна Сергѣевна предложила пойти гулять: но сталъ накрапывать дождикъ, и все общество, за исключеніемъ княжны, вернулось въ гостиную. Пріѣхалъ сосѣдъ, любитель карточной игры, по имени Порфирій Платонычъ, толстенькій, сѣденькій человѣкъ съ коротенькими, точно выточенными ножками, очень вѣжливый и смѣшливый. Анна Сергѣевна, которая разговаривала все больше съ Базаровымъ, спросила его—не хочетъ ли онъ сразиться съ ними по-старомодному въ преферансъ. Базаровъ согласился, говоря, что ему надобно за-

ранѣе приготовится къ предстоящей ему должности уѣзднаго лѣкаря.

— Берегитесь, — замѣтила Анна Сергѣевна: — мы съ Порфиріемъ Платонычемъ васъ разобьемъ. А ты, Катя,— прибавила она:---сыграй что-нибудь Аркадію Николаевичу; онъ любитъ музыку, мы кстати послушаемъ.

Катя неохотно приблизилась къ фортепіано; и Аркадій, хотя точно любилъ музыку, неохотно пошелъ за ней: ему казалось, что Одинцова его отсылаетъ,—а у него на сердцѣ, какъ у всякаго молодого человѣка въ его годы, уже накипало какое-то смутное и томительное ощущеніе, похожее на предчувствіе любви. Катя подняла крышку фортепіано и, не глядя на Аркадія, промолвила вполголоса:

— Что̀ же вамъ сыграть?

— Что̀ хотите,—равнодушно отвѣтилъ Аркадій.

— Вы какую музыку больше любите?—повторила Катя, не перемѣняя положенія.

— Классическую, — тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ Аркадій.

— Моцарта любите?

— Моцарта люблю.

Катя достала це-мольную сонату-фантазію Моцарта. Она играла очень хорошо, хотя немного строго и сухо. Не отводя глазъ отъ нотъ и крѣпко стиснувъ губы, сидѣла она неподвижно и прямо, и только къ концу сонаты лицо ея разгорѣлось, и маленькая прядь развившихся волосъ упала на темную бровь.

Аркадія въ особенности поразила послѣдняя часть сонаты, та часть, въ которой посреди плѣнительной веселости безпечнаго напѣва, внезапно возникаютъ порывы такой горестной, почти трагической скорби... Но мысли, возбужденныя въ немъ звуками Моцарта, относились не къ Катѣ. Глядя на нее, онъ только подумалъ: „А вѣдь не дурно играетъ эта барышня, и сама она не дурна“.

Кончивъ сонату, Катя, не принимая рукъ съ клавишей, спросила: „довольно?“ Аркадій объявилъ, что не смѣетъ

утруждать ее болѣе, и заговорилъ съ ней о Моцартѣ; спросилъ ее—сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее отрекомендовалъ? Но Катя отвѣчала ему односложно: она *спряталась*, ушла въ себя. Когда это съ ней случалось, она нескоро выходила наружу; самое лицо ея принимало тогда выраженіе упрямое, почти тупое. Она была не то что робка, а недовѣрчива и немного запугана воспитавшею ее сестрой, чего, разумѣется, та и не подозрѣвала. Аркадій кончилъ тѣмъ, что, подозвавъ возвратившуюся Фифи, сталъ для контенансу, съ благосклонною улыбкой, гладить ее по головѣ. Катя опять взялась за свои цвѣты.

А Базаровъ, между тѣмъ, ремизился да ремизился. Анна Сергѣевна играла мастерски въ карты, Порфирій Платонычъ тоже могъ постоять за себя. Базаровъ остался въ проигрышѣ, хотя незначительномъ, но все-таки не совсѣмъ для него пріятномъ. За ужиномъ Анна Сергѣевна снова завела рѣчь о ботаникѣ.

— Пойдемте гулять завтра поутру,—сказала она ему:— я хочу узнать отъ васъ латинскія названія полевыхъ растеній и ихъ свойства.

— На что̀ вамъ латинскія названія?—спросилъ Базаровъ.

— Во всемъ нуженъ порядокъ,—отвѣчала она.

— Что за чудесная женщина Анна Сергѣевна!—воскликнулъ Аркадій, оставшись наединѣ съ своимъ другомъ въ отведенной имъ комнатѣ.

— Да,—отвѣчалъ Базаровъ:—баба съ мозгомъ. Ну, и видала же она виды.

— Въ какомъ смыслѣ ты это говоришь, Евгеній Васильичъ?

— Въ хорошемъ смыслѣ, въ хорошемъ, батюшка вы мой, Аркадій Николаичъ! Я увѣренъ, что она и своимъ имѣніемъ отлично распоряжается. Но чудо—не она, а ея сестра.

— Какъ? эта смугленькая?

— Да, эта смугленькая. Это вотъ свѣжо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что̀ хочешь. Вотъ кѣмъ

можно заняться. Изъ этой еще что̀ вздумаешь, то и сдѣлаешь; а та—тертый калачъ.

Аркадій ничего не отвѣчалъ Базарову, и каждый изъ нихъ легъ спать съ особенными мыслями въ головѣ.

И Анна Сергѣевна въ тотъ вечеръ думала о своихъ гостяхъ. Базаровъ ей понравился—отсутствіемъ кокетства и самою рѣзкостью сужденій. Она видѣла въ немъ что-то новое, съ чѣмъ ей не случалось встрѣтиться, а она была любопытна.

Анна Сергѣевна была довольно странное существо. Не имѣя никакихъ предразсудковъ, не имѣя даже никакихъ сильныхъ вѣрованій, она ни передъ чѣмъ не уступала и никуда не шла. Она многое ясно видѣла, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ее вполнѣ; да она едва ли и желала полнаго удовлетворенія. Ея умъ былъ пытливъ и равнодушенъ въ одно и то же время: ея сомнѣнія не утихали никогда до забывчивости, и никогда не доростали до тревоги. Не будь она богата и независима, она, быть-можетъ, бросилась бы въ битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчасъ, и она продолжала провожать день за днемъ, не спѣша и лишь изрѣдка волнуясь. Радужныя краски загорались иногда и у ней передъ глазами, но она отдыхала, когда онѣ угасали, и не жалѣла о нихъ. Воображеніе ея уносилось даже за предѣлы того, что̀ по законамъ обыкновенной морали считается дозволеннымъ; но и тогда кровь ея попрежнему тихо катилась въ ея обаятельно-стройномъ и спокойномъ тѣлѣ. Бывало, выйдя изъ благовонной ванны, вся теплая и разнѣженная, она замечтается о ничтожности жизни, объ ея горѣ, трудѣ и злѣ... Душа ея наполнится внезапною смѣлостію, закипитъ благороднымъ стремленіемъ; но сквозной вѣтеръ подуетъ изъ полузакрытаго окна, и Анна Сергѣевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей нужно въ это мгновеніе: чтобы не дулъ на нее этотъ гадкій вѣтеръ.

Какъ всѣ женщины, которымъ не удалось полюбить, она хотѣла чего-то, сама не зная, чего именно. Собственно ей ничего не хотѣлось, хотя ей казалось, что ей хотѣ-

лось всего. Покойнаго Одинцова она едва выносила (она вышла за него по расчету, хотя она, вѣроятно, не согласилась бы сдѣлаться его женой, если бъ она не считала его за добраго человѣка) и получила тайное отвращеніе ко всѣмъ мужчинамъ, которыхъ представляла себѣ не иначе, какъ неопрятными, тяжелыми и вялыми, безсильно докучливыми существами. Разъ она гдѣ-то за границей встрѣтила молодого, красиваго шведа съ рыцарскимъ выраженіемъ лица, съ честными, голубыми глазами подъ открытымъ лбомъ; онъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, но это не помѣшало ей вернуться въ Россію.

„Странный человѣкъ этотъ лѣкарь?“ думала она, лежа въ своей великолѣпной постели, на кружевныхъ подушкахъ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ... Анна Сергѣевна наслѣдовала отъ отца частицу его наклонности къ роскоши. Она очень любила своего грѣшнаго, но добраго отца, а онъ обожалъ ее, дружелюбно шутилъ съ ней, какъ съ ровней, и довѣрялся ей вполнѣ, совѣтовался съ ней. Мать свою она едва помнила.

„Странный этотъ лѣкарь!“ повторила она про себя. Она потянулась, улыбнулась, закинула руки за голову, потомъ пробѣжала глазами страницы двѣ глупаго французскаго романа, выронила книжку — и заснула, вся чистая и холодная, въ чистомъ и душистомъ бѣльѣ.

На слѣдующее утро Анна Сергѣевна, тотчасъ послѣ завтрака, отправилась ботанизировать съ Базаровымъ и возвратилась передъ самымъ обѣдомъ; Аркадій никуда не отлучался и провелъ около часа съ Катей. Ему не было скучно съ нею, она сама вызвалась повторить ему вчерашнюю сонату; но когда Одинцова возвратилась, наконецъ, когда онъ увидалъ ее — сердце въ немъ мгновенно сжалось... Она шла по саду нѣсколько усталою походкой; щеки ея алѣли и глаза свѣтились ярче обыкновеннаго подъ соломенною круглою шляпой. Она вертѣла въ пальцахъ тонкій стебелекъ полевого цвѣтка, легкая мантилья спустилась ей на локти, и широкія, сѣрыя ленты шляпы прильнули къ ея груди. Базаровъ шелъ сзади ея, самоувѣренно и небрежно, какъ всегда, но выраженіе его

лица, хотя веселое и даже ласковое, не понравилось Аркадію. Пробормотавъ сквозь зубы: „здравствуй!“—Базаровъ отправился къ себѣ въ комнату, а Одинцова разсѣянно пожала Аркадію руку и тоже прошла мимо его.

„Здравствуй“, подумалъ Аркадій... „Развѣ мы не видѣлись сегодня?“

XVII.

Время (дѣло извѣстное) летитъ иногда птицей, иногда ползетъ червякомъ; но человѣку бываетъ особенно хорошо тогда, когда онъ даже не замѣчаетъ—скоро ли, тихо ли оно проходитъ. Аркадій и Базаровъ именно такимъ образомъ провели дней пятнадцать у Одинцовой. Этому отчасти способствовалъ порядокъ, который она завела у себя въ домѣ и въ жизни. Она строго его придерживалась и заставляла другихъ ему покоряться. Все въ теченіе дня совершалось въ извѣстную пору. Утромъ, ровно въ восемь часовъ, все общество собиралось къ чаю; отъ чая до завтрака всякій дѣлалъ что̀ хотѣлъ, сама хозяйка занималась съ приказчикомъ (имѣніе было на оброкѣ), съ дворецкими, съ главною ключницей. Передъ обѣдомъ общество опять сходилось для бесѣды или для чтенія; вечеръ посвящался прогулкѣ, картамъ, музыкѣ; въ половинѣ одиннадцатаго Анна Сергѣевна уходила къ себѣ въ комнату, отдавала приказанія на слѣдующій день и ложилась спать. Базарову не нравилась эта размѣренная, нѣсколько торжественная правильность ежедневной жизни; „какъ по рельсамъ катишься“, увѣрялъ онъ: ливрейные лакеи, чинные дворецкіе оскорбляли его демократическое чувство. Онъ находилъ, что ужъ если на то пошло, такъ обѣдать слѣдовало по-англійски, во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Онъ однажды объяснился объ этомъ съ Анной Сергѣевной. Она такъ себя держала, что каждый человѣкъ, не обинуясь, высказывалъ передъ ней свои мнѣнія. Она выслушала его и промолвила: „съ вашей точки зрѣнія вы правы—и, можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, я—барыня; но въ деревнѣ нельзя жить безпорядочно, скука одолѣетъ“,—и продолжала дѣлать по-своему. Базаровъ ворчалъ, но и

ему, и Аркадію, оттого и жилось такъ легко у Одинцовой, что все въ ея домѣ „катилось какъ по рельсамъ“. Со всѣмъ тѣмъ, въ обоихъ молодыхъ людяхъ, съ первыхъ же дней ихъ пребыванія въ Никольскомъ, произошла перемѣна. Въ Базаровѣ, къ которому Анна Сергѣевна очевидно благоволила, хотя рѣдко съ нимъ соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: онъ легко раздражался, говорилъ нехотя, глядѣлъ сердито и не могъ усидѣть на мѣстѣ, словно что̀ его подмывало; а Аркадій, который окончательно самъ съ собой рѣшилъ, что влюбленъ въ Одинцову, началъ предаваться тихому унынію. Впрочемъ, это уныніе не мѣшало ему сблизиться съ Катей; оно даже помогло ему войти съ нею въ ласковыя, пріятельскія отношенія. „Меня *она* не цѣнитъ! Пусть!.. А вотъ доброе существо меня не отвергаетъ“, думалъ онъ, и сердце его снова вкушало сладость великодушныхъ ощущеній. Катя смутно понимала, что онъ искалъ какого-то утѣшенія въ ея обществѣ, и не отказывала ни ему, ни себѣ въ невинномъ удовольствіи полустыдливой, полудовѣрчивой дружбы. Въ присутствіи Анны Сергѣевны они не разговаривали между собою: Катя всегда сжималась подъ зоркимъ взглядомъ сестры, а Аркадій, какъ оно и слѣдуетъ влюбленному человѣку, вблизи своего предмета уже не могъ обращать вниманія ни на что другое; но хорошо ему было съ одной Катей. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ занять Одинцову; онъ робѣлъ и терялся, когда оставался съ ней наединѣ; и она не знала, что̀ ему сказать: онъ былъ слишкомъ для нея молодъ. Напротивъ, съ Катей Аркадій былъ какъ дома; онъ обращался съ ней снисходительно, не мѣшалъ ей высказывать впечатлѣнія, возбужденныя въ ней музыкой, чтеніемъ повѣстей, стиховъ и прочими пустяками, самъ не замѣчая или не сознавая, что эти *пустяки* и его занимали. Съ своей стороны, Катя не мѣшала ему грустить. Аркадію было хорошо съ Катей, Одинцовой — съ Базаровымъ, а потому обыкновенно случалось такъ: обѣ барочки, побывъ немного вмѣстѣ, расходились каждая въ свою сторону, особенно во время прогулокъ. Катя *обожала* природу, и Аркадій ее

любилъ, хоть и не смѣлъ признаться въ этомъ; Одинцова была къ ней довольно равнодушна, такъ же какъ и Базаровъ. Почти постоянное разъединеніе нашихъ пріятелей не осталось безъ послѣдствій: отношенія между ними стали мѣняться. Базаровъ пересталъ говорить съ Аркадіемъ объ Одинцовой, пересталъ даже бранить ея „аристократическія замашки"; правда, Катю онъ хвалилъ попрежнему и только совѣтовалъ умѣрять въ ней сентиментальныя наклонности, но похвалы его были торопливы, совѣты сухи, и вообще онъ съ Аркадіемъ бесѣдовалъ гораздо меньше прежняго... онъ какъ будто избѣгалъ, какъ будто стыдился его...

Аркадій все это замѣчалъ, но хранилъ про себя свои замѣчанія.

Настоящею причиной всей этой „новизны" было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что̀ въ немъ происходило. Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тогенбурга со всѣми миннезенгерами и трубадурами?— „Нравится тебѣ женщина", говаривалъ онъ: „старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клиномъ сошлась". Одинцова ему нравилась: распространенные слухи о ней, свобода и независимость ея мыслей, ея несомнѣнное расположеніе къ нему—все, казалось, говорило въ его пользу; но онъ скоро понялъ, что съ ней „не добьешься толку", а отвернуться отъ нея онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы съ своею кровью, но что-то другое въ него вселилось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ

всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной онъ еще больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣніе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшіяся вѣтки, и браня вполголоса и ее, и себя; или забирался на сѣновалъ, въ сарай, и упрямо закрывая глаза, заставлялъ себя спать, что́ ему, разумѣется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтятъ на его поцѣлуи, что эти умные глаза съ нѣжностію—да, съ нѣжностію остановятся на его глазахъ, и голова его закружится и онъ забудется на мигъ, пока опять не вспыхнетъ въ немъ негодованіе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода „постыдныхъ“ мысляхъ, точно бѣсъ его дразнилъ. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица проявлялось что-то особенное, что, можетъ-быть... Но тутъ онъ обыкновенно топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ.

А между тѣмъ Базаровъ не совсѣмъ ошибался. Онъ поразилъ воображеніе Одинцовой; онъ занималъ ее, она много о немъ думала. Въ его отсутствіи она не скучала, не ждала его, но его появленіе тотчасъ ее оживляло; она охотно оставалась съ нимъ наединѣ и охотно съ нимъ разговаривала, даже тогда, когда онъ ее сердилъ или оскорблялъ ея вкусъ, ея изящныя привычки. Она какъ будто хотѣла и его испытать, и себя извѣдать.

Однажды онъ, гуляя съ ней по саду, внезапно промолвилъ угрюмымъ голосомъ, что намѣренъ скоро уѣхать въ деревню къ отцу... Она поблѣднѣла, словно ее что̀ въ сердце кольнуло, да такъ кольнуло, что она удивилась и долго потомъ размышляла о томъ, что̀ бы это значило. Базаровъ объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ не съ мыслію испытать ее, посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ: онъ никогда не „сочинялъ“. Утромъ того дня онъ видѣлся

съ отцовскимъ приказчикомъ, бывшимъ своимъ дядькой Тимоѳеичемъ. Этотъ Тимоѳеичъ, потертый и проворный старичокъ, съ выцвѣтшими желтыми волосами, вывѣтреннымъ краснымъ лицомъ и крошечными слезинками въ съёженныхъ глазахъ, неожиданно предсталъ передъ Базаровымъ въ своей коротенькой чуйкѣ изъ толстаго сѣросиневатаго сукна, подпоясанный ременнымъ обрывочкомъ и въ дегтярныхъ сапогахъ.

— А, старина, здравствуй!—воскликнулъ Базаровъ.

— Здравствуйте, батюшка Евгеній Васильичъ,—началъ старичокъ и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдругъ покрылось морщинами.

— Зачѣмъ пожаловалъ? За мной, что ль, прислали?

— Помилуйте, батюшка, какъ можно!—залепеталъ Тимоѳеичъ (онъ вспомнилъ строгій наказъ, полученный отъ барина, при отъѣздѣ). — Въ городъ по господскимъ дѣламъ ѣхали, да про вашу милость услыхали, такъ вотъ и завернули по пути, то-есть—посмотрѣть на вашу милость... а то какъ же можно безпокоить!

— Ну, не ври, — перебилъ его Базаровъ. — Въ городъ тебѣ развѣ здѣсь дорога?

Тимоѳеичъ помялся и ничего не отвѣчалъ.

— Отецъ здоровъ?

— Слава Богу-съ.

— И мать?

— И Арина Васильевна, слава Тебѣ Господи.

— Ждутъ меня небось!

Старичокъ склонилъ на-бокъ свою крошечную головку.

— Ахъ, Евгеній Васильевичъ, какъ не ждать-то-съ! Вѣрите ли Богу, сердце изныло на родителей на вашихъ глядючи.

— Ну, хорошо, хорошо! не расписывай. Скажи имъ, что скоро буду.

— Слушаю-съ,—со вздохомъ отвѣчалъ Тимоѳеичъ.

Выйдя изъ дома, онъ обѣими руками нахлобучилъ себѣ картузъ на голову, взобрался на убогія бѣговыя дрожки, оставленныя имъ у воротъ, и поплелся рысцой, только не въ направленіи города.

Вечеромъ того же дня Одинцова сидѣла у себя въ комнатѣ съ Базаровымъ, а Аркадій расхаживалъ по залѣ и слушалъ игру Кати. Княжна ушла къ себѣ наверхъ; она вообще терпѣть не могла гостей, и въ особенности этихъ „новыхъ оголтѣлыхъ“, какъ она ихъ называла. Въ парадныхъ комнатахъ она только дулась; зато у себя, передъ своею горничной, она разражалась иногда такою бранью, что чепецъ прыгалъ у ней на головѣ вмѣстѣ съ накладкой. Одинцова все это знала.

— Какъ же это вы ѣхать собираетесь,—начала она:— а обѣщаніе ваше?

Базаровъ встрепенулся.

— Какое-съ?

— Вы забыли? Вы хотѣли дать мнѣ нѣсколько уроковъ химіи.

— Что̀ дѣлать-съ! Отецъ меня ждетъ; нельзя мнѣ больше мѣшкать. Впрочемъ, вы можете прочесть: Pelouse et Fremy, „Notions générales de Chimie“; книга хорошая и написана ясно. Вы въ ней найдете все, что̀ нужно.

— А помните: вы меня увѣряли, что книга не можетъ замѣнить... я забыла какъ вы выразились, но вы знаете что̀ я хочу сказать... помните?

— Что̀ дѣлать-съ!—повторилъ Базаровъ.

— Зачѣмъ ѣхать? — проговорила Одинцова, понизивъ голосъ.

Онъ взглянулъ на нее. Она закинула голову на спинку креселъ и скрестила на груди руки, обнаженныя до локтей. Она казалась блѣднѣй при свѣтѣ одинокой лампы, завѣшенной вырѣзною бумажною сѣткой. Широкое бѣлое платье покрывало ее всю своими мягкими складками; едва виднѣлись кончики ея ногъ, тоже скрещенныхъ.

— А зачѣмъ оставаться?—отвѣчалъ Базаровъ.

Одинцова слегка повернула голову.

— Какъ зачѣмъ? развѣ вамъ у меня не весело? Или вы думаете, что объ васъ здѣсь жалѣть не будутъ?

— Я въ этомъ убѣжденъ.

Одинцова помолчала.

— Напрасно вы это думаете. Впрочемъ, я вамъ не

вѣрю. Вы не могли сказать это серьезно.—Базаровъ продолжалъ сидѣть неподвижно.—Евгеній Васильевичъ, что же вы молчите?

— Да что̀ мнѣ сказать вамъ? О людяхъ вообще жалѣть не сто̀итъ, а обо мнѣ подавно.

— Это почему?

— Я человѣкъ положительный, неинтересный. Говорить не умѣю.

— Вы напрашиваетесь на любезность, Евгеній Васильевичъ.

— Это не въ моихъ привычкахъ. Развѣ вы не знаете сами, что изящная сторона жизни мнѣ недоступна, та сторона, которою вы такъ дорожите?

Одинцова покусала уголъ носового платка.

— Думайте, что̀ хотите, но мнѣ будетъ скучно, когда вы уѣдете.

— Аркадій останется,—замѣтилъ Базаровъ.

Одинцова слегка пожала плечомъ.

— Мнѣ будетъ скучно,—повторила она.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во всякомъ случаѣ, долго вы скучать не будете.

— Отчего вы такъ полагаете?

— Оттого, что вы сами мнѣ сказали, что скучаете только тогда, когда вашъ порядокъ нарушается. Вы такъ непогрѣшительно-правильно устроили вашу жизнь, что въ ней не можетъ быть мѣста ни скукѣ, ни тоскѣ... никакимъ тяжелымъ чувствамъ.

— И вы находите, что я непогрѣшительна... то-есть, что я такъ правильно устроила свою жизнь?

— Еще бы! Да вотъ напримѣръ: черезъ нѣсколько минутъ пробьетъ десять часовъ, и я уже напередъ знаю, что вы прогоните меня.

— Нѣтъ, не прогоню, Евгеній Васильичъ. Вы можете остаться. Отворите это окно... мнѣ что-то душно.

Базаровъ всталъ и толкнулъ окно. Оно разомъ со стукомъ распахнулось... Онъ не ожидалъ, что оно такъ легко отворялось; притомъ его руки дрожали. Темная, мягкая ночь глянула въ комнату съ своимъ почти чернымъ не-

бомъ, слабо шумѣвшими деревьями и свѣжимъ запахомъ вольнаго, чистаго воздуха.

— Спустите штору и сядьте,—промолвила Одинцова:— мнѣ хочется поболтать съ вами передъ вашимъ отъѣздомъ. Разскажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ; вы никогда о себѣ не говорите.

— Я стараюсь бесѣдовать съ вами о предметахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна.

— Вы очень скромны... Но мнѣ хотѣлось бы узнать что-нибудь о васъ, о вашемъ семействѣ, о вашемъ отцѣ, для котораго вы насъ покидаете.

„Зачѣмъ она говоритъ такія слова?“ подумалъ Базаровъ.

— Все это нисколько не занимательно,—произнесъ онъ вслухъ:—особенно для васъ; мы люди темные...

— А я, по-вашему, аристократка?

Базаровъ поднялъ глаза на Одинцову.

— Да,—промолвилъ онъ преувеличенно-рѣзко.

Она усмѣхнулась.

— Я вижу, вы меня знаете мало, хотя вы и увѣряете, что всѣ люди другъ на друга похожи, и что ихъ изучать не стоитъ. Я вамъ когда-нибудь разскажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разскажете свою.

— Я васъ знаю мало,—повторилъ Базаровъ.—Можетъ-быть, вы правы; можетъ-быть, точно, всякій человѣкъ— загадка. Да хотя вы, напримѣръ, вы чуждаетесь общества, вы имъ тяготитесь, — и пригласили къ себѣ на жительство двухъ студентовъ. Зачѣмъ вы, съ вашимъ умомъ, съ вашей красотою, живете въ деревнѣ?

— Какъ? Какъ вы это сказали?—съ живостью подхватила Одинцова.—Съ моей... красотой?

Базаровъ нахмурился.

— Это все равно,—пробормоталъ онъ:—я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы поселились въ деревнѣ?

— Вы этого не понимаете... Однако, вы объясняете это себѣ какъ-нибудь?

— Да... я полагаю, что вы постоянно остаетесь на

одномъ мѣстѣ потому, что вы себя избаловали, потому что вы очень любите комфортъ, удобства, а ко всему остальному очень равнодушны.

Одинцова опять усмѣхнулась.

— Вы рѣшительно не хотите вѣрить, что я способна увлекаться?

Базаровъ исподлобья взглянулъ на нее.

— Любопытствомъ—пожалуй; но не иначе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я понимаю, почему мы сошлись съ вами; вѣдь и вы такой же, какъ я.

— Мы сошлись...—глухо промолвилъ Базаровъ.

— Да!.. вѣдь я забыла, что вы хотите уѣхать.

Базаровъ всталъ. Лампа тускло горѣла посреди потемнѣвшей, благовонной, уединенной комнаты; сквозь изрѣдка колыхавшуюся штору вливалась раздражительная свѣжесть ночи, слышалось ея таинственное шептаніе. Одинцова не шевелилась ни однимъ членомъ, но тайное волненіе охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Онъ вдругъ почувствовалъ себя наединѣ съ молодою, прекрасною женщиной...

— Куда вы?—медленно проговорила она.

Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ.

— Итакъ, вы считаете меня спокойнымъ, изнѣженнымъ, избалованнымъ существомъ,—продолжала она тѣмъ же голосомъ, не спуская глазъ съ окна. — А я такъ знаю о себѣ, что я несчастлива.

— Вы несчастливы! Отчего? Неужели вы можете придавать какое-нибудь значеніе дряннымъ сплетнямъ?

Одинцова нахмурилась. Ей стало досадно, что онъ такъ ее понялъ.

— Меня эти сплетни даже не смѣшатъ, Евгеній Васильевичъ, и я слишкомъ горда, чтобы позволить имъ меня безпокоить. Я несчастлива оттого... что нѣтъ во мнѣ желанія, охоты жить. Вы недовѣрчиво на меня смотрите, вы думаете: это говоритъ „аристократка“, которая вся въ кружевахъ и сидитъ на бархатномъ креслѣ. Я и не скрываюсь: я люблю то, что̀ вы называете комфортомъ, и въ то же время я мало желаю жить. Примите это про-

тиворѣчіе какъ знаете. Впрочемъ, это все въ вашихъ глазахъ романтизмъ.

Базаровъ покачалъ головою.

— Вы здоровы, независимы, богаты; чего же еще? Чего вы хотите?

— Чего я хочу,—повторила Одинцова, и вздохнула.— Я очень устала, я стара, мнѣ кажется, я очень давно живу. Да, я стара,—прибавила она, тихонько натягивая концы мантильи на свои обнаженныя руки. Ея глаза встрѣтились съ глазами Базарова, и она чуть-чуть покраснѣла. — Позади меня уже такъ много воспоминаній: жизнь въ Петербургѣ, богатство, потомъ бѣдность, потомъ смерть отца, замужество, потомъ заграничная поѣздка, какъ слѣдуетъ... Воспоминаній много, а вспомнить нечего, и впереди, передо мною — длинная, длинная дорога, а цѣли нѣтъ... Мнѣ и не хочется идти.

— Вы такъ разочарованы?—спросилъ Базаровъ.

— Нѣтъ,—промолвила съ разстановкой Одинцова:—но я не удовлетворена. Кажется, если бъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь...

— Вамъ хочется полюбить,—перебилъ ее Базаровъ:—а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе.

Одинцова принялась разсматривать рукава своей мантильи.

— Развѣ я не могу полюбить?—промолвила она.

— Едва ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается.

— Случается, что?

— Полюбить.

— А вы почемъ это знаете?

— По наслышкѣ,—сердито отвѣчалъ Базаровъ.

„Ты кокетничаешь“, подумалъ онъ: „ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать, а мнѣ...“ Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвалось.

— Притомъ, вы, можетъ-быть, слишкомъ требовательны, — промолвилъ онъ, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и играя бахромою кресла.

— Можетъ-быть. По-моему, или все, или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо.

— Что жъ?—замѣтилъ Базаровъ:—это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желали.

— А вы думаете, легко отдаться вполнѣ чему бы то ни было?

— Не легко, если станешь размышлять да выжидать, да самому себѣ придавать цѣну, дорожить собою, то-есть; а не размышляя, отдаться очень легко.

— Какъ же собою не дорожить? Если я не имѣю никакой цѣны, кому же нужна моя преданность?

— Это уже не мое дѣло; это дѣло другого разбирать, какая моя цѣна. Главное, надо умѣть отдаться.

Одинцова отдѣлилась отъ спинки кресла.

— Вы говорите такъ, — начала она: — какъ будто все это испытали.

— Къ слову пришлось, Анна Сергѣевна: это все, вы знаете, не по моей части.

— Но вы бы сумѣли отдаться?

— Не знаю, хвастаться не хочу.

Одинцова ничего не сказала, и Базаровъ умолкъ. Звуки фортепіано долетѣли до нихъ изъ гостиной.

— Что̀ это Катя такъ поздно играетъ,—замѣтила Одинцова.

Базаровъ поднялся.

— Да, теперь точно поздно, вамъ пора почивать.

— Погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово.

— Какое?

— Погодите,—шепнула Одинцова.

Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала.

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ ней, торопливо сказалъ „прощайте“, стиснулъ ей руку такъ, что она чуть не вскрикнула, и вышелъ вонъ. Она поднесла свои склеившіеся пальцы къ губамъ, подула на

нихъ, и внезапно, порывисто поднявшись съ кресла, направилась быстрыми шагами къ двери, какъ бы желая вернуть Базарова... Горничная вошла въ комнату съ графиномъ на серебряномъ подносѣ. Одинцова остановилась, велѣла ей уйти и сѣла опять, и опять задумалась. Коса ея развилась и темной змѣей упала къ ней на плечо. Лампа еще долго горѣла въ комнатѣ Анны Сергѣевны, и долго она оставалась неподвижною, лишь изрѣдка проводя пальцами по своимъ рукамъ, которыя слегка покусывалъ ночной холодъ.

А Базаровъ, часа два спустя, вернулся къ себѣ въ спальню съ мокрыми отъ росы сапогами, взъерошенный и угрюмый. Онъ засталъ Аркадія за письменнымъ столомъ съ книгой въ рукахъ, въ застегнутомъ доверху сюртукѣ.

— Ты еще не ложился?—проговорилъ онъ какъ бы съ досадой.

— Ты долго сидѣлъ сегодня съ Анной Сергѣевной,— промолвилъ Аркадій, не отвѣчая на его вопросъ.

— Да, я съ ней сидѣлъ все время, пока вы съ Катериной Сергѣевной играли на фортепіано.

— Я не игралъ... — началъ-было Аркадій, и умолкъ. Онъ чувствовалъ, что слезы приступали къ его глазамъ, а ему не хотѣлось заплакать передъ своимъ насмѣшливымъ другомъ.

XVIII.

На слѣдующій день, когда Одинцова явилась къ чаю, Базаровъ долго сидѣлъ нагнувшись надъ своею чашкою, да вдругъ взглянулъ на нее... Она обернулась къ нему, какъ будто онъ ее толкнулъ, и ему показалось, что лицо ея слегка поблѣднѣло за ночь. Она скоро ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ завтраку. Съ утра погода стояла дождливая, не было возможности гулять. Все общество собралось въ гостиную. Аркадій досталъ послѣдній нумеръ журнала, и началъ читать. Княжна, по обыкновенію своему, сперва выразила на лицѣ своемъ удивленіе, точно онъ затѣвалъ нѣчто неприличное, потомъ

злобно уставилась на него; но онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Евгеній Васильевичъ, — проговорила Анна Сергѣевна:—пойдемте ко мнѣ... Я хочу у васъ спросить... Вы назвали вчера одно руководство...

Она встала и направилась къ дверямъ. Княжна посмотрѣла вокругъ съ такимъ выраженіемъ, какъ бы желала сказать: „посмотрите, посмотрите, какъ я изумляюсь!“ и опять уставилась на Аркадія, но онъ возвысилъ голосъ и, переглянувшись съ Катей, возлѣ которой сидѣлъ, продолжалъ чтеніе.

Одинцова скорыми шагами дошла до своего кабинета. Базаровъ проворно слѣдовалъ за нею, не поднимая глазъ и только ловя слухомъ тонкій свистъ и шелестъ скользившаго передъ нимъ шелковаго платья. Одинцова опустилась на то же самое кресло, на которомъ сидѣла наканунѣ, и Базаровъ занялъ вчерашнее свое мѣсто.

— Такъ какъ же называется эта книга?—начала она послѣ небольшого молчанія.

— Pelouse et Frémy, „Notions générales“...—отвѣчалъ Базаровъ. — Впрочемъ, можно вамъ также порекомендовать — Ganot, „Traité élémentaire de physique expérimentale“. Въ этомъ сочиненіи рисунки отчетливѣе и вообще этотъ учебникъ...

Одинцова протянула руку.

— Евгеній Васильичъ, извините меня, но я позвала васъ сюда не съ тѣмъ, чтобы разсуждать объ учебникахъ. Мнѣ хотѣлось возобновить нашъ вчерашній разговоръ. Вы ушли такъ внезапно... Вамъ не будетъ скучно?

— Я къ вашимъ услугамъ, Анна Сергѣевна. Но о чемъ, бишь, бесѣдовали мы вчера съ вами?

Одинцова бросила косвенный взглядъ на Базарова.

— Мы говорили съ вами, кажется, о счастіи. Я вамъ разсказывала о самой себѣ. Кстати вотъ, я упомянула слово „счастіе“. Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, напримѣръ, музыкой, хорошимъ вечеромъ, разговоромъ съ симпатическими людьми, отчего все это

кажется скорѣе намекомъ на какое-то безмѣрное, гдѣ-то существующее счастіе, чѣмъ дѣйствительнымъ счастіемъ, то-есть такимъ, которымъ мы сами обладаемъ? Отчего это? Или вы, можетъ-быть, ничего подобнаго не ощущаете?

— Вы знаете поговорку: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ",— возразилъ Базаровъ:—притомъ же вы сами сказали вчера, что вы не удовлетворены. А мнѣ въ голову, точно, такія мысли не приходятъ.

— Можетъ-быть, онѣ кажутся вамъ смѣшными?

— Нѣтъ, но онѣ мнѣ не приходятъ въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Знаете, я бы очень желала знать, о чемъ *вы* думаете?

— Какъ? я васъ не понимаю.

— Послушайте, я давно хотѣла объясниться съ вами. Вамъ нечего говорить,—вамъ это самимъ извѣстно,—что вы человѣкъ не изъ числа обыкновенныхъ:—вы еще молоды — вся жизнь передъ вами. Къ чему вы себя готовите? какая будущность ожидаетъ васъ? я хочу сказать— какой цѣли вы хотите достигнуть, куда вы идете, что̀ у васъ на душѣ? словомъ, кто вы, что̀ вы?

— Вы меня удивляете, Анна Сергѣевна. Вамъ извѣстно, что я занимаюсь естественными науками, а кто я...

— Да, кто вы?

— Я уже докладывалъ вамъ, что я будущій уѣздный лѣкарь.

Анна Сергѣевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Зачѣмъ вы это говорите? Вы этому сами не вѣрите. Аркадій могъ бы мнѣ отвѣчать такъ, а не вы.

— Да чѣмъ же Аркадій...

— Перестаньте! Возможно ли, чтобы вы удовольствовались такою скромною дѣятельностью, и не сами ли вы всегда утверждаете, что для васъ медицина не существуетъ. Вы—съ вашимъ самолюбіемъ — уѣздный лѣкарь! Вы мнѣ отвѣчаете такъ, чтобъ отдѣлаться отъ меня, потому что вы не имѣете никакого довѣрія ко мнѣ. А знаете ли, Евгеній Васильичъ, что я умѣла бы понять васъ: я сама была бѣдна и самолюбива, какъ вы; я про-

шла, можетъ-быть, черезъ такія же испытанія, какъ и вы.

— Все это прекрасно, Анна Сергѣевна, но вы меня извините... я вообще не привыкъ высказываться; и между вами и мною такое разстояніе...

— Какое разстояніе? — Вы опять мнѣ скажете, что я аристократка? Полноте, Евгеній Васильичъ; я вамъ, кажется, доказала...

— Да и кромѣ того,—перебилъ Базаровъ:—что за охота говорить и думать о будущемъ, которое большею частью не отъ насъ зависитъ? Выйдетъ случай что-нибудь сдѣлать—прекрасно, а не выйдетъ — по крайней мѣрѣ тѣмъ будешь доволенъ, что заранѣе напрасно не болталъ.

— Вы называете дружескую бесѣду болтовней... Или, можетъ-быть, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія? — Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете.

— Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.

— Нѣтъ, я ничего не знаю... но положимъ: я понимаю ваше нежеланіе говорить о будущей вашей дѣятельности; но то, что̀ въ васъ теперь происходитъ...

— Происходитъ!—повторилъ Базаровъ:—точно я государство какое, или общество! Во всякомъ случаѣ, это вовсе не любопытно; и притомъ развѣ человѣкъ всегда можетъ громко сказать все, что̀ въ немъ „происходитъ“?

— А я не вижу, почему нельзя высказать все, что̀ имѣешь на душѣ.

— *Вы* можете?—спросилъ Базаровъ.

— Могу,—отвѣчала Анна Сергѣевна послѣ небольшого колебанія.

Базаровъ наклонилъ голову.

— Вы счастливѣе меня.

Анна Сергѣевна вопросительно посмотрѣла на него.

— Какъ хотите,—продолжала она: — а мнѣ все-таки что-то говоритъ, что мы сошлись не даромъ, что мы будемъ хорошими друзьями. Я увѣрена, что ваша эта, какъ бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнетъ наконецъ?

— А вы замѣтили во мнѣ сдержанность... какъ вы еще выразились... напряженность?

— Да.

Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну.

— И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы знать, что̀ во мнѣ происходитъ?

— Да,—повторила Одинцова, съ какимъ-то, ей еще непонятнымъ, испугомъ.

— И вы не разсердитесь?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? — Базаровъ стоялъ къ ней спиною. — Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

Одинцова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть-можетъ, сродни ей... Одинцовой стало и страшно, и жалко его.

— Евгеній Васильичъ,—проговорила она, и невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.

Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пожирающій взоръ,—и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь.

Она не тотчасъ освободилась изъ его объятій; но мгновенье спустя, она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова. Онъ рванулся къ ней...

— Вы меня не поняли,—прошептала она съ торопливымъ испугомъ. Казалось, шагни онъ еще разъ, она бы вскрикнула... Базаровъ закусилъ губы и вышелъ.

Полча́са спустя, служанка подала Аннѣ Сергѣевнѣ записку отъ Базарова; она состояла изъ одной только строчки: „долженъ ли я сегодня уѣхать — или могу остаться до завтра?“ — „Зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала— вы меня не поняли“, отвѣтила ему Анна Сергѣевна, а сама подумала: „я и себя не понимала“.

Она до обѣда не показывалась, и все ходила взадъ и

впередъ по своей комнатѣ, заложивъ руки назадъ, изрѣдка останавливаясь то передъ окномъ, то передъ зеркаломъ, и медленно проводила платкомъ по шеѣ, на которой ей все чудилось горячее пятно. Она спрашивала себя, что̀ заставляло ее „добиваться“, по выраженію Базарова, его откровенности, и не подозрѣвала ли она чего-нибудь... „Я виновата“, промолвила она вслухъ: „но я это не могла предвидѣть“. Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти звѣрское лицо Базарова, когда онъ бросился къ ней...

„Или?“ произнесла она вдругъ, и остановилась, и тряхнула кудрями... Она увидала себя въ зеркалѣ; ея назадъ закинутая голова съ таинственною улыбкой на полу-закрытыхъ, полу-раскрытыхъ глазахъ и губахъ, казалось, говорила ей въ этотъ мигъ что-то такое, отъ чего она сама смутилась...

„Нѣтъ“, рѣшила она наконецъ: „Богъ знаетъ, куда бы это повело, этимъ нельзя шутить, спокойствіе все-таки лучше всего на свѣтѣ“.

Ея спокойствіе не было потрясено; но она опечалилась, и даже всплакнула разъ, сама не зная отчего, только не отъ нанесеннаго оскорбленія. Она не чувствовала себя оскорбленною: она скорѣе чувствовала себя виноватою. Подъ вліяніемъ различныхъ смутныхъ чувствъ, сознанія уходящей жизни, желанія новизны, она заставила себя дойти до извѣстной черты, заставила себя заглянуть за нее—и увидала за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразіе.

XIX.

Какъ ни владѣла собою Одинцова, какъ ни стояла выше всякихъ предразсудковъ, но и ей было неловко, когда она явилась въ столовую, къ обѣду. Впрочемъ, онъ прошелъ довольно благополучно. Порфирій Платонычъ пріѣхалъ, разсказалъ разные анекдоты; онъ только что вернулся изъ города. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что губернаторъ, Бурдалу, приказалъ своимъ чиновникамъ по особымъ порученіямъ носить шпоры, на случай, если онъ

пошлетъ ихъ куда-нибудь, для скорости, верхомъ. Аркадій виолголоса разсуждалъ съ Катей и дипломатически прислуживался княжнѣ. Базаровъ упорно и угрюмо молчалъ. Одинцова раза два—прямо, не украдкой посмотрѣла на его лицо, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: „нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ...“ Послѣ обѣда она со всѣмъ обществомъ отправилась въ садъ и, видя, что Базаровъ желаетъ заговорить съ нею, сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону и остановилась. Онъ приблизился къ ней, но и тутъ не поднялъ глазъ и глухо промолвилъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.

— Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгеній Васильичъ,— отвѣчала Одинцова:—но я огорчена.

— Тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ, я довольно наказанъ. Мое положеніе, съ этимъ вы вѣроятно согласитесь, самое глупое. Вы мнѣ написали: зачѣмъ уѣзжать? А я не могу и не хочу остаться. Завтра меня здѣсь не будетъ.

— Евгеній Васильичъ, зачѣмъ вы...

— Зачѣмъ я уѣзжаю?

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.

— Прошедшаго не воротишь, Анна Сергѣевна... а рано или поздно это должно было случиться. Слѣдовательно, мнѣ надобно уѣхать. Я понимаю только одно условіе, при которомъ я бы могъ остаться; но этому условію не бывать никогда. Вѣдь вы, извините мою дерзость, не любите меня и не полюбите никогда?

Глаза Базарова сверкнули на мгновенье изъ-подъ темныхъ его бровей.

Анна Сергѣевна не отвѣчала ему. „Я боюсь этого человѣка“, мелькнуло у ней въ головѣ.

— Прощайте-съ,—проговорилъ Базаровъ, какъ бы угадавъ ея мысль, и направился къ дому.

Анна Сергѣевна тихонько пошла вслѣдъ за нимъ, и подозвавъ Катю, взяла ее подъ руку. Она не разставалась съ ней до самаго вечера. Въ карты она играть не стала,

и все больше посмѣивалась, что̀ вовсе не шло къ ея поблѣднѣвшему и смущенному лицу. Аркадій недоумѣвалъ и наблюдалъ за нею, какъ молодые люди наблюдаютъ, то-есть постоянно вопрошалъ самого себя: что̀, молъ, это значитъ? Базаровъ заперся у себя въ комнатѣ; къ чаю онъ, однако, вернулся. Аннѣ Сергѣевнѣ хотѣлось сказать ему какое-нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ...

Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія: дворецкій доложилъ о пріѣздѣ Ситникова.

Трудно передать словами, какою перепелкой влетѣлъ въ комнату молодой прогрессистъ. Рѣшившись, съ свойственною ему назойливостью, поѣхать въ деревню къ женщинѣ, которую онъ едва зналъ, которая никогда его не приглашала, но у которой, по собраннымъ свѣдѣніямъ, гостили такіе умные и близкіе ему люди, онъ все-таки робѣлъ до мозга костей и вмѣсто того, чтобы произнести заранѣе затверженныя извиненія и привѣтствія, пробормоталъ какую-то дрянь, что Евдоксія, дескать, Кукшина прислала его узнать о здоровьѣ Анны Сергѣевны, и что Аркадій Николаевичъ, тоже, ему всегда отзывался съ величайшею похвалой... На этомъ словѣ онъ запнулся и потерялся до того, что сѣлъ на собственную шляпу. Однако, такъ какъ никто его не прогналъ, и Анна Сергѣевна даже представила его теткѣ и сестрѣ, онъ скоро оправился и затрещалъ на славу. Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: оно ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе—и проще; всѣ даже поужинали плотнѣй и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго.

— Я могу тебѣ теперь повторить,—говорилъ, лежа на постели, Аркадій Базарову, который тоже раздѣлся:—то, что̀ ты мнѣ сказалъ однажды: „Отчего ты такъ грустенъ? вѣрно исполнилъ какой-нибудь священный долгъ?“

Между обоими молодыми людьми съ нѣкоторыхъ поръ установилось какое-то лжеразвязное подтруниваніе, что̀

всегда служитъ признакомъ тайнаго неудовольствія или не высказанныхъ подозрѣній.

— Я завтра къ батькѣ уѣзжаю,—проговорилъ Базаровъ.

Аркадій приподнялся и оперся на локоть. Онъ и удивился, и почему-то обрадовался.

— А!—промолвилъ онъ.—И ты отъ этого грустенъ?

Базаровъ зѣвнулъ.

— Много будешь знать, состарѣешься.

— А какъ же Анна Сергѣевна?—продолжалъ Аркадій.

— Что̀ такое Анна Сергѣевна?

— Я хочу сказать: развѣ она тебя отпуститъ?

— Я у ней не нанимался.

Аркадій задумался, а Базаровъ легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Евгеній!—воскликнулъ вдругъ Аркадій.

— Ну?

— Я завтра съ тобой уѣду тоже.

Базаровъ ничего не отвѣчалъ.

— Только я домой поѣду,—продолжалъ Аркадій.—Мы вмѣстѣ отправимся до Хохловскихъ выселковъ, а тамъ ты возьмешь у Ѳедота лошадей. Я бы съ удовольствіемъ познакомился съ твоими, да я боюсь и ихъ стѣснить, и тебя. Вѣдь ты потомъ опять пріѣдешь къ намъ?

— Я у васъ свои вещи оставилъ,—отозвался Базаровъ, не оборачиваясь.

„Зачѣмъ же онъ меня не спрашиваетъ, почему я ѣду? и такъ же внезапно, какъ и онъ?“ подумалъ Аркадій. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я ѣду, и зачѣмъ онъ ѣдетъ?“ продолжалъ онъ свои размышленія. Онъ не могъ отвѣчать удовлетворительно на собственный вопросъ, а сердце его наполнялось чѣмъ-то ѣдкимъ. Онъ чувствовалъ, что тяжело ему будетъ разстаться съ этою жизнью, къ которой онъ такъ привыкъ; но и оставаться одному было какъ-то странно. „Что-то у нихъ произошло“, разсуждалъ онъ самъ съ собою: „зачѣмъ же я буду торчать передъ нею послѣ отъѣзда? я ей окончательно надоѣмъ; я и послѣднее потеряю“. Онъ началъ представлять себѣ Анну Сер-

гѣевну, потомъ другія черты понемногу проступили сквозь красивый обликъ молодой вдовы.

„Жаль и Кати!“ шепнулъ Аркадій въ подушку, на которую уже капнула слеза... Онъ вдругъ вскинулъ волосами и громко промолвилъ:

— На какого чорта этотъ глупецъ Ситниковъ пожаловалъ?

Базаровъ сперва пошевелился на постели, а потомъ произнесъ слѣдующее:

— Ты, братъ, глупъ еще, я вижу. Ситниковы намъ необходимы. Мнѣ, пойми ты это — мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!..

„Эге, ге!..“ подумалъ про себя Аркадій, и тутъ только открылась ему на мигъ вся бездонная пропасть базаровскаго самолюбія. „Мы, стало-быть, съ тобой боги? то-есть— ты богъ, а олухъ ужъ не я ли?“

— Да,—повторилъ угрюмо Базаровъ:—ты еще глупъ.

Одинцова не изъявила особеннаго удивленія, когда, на другой день, Аркадій сказалъ ей, что уѣзжаетъ съ Базаровымъ; она казалась разсѣянною и усталою. Катя молча и серьезно посмотрѣла на него, княжна даже перекрестилась подъ своею шалью, такъ-что онъ не могъ этого не замѣтить, зато Ситниковъ совершенно переполошился. Онъ только что сошелъ къ завтраку въ новомъ щегольскомъ, на этотъ разъ не славянофильскомъ, нарядѣ; наканунѣ онъ удивилъ приставленнаго къ нему человѣка множествомъ навезеннаго имъ бѣлья, и вдругъ его товарищи его покидаютъ!—Онъ немножко посѣменилъ ногами, пометался, какъ гонный заяцъ на опушкѣ лѣса,—и внезапно, почти съ испугомъ, почти съ крикомъ объявилъ, что и онъ намѣренъ уѣхать. Одинцова не стала его удерживать.

— У меня очень покойная коляска,—прибавилъ несчастный молодой человѣкъ, обращаясь къ Аркадію:—я могу васъ подвезти, а Евгеній Васильичъ можетъ взять вашъ тарантасъ, такъ оно даже удобнѣе будетъ.

— Да помилуйте, вамъ совсѣмъ не по дорогѣ, и до меня далеко.

— Это ничего, ничего; времени у меня много, притомъ у меня на той сторонѣ дѣла есть.

— По откупамъ? — спросилъ Аркадій, уже слишкомъ презрительно.

Но Ситниковъ находился въ такомъ отчаяніи, что, противъ обыкновенія, даже не засмѣялся.

— Я васъ увѣряю, коляска чрезвычайно покойная, — пробормоталъ онъ:—и всѣмъ мѣсто будетъ.

— Не огорчайте мсьё Ситникова отказомъ,—промолвила Анна Сергѣевна...

Аркадій взглянулъ на нее и значительно наклонилъ голову.

Гости уѣхали послѣ завтрака. Прощаясь съ Базаровымъ, Одинцова протянула ему руку и сказала:

— Мы еще увидимся, не правда ли?

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ Базаровъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы увидимся.

Аркадій первый вышелъ на крыльцо: онъ взобрался въ ситниковскую коляску. Его почтительно подсаживалъ дворецкій, а онъ бы съ удовольствіемъ его побилъ или расплакался. Базаровъ помѣстился въ тарантасѣ.—Добравшись до Хохловскихъ выселковъ, Аркадій подождалъ, пока Ѳедотъ, содержатель постоялаго двора, запрягъ лошадей, и, подойдя къ тарантасу, съ прежней улыбкой сказалъ Базарову:

— Евгеній, возьми меня съ собой; я хочу къ тебѣ поѣхать.

— Садись,—произнесъ сквозь зубы Базаровъ.

Ситниковъ, который расхаживалъ, бойко посвистывая, вокругъ колесъ своего экипажа, только ротъ разинулъ, услышавъ эти слова, а Аркадій хладнокровно вынулъ свои вещи изъ его коляски, сѣлъ возлѣ Базарова—и, учтиво поклонившись своему бывшему спутнику, крикнулъ: „Трогай!“ Тарантасъ покатилъ и скоро исчезъ изъ вида... Ситниковъ, окончательно сконфуженный, посмотрѣлъ на своего кучера, но тотъ игралъ кнутикомъ надъ хвостомъ пристяжной. Тогда Ситниковъ вскочилъ въ коляску—и, загремѣвъ на двухъ проходившихъ мужиковъ: „надѣньте шапки, дураки!“—потащился въ городъ, куда прибылъ

очень поздно, и гдѣ, на слѣдующій день, у Кукшиной, сильно досталось двумъ „противнымъ гордецамъ и невѣжамъ“.

Садясь въ тарантасъ къ Базарову, Аркадій крѣпко стиснулъ ему руку и долго ничего не говорилъ. Казалось, Базаровъ понялъ и оцѣнилъ и это пожатіе, и это молчаніе. Предшествовавшую ночь онъ всю не спалъ, и не курилъ, и почти ничего не ѣлъ уже нѣсколько дней. Сумрачно и рѣзко выдавался его похудалый профиль изъ-подъ нахлобученной фуражки.

— Что̀, братъ,—проговорилъ онъ наконецъ:—дай-ка сигарку... Да посмотри, чай, желтый у меня языкъ?

— Желтый,—отвѣчалъ Аркадій.

— Ну да... вотъ и сигарка не вкусна. — Расклеилась машина.

— Ты, дѣйствительно, измѣнился въ это послѣднее время,—замѣтилъ Аркадій.

— Ничего! поправимся. Одно скучно, — мать у меня такая сердобольная: коли брюха не отрастилъ, да не ѣшь десять разъ на день, она и убивается. Ну, отецъ ничего, тотъ самъ былъ вездѣ, и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ. Нѣтъ, нельзя курить,—прибавилъ онъ, и швырнулъ сигарку въ пыль дороги.

— До твоего имѣнія двадцать пять верстъ?—спросилъ Аркадій.

— Двадцать пять. Да вотъ спроси у этого мудреца.

Онъ указалъ на сидѣвшаго на козлахъ мужика, Ѳедотова работника.

Но мудрецъ отвѣчалъ, что: „хтошь е знаетъ — вёрсты тутотка не мѣряныя“, и продолжалъ вполголоса бранить коренную за то, что она „головизной лягаетъ“, то-есть дергаетъ головой.

— Да, да,—заговорилъ Базаровъ:—урокъ вамъ, юный другъ мой, поучительный нѣкій примѣръ. Чортъ знаетъ, что за вздоръ! Каждый человѣкъ на ниточкѣ виситъ, бездна ежеминутно подъ нимъ развернуться можетъ, а онъ еще самъ придумываетъ себѣ всякія непріятности, портитъ свою жизнь.

— Ты на что̀ намекаешь?—спросилъ Аркадій.

— Я ни на что̀ не намекаю, я прямо говорю, что мы оба съ тобою очень глупо себя вели. Что̀ тутъ толковать! Но я уже въ клиникѣ замѣтилъ: кто злится на свою боль—тотъ непремѣнно ее побѣдитъ.

— Я тебя не совсѣмъ понимаю,—промолвилъ Аркадій:—кажется, тебѣ не на что было пожаловаться.

— А коли ты не совсѣмъ меня понимаешь, такъ я тебѣ доложу слѣдующее: по-моему — лучше камни бить на мостовой, чѣмъ позволить женщинѣ завладѣть хотя бы кончикомъ пальца. Это все...—Базаровъ чуть-было не произнесъ своего любимаго слова „романтизмъ"—да удержался, и сказалъ:—вздоръ.—Ты мнѣ теперь не повѣришь, но я тебѣ говорю: мы вотъ съ тобой попали въ женское общество, и намъ было пріятно; но бросить подобное общество—все равно, что въ жаркій день холодною водой окатиться. —Мужчинѣ некогда заниматься такими пустяками; мужчина долженъ быть свирѣпъ, гласитъ отличная испанская поговорка. Вѣдь вотъ ты,—прибавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшему на козлахъ мужику: — ты, умница, есть у тебя жена?

Мужикъ показалъ обоимъ пріятелямъ свое плоское и подслѣповатое лицо.

— Жена-то? Есть. Какъ не быть женѣ?

— Ты ее бьешь?

— Жену-то? Всяко случается. Безъ причины не бьемъ.

— И прекрасно. Ну, а она тебя бьетъ?

Мужикъ задергалъ вожжами.

— Эко слово ты сказалъ, баринъ. Тебѣ бы все шутить...—Онъ видимо обидѣлся.

— Слышишь, Аркадій Николаевичъ! А насъ съ вами прибили... вотъ оно что̀ значитъ быть образованными людьми.

Аркадій принужденно засмѣялся, а Базаровъ отвернулся и во всю дорогу уже не разѣвалъ рта.

Двадцать пять верстъ показались Аркадію за цѣлыхъ пятьдесятъ. Но вотъ на скатѣ пологаго холма открылась наконецъ небольшая деревушка, гдѣ жили родители Ба-

зарова. Рядомъ съ нею, въ молодой березовой рощицѣ, виднѣлся дворянскій домикъ подъ соломенною крышей. У первой избы стояли два мужика въ шапкахъ и бранились. „Большая ты свинья,“ говорилъ одинъ другому: „а хуже малаго поросенка“.—„А твоя жена—колдунья“, возражалъ другой.

— По непринужденности обращенія,—замѣтилъ Аркадію Базаровъ: — и по игривости оборотовъ рѣчи, ты можешь судить, что мужики у моего отца не слишкомъ притѣснены. Да вотъ и онъ самъ выходитъ на крыльцо своего жилища. Услыхалъ, знать, колокольчикъ. Онъ, онъ— узнаю его фигуру. Эге, ге! какъ онъ однако посѣдѣлъ, бѣдняга!

XX.

Базаровъ высунулся изъ тарантаса, а Аркадій вытянулъ голову изъ-за спины своего товарища, и увидалъ на крылечкѣ господскаго домика высокаго, худощаваго человѣка, съ взъерошенными волосами и тонкимъ орлинымъ носомъ, одѣтаго въ старый военный сюртукъ нараспашку. Онъ стоялъ, растопыривъ ноги, курилъ длинную трубку и щурился отъ солнца.

Лошади остановились.

— Наконецъ пожаловалъ,—проговорилъ отецъ Базарова, все продолжая курить, хотя чубукъ такъ и прыгалъ у него между пальцами. — Ну вылѣзай, вылѣзай, почеломкаемся.

Онъ сталъ обнимать сына... „Енюша, Енюша“, раздался трепещущій женскій голосъ. Дверь распахнулась, и на порогѣ показалась кругленькая, низенькая старушка, въ бѣломъ чепцѣ и короткой пестрой кофточкѣ. Она ахнула, пошатнулась и навѣрно бы упала, если бы Базаровъ не поддержалъ ея. Пухлыя ея ручки мгновенно обвились вокругъ его шеи, голова прижалась къ его груди, и все замолкло. Только слышались ея прерывистыя всхлипыванья.

Старикъ Базаровъ глубоко дышалъ и щурился пуще прежняго.

— Ну, полно, полно, Ариша! перестань,—заговорилъ онъ, помѣнявшись взглядомъ съ Аркадіемъ, который стоялъ неподвижно у тарантаса, между тѣмъ какъ мужикъ на козлахъ даже отвернулся:—это совсѣмъ не нужно! пожалуйста перестань.

— Ахъ, Василій Иванычъ,—пролепетала старушка: — въ кои-то вѣки батюшку-то моего, голубчика-то, Енюшеньку...—и, не разжимая рукъ, она отодвинула отъ Базарова свое мокрое отъ слезъ, мятое и умиленное лицо, посмотрѣла на него какими-то блаженными и смѣшными глазами, и опять къ нему припала.

— Ну, да, конечно, это все въ натурѣ вещей,—промолвилъ Василій Иванычъ: -только лучше ужъ въ комнату пойдемъ. Съ Евгеніемъ вотъ гость пріѣхалъ. Извините,— прибавилъ онъ, обращаясь къ Аркадію, и шаркнулъ слегка ногой: —вы понимаете, женская слабость; ну и сердце матери...

А у самого и губы, и брови дергало, и подбородокъ трясся... но онъ видимо желалъ побѣдить себя и казаться чуть не равнодушнымъ. Аркадій наклонился.

— Пойдемте, матушка, въ самомъ дѣлѣ,—промолвилъ Базаровъ и повелъ въ домъ ослабѣвшую старушку. Усадивъ ее въ покойное кресло, онъ еще разъ наскоро обнялся съ отцомъ и представилъ ему Аркадія.

— Душевно радъ знакомству, — проговорилъ Василій Ивановичъ:—только ужъ вы не взыщите: у меня здѣсь все по простотѣ, на военную ногу. Арина Власьевна, успокойся, сдѣлай одолженіе: что за малодушіе? Господинъ гость долженъ осудить тебя.

— Батюшка, — сквозь слезы проговорила старушка: — имени и отчества не имѣю чести знать...

— Аркадій Николаичъ,—съ важностію, вполголоса, подсказалъ Василій Иванычъ.

— Извините меня, глупую. —Старушка высморкалась и, нагиная голову то направо, то налѣво, тщательно утерла одинъ глазъ послѣ другого.—Извините вы меня. Вѣдь я такъ и думала, что умру, не дождусь моего го....о....о.... лубчика.

— А вотъ и дождались, сударыня,—подхватилъ Василій Ивановичъ.—Танюшка,—обратился онъ къ босоногой дѣвочкѣ лѣтъ тринадцати, въ ярко-красномъ ситцевомъ платьѣ, пугливо выглядывавшей изъ-за двери: — принеси барынѣ стаканъ воды—на подносѣ, слышь?—а васъ, господа,—прибавилъ онъ съ какою-то старомодною игривостью: — позвольте попросить въ кабинетъ къ отставному ветерану.

— Хоть еще разочекъ дай обнять тебя, Енюшечка,— простонала Арина Власьевна. Базаровъ нагнулся къ ней.—Да какой же ты красавчикъ сталъ!

— Ну, красавчикъ не красавчикъ,—замѣтилъ Василій Ивановичъ:—а мужчина, какъ говорится: *оммфе.* А теперь, я надѣюсь, Арина Власьевна, что, насытивъ свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщеніи своихъ дорогихъ гостей, потому что, тебѣ извѣстно, соловья баснями кормить не слѣдуетъ.

Старушка привстала съ креселъ.—Сію минуту, Василій Иванычъ, столъ накрытъ будетъ, сама въ кухню сбѣгаю и самоваръ поставить велю, все будетъ, все. Вѣдь три года его не видала, не кормила, не поила, легко ли?

— Ну, смотри же, хозяюшка, хлопочи, не осрамись; а васъ, господа, прошу за мной пожаловать. Вотъ и Тимоѳеичъ явился къ тебѣ на поклонъ, Евгеній. И онъ, чай, обрадовался, старый барбосъ. Что̀? вѣдь обрадовался, старый барбосъ? Милости просимъ за мной.

И Василій Ивановичъ суетливо пошелъ впередъ, шаркая и шлепая стоптанными туфлями.

Весь его домикъ состоялъ изъ шести крошечныхъ комнатъ. Одна изъ нихъ, та, куда онъ привелъ нашихъ пріятелей, называлась кабинетомъ. Толстоногій столъ, заваленный почернѣвшими отъ старинной пыли, словно прокопченными бумагами, занималъ весь промежутокъ между двумя окнами; по стѣнамъ висѣли турецкія ружья, нагайки, сабля, двѣ ландкарты, какіе-то анатомическіе рисунки, портретъ Гуфеланда, вензель изъ волосъ въ черной рамкѣ и дипломъ подъ стекломъ; кожаный, кое-гдѣ продавленный и разорванный, диванъ помѣщался между

двумя громадными шкапами изъ корельской березы; на полкахъ въ безпорядкѣ тѣснились книги, коробочки, птичьи чучелы, банки, пузырьки; въ одномъ углу стояла сломанная электрическая машина.

— Я васъ предупредилъ, любезный мой посѣтитель,— началъ Василій Иванычъ:—что мы живемъ здѣсь, такъ сказать, на бивуакахъ...

— Да перестань, что ты извиняешься?—перебилъ Базаровъ.—Кирсановъ очень хорошо знаетъ, что мы съ тобой не Крезы, и что у тебя не дворецъ. Куда мы его помѣстимъ, вотъ вопросъ?

— Помилуй, Евгеній; тамъ у меня во флигелькѣ отличная комната: имъ тамъ очень хорошо будетъ.

— Такъ у тебя и флигелекъ завелся?

— Какъ же-съ; гдѣ баня-съ, вмѣшался Тимоѳеичъ.

— То-есть рядомъ съ баней,—поспѣшно присовокупилъ Василій Ивановичъ.— Теперь же лѣто... Я сейчасъ сбѣгаю туда, распоряжусь; а ты бы, Тимоѳеичъ, пока ихъ вещи внесъ. Тебѣ, Евгеній, я, разумѣется, предоставлю мой кабинетъ. Suum cuique.

— Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій,—прибавилъ Базаровъ, какъ только Василій Ивановичъ вышелъ. — Такой же чудакъ, какъ твой, только въ другомъ родѣ. Много ужъ очень болтаетъ.

— И мать твоя, кажется, прекрасная женщина,—замѣтилъ Аркадій.

— Да, она у меня безъ хитрости. Обѣдъ намъ, посмотри, какой задастъ.

— Сегодня васъ не ждали, батюшка, говядинки не привезли,—промолвилъ Тимоѳеичъ, который только-что втащилъ базаровскій чемоданъ.

— И безъ говядинки обойдемся, на нѣтъ и суда нѣтъ. Бѣдность, говорятъ, не порокъ.

— Сколько у твоего отца душъ?—спросилъ вдругъ Аркадій.

— Имѣніе не его, а матери; душъ, помнится, пятнадцать.

— И всѣ двадцать двѣ,—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Тимоѳеичъ.

Послышалось шлепанье туфель, и снова появился Василій Ивановичъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ ваша комната будетъ готова принять васъ, — воскликнулъ онъ съ торжественностію:—Аркадій... Николаичъ? такъ, кажется, вы изволите величаться? А вотъ вамъ и прислуга, — прибавилъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ коротко-остриженнаго мальчика въ синемъ, на локтяхъ прорванномъ, кафтанѣ и въ чужихъ сапогахъ. — Зовутъ его Ѳедькой. Опять-таки повторяю, хоть сынъ и запрещаетъ, не взыщите. Впрочемъ, трубку набивать онъ умѣетъ. Вѣдь вы курите?

— Я курю больше сигары,—отвѣтилъ Аркадій.

— И весьма благоразумно поступаете. Я самъ отдаю преферансъ сигаркамъ, но въ нашихъ уединенныхъ краяхъ доставать ихъ чрезвычайно затруднительно.

— Да полно тебѣ Лазаря пѣть,—перебилъ опять Базаровъ.—Сядь лучше вотъ тутъ на диванъ, да дай на себя посмотрѣть.

Василій Ивановичъ засмѣялся и сѣлъ. Онъ очень походилъ лицомъ на своего сына, только лобъ у него былъ ниже и ýже, и ротъ немного шире, и онъ безпрестанно двигался, поводилъ плечами, точно платье ему подъ мышками рѣзало, моргалъ, покашливалъ и шевелилъ пальцами, между тѣмъ какъ сынъ его отличался какою-то небрежною неподвижностью.

— Лазаря пѣть!—повторилъ Василій Ивановичъ.—Ты, Евгеній, не думай, что я хочу, такъ сказать, разжалобить гостя: вотъ, молъ, мы въ какомъ захолустьѣ живемъ. Я, напротивъ, того мнѣнія, что для человѣка мыслящаго нѣтъ захолустья. По крайней мѣрѣ, я стараюсь, по возможности, не зарасти, какъ говорится, мохомъ, не отстать отъ вѣка.

Василій Ивановичъ вытащилъ изъ кармана новый желтый фуляръ, который успѣлъ захватить, бѣгая въ Аркадіеву комнату, и продолжалъ, помахивая имъ по воздуху:

— Я уже не говорю о томъ, что я, напримѣръ, не безъ чувствительныхъ для себя пожертвованій, посадилъ

мужиковъ на оброкъ и отдалъ имъ свою землю изъ-полу. Я считалъ это своимъ долгомъ, самое благоразуміе въ этомъ случаѣ повелѣваетъ, хотя другіе владѣльцы даже не помышляютъ объ этомъ: я говорю о наукахъ, объ образованіи.

— Да; вотъ я вижу у тебя „Другъ здравія“ на 1855 годъ,—замѣтилъ Базаровъ.

— Мнѣ его по знакомству старый товарищъ высылаетъ, — поспѣшно проговорилъ Василій Ивановичъ: — но мы, напримѣръ, и о френологіи имѣемъ понятіе,—прибавилъ онъ, обращаясь, впрочемъ, болѣе къ Аркадію и указывая на стоявшую на шкапѣ небольшую гипсовую голову, разбитую на нумерованные четыреугольники:—намъ и Шенлейнъ не остался безызвѣстенъ—и Радемахеръ.

— А въ Радемахера еще вѣрятъ въ *** губерніи?— спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ закашлялъ.

— Въ губерніи... Конечно, вамъ, господа, лучше знать; гдѣ жъ намъ за вами угоняться? Вѣдь вы намъ на смѣну пришли. И въ мое время какой-нибудь гуморалистъ Гофф-манъ, какой-нибудь Броунъ съ его витализмомъ — казались очень смѣшны, а вѣдь тоже гремѣли когда-то. Кто-нибудь новый замѣнилъ у васъ Радемахера, вы ему поклоняетесь, а черезъ двадцать лѣтъ, пожалуй, и надъ тѣмъ смѣяться будутъ.

— Скажу тебѣ въ утѣшеніе,—промолвилъ Базаровъ:— что мы теперь вообще надъ медициной смѣемся и ни передъ кѣмъ не преклоняемся.

— Какъ же это такъ? Вѣдь ты докторомъ хочешь быть?

— Хочу, да одно другому не мѣшаетъ.

Василій Ивановичъ потыкалъ третьимъ пальцемъ въ трубку, гдѣ еще оставалось немного горячей золы.

— Ну, можетъ-быть, можетъ-быть — спорить не стану. Вѣдь я что? — Отставной штабъ-лѣкарь, *волату*, теперь вотъ въ агрономы попалъ.—Я у вашего дѣвушки въ бригадѣ служилъ,—обратился онъ опять къ Аркадію:—да-съ, да-съ;—много я на своемъ вѣку видалъ видовъ. И въ какихъ только обществахъ не бывалъ, съ кѣмъ не важи-

вался!—Я, тотъ самый я, котораго вы изволите видѣть теперь передъ собою, я у князя Витгенштейна и Жуковскаго пульсъ щупалъ! Тѣхъ-то, въ южной-то арміи, по четырнадцатому, вы понимаете (и тутъ Василій Ивановичъ значительно сжалъ губы), всѣхъ зналъ наперечетъ. Ну, да вѣдь мое дѣло—сторона; знай свой ланцетъ, и баста! А дѣдушка вашъ очень почтенный былъ человѣкъ, настоящій военный.

— Сознайся, дубина была порядочная,—лѣниво промолвилъ Базаровъ.

— Ахъ, Евгеній, какъ это ты выражаешься! помилосердуй... Конечно, генералъ Кирсановъ не принадлежалъ къ числу...

— Ну, брось его,—перебилъ Базаровъ.—Я, какъ подъѣзжалъ сюда, порадовался на твою березовую рощицу, славно вытянулась.

Василій Ивановичъ оживился.

— А ты посмотри, садикъ у меня теперь какой! Самъ каждое деревцо сажалъ. И фрукты есть, и ягоды, и всякія медицинскія травы. Ужъ какъ вы тамъ ни хитрите, господа молодые, а все-таки старикъ Парацельсій святую правду изрекъ: in herbis, verbis et lapidibus... Вѣдь я, ты знаешь, отъ практики отказался, а раза два въ недѣлю приходится стариной тряхнуть. Идутъ за совѣтомъ—нельзя же гнать въ шею. Случается, бѣдные прибѣгаютъ къ помощи. Да и докторовъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Одинъ здѣшній сосѣдъ, представь, отставной майоръ, тоже лѣчитъ. Я спрашиваю о немъ: учился ли онъ медицинѣ? Говорятъ мнѣ: нѣтъ, онъ не учился, онъ больше изъ филантропіи... Ха-ха, изъ филантропіи! а? каково! ха-ха! ха-ха!

— Ѳедька! набей мнѣ трубку!—сурово проговорилъ Базаровъ!

— А то здѣсь другой докторъ пріѣзжаетъ къ больному,—продолжалъ съ какимъ-то отчаяніемъ Василій Ивановичъ:—а больной уже ad patres; человѣкъ и не пускаетъ доктора, говоритъ: теперь больше не надо. Тотъ этого не ожидалъ, сконфузился и спрашиваетъ: „что, баринъ, передъ смертью икалъ?“—„Икали-съ“.—„И много

нкалъ?“—„Много“. — „А, ну — это хорошо“—да и верть назадъ. Ха-ха-ха!

Старикъ одинъ засмѣялся; Аркадій выразилъ улыбку на своемъ лицѣ. Базаровъ только затянулся. Бесѣда продолжалась такимъ образомъ около часа; Аркадій успѣлъ сходить въ свою комнату, которая оказалась предбанникомъ, но очень уютнымъ и чистымъ. Наконецъ, вошла Тапюша и доложила, что обѣдъ готовъ.

Василій Ивановичъ первый поднялся.

— Пойдемте, господа! Извините великодушно, коли наскучилъ. Авось хозяйка моя удовлетворитъ васъ болѣе моего.

Обѣдъ, хотя наскоро сготовленный, вышелъ очень хорошій, даже обильный; только вино немного, какъ говорится, подгуляло: почти черный хересъ, купленный Тимоѳеичемъ въ городѣ у знакомаго купца, отзывался не то мѣдью, не то канифолью; и мухи тоже мѣшали. Въ обыкновенное время дворовый мальчикъ отгонялъ ихъ большою зеленой вѣткой; но на этотъ разъ Василій Ивановичъ услалъ его изъ боязни осужденія со стороны юнаго поколѣнія. Арина Власьевна успѣла принарядиться; надѣла высокій чепецъ съ шелковыми лентами и голубую шаль съ разводами. Она опять всплакнула, какъ только увидѣла своего Енюшу, но мужу не пришлось ее усовѣщивать: она сама поскорѣй утерла свои слезы, чтобы не закапать шаль. Ѣли одни молодые люди: хозяева давно пообѣдали. Прислуживалъ Ѳедька, видимо обремененный необычными сапогами, да помогала ему женщина съ мужественнымъ лицомъ и кривая, по имени Анфисушка, исполнявшая должности ключницы, птичницы и прачки. Василій Ивановичъ во все время обѣда расхаживалъ по комнатѣ и съ совершенно счастливымъ и даже блаженнымъ видомъ говорилъ о тяжкихъ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему Наполеоновскою политикой и запутанностью итальянскаго вопроса. Арина Власьевна не замѣчала Аркадія, не потчивала его; подперши кулачкомъ свое круглое лицо, которому одутловатыя, вишневаго цвѣта, губки и родинки на щекахъ и надъ бровями придавали выраженіе очень добродушное, она не

сводила глазъ съ сына и все вздыхала: ей смертельно хотѣлось узнать, на сколько времени онъ пріѣхалъ, но спросить она его боялась.—„Ну, какъ скажетъ—на два дня“, думала она, и сердце у ней замирало. Послѣ жаренаго Василій Ивановичъ исчезъ на мгновеніе и возвратился съ откупоренною полбутылкой шампанскаго. „Вотъ“, воскликнулъ онъ: „хоть мы и въ глуши живемъ, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣемъ чѣмъ себя повеселить!“ Онъ налилъ три бокала и рюмку, провозгласилъ здоровье „неоцѣненныхъ посѣтителей“ и разомъ, по-военному, хлопнулъ свой бокалъ, Арину Власьевну заставилъ выпить рюмку до послѣдней капельки. Когда очередь дошла до варенья, Аркадій, не терпѣвшій ничего сладкаго, почелъ, однако, своею обязанностью отвѣдать отъ четырехъ различныхъ, только-что сваренныхъ сортовъ, тѣмъ болѣе, что Базаровъ отказался наотрѣзъ и тотчасъ закурилъ сигарку. Потомъ явился на сцену чай со сливками, съ масломъ и кренделями; потомъ Василій Ивановичъ повелъ всѣхъ въ садъ, для того, чтобы полюбоваться красотою вечера. Проходя мимо скамейки, онъ шепнулъ Аркадію:— На семъ мѣстѣ я люблю философствовать, глядя на захожденіе солнца: оно приличествуетъ пустыннику. А тамъ подальше я посадилъ нѣсколько деревьевъ, любимыхъ Гораціемъ.

— Что за деревья?—спросилъ, вслушавшись, Базаровъ.

— А какъ же... акаціи.

Базаровъ началъ зѣвать.

— Я полагаю, пора путешественникамъ въ объятія къ Морфею,—замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— То-есть, пора спать, — подхватилъ Базаровъ. — Это сужденіе справедливое. Пора, точно.

Прощаясь съ матерью, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ,—а она обняла его и за спиной, украдкой, его благословила трижды. Василій Ивановичъ проводилъ Аркадія въ его комнату и пожелалъ ему „такого благодатнаго отдохновенія, какое и я вкушалъ въ наши счастливыя лѣта“. И дѣйствительно, Аркадію отлично спалось въ своемъ предбанникѣ: въ немъ пахло мятой, и два сверчка въ перебивку

усыпительно трещали за печкой. Василій Ивановичъ отправился отъ Аркадія въ свой кабинетъ, и, прикорнувъ на диванѣ въ ногахъ у сына, собирался-было поболтать съ нимъ; но Базаровъ тотчасъ его отослалъ, говоря, что ему спать хочется, а самъ не заснулъ до утра. Широко раскрывъ глаза, онъ злобно глядѣлъ въ темноту: воспоминанія дѣтства не имѣли власти надъ нимъ, да къ тому жъ онъ еще не успѣлъ отдѣлаться отъ послѣднихъ горькихъ впечатлѣній. Арина Власьевна сперва помолилась всласть; потомъ долго-долго бесѣдовала съ Анфисушкой, которая, ставъ какъ вкопанная передъ барыней и вперивъ въ нее свой единственный глазъ, передавала ей таинственнымъ шопотомъ всѣ свои замѣчанія и соображенія насчетъ Евгенія Васильевича. У старушки отъ радости, отъ вина, отъ сигарочнаго дыма совсѣмъ закружилась голова; мужъ заговорилъ-было съ ней, и махнулъ рукою.

Арина Власьевна была настоящая русская дворяночка прежняго времени; ей бы слѣдовало жить лѣтъ за двѣсти, въ старо-московскія времена. Она была очень набожна и чувствительна, вѣрила во всевозможныя примѣты, гаданья, заговоры, сны; вѣрила въ юродивыхъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ дурныя встрѣчи, въ порчу, въ народныя лѣкарства, въ четверговую соль, въ скорый конецъ свѣта; вѣрила, что если въ Свѣтлое Воскресеніе на всенощной не погаснутъ свѣчи, то гречиха хорошо уродится, и что грибъ больше не растетъ, если его человѣческій глазъ увидитъ; вѣрила, что чортъ любитъ быть тамъ, гдѣ вода, и что у каждаго жида на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушекъ, воробьевъ, піявокъ, грома, холодной воды, сквозного вѣтра, лошадей, козловъ, рыжихъ людей и черныхъ кошекъ, и почитала сверчковъ и собакъ нечистыми животными; не ѣла ни телятины, ни голубей, ни раковъ, ни сыру, ни спаржи, ни земляныхъ грушъ, ни зайца, ни арбузовъ, потому что изрѣзанный арбузъ напоминаетъ голову Іоанна Предтечи; а объ устрицахъ говорила не иначе, какъ съ содроганіемъ; любила покушать — и строго постилась; спала десять часовъ въ

сутки — и не ложилась вовсе, если у Василія Ивановича заболѣвала голова; не прочла ни одной книги, кромѣ „Алексиса, или Хижины въ лѣсу“, писала одно, много два письма въ годъ, а въ хозяйствѣ, сушеньи и вареньи знала толкъ, хотя своими руками ни до чего не прикасалась и вообще неохотно двигалась съ мѣста. Арина Власьевна была очень добра и, по-своему, вовсе не глупа. Она знала, что есть на свѣтѣ господа, которые должны приказывать, и простой народъ, который долженъ служить, — а потому не гнушалась ни подобострастіемъ, ни земными поклонами; но съ подчиненными обходилась ласково и кротко, ни одного нищаго не пропускала безъ подачки и никогда никого не осуждала, хотя и сплетничала подчасъ. Въ молодости она была очень миловидна, играла на клавикордахъ и изъяснялась немного по-французски; но въ теченіе многолѣтнихъ странствій съ своимъ мужемъ, за котораго она вышла противъ воли, расплылась и позабыла музыку и французскій языкъ. Сына своего она любила и боялась несказанно; управленіе имѣніемъ предоставила Василію Ивановичу—и уже не входила ни во что: она охала, отмахивалась платкомъ и отъ испуга подымала брови все выше и выше, какъ только ея старикъ начиналъ толковать о предстоявшихъ преобразованіяхъ и о своихъ планахъ. Она была мнительна, постоянно ждала какого-то большого несчастья и тотчасъ плакала, какъ только вспоминала о чемъ-нибудь печальномъ... Подобныя женщины теперь уже переводятся. Богъ знаетъ— слѣдуетъ ли радоваться этому!

XXI.

Вставъ съ постели, Аркадій раскрылъ окно,—и первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ Василій Ивановичъ. Въ бухарскомъ шлафрокѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ, старикъ усердно рылся въ огородѣ. Онъ замѣтилъ своего молодого гостя и, опершись на лопатку, воскликнулъ:

— Здравія желаемъ! Какъ почивать изволили?

— Прекрасно,—отвѣчалъ Аркадій.

— А я здѣсь, какъ видите, какъ нѣкій Цинциннатъ, грядку подъ позднюю рѣпу отбиваю. Теперь настало такое время, — да и слава Богу! — что каждый долженъ собственными руками пропитаніе себѣ доставать; на другихъ нечего надѣяться: надо трудиться самому. И выходитъ, что Жанъ-Жакъ Руссо правъ. Полчаса тому назадъ, сударь вы мой, вы бы увидали меня въ совершенно другой позиціи. Одной бабѣ, которая жаловалась на гнетку—это по-ихнему, а по-нашему—дизентерію, — я... какъ бы выразиться лучше... я вливалъ опіумъ; а другой я зубъ вырвалъ. Этой я предложилъ эѳиризацію... только она не согласилась. Все это я дѣлаю gratis—*анаматёръ*. Впрочемъ, мнѣ не въ диво: я вѣдь плебей, homo novus— не изъ столбовыхъ, не то, что моя благовѣрная... А не угодно ли пожаловать сюда въ тѣнь, вдохнуть передъ чаемъ утреннюю свѣжесть?

Аркадій вышелъ къ нему.

— Добро пожаловать еще разъ! — промолвилъ Василій Ивановичъ, прикладывая по-военному руку къ засаленной ермолкѣ, прикрывавшей его голову. — Вы, я знаю, привыкли къ роскоши, къ удовольствіямъ, но и великіе міра сего не гнушаются провести короткое время подъ кровомъ хижины.

— Помилуйте,—возопилъ Аркадій:—какой же я великій міра сего? И къ роскоши я не привыкъ.

— Позвольте, позвольте,—возразилъ съ любезной ужимкой Василій Ивановичъ. — Я хоть теперь и сданъ въ архивъ, а тоже потерся въ свѣтѣ — узнаю птицу по полету. Я тоже психологъ по-своему и физіогномистъ. Не имѣй я этого, смѣю сказать, дара—давно бы я пропалъ; затерли бы меня, маленькаго человѣка. Скажу вамъ безъ комплиментовъ: дружба, которую я замѣчаю между вами и моимъ сыномъ, меня искренно радуетъ. Я сейчасъ видѣлся съ нимъ; онъ, по обыкновенію своему, вѣроятно вамъ извѣстному, вскочилъ очень рано и побѣжалъ по окрестностямъ. Позвольте полюбопытствовать, — вы давно съ моимъ Евгеніемъ знакомы?

— Съ нынѣшней зимы.

— Такъ-съ. И позвольте васъ еще спросить, — но не присѣсть ли намъ? — Позвольте васъ спросить, какъ отцу, со всею откровенностью: какого вы мнѣнія о моемъ Евгеніи?

— Вашъ сынъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми я когда-либо встрѣчался, — съ живостью отвѣтилъ Аркадій.

Глаза Василія Ивановича внезапно раскрылись и щеки его слабо вспыхнули. Лопата вывалилась изъ его рукъ.

— И такъ, вы полагаете,—началъ онъ...

— Я увѣренъ, — подхватилъ Аркадій: — что сына вашего ждетъ великая будущность, что онъ прославитъ ваше имя. Я убѣдился въ этомъ съ первой нашей встрѣчи.

— Какъ... какъ это было?—едва проговорилъ Василій Ивановичъ. Восторженная улыбка раздвинула его широкія губы, и уже не сходила съ нихъ.

— Вы хотите знать, какъ мы встрѣтились?

— Да... и вообще...

Аркадій началъ разсказывать и говорить о Базаровѣ еще съ бо̀льшимъ жаромъ, съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда онъ танцовалъ мазурку съ Одинцовой.

Василій Ивановичъ его слушалъ, слушалъ, сморкался, каталъ платокъ въ обѣихъ рукахъ, кашлялъ, ерошилъ свои волосы—и наконецъ не вытерпѣлъ: нагнулся къ Аркадію и поцѣловалъ его въ плечо.

— Вы меня совершенно осчастливили, — промолвилъ онъ, не переставая улыбаться:—я—долженъ вамъ сказать, что я... боготворю моего сына; о моей старухѣ я уже не говорю: извѣстно—мать!—но я не смѣю при немъ выказывать свои чувства, потому что онъ этого не любитъ. Онъ врагъ всѣхъ изліяній; многіе его даже осуждаютъ за такую твердость его нрава и видятъ въ ней признакъ гордости или безчувствія; но подобныхъ ему людей не приходится мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ, не правда ли? Да вотъ, напримѣръ: другой на его мѣстѣ тянулъ бы да тянулъ съ своихъ родителей; а у насъ, повѣрите ли? онъ отроду лишней копейки не взялъ, ей-Богу!

— Онъ безкорыстный, честный человѣкъ, — замѣтилъ Аркадій.

— Именно, безкорыстный. А я, Аркадій Николаичъ, не только боготворю его, я горжусь имъ, и все мое честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы современемъ въ его біографіи стояли слѣдующія слова: „сынъ простого штабъ-лѣкаря, который, однако, рано умѣлъ разгадать его и ничего не жалѣлъ для его воспитанія“...

Голосъ старика перервался.

Аркадій стиснулъ ему руку.

— Какъ вы думаете, — спросилъ Василій Ивановичъ послѣ нѣкотораго молчанія: — вѣдь онъ не на медицинскомъ поприщѣ достигнетъ той извѣстности, которую вы ему пророчите?

— Разумѣется, не на медицинскомъ, хотя онъ и въ этомъ отношеніи будетъ изъ первыхъ ученыхъ.

— На какомъ же, Аркадій Николаичъ?

— Это трудно сказать теперь, но онъ будетъ знаменитъ.

— Онъ будетъ знаменитъ! — повторилъ старикъ и погрузился въ думу.

— Арина Власьевна приказали просить чай кушать, — проговорила Анфисушка, проходя мимо съ огромнымъ блюдомъ спѣлой малины.

Василій Ивановичъ встрепенулся.

— А холодныя сливки къ малинѣ будутъ?

— Будутъ-съ.

— Да холодныя, смотри! Не церемоньтесь, Аркадій Николаичъ, — берите больше. Что жъ это, Евгеній не идетъ?

— Я здѣсь, — раздался голосъ Базарова изъ Аркадіевой комнаты.

Василій Ивановичъ быстро обернулся.

— Ага! ты захотѣлъ посѣтить своего пріятеля; но ты опоздалъ amice, и мы имѣли уже съ нимъ продолжительную бесѣду. Теперь надо идти чай пить: мать зоветъ. Кстати, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— О чемъ?

— Здѣсь есть мужичокъ, онъ страдаетъ иктеромъ...

— То-есть желтухой?

— Да, хроническимъ и очень упорнымъ иктеромъ. Я прописывалъ ему золототысячникъ и звѣробой, морковь заставлялъ ѣсть, давалъ соду; но это все *палліативныя* средства; надо что-нибудь порѣшительнѣй. Ты хоть и смѣешься надъ медициной, а я увѣренъ, можешь подать мнѣ дѣльный совѣтъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь пойдемъ чай пить.

Василій Ивановичъ живо вскочилъ со скамейки и запѣлъ изъ „Роберта“:

„Законъ, законъ, законъ себѣ поставимъ
На ра... на ра... на радости пожить!“

— Замѣчательная живучесть!—проговорилъ, отходя отъ окна, Базаровъ.

Насталъ полдень. Солнце жгло изъ-за тонкой завѣсы сплошныхъ, бѣловатыхъ облаковъ. Все молчало: одни пѣтухи задорно перекликались на деревнѣ, возбуждая въ каждомъ, кто ихъ слышалъ, странное ощущеніе дремоты и скуки; да гдѣ-то высоко въ верхушкѣ деревьевъ звенѣлъ плаксивымъ призывомъ немолчный пискъ молодого ястребка. Аркадій и Базаровъ лежали въ тѣни небольшого стога сѣна, подостлавши подъ себя охапки двѣ шумливо-сухой, но еще зеленой и душистой травы.

— Та осина,—заговорилъ Базаровъ:—напоминаетъ мнѣ мое дѣтство; она растетъ на краю ямы, оставшейся отъ кирпичнаго сарая, и я въ то время былъ увѣренъ, что эта яма и осина обладали особеннымъ талисманомъ: я никогда не скучалъ возлѣ нихъ. Я не понималъ тогда, что я не скучалъ оттого, что былъ ребенкомъ. Ну, теперь я взрослый, талисманъ не дѣйствуетъ.

— Сколько ты времени провелъ здѣсь всего? — спросилъ Аркадій.

— Года два сряду; потомъ мы наѣзжали. Мы вели бродячую жизнь; больше все по городамъ шлялись.

— А домъ этотъ давно стоитъ?

— Давно. Его еще дѣдъ построилъ, отецъ моей матери.

— Кто онъ былъ, твой дѣдъ?

— Чортъ его знаетъ. Секундъ-майоръ какой-то. При

Суворовѣ служилъ, и все разсказывалъ о переходѣ черезъ Альпы. Вралъ, должно-быть.

— То-то у васъ въ гостиной портретъ Суворова виситъ. А я люблю такіе домики, какъ вашъ, старенькіе да тепленькіе; и запахъ въ нихъ какой-то особенный.

— Лампаднымъ масломъ отзываетъ да донникомъ,— произнесъ, зѣвая, Базаровъ. — А что̀ мухъ въ этихъ милыхъ домикахъ... Фа!

— Скажи,—началъ Аркадій послѣ небольшого молчанія:—тебя въ дѣтствѣ не притѣсняли?

— Ты видишь, какіе у меня родители. — Народъ не строгій.

— Ты ихъ любишь, Евгеній?

— Люблю, Аркадій!

— Они тебя такъ любятъ!

Базаровъ помолчалъ.

— Знаешь ли ты, о чемъ я думаю?—промолвилъ онъ, наконецъ, закидывая руки за голову.

— Не знаю. О чемъ?

— Я думаю: хорошо моимъ родителямъ жить на свѣтѣ! Отецъ въ шестьдесятъ лѣтъ хлопочетъ, толкуетъ о „палліативныхъ“ средствахъ, лѣчитъ людей, великодушничаетъ съ крестьянами,—кутитъ, однимъ словомъ; и матери моей хорошо: день ея до того напичканъ всякими занятіями, ахами да охами, что ей и опомниться некогда; а я...

— А ты?

— А я думаю: я вотъ лежу здѣсь подъ стогомъ... Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже... Что̀ за безобразіе! Что̀ за пустяки!

— Позволь тебѣ замѣтить: то, что̀ ты говоришь, примѣняется вообще ко всѣмъ людямъ...

— Ты правъ,—подхватилъ Базаровъ.—Я хотѣлъ сказать, что они вотъ, мои родители то-есть, заняты и не безпокоятся о собственномъ ничтожествѣ, оно имъ не смердитъ... а я... чувствую только скуку да злость.

— Злость? почему же злость?

— Почему? Какъ почему? Да развѣ ты забылъ?

— Я помню все, но все-таки я не признаю за тобою права злиться. Ты несчастливъ, я согласенъ, но...

— Э! да ты, я вижу, Аркадій Николаевичъ, понимаешь любовь, какъ всѣ новѣйшіе молодые люди: цыпъ, цыпъ, цыпъ, курочка, а какъ только курочка начинаетъ приближаться, давай Богъ ноги!—Я не таковъ. Но довольно объ этомъ. Чему помочь нельзя, о томъ и говорить стыдно. — Онъ повернулся на бокъ. — Эге! вонъ молодецъ муравей тащитъ полумертвую муху. Тащи ее, братъ, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тѣмъ, что ты, въ качествѣ животнаго, имѣешь право не признавать чувства состраданія, не то, что нашъ братъ, самоломанный!

— Не ты бы говорилъ, Евгеній!—Когда ты себя ломалъ?

Базаровъ поднялъ голову.

— Я только этимъ и горжусь. Самъ себя не сломалъ, такъ и бабенка меня не сломаетъ. Аминь! Кончено! Слова объ этомъ больше отъ меня не услышишь.

Оба пріятеля полежали нѣкоторое время въ молчаніи.

— Да, — началъ Базаровъ: — странное существо человѣкъ. Какъ посмотришь этакъ сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы“, кажется: чего лучше? Ѣшь, пей, и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними.

— Надо бы такъ устроить жизнь, чтобы каждое мгновеніе въ ней было значительно, — произнесъ задумчиво Аркадій.

— Кто говоритъ! Значительное, хоть и ложно бываетъ, да сладко, но и съ значительнымъ помириться можно... а вотъ—дрязги, дрязги... это бѣда.

— Дрязги не существуютъ для человѣка, если онъ только не захочетъ ихъ признать.

— Гм... это ты сказалъ *противоположное общее мѣсто.*

— Что?—Что̀ ты называешь этимъ именемъ?

— А вотъ что̀: сказать, напримѣръ, что просвѣщеніе полезно, это общее мѣсто; а сказать, что просвѣщеніе вредно, это противоположное общее мѣсто. Оно какъ будто щеголеватѣе, а въ сущности одно и то же.

— Да правда-то гдѣ, на какой сторонѣ?

— Гдѣ? Я тебѣ отвѣчу, какъ эхо: гдѣ?

— Ты въ меланхолическомъ настроеніи сегодня, Евгеній.

— Въ самомъ дѣлѣ? Солнце меня, должно-быть, распарило, да и малины нельзя такъ много ѣсть.

— Въ такомъ случаѣ не худо вздремнуть, — замѣтилъ Аркадій.

— Пожалуй; только ты не смотри на меня: всякаго человѣка лицо глупо, когда онъ спитъ.

— А тебѣ не все равно, что̀ о тебѣ думаютъ?

— Не знаю что̀ тебѣ сказать. Настоящій человѣкъ объ этомъ не долженъ заботиться; настоящій человѣкъ тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или ненавидѣть.

— Странно! я никого не ненавижу, — промолвилъ, подумавши, Аркадій.

— А я такъ многихъ. Ты нѣжная душа, размазня, гдѣ тебѣ ненавидѣть!.. Ты робѣешь, мало на себя надѣешься...

— А ты,—перебилъ Аркадій:—на себя надѣешься? Ты высокаго мнѣнія о самомъ себѣ?

Базаровъ помолчалъ.

— Когда я встрѣчу человѣка, который не спасовалъ бы передо мною, — проговорилъ онъ съ разстановкой: — тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ. Ненавидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа,—она такая славная, бѣлая, — вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же

помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?

— Полно, Евгеній... послушать тебя сегодня, поневолѣ согласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствіи принципа.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. Принциповъ вообще нѣтъ — ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ! а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Напримѣръ, я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія—въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что жъ? и честность—ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгеній!—началъ печальнымъ голосомъ Аркадій.

— А? что? не по вкусу?—перебилъ Базаровъ.—Нѣтъ, братъ! Рѣшился все косить — валяй и себя по ногамъ!.. Однако, мы довольно философствовали. „Природа навѣваетъ молчаніе сна“, сказалъ Пушкинъ.

— Никогда онъ ничего подобнаго не сказалъ,—промолвилъ Аркадій.

— Ну, не сказалъ, такъ могъ и долженъ былъ сказать, въ качествѣ поэта. Кстати, онъ, должно-быть, въ военной службѣ служилъ.

— Пушкинъ никогда не былъ военнымъ!

— Помилуй, у него на каждой страницѣ:—На бой, на бой! за честь Россіи!

— Что ты это за небылицы выдумываешь! Вѣдь это клевета, наконецъ.

— Клевета? Эка важность! Вотъ вздумалъ какимъ сло-

вомъ испугать! Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ, въ сущности, заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того.

— Давай лучше спать! — съ досадой проговорилъ Аркадій.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Базаровъ.

Но ни тому, ни другому не спалось. Какое-то почти враждебное чувство охватывало сердца обоихъ молодыхъ людей. Минутъ пять спустя, они открыли глаза и переглянулись молча.

— Посмотри, —сказалъ вдругъ Аркадій: — сухой, кленовый листъ оторвался и падаетъ на землю; его движенія совершенно сходны съ полетомъ бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое—сходно съ самымъ веселымъ и живымъ.

— О, другъ мой, Аркадій Николаичъ! — воскликнулъ Базаровъ:—объ одномъ прошу тебя: не говори красиво.

— Я говорю, какъ умѣю... Да и наконецъ это деспотизмъ. Мнѣ пришла мысль въ голову; отчего ея не высказать?

— Такъ; но почему же и мнѣ не высказать своей мысли? Я нахожу, что говорить красиво—неприлично.

— Что̀ же прилично? Ругаться?

— Э-э! да ты, я вижу, точно, намѣренъ пойти по стопамъ дядюшки. Ка́къ бы этотъ идіотъ порадовался, если бъ услышалъ тебя!

— Какъ ты назвалъ Павла Петровича?

— Я его назвалъ, какъ слѣдуетъ,—идіотомъ.

— Это, однако, нестерпимо!—воскликнулъ Аркадій.

— Ага! родственное чувство заговорило,—спокойно промолвилъ Базаровъ. — Я замѣтилъ: оно очень упорно держится въ людяхъ. Отъ всего готовъ отказаться человѣкъ, со всякимъ предразсудкомъ разстанется; но сознаться, что, напримѣръ, братъ, который чужіе платки крадетъ, воръ,— это свыше его силъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: *мой* братъ, *мой*—и не геній... возможно ли это?

— Во мнѣ простое чувство справедливости заговорило,

а вовсе не родственное,—возразилъ запальчиво Аркадій.— Но такъ какъ ты этого чувства не понимаешь, у тебя нѣтъ этого *ощущенія*, то ты и не можешь судить о немъ.

— Другими словами: Аркадій Кирсановъ слишкомъ возвышенъ для моего пониманія, преклоняюсь и умолкаю.

— Полно, пожалуйста, Евгеній; мы, наконецъ, поссоримся.

— Ахъ, Аркадій! сдѣлай одолженіе, поссоримся разъ хорошенько—до положенія ризъ, до истребленія.

— Но вѣдь этакъ, пожалуй, мы кончимъ тѣмъ...

— Что̀ подеремся? — подхватилъ Базаровъ. — Что жъ? Здѣсь, на сѣнѣ, въ такой идиллической обстановкѣ, вдали отъ свѣта и людскихъ взоровъ — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчасъ схвачу за горло...

Базаровъ растопырилъ свои длинные и жесткіе пальцы... Аркадій повернулся и приготовился, какъ бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему такимъ зловѣщимъ, такая нешуточная угроза почудилась ему въ кривой усмѣшкѣ его губъ, въ загорѣвшихся глазахъ,—что онъ почувствовалъ невольную робость...

— А! вотъ вы куда забрались!—раздался въ это мгновеніе голосъ Василія Ивановича, и старый штабъ-лѣкарь предсталъ передъ молодыми людьми, облеченный въ домодѣланный полотняный пиджакъ и съ соломенною, тоже домодѣланною, шляпой на головѣ.—Я васъ искалъ, искалъ... Но вы отличное выбрали мѣсто и прекрасному предаетесь занятію. Лежа на „землѣ“, глядѣть въ „небо“... Знаете ли—въ этомъ есть какое-то особенное значеніе!

— Я гляжу въ небо только тогда, когда хочу чихнуть,— проворчалъ Базаровъ и, обратившись къ Аркадію, прибавилъ вполголоса:—жаль, что помѣшалъ.

— Ну, полно, — шепнулъ Аркадій и пожалъ украдкой своему другу руку.—Но никакая дружба долго не выдержитъ такихъ столкновеній.

— Смотрю я на васъ, мои юные собесѣдники, — говорилъ между тѣмъ Василій Ивановичъ, покачивая головой и опираясь скрещенными руками на какую-то хитро перекрученную палку собственнаго издѣлія, съ фигурой

турка вмѣсто набалдашника:—смотрю, и не могу не любоваться. Сколько въ васъ силы, молодости самой цвѣтущей, способностей, талантовъ! Просто... Касторъ и Поллуксъ!

— Вонъ куда — въ миѳологію метнулъ! — промолвилъ Базаровъ. — Сейчасъ видно, что въ свое время сильный былъ латинистъ! Вѣдь ты, помнится, серебряной медали за сочиненіе удостоился,—а?

— Діоскуры, Діоскуры!—повторилъ Василій Ивановичъ.

— Однако, полно, отецъ,—не нѣжничай.

— Въ кои-то вѣки разикъ можно,—пробормоталъ старикъ.—Впрочемъ, я васъ, господа, отыскалъ не съ тѣмъ, чтобы говорить вамъ комплименты; но съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, доложить вамъ, что мы скоро обѣдать будемъ; а во-вторыхъ—мнѣ хотѣлось предварить тебя, Евгеній... Ты умный человѣкъ, ты знаешь людей, и женщинъ знаешь, и слѣдовательно извинишь... Твоя матушка молебенъ отслужить хотѣла, по случаю твоего пріѣзда. Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этомъ молебнѣ: ужъ онъ конченъ; но отецъ Алексѣй...

— Попъ?

— Ну да, священникъ; онъ у насъ... кушать будетъ.. Я этого не ожидалъ и даже не совѣтовалъ... но какъ-то такъ вышло... онъ меня не понялъ... Ну, и Арина Власьевна... Притомъ же, онъ у насъ очень хорошій и разсудительный человѣкъ.

— Вѣдь онъ моей порціи за обѣдомъ не съѣстъ? — спросилъ Базаровъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Помилуй, что̀ ты!

— А больше я ничего не требую. Я со всякимъ человѣкомъ готовъ за столъ сѣсть.

Василій Ивановичъ поправилъ свою шляпу.

— Я былъ напередъ увѣренъ,—промолвилъ онъ:—что ты выше всякихъ предразсудковъ. На что̀ вотъ я — старикъ, шестьдесятъ-второй годъ живу, а и я ихъ не имѣю. (Василій Ивановичъ не смѣлъ сознаться, что онъ самъ пожелалъ молебна... Набоженъ онъ былъ не менѣе своей

жены.) А отцу Алексѣю очень хотѣлось съ тобой познакомиться. Онъ тебѣ понравится, ты увидишь. Онъ и въ карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку куритъ.

— Что же? Мы послѣ обѣда засядемъ въ ералашъ, и я его обыграю.

— Хе-хе-хе, посмотримъ! Бабушка на-двое сказала.

— А что? развѣ стариной тряхнешь? — промолвилъ съ особеннымъ удареніемъ Базаровъ.

Бронзовыя щеки Василія Ивановича смутно покраснѣли.

— Какъ тебѣ не стыдно, Евгеній... Что было, то прошло. Ну, да я готовъ вотъ передъ *ними* признаться, имѣлъ я эту страсть въ молодости — точно; да и поплатился же я за нее!—Однако, какъ жарко. Позвольте подсѣсть къ вамъ. Вѣдь я не мѣшаю?

— Нисколько,— отвѣтилъ Аркадій.

Василій Ивановичъ кряхтя опустился на сѣно.

— Напоминаетъ мнѣ ваше теперешнее ложе, государи мои,—началъ онъ:— мою военную, бивуачную жизнь, перевязочные пункты, тоже гдѣ-нибудь этакъ возлѣ стога, и то еще славу Богу. — Онъ вздохнулъ. — Много, много испыталъ я на своемъ вѣку. Вотъ напримѣръ, если позволите, я вамъ разскажу любопытный эпизодъ чумы въ Бессарабіи.

— За который ты получилъ Владиміра? — подхватилъ Базаровъ. — Знаемъ, знаемъ... Кстати, отчего ты его не носишь?

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, что я не имѣю предразсудковъ,— пробормоталъ Василій Ивановичъ (онъ только наканунѣ велѣлъ спороть красную ленточку съ сюртука), и принялся разсказывать эпизодъ чумы. — А вѣдь онъ заснулъ, — шепнулъ онъ вдругъ Аркадію, указывая на Базарова и добродушно подмигнувъ. — Евгеній! вставай, — прибавилъ онъ громко.—Пойдемъ обѣдать...

Отецъ Алексѣй, мужчина видный и полный, съ густыми, тщательно расчесанными волосами, съ вышитымъ поясомъ на лиловой шелковой рясѣ, оказался человѣкомъ очень ловкимъ и находчивымъ. Онъ первый поспѣшилъ

пожать руку Аркадію и Базарову, какъ бы понимая заранѣе, что они не нуждаются въ его благословеніи, и вообще держалъ себя непринужденно. И себя онъ не выдалъ, и другихъ не задѣлъ; кстати посмѣялся надъ семинарскою латынью, и заступился за своего архіерея; двѣ рюмки вина выпилъ, а отъ третьей отказался; принялъ отъ Аркадія сигару, но курить ее не сталъ, говоря, что повезетъ ее домой. Не совсѣмъ пріятно было въ немъ только то, что онъ то-и-дѣло медленно и осторожно заносилъ руку, чтобы ловить мухъ у себя на лицѣ, и при этомъ иногда давилъ ихъ. Онъ сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъявленіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ Базарова на 2 руб. 50 к. ассигнаціями: въ домѣ Арины Власьевны и понятія не имѣли о счетѣ на серебро... Она попрежнему сидѣла возлѣ сына (въ карты она не играла), попрежнему подпирая щеку кулачкомъ, и вставала только затѣмъ, чтобы велѣть подать какое-нибудь новое яство. Она боялась ласкать Базарова, и онъ не ободрялъ ея, не вызывалъ ея на ласки; притомъ же и Василій Ивановичъ присовѣтовалъ ей не очень его „безпокоить". — „Молодые люди до этого не охотники", твердилъ онъ ей; (нечего говорить, каковъ былъ въ тотъ день обѣдъ: Тимоѳеичъ собственною персоной скакалъ на утренней зарѣ за какою-то особенною черкасскою говядиной; староста ѣздилъ въ другую сторону за налимами, ершами и раками; за одни грибы бабы получили 42 копейки мѣдью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращенные на Базарова, выражали не одну преданность и нѣжность: въ нихъ виднѣлась и грусть, смѣшанная съ любопытствомъ и страхомъ, виднѣлся какой-то смиренный укоръ.

Впрочемъ, Базарову было не до того, чтобы разбирать, что̀ именно выражали глаза его матери; онъ рѣдко обращался къ ней, и то съ коротенькимъ вопросомъ. Разъ онъ попросилъ у ней руку „на счастье"; она тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь.

— Что̀,—спросила она, погодя немного:—не помогло?

— Еще хуже пошло, — отвѣчалъ онъ съ небрежною усмѣшкой.

— Очинно они уже рискуютъ, — какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ отецъ Алексѣй, и погладилъ свою красивую бороду.

— Наполеоновское правило, батюшка, наполеоновское,— подхватилъ Василій Ивановичъ,—и пошелъ съ туза.

— Оно же и довело его до острова святыя Елены, — промолвилъ отецъ Алексѣй, и покрылъ его туза козыремъ.

— Не желаешь ли смородинной воды, Енюшечка? — спросила Арина Власьевна.

Базаровъ только плечами пожалъ.

— Нѣтъ!—говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію:— уѣду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправлюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А то здѣсь отецъ мнѣ твердитъ: „мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ—никто тебѣ мѣшать не будетъ", а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запираться. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней — и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится,—промолвилъ Аркадій:—да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами, что ли, она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.

— Ты матери своей не знаешь, Евгеній. Она не только отличная женщина, она очень умна, право. Сегодня утромъ она со мной съ полчаса бесѣдовала, и такъ дѣльно, интересно.

— Вѣрно обо мнѣ все распространялась?

— Не о тебѣ одномъ была рѣчь.

— Можетъ-быть; тебѣ со стороны виднѣй. Коли мо-

жетъ женщина получасовую бесѣду поддержать, это ужъ знакъ хорошій. А я все-таки уѣду.

— Тебѣ не легко будетъ сообщить имъ это извѣстіе. Они все разсуждаютъ о томъ, что̀ мы черезъ двѣ недѣли дѣлать будемъ.

— Не легко. Чортъ меня дернулъ сегодня подразнить отца: онъ на-дняхъ велѣлъ высѣчь одного своего оброчнаго мужика—и очень хорошо сдѣлалъ; да, да, не гляди на меня съ такимъ ужасомъ, — очень хорошо сдѣлалъ, потому что воръ и пьяница онъ страшнѣйшій; только отецъ никакъ не ожидалъ, что я объ этомъ, какъ говорится, извѣстенъ сталъ. Онъ очень сконфузился, а теперь мнѣ придется вдобавокъ его огорчить... Ничего! До свадьбы заживетъ!

Базаровъ сказалъ: „ничего!“ но цѣлый день прошелъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился увѣдомить Василія Ивановича о своемъ намѣреніи. Наконецъ, уже прощаясь съ нимъ въ кабинетѣ, онъ проговорилъ съ натянутымъ зѣвкомъ:

— Да... чуть-было не забылъ тебѣ сказать... Вели-ка завтра нашихъ лошадей къ Ѳедоту выслать на подставу.

Василій Ивановичъ изумился.

— Развѣ г-нъ Кирсановъ отъ насъ уѣзжаетъ?

— Да; и я съ нимъ уѣзжаю.

Василій Ивановичъ перевернулся на мѣстѣ.

— Ты уѣзжаешь?

— Да... мнѣ нужно. Распорядись, пожалуйста, насчетъ лошадей.

— Хорошо...—залепеталъ старикъ:—на подставу... хорошо... только... только... Какъ же это?

— Мнѣ нужно съѣздить къ нему на короткое время. Я потомъ опять сюда вернусь.

— Да! На короткое время... Хорошо. — Василій Ивановичъ вынулъ платокъ и, сморкаясь, наклонился чуть не до земли.—Что жъ? это... все будетъ. Я было думалъ, что ты у насъ... подольше. Три дня... Это, это, послѣ трехъ лѣтъ, маловато; маловато, Евгеній!

— Да я жъ тебѣ говорю, что я скоро вернусь. Мнѣ необходимо.

— Необходимо... Что жъ? Прежде всего надо долгъ исполнять... Такъ выслать лошадей? Хорошо. Мы, конечно, съ Ариной этого не ожидали. Она вотъ цвѣтовъ выпросила у сосѣдки, хотѣла комнату тебѣ убрать. (Василій Ивановичъ уже не упомянулъ о томъ, что каждое утро, чуть свѣтъ, стоя о босу ногу въ туфляхъ, онъ совѣщался съ Тимоѳеичемъ и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацію за другою, поручалъ ему разныя закупки, особенно налегая на съѣстные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было замѣтить, очень понравилось молодымъ людямъ.) Главное—свобода;—это мое правило... не надо стѣснять... не...

Онъ вдругъ умолкъ и направился къ двери.

— Мы скоро увидимся, отецъ, право.

Но Василій Ивановичъ, не оборачиваясь, только рукой махнулъ и вышелъ. Возвратясь въ спальню, онъ засталъ свою жену въ постели и началъ молиться шопотомъ, чтобы ея не разбудить. Однако она проснулась.

— Это ты, Василій Ивановичъ?—спросила она.

— Я, матушка!

— Ты отъ Енюши? Знаешь ли, я боюсь: покойно ли ему спать на диванѣ? Я Анфисушкѣ велѣла положить ему твой походный матрасикъ и новыя подушки; я бы нашъ пуховикъ ему дала, да онъ, помнится, не любитъ мягко спать.

— Ничего, матушка, не безпокойся. Ему хорошо. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ,—продолжалъ онъ вполголоса свою молитву. Василій Ивановичъ пожалѣлъ свою старушку; онъ не захотѣлъ сказать ей на ночь, какое горе ее ожидало.

Базаровъ съ Аркадіемъ уѣхали на другой день. Съ утра уже все пріуныло въ домѣ; у Анфисушки посуда изъ рукъ валилась; даже Ѳедька недоумѣвалъ, и кончилъ тѣмъ, что снялъ сапоги. Василій Ивановичъ суетился больше чѣмъ когда-либо: онъ видимо храбрился, громко говорилъ и стучалъ ногами, но лицо его осунулось, и взгляды постоянно скользили мимо сына. Арина Власьевна тихо плакала; она совсѣмъ бы растерялась и не совладѣла бы съ собой, если

бы мужъ рано утромъ цѣлые два часа ея не уговаривалъ. Когда же Базаровъ, послѣ неоднократныхъ обѣщаній вернуться никакъ не позже мѣсяца, вырвался наконецъ изъ удерживавшихъ его объятій, и сѣлъ въ тарантасъ, когда лошади тронулись, и колокольчикъ зазвенѣлъ, и колеса завертѣлись,—и вотъ уже глядѣть вслѣдъ было не зачѣмъ, и пыль улеглась, и Тимоѳеичъ, весь сгорбленный и шатаясь на ходу, поплелся назадъ въ свою каморку, когда старички остались одни въ своемъ, тоже какъ будто внезапно съежившемся и подряхлѣвшемъ домѣ: Василій Ивановичъ, еще за нѣсколько мгновеній молодцовато махавшій платкомъ на крыльцѣ, опустился на стулъ и уронилъ голову на грудь. „Бросилъ, бросилъ насъ“, залепеталъ онъ: „бросилъ; скучно ему стало съ нами. Одинъ, какъ перстъ теперь, одинъ!“ повторилъ онъ нѣсколько разъ, и каждый разъ выносилъ впередъ свою руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ. Тогда Арина Власьевна приблизилась къ нему и, прислонивъ свою сѣдую голову къ его сѣдой головѣ, сказала: „Что дѣлать, Вася! Сынъ—отрѣзанный ломоть. Онъ, что соколъ: захотѣлъ — прилетѣлъ, захотѣлъ—улетѣлъ; а мы съ тобой какъ опенки на дуплѣ, сидимъ рядкомъ, и ни съ мѣста. Только я останусь для тебя навѣкъ неизмѣнно, какъ и ты для меня“.

Василій Ивановичъ принялъ отъ лица руки и обнялъ свою жену, свою подругу, такъ крѣпко, какъ и въ молодости ея не обнималъ: она утѣшила его въ его печали.

XXII.

Молча, лишь изрѣдка мѣняясь незначительными словами, доѣхали наши пріятели до Ѳедота. Базаровъ былъ не совсѣмъ собою доволенъ. Аркадій былъ недоволенъ имъ. Къ тому же онъ чувствовалъ на сердцѣ ту безпричинную грусть, которая знакома только однимъ очень молодымъ людямъ. Кучеръ перепрягъ лошадей и, взобравшись на козлы, спросилъ: направо, аль налѣво?

Аркадій дрогнулъ. Дорога направо вела въ городъ, а оттуда домой; дорога налѣво вела къ Одинцовой.

Онъ взглянулъ на Базарова.

— Евгеній,—спросилъ онъ:—налѣво?

Базаровъ отвернулся.

— Это что̀ за глупость?—пробормоталъ онъ.

— Я знаю, что глупость,—отвѣтилъ Аркадій.—Да что за бѣда? Развѣ намъ въ первый разъ?

Базаровъ надвинулъ картузъ себѣ на лобъ.

— Ка̀къ знаешь,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Пошелъ налѣво,—крикнулъ Аркадій.

Тарантасъ покатилъ въ направленіи къ Никольскому. Но рѣшившись на *глупость*, пріятели еще упорнѣе прежняго молчали, и даже казались сердитыми.

Уже потому, ка̀къ ихъ встрѣтилъ дворецкій на крыльцѣ Одинцовскаго дома, пріятели могли догадаться, что они поступили неблагоразумно, поддавшись внезапно пришедшей имъ фантазіи. Ихъ очевидно не ожидали. Они просидѣли довольно долго и съ довольно-глупыми физіономіями въ гостиной. Одинцова вышла къ нимъ наконецъ. Она привѣтствовала ихъ съ обыкновенною своей любезностью, но удивилась ихъ скорому возвращенію и, сколько можно было судить по медлительности ея движеній и рѣчей, не слишкомъ ему обрадовалась. Они поспѣшили объявить, что заѣхали только по дорогѣ, и часа черезъ четыре отправятся дальше, въ городъ. Она ограничилась легкимъ восклицаніемъ, попросила Аркадія поклониться отцу отъ ея имени, и послала за своею теткой. Княжна явилась вся заспанная, что̀ придавало еще болѣе злобы выраженію ея сморщеннаго, стараго лица. Катѣ нездоровилось, она не выходила изъ своей комнаты. Аркадій вдругъ почувствовалъ, что онъ по крайней мѣрѣ столько же желалъ видѣть Катю, сколько и самоё Анну Сергѣевну. Четыре часа прошло въ незначительныхъ толкахъ о томъ, о семъ; Анна Сергѣевна и слушала, и говорила безъ улыбки. Только при самомъ прощаніи прежнее дружелюбіе какъ будто шевельнулось въ ея душѣ.

— На меня теперь нашла хандра,—сказала она:—но вы не обращайте на это вниманія и пріѣзжайте опять, я вамъ это обоимъ говорю, черезъ нѣсколько времени.

И Базаровъ, и Аркадій отвѣтили ей безмолвнымъ по-

клономъ, сѣли въ экипажъ и, уже нигдѣ не останавливаясь, отправились домой, въ Марьино, куда и прибыли благополучно на слѣдующій день вечеромъ. Въ продолженіе всей дороги ни тотъ, ни другой не упомянулъ даже имени Одинцовой; Базаровъ, въ особенности, почти не раскрывалъ рта, и все глядѣлъ въ сторону, прочь отъ дороги, съ какимъ-то ожесточеннымъ напряженіемъ.

Въ Марьинѣ имъ всѣ чрезвычайно обрадовались. Продолжительное отсутствіе сына начинало безпокоить Николая Петровича: онъ вскрикнулъ, заболталъ ногами и подпрыгнулъ на диванѣ, когда Ѳеничка вбѣжала къ нему съ сіяющими глазами и объявила о пріѣздѣ „молодыхъ господъ"; самъ Павелъ Петровичъ почувствовалъ нѣкоторое пріятное волненіе и снисходительно улыбался, потрясая руки возвратившихся странниковъ. Пошли толки, разспросы; говорилъ больше Аркадій, особенно за ужиномъ, который продолжался далеко за полночь. Николай Петровичъ велѣлъ подать нѣсколько бутылокъ портера, только что привезеннаго изъ Москвы, и самъ раскутился до того, что щеки у него сдѣлались малиновыя, и онъ все смѣялся какимъ-то не то дѣтскимъ, не то нервическимъ смѣхомъ. Всеобщее одушевленіе распространилось и на прислугу. Дуняша бѣгала взадъ и впередъ какъ угорѣлая, и то и дѣло хлопала дверями; а Петръ даже въ третьемъ часу ночи все еще пытался сыграть на гитарѣ вальсъ-казакъ. Струны жалобно и пріятно звучали въ неподвижномъ воздухѣ; но за исключеніемъ небольшой первоначальной фіоритуры ничего не выходило у образованнаго камердинера: природа отказала ему въ музыкальной способности, какъ и во всѣхъ другихъ.

А между тѣмъ жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ — хлопоты безотрадныя, безтолковыя. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; сбруя горѣла какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы

молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести: другую съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ, попавшій на „вольные хлѣба". Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше все спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не взносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы". Николай Петровичъ опредѣлилъ-было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего, мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ вперемежку съ мужскою бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ между тѣмъ осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ Опекунскій Совѣтъ грозится и требуетъ немедленной и безнедоимочной уплаты процентовъ...

— Силъ моихъ нѣтъ!—не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ — не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь!

— Du calme, du calme, — замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы.

Базаровъ держался въ отдаленіи отъ этихъ „дрязговъ", да ему, какъ гостю, не приходилось и вмѣшиваться въ чужія дѣла. На другой день послѣ пріѣзда въ Марьино, онъ принялся за своихъ лягушекъ, за инфузоріи, за химическіе составы, и все возился съ ними. Аркадій, напротивъ, почелъ своею обязанностію если не помогать отцу, то по крайней мѣрѣ показать видъ, что онъ готовъ ему помочь. Онъ терпѣливо его выслушивалъ и однажды подалъ какой-то совѣтъ, не для того чтобы ему послѣдовали, а чтобы заявить свое участіе. Хозяйничанье не возбуждало въ немъ отвращенія: онъ даже съ удовольствіемъ мечталъ объ агрономической дѣятельности, но у него въ ту пору другія мысли зароились въ головѣ. Аркадій, къ собственному изумленію, безпрестанно думалъ о Никольскомъ; прежде онъ бы только плечами пожалъ, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что онъ можетъ соскучиться подъ однимъ кровомъ съ Базаровымъ, и еще подъ какимъ!—подъ родительскимъ кровомъ; а ему точно было скучно, и тянуло его вонъ. Онъ вздумалъ гулять до усталости, но и это не помогло. Разговаривая однажды съ отцомъ, онъ узналъ, что у Николая Петровича находилось нѣсколько писемъ, довольно интересныхъ, писанныхъ нѣкогда матерью Одинцовой къ покойной его женѣ, и не отсталъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не получилъ этихъ писемъ, за которыми Николай Петровичъ принужденъ былъ рыться въ двадцати различныхъ ящикахъ и сундукахъ. Вступивъ въ обладаніе этими полуистлѣвшими бумажками, Аркадій какъ будто успокоился, точно онъ увидѣлъ передъ собою цѣль, къ которой ему слѣдовало идти. „Я вамъ это обоимъ говорю", безпрестанно шепталъ онъ,—сама прибавила! „Поѣду, поѣду, чортъ возьми!" Но

онъ вспомнилъ послѣднее посѣщеніе, холодный пріемъ и прежнюю неловкость, и робость овладѣвала имъ. „Авось“ молодости, тайное желаніе извѣдать свое счастіе, испытать свои силы въ одиночку, безъ чьего бы то ни было покровительства — одолѣли наконецъ. Десяти дней не прошло со времени его возвращенія въ Марьино, какъ уже онъ опять, подъ предлогомъ изученія механизма воскресныхъ школъ, скакалъ въ городъ, а оттуда въ Никольское. Безпрерывно погоняя ямщика, несся онъ туда, какъ молодой офицеръ на сраженье: и страшно ему было, и весело, нетерпѣніе его душило. „Главное — не надо думать“, твердилъ онъ самому себѣ. Ямщикъ ему попался лихой; онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: „чкнуть?“ или: „аль чкнуть?“ но за то, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей. Вотъ, наконецъ, показалась высокая крыша знакомаго дома... „Что́ я дѣлаю?“ мелькнуло вдругъ въ головѣ Аркадія. „Да, вѣдь не вернуться же!“ Тройка дружно мчалась; ямщикъ гикалъ и свисталъ. Вотъ уже мостикъ загремѣлъ подъ копытами и колесами, вотъ уже надвинулась аллея стриженныхъ елокъ... Розовое женское платье мелькнуло въ темной зелени, молодое лицо выглянуло изъ-подъ легкой бахромы зонтика... Онъ узналъ Катю, и она его узнала. Аркадій приказалъ ямщику остановить разскакавшихся лошадей, выпрыгнулъ изъ экипажа и подошелъ къ ней. „Это вы!“ промолвила она, и понемножку вся покраснѣла: „пойдемте къ сестрѣ, она тутъ, въ саду; ей будетъ пріятно васъ видѣть“.

Катя повела Аркадія въ садъ. Встрѣча съ нею показалась ему особенно счастливымъ предзнаменованіемъ; онъ обрадовался ей, словно родной. Все такъ отлично устроилось: ни дворецкаго, ни доклада. На поворотѣ дорожки онъ увидѣлъ Анну Сергѣевну. Она стояла къ нему спиной. Услышавъ шаги, она тихонько обернулась.

Аркадій смутился-было снова, но первыя слова, ею произнесенныя, успокоили его тотчасъ. „Здравствуйте, бѣглецъ!“ — проговорила она своимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, и пошла къ нему навстрѣчу, улыба-

ясь и щурясь отъ солнца и вѣтра: „гдѣ ты его нашла, Катя?“

— Я вамъ, Анна Сергѣевна,—началъ онъ: — привезъ нѣчто такое, чего вы никакъ не ожидаете...

— Вы себя привезли; это лучше всего.

XXIII.

Проводивъ Аркадія съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ и давъ ему понять, что онъ нисколько не обманывается насчетъ настоящей цѣли его поѣздки, Базаровъ уединился окончательно: на него нашла лихорадка работы. Съ Павломъ Петровичемъ онъ уже не спорилъ, тѣмъ болѣе, что тотъ въ его присутствіи принималъ черезчуръ аристократическій видъ и выражалъ свои мнѣнія болѣе звуками, чѣмъ словами. Только однажды Павелъ Петровичъ пустился-было въ состязаніе съ *нигилистомъ* по поводу моднаго въ то время вопроса о правахъ остзейскихъ дворянъ, но самъ вдругъ остановился, промолвивъ съ холодною вѣжливостью:—впрочемъ, мы другъ друга понять не можемъ; я, по крайней мѣрѣ, не имѣю чести васъ понимать.

— Еще бы!—воскликнулъ Базаровъ.—Человѣкъ все въ состояніи понять — и какъ трепещетъ эфиръ, и что́ на солнцѣ происходитъ; а какъ другой человѣкъ можетъ иначе сморкаться, чѣмъ онъ самъ сморкается, этого онъ понять не въ состояніи.

— Что́, это остроумно?—проговорилъ вопросительно Павелъ Петровичъ, и отошелъ въ сторону.

Впрочемъ, онъ иногда просилъ позволенія присутствовать при опытахъ Базарова, а разъ даже приблизилъ свое раздушенное и вымытое отличнымъ спадобьемъ лицо къ микроскопу, для того чтобы посмотрѣть, какъ прозрачная инфузорія глотала зеленую былинку и хлопотливо пережевывала ее какими-то очень проворными кулачками, находившимися у ней въ горлѣ. Гораздо чаще своего брата посѣщалъ Базарова Николай Петровичъ; онъ бы каждый день приходилъ, какъ онъ выражался, „учиться“, если бы хлопоты по хозяйству не отвлекали его. Онъ не стѣснялъ молодого естествоиспытателя: садился гдѣ-нибудь въ уго-

локъ комнаты и глядѣлъ внимательно, изрѣдка позволяя себѣ осторожный вопросъ. Во время обѣдовъ и ужиновъ, онъ старался направлять рѣчь на физику, геологію или химію, такъ какъ всѣ другіе предметы, даже хозяйственные, не говоря уже о политическихъ, могли повести если не къ столкновеніямъ, то ко взаимному неудовольствію. Николай Петровичъ догадывался, что ненависть его брата къ Базарову нисколько не уменьшилась. Неважный случай, между многими другими, подтвердилъ его догадки. Холера стала появляться кой-гдѣ по окрестностямъ и даже „выдернула“ двухъ людей изъ самого Марьина. Ночью съ Павломъ Петровичемъ случился довольно сильный припадокъ. Онъ промучился до утра, но не прибѣгъ къ искусству Базарова — и увидѣвшись съ нимъ на слѣдующій день, на его вопросъ:—„зачѣмъ онъ не послалъ за нимъ?“— отвѣчалъ, весь еще блѣдный, но уже тщательно расчесанный и выбритый:—„вѣдь вы, помнится, сами говорили, что не вѣрите въ медицину?“—Такъ проходили дни. Базаровъ работалъ упорно и угрюмо... а между тѣмъ въ домѣ Николая Петровича находилось существо, съ которымъ онъ не то чтобы отводилъ душу, а охотно бесѣдовалъ... Это существо была Ѳеничка.

Онъ встрѣчался съ ней большею частью по утрамъ рано, въ саду или на дворѣ; въ комнату къ ней онъ не захаживалъ, и она всего разъ подошла къ его двери, чтобы спросить его—купать ли ей Митю или нѣтъ? Она не только довѣрялась ему, не только его не боялась, она при немъ держалась вольнѣе и развязнѣе, чѣмъ при самомъ Николаѣ Петровичѣ. Трудно сказать, отчего это происходило; можетъ-быть оттого, что она безсознательно чувствовала въ Базаровѣ отсутствіе всего дворянскаго, всего того высшаго, что̀ и привлекаетъ, и пугаетъ. Въ ея глазахъ онъ и докторъ былъ отличный, и человѣкъ простой. Не стѣсняясь его присутствіемъ, она возилась съ своимъ ребенкомъ, и однажды, когда у ней вдругъ закружилась и заболѣла голова — изъ его рукъ приняла ложку лѣкарства. При Николаѣ Петровичѣ она какъ будто чуждалась Базарова: она это дѣлала не изъ хит-

рости, а изъ какого-то чувства приличія. Павла Петровича она боялась больше чѣмъ когда-либо; онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ наблюдать за нею, и неожиданно появлялся, словно изъ земли выросталъ за ея спиною въ своемъ *сьютѣ*, съ неподвижнымъ зоркимъ лицомъ и руками въ карманахъ. — „Такъ тебя холодомъ и обдастъ", жаловалась Ѳеничка Дуняшѣ, а та въ отвѣтъ ей вздыхала и думала о другомъ „безчувственномъ" человѣкѣ. Базаровъ, самъ того не подозрѣвая, сдѣлался *жестокимъ тираномъ* ея души.

Ѳеничкѣ нравился Базаровъ; но и она ему нравилась. Даже лицо его измѣнялось, когда онъ съ ней разговаривалъ: оно принимало выраженіе ясное, почти доброе, и къ обычной его небрежности примѣшивалась какая-то шутливая внимательность. Ѳеничка хорошѣла съ каждымъ днемъ. Бываетъ эпоха въ жизни молодыхъ женщинъ, когда онѣ вдругъ начинаютъ расцвѣтать и распускаться, какъ лѣтнія розы; такая эпоха наступила для Ѳенички. Все къ тому способствовало, даже іюльскій зной, который стоялъ тогда. Одѣтая въ легкое, бѣлое платье, она сама казалась бѣлѣе и легче: загаръ не приставалъ къ ней, а жара̀, отъ которой она не могла уберечься, слегка румянила ея щеки да уши, и вливая тихую лѣнь во все ея тѣло, отражалась дремотною томностью въ ея хорошенькихъ глазкахъ. Она почти не могла работать, руки у ней такъ и скользили на колѣни. Она едва ходила, и все охала да жаловалась съ забавнымъ безсиліемъ.

— Ты бы чаще купалась,—говорилъ ей Николай Петровичъ.

Онъ устроилъ большую, полотномъ покрытую, купальню въ томъ изъ своихъ прудовъ, который еще не совсѣмъ ушелъ.

— Охъ, Николай Петровичъ! Да пока до пруда дойдешь—умрешь, и назадъ пойдешь — умрешь. Вѣдь тѣни-то въ саду нѣту.

— Это точно, что тѣни нѣту,—отвѣчалъ Николай Петровичъ, и потиралъ себѣ брови.

Однажды, часу въ седьмомъ утра, Базаровъ, возвраща-

ясь съ прогулки, засталъ въ давно-отцвѣтшей, но еще густой и зеленой сиреневой бесѣдкѣ Ѳеничку. Она сидѣла на скамейкѣ, накинувъ по обыкновенію бѣлый платокъ на голову; подлѣ нея лежалъ цѣлый пукъ еще мокрыхъ отъ росы красныхъ и бѣлыхъ розъ. Онъ поздоровался съ нею.

— А! Евгеній Васильичъ!—проговорила она, и приподняла немного край платка, чтобы взглянуть на него, причемъ ея рука обнажилась до локтя.

— Что̀ вы это тутъ дѣлаете?—промолвилъ Базаровъ, садясь возлѣ нея.—Букетъ вяжете?

— Да; на столъ къ завтраку. Николай Петровичъ это любитъ.

— Но до завтрака еще далеко. Экая пропасть цвѣтовъ!

— Я ихъ теперь нарвала, а то станетъ жарко, и выйти нельзя. Только теперь и дышишь. Совсѣмъ я разслабѣла отъ этого жару. Ужъ я боюсь, не заболѣю ли я?

— Это что за фантазія! Дайте-ка вашъ пульсъ пощупать.—Базаровъ взялъ ея руку, отыскалъ ровно бившуюся жилку, и даже не сталъ считать ея ударовъ.—Сто лѣтъ проживете,—промолвилъ онъ, выпуская ея руку.

— Ахъ, сохрани Богъ! воскликнула она.

— А что̀? Развѣ вамъ не хочется долго пожить!

— Да вѣдь сто лѣтъ! У насъ бабушка была восьмидесяти-пяти лѣтъ—такъ ужъ что же это была за мученица! Черная, глухая, горбатая, все кашляла; себѣ только въ тягость. Какая ужъ это жизнь!

— Такъ лучше быть молодою?

— А то какъ же?

— Да чѣмъ же оно лучше? Скажите мнѣ!

— Какъ чѣмъ? Да вотъ я теперь, молодая, все могу сдѣлать,—и пойду, и приду, и принесу, и никого мнѣ просить не нужно... Чего лучше?

— А вотъ мнѣ все равно: молодъ ли я или старъ.

— Какъ это вы говорите—все равно? это невозможно, что̀ вы говорите.

— Да вы сами посудите, Ѳедосья Николаевна, на что мнѣ моя молодость? Живу я одинъ, бобылемъ...

— Это отъ васъ всегда зависитъ.

— То-то что не отъ меня! Хоть бы кто-нибудь надо мною сжалился.

Ѳеничка сбоку посмотрѣла на Базарова, но ничего не сказала.—Это что̀ у васъ за книга?—спросила она, погодя немного.

— Эта-то? Это ученая книга, мудреная.

— А вы все учитесь? И не скучно вамъ? Вы ужъ и такъ, я чай, все знаете.

— Видно не все. Попробуйте-ка вы прочесть немного.

— Да я ничего тутъ не пойму. Она у васъ русская?—спросила Ѳеничка, принимая въ обѣ руки тяжело переплетенный томъ.—Какая толстая!

— Русская.

— Все равно, я ничего не пойму.

— Да я и не съ тѣмъ, чтобы вы поняли. Мнѣ хочется посмотрѣть на васъ, какъ вы читать будете. У васъ, когда вы читаете, кончикъ носика очень мило двигается.

Ѳеничка, которая принялась-было разбирать вполголоса попавшуюся ей статью „о креозотѣ“, засмѣялась и бросила книгу... она скользнула со скамейки на землю.

— Я люблю тоже, когда вы смѣетесь, — промолвилъ Базаровъ.

— Полноте!

— Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеекъ журчитъ.

Ѳеничка отворотила голову.—Какой вы!—промолвила она, перебирая пальцами по цвѣтамъ.—И что̀ вамъ меня слушать? Вы съ такими умными дамами разговоръ имѣли.

— Эхъ, Ѳедосья Николаевна! повѣрьте мнѣ: всѣ умныя дамы на свѣтѣ не сто̀ятъ вашего локотка.

— Ну, вотъ еще что̀ выдумали!—шепнула Ѳеничка, и поджала руки.

Базаровъ поднялъ съ земли книгу. — Это лѣкарская книга, зачѣмъ вы ее бросаете?

— Лѣкарская?—повторила Ѳеничка, и повернулась къ нему.—А знаете что? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ тѣ капельки дали, помните? ужъ какъ Митя спитъ хорошо!

Я ужъ и не придумаю, какъ мнѣ васъ благодарить; такой вы добрый, право.

— А по-настоящему надо лѣкарямъ платить,—замѣтилъ съ усмѣшкой Базаровъ.—Лѣкаря, вы сами знаете, люди корыстные.

Ѳеничка подняла на Базарова свои глаза, казавшіеся еще темнѣе отъ бѣловатаго отблеска, падавшаго на верхнюю часть ея лица. Она не знала—шутитъ ли онъ, или нѣтъ.

— Если вамъ угодно, мы съ удовольствіемъ... Надо будетъ у Николая Петровича спросить...

— Да вы думаете, я денегъ хочу?—перебилъ ее Базаровъ.—Нѣтъ, мнѣ отъ васъ не деньги нужны.

— Что́ же?—проговорила Ѳеничка.

— Что?—повторилъ Базаровъ.—Угадайте.

— Что я за отгадчица!

— Такъ я вамъ скажу; мнѣ нужно... одну изъ этихъ розъ.

Ѳеничка опять засмѣялась и даже руками всплеснула, до того ей показалось забавнымъ желаніе Базарова. Она смѣялась, и въ то же время чувствовала себя польщенною. Базаровъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Извольте, извольте,—промолвила она наконецъ, и, нагнувшись къ скамейкѣ, принялась перебирать розы.—Какую вамъ, красную или бѣлую?

— Красную, и не слишкомъ большую.

Она выпрямилась.

— Вотъ возьмите,—сказала она, но тотчасъ же отдернула протянутую руку, и, закусивъ губы, глянула на входъ бесѣдки, потомъ приникла ухомъ.

— Что такое?—спросилъ Базаровъ.—Николай Петровичъ?

— Нѣтъ... Они въ поле уѣхали... да я и не боюсь ихъ... а вотъ Павелъ Петровичъ... Мнѣ показалось...

— Что̀?

— Мнѣ показалось, что *они* тутъ ходятъ. Нѣтъ... никого нѣтъ. Возьмите.—Ѳеничка отдала Базарову розу.

— Съ какой стати вы Павла Петровича боитесь?

— Они меня все пугаютъ. Говорить — не говорятъ, а такъ смотрятъ мудрено. Да вѣдь и вы его не любите. Помните, прежде вы все съ нимъ спорили. Я и не знаю, о чемъ у васъ споръ идетъ, а вижу, что вы его и такъ вертите, и такъ...

Ѳеничка показала руками какъ, по ея мнѣнію, Базаровъ вертѣлъ Павла Петровича.

Базаровъ улыбнулся.

— А если бъ онъ меня побѣждать сталъ, — спросилъ онъ:—вы бы за меня заступились?

— Гдѣ жъ мнѣ за васъ заступаться? да нѣтъ, съ вами не сладишь.

— Вы думаете? А я знаю руку, которая захочетъ, и пальцемъ меня сшибетъ.

— Какая такая рука?

— А вы, небось, не знаете? Понюхайте, какъ славно пахнетъ роза, что̀ вы мнѣ дали.

Ѳеничка вытянула шейку и приблизила лицо къ цвѣтку... Платокъ скатился съ ея головы на плеча; показалась мягкая масса черныхъ, блестящихъ, слегка растрепанныхъ волосъ.

— Постойте, я хочу понюхать съ вами, — промолвилъ Базаровъ, нагнулся, и крѣпко поцѣловалъ ее въ раскрытыя губы.

Она дрогнула, уперлась обѣими руками въ его грудь, но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцѣлуй.

Сухой кашель раздался за сиренями. Ѳеничка мгновенно отодвинулась на другой конецъ скамейки. Павелъ Петровичъ показался, слегка поклонился и, проговоривъ съ какою-то злобною унылостью: „вы здѣсь“—удалился. Ѳеничка тотчасъ подобрала всѣ розы и вышла вонъ изъ бесѣдки.—„Грѣшно вамъ, Евгеній Васильевичъ“, шепнула она, уходя. Неподдѣльный упрекъ слышался въ ея шопотѣ.

Базаровъ вспомнилъ другую недавнюю сцену, и совѣстно ему стало, и презрительно досадно. Но онъ тотчасъ же встряхнулъ головой, иронически поздравилъ себя „съ фор-

мальнымъ поступленіемъ въ селадоны", и отправился къ себѣ въ комнату.

А Павелъ Петровичъ вышелъ изъ саду, и медленно шагая, добрался до лѣса. Онъ остался тамъ довольно долго, и когда онъ вернулся къ завтраку, Николай Петровичъ заботливо спросилъ у него, здоровъ ли онъ? до того лицо его потемнѣло.

— Ты знаешь, я иногда страдаю разлитіемъ желчи,— спокойно отвѣчалъ ему Павелъ Петровичъ.

XXIV.

Часа два спустя, онъ стучался въ дверь къ Базарову.

— Я долженъ извиниться, что мѣшаю вамъ въ вашихъ ученыхъ занятіяхъ,—началъ онъ, усаживаясь на стулѣ у окна и опираясь обѣими руками на красивую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости (онъ обыкновенно хаживалъ безъ трости):—но я принужденъ просить васъ удѣлить мнѣ пять минутъ вашего времени... не болѣе.

— Все мое время къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ Базаровъ, у котораго что-то пробѣжало по лицу, какъ только Павелъ Петровичъ переступилъ порогъ двери.

— Съ меня пяти минутъ довольно. Я пришелъ предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Вопросъ? О чемъ это?

— А вотъ извольте выслушать. Въ началѣ вашего пребыванія въ домѣ моего брата, когда я еще не отказывалъ себѣ въ удовольствіи бесѣдовать съ вами, мнѣ случалось слышать ваши сужденія о многихъ предметахъ; но, сколько мнѣ помнится, ни между нами, ни въ моемъ присутствіи, рѣчь никогда не заходила о поединкахъ, о дуэли вообще. Позвольте узнать, какое ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ?

Базаровъ, который всталъ-было навстрѣчу Павлу Петровичу, присѣлъ на край стола и скрестилъ руки.

— Вотъ мое мнѣніе,—сказалъ онъ:—съ теоретической точки зрѣнія дуэль — нелѣпость; ну, а съ практической точки зрѣнія—это дѣло другое.

— То-есть, вы хотите сказать, если я только васъ понялъ, что какое бы ни было ваше теоретическое воз-

зрѣніе на дуэль, на практикѣ вы бы не позволили оскорбить себя, не потребовавъ удовлетворенія.

— Вы вполнѣ отгадали мою мысль.

— Очень хорошо-съ. Мнѣ очень пріятно это слышать отъ васъ. Ваши слова выводятъ меня изъ неизвѣстности...

— Изъ нерѣшимости, хотите вы сказать.

— Это все равно-съ; я выражаюсь такъ, чтобы меня поняли; я... не семинарская крыса. Ваши слова избавляютъ меня отъ нѣкоторой печальной необходимости. Я рѣшился драться съ вами.

Базаровъ вытаращилъ глаза.

— Со мной?

— Непремѣнно съ вами.

— Да за что? помилуйте.

— Я бы могъ объяснить вамъ причину,—началъ Павелъ Петровичъ.—Но я предпочитаю умолчать о ней. Вы на мой вкусъ здѣсь лишній; я васъ терпѣть не могу, я васъ презираю, и если вамъ этого не довольно...

Глаза Павла Петровича засверкали... Они вспыхнули и у Базарова.

— Очень хорошо-съ,—проговорилъ онъ.—Дальнѣйшихъ объясненій не нужно. Вамъ пришла фантазія испытать на мнѣ свой рыцарскій духъ. Я бы могъ отказать вамъ въ этомъ удовольствіи, да ужъ куда ни шло!

— Чувствительно вамъ обязанъ,—отвѣтилъ Павелъ Петровичъ:—и могу теперь надѣяться, что вы примете мой вызовъ, не заставивъ меня прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ.

— То-есть, говоря безъ аллегорій, къ этой палкѣ?—хладнокровно замѣтилъ Базаровъ.—Это совершенно справедливо. Вамъ нисколько не нужно оскорблять меня. Оно же и не совсѣмъ безопасно. Вы можете остаться джентльменомъ... Принимаю вашъ вызовъ тоже по-джентльменски.

— Прекрасно, — промолвилъ Павелъ Петровичъ, и поставилъ трость въ уголъ.—Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ нашей дуэли; но я сперва желалъ бы узнать, считаете ли вы нужнымъ прибѣгнуть къ формальности небольшой ссоры, которая могла бы служить предлогомъ моему вызову?

— Нѣтъ, лучше безъ формальностей.

— Я самъ такъ думаю. Полагаю также неумѣстнымъ вникать въ настоящія причины нашего столкновенія. Мы другъ друга терпѣть не можемъ. Чего больше?

— Чего же больше?—повторилъ иронически Базаровъ.

— Что же касается до самыхъ условій поединка, то такъ какъ у насъ секундантовъ не будетъ,—ибо гдѣ жъ ихъ взять?

— Именно, гдѣ ихъ взять?

— То я имѣю честь предложить вамъ слѣдующее: драться завтра рано, положимъ, въ шесть часовъ, за рощей, на пистолетахъ; барьеръ въ десяти шагахъ...

— Въ десяти шагахъ? это такъ; мы на это разстояніе ненавидимъ другъ друга.

— Можно и восемь,—замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Можно; отчего же?

— Стрѣлять два раза; а на всякій случай каждому положить себѣ въ карманъ письмецо, въ которомъ онъ самъ обвинитъ себя въ своей кончинѣ.

— Вотъ съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ,—промолвилъ Базаровъ. — Немножко на французскій романъ сбивается, неправдоподобно что-то.

— Быть-можетъ. Однако, согласитесь, что непріятно подвергнуться подозрѣнію въ убійствѣ?

— Соглашаюсь. Но есть средство избѣгнуть этого грустнаго нареканія. Секундантовъ у насъ не будетъ, но можетъ быть свидѣтель.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Да Петръ.

— Какой Петръ?

— Камердинеръ вашего брата. Онъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго образованія, и исполнитъ свою роль со всѣмъ необходимымъ въ подобныхъ случаяхъ *комильфо*.

— Мнѣ кажется, вы шутите, милостивый государь.

— Нисколько. Обсудивши мое предложеніе, вы убѣдитесь, что оно исполнено здраваго смысла и простоты. Шила въ мѣшкѣ не утаишь, а Петра я берусь подгото-

вить надлежащимъ образомъ и привести на мѣсто побоища.

— Вы продолжаете шутить, — произнесъ, вставая со стула, Павелъ Петровичъ. — Но послѣ любезной готовности, оказанной вами, я не имѣю права быть на васъ въ претензіи... И такъ, все устроено... Кстати, пистолетовъ у васъ нѣтъ?

— Откуда будутъ у меня пистолеты, Павелъ Петровичъ? Я не воинъ.

— Въ такомъ случаѣ, предлагаю вамъ мои. Вы можете быть увѣрены, что вотъ уже пять лѣтъ, какъ я не стрѣлялъ изъ нихъ.

— Это очень утѣшительное извѣстіе.

Павелъ Петровичъ досталъ свою трость...

— За симъ, милостивый государь, мнѣ остается только поблагодарить васъ и возвратить васъ вашимъ занятіямъ. Честь имѣю кланяться.

— До пріятнаго свиданія, милостивый государь мой,— промолвилъ Базаровъ, провожая гостя.

Павелъ Петровичъ вышелъ, а Базаровъ постоялъ передъ дверью и вдругъ воскликнулъ: „Фу ты, чортъ! какъ красиво, и какъ глупо! Экую мы комедію отломали! Ученыя собаки такъ на заднихъ лапахъ танцуютъ. А отказать было невозможно; вѣдь онъ меня, чего добраго, ударилъ бы и тогда... (Базаровъ поблѣднѣлъ при одной этой мысли; вся его гордость такъ и поднялась на дыбы.) Тогда пришлось бы задушить его, какъ котенка“. Онъ возвратился къ своему микроскопу, но сердце у него расшевелилось, и спокойствіе, необходимое для наблюденій, исчезло. „Онъ насъ увидѣлъ сегодня“, думалъ онъ: „но неужели жъ это онъ за брата такъ вступился? Да и что за важность, поцѣлуй? Тутъ что-нибудь другое есть. Ба! да не влюбленъ ли онъ самъ? Разумѣется, влюбленъ; это ясно какъ день. Какой переплетъ, подумаешь!.. Скверно!“ рѣшилъ онъ, наконецъ: „скверно, съ какой стороны ни посмотри. Во-первыхъ, надо будетъ подставлять лобъ, и во всякомъ случаѣ уѣхать; а тутъ Аркадій... и эта божья коровка, Николай Петровичъ. Скверно, скверно“.

День прошелъ какъ-то особенно тихо и вяло. Ѳенички словно на свѣтѣ не бывало; она сидѣла въ своей комнаткѣ, какъ мышенокъ въ норкѣ. Николай Петровичъ имѣлъ видъ озабоченный. Ему донесли, что въ его пшеницѣ, на которую онъ особенно надѣялся, показалась головня. Павелъ Петровичъ подавлялъ всѣхъ, даже Прокофьича, своею леденящею вѣжливостью. Базаровъ началъ было письмо къ отцу, да разорвалъ его и бросилъ подъ столъ. „Умру“, подумалъ онъ:—„узнаютъ: да я не умру. Нѣтъ, я еще долго на свѣтѣ маячить буду“. Онъ велѣлъ Петру придти къ нему на слѣдующій день чуть свѣтъ, для важнаго дѣла; Петръ вообразилъ, что онъ хочетъ взять его съ собой въ Петербургъ. Базаровъ легъ поздно, и всю ночь его мучили безпорядочные сны... Одинцова кружилась передъ нимъ, она же была его мать, за ней ходила кошечка съ черными усиками, и эта кошечка была Ѳеничка; а Павелъ Петровичъ представлялся ему большимъ лѣсомъ, съ которымъ онъ все-таки долженъ былъ драться. Петръ разбудилъ его въ четыре часа; онъ тотчасъ одѣлся и вышелъ съ нимъ.

Утро было славное, свѣжее; маленькія, пестрыя тучки стояли барашками на блѣдно-ясной лазури; мелкая роса высыпала на листьяхъ и травахъ, блистала серебромъ на паутинкахъ; влажная, темная земля, казалось, еще хранила румяный слѣдъ зари; со всего неба сыпались пѣсни жаворонковъ. Базаровъ дошелъ до рощи, присѣлъ въ тѣни на опушку, и только тогда открылъ Петру, какой онъ ждалъ отъ него услуги. Образованный лакей перепугался на-смерть; но Базаровъ успокоилъ его увѣреніемъ, что ему другого нечего будетъ дѣлать, какъ только стоять въ отдаленіи да глядѣть, и что отвѣтственности онъ не подвергается никакой.—„А между тѣмъ“, прибавилъ онъ:—„подумай, какая предстоитъ тебѣ важная роль!“ Петръ развелъ руками, потупился и, весь зеленый, прислонился къ березѣ.

Дорога изъ Марьина огибала лѣсокъ; легкая пыль лежала на ней, еще не тронутая со вчерашняго дня ни колесомъ, ни ногою. Базаровъ невольно посматривалъ вдоль

той дороги, рвалъ и кусалъ траву, а самъ все твердилъ про себя: „Экая глупость!“ Утренній холодокъ заставилъ его раза два вздрогнуть... Петръ унылъ взглянулъ на него, но Базаровъ только усмѣхнулся: онъ не трусилъ.

Раздался топотъ конскихъ ногъ по дорогѣ... Мужикъ показался изъ-за деревьевъ. Онъ гналъ двухъ спутанныхъ лошадей передъ собою и, проходя мимо Базарова, посмотрѣлъ на него какъ-то странно, не ломая шапки, что̀, видимо, смутило Петра, какъ недоброе предзнаменованіе. „Вотъ этотъ тоже рано всталъ“, подумалъ Базаровъ:—„да по крайней мѣрѣ за дѣломъ; а мы?“

— Кажись, они идутъ-съ,—шепнулъ вдругъ Петръ.

Базаровъ поднялъ голову и увидалъ Павла Петровича. Одѣтый въ легкій клѣтчатый пиджакъ и бѣлые, какъ снѣгъ, панталоны, онъ быстро шелъ по дорогѣ; подъ мышкой онъ несъ ящикъ, завернутый въ зеленое сукно.

— Извините, я, кажется, заставилъ васъ ждать,—промолвилъ онъ, кланяясь сперва Базарову, потомъ Петру, въ которомъ онъ въ это мгновеніе уважалъ нѣчто въ родѣ секунданта. — Я не хотѣлъ будить моего камердинера.

— Ничего-съ,—отвѣтилъ Базаровъ: — мы сами только-что пришли.

— А! тѣмъ лучше!—Павелъ Петровичъ оглянулся кругомъ.—Никого не видать, никто не помѣшаетъ... Мы можемъ приступить?

— Приступимъ.

— Новыхъ объясненій вы, я полагаю, не требуете?

— Не требую.

— Угодно вамъ заряжать? — спросилъ Павелъ Петровичъ, вынимая изъ ящика пистолеты.

— Нѣтъ; заряжайте вы, а я шаги отмѣривать стану. Ноги у меня длиннѣе, — прибавилъ Базаровъ съ усмѣшкой.—Разъ, два, три...

— Евгеній Васильевичъ, — съ трудомъ пролепеталъ Петръ (онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ): — воля ваша, я отойду.

— Четыре... пять.... Отойди, братецъ, отойди; можешь

даже за дерево стать и уши заткнуть, только глазъ не закрывай; а повалится кто—бѣги подымать. Шесть... семь... восемь...—Базаровъ остановился.—Довольно?—промолвилъ онъ, обращаясь къ Павлу Петровичу:—или еще два шага накинуть?

— Какъ угодно, — проговорилъ тотъ, заколачивая вторую пулю.

— Ну, накинемъ еще два шага. — Базаровъ провелъ носкомъ сапога черту по землѣ. — Вотъ и барьеръ. А, кстати: на сколько шаговъ каждому изъ насъ отъ барьера отойти? Это тоже важный вопросъ. Вчера объ этомъ не было дискуссіи.

— Я полагаю, на десять, — отвѣтилъ Павелъ Петровичъ, подавая Базарову оба пистолета. — Соблаговолите выбрать.

— Соблаговоляю. А согласитесь, Павелъ Петровичъ, что поединокъ нашъ необычаенъ до смѣшного. Вы посмотрите только на физіономію нашего секунданта.

— Вамъ все желательно шутить, — отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.—Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгомъ предупредить васъ, что я намѣренъ драться серьезно. A bon entendeur, salut!

— О, я не сомнѣваюсь въ томъ, что мы рѣшились истреблять другъ друга; но почему же не посмѣяться и не соединить utile dulci? Такъ-то: вы мнѣ по-французски, а я вамъ по-латыни.

— Я буду драться серьезно, — повторилъ Павелъ Петровичъ, и отправился на свое мѣсто. Базаровъ, съ своей стороны, отсчиталъ десять шаговъ отъ барьера и остановился.

— Вы готовы?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Совершенно.

— Можемъ сходиться.

Базаровъ тихонько двинулся впередъ, и Павелъ Петровичъ пошелъ на него, заложивъ лѣвую руку въ карманъ и постепенно поднимая дуло пистолета... „Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлитъ“, подумалъ Базаровъ: „и какъ щурится старательно, разбойникъ! Однако это непріятное ощуще-

ніе. Стану смотрѣть на цѣпочку его часовъ...“ Что-то рѣзко зыкнуло около самаго уха Базарова, и въ то же мгновенье раздался выстрѣлъ. — „Слышалъ, стало-быть ничего“, успѣло мелькнуть въ его головѣ. Онъ ступилъ еще разъ и, не цѣлясь, подавилъ пружинку.

Павелъ Петровичъ дрогнулъ слегка и хватился рукою за ляжку. Струйка крови потекла по его бѣлымъ панталонамъ.

Базаровъ бросилъ пистолетъ въ сторону и приблизился къ своему противнику.

— Вы ранены?—промолвилъ онъ.

— Вы имѣли право подозвать меня къ барьеру,—проговорилъ Павелъ Петровичъ,—а это пустяки. По условію, каждый имѣетъ еще по одному выстрѣлу.

— Ну, извините, это до другого раза, — отвѣчалъ Базаровъ и обхватилъ Павла Петровича, который начиналъ блѣднѣть.—Теперь я уже не дуэлистъ, а докторъ, и прежде всего долженъ осмотрѣть вашу рану. Петръ! поди сюда, Петръ! куда ты спрятался?

— Все это вздоръ... Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи,—промолвилъ съ разстановкой Павелъ Петровичъ:— и... надо... опять... — Онъ хотѣлъ-было дернуть себя за усъ, но рука его ослабѣла, глаза закатились, и онъ лишился чувствъ.

— Вотъ новость! Обморокъ! Съ чего бы! — невольно воскликнулъ Базаровъ, опуская Павла Петровича на траву. — Посмотримъ, что за штука? — Онъ вынулъ платокъ, отеръ кровь, пощупалъ вокругъ раны... „Кость цѣла“, бормоталъ онъ сквозь зубы: „пуля прошла неглубоко насквозь, одинъ мускулъ, vastus externus, задѣтъ. Хоть пляши черезъ три недѣли!.. А, обморокъ! Охъ, ужъ эти мнѣ нервные люди! Вишь, кожа-то какая тонкая“.

— Убиты-съ?—прошелестилъ за его спиной трепетный голосъ Петра.

Базаровъ оглянулся.

— Ступай за водой поскорѣе, братецъ, а онъ насъ съ тобой переживетъ.

Но усовершенствованный слуга, казалось, не понималъ

его словъ и не двигался съ мѣста. Павелъ Петровичъ медленно открылъ глаза. „Кончается!“ шепнулъ Петръ и началъ креститься.

— Вы правы... Экая глупая физіономія! — проговорилъ съ насильственною улыбкой раненый джентльменъ.

— Да ступай же за водой, чортъ! — крикнулъ Базаровъ.

— Не нужно... Это былъ минутный vertige... Помогите мнѣ сѣсть... вотъ такъ... Эту царапину стòитъ только чѣмъ-нибудь прихватить, и я дойду домой пѣшкомъ, а не то можно дрожки за мной прислать. Дуэль, если вамъ угодно, не возобновляется. Вы поступили благородно... сегодня, сегодня—замѣтьте.

— О прошломъ вспоминать не зачѣмъ,—возразилъ Базаровъ: — а что касается до будущаго, то о немъ тоже не стòитъ голову ломать, потому что я намѣренъ немедленно улизнуть. Дайте, я вамъ перевяжу теперь ногу; рана ваша—не опасная, а все лучше остановить кровь. Но сперва необходимо этого смертнаго привести въ чувство.

Базаровъ встряхнулъ Петра за воротъ и послалъ его за дрожками.

— Смотри, брата не испугай, — сказалъ ему Павелъ Петровичъ:—не вздумай ему докладывать.

Петръ помчался; а пока онъ бѣгалъ за дрожками, оба противника сидѣли на землѣ и молчали. Павелъ Петровичъ старался не глядѣть на Базарова; помириться съ нимъ онъ все-таки не хотѣлъ; онъ стыдился своей запосчивости, своей неудачи, стыдился всего затѣяннаго имъ дѣла, хотя и чувствовалъ, что болѣе благопріятнымъ образомъ оно кончиться не могло. „Не будетъ по крайней мѣрѣ здѣсь торчать“, успокоивалъ онъ себя: „и на томъ спасибо“. Молчаніе длилось, тяжелое и неловкое. Обоимъ было не хорошо. Каждый изъ нихъ сознавалъ, что другой его понимаетъ. Друзьямъ это сознаніе пріятно, и весьма непріятно недругамъ, особенно когда нельзя ни объясниться, ни разойтись.

— Не туго ли я завязалъ вамъ ногу?—спросилъ наконецъ Базаровъ.

— Нѣтъ, ничего, прекрасно,—отвѣчалъ Павелъ Петровичъ и, погодя немного, прибавилъ:—брата не обманешь, надо будетъ сказать ему, что мы повздорили изъ-за политики.

— Очень хорошо,—промолвилъ Базаровъ.—Вы можете сказать, что я бранилъ всѣхъ англомановъ.

— И прекрасно. Какъ вы полагаете, что̀ думаетъ теперь о насъ этотъ человѣкъ? — продолжалъ Павелъ Петровичъ, указывая на того самаго мужика, который за нѣсколько минутъ до дуэли прогналъ мимо Базарова спутанныхъ лошадей и, возвращаясь назадъ по дорогѣ, „забочилъ“ и снялъ шапку при видѣ „господъ“.

— Кто жъ его знаетъ! — отвѣтилъ Базаровъ: — всего вѣроятнѣе, что ничего не думаетъ. — Русскій мужикъ — это тотъ самый таинственный незнакомецъ, о которомъ нѣкогда такъ много толковала госпожа Ратклиффъ. Кто его пойметъ! Онъ самъ себя не понимаетъ.

— А! вотъ вы какъ!—началъ было Павелъ Петровичъ и вдругъ воскликнулъ: — посмотрите, что̀ вашъ глупецъ Петръ надѣлалъ! Вѣдь братъ сюда скачетъ!

Базаровъ обернулся и увидалъ блѣдное лицо Николая Петровича, сидѣвшаго на дрожкахъ. Онъ соскочилъ съ нихъ, прежде нежели онѣ остановились, и бросился къ брату.

— Что̀ это значитъ? — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ: — Евгеній Васильичъ, помилуйте, что̀ это такое?

— Ничего, — отвѣчалъ Павелъ Петровичъ: — напрасно тебя потревожили. Мы немножко повздорили съ господиномъ Базаровымъ, и я за это немножко поплатился.

— Да изъ-за чего все вышло, ради Бога?

— Какъ тебѣ сказать? Господинъ Базаровъ непочтительно отозвался о сэръ Робертѣ Пилѣ. Спѣшу прибавить, что во всемъ этомъ виноватъ одинъ я, а господинъ Базаровъ велъ себя отлично. Я его вызвалъ.

— Да у тебя кровь, помилуй!

— А ты полагалъ, у меня вода въ жилахъ? Но мнѣ это кровопусканіе даже полезно. Не правда ли, докторъ?

Помоги мнѣ сѣсть на дрожки, и не предавайся меланхоліи. Завтра я буду здоровъ. Вотъ такъ; прекрасно. Трогай, кучеръ.

Николай Петровичъ пошелъ за дрожками; Базаровъ остался-было назади...

— Я долженъ васъ просить заняться братомъ, — сказалъ ему Николай Петровичъ: — пока намъ изъ города привезутъ другого врача.

Базаровъ молча наклонилъ голову.

Часъ спустя, Павелъ Петровичъ уже лежалъ въ постели съ искусно забинтованною ногой. Весь домъ переполошился: Ѳеничкѣ сдѣлалось дурно. Николай Петровичъ втихомолку ломалъ себѣ руки, а Павелъ Петровичъ смѣялся, шутилъ, особенно съ Базаровымъ; надѣлъ тонкую батистовую рубашку, щегольскую утреннюю курточку и феску, не позволилъ опускать шторы оконъ, и забавно жаловался на необходимость воздержаться отъ пищи.

Къ ночи съ нимъ однако сдѣлался жаръ; голова у него заболѣла. Явился докторъ изъ города. (Николай Петровичъ не послушался брата, да и самъ Базаровъ этого не желалъ; онъ цѣлый день сидѣлъ у себя въ комнатѣ, весь желтый и злой, и только на самое короткое время забѣгалъ къ больному; раза два ему случилось встрѣтиться съ Ѳеничкой, но она съ ужасомъ отъ него отскакивала.) Новый докторъ посовѣтовалъ прохладительныя питья, а впрочемъ подтвердилъ увѣренія Базарова, что опасности не предвидится никакой. Николай Петровичъ сказалъ ему, что братъ самъ себя поранилъ по неосторожности, на что̀ докторъ отвѣчалъ: „гм“! — но, получивъ тутъ же въ руку 25 рублей серебромъ, промолвилъ:

— Скажите! это часто случается, точно.

Никто въ домѣ не ложился и не раздѣвался. Николай Петровичъ то и дѣло входилъ на цыпочкахъ къ брату, и на цыпочкахъ выходилъ отъ него: тотъ забывался, слегка охалъ, говорилъ ему по-французски: „couchez-vous“ — и просилъ пить. Николай Петровичъ заставилъ разъ Ѳеничку поднести ему стаканъ лимонаду; Павелъ Петровичъ посмотрѣлъ на нее пристально, и выпилъ ста-

канъ до дна. Къ утру жаръ немного усилился, показался легкій бредъ. Сперва Павелъ Петровичъ произносилъ несвязныя слова; потомъ онъ вдругъ открылъ глаза и, увидавъ возлѣ своей постели брата, заботливо наклонившагося надъ нимъ, промолвилъ:

— А не правда ли, Николай, въ Ѳеничкѣ есть что-то общее съ Нелли?

— Съ какою Нелли, Паша?

— Какъ это ты спрашиваешь? Съ княгинею Р.... Особенно въ верхней части лица. C'est de la même famille.

Николай Петровичъ ничего не отвѣчалъ, а самъ про себя подивился живучести старыхъ чувствъ въ человѣкѣ.

„Вотъ когда всплыло", подумалъ онъ.

— Ахъ, какъ я люблю это пустое существо! — простоналъ Павелъ Петровичъ, тоскливо закидывая руки за голову.—Я не потерплю, чтобы какой-нибудь наглецъ посмѣлъ коснуться...—лепеталъ онъ нѣсколько мгновеній спустя.

Николай Петровичъ только вздохнулъ; онъ и не подозрѣвалъ, къ кому относились эти слова.

Базаровъ явился къ нему на другой день, часовъ въ восемь. Онъ успѣлъ уже уложиться и выпустить на волю всѣхъ своихъ лягушекъ, насѣкомыхъ и птицъ.

— Вы пришли со мной проститься?—проговорилъ Николай Петровичъ, поднимаясь ему навстрѣчу.

— Точно такъ-съ.

— Я васъ понимаю, и одобряю васъ вполнѣ. Мой бѣдный братъ, конечно, виноватъ: за то онъ и наказанъ. Онъ мнѣ самъ сказалъ, что поставилъ васъ въ невозможность иначе дѣйствовать. Я вѣрю, что вамъ нельзя было избѣгнуть этого поединка, который... который до нѣкоторой степени объясняется однимъ лишь постояннымъ антагонизмомъ вашихъ взаимныхъ воззрѣній. (Николай Петровичъ путался въ своихъ словахъ.) Мой братъ—человѣкъ прежняго закала, вспыльчивый и упрямый... Слава Богу, что еще такъ кончилось. Я принялъ всѣ нужныя мѣры къ избѣжанію огласки...

— Я вамъ оставлю свой адресъ на случай, если выйдетъ исторія,—замѣтилъ небрежно Базаровъ.

— Я надѣюсь, что никакой исторіи не выйдетъ, Евгеній Васильичъ... Мнѣ очень жаль, что ваше пребываніе въ моемъ домѣ получило такое... такой конецъ. Мнѣ это тѣмъ огорчительнѣе, что Аркадій...

— Я, должно-быть, съ нимъ увижусь, — возразилъ Базаровъ, въ которомъ всякаго рода „объясненія“ и „изъявленія“ постоянно возбуждали нетерпѣливое чувство: — въ противномъ случаѣ, прошу васъ поклониться ему отъ меня и принять выраженіе моего сожалѣнія.

— И я прошу... — отвѣтилъ съ поклономъ Николай Петровичъ. Но Базаровъ не дождался конца его фразы и вышелъ.

Узнавъ объ отъѣздѣ Базарова, Павелъ Петровичъ пожелалъ его видѣть и пожалъ ему руку. Но Базаровъ и тутъ остался холоденъ какъ ледъ; онъ понималъ, что Павлу Петровичу хотѣлось повеликодушничать. Съ Ѳеничкой ему не удалось проститься: онъ только переглянулся съ нею изъ окна. Ея лицо показалось ему печальнымъ. „Пропадетъ, пожалуй!“ сказалъ онъ про себя... „Ну, выдерется какъ-нибудь!“ — Зато Петръ расчувствовался до того, что плакалъ у него на плечѣ, пока Базаровъ не охладилъ его вопросомъ: „Не на мокромъ ли мѣстѣ у него глаза?“ а Дуняша принуждена была убѣжать въ рощу, чтобы скрыть свое волненіе. Виновникъ всего этого горя взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги, въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель.

Павлу Петровичу скоро полегчало; но въ постели пришлось ему пролежать около недѣли. Онъ переносилъ свой, какъ онъ выражался, *плѣнъ* довольно терпѣливо, только ужъ очень возился съ туалетомъ и все приказывалъ курить о-де-колономъ. Николай Петровичъ читалъ ему журналы; Ѳеничка ему прислуживала попрежнему, приносила бульонъ, лимонадъ, яйца въ-смятку, чай; но тайный ужасъ овладѣвалъ ею каждый разъ, когда она входила въ его

комнату. Неожиданный поступокъ Павла Петровича запугалъ всѣхъ людей въ домѣ, а ее больше всѣхъ; одинъ Прокофьичъ не смутился и толковалъ, что и въ его время господа дирывались, „только благородные господа между собою, и этакихъ прощелыгъ они бы за грубость на конюшнѣ отодрать велѣли“.

Совѣсть почти не упрекала Ѳеничку; но мысль о настоящей причинѣ ссоры мучила ее по временамъ; да и Павелъ Петровичъ глядѣлъ на нее такъ странно... такъ, что она, даже обернувшись къ нему спиною, чувствовала на себѣ его глаза. Она похудѣла отъ непрестанной внутренней тревоги и, какъ водится, стала еще милѣй.

Однажды—дѣло было утромъ—Павелъ Петровичъ хорошо себя чувствовалъ и перешелъ съ постели на диванъ, а Николай Петровичъ, освѣдомившись объ его здоровьи, отлучился на гумно. Ѳеничка принесла чашку чаю и, поставивъ ее на столикъ, хотѣла-было удалиться. Павелъ Петровичъ ее удержалъ.

— Куда вы такъ спѣшите, Ѳедосья Николаевна,—началъ онъ:—развѣ у васъ дѣло есть?

— Нѣтъ-съ... Нужно тамъ чай разливать.

— Дуняша это безъ васъ сдѣлаетъ; посидите немножко съ больнымъ человѣкомъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Ѳеничка молча присѣла на край кресла.

— Послушайте,—промолвилъ Павелъ Петровичъ, и подергалъ свои усы:—я давно хотѣлъ у васъ спросить: вы какъ будто меня боитесь?

— Я-съ?..

— Да вы. Вы на меня никогда не смотрите, точно у васъ совѣсть не чиста.

Ѳеничка покраснѣла, но взглянула на Павла Петровича. Онъ показался ей какимъ-то страннымъ, и сердце у ней тихонько задрожало.

— Вѣдь у васъ совѣсть чиста?—спросилъ онъ ее.

— Отчего же ей не быть чистою?—шепнула она.

— Мало ли отчего! Впрочемъ, передъ кѣмъ можете вы быть виноватою? Передо мной? Это не вѣроятно. Передъ

другими лицами здѣсь въ домѣ? Это тоже дѣло несбыточное. Развѣ передъ братомъ? Но вѣдь вы его любите?

— Люблю.

— Всей душой, всѣмъ сердцемъ?

— Я Николая Петровича всѣмъ сердцемъ люблю.

— Право? Посмотри-ка на меня, Ѳеничка (онъ въ первый разъ такъ называлъ ее...). Вы знаете — большой грѣхъ лгать!

— Я не лгу, Павелъ Петровичъ. Мнѣ Николая Петровича не любить, да послѣ этого мнѣ и жить не надо.

— И ни на кого вы его не промѣняете?

— На кого-жъ могу я его промѣнять?

— Мало ли на кого! Да вотъ хоть бы на этого господина, что̀ отсюда уѣхалъ.

Ѳеничка встала. — Господи, Боже мой, Павелъ Петровичъ, за что̀ вы меня мучите? Что я вамъ сдѣлала? Какъ это можно такое говорить?..

— Ѳеничка,—промолвилъ печальнымъ голосомъ Павелъ Петровичъ:—вѣдь, я видѣлъ...

— Что̀ вы видѣли-съ?

— Да тамъ... въ бесѣдкѣ.

Ѳеничка зардѣлась вся до волосъ и до ушей.

— А чѣмъ же я тутъ виновата?—произнесла она съ трудомъ.

Павелъ Петровичъ приподнялся.

— Вы не виноваты? Нѣтъ? Нисколько?

— Я Николая Петровича одного на свѣтѣ люблю, и вѣкъ любить буду!—проговорила съ внезапною силой Ѳеничка, между тѣмъ какъ рыданья такъ и поднимали ея горло:—а что̀ вы видѣли, такъ я на страшномъ судѣ скажу, что вины моей въ томъ нѣтъ, и не было, и ужъ лучше мнѣ умереть сейчасъ, коли меня въ такомъ дѣлѣ подозрѣвать могутъ, что я передъ моимъ благодѣтелемъ, Николаемъ Петровичемъ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ ей, и въ то же время она почувствовала, что Павелъ Петровичъ ухватилъ и стиснулъ ея руку... Она посмотрѣла на него, и такъ и окаменѣла.

Онъ сталъ еще блѣднѣе прежняго; глаза его блистали, и что̀ всего было удивительнѣе, тяжелая, одинокая слеза катилась по его щекѣ.

— Ѳеничка! — сказалъ онъ какимъ-то чуднымъ шопотомъ:—любите, любите моего брата! Онъ такой добрый, хорошій человѣкъ! Не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей! Подумайте, что̀ можетъ быть ужаснѣе, какъ любить и не быть любимымъ! Не покидайте никогда моего бѣднаго Николая!

Глаза высохли у Ѳенички, и страхъ ея прошелъ, —до того велико было ея изумленіе. Но что̀ сталось съ ней, когда Павелъ Петровичъ, самъ Павелъ Петровичъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, и такъ и приникъ къ ней, не цѣлуя ея и только изрѣдка судорожно вздыхая...

„Господи“, подумала она: „ужъ не припадокъ ли съ нимъ?..“

А въ это мгновеніе цѣлая погибшая жизнь въ немъ трепетала.

Лѣстница заскрипѣла подъ быстрыми шагами.. Онъ оттолкнулъ ее отъ себя прочь, и откинулся головой на подушку. Дверь растворилась, — и веселый, свѣжій, румяный, появился Николай Петровичъ. Митя, такой же свѣжій и румяный какъ отецъ, подпрыгивалъ въ одной рубашечкѣ на его груди, цѣпляясь голыми ножками за большія пуговицы его деревенскаго пальто.

Ѳеничка такъ и бросилась къ нему и, обвивъ руками и его, и сына, припала головой къ его плечу. Николай Петровичъ удивился: Ѳеничка, застѣнчивая и скромная, никогда не ласкалась къ нему въ присутствіи третьяго лица.

— Что съ тобой?—промолвилъ онъ и, глянувъ на брата, передалъ ей Митю.—Ты не хуже себя чувствуешь?—спросилъ онъ, подходя къ Павлу Петровичу.

Тотъ уткнулъ лицо въ батистовый платокъ.—Нѣтъ... такъ... ничего... Напротивъ, мнѣ гораздо лучше.

— Ты напрасно поспѣшилъ перейти на диванъ. Ты куда?—прибавилъ Николай Петровичъ, оборачиваясь къ

Ѳеничкѣ; но та уже захлопнула за собою дверь.—Я-было принесъ показать тебѣ моего богатыря; онъ соскучился по своемъ дядѣ. Зачѣмъ это она унесла его? Однако, что̀ съ тобой? Произошло у васъ тутъ что-нибудь, что̀ ли?

— Братъ!—торжественно проговорилъ Павелъ Петровичъ.

Николай Петровичъ дрогнулъ. Ему стало жутко, онъ самъ не понималъ—почему.

— Братъ,—повторилъ Павелъ Петровичъ: — дай мнѣ слово исполнить одну мою просьбу.

— Какую просьбу? Говори.

— Она очень важна; отъ нея, по моимъ понятіямъ, зависитъ все счастье твоей жизни. Я все это время много размышлялъ о томъ, что̀ я хочу теперь сказать тебѣ... Братъ, исполни обязанность твою, обязанность честнаго и благороднаго человѣка, прекрати соблазнъ и дурной примѣръ, который подается тобою, лучшимъ изъ людей!

— Что̀ ты хочешь сказать, Павелъ?

— Женись на Ѳеничкѣ... Она тебя любитъ; она—мать твоего сына.

Николай Петровичъ отступилъ на шагъ и всплеснулъ руками.

— Ты это говоришь, Павелъ? ты, котораго я считалъ всегда самымъ непреклоннымъ противникомъ подобныхъ браковъ! Ты это говоришь! Но развѣ ты не знаешь, что единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что̀ ты такъ справедливо назвалъ моимъ долгомъ!

— Напрасно жъ ты уважалъ меня въ этомъ случаѣ,—возразилъ съ унылою улыбкою Павелъ Петровичъ.—Я начинаю думать, что Базаровъ былъ правъ, когда упрекалъ меня въ аристократизмѣ. Нѣтъ, милый братъ, полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ: мы люди уже старые и смирные; пора намъ отложить въ сторону всякую суету. Именно, какъ ты говоришь, станемъ исполнять нашъ долгъ; и посмотри, мы еще и счастье получимъ въ придачу.

Николай Петровичъ бросился обнимать своего брата.

— Ты мнѣ окончательно открылъ глаза,—воскликнулъ

онъ.—Я не даромъ всегда утверждалъ, что ты самый добрый и умный человѣкъ въ мірѣ; а теперь я вижу, что ты такой же благоразумный, какъ и великодушный.

— Тише, тише,—перебилъ его Павелъ Петровичъ.—Не разбереди ногу твоего благоразумнаго брата, который подъ пятьдесятъ лѣтъ дрался на дуэли, какъ прапорщикъ. Итакъ, это дѣло рѣшеное: Ѳеничка будетъ моею... belle-soeur.

— Дорогой мой Павелъ! Но что́ скажетъ Аркадій?

— Аркадій? онъ восторжествуетъ, помилуй! Бракъ не въ его принципахъ, зато чувство равенства будетъ въ немъ польщено. Да и дѣйствительно, что́ за касты au dix-neuvième siècle?

— Ахъ, Павелъ, Павелъ! дай мнѣ еще разъ тебя поцѣловать. Не бойся, я осторожно.

Братья обнялись.

— Какъ ты полагаешь, не объявить ли ей твое намѣреніе теперь же?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Къ чему спѣшить?—возразилъ Николай Петровичъ.—Развѣ у васъ былъ разговоръ?

— Разговоръ у насъ? Quelle idée!

— Ну, и прекрасно. Прежде всего выздоравливай, а это отъ насъ не уйдетъ, надо подумать хорошенько, сообразить...

— Но вѣдь ты рѣшился?

— Конечно рѣшился, и благодарю тебя отъ души. Я теперь тебя оставлю; тебѣ надо отдохнуть; всякое волненіе тебѣ вредно... Но мы еще потолкуемъ. Засни, душа моя, и дай Богъ тебѣ здоровья!

„За что́ онъ меня такъ благодаритъ?“ подумалъ Павелъ Петровичъ, оставшись одинъ. — „Какъ будто это не отъ него зависѣло! А я, какъ только онъ женится, уѣду куда-нибудь подальше, въ Дрезденъ или во Флоренцію, и буду тамъ жить, пока околѣю“.

Павелъ Петровичъ помочилъ себѣ лобъ о-де-колономъ и закрылъ глаза. Освѣщенная яркимъ дневнымъ свѣтомъ, его красивая, исхудалая голова лежала на бѣлой подушкѣ, какъ голова мертвеца... Да онъ и былъ мертвецъ.

XXV.

Въ Никольскомъ, въ саду, въ тѣни высокаго ясеня, сидѣли на дерновой скамейкѣ Катя съ Аркадіемъ; на землѣ, возлѣ нихъ, помѣстилась Фифи, придавъ своему длинному тѣлу тотъ изящный поворотъ, который у охотниковъ слыветъ „русачьей полежкой". И Аркадій, и Катя молчали: онъ держалъ въ рукахъ полураскрытую книгу, а она выбирала изъ корзинки оставшіяся въ ней крошки бѣлаго хлѣба, и бросала ихъ небольшой семейкѣ воробьевъ, которые, съ свойственной имъ трусливою дерзостью, прыгали и чирикали у самыхъ ея ногъ. Слабый вѣтеръ, шевеля въ листьяхъ ясеня, тихонько двигалъ взадъ и впередъ, и по темной дорожкѣ, и по желтой спинѣ Фифи, блѣдно-золотыя пятна свѣта; ровная тѣнь обливала Аркадія и Катю; только изрѣдка въ ея волосахъ зажигалась яркая полоска. Они молчали оба; но именно въ томъ, какъ они молчали, какъ они сидѣли рядомъ, сказывалось довѣрчивое сближеніе: каждый изъ нихъ какъ будто и не думалъ о своемъ сосѣдствѣ, а втайнѣ радовался его близости. И лица ихъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы ихъ видѣли въ послѣдній разъ: Аркадій казался спокойнѣе, Катя оживленнѣе, смѣлѣй.

— Не находите ли вы, — началъ Аркадій: — что *ясень* по-русски очень хорошо названъ: ни одно дерево такъ легко и *ясно* не сквозитъ въ воздухѣ, какъ онъ.

Катя подняла глаза кверху и промолвила: „да", а Аркадій подумалъ: „вотъ эта не упрекаетъ меня за то, что я *красиво* выражаюсь".

— Я не люблю Гейне,—заговорила Катя, указывая глазами на книгу, которую Аркадій держалъ въ рукахъ: — ни когда онъ смѣется, ни когда онъ плачетъ: я его люблю, когда онъ задумчивъ и груститъ.

— А мнѣ нравится, когда онъ смѣется,—замѣтилъ Аркадій.

— Это въ васъ еще старые слѣды вашего сатирическаго направленія... (Старые слѣды! подумалъ Аркадій:— если бъ Базаровъ это слышалъ!) Погодите, мы васъ передѣлаемъ.

— Кто меня передѣлаетъ? Вы?

— Кто?—сестра; Порфирій Платоновичъ, съ которымъ вы уже не ссоритесь; тетушка, которую вы третьяго дня проводили въ церковь.

— Не могъ же я отказаться! А что̀ касается до Анны Сергѣевны, она сама, вы помните, во многомъ соглашалась съ Евгеніемъ.

— Сестра находилась тогда подъ его вліяніемъ, такъ же, какъ и вы.

— Какъ и я! Развѣ вы замѣчаете, что я уже освободился изъ-подъ его вліянія?

Катя промолчала.

— Я знаю,—продолжалъ Аркадій:—онъ вамъ никогда не нравился.

— Я не могу судить о немъ.

— Знаете ли что̀, Катерина Сергѣевна? Всякій разъ, когда я слышу этотъ отвѣтъ, я ему не вѣрю... Нѣтъ такого человѣка, о которомъ каждый изъ насъ не могъ бы судить! Это просто отговорка.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что онъ... не то, что мнѣ не нравится, а я чувствую, что и онъ мнѣ чужой, и я ему чужая... да и вы ему чужой.

— Это почему?

— Какъ вамъ сказать... Онъ хищный, а мы съ вами ручные.

— И я ручной?

Катя кивнула головой.

Аркадій почесалъ у себя за ухомъ.

— Послушайте, Катерина Сергѣевна: вѣдь это въ сущности обидно.

— Развѣ вы хотѣли бы быть хищнымъ?

— Хищнымъ—нѣтъ, но сильнымъ, энергическимъ.

— Этого нельзя хотѣть... Вотъ вашъ пріятель этого и не хочетъ, а въ немъ это есть.

— Гм! Такъ вы полагаете, что онъ имѣлъ большое вліяніе на Анну Сергѣевну?

— Да. Но надъ ней никто долго взять верхъ не можетъ,—прибавила Катя вполголоса.

— Почему вы это думаете?

— Она очень горда... я не то хотѣла сказать... она очень дорожитъ своей независимостью.

— Кто же ею не дорожитъ?—спросилъ Аркадій, а у самого въ умѣ мелькнуло: „на что она?“ „На что она?“— мелькнуло и у Кати. Молодымъ людямъ, которые часто и дружелюбно сходятся, безпрестанно приходятъ однѣ и тѣ же мысли.

Аркадій улыбнулся и, слегка придвинувшись къ Катѣ, промолвилъ шопотомъ:

— Сознайтесь, что вы немножко *ся* боитесь.

— Кого?

— *Ея*,—значительно повторилъ Аркадій.

— А вы?—въ свою очередь спросила Катя.

— И я; замѣтьте, я сказалъ: *и* я.

Катя погрозила ему пальцемъ.

— Это меня удивляетъ,—начала она:—никогда сестра такъ не была расположена къ вамъ, какъ именно теперь; гораздо больше, чѣмъ въ первый вашъ пріѣздъ.

— Вотъ какъ!

— А вы этого не замѣтили? Васъ это не радуетъ?

Аркадій задумался.

— Чѣмъ я могъ заслужить благоволеніе Анны Сергѣевны? Ужъ не тѣмъ ли, что привезъ ей письма вашей матушки?

— И этимъ, и другія есть причины, которыхъ я не скажу.

— Это почему?

— Не скажу.

— О! я знаю: вы очень упрямы.

— Упряма.

— И наблюдательны.

Катя посмотрѣла сбоку на Аркадія.

— Можетъ-быть, васъ это сердитъ? О чемъ вы думаете?

— Я думаю о томъ, откуда могла придти вамъ эта наблюдательность, которая дѣйствительно есть въ васъ. Вы такъ пугливы, недовѣрчивы; всѣхъ чуждаетесь...

— Я много жила одна; поневолѣ размышлять станешь. Но развѣ я всѣхъ чуждаюсь?

Аркадій бросилъ признательный взглядъ на Катю.

— Все это прекрасно,—продолжалъ онъ:—но люди въ вашемъ положеніи, я хочу сказать, съ вашимъ состояніемъ, рѣдко владѣютъ этимъ даромъ; до нихъ, какъ до царей, истинѣ трудно дойти.

— Да вѣдь я не богатая.

Аркадій изумился и не сразу понялъ Катю. „И въ самомъ дѣлѣ, имѣніе-то все сестрино!“ пришло ему въ голову; эта мысль ему не была непріятна.

— Какъ вы это хорошо сказали!—промолвилъ онъ.

— А что?

— Сказали хорошо; просто, не стыдясь и не рисуясь. Кстати: я воображаю, въ чувствѣ человѣка, который знаетъ и говоритъ, что онъ бѣденъ, должно быть что-то особенное, какое-то своего рода тщеславіе.

— Я ничего этого не испытала, по милости сестры; я упомянула о своемъ состояніи только потому, что къ слову пришлось.

— Такъ; но сознайтесь, что и въ васъ есть частица того тщеславія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, вѣдь вы, — извините мой вопросъ,—вы бы не пошли замужъ за богатаго человѣка?

— Если бъ я его очень любила... Нѣтъ, кажется, и тогда бы не пошла.

— А! вотъ видите! — воскликнулъ Аркадій и, погодя немного, прибавилъ:—а отчего бы вы за него не пошли?

— Оттого, что и въ пѣснѣ про неровнюшку поется.

— Вы, можетъ-быть, хотите властвовать или...

— О, нѣтъ! къ чему это? Напротивъ, я готова покоряться; только неравенство тяжело. А уважить себя и покоряться, это я понимаю; это счастье; но подчиненное существованіе... Нѣтъ, довольно и такъ.

— Довольно и такъ,—повторилъ за Катей Аркадій.— Да, да,—продолжалъ онъ:—вы не даромъ одной крови съ Анной Сергѣевной; вы такъ же самостоятельны, какъ она;

но вы болѣе скрытны. Вы, я увѣренъ, ни за что первая не выскажете своего чувства, какъ бы оно ни было сильно и свято...

— Да какъ же иначе?—спросила Катя.

— Вы одинаково умны; у васъ столько же, если не больше, характера, какъ у ней...

— Не сравнивайте меня съ сестрой, пожалуйста,—поспѣшно перебила Катя: — это для меня слишкомъ невыгодно. Вы какъ будто забыли, что сестра и красавица, и умница, и... вамъ въ особенности, Аркадій Николаичъ, не слѣдовало бы говорить такія слова, и еще съ такимъ серьезнымъ лицомъ.

— Что̀ значитъ это: вамъ въ особенности,—и изъ чего вы заключаете, что я шучу?

— Конечно, вы шутите.

— Вы думаете? А что, если я убѣжденъ въ томъ, что̀ говорю? Если я нахожу, что я еще не довольно сильно выразился?

— Я васъ не понимаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, теперь я вижу: я, точно, слишкомъ превозносилъ вашу наблюдательность.

— Какъ?

Аркадій ничего не отвѣтилъ и отвернулся, а Катя отыскала въ корзинкѣ еще нѣсколько крошекъ и начала бросать ихъ воробьямъ; но взмахъ ея руки былъ слишкомъ силенъ, и они улетали прочь, не успѣвши клюнуть.

— Катерина Сергѣевна!—заговорилъ вдругъ Аркадій:— вамъ это, вѣроятно, все равно; но знайте, что я васъ не только на вашу сестру, — ни на кого въ свѣтѣ не промѣняю.

Онъ всталъ и быстро удалился, какъ бы испугавшись словъ, сорвавшихся у него съ языка.

А Катя уронила обѣ руки вмѣстѣ съ корзинкой на колѣни, и, наклонивъ голову, долго смотрѣла вслѣдъ Аркадію. Понемногу, алая краска чуть-чуть выступила на ея щеки; но губы не улыбались, и темные глаза выражали недоумѣніе и какое-то другое, пока еще безымянное чувство.

— Ты одна? — раздался возлѣ нея голосъ Анны Сергѣевны.—Кажется, ты пошла въ садъ съ Аркадіемъ.

Катя, не спѣша, перевела свои глаза на сестру (изящно, даже изысканно одѣтая, она стояла на дорожкѣ и кончикомъ раскрытаго зонтика шевелила уши Фифи), и не спѣша промолвила:

— Я одна.

— Я это вижу,—отвѣчала та со смѣхомъ:—онъ стало-быть ушелъ къ себѣ.

— Да.

— Вы вмѣстѣ читали?

— Да.

Анна Сергѣевна взяла Катю за подбородокъ и приподняла ея лицо.

— Вы не поссорились, надѣюсь?

— Нѣтъ,—сказала Катя, и тихо отвела сестрину руку.

— Какъ ты торжественно отвѣчаешь! Я думала найти его здѣсь, и предложить ему пойти гулять со мною. Онъ самъ меня все проситъ объ этомъ. Тебѣ изъ города привезли ботинки, поди примѣрь ихъ: я уже вчера замѣтила, что твои прежнія совсѣмъ износились. Вообще, ты не довольно этимъ занимаешься, а у тебя еще такія прелестныя ножки! И руки твои хороши... только велики; такъ надо ножками брать. Но ты у меня не кокетка.

Анна Сергѣевна отправилась дальше по дорожкѣ, слегка шумя своимъ красивымъ платьемъ; Катя поднялась со скамейки и, взявъ съ собою Гейне, ушла тоже — только не примѣрять ботинки.

„Прелестныя ножки“, думала она, медленно и легко всходя по раскаленнымъ отъ солнца каменнымъ ступенямъ террасы:—„прелестныя ножки, говорите вы... Ну, онъ и будетъ у нихъ“.

Но ей тотчасъ стало стыдно, и она проворно побѣжала вверхъ.

Аркадій пошелъ по коридору къ себѣ въ комнату; дворецкій нагналъ его и доложилъ, что у него сидитъ господинъ Базаровъ.

— Евгеній! — пробормоталъ почти съ испугомъ Аркадій: — давно ли онъ пріѣхалъ?

— Сію минуту пожаловали, и приказали о себѣ Аннѣ Сергѣевнѣ не докладывать, а прямо къ вамъ себя приказали провести.

„Ужъ не несчастье ли какое у насъ дома?“ подумалъ Аркадій и, торопливо взбѣжавъ по лѣстницѣ, разомъ отворилъ дверь. Видъ Базарова тотчасъ его успокоилъ, хотя болѣе опытный глазъ, вѣроятно, открылъ бы въ энергической попрежнему, но осунувшейся фигурѣ нежданаго гостя признаки внутренняго волненія. Съ пыльною шинелью на плечахъ, съ картузомъ на головѣ, сидѣлъ онъ на оконницѣ; онъ не поднялся и тогда, когда Аркадій бросился съ шумными восклицаніями къ нему на шею.

— Вотъ неожиданно! Какими судьбами! — твердилъ онъ, суетясь по комнатѣ, какъ человѣкъ, который и самъ воображаетъ, и желаетъ показать, что радуется. — Вѣдь у насъ все въ домѣ благополучно, всѣ здоровы, не правда ли?

— Все у васъ благополучно, но не всѣ здоровы, — проговорилъ Базаровъ. — А ты не тараторь, вели принести мнѣ квасу, присядь и слушай, что̀ я тебѣ сообщу въ немногихъ, но, надѣюсь, довольно сильныхъ выраженіяхъ.

Аркадій притихъ, а Базаровъ разсказалъ ему свою дуэль съ Павломъ Петровичемъ. Аркадій очень удивился и даже опечалился; но не почелъ нужнымъ это выказать; онъ только спросилъ, дѣйствительно ли не опасна рана его дяди? и, получивъ отвѣтъ, что она — самая интересная, только не въ медицинскомъ отношеніи, — принужденно улыбнулся, а на сердцѣ и жутко сдѣлалось, и какъ-то стыдно. Базаровъ какъ будто его понялъ.

— Да, братъ, — промолвилъ онъ: — вотъ что значитъ съ феодалами пожить. Самъ въ феодалы попадешь и въ рыцарскихъ турнирахъ участвовать будешь. Ну-съ, вотъ я и отправился къ „отцамъ“, — такъ заключилъ Базаровъ: — и на дорогѣ завернулъ сюда... чтобы все это передать, сказалъ бы я, если бъ я не почиталъ безпо-

лезную ложь—глупостью. Нѣтъ, я завернулъ сюда—чортъ знаетъ зачѣмъ. Видишь ли, человѣку иногда полезно взять себя за хохолъ, да выдернуть себя вонъ, какъ рѣдьку изъ гряды: это я совершилъ на-дняхъ... Но мнѣ захотѣлось взглянуть еще разъ на то, съ чѣмъ я разстался, на ту гряду, гдѣ я сидѣлъ.

— Я надѣюсь, что эти слова ко мнѣ не относятся,— возразилъ съ волненіемъ Аркадій: — я надѣюсь, что ты не думаешь разстаться *со мной*.

Базаровъ пристально, почти пронзительно, взглянулъ на него.

— Будто это такъ огорчитъ тебя? Мнѣ сдается, что *ты* уже разстался со мною. Ты такой свѣженькій да чистенькій... должно-быть твои дѣла съ Анной Сергѣевной идутъ отлично.

— Какія мои дѣла съ Анной Сергѣевной?

— Да развѣ ты не для нея сюда пріѣхалъ изъ города, птенчикъ? Кстати, какъ тамъ подвизаются воскресныя школы? Развѣ ты не влюбленъ въ нее? Или уже тебѣ пришла пора скромничать?

— Евгеній, ты знаешь, я всегда былъ откровененъ съ тобою; могу тебя увѣрить, божусь тебѣ, что ты ошибаешься.

— Гм! Новое слово,—замѣтилъ вполголоса Базаровъ.— Но тебѣ не для чего горячиться, мнѣ вѣдь это совершенно все равно. Романтикъ сказалъ бы: я чувствую, что наши дороги начинаютъ расходиться, а я просто говорю, что мы другъ другу пріѣлись.

— Евгеній...

— Душа моя, это не бѣда; то ли еще на свѣтѣ пріѣдается! А теперь, я думаю, не проститься ли намъ? Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я препакостно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ. Кстати жъ, я не велѣлъ откладывать лошадей.

— Помилуй, это невозможно!

— А почему?

— Я уже не говорю о себѣ; но это будетъ въ высшей

степени невѣжливо передъ Анной Сергѣевной, которая непремѣнно пожелаетъ тебя видѣть.

— Ну, въ этомъ ты ошибаешься.

— А я, напротивъ, увѣренъ, что я правъ,—возразилъ Аркадій. — И къ чему ты притворяешься? Ужъ коли на то пошло, развѣ ты самъ не для нея сюда пріѣхалъ?

— Это, можетъ-быть, и справедливо, но ты все-таки ошибаешься.

Но Аркадій былъ правъ. Анна Сергѣевна пожелала повидаться съ Базаровымъ, и пригласила его къ себѣ черезъ дворецкаго. Базаровъ переодѣлся, прежде чѣмъ пошелъ къ ней: оказалось, что онъ уложилъ свое новое платье такъ, что оно было у него подъ рукою.

Одинцова его приняла не въ той комнатѣ, гдѣ онъ такъ неожиданно объяснился ей въ любви, а въ гостиной. Она любезно протянула ему кончики пальцевъ, но лицо ея выражало невольное напряженіе.

— Анна Сергѣевна,—поторопился сказать Базаровъ:— прежде всего я долженъ васъ успокоить. Передъ вами смертный, который самъ давно опомнился, и надѣется, что и другіе забыли его глупости. Я уѣзжаю надолго, и согласитесь, хоть я и не мягкое существо, но мнѣ было бы невесело унести съ собою мысль, что вы вспоминаете обо мнѣ съ отвращеніемъ.

Анна Сергѣевна глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, только что взобравшійся на высокую гору, и лицо ея оживилось улыбкой. Она вторично протянула Базарову руку, и отвѣчала на его пожатіе.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, — сказала она:—тѣмъ болѣе, что, говоря по совѣсти, и я согрѣшила тогда, если не кокетствомъ, такъ чѣмъ-то другимъ. Одно слово: будемте пріятелями попрежнему. То былъ сонъ, не правда ли? А кто же сны помнитъ?

— Кто ихъ помнитъ? Да притомъ любовь... вѣдь это чувство напускное.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ очень пріятно это слышать.

Такъ выражалась Анна Сергѣевна, и такъ выражался Базаровъ; они оба думали, что говорили правду. Была ли

правда, полная правда, въ ихъ словахъ? Они сами этого не знали, а авторъ и подавно. Но бесѣда у нихъ завязалась такая, какъ будто они совершенно повѣрили другъ другу.

Анна Сергѣевна спросила, между прочимъ, Базарова, что́ онъ дѣлалъ у Кирсановыхъ? Онъ чуть-было не разсказалъ ей о своей дуэли съ Павломъ Петровичемъ, но удержался при мысли, какъ бы она не подумала, что онъ интересничаетъ, и отвѣчалъ ей, что онъ все это время работалъ.

— А я, — промолвила Анна Сергѣевна:—сперва хандрила, Богъ знаетъ отчего, даже за границу собиралась, вообразите!.. Потомъ это прошло, вашъ пріятель, Аркадій Николаичъ, пріѣхалъ, и я опять попала въ свою колею, въ свою настоящую роль.

— Въ какую это роль, позвольте узнать?

— Роль тетки, наставницы, матери, какъ хотите назовите. Кстати, знаете ли, что я прежде хорошенько не понимала вашей тѣсной дружбы съ Аркадіемъ Николаичемъ; я находила его довольно незначительнымъ. Но теперь я его лучше узнала, и убѣдилась, что онъ уменъ... А главное, онъ молодъ, молодъ... не то, что́ мы съ вами, Евгеній Васильичъ.

— Онъ все такъ же робѣетъ въ вашемъ присутствіи?— спросилъ Базаровъ.

— А развѣ... — начала-было Анна Сергѣевна и, подумавъ немного, прибавила:—теперь онъ довѣрчивѣе сталъ, говоритъ со мною. Прежде онъ избѣгалъ меня. Впрочемъ, и я не искала его общества. Они большіе пріятели съ Катей.

Базарову стало досадно. „Не можетъ женщина не хитрить!“ подумалъ онъ.

— Вы говорите, онъ избѣгалъ васъ, — произнесъ онъ съ холодною усмѣшкой:—но, вѣроятно, для васъ не осталось тайной, что онъ былъ въ васъ влюбленъ?

— Какъ? и онъ?—сорвалось у Анны Сергѣевны.

— И онъ,—повторилъ Базаровъ съ смиреннымъ поклономъ. — Неужели вы этого не знали, и я вамъ сказалъ новость?

Анна Сергѣевна опустила глаза.

— Вы ошибаетесь, Евгеній Васильичъ.

— Не думаю. Но, можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало упоминать объ этомъ. „А ты впередъ не хитри“, прибавилъ онъ про себя.

— Отчего не упоминать? Но я полагаю, что вы и тутъ придаете слишкомъ большое значеніе мгновенному впечатлѣнію. Я начинаю подозрѣвать, что вы склонны къ преувеличенію.

— Не будемте лучше говорить объ этомъ, Анна Сергѣевна.

— Отчего же? — возразила она, а сама перевела разговоръ на другую дорогу. Ей все-таки было неловко съ Базаровымъ, хотя она и ему сказала, и сама себя увѣрила, что все позабыто. Мѣняясь съ нимъ самыми простыми рѣчами, даже шутя съ нимъ, она чувствовала легкое стѣсненіе страха. Такъ люди на пароходѣ, въ морѣ, разговариваютъ и смѣются беззаботно, ни-дать, ни-взять, какъ на твердой землѣ; но случись малѣйшая остановка, появись малѣйшій признакъ чего-нибудь необычайнаго, и тотчасъ же на всѣхъ лицахъ выступитъ выраженіе особенной тревоги, свидѣтельствующее о постоянномъ сознаніи постоянной опасности.

Бесѣда Анны Сергѣевны съ Базаровымъ продолжалась недолго. Она начала задумываться, отвѣчать разсѣянно, и предложила ему наконецъ перейти въ залу, гдѣ они нашли княжну и Катю. „А гдѣ же Аркадій Николаичъ?“ спросила хозяйка и, узнавъ, что онъ не показывался уже болѣе часа, послала за нимъ. Его не скоро нашли: онъ забрался въ самую глушь сада, и опершись подбородкомъ на скрещенныя руки, сидѣлъ погруженный въ думы. Онѣ были глубоки и важны, эти думы, но не печальны. Онъ зналъ, что Анна Сергѣевна сидитъ наединѣ съ Базаровымъ, и ревности онъ не чувствовалъ, какъ бывало; напротивъ, лицо его тихо свѣтлѣло; казалось, онъ и дивился чему-то, и радовался, и рѣшался на что-то.

XXVI.

Покойный Одинцовъ не любилъ нововведеній, но допускалъ „нѣкоторую игру облагороженнаго вкуса“, и вслѣдствіе этого воздвигнулъ у себя въ саду, между теплицей и прудомъ, строеніе въ родѣ греческаго портика изъ русскаго кирпича. На задней, глухой стѣнѣ этого портика, или галлереи, были вдѣланы шесть нишъ для статуй, которыя Одинцовъ собирался выписать изъ-за границы. Эти статуи долженствовали изображать собою: Уединеніе, Молчаніе, Размышленіе, Меланхолію, Стыдливость и Чувствительность. Одну изъ нихъ, богиню Молчанія, съ пальцемъ на губахъ, привезли-было и поставили; но ей въ тотъ же день дворовые мальчишки отбили носъ, и хотя сосѣдній штукатуръ брался придѣлать ей носъ „вдвое лучше прежняго“, однако Одинцовъ велѣлъ ее принять, и она очутилась въ углу молотильнаго сарая, гдѣ стояла долгіе годы, возбуждая суевѣрный ужасъ бабъ. Передняя сторона портика давно заросла густымъ кустарникомъ: одни капители колоннъ виднѣлись надъ сплошною зеленью. Въ самомъ портикѣ, даже въ полдень, было прохладно. Анна Сергѣевна не любила посѣщать это мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ увидала тамъ ужа; но Катя часто приходила садиться на большую каменную скамью, устроенную подъ одною изъ нишъ. Окруженная свѣжестью и тѣнью, она читала, работала, или предавалась тому ощущенію полной тишины, которое, вѣроятно, знакомо каждому, и прелесть котораго состоитъ въ едва-сознательномъ, нѣмотствующемъ подкарауливаньи широкой жизненной волны, непрерывно катящейся и кругомъ насъ, и въ насъ самихъ.

На другой день по пріѣздѣ Базарова, Катя сидѣла на своей любимой скамьѣ, и рядомъ съ нею сидѣлъ опять Аркадій. Онъ упросилъ ее пойти съ нимъ въ „портикъ“.

До завтрака оставалось около часа; росистое утро уже смѣнялось горячимъ днемъ. Лицо Аркадія сохраняло вчерашнее выраженіе, Катя имѣла видъ озабоченный. Сестра ея, тотчасъ послѣ чаю, позвала ее къ себѣ въ кабинетъ

и, предварительно приласкавъ ее, что всегда немного пугало Катю, посовѣтовала ей быть осторожнѣй въ своемъ поведеніи съ Аркадіемъ, а особенно избѣгать уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, будто бы замѣченныхъ и теткой, и всѣмъ домомъ. Кромѣ того, уже наканунѣ вечеромъ, Анна Сергѣевна была не въ духѣ; да и сама Катя чувствовала смущеніе, точно сознавала вину за собою. Уступая просьбѣ Аркадія, она себѣ сказала, что это въ послѣдній разъ.

— Катерина Сергѣевна,—заговорилъ онъ съ какою-то застѣнчивою развязностью:—съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье жить въ одномъ домѣ съ вами, я обо многомъ съ вами бесѣдовалъ, а между тѣмъ есть одинъ очень важный для меня... вопросъ, до котораго я еще не касался. Вы замѣтили вчера, что меня здѣсь передѣлали,—прибавилъ онъ, и ловя, и избѣгая вопросительно устремленный на него взоръ Кати. — Дѣйствительно, я во многомъ измѣнился, и это вы знаете лучше всякаго другого,—вы, которой я, въ сущности, и обязанъ этой перемѣной.

— Я?.. Мнѣ?..—проговорила Катя.

— Я теперь уже не тотъ заносчивый мальчикъ, какимъ я сюда пріѣхалъ, — продолжалъ Аркадій: — не даромъ же мнѣ и минулъ двадцать третій годъ, я попрежнему желаю быть полезнымъ, желаю посвятить всѣ мои силы истинѣ; но я уже не тамъ ищу свои идеалы, гдѣ искалъ ихъ прежде; они представляются мнѣ... гораздо ближе. До сихъ поръ я не понималъ себя, я задавалъ себѣ задачи, которыя мнѣ не по силамъ... Глаза мои недавно раскрылись, благодаря одному чувству... Я выражаюсь не совсѣмъ ясно, но я надѣюсь, что вы меня поймете...

Катя ничего не отвѣчала, но перестала глядѣть на Аркадія.

— Я полагаю,—заговорилъ онъ снова, уже болѣе взволнованнымъ голосомъ, а зябликъ надъ нимъ въ листвѣ березы беззаботно распѣвалъ свою пѣсенку:—я полагаю, что обязанность всякаго честнаго человѣка быть вполнѣ откровеннымъ съ тѣми... съ тѣми людьми, которые... словомъ, съ близкими ему людьми, а потому я... я намѣренъ...

Но тутъ краснорѣчіе измѣнило Аркадію; онъ сбился, замялся и принужденъ былъ немного помолчать; Катя все не поднимала глазъ. Казалось, она и не понимала, къ чему онъ это все ведетъ, и ждала чего-то.

— Я предвижу, что удивлю васъ, — началъ Аркадій, снова собравшись съ силами:—тѣмъ болѣе, что это чувство относится нѣкоторымъ образомъ... нѣкоторымъ образомъ, замѣтьте, — до васъ. Вы меня, помнится, вчера упрекнули въ недостаткѣ серьезности,—продолжалъ Аркадій, съ видомъ человѣка, который вошелъ въ болото, чувствуетъ, что съ каждымъ шагомъ погружается больше и больше, и все-таки спѣшитъ впередъ, въ надеждѣ поскорѣе перебраться:—этотъ упрекъ часто направляется... падаетъ... на молодыхъ людей, даже когда они перестаютъ его заслуживать; и если бы во мнѣ было больше самоувѣренности... („Да помоги же мнѣ, помоги!“ съ отчаяніемъ думалъ Аркадій, но Катя попрежнему не поворачивала головы.) Если бъ я могъ надѣяться...

— Если бъ я могла быть увѣрена въ томъ, что̀ вы говорите,—раздался въ это мгновеніе ясный голосъ Анны Сергѣевны.

Аркадій тотчасъ умолкъ, а Катя поблѣднѣла. Мимо самыхъ кустовъ, заслонявшихъ портикъ, пролегала дорожка. Анна Сергѣевна шла по ней въ сопровожденіи Базарова. Катя съ Аркадіемъ не могли ихъ видѣть, но слышали каждое слово, шелестъ платья, самое дыханіе. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и какъ нарочно остановились прямо передъ портикомъ.

— Вотъ видите ли,—продолжала Анна Сергѣевна:—мы съ вами ошиблись; мы оба уже не первой молодости, особенно я; мы пожили, устали; мы оба,—къ чему церемониться?—умны: сначала мы заинтересовали другъ друга, любопытство было возбуждено... а потомъ...

— А потомъ я выдохся,—подхватилъ Базаровъ.

— Вы знаете, что не это было причиною нашей размолвки. Но какъ бы то ни было, мы не нуждались другъ въ другѣ, вотъ главное; въ насъ слишкомъ много было...

какъ бы это сказать... однороднаго. Мы это не сразу поняли. Напротивъ, Аркадій...

— Вы въ немъ нуждаетесь?—спросилъ Базаровъ.

— Полноте, Евгеній Васильевичъ. Вы говорите, что онъ неравнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ самой всегда казалось, что я ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему въ тетки, но я не хочу скрывать отъ васъ, что я стала чаще думать о немъ. Въ этомъ молодомъ и свѣжемъ чувствѣ есть какая-то прелесть...

— Слово *обаяніе* употребительнѣе въ подобныхъ случаяхъ,—перебилъ Базаровъ; кипѣніе желчи слышалось въ его спокойномъ, но глухомъ голосѣ. — Аркадій что-то секретничалъ вчера со мною, и не говорилъ ни о васъ, ни о вашей сестрѣ... Это симптомъ важный.

— Онъ съ Катей совсѣмъ какъ братъ,—промолвила Анна Сергѣевна:—и это мнѣ въ немъ нравится, хотя, можетъ-быть, мнѣ бы и не слѣдовало позволять такую близость между ними.

— Это въ васъ говоритъ... сестра?—произнесъ протяжно Базаровъ.

— Разумѣется... но что̀ же мы стоимъ? Пойдемте. Какой странный разговоръ у насъ, не правда ли? И могла ли я ожидать, что буду говорить такъ съ вами? Вы знаете, что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.

— Во-первыхъ, я вовсе не добръ; а во-вторыхъ, я потерялъ для васъ всякое значеніе, и вы мнѣ говорите, что я добръ... Это все равно, что класть вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову мертвеца.

— Евгеній Васильичъ, мы не властны...—начала-было Анна Сергѣевна; но вѣтеръ налетѣлъ, зашумѣлъ листами и унесъ ея слова.

— Вѣдь вы свободны, — произнесъ, немного погодя, Базаровъ.

Больше ничего нельзя было разобрать; шаги удалились... все затихло.

Аркадій обратился къ Катѣ. Она сидѣла въ томъ же положеніи, только еще ниже опустила голову.

— Катерина Сергѣевна,—проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и стиснувъ руки:—я люблю васъ навѣкъ и безвозвратно, и никого не люблю кромѣ васъ. Я хотѣлъ вамъ это сказать, узнать ваше мнѣніе и просить вашей руки, потому что я и не богатъ, и чувствую, что готовъ на всѣ жертвы... Вы не отвѣчаете? Вы мнѣ не вѣрите? Вы думаете, что я говорю легкомысленно? Но вспомните эти послѣдніе дни! Неужели вы давно не убѣдились, что все другое—поймите меня—все, все другое давно исчезло безъ слѣда? Посмотрите на меня, скажите мнѣ одно слово... Я люблю... я люблю васъ... повѣрьте же мнѣ!

Катя взглянула на Аркадія важнымъ и свѣтлымъ взглядомъ и, послѣ долгаго раздумья, едва улыбнувшись, промолвила:—Да.

Аркадій вскочилъ со скамьи.—Да! Вы сказали: да, Катерина Сергѣевна! Что̀ значитъ это слово? То ли, что я васъ люблю, что вы мнѣ вѣрите... Или... или... я не смѣю докончить...

— Да,—повторила Катя, и въ этотъ разъ онъ ее понялъ. Онъ схватилъ ея большія прекрасныя руки и, задыхаясь отъ восторга, прижалъ ихъ къ своему сердцу. Онъ едва стоялъ на ногахъ и только твердилъ: „Катя, Катя...“, а она какъ-то невинно заплакала, сама тихо смѣясь своимъ слезамъ. Кто не видалъ такихъ слезъ въ глазахъ любимаго существа, тотъ еще не испыталъ, до какой степени, замирая весь отъ благодарности и отъ стыда, можетъ быть счастливъ на землѣ человѣкъ.

На слѣдующій день, рано поутру, Анна Сергѣевна велѣла позвать Базарова къ себѣ въ кабинетъ, и съ принужденнымъ смѣхомъ подала ему сложенный листокъ почтовой бумаги. Это было письмо отъ Аркадія: онъ въ немъ просилъ руки ея сестры.

Базаровъ быстро пробѣжалъ письмо, и сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы не выказать злораднаго чувства, которое мгновенно вспыхнуло у него въ груди.

— Вотъ какъ,—проговорилъ онъ:—а вы, кажется, не далѣе какъ вчера полагали, что онъ любитъ Катерину

Сергѣевну братскою любовью. Что же вы намѣрены теперь сдѣлать?

— Что *вы* мнѣ посовѣтуете?—спросила Анна Сергѣевна, продолжая смѣяться.

— Да я полагаю, — отвѣтилъ Базаровъ тоже со смѣхомъ, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотѣлось смѣяться, такъ же какъ и ей:—я полагаю, слѣдуетъ благословить молодыхъ людей. Партія во всѣхъ отношеніяхъ хорошая; состояніе у Кирсанова изрядное, онъ одинъ сынъ у отца, да и отецъ добрый малый, прекословить не будетъ.

Одинцова прошлась по комнатѣ. Ея лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло.

— Вы думаете?—промолвила она.—Что жъ? я не вижу препятствій... Я рада за Катю... и за Аркадія Николаевича. Разумѣется, я подожду отвѣта отца. Я его самого къ нему пошлю. Но вотъ и выходитъ, что я была права вчера, когда я говорила вамъ, что мы оба уже старые люди... Какъ это я ничего не видала? Это меня удивляетъ!

Анна Сергѣевна опять засмѣялась, и тотчасъ же отворотилась.

— Нынѣшняя молодежь больно хитра стала, — замѣтилъ Базаровъ, и тоже засмѣялся. — Прощайте, — заговорилъ онъ опять, послѣ небольшого молчанія. — Желаю вамъ окончить это дѣло самымъ пріятнымъ образомъ; а я издали порадуюсь.

Одинцова быстро повернулась къ нему.

— Развѣ вы уѣзжаете? Отчего же вамъ *теперь* не остаться? Останьтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Останьтесь.

— Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣевна, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я ужъ и такъ слишкомъ долго вращался въ чуждой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ подержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.

Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. „Этотъ меня любилъ!“ подумала она — и жалко ей стало его, и съ участіемъ протянула она ему руку.

Но и онъ ее понялъ.

— Нѣтъ!—сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ.— Человѣкъ я бѣдный, но милостыни еще до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ, и будьте здоровы.

— Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся,—произнесла Анна Сергѣевна съ невольнымъ движеніемъ.

— Чего на свѣтѣ не бываетъ! — отвѣтилъ Базаровъ, поклонился и вышелъ.

— Такъ ты задумалъ гнѣздо себѣ свить? — говорилъ онъ въ тотъ же день Аркадію, укладывая на корточкахъ свой чемоданъ.—Что жъ? дѣло хорошее. Только напрасно ты лукавилъ. Я ждалъ отъ тебя совсѣмъ другой дирекціи. Или, можетъ-быть, это тебя самого огорошило?

— Я, точно, этого не ожидалъ, когда разставался съ тобою,—отвѣтилъ Аркадій:—но зачѣмъ ты самъ лукавишь и говоришь: „дѣло хорошее“, точно мнѣ неизвѣстно твое мнѣніе о бракѣ?

— Эхъ, другъ любезный, — проговорилъ Базаровъ: — какъ ты выражаешься! Видишь, что̀ я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ; чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было. Не обижайся, пожалуйста: ты вѣдь вѣроятно помнишь, какого я всегда былъ мнѣнія о Катеринѣ Сергѣевнѣ. Иная барышня только отъ того и слыветъ умною, что умно вздыхаетъ; а твоя за себя постоитъ, да и такъ постоитъ, что и тебя въ руки заберетъ,—ну, да это такъ и слѣдуетъ.—Онъ захлопнулъ крышку и приподнялся съ полу. — А теперь повторяю тебѣ на прощаньѣ... потому что обманываться нечего: — мы прощаемся на всегда, и ты самъ это чувствуешь... ты поступилъ умно; для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для

нашего дѣла это не годится. Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойти не можетъ, а это пустяки. Вы, напримѣръ, не деретесь — и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно—намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты все-таки мякенькій, либеральный баричъ, — *э волату*, какъ выражается мой родитель.

— Ты навсегда прощаешься со мною, Евгеній? — печально промолвилъ Аркадій: — и у тебя нѣтъ другихъ словъ для меня?

Базаровъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Есть, Аркадій, есть у меня другія слова, только я ихъ не выскажу, потому что это романтизмъ, — это значитъ: разсыропиться. А ты поскорѣе женись; да своимъ гнѣздомъ обзаведись, да надѣлай дѣтей побольше. Умницы они будутъ уже потому, что во̀ время они родятся, не то что мы съ тобой. Эге! я вижу, лошади готовы. Пора! Со всѣми я простился... Ну что жъ? обняться, что ли?

Аркадій бросился на шею къ своему бывшему наставнику и другу, и слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что̀ значитъ молодость!—произнесъ спокойно Базаровъ.—Да я на Катерину Сергѣевну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшитъ!

— Прощай, братъ! — сказалъ онъ Аркадію, уже взобравшись на телѣгу, и указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядышкомъ на крышѣ конюшни, прибавилъ:—Вотъ тебѣ!—изучай!

— Это что значитъ?—спросилъ Аркадій.

— Какъ? Развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ примѣръ!.. Прощайте, синьоръ!

Телѣга задребезжала и покатилась.

Базаровъ сказалъ правду. Разговаривая вечеромъ съ

Катей, Аркадій совершенно позабылъ о своемъ наставникѣ. Онъ уже начиналъ подчиняться ей, и Катя это чувствовала, и не удивлялась. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день ѣхать въ Марьино, къ Николаю Петровичу. Анна Сергѣевна не хотѣла стѣснять молодыхъ людей, и только для приличія не оставляла ихъ слишкомъ долго наединѣ. Она великодушно удалила отъ нихъ княжну, которую извѣстіе о предстоявшемъ бракѣ привело въ слезливую ярость. Сначала Анна Сергѣевна боялась, какъ бы зрѣлище ихъ счастія не показалось ей самой немного тягостнымъ; но вышло совершенно напротивъ: это зрѣлище не только не отягощало ее, оно ее занимало, оно ее умилило наконецъ. Анна Сергѣевна этому и обрадовалась, и опечалилась. „Видно правъ Базаровъ", подумала она: „любопытство, одно любопытство, и любовь къ покою, и эгоизмъ..."

— Дѣти, — промолвила она громко: — что̀, любовь чувство напускное?

Но ни Катя, ни Аркадій ея даже не поняли. Они ея дичились; невольно подслушанный разговоръ не выходилъ у нихъ изъ головы. Впрочемъ, Анна Сергѣевна скоро успокоила ихъ; и это было ей не трудно: она успокоилась сама.

XXVII.

Старики Базаровы тѣмъ больше обрадовались внезапному пріѣзду сына, чѣмъ меньше они его ожидали. Арина Власьевна до того переполошилась и избѣгалась по дому, что Василій Ивановичъ сравнилъ ее съ „куропатицей": куцый хвостикъ ея коротенькой кофточки дѣйствительно придавалъ ей нѣчто птичье. А самъ онъ только мычалъ да покусывалъ сбоку янтарчикъ своего чубука, да прихвативъ шею пальцами, вертѣлъ головою, точно пробовалъ, хорошо ли она у него привинчена, и вдругъ разѣвалъ широкій ротъ и хохоталъ безо всякаго шума.

— Я къ тебѣ на цѣлыхъ шесть недѣль пріѣхалъ, старина,—сказалъ ему Базаровъ:—я работать хочу, такъ ты ужъ, пожалуйста, не мѣшай мнѣ.

— Физіономію мою забудешь, вотъ какъ я тебѣ мѣшать буду!—отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Помѣстивъ сына попрежнему въ кабинетъ, онъ только что не прятался отъ него, и жену свою удерживалъ отъ всякихъ лишнихъ изъявленій нѣжности. „Мы, матушка моя“, говорилъ онъ ей: „въ первый пріѣздъ Енюшки ему надоѣдали маленько: теперь надо быть умнѣй“. Арина Власьевна соглашалась съ мужемъ, но немного отъ этого выигрывала, потому что видѣла сына только за столомъ и окончательно боялась съ нимъ заговаривать. „Енюшенька!“ бывало скажетъ она, — а тотъ еще не успѣетъ оглянуться, какъ ужъ она перебираетъ шнурками ридикюля и лепечетъ: „ничего, ничего, я такъ“, а потомъ отправится къ Василію Ивановичу, и говоритъ ему, подперши щеку: „какъ бы, голубчикъ, узнать: чего Енюша желаетъ сегодня къ обѣду, щей или борщу?“—„Да что жъ ты у него сама не спросила?“ — „А надоѣмъ!“ Впрочемъ, Базаровъ скоро самъ пересталъ запираться: лихорадка работы съ него *соскочила*, и замѣнилась тоскливою скукой и глухимъ безпокойствомъ. Странная усталость замѣчалась во всѣхъ его движеніяхъ; даже походка его, твердая и стремительно смѣлая, измѣнилась. Онъ пересталъ гулять въ одиночку и началъ искать общества; пилъ чай въ гостиной, бродилъ по огороду съ Василіемъ Ивановичемъ и курилъ съ нимъ „въ молчанку“; освѣдомился однажды объ отцѣ Алексѣѣ. Василій Ивановичъ сперва обрадовался этой перемѣнѣ, но радость его была непродолжительна. „Енюша меня сокрушаетъ“, жаловался онъ втихомолку женѣ: „онъ не то̀ что недоволенъ или сердитъ, это бы еще ничего, онъ огорченъ, онъ грустенъ—вотъ что̀ ужасно. Все молчитъ, хоть бы побранилъ насъ съ тобою; худѣетъ, цвѣтъ лица такой нехорошій“. — „Господи, Господи!“ шептала старушка: „надѣла бы я ему ладонку на шею, да вѣдь онъ не позволитъ“. Василій Ивановичъ нѣсколько разъ пытался самымъ осторожнымъ образомъ разспросить Базарова объ его работѣ, объ его здоровьѣ, объ Аркадіи... Но Базаровъ отвѣчалъ ему нехотя и небрежно и, однажды,

замѣтивъ, что отецъ въ разговорѣ понемножку подо что-то подбирается, съ досадой сказалъ ему: „Что ты все около меня словно на цыпочкахъ ходишь? Эта манера еще хуже прежней“. —„Ну, ну, ну, я ничего!“ поспѣшно отвѣчалъ бѣдный Василій Ивановичъ. Такъ же безплодны остались его политическіе намеки. Заговоривъ, однажды, по поводу близкаго освобожденія крестьянъ, о прогрессѣ, онъ надѣялся возбудить сочувствіе своего сына; но тотъ равнодушно промолвилъ: „Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здѣшніе крестьянскіе мальчики, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: *Время вѣрное приходитъ, сердце чувствуитъ любовь*... вотъ тебѣ и прогрессъ“.

Иногда Базаровъ отправлялся на деревню и, подтрунивая по обыкновенію, вступалъ въ бесѣду съ какимъ-нибудь мужикомъ. „Ну“, говорилъ онъ ему: „излагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, — вы намъ дадите и языкъ настоящій, и законы“. Мужикъ либо не отвѣчалъ ничего, либо произносилъ слова въ родѣ слѣдующихъ: „А мы могимъ... тоже, потому значитъ... какой положенъ у насъ, примѣрно, придѣлъ“.

— Ты мнѣ растолкуй, что̀ такое есть вашъ міръ? — перебивалъ его Базаровъ: — и тотъ ли это самый міръ, что̀ на трехъ рыбахъ стоитъ?

— Это, батюшка, земля стоитъ на трехъ рыбахъ, — успокоительно, съ патріархально-добродушною пѣвучестью, объяснялъ мужикъ: — а противъ нашего, то-есть, міру, извѣстно, господская воля; потому вы наши отцы. А чѣмъ строже баринъ взыщетъ, тѣмъ милѣе мужику.

Выслушавъ подобную рѣчь, Базаровъ однажды презрительно пожалъ плечами и отвернулся, а мужикъ побрелъ во-свояси.

— О чемъ толковалъ?—спросилъ у него другой мужикъ среднихъ лѣтъ и угрюмаго вида, издали, съ порога своей избы, присутствовавшій при бесѣдѣ его съ Базаровымъ.— О недоимкѣ, что ль?

— Какое о недоимкѣ, братецъ ты мой!—отвѣчалъ пер-

вый мужикъ, и въ голосѣ его уже не было слѣда патріархальной пѣвучести, а напротивъ, слышалась какая-то небрежная суровость: — такъ, болталъ коё-что; языкъ почесать захотѣлось. Извѣстно, баринъ; развѣ онъ что̀ понимаетъ?

— Гдѣ понять!—отвѣчалъ другой мужикъ и, тряхнувъ шапками и осунувъ кушаки, оба они принялись разсуждать о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Увы! презрительно пожимавшій плечомъ, умѣвшій говорить съ мужиками Базаровъ (какъ хвалился онъ въ спорѣ съ Павломъ Петровичемъ), этотъ самоувѣренный Базаровъ и не подозрѣвалъ, что онъ въ ихъ глазахъ былъ все-таки чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго...

Впрочемъ, онъ нашелъ, наконецъ, себѣ занятіе. Однажды, въ его присутствіи, Василій Ивановичъ перевязывалъ мужику раненую ногу, но руки тряслись у старика, и онъ не могъ справиться съ бинтами; сынъ ему помогъ, и съ тѣхъ поръ сталъ участвовать въ его практикѣ, не переставая въ то же время подсмѣиваться и надъ средствами, которыя самъ же совѣтовалъ, и надъ отцомъ, который тотчасъ же пускалъ ихъ въ ходъ. Но насмѣшки Базарова нисколько не смущали Василія Ивановича; онѣ даже утѣшали его. Придерживая свой засаленный шлафрокъ двумя пальцами на желудкѣ и покуривая трубочку, онъ съ наслажденіемъ слушалъ Базарова, и чѣмъ больше злости было въ его выходкахъ, тѣмъ добродушнѣе хохоталъ, выказывая всѣ свои черные зубы до единаго, его осчастливленный отецъ. Онъ даже повторялъ эти, иногда тупыя или безсмысленныя, выходки и, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ни къ селу, ни къ городу, все твердилъ: „ну, это дѣло девятое!“ потому только, что сынъ его, узнавъ, что онъ ходилъ къ заутрени, употребилъ это выраженіе. „Слава Богу! пересталъ хандрить!“ шепталъ онъ своей супругѣ: „какъ отдѣлалъ меня сегодня, чудо!“ Зато мысль, что онъ имѣетъ такого помощника, приводила его въ восторгъ, наполняла его гордостью. „Да, да“, говорилъ онъ какой-нибудь бабѣ въ мужскомъ армякѣ и рогатой кичкѣ, вручая ей стклянку

Гулярдовой воды или банку бѣленной мази: — „ты, голубушка, ты должна ежеминутно Бога благодарить за то, что сынъ мой у меня гоститъ: по самой научной и новѣйшей методѣ тебя лѣчатъ теперь, понимаешь ли ты это? Императоръ французовъ, Наполеонъ, и тотъ не имѣетъ лучшаго врача". А баба, которая приходила жаловаться, что ее „на колотики подняло" (значенія этихъ словъ она, впрочемъ, сама растолковать не умѣла), только кланялась и лѣзла за пазуху, гдѣ у ней лежали четыре яйца, завернутыя въ конецъ полотенца.

Базаровъ разъ даже вырвалъ зубъ у заѣзжаго разносчика съ краснымъ товаромъ, и хотя этотъ зубъ принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ, однако, Василій Ивановичъ сохранилъ его какъ рѣдкость и, показывая его отцу Алексѣю, безпрестанно повторялъ:

— Вы посмотрите, что́ за корни! Этакая сила у Евгенія! Краснорядецъ такъ на воздухъ и поднялся... Мнѣ кажется, дубъ, и тотъ бы вылетѣлъ вонъ!..

— Похвально!—промолвилъ, наконецъ, отецъ Алексѣй, не зная, что̀ отвѣчать и какъ отдѣлаться отъ пришедшаго въ экстазъ старика.

Однажды мужичокъ сосѣдней деревни привезъ къ Василію Ивановичу своего брата, больного тифомъ. Лежа ничкомъ на связкѣ соломы, несчастный умиралъ; темныя пятна покрывали его тѣло, онъ давно потерялъ сознаніе. Василій Ивановичъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что никто раньше не вздумалъ обратиться къ помощи медицины, и объявилъ, что спасенія нѣтъ. Дѣйствительно, мужичокъ не довезъ своего брата до дома: онъ такъ и умеръ въ телѣгѣ.

Дня три спустя, Базаровъ вошелъ къ отцу въ комнату и спросилъ, нѣтъ ли у него адскаго камня?

— Есть; на что̀ тебѣ?

— Нужно... ранку прижечь.

— Кому?

— Себѣ.

— Какъ, себѣ! Зачѣмъ же это? Какая это ранка? Гдѣ она?

— Вотъ тутъ, на пальцѣ. Я сегодня ѣздилъ въ деревню, знаешь, откуда тифознаго мужика привозили. Они почему-то вскрывать его собирались, а я давно въ этомъ не упражнялся.

— Ну?

— Ну, вотъ я и попросилъ уѣзднаго врача; ну, и порѣзался.

Василій Ивановичъ вдругъ поблѣднѣлъ весь и, ни слова не говоря, бросился въ кабинетъ, откуда тотчасъ же вернулся съ кусочкомъ адскаго камня въ рукѣ. Базаровъ хотѣлъ-было взять его и уйти.

— Ради самого Бога, — промолвилъ Василій Ивановичъ:—позволь мнѣ это сдѣлать самому.

Базаровъ усмѣхнулся.

— Экой ты охотникъ до практики!

— Не шути, пожалуйста. Покажи свой палецъ. Ранка-то не велика. Не больно?

— Напирай сильнѣе, не бойся.

Василій Ивановичъ остановился.

— Какъ ты полагаешь, Евгеній, не лучше ли намъ прижечь желѣзомъ?

— Это бы раньше надо сдѣлать; а теперь, по настоящему, и адскій камень не нуженъ. Если я заразился, такъ ужъ теперь поздно.

— Какъ... поздно... — едва могъ произнести Василій Ивановичъ.

— Еще бы! съ тѣхъ поръ четыре часа прошло слишкомъ.

Василій Ивановичъ еще немного прижегъ ранку.

— Да развѣ у уѣзднаго лѣкаря не было адскаго камня?

— Не было.

— Какъ же это, Боже мой! Врачъ—и не имѣетъ такой необходимой вещи!

— Ты бы посмотрѣлъ на его ланцеты, — промолвилъ Базаровъ, и вышелъ вонъ.

До самаго вечера и въ теченіе всего слѣдующаго дня Василій Ивановичъ придирался ко всѣмъ возможнымъ предлогамъ, чтобы входить въ комнату сына, и хотя онъ

не только не упоминалъ объ его ранѣ, но даже старался говорить о самыхъ постороннихъ предметахъ, однако, онъ такъ настойчиво заглядывалъ ему въ глаза, такъ тревожно наблюдалъ за нимъ, что Базаровъ потерялъ терпѣніе и погрозился уѣхать. Василій Ивановичъ далъ ему слово не безпокоиться, тѣмъ болѣе, что и Арина Власьевна, отъ которой онъ, разумѣется, все скрылъ, начинала приставать къ нему, зачѣмъ онъ не спитъ и что съ нимъ такое подѣялось? Цѣлыхъ два дня онъ крѣпился, хотя видъ сына, на котораго онъ все посматривалъ украдкой, ему очень не нравился... но на третій день за обѣдомъ не выдержалъ. Базаровъ сидѣлъ потупившись и не касался ни одного блюда.

— Отчего ты не ѣшь, Евгеній?—спросилъ онъ, придавъ своему лицу самое беззаботное выраженіе.—Кушанье, кажется, хорошо сготовлено.

— Не хочется, такъ и не ѣмъ.

— У тебя аппетиту нѣту? А голова?—прибавилъ онъ робкимъ голосомъ:—болитъ?

— Болитъ. Отчего ей не болѣть?

Арина Власьевна выпрямилась и насторожилась.

— Не разсердись, пожалуйста, Евгеній,—продолжалъ Василій Ивановичъ:—но не позволишь ли ты мнѣ пульсъ у тебя пощупать?

Базаровъ приподнялся.

— Я, и не щупая, скажу тебѣ, что у меня жаръ.

— И ознобъ былъ?

— Былъ и ознобъ. Пойду, прилягу; а вы мнѣ пришлите липоваго чаю. Простудился, должно-быть.

— То-то я слышала, ты сегодня ночью кашлялъ,—промолвила Арина Власьевна.

— Простудился,—повторилъ Базаровъ и удалился.

Арина Власьевна занялась приготовленіемъ чая изъ липоваго цвѣту, а Василій Ивановичъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и молча схватилъ себя за волосы.

Базаровъ уже не вставалъ въ тотъ день, и всю ночь провелъ въ тяжелой, полузабывчивой дремотѣ. Часу въ

первомъ утра онъ, съ усиліемъ раскрывъ глаза, увидѣлъ надъ собою при свѣтѣ лампадки блѣдное лицо отца, и велѣлъ ему уйти; тотъ повиновался, но тотчасъ же вернулся на цыпочкахъ и, до половины заслонившись дверцами шкапа, неотвратимо глядѣлъ на своего сына. Арина Власьевна тоже не ложилась и, чуть отворивъ дверь кабинета, то и дѣло подходила послушать „какъ дышетъ Енюша“ и посмотрѣть на Василія Ивановича. Она могла видѣть одну его неподвижную, сгорбленную спину, но и это ей доставляло нѣкоторое облегченіе. Утромъ Базаровъ попытался встать; голова у него закружилась, кровь пошла носомъ; онъ легъ опять. Василій Ивановичъ молча ему прислуживалъ; Арина Власьевна вошла къ нему и спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Онъ отвѣчалъ: „лучше“, и повернулся къ стѣнѣ. Василій Ивановичъ замахалъ на жену обѣими руками; она закусила губу, чтобы не заплакать, и вышла вонъ. Все въ домѣ вдругъ словно потемнѣло; всѣ лица вытянулись, сдѣлалась странная тишина; со двора унесли на деревню какого-то горластаго пѣтуха, который долго не могъ понять, зачѣмъ съ нимъ такъ поступаютъ. Базаровъ продолжалъ лежать, уткнувшись въ стѣну. Василій Ивановичъ пытался обращаться къ нему съ разными вопросами, но они утомляли Базарова, и старикъ замеръ въ своихъ креслахъ, только изрѣдка хрустя пальцами. Онъ отправлялся на нѣсколько мгновеній въ садъ, стоялъ тамъ какъ истуканъ, словно пораженный несказаннымъ изумленіемъ (выраженіе изумленія вообще не сходило у него съ лица) и возвращался снова къ сыну, стараясь избѣгать разспросовъ жены. Она, наконецъ, схватила его за руку, и судорожно, почти съ угрозой промолвила: „да что̀ съ нимъ?“ Тутъ онъ спохватился и принудилъ себя улыбнуться ей въ отвѣтъ; но, къ собственному ужасу, вмѣсто улыбки, у него откуда-то взялся смѣхъ. За докторомъ онъ послалъ съ утра. Онъ почелъ нужнымъ предувѣдомить объ этомъ сына, чтобы тотъ какъ-нибудь не разсердился.

Базаровъ вдругъ повернулся на диванѣ, пристально и тупо посмотрѣлъ на отца, и попросилъ напиться.

Василій Ивановичъ подалъ ему воды, и кстати пощупалъ его лобъ. Онъ такъ и пылалъ.

— Старина,—началъ Базаровъ сиплымъ и медленнымъ голосомъ:—дѣло мое дрянное. Я зараженъ, и черезъ нѣсколько дней ты меня хоронить будешь.

Василій Ивановичъ пошатнулся, словно кто по ногамъ его ударилъ.

— Евгеній!—пролепеталъ онъ:—что ты это!.. Богъ съ тобою! Ты простудился...

— Полно,—не спѣша перебилъ его Базаровъ.—Врачу непозволительно такъ говорить. Всѣ признаки зараженія, ты самъ знаешь.

— Гдѣ же признаки... зараженія, Евгеній?.. помилуй!

— А это что?—промолвилъ Базаровъ, и приподнявъ рукавъ рубашки, показалъ отцу выступившія зловѣщія, красныя пятна.

Василій Ивановичъ дрогнулъ и похолодѣлъ отъ страха.

— Положимъ,—сказалъ онъ наконецъ:—положимъ... если... если даже что-нибудь въ родѣ... зараженія...

— Піэміи,—подсказалъ сынъ.

— Ну да... въ родѣ... эпидеміи...

— *Піэміи*,—сурово и отчетливо повторилъ Базаровъ:—аль уже позабылъ свои тетрадки?

— Ну да, да, какъ тебѣ угодно... А все-таки мы тебя вылѣчимъ.

— Ну, это дудки. Но не въ томъ дѣло. Я не ожидалъ, что такъ скоро умру; это случайность, очень, по правдѣ сказать, непріятная. Вы оба съ матерью должны теперь воспользоваться тѣмъ, что въ васъ религія сильна; вотъ вамъ случай поставить ее на пробу. — Онъ отпилъ еще немного воды.—А я хочу попросить тебя объ одной вещи... пока еще моя голова въ моей власти. Завтра или послѣзавтра мозгъ мой, ты знаешь, въ отставку подастъ. Я и теперь не совсѣмъ увѣренъ, ясно ли я выражаюсь. Пока я лежалъ, мнѣ все казалось, что вокругъ меня красныя собаки бѣгали, а ты надо мной стойку дѣлалъ, какъ надъ тетеревомъ. Точно я пьяный. Ты хорошо меня понимаешь?

— Помилуй, Евгеній, ты говоришь совершенно какъ слѣдуетъ.

— Тѣмъ лучше; ты мнѣ сказалъ, ты послалъ за докторомъ... Этимъ ты себя потѣшилъ... потѣшь и меня: пошли ты нарочнаго...

— Къ Аркадію Николаичу,—подхватилъ старикъ.

— Кто такой Аркадій Николаичъ?—проговорилъ Базаровъ, какъ бы въ раздумьи: — Ахъ, да! птенецъ этотъ! Нѣтъ, ты его не трогай: онъ теперь въ галки попалъ. Не удивляйся, это еще не бредъ. А ты пошли нарочнаго къ Одинцовой, Аннѣ Сергѣевнѣ, тутъ есть такая помѣщица... Знаешь? (Василій Ивановичъ кивнулъ головой.) Евгеній, молъ, Базаровъ, кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираетъ. Ты это исполнишь?

— Исполню... Только возможное ли это дѣло, чтобы ты умеръ, ты, Евгеній... Самъ посуди! Гдѣ жъ послѣ этого будетъ справедливость?

— Этого я не знаю; а только ты нарочнаго пошли.

— Сію минуту пошлю, и самъ письмо напишу.

— Нѣтъ, зачѣмъ; скажи, что кланяться велѣлъ, больше ничего не нужно. А теперь я опять къ моимъ собакамъ. Странно! хочу остановить мысль на смерти, и ничего не выходитъ. Вижу какое-то пятно... и больше ничего.

Онъ опять тяжело повернулся къ стѣнѣ; а Василій Ивановичъ вышелъ изъ кабинета и, добравшись до жениной спальни, такъ и рухнулся на колѣни передъ образами.

— Молись, Арина, молись! — простоналъ онъ: — нашъ сынъ умираетъ.

Докторъ, тотъ самый уѣздный лѣкарь, у котораго не нашлось адскаго камня, пріѣхалъ и, осмотрѣвъ больного, посовѣтовалъ держаться методы выжидающей, и тутъ же сказалъ нѣсколько словъ о возможности выздоровленія.

— А вамъ случалось видѣть, что люди въ моемъ положеніи *не* отправляются въ Елисейскія?—спросилъ Базаровъ и, внезапно схвативъ за ножку тяжелый столъ, стоявшій возлѣ дивана, потрясъ его и сдвинулъ съ мѣста.

— Сила-то, сила,—промолвилъ онъ, вся еще тутъ, а

надо умирать!.. Старикъ, тотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ отвыкнуть отъ жизни, а я... Да, поди, попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицаетъ, и баста! Кто тамъ плачетъ?— прибавилъ онъ, погодя немного.—Мать? Бѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ? А ты, Василій Иванычъ, тоже, кажется, нюнишь? Ну, коли христіанство не помогаетъ, будь философомъ, стоикомъ, что ли! Вѣдь ты хвастался, что ты философъ?

— Какой я философъ!—завопилъ Василій Ивановичъ, и слезы такъ и закапали по его щекамъ.

Базарову становилось хуже съ каждымъ часомъ; болѣзнь приняла быстрый ходъ, что̀ обыкновенно случается при хирургическихъ отравахъ. Онъ еще не потерялъ памяти и понималъ, что̀ ему говорили; онъ еще боролся. „Не хочу бредить“, шепталъ онъ, сжимая кулаки: „что̀ за вздоръ!“—И тутъ же говорилъ: „Ну, изъ восьми вычесть десять, сколько выйдетъ?“—Василій Ивановичъ ходилъ какъ помѣшанный, предлагалъ то одно средство, то другое, и только и дѣлалъ, что покрывалъ сыну ноги. „Обернуть въ холодныя простыни... рвотное... горчишники къ желудку... кровопусканіе“, говорилъ онъ съ напряженіемъ. Докторъ, котораго онъ умолилъ остаться, ему поддакивалъ, поилъ больного лимонадомъ, а для себя просилъ то трубочки, то „укрѣпляющаго-согрѣвающаго“, то-есть водки. Арина Власьевна сидѣла на низенькой скамеечкѣ возлѣ двери, и только по временамъ уходила молиться; нѣсколько дней тому назадъ туалетное зеркальце выскользнуло у ней изъ рукъ и разбилось, а это она всегда считала худымъ предзнаменованіемъ; сама Анфисушка ничего не умѣла сказать ей. Тимоѳеичъ отправился къ Одинцовой.

Ночь была не хороша для Базарова... Жестокій жаръ его мучилъ. Къ утру ему полегчило. Онъ попросилъ, чтобъ Арина Власьевна его причесала, поцѣловалъ у ней руку, и выпилъ глотка два чаю. Василій Ивановичъ оживился немного.

— Слава Богу!—твердилъ онъ:—наступилъ кризисъ... пришелъ кризисъ.

— Эка, подумаешь!—промолвилъ Базаровъ:—слово-то

что́ значитъ! Нашелъ его, сказалъ: „кризисъ“, и утѣшенъ. Удивительное дѣло, какъ человѣкъ еще вѣритъ въ слова. Скажутъ ему, напримѣръ, дурака и не прибьютъ, онъ опечалится: назовутъ его умницей и денегъ ему не дадутъ—онъ почувствуетъ удовольствіе.

Эта маленькая рѣчь Базарова, напоминавшая его прежнія „выходки“, привела Василія Ивановича въ умиленіе.

— Браво! прекрасно сказано, прекрасно!—воскликнулъ онъ, показывая видъ, что бьетъ въ ладоши.

Базаровъ печально усмѣхнулся.

— Такъ какъ же по-твоему, — промолвилъ онъ:—кризисъ прошелъ или наступилъ?

— Тебѣ лучше, вотъ что́ я вижу, вотъ что́ меня радуетъ,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ.

— Ну, и прекрасно; радоваться всегда не худо. А къ той, помнишь? послалъ?

— Послалъ, какъ же.

Перемѣна къ лучшему продолжалась недолго. Приступы болѣзни возобновились. Василій Ивановичъ сидѣлъ подлѣ Базарова. Казалось, какая-то особенная мука терзала старика. Онъ нѣсколько разъ собирался говорить— и не могъ.

— Евгеній! — произнесъ онъ наконецъ: — сынъ мой, дорогой мой, милый сынъ!

Это необычайное воззваніе подѣйствовало на Базарова... Онъ повернулъ немного голову и, видимо стараясь выбиться изъ-подъ бремени давившаго его забытья, произнесъ:—Что, мой отецъ?

— Евгеній, — продолжалъ Василій Ивановичъ, и опустился на колѣни передъ Базаровымъ, хотя тотъ не раскрывалъ глазъ и не могъ его видѣть. — Евгеній, тебѣ теперь лучше; ты, Богъ дастъ, выздоровѣешь; но воспользуйся этимъ временемъ, утѣшь насъ съ матерью, исполни долгъ христіанина! Каково-то мнѣ это тебѣ говорить, это ужасно; но еще ужаснѣе... вѣдь на вѣкъ, Евгеній... ты подумай, каково-то...

Голосъ старика прервался, а по лицу его сына, хотя

онъ и продолжалъ лежать съ закрытыми глазами, проползло что-то странное.

— Я не отказываюсь, если это можетъ васъ утѣшить,— промолвилъ онъ наконецъ:—но мнѣ кажется, спѣшить еще не къ чему. Ты самъ говоришь, что мнѣ лучше.

— Лучше, Евгеній, лучше; но кто знаетъ, вѣдь это все въ Божьей волѣ, а исполнивши долгъ...

— Нѣтъ, я подожду,—перебилъ Базаровъ. — Я согласенъ съ тобою, что наступилъ кризисъ. А если мы съ тобой ошиблись, что́ жъ! вѣдь и безпамятныхъ причащаютъ.

— Помилуй, Евгеній...

— Я подожду. А теперь я хочу спать. Не мѣшай мнѣ.

И онъ положилъ голову на прежнее мѣсто.

Старикъ поднялся, сѣлъ на кресло и, взявшись за подбородокъ, сталъ кусать себѣ пальцы...

Стукъ рессорнаго экипажа, тотъ стукъ, который такъ особенно замѣтенъ въ деревенской глуши, внезапно поразилъ его слухъ. Ближе, ближе катились легкія колеса; вотъ уже послышалось фырканье лошадей... Василій Ивановичъ вскочилъ и бросился къ окошку. На дворъ его домика, запряженная четверней, въѣзжала двумѣстная карета. Не давая себѣ отчета, что̀ бы это могло значить, въ порывѣ какой-то безсмысленной радости, онъ выбѣжалъ на крыльцо... Ливрейный лакей отворялъ дверцы кареты; дама подъ чернымъ вуалемъ, въ черной мантильѣ, выходила изъ нея...

— Я Одинцова,—промолвила она. — Евгеній Васильевичъ живъ? Вы его отецъ? Я привезла съ собой доктора.

— Благодѣтельница!—воскликнулъ Василій Ивановичъ, и, схвативъ ея руку, судорожно прижалъ ее къ своимъ губамъ, между тѣмъ какъ привезенный Анной Сергѣевной докторъ, маленькій человѣкъ въ очкахъ, съ нѣмецкою физіономіей, вылѣзалъ не торопясь изъ кареты. — Живъ еще, живъ мой Евгеній, и теперь будетъ спасенъ! Жена! жена!.. Къ намъ ангелъ съ неба...

— Что̀ такое, Господи!—пролепетала, выбѣгая изъ гостиной, старушка и, ничего не понимая, тутъ же въ перед-

ней упала къ ногамъ Анны Сергѣевны и начала, какъ безумная, цѣловать ея платье.

— Что̀ вы! что вы! — твердила Анна Сергѣевна; но Арина Васильевна ея не слушала, а Василій Ивановичъ только повторялъ: „ангелъ! ангелъ!“

— Wo ist der Kranke? И гдѣ же есть паціентъ?—проговорилъ, наконецъ, докторъ, не безъ нѣкотораго негодованія.

Василій Ивановичъ опомнился.—Здѣсь, здѣсь, пожалуйте за мной, *вертестеръ герръ коллега*,—прибавилъ онъ по старой памяти.

— Э!—произнесъ нѣмецъ, и кисло осклабился.

Василій Ивановичъ привелъ его въ кабинетъ.

— Докторъ отъ Анны Сергѣевны Одинцовой,—сказалъ онъ, наклоняясь къ самому уху своего сына:—и она сама здѣсь.

Базаровъ вдругъ раскрылъ глаза.—Что̀ ты сказалъ?

— Я говорю, что Анна Сергѣевна Одинцова здѣсь, и привезла къ тебѣ сего господина доктора.

Базаровъ повелъ вокругъ себя глазами.

— Она здѣсь... я хочу ее видѣть.

— Ты ее увидишь, Евгеній; но сперва надобно побесѣдовать съ господиномъ докторомъ. Я имъ разскажу всю исторію болѣзни, такъ какъ Сидоръ Сидорычъ уѣхалъ (такъ звали уѣзднаго врача), и мы сдѣлаемъ маленькую консультацію.

Базаровъ взглянулъ на нѣмца.—Ну, бесѣдуйте скорѣе, только не по-латыни, я вѣдь понимаю, что значитъ: jam moritur.

— Der Herr scheint des Deutschen mächtig zu sein,—началъ новый питомецъ Эскулапа, обращаясь къ Василію Ивановичу.

— *Ихъ... габе...*—Говорите ужъ лучше по-русски,—промолвилъ старикъ.

— А, а! *такъ этто фотъ какъ этто...* Пошалуй...

И консультація началась.

Полчаса спустя Анна Сергѣевна, въ сопровожденіи Василія Ивановича, вошла въ кабинетъ. Докторъ успѣлъ шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровленіи больного.

Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и въ то же время мертвенное лицо съ устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила—мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.

— Спасибо,—усиленно заговорилъ онъ:— я этого не ожидалъ. Это доброе дѣло. Вотъ мы еще разъ и увидѣлись, какъ вы обѣщали.

— Анна Сергѣевна такъ была добра...—началъ Василій Ивановичъ.

— Отецъ, оставь насъ. — Анна Сергѣевна, вы позволяете? Кажется, теперь...

Онъ указалъ головою на свое распростертое безсильное тѣло.

Василій Ивановичъ вышелъ.

— Ну, спасибо,—повторилъ Базаровъ.—Это по-царски. Говорятъ, цари тоже посѣщаютъ умирающихъ.

— Евгеній Васильевичъ, я надѣюсь...

— Эхъ, Анна Сергѣевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попалъ подъ колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая шутка смерть, а каждому вновѣ. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство и *фюить!* (Онъ слабо махнулъ рукой.) Ну, что жъ мнѣ вамъ сказать... я любилъ васъ! это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что—какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...

Анна Сергѣевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь... сядьте тамъ... Не подходите ко мнѣ: вѣдь моя болѣзнь заразительная.

Анна Сергѣевна быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана, на которомъ лежалъ Базаровъ.

— Великодушная!—шепнулъ онъ.—Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! живите долго, это лучше всего, и поль-

зуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что̀ за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача гиганта— какъ бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилять хвостомъ не стану.

Базаровъ умолкъ и сталъ ощупывать рукой свой стаканъ. Анна Сергѣевна подала ему напиться, не снимая перчатокъ и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, — началъ онъ опять: — мертвый живому не товарищъ. Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Это чепуха, но не разувѣряйте старика. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... вы знаете. И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ они, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать... Я нуженъ Россіи... Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ... мясо продаетъ... мясникъ... постойте, я путаюсь... Тутъ есть лѣсъ...

Базаровъ положилъ руку на лобъ.

Анна Сергѣевна наклонилась къ нему.

— Евгеній Васильичъ, я здѣсь...

Онъ разомъ принялъ руку и приподнялся.

— Прощайте, — проговорилъ онъ съ внезапной силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ.—Прощайте... Послушайте... вѣдь я васъ не поцѣловалъ тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснетъ...

Анна Сергѣевна приложилась губами къ его лбу.

— И довольно! — промолвилъ онъ, и опустился на подушку.—Теперь... темнота...

Анна Сергѣевна тихо вышла.

— Что?—спросилъ ее шопотомъ Василій Ивановичъ.

— Онъ заснулъ,—отвѣчала она чуть слышно.

Базарову уже не суждено было просыпаться. Къ вечеру онъ впалъ въ совершенное безпамятство, а на слѣдующій день умеръ. Отецъ Алексѣй совершилъ надъ нимъ обряды религіи. Когда его соборовали, когда святое муро коснулось его груди, одинъ глазъ его раскрылся и, казалось,

при видѣ священника въ облаченіи, дымящагося кадила, свѣчъ передъ образомъ, что-то похожее на содроганіе ужаса мгновенно отразилось на помертвѣломъ лицѣ. Когда же наконецъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ домѣ поднялось всеобщее стенаніе, Василіемъ Ивановичемъ обуяло внезапное изступленіе. „Я говорилъ, что я возропщу“, хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, какъ бы грозя кому-то: „и возропщу, возропщу!“ Но Арина Власьевна, вся въ слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ. — „Такъ“, разсказывала потомъ въ людской Анфисушка: „рядышкомъ и понурили свои головки, словно овечки въ полдень...“

Но полуденный зной проходитъ, и настаетъ вечеръ и ночь, а тамъ и возвращеніе въ тихое убѣжище, гдѣ сладко спится измученнымъ и усталымъ...

XXVIII.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Стояла бѣлая зима съ жестокою тишиной безоблачныхъ морозовъ, плотнымъ, скрипучимъ снѣгомъ, розовымъ инеемъ на деревьяхъ, блѣдно-изумруднымъ небомъ, шапками дыма надъ трубами, клубами пара изъ мгновенно раскрытыхъ дверей, свѣжими, словно укушенными лицами людей, и хлопотливымъ бѣгомъ продрогшихъ лошадокъ. Январскій день уже приближался къ концу; вечерній холодъ еще сильнѣе стискивалъ недвижимый воздухъ, и быстро гасла кровавая заря. Въ окнахъ Марьинскаго дома зажигались огни; Прокофьичъ, въ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ особенною торжественностію накрывалъ столъ на семь приборовъ. Недѣлю тому назадъ, въ небольшой приходской церкви, тихо и почти безъ свидѣтелей, состоялись двѣ свадьбы: Аркадія съ Катей, и Николая Петровича съ Ѳеничкой; а въ самый тотъ день Николай Петровичъ давалъ прощальный обѣдъ своему брату, который отправлялся по дѣламъ въ Москву. Анна Сергѣевна уѣхала туда же тотчасъ послѣ свадьбы, щедро надѣливъ молодыхъ.

Ровно въ три часа всѣ собрались къ столу. Митю помѣстили тутъ же; у него уже появилась нянюшка въ глазетовомъ кокошникѣ. Павелъ Петровичъ возсѣдалъ между Катей и Ѳеничкой: „мужья“ пристроились возлѣ своихъ женъ. Знакомцы наши измѣнились въ послѣднее время: всѣ какъ будто похорошѣли и возмужали; одинъ Павелъ Петровичъ похудѣлъ, что̀, впрочемъ, придавало еще больше изящества и *грансеньйорства* его выразительнымъ чертамъ... Да и Ѳеничка стала другая. Въ свѣжемъ шелковомъ платьѣ, съ широкою бархатною наколкой на волосахъ, съ золотою цѣпочкой на шеѣ, она сидѣла почтительно-неподвижно, почтительно къ самой себѣ, ко всему, что̀ ее окружало, и такъ улыбалась, какъ будто хотѣла сказать: „вы меня извините, я не виновата“. И не она одна — другіе всѣ улыбались, и тоже какъ будто извинялись; всѣмъ было немножко неловко, немножко грустно, и въ сущности очень хорошо. Каждый прислуживалъ другому съ забавною предупредительностію, точно всѣ согласились разыграть какую-то простодушную комедію. Катя была спокойнѣе всѣхъ: она довѣрчиво посматривала вокругъ себя, и можно было замѣтить, что Николай Петровичъ успѣлъ уже полюбить ее безъ памяти. Передъ концомъ обѣда онъ всталъ и, взявъ бокалъ въ руки, обратился къ Павлу Петровичу.

— Ты насъ покидаешь... ты насъ покидаешь, милый братъ,—началъ онъ:—конечно не надолго; но все же я не могу не выразить тебѣ, что я... что мы... сколь я... сколь мы... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что мы не умѣемъ говорить спичи! Аркадій, скажи ты.

— Нѣтъ, папаша, я не приготовлялся.

— А я хорошо приготовился! Просто, братъ, позволь тебя обнять, пожелать тебѣ всего хорошаго, и вернись къ намъ поскорѣе!

Павелъ Петровичъ облобызался со всѣми, не исключая, разумѣется, Мити: у Ѳенички онъ сверхъ того поцѣловалъ руку, которую та еще не умѣла подавать какъ слѣдуетъ, и, выпивая вторично-налитый бокалъ, промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ: „Будьте счастливы, друзья мои!

Farewell!“ — Этотъ англійскій хвостикъ прошелъ незамѣченнымъ; но всѣ были тронуты.

„Въ память Базарова“, шепнула Катя на ухо своему мужу, и чокнулась съ нимъ. Аркадій въ отвѣтъ пожалъ ей крѣпко руку, но не рѣшился громко предложить этотъ тостъ.

Казалось бы, конецъ? Но, быть-можетъ, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ узнать, что̀ дѣлаетъ теперь, именно теперь, каждое изъ выведенныхъ нами лицъ. Мы готовы удовлетворить его.

Анна Сергѣевна недавно вышла замужъ, не по любви, но по убѣжденію, за одного изъ будущихъ русскихъ дѣятелей, человѣка очень умнаго, законника, съ крѣпкимъ практическимъ смысломъ, твердою волей и замѣчательнымъ даромъ слова, — человѣка еще молодого, добраго и холоднаго какъ ледъ. Они живутъ въ большомъ ладу другъ съ другомъ, и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви. Княжна К....ая умерла, забытая въ самый день смерти. Кирсановы, отецъ съ сыномъ, поселились въ Марьинѣ. Дѣла ихъ начинаютъ поправляться. Аркадій сдѣлался рьянымъ хозяиномъ, и „ферма“ уже приноситъ довольно значительный доходъ. Николай Петровичъ попалъ въ мировые посредники и трудится изо всѣхъ силъ; онъ безпрестанно разъѣзжаетъ по своему участку; произноситъ длинныя рѣчи (онъ придерживается того мнѣнія, что мужичковъ надо „вразумлять“, то-есть, частымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ доводить ихъ до истомы), и все-таки, говоря правду, не удовлетворяетъ вполнѣ ни дворянъ образованныхъ, говорящихъ то съ шикомъ, то съ меланхоліей, о *ман*ципаціи (произнося *ан* въ носъ), ни необразованныхъ дворянъ, безцеремонно бранящихъ „евту *мун*ципацію“. И для тѣхъ, и для другихъ онъ слишкомъ мягокъ. У Катерины Сергѣевны родился сынъ Коля, а Митя уже бѣгаетъ молодцомъ и болтаетъ рѣчисто. Ѳеничка, Ѳедосья Николаевна, послѣ мужа и Мити никого такъ не обожаетъ, какъ свою невѣстку, и когда та садится за фортепіано, рада цѣлый день не отходить отъ нея. Упомянемъ кстати о Петрѣ.

Онъ совсѣмъ окоченѣлъ отъ глупости и важности, произноситъ всѣ *е* какъ *ю: тюпюрь, обюзнючюнъ*, но тоже женился и взялъ порядочное приданое за своею невѣстой, дочерью городского огородника, которая отказала двумъ хорошимъ женихамъ, только потому, что у нихъ часовъ не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки.

Въ Дрезденѣ, на Брюлевской террасѣ, между двумя и четырьмя часами, въ самое фешенебельное время для прогулки, вы можете встрѣтить человѣка лѣтъ около пятидесяти, уже совсѣмъ сѣдого и какъ бы страдающаго подагрой, но еще красиваго, изящно одѣтаго и съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, который дается человѣку однимъ лишь долгимъ пребываніемъ въ высшихъ слояхъ общества. Это Павелъ Петровичъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы за границу для поправленія здоровья, и остался на жительство въ Дрезденѣ, гдѣ знается больше съ англичанами и съ проѣзжими русскими. Съ англичанами онъ держится просто, почти скромно, но не безъ достоинства; они находятъ его немного скучнымъ, но уважаютъ въ немъ совершеннаго джентльмена „*a perfect gentleman*". Съ русскими онъ развязнѣе, даетъ волю своей желчи, трунитъ надъ самимъ собой и надъ ними; но все это выходитъ у него очень мило, и небрежно, и прилично. Онъ придерживается славянофильскихъ воззрѣній: извѣстно, что въ высшемъ свѣтѣ это считается *très distingué*. Онъ ничего русскаго не читаетъ, но на письменномъ столѣ у него находится серебряная пепельница въ видѣ мужицкаго лаптя. Наши туристы очень за нимъ волочатся. Матвѣй Ильичъ Колязинъ, находящійся *во временной оппозиціи*, величаво посѣтилъ его, проѣзжая на богемскія воды; а туземцы, съ которыми онъ, впрочемъ, видится мало, чуть не благоговѣютъ передъ нимъ. Получить билетъ въ придворную капеллу, въ театръ и т. д. никто не можетъ такъ легко и скоро, какъ *der Herr Baron von Kirsanoff*. Онъ все дѣлаетъ добро, сколько можетъ; онъ все еще шумитъ понемножку: не даромъ же былъ онъ нѣкогда львомъ;—но жить ему тяжело... тяжелѣй, чѣмъ онъ самъ подозрѣ-

ваетъ... Стòитъ взглянуть на него въ русской церкви, когда, прислонясь въ сторонкѣ къ стѣнѣ, онъ задумывается и долго не шевелится, горько стиснувъ губы, потомъ вдругъ опомнится и начнетъ почти незамѣтно креститься...

И Кукшина попала за границу. Она теперь въ Гейдельбергѣ и изучаетъ уже не естественныя науки, но архитектуру, въ которой, по ея словамъ, она открыла новые законы. Она попрежнему якшается съ студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которыми наполненъ Гейдельбергъ, и которые, удивляя на первыхъ порахъ наивныхъ нѣмецкихъ профессоровъ своимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, впослѣдствіи удивляютъ тѣхъ же самыхъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною лѣнью. Съ такими-то двумя-тремя химиками, не умѣющими отличить кислорода отъ азота, но исполненными отрицанія и самоуваженія, да съ великимъ Елисѣвичемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть великимъ, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ „дѣло“ Базарова. Говорятъ, его кто-то недавно побилъ, но онъ въ долгу не остался: въ одной темной статейкѣ, тиснутой въ одномъ темномъ журнальцѣ, онъ намекнулъ, что побившій его—трусъ. Онъ называетъ это ироніей. Отецъ имъ помыкаетъ попрежнему, а жена считаетъ его дурачкомъ... и литераторомъ.

Есть небольшое сельское кладбище, въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами, каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три ощипанныхъ деревца̀ едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней,

изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка—мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго, и горько плачутъ, и долго, и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной...

НАКАНУНѢ.

РОМАНЪ ВЪ XXXV ГЛАВАХЪ.

(написано въ 1859 году.)

I.

Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней 1853 года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка. Одинъ на видъ лѣтъ двадцати-трехъ, высокаго роста, черномазый, съ острымъ и немного кривымъ носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой на широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка прищуривъ свои небольшіе сѣрые глазки; другой лежалъ на груди, подперевъ обѣими руками кудрявую бѣлокурую голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе; усы его едва пробились и на подбородкѣ вился легкій пухъ. Было что-то дѣтски-миловидное, что-то привлекательно-изящное въ мелкихъ чертахъ его свѣжаго, круглаго лица, въ его сладкихъ, карихъ глазахъ, красивыхъ, выпуклыхъ губкахъ и бѣлыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью — безпечностью, самонадѣянностью, избалованностью, прелестью молодости. Онъ и поводилъ глазами, и улыбался, и подпиралъ голову, какъ это дѣлаютъ мальчики, которые знаютъ, что на нихъ охотно заглядываются. На немъ было просторное бѣлое

пальто въ родѣ блузы; голубой платокъ охватывалъ его тонкую шею, измятая соломенная шляпа валялась въ травѣ возлѣ него.

Въ сравненіи съ нимъ его товарищъ казался старикомъ, и никто бы не подумалъ, глядя на его угловатую фигуру, что и онъ наслаждается, что и ему хорошо. Онъ лежалъ неловко; его большая, кверху широкая, книзу заостренная голова неловко сидѣла на длинной шеѣ; неловкость сказывалась въ самомъ положеніи его рукъ, его туловища, плотно охваченнаго короткимъ чернымъ сюртучкомъ, его длинныхъ ногъ съ поднятыми колѣнями, подобныхъ заднимъ ножкамъ стрекозы. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя было не признать въ немъ хорошо воспитаннаго человѣка; отпечатокъ „порядочности“ замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ, и лицо его, некрасивое и даже нѣсколько смѣшное, выражало привычку мыслить и доброту. Звали его Андреемъ Петровичемъ Берсеневымъ; его товарищъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, прозывался Шубинымъ, Павломъ Яковличемъ.

— Отчего ты не лежишь, какъ я, на груди?— началъ Шубинъ. Такъ гораздо лучше. Особенно когда поднимешь ноги и стучишь каблуками дружку о дружку—вотъ такъ. Трава подъ носомъ: надоѣстъ глазѣть на пейзажъ—смотри на какую-нибудь пузатую козявку, какъ она ползетъ по былинкѣ, или на муравья, какъ онъ суетится. Право такъ лучше. А то ты принялъ теперь какую-то псевдо-классическую позу, ни дать, ни взять, танцовщица въ балетѣ, когда она облокачивается на картонный утесъ. Ты вспомни, что ты теперь имѣешь полное право отдыхать. Шутка сказать: вышелъ третьимъ кандидатомъ! Отдохните, сэръ; перестаньте напрягаться, раскиньте свои члены!

Шубинъ произнесъ всю эту рѣчь въ носъ, полу-лѣниво, полу-шутливо (балованныя дѣти говорятъ такъ съ друзьями дома, которые привозятъ имъ конфеты), и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ:

— Меня больше всего поражаетъ въ муравьяхъ, жукахъ и другихъ господахъ насѣкомыхъ ихъ удивительная серьезность: бѣгаютъ взадъ и впередъ съ такими важными

физіономіями, точно и ихъ жизнь что̀-то значитъ! Помилуйте, человѣкъ — царь созданья, существо высшее, на нихъ взираетъ, а имъ и дѣла до него нѣтъ: еще, пожалуй, иной комаръ сядетъ на носъ царю созданія и станетъ употреблять его себѣ въ пищу. Это обидно. А съ другой стороны, чѣмъ ихъ жизнь хуже нашей жизни? И отчего же имъ не важничать, если мы позволяемъ себѣ важничать? Ну-ка, философъ, разрѣши мнѣ эту задачу! Что̀ жъ ты молчишь? А?

— Что̀...—проговорилъ, встрепенувшись, Берсеневъ.

— Что̀! — повторилъ Шубинъ. — Твой другъ излагаетъ передъ тобою глубокія мысли, а ты его не слушаешь.

— Я любовался видомъ. Посмотри, какъ эти поля горячо блестятъ на солнцѣ! (Берсеневъ немного пришепетывалъ.)

— Важный пущенъ ко̀леръ, — промолвилъ Шубинъ. — Одно слово, натура!

Берсеневъ покачалъ головой.

— Тебѣ бы еще больше меня слѣдовало восхищаться всѣмъ этимъ. Это по твоей части: ты артистъ.

— Нѣтъ-съ, этой не по моей части-съ,—возразилъ Шубинъ, и надѣлъ шляпу на затылокъ.—Я мясникъ-съ; мое дѣло — мясо, мясо лѣпить, плечи, ноги, руки, а тутъ и формы нѣтъ, законченности нѣтъ, разъѣхалось во всѣ стороны... Пойди, поймай!

— Да вѣдь и тутъ красота, — замѣтилъ Берсеневъ. — Кстати, кончилъ ты свой барельефъ?

— Какой?

— Ребенка съ козломъ.

— Къ чорту! къ чорту! къ чорту!—воскликнулъ нараспѣвъ Шубинъ. — Посмотрѣлъ на настоящихъ, на стариковъ, на антики, да и разбилъ свою чепуху̀. Ты указываешь мнѣ на природу и говоришь: „И тутъ красота“. Конечно, во всемъ красота, даже и въ твоемъ носѣ красота, да за всякою красотой не угоняешься. Старики — тѣ за ней и не гонялись; она сама сходила въ ихъ созданія, откуда—Богъ вѣсть, съ неба, что ли. Имъ весь міръ принадлежалъ; намъ такъ широко распространяться не

приходится: коротки руки. Мы закидываемъ удочку на одной точечкѣ, да и караулимъ. Клюнетъ, браво! а не клюнетъ...

Шубинъ высунулъ языкъ.

— Постой, постой,—возразилъ Берсеневъ. — Это парадоксъ. Если ты не будешь сочувствовать красотѣ, любить ее всюду, гдѣ бы ты ее ни встрѣтилъ, такъ она тебѣ и въ твоемъ искусствѣ не дастся. Если прекрасный видъ, прекрасная музыка ничего не говорятъ твоей душѣ, я хочу сказать, если ты имъ не сочувствуешь...

— Эхъ, ты, сочувственникъ!—брякнулъ Шубинъ и самъ засмѣялся новоизобрѣтенному слову. а Берсеневъ задумался.—Нѣтъ, братъ,—продолжалъ Шубинъ:—ты умница-философъ, третій кандидатъ московскаго университета, съ тобой спорить страшно, особенно мнѣ, недоучившемуся студенту; но я тебѣ вотъ что скажу: кромѣ своего искусства, я люблю красоту только въ женщинахъ... въ дѣвушкахъ, да и то съ нѣкоторыхъ поръ...

Онъ перевернулся на спину и заложилъ руки за голову.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи. Тишина полуденнаго зноя тяготѣла надъ сіяющей и заснувшей землей.

— Кстати, о женщинахъ,—заговорилъ опять Шубинъ.— Что это никто не возьметъ Стахова въ руки? Ты видѣлъ его въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Совсѣмъ съ ума сошелъ старецъ. Сидитъ по цѣлымъ днямъ у своей Августины Христіановны, скучаетъ страшно, а сидитъ. Глазѣютъ другъ на друга, такъ глупо... Даже противно смотрѣть. Вотъ поди ты! Какимъ семействомъ Богъ благословилъ этого человѣка: нѣтъ, подай ему Августину Христіановну! Я ничего не знаю гнуснѣе ея утиной физіономіи! На-дняхъ я вылѣпилъ ея карикатуру, въ дантановскомъ вкусѣ. Очень вышло недурно. Я тебѣ покажу.

— А Елены Николаевны бюстъ,—спросилъ Берсеневъ:— подвигается?

— Нѣтъ, братъ, не подвигается. Отъ этого лица можно

въ отчаяніе придти. Посмотришь, линіи чистыя, строгія, прямыя; кажется, не трудно схватить сходство. Не тутъ-то было... Не дается, какъ кладъ въ руки. Замѣтилъ ты, какъ она слушаетъ? Ни одна черта не тронется, только выраженіе взгляда безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется вся фигура. Что̀ тутъ прикажешь дѣлать скульптору, да еще плохому? Удивительное существо... странное существо, — прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Да; она удивительная дѣвушка,—повторилъ за нимъ Берсеневъ.

— А дочь Николая Артемьевича Стахова! Вотъ послѣ этого и разсуждай о крови, о породѣ. И вѣдь забавно то, что она точно его дочь, похожа на него, и на мать похожа, на Анну Васильевну. Я Анну Васильевну уважаю отъ всего сердца, она же моя благодѣтельница; но вѣдь она курица. Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажегъ этотъ огонь? Вотъ опять тебѣ задача, философъ!

Но „философъ“ попрежнему ничего не отвѣчалъ. Берсеневъ, вообще, не грѣшилъ многоглаголаніемъ, и когда говорилъ, выражался неловко, съ запинками, безъ нужды разводя руками; а въ этотъ разъ какая-то особенная тишина нашла на его душу, тишина, похожая на усталость и на грусть. Онъ недавно переселился за городъ послѣ долгой и трудной работы, отнимавшей у него по нѣскольку часовъ въ день. Бездѣйствіе, нѣга и чистота воздуха, сознаніе достигнутой цѣли, прихотливый и небрежный разговоръ съ пріятелемъ, внезапно вызванный образъ милаго существа, всѣ эти разнородныя, и въ то же время почему-то сходныя впечатлѣнія слились въ немъ въ одно общее чувство, которое и успокоивало его, и волновало, и обезсиливало... Онъ былъ очень нервическій молодой человѣкъ.

Подъ липой было прохладно и спокойно; залетавшія въ кругъ ея тѣни мухи и пчелы, казалось, жужжали тише; чистая мелкая трава изумруднаго цвѣта, безъ золотыхъ отливовъ, не колыхалась; высокіе стебельки стояли неподвижно, какъ очарованные; какъ мертвые, висѣли малень-

кіе гроздья желтыхъ цвѣтовъ на нижнихъ вѣткахъ липы. Сладкій запахъ съ каждымъ дыханіемъ втѣснялся въ самую глубь груди, но грудь имъ охотно дышала. Вдали, за рѣкой, до небосклона все сверкало, все горѣло; изрѣдка пробѣгалъ тамъ вѣтерокъ и дробилъ и усиливалъ сверканіе; лучистый паръ колебался надъ землей. Птицъ не было слышно: онѣ не поютъ въ часы зноя; но кузнечики трещали повсемѣстно, и пріятно было слушать этотъ горячій звукъ жизни, сидя въ прохладѣ, на покоѣ: онъ клонилъ ко сну и будилъ мечтанія.

— Замѣтилъ ли ты,—началъ вдругъ Берсеневъ, помогая своей рѣчи движеніями рукъ:—какое странное чувство возбуждаетъ въ насъ природа? Все въ ней такъ полно, такъ ясно, я хочу сказать, такъ удовлетворено собою, и и мы это понимаемъ и любуемся этимъ, и въ то же время она, по крайней мѣрѣ во мнѣ, всегда возбуждаетъ какое-то безпокойство, какую-то тревогу, даже грусть. Что̀ это значитъ? Сильнѣе ли сознаемъ мы передъ нею, передъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же намъ мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, то-есть я хочу сказать, того, чего намъ нужно, у нея нѣтъ.

— Гмъ,—возразилъ Шубинъ:—я тебѣ скажу, Андрей Петровичъ, отчего все это происходитъ. Ты описалъ ощущенія одинокаго человѣка, который не живетъ, а только смотритъ, да млѣетъ. Чего смотрѣть? Живи самъ и будешь молодцомъ. Сколько ты ни стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ, потому что она нѣмая. Будетъ звучать и ныть, какъ струна, а пѣсни отъ нея не жди. Живая душа—та отзовется, и по преимуществу женская душа. А потому, благородный другъ мой, совѣтую тебѣ запастись подругой сердца, и всѣ твои тоскливыя ощущенія тотчасъ исчезнутъ. Вотъ что̀ намъ „нужно“, какъ ты говоришь. Вѣдь эта тревога, эта грусть, вѣдь это, просто, своего рода голодъ. Дай желудку настоящую пищу, и все тотчасъ придетъ въ порядокъ. Займи свое мѣсто въ пространствѣ, будь тѣломъ, братецъ ты мой. Да и что̀ такое, къ чему природа? Ты послушай

самъ: любовь... какое сильное, горячее слово! Природа... какое холодное, школьное выраженіе! А потому (Шубинъ запѣлъ): „Да здравствуетъ, Марья Петровна!“ или нѣтъ,— прибавилъ онъ: — не Марья Петровна, ну да все равно! Ву ме компрене́.

Берсеневъ приподнялся и оперся подбородкомъ на сложенныя руки.

— Зачѣмъ насмѣшка, — проговорилъ онъ, не глядя на своего товарища:—зачѣмъ глумленіе? Да, ты правъ: любовь— великое слово; великое чувство... Но о какой любви говоришь ты?

Шубинъ тоже приподнялся.

— О какой любви? О какой угодно, лишь бы она была на лицо. Признаюсь тебѣ, по-моему, вовсе нѣтъ различныхъ родовъ любви. Коли ты полюбилъ...

— Отъ всей души,—подхватилъ Берсеневъ.

— Ну да, это само собою разумѣется: душа не яблоко: ея не раздѣлишь. Коли ты полюбилъ, ты и правъ. А я не думалъ глумиться. У меня на сердцѣ теперь такая нѣжность, такъ оно смягчено... Я хотѣлъ только объяснить, почему природа, по-твоему, такъ на насъ дѣйствуетъ. Потому, что она будитъ въ насъ потребность любви, и не въ силахъ удовлетворить ее. Она насъ тихо гонитъ въ другія, живыя объятія, а мы ея не понимаемъ и чего-то ждемъ отъ нея самой. Ахъ, Андрей, Андрей, прекрасно. Это солнце, это небо, все, все вокругъ насъ прекрасно, а ты грустишь; но если бы въ это мгновеніе ты держалъ въ своей рукѣ руку любимой женщины, если бъ эта рука и вся эта женщина были твои, если бы ты даже глядѣлъ *ея* глазами, чувствовалъ не своимъ, одинокимъ, а *ея* чувствомъ, — не грусть, Андрей, не тревогу возбуждала бы въ тебѣ природа, и не сталъ бы ты замѣчать ея красоты; она бы сама радовалась и пѣла, она бы вторила твоему гимну, потому что ты въ нее, въ нѣмую, вложилъ бы тогда языкъ!

Шубинъ вскочилъ на ноги и прошелся раза два взадъ и впередъ, а Берсеневъ наклонилъ голову, и лицо его покрылось слабой краской.

— Я не совсѣмъ согласенъ съ тобою, — началъ онъ:— не всегда природа намекаетъ намъ на... на любовь. (Онъ не сразу произнесъ это слово.) Она также грозитъ намъ: она напоминаетъ о страшныхъ... да, о недоступныхъ тайнахъ. Не она ли должна поглотить насъ, не безпрестанно ли она поглощаетъ насъ. Въ ней и жизнь, и смерть; и смерть въ ней такъ же громко говоритъ, какъ и жизнь.

— И въ любви жизнь и смерть,—перебилъ Шубинъ.

— А потомъ, — продолжалъ Берсеневъ: — когда я, напримѣръ, стою весной, въ лѣсу, въ зеленой чащѣ, когда мнѣ чудятся романтическіе звуки Оберонова рòга (Берсеневу стало немножко совѣстно, когда онъ выговорилъ эти слова)—развѣ и это...

— Жажда любви, жажда счастія, больше ничего!—подхватилъ Шубинъ.—Знаю и я эти звуки, знаю и я то утомленіе и ожиданіе, которыя находятъ на душу подъ сѣнью лѣса, въ его нѣдрахъ, или вечеромъ, въ открытыхъ поляхъ, когда заходитъ солнце и рѣка дымится за кустами. Но и отъ лѣса, и отъ рѣки, и отъ земли, и отъ неба, отъ всякаго облачка, отъ всякой травки я жду, я хочу счастія, я во всемъ чую его приближеніе, слышу его призывъ. „Мой богъ—богъ свѣтлый и веселый!“ Я было такъ началъ одно стихотвореніе; сознайся: славный первый стихъ, да второго никакъ подобрать не могъ. Счастья! счастья! пока жизнь не прошла, пока всѣ наши члены въ нашей власти, пока мы идемъ не подъ гору, а въ гору! Чортъ возьми!— продолжалъ Шубинъ съ внезапнымъ порывомъ: — мы молоды, не уроды, не глупы: завоюемъ себѣ счастіе!

Онъ встряхнулъ кудрями и самоувѣренно, почти съ вызовомъ, глянулъ вверхъ, на небо. Берсеневъ поднялъ на него глаза.

— Будто нѣтъ ничего выше счастья? — проговорилъ онъ тихо.

— А напримѣръ?—спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь, молоды, мы хорошіе люди, положимъ; каждый изъ насъ желаетъ для себя счастья... Но такое ли это слово: „счастье“, которое соединило, воспламенило бы насъ

обоихъ, заставило бы насъ подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ?

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка? какія это слова?

— Да хоть бы искусство,—такъ какъ ты художникъ,— родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь?—спросилъ Шубинъ.

— И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь — наслажденіе, любовь—жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть нумеромъ первымъ.

— Нумеромъ первымъ,—повторилъ Берсеневъ.—А мнѣ кажется, поставить себя нумеромъ вторымъ — все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь,— промолвилъ съ жалобною гримасой Шубинъ: — никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ: всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— Значитъ, ананасы не нужны; а впрочемъ, не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужого рта отнимать.

Оба пріятеля помолчали.

— Я на-дняхъ опять встрѣтилъ Инсарова,—началъ Берсеневъ:—я пригласилъ его къ себѣ; я непремѣнно хочу познакомить его съ тобой... и съ Стаховыми.

— Какой это Инсаровъ? Ахъ да, этотъ сербъ или болгаръ, о которомъ ты мнѣ говорилъ? Патріотъ этотъ? Ужъ не онъ ли внушилъ тебѣ всѣ эти философическія мысли?

— Можетъ-быть.

— Необыкновенный онъ индивидуумъ, что ли?

— Да.

— Умный? Даровитый?

— Умный?.. Даровитый? не знаю, не думаю.

— Нѣтъ? Что же въ немъ замѣчательнаго?

— Вотъ увидишь. А теперь, я думаю, намъ пора идти. — Анна Васильевна насъ, чай, дожидается. Который-то часъ?

— Третій. Пойдемъ. Какъ душно! Этотъ разговоръ во мнѣ всю кровь зажегъ. И у тебя была минута... я не даромъ артистъ: я па все замѣтливъ. Признайся, занимаетъ тебя женщина?..

Шубинъ хотѣлъ заглянуть въ лицо Берсеневу, но онъ отвернулся и вышелъ изъ-подъ липы. Шубинъ отправился вслѣдъ за нимъ, развалисто-граціозно переступая своими маленькими ножками. Берсеневъ двигался неуклюже, высоко поднималъ на ходу плечи, вытягивалъ шею: а все-таки онъ казался болѣе порядочнымъ человѣкомъ, чѣмъ Шубинъ, болѣе джентльменомъ, сказали бы мы, еслибъ это слово не было у насъ такъ опошлено.

II.

Молодые люди спустились къ Москвѣ-рѣкѣ и пошли вдоль ея берега. Отъ воды вѣяло свѣжестью, и тихій плескъ небольшихъ волнъ ласкалъ слухъ.

— Я бы опять выкупался,—заговорилъ Шубинъ: — да боюсь опоздать. Посмотри на рѣку: она словно насъ манитъ. Древніе греки въ ней признали бы нимфу. Но мы не греки, о, нимфа! мы—толстокожіе скиѳы.

— У насъ есть русалки,—замѣтилъ Берсеневъ.

— Поди ты съ своими русалками! На что мнѣ, ваятелю, эти исчадія запуганной, холодной фантазіи, эти образы, рожденные въ духотѣ избы, во мракѣ зимнихъ ночей? Мнѣ нужно свѣта, простора... Когда же, Боже мой, поѣду я въ Италію? Когда...

— То-есть, ты хочешь сказать, въ Малороссію?

— Стыдно тебѣ, Андрей Петровичъ, упрекать меня въ необдуманной глупости, въ которой я, и безъ того, горько раскаиваюсь. Ну да, я поступилъ какъ дуракъ: добрѣйшая Анна Васильевна дала мнѣ денегъ на поѣздку въ Италію, а я отправился къ хохламъ, ѣсть галушки, и...

— Не договаривай, пожалуйста,—перебилъ Берсеневъ.

— И все-таки я скажу, что эти деньги не были истра-

чены даромъ. Я увидалъ тамъ такіе типы, особенно женскіе... Конечно, я знаю: внѣ Италіи нѣтъ спасенія!

— Ты поѣдешь въ Италію,—проговорилъ Берсеневъ, не оборачиваясь къ нему:—и ничего не сдѣлаешь. Будешь все только крыльями размахивать и не полетишь. Знаемъ мы васъ!

— Ставассеръ полетѣлъ же... И не онъ одинъ. А не полечу,—значитъ, я пингуинъ морской, безъ крыльевъ. Мнѣ душно здѣсь, въ Италію хочу,—продолжалъ Шубинъ:—тамъ солнце, тамъ красота...

Молодая дѣвушка, въ широкой соломенной шляпѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, показалась въ это мгновеніе на тропинкѣ, по которой шли пріятели.

— Но что я вижу? И здѣсь къ намъ навстрѣчу идетъ красота! Привѣтъ смиреннаго художника очаровательной Зоѣ!—крикнулъ вдругъ Шубинъ, театрально размахнувъ шляпой.

Молодая дѣвушка, къ которой относилось это восклицаніе, остановилась, погрозила ему пальцемъ и, допустивъ до себя обоихъ пріятелей, проговорила звонкимъ голоскомъ и чуть-чуть картавя:

— Что же вы это, господа, обѣдать не идете? Столъ накрытъ.

— Что я слышу? — заговорилъ, всплеснувъ руками, Шубинъ. — Неужели вы, восхитительная Зоя, въ такую жару рѣшились идти насъ отыскивать? Такъ ли я долженъ понять смыслъ вашей рѣчи? Скажите, неужели? Или нѣтъ, лучше не произносите этого слова: раскаяніе убьетъ меня мгновенно.

— Ахъ, перестаньте, Павелъ Яковлевичъ,—возразила, не безъ досады, дѣвушка: — отчего вы никогда не говорите со мной серьезно? Я разсержусь,—прибавила она съ кокетливой ужимкой, и надула губки.

— Вы не разсердитесь на меня, идеальная Зоя Никитишна: вы не захотите повергнуть меня въ мрачную бездну изступленнаго отчаянія. А серьезно говорить я не умѣю, потому что я не серьезный человѣкъ.

Дѣвушка пожала плечомъ и обратилась къ Берсеневу.

— Вотъ онъ всегда такъ: обходится со мной какъ съ ребенкомъ; а мнѣ ужъ восемнадцать лѣтъ минуло. Я уже большая.

— О, Боже! — простоналъ Шубинъ и закатилъ глаза подъ лобъ; а Берсеневъ усмѣхнулся молча.

Дѣвушка топнула ножкой.

— Павелъ Яковлевичъ! Я разсержусь! Hélène пошла было со мною, — продолжала она:—да осталась въ саду. Ее жара испугала, но я не боюсь жары. Пойдемте.

Она отправилась впередъ по тропинкѣ, слегка раскачивая свой тонкій станъ при каждомъ шагѣ и откидывая хорошенькою ручкой, одѣтой въ черную митенку, мягкіе, длинные локоны отъ лица.

Пріятели пошли за нею (Шубинъ то безмолвно прижималъ руки къ сердцу, то поднималъ ихъ выше головы) и, нѣсколько мгновеній спустя, очутились передъ одною изъ многочисленныхъ дачъ, окружающихъ Кунцово. Небольшой деревянный домикъ съ мезониномъ, выкрашенный розовою краской, стоялъ посреди сада и какъ-то наивно выглядывалъ изъ-за зелени деревьевъ. Зоя первая отворила калитку, вбѣжала въ садъ и закричала: „привела скитальцевъ!“ Молодая дѣвушка съ блѣднымъ и выразительнымъ лицомъ поднялась со скамейки близъ дорожки, а на порогѣ дома показалась дама въ лиловомъ шелковомъ платьѣ и, поднявъ вышитый батистовый платокъ надъ головою для защиты отъ солнца, улыбнулась томно и вяло.

III.

Анна Васильевна Стахова, урожденная Шубина, семи лѣтъ осталась круглой сиротой и наслѣдницей довольно значительнаго имѣнія. У нея были родственники очень богатые и очень бѣдные; бѣдные по отцу, богатые по матери: сенаторъ Волгинъ, князья Чикурасовы. Князь Ардаліонъ Чикурасовъ, назначенный къ ней опекуномъ, помѣстилъ ее въ лучшій московскій пансіонъ, а по выходѣ ея изъ пансіона, взялъ ее къ себѣ въ домъ. Онъ жилъ открыто и давалъ зимой балы. Будущій мужъ Анны Васильевны, Николай Артемьевичъ Стаховъ, завоевалъ ее

на одномъ изъ этихъ баловъ, гдѣ она была въ „прелестномъ розовомъ платьѣ съ куафюрой изъ маленькихъ розъ“. Она берегла эту куафюру... Николай Артемьевичъ Стаховъ, сынъ отставного капитана, раненаго въ двѣнадцатомъ году и получившаго доходное мѣсто въ Петербургѣ, шестнадцати лѣтъ поступилъ въ юнкерскую школу и вышелъ въ гвардію. Онъ былъ красивъ собою, хорошо сложенъ и считался едва ли не лучшимъ кавалеромъ на вечеринкахъ средней руки, которыя посѣщалъ преимущественно: въ большой свѣтъ ему не было дороги. Смолоду его занимали двѣ мечты: попасть въ флигель-адъютанты и выгодно жениться; съ первою мечтой онъ скоро разстался, но тѣмъ крѣпче держался за вторую. Вслѣдствіе этого, онъ каждую зиму ѣздилъ въ Москву. Николай Артемьевичъ порядочно говорилъ по-французски и слылъ философомъ, потому что не кутилъ. Будучи только прапорщикомъ, онъ уже любилъ настойчиво поспорить, напримѣръ, о томъ, можно ли человѣку въ теченіе всей своей жизни объѣздить весь земной шаръ, можно ли ему знать, что̀ происходитъ на днѣ морскомъ — и всегда держался того мнѣнія, что—нельзя.

Николаю Артемьевичу минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ „подцѣпилъ“ Анну Васильевну; онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ деревню хозяйничать. Деревенское житье ему скоро надоѣло, имѣніе же было оброчное; онъ поселился въ Москвѣ, въ домѣ жены. Въ молодости онъ ни въ какія игры не игралъ, а тутъ пристрастился къ лото, а когда запретили лото, къ ералашу. Дома онъ скучалъ; сошелся со вдовой нѣмецкаго происхожденія и проводилъ у ней почти все время. На лѣто 53 года онъ не переѣхалъ въ Кунцово: онъ остался въ Москвѣ, будто бы для того, чтобы пользоваться минеральными водами; въ сущности, ему не хотѣлось разстаться съ своею вдовой. Впрочемъ, онъ и съ ней разговаривалъ мало, а также больше спорилъ о томъ, можно ли предвидѣть погоду и т. д. Разъ кто-то назвалъ его frondeur; это названіе очень ему понравилось. „Да“, думалъ онъ, самодовольно опуская углы губъ и покачиваясь,

„меня удовлетворить не легко; меня не надуешь“. Фрондерство Николая Артемьевича состояло въ томъ, что онъ услышитъ, напримѣръ, слово: нервы, и скажетъ: „а что такое нервы?“ или кто-нибудь упомянетъ при немъ объ успѣхахъ астрономіи, и онъ скажетъ: „а вы вѣрите въ астрономію?“ Когда же онъ хотѣлъ окончательно сразить противника, онъ говорилъ: „все это однѣ фразы“. Должно сознаться, что многимъ лицамъ такого рода возраженія казались (и до сихъ поръ кажутся) неопровержимыми; но Николай Артемьевичъ никакъ не подозрѣвалъ того, что Августина Христіановна въ письмахъ къ своей кузинѣ, Ѳеодолиндѣ Петерзиліусъ, называла его: Mein Pinselchen.

Жена Николая Артемьевича, Анна Васильевна, была маленькая и худенькая женщина съ тонкими чертами лица, склонная къ волненію и грусти. Въ пансіонѣ она занималась музыкой и читала романы, потомъ все это бросила: стала рядиться, и это оставила; занялась-было воспитаніемъ дочери, и тутъ ослабѣла и передала ее на руки къ гувернанткѣ; кончилось тѣмъ, что она только и дѣлала, что грустила и тихо волновалась. Рожденіе Елены Николаевны разстроило ея здоровье, и она уже не могла болѣе имѣть дѣтей; Николай Артемьевичъ намекалъ на это обстоятельство, оправдывая свое знакомство съ Августиной Христіановной. Невѣрность мужа очень огорчала Анну Васильевну; особенно больно ей было то, что онъ однажды обманомъ подарилъ своей нѣмкѣ пару сѣрыхъ лошадей съ ея, Анны Васильевны, собственнаго завода. Въ глаза она его никогда не упрекала, но украдкой жаловалась на него поочередно всѣмъ въ домѣ, даже дочери. Анна Васильевна не любила выѣзжать, ей было пріятно, когда у ней сидѣлъ гость и разсказывалъ что-нибудь; въ одиночествѣ она тотчасъ занемогала. Сердце у ней было очень любящее и мягкое: жизнь ее скоро перемолола.

Павелъ Яковлевичъ Шубинъ доводился ей троюроднымъ племянникомъ. Отецъ его служилъ въ Москвѣ. Братья его поступили въ кадетскіе корпуса; онъ былъ самый

младшій, любимецъ матери, нѣжнаго тѣлосложенія: онъ остался дома. Его назначали въ университетъ, и съ трудомъ поддерживали въ гимназіи. Съ раннихъ лѣтъ началъ онъ оказывать наклонность къ ваянію; тяжеловѣсный сенаторъ Волгинъ увидалъ однажды одну его статуэтку у его тетки (ему было тогда лѣтъ шестнадцать) и объявилъ, что намѣренъ покровительствовать юному таланту. Внезапная смерть отца Шубина чуть-было не измѣнила всей будущности молодого человѣка. Сенаторъ, покровитель талантовъ, подарилъ ему гипсовый бюстъ Гомера — и только; но Анна Васильевна помогла ему деньгами, и онъ, съ грѣхомъ пополамъ, девятнадцати лѣтъ поступилъ въ университетъ, на медицинскій факультетъ. Павелъ не чувствовалъ никакого расположенія къ медицинѣ, но, по существовавшему въ то время штату студентовъ, ни въ какой другой факультетъ поступить было невозможно; притомъ онъ надѣялся поучиться анатоміи. Но онъ не выучился анатоміи; на второй курсъ онъ не перешелъ и, дождавшись экзамена, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы посвятиться исключительно своему призванію. Онъ трудился усердно, но урывками; скитался по окрестностямъ Москвы, лѣпилъ и рисовалъ портреты крестьянскихъ дѣвокъ, сходился съ разными лицами, молодыми и старыми, высокаго и низкаго поле[illegible]ъ итальянскими формовщиками и русскими художн[illegible] слышать не хотѣлъ объ академіи и не призна[illegible]ропливо одного профессора. Талантомъ онъ обладалъ по[illegible] нымъ: его начали знать по Москвѣ. Мать его, [illegible]ъ? — спро-родомъ, хорошей фамиліи, добрая и умная выучила его по-французски, хлопотала и зколѣнъ свои немъ денно и нощно, гордилась имъ и, умѣчно, я очень молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки, упросила Анн того, чтобы взять его къ себѣ на руки. Ему тогда у сказать, что двадцать-первый годъ. Анна Васильевна [illegible]ѣюсь получить послѣднее желаніе: онъ занималъ неболамъ три-четыре во флигелѣ дачи.

ыстро вскинулъ
волосы. Когда

IV.

— Пойдемте же кушать, пойдемте, — проговорила жалостнымъ голосомъ хозяйка, и всѣ отправились въ столовую. — Сядьте подлѣ меня, Zoé, — промолвила Анна Васильевна, — а ты, Hélène, займи гостя, а ты, Paul, пожалуйста, не шали и не дразни Zoé. У меня голова болитъ сегодня.

Шубинъ опять возвелъ глаза къ небу; Zoé отвѣтила ему полу-улыбкой. Эта Zoé, или говоря точнѣе, Зоя Никитишна Мюллеръ, была миленькая, немного косенькая русская нѣмочка съ раздвоеннымъ на концѣ носикомъ и красными крошечными губками, бѣлокурая, пухленькая. Она очень не дурно пѣла русскіе романсы, чистенько разыгрывала на фортепіано разныя, то веселенькія, то чувствительныя штучки; одѣвалась со вкусомъ, но какъ-то по-дѣтски и уже слишкомъ опрятно. Анна Васильевна взяла ее въ компаньонки къ своей дочери и почти постоянно держала ее при себѣ. Елена на это не жаловалась: она рѣшительно не знала, о чемъ ей говорить съ Зоей, когда ей случалось остаться съ ней наединѣ.

Обѣдъ продолжался довольно долго; Берсеневъ разго-
Ник варивалъ съ Еленой объ университетской жизни, о сво-
болѣе и намѣреніяхъ и надеждахъ; Шубинъ прислушивался
это обстоятелъ, ѣлъ съ преувеличенною жадностію, изрѣдка
стиной Христ комически унылые взоры на Зою, которая отвѣ-
Анну Васильев все тою же флегматической улыбкой. Послѣ
однажды обман а съ Берсеневымъ и Шубинымъ отправились
лошадей съ ея, я посмотрѣла имъ вслѣдъ и, слегка пожавъ
Въ глаза она его сѣла за фортепіано. Анна Васильевна проголовалась на него
чери. Анна Васил же вы не идете тоже гулять? — но не до-
пріятно, когда у ѣта, прибавила: — сыграйте мнѣ что-нибудь
нибудь; въ одиночес
у ней было очень л e pensée de Weber? — спросила Зоя.
перемолола. Вебера, — промолвила Анна Васильевна,
Павелъ Яковлевич кресла, и слеза навернулась на ея рѣс-
племянникомъ. Отец
его поступили въ к

Между тѣмъ Елена повела обоихъ пріятелей въ бесѣдку изъ акацій, съ деревяннымъ столикомъ по серединѣ и скамейками вокругъ. Шубинъ оглянулся, подпрыгнулъ нѣсколько разъ и, промолвивъ шопотомъ: „подождите!“, сбѣгалъ къ себѣ въ комнату, принесъ кусокъ глины и началъ лѣпить фигуру Зои, покачивая головой, бормоча и посмѣиваясь.

— Опять старыя шутки,—произнесла Елена, взглянувъ на его работу, и обратилась къ Берсеневу, съ которымъ продолжала разговоръ, начатый за обѣдомъ.

— Старыя шутки!—повторилъ Шубинъ.—Предметъ-то больно неистощимый! Сегодня особенно она меня изъ терпѣнія выводитъ.

— Это почему?—спросила Елена.—Подумаешь, вы говорите о какой-нибудь злой, непріятной старухѣ. Хорошенькая, молоденькая дѣвочка...

— Конечно, — перебилъ Шубинъ: — она хорошенькая, очень хорошенькая; я увѣренъ, что всякій прохожій, взглянувъ на нее, непремѣнно долженъ подумать: вотъ бы съ кѣмъ отлично... польку протанцовать; я также увѣренъ, что она это знаетъ, и что это ей пріятно... Къ чему же эти стыдливыя ужимки, эта скромность? Ну, да вамъ извѣстно, что я хочу сказать,—прибавилъ онъ сквозь зубы.—Впрочемъ, вы теперь другимъ заняты.

И, сломивъ фигуру Зои, Шубинъ принялся торопливо и словно съ досадой лѣпить и мять глину.

— И такъ, вы желали бы быть профессоромъ? — спросила Елена Берсенева.

— Да,—возразилъ тотъ, втискивая между колѣнъ свои красныя руки.—Это моя любимая мечта. Конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ, но я надѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу; пробуду тамъ три-четыре года, если нужно, и тогда...

Онъ остановился, потупился, потомъ быстро вскинулъ глаза и, неловко улыбаясь, поправилъ волосы. Когда

Берсеневъ говорилъ съ женщиной, рѣчь его становилась еще медлительнѣе, и онъ еще болѣе пришепетывалъ.

— Вы хотите быть профессоромъ исторіи? — спросила Елена.

— Да, или философіи, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—если это будетъ возможно.

— Онъ уже теперь силенъ, какъ чортъ, въ философіи,—замѣтилъ Шубинъ, проводя глубокія черты ногтемъ по глинѣ:—на что ему за границу ѣздить?

— И вы будете вполнѣ довольны вашимъ положеніемъ? — спросила Елена, подпершись локтемъ и глядя ему прямо въ лицо.

— Вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучшее призваніе? Помилуйте, пойти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ, да... смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ. Покойный батюшка благословилъ меня на это дѣло... Я никогда не забуду его послѣднихъ словъ.

— Вашъ батюшка скончался нынѣшнею зимой?

— Да, Елена Николаевна, въ февралѣ.

— Говорятъ,—продолжала Елена:—онъ оставилъ замѣчательное сочиненіе въ рукописи; правда ли это?

— Да, оставилъ. Это былъ чудесный человѣкъ. Вы бы полюбили его, Елена Николаевна.

— Я въ этомъ увѣрена. А какое содержаніе этого сочиненія?

— Содержаніе этого сочиненія, Елена Николаевна, передать вамъ въ немногихъ словахъ нѣсколько трудно. Мой отецъ былъ человѣкъ ученый, шеллингіанецъ, онъ употреблялъ выраженія не всегда ясныя...

— Андрей Петровичъ,—перебила его Елена:—извините мое невѣжество, что̀ такое значитъ: шеллингіанецъ?

Берсеневъ слегка улыбнулся.

— Шеллингіанецъ, это значитъ послѣдователь Шеллинга, нѣмецкаго философа, а въ чемъ состояло ученіе Шеллинга...

— Андрей Петровичъ!—воскликнулъ вдругъ Шубинъ:— ради самого Бога! Ужъ не хочешь ли ты прочесть Еленѣ Николаевнѣ лекцію о Шеллингѣ? Пощади!

— Вовсе не лекцію, — пробормоталъ Берсеневъ и покраснѣлъ:—я хотѣлъ...

— А почему жъ бы и не лекцію,—подхватила Елена.— Намъ съ вами лекціи очень нужны, Павелъ Яковлевичъ.

Шубинъ уставился на нее, и вдругъ захохоталъ.

— Чему же вы смѣетесь? — спросила она холодно и почти рѣзко.

Шубинъ умолкъ.

— Ну полноте, не сердитесь, — промолвилъ онъ, спустя немного. — Я виноватъ. Но въ самомъ дѣлѣ, что̀ за охота, помилуйте, теперь, въ такую погоду, подъ этими деревьями, толковать о философіи? Давайте лучше говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ.

— Да; и о французскихъ романахъ, о женскихъ тряпкахъ,—продолжала Елена.

— Пожалуй, и о тряпкахъ,—возразилъ Шубинъ:—если онѣ красивы.

— Пожалуй. Но, если намъ не хочется говорить о тряпкахъ? Вы величаете себя свободнымъ художникомъ, зачѣмъ же вы посягаете на свободу другихъ? И позвольте васъ спросить, при такомъ образѣ мыслей, зачѣмъ вы нападаете на Зою? Съ ней особенно удобно говорить о тряпкахъ и розахъ.

Шубинъ вдругъ вспыхнулъ и приподнялся со скамейки.

— А, вотъ какъ? — началъ онъ нервнымъ голосомъ. — Я понимаю вашъ намекъ; вы меня отсылаете къ ней, Елена Николаевна. Другими словами, я здѣсь лишній?

— Я не думала отсылать васъ отсюда.

— Вы хотите сказать, — продолжалъ запальчиво Шубинъ:—что̀ я не сто̀ю другого общества, что я ей подъ пару, что я такъ же пустъ, и вздоренъ, и мелокъ, какъ эта сладковатая нѣмочка? Не такъ ли-съ?

Елена нахмурила брови.

— Вы не всегда такъ о ней отзывались, Павелъ Яковлевичъ,—замѣтила она.

— А! упрекъ! упрекъ теперь! — воскликнулъ Шубинъ. — Ну да, я не скрываю, была минута, именно одна минута, когда эти свѣжія, пошлыя щечки... Но если бъ я захотѣлъ отплатить вамъ упрекомъ и напомнить вамъ... Прощайте-съ, — прибавилъ онъ вдругъ: — я готовъ завраться.

И, ударивъ рукой по слѣпленной въ видѣ головы глинѣ, онъ выбѣжалъ изъ бесѣдки и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Дитя,—проговорила Елена, поглядѣвъ ему вслѣдъ.

— Художникъ,—промолвилъ съ тихой улыбкой Берсеневъ.—Всѣ художники таковы. Надобно имъ прощать ихъ капризы. Это ихъ право.

— Да, — возразила Елена: — но Павелъ до сихъ поръ еще ничѣмъ не упрочилъ за собой этого права. Что̀ онъ сдѣлалъ до сихъ поръ? Дайте мнѣ руку и пойдемте по аллеѣ. Онъ помѣшалъ намъ. Мы говорили о сочиненіи вашего батюшки.

Берсеневъ взялъ руку Елены и пошелъ съ ней по саду, но начатый разговоръ, слишкомъ рано прерванный, не возобновился; Берсеневъ снова принялся излагать свои воззрѣнія на профессорское званіе, на будущую свою дѣятельность. Онъ тихо двигался рядомъ съ Еленой, неловко выступалъ, неловко поддерживалъ ея руку, изрѣдка толкалъ ее плечомъ, и ни разу не взглянулъ на нее; но рѣчь его текла легко, если не совсѣмъ свободно; онъ выражался просто и вѣрно, и въ глазахъ его, медленно блуждавшихъ по стволамъ деревьевъ, по песку дорожки, по травѣ, свѣтилось тихое умиленіе благородныхъ чувствъ, а въ успокоенномъ голосѣ слышалась радость человѣка, который сознаетъ, что ему удается высказываться передъ другимъ. дорогимъ ему человѣкомъ. Елена слушала его внимательно, и, обернувшись къ нему въ половину, не отводила взора отъ его слегка поблѣднѣвшаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ, хотя избѣгавшихъ встрѣчи съ ея глазами. Душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное,

справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то вырастало въ немъ.

V.

Шубинъ не выходилъ изъ своей комнаты до самой ночи. Уже совсѣмъ стемнѣло, неполный мѣсяцъ стоялъ высоко на небѣ, млечный путь забѣлѣлъ и звѣзды запестрѣли, когда Берсеневъ, простившись съ Анной Васильевной, Еленой и Зоей, подошелъ къ двери своего пріятеля. Онъ нашелъ ее запертою и постучался.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Шубина.

— Я,—отвѣчалъ Берсеневъ.

— Чего тебѣ?

— Впусти меня, Павелъ, полно капризничать; какъ тебѣ не стыдно?

— Я не капризничаю, я сплю и вижу во снѣ Зою.

— Перестань пожалуйста. Ты не ребенокъ. Впусти меня. Мнѣ нужно съ тобою поговорить.

— Ты не наговорился еще съ Еленой?

— Полно же, полно; впусти меня!

Шубинъ отвѣчалъ притворнымъ храпѣньемъ, Берсеневъ пожалъ плечами и отправился домой.

Ночь была тепла и какъ-то особенно безмолвна, точно все кругомъ прислушивалось и караулило; и Берсеневъ, охваченный неподвижною мглою, невольно останавливался и тоже прислушивался и караулилъ. Легкій шорохъ, подобный шелесту женскаго платья, поднимался по временамъ въ верхушкахъ близкихъ деревьевъ и возбуждалъ въ Берсеневѣ ощущеніе сладкое и жуткое, ощущеніе полустраха. Мурашки пробѣгали по его щекамъ, глаза холодѣли отъ мгновенной слезы: ему бы хотѣлось выступать совсѣмъ неслышно, прятаться, красться. Рѣзкій вѣтерокъ набѣжалъ на него сбоку: онъ чуть-чуть вздрогнулъ и замеръ на мѣстѣ; сонный жукъ свалился съ вѣтки и стукнулся о дорогу; Берсеневъ тихо воскликнулъ: а! и опять остановился. Но онъ началъ думать о Еленѣ, и всѣ эти мимолетныя ощущенія исчезли разомъ: оставалось одно живительное впечатлѣніе ночной свѣжести и ноч-

ной прогулки: всю душу его занялъ образъ молодой дѣвушки. Берсеневъ шелъ, потупя голову, и припоминалъ ея слова, ея вопросы. Топотъ быстрыхъ шаговъ почудился ему сзади. Онъ приникъ ухомъ: кто-то бѣжалъ, кто-то догонялъ его; послышалось прерывистое дыханіе, и вдругъ передъ нимъ, изъ чернаго круга тѣни, падавшей отъ большого дерева, безъ шапки на растрепанныхъ волосахъ, весь блѣдный при свѣтѣ луны, вынырнулъ Шубинъ.

— Я радъ, что ты пошелъ по этой дорогѣ, — съ трудомъ проговорилъ онъ: — я бы всю ночь не заснулъ, если бъ я не догналъ тебя. Дай мнѣ руку. Вѣдь ты домой идешь?

— Домой.

— Я тебя провожу.

— Да какъ же ты пойдешь безъ шапки?

— Ничего. Я и галстукъ снялъ. Теперь тепло.

Пріятели сдѣлали нѣсколько шаговъ.

— Не правда ли, я былъ очень глупъ сегодня? — спросилъ внезапно Шубинъ.

— Откровенно говоря, да. Я тебя понять не могъ. Я тебя такимъ никогда не видалъ. И отъ чего ты разсердился, помилуй! Изъ-за какихъ пустяковъ?

— Гмъ, — промычалъ Шубинъ. — Вотъ какъ ты выражаешься, а мнѣ не до пустяковъ. Видишь ли, — прибавилъ онъ: — я долженъ тебѣ замѣтить, что я... что... Думай обо мнѣ, что хочешь... я... ну, да! я влюбленъ въ Елену.

— Ты влюбленъ въ Елену! — повторилъ Берсеневъ, и остановился.

— Да, — съ принужденною небрежностью продолжалъ Шубинъ. — Это тебя удивляетъ? Скажу тебѣ болѣе. До нынѣшняго вечера я могъ надѣяться, что и она со временемъ меня полюбитъ. Но сегодня я убѣдился, что мнѣ надѣяться нечего. Она полюбила другого.

— Другого? кого же?

— Кого? Тебя! — воскликнулъ Шубинъ и ударилъ Берсенева по плечу.

— Меня!

— Тебя,—повторилъ Шубинъ.

Берсеневъ отступилъ шагъ назадъ и остался неподвиженъ. Шубинъ зорко посмотрѣлъ на него.

— И это тебя удивляетъ? Ты скромный юноша. Но она тебя любитъ. На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ.

— Что за вздоръ ты мелешь!—произнесъ наконецъ съ досадой Берсеневъ.

— Нѣтъ, не вздоръ. А впрочемъ, что же мы стоимъ? Пойдемъ впередъ. На ходу легче. Я ее давно знаю, и хорошо ее знаю. Я не могу ошибиться. Ты пришелся ей по-сердцу. Было время, я ей нравился: но, во-первыхъ, я для нея слишкомъ легкомысленный молодой человѣкъ, а ты существо серьезное, ты нравственно и физически опрятная личность, ты... постой, я не кончилъ, ты добросовѣстно-умѣренный энтузіастъ, истый представитель тѣхъ жрецовъ науки, которыми,—нѣтъ, не которыми,—*коими* столь справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства! А, во-вторыхъ, Елена на-дняхъ застала меня цѣлующимъ руки у Зои!

— У Зои?

— Да, у Зои. Что̀ прикажешь дѣлать? У нея плечи такъ хороши.

— Плечи?

— Ну да, плечи, руки, не все ли равно? Елена застала меня посреди этихъ свободныхъ занятій послѣ обѣда, а передъ обѣдомъ я въ ея присутствіи бранилъ Зою. Елена, къ сожалѣнію, не понимаетъ всей естественности подобныхъ противорѣчій. Тутъ *ты* подвернулся: ты вѣришь... во что-бишь, ты вѣришь?.. ты краснѣешь, смущаешься, тоскуешь о Шиллерѣ, о Шеллингѣ (она же все отыскиваетъ замѣчательныхъ людей), вотъ ты и побѣдилъ, а я, несчастный, стараюсь шутить... и... между тѣмъ...

Шубинъ вдругъ заплакалъ, отошелъ въ сторону, присѣлъ на землю и схватилъ себя за волосы.

Берсеневъ приблизился къ нему.

— Павелъ,—началъ онъ:—что это за дѣтство? Помилуй! Что съ тобою сегодня? Богъ знаетъ, какой вздоръ взбрелъ тебѣ въ голову, и ты плачешь. Мнѣ, право, кажется, что ты притворяешься.

Шубинъ поднялъ голову. Слезы блистали на его щекахъ въ лучахъ луны, но лицо его улыбалось.

— Андрей Петровичъ,—заговорилъ онъ:—ты можешь думать обо мнѣ, что тебѣ угодно. Я даже готовъ согласиться, что у меня теперь истерика, но я, ей-Богу, влюбленъ въ Елену, и Елена тебя любитъ. Впрочемъ, я обѣщалъ проводить тебя до дому, и сдержу свое обѣщаніе.

Онъ всталъ.

— Какая ночь! серебристая, темная, молодая! Какъ хорошо теперь тѣмъ, кого любятъ! Какъ имъ весело не спать! Ты будешь спать, Андрей Петровичъ?

Берсеневъ ничего не отвѣчалъ и ускорилъ шаги.

— Куда ты торопишься?—продолжалъ Шубинъ.—Повѣрь моимъ словамъ, такой ночи въ твоей жизни не повторится, а дома ждетъ тебя Шеллингъ. Правда, онъ сослужилъ тебѣ сегодня службу; но ты все-таки не спѣши. Пой, если умѣешь, пой еще громче; если не умѣешь—сними шляпу, закинь голову и улыбайся звѣздамъ. Онѣ всѣ на тебя смотрятъ, на одного тебя: звѣзды только и дѣлаютъ, что смотрятъ на влюбленныхъ людей,—оттого онѣ такъ прелестны. Вѣдь ты влюбленъ, Андрей Петровичъ?.. Ты не отвѣчаешь мнѣ... Отчего ты не отвѣчаешь?—заговорилъ опять Шубинъ.—О, если ты чувствуешь себя счастливымъ, молчи, молчи! Я болтаю, потому что я горемыка, я нелюбимый, я фокусникъ, артистъ, фигляръ; но какіе безмолвные восторги пилъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, если бъ я зналъ, что меня любятъ!.. Берсеневъ, ты счастливъ?

Берсеневъ попрежнему молчалъ и быстро шелъ по ровной дорогѣ. Впереди, между деревьями, замелькали огни деревеньки, въ которой онъ жилъ; она вся состояла изъ десятка небольшихъ дачъ. При самомъ ея началѣ, направо отъ дороги, подъ двумя развѣсистыми березами, находи-

лась мелочная лавочка; окна въ ней уже были всѣ заперты, но широкая полоса свѣта падала вѣеромъ изъ растворенной двери на притоптанную траву и била вверхъ по деревьямъ, рѣзко озаряя бѣловатую изнанку сплошныхъ листьевъ. Дѣвушка, съ виду горничная, стояла въ лавкѣ спиной къ порогу и торговалась съ хозяиномъ: изъподъ краснаго платка, который она накинула себѣ на голову и придерживала обнаженной рукой у подбородка, едва виднѣлась ея круглая щечка и тонкая шейка. Молодые люди вступили въ полосу свѣта, Шубинъ глянулъ во внутренность лавки, остановился и кликнулъ: „Аннушка!“ Дѣвушка живо обернулась. Показалось миловидное, немножко широкое, но свѣжее лицо съ веселыми карими глазами и черными бровями. „Аннушка!“ повторилъ Шубинъ. Дѣвушка всмотрѣлась въ него, испугалась, застыдилась—и, не кончивъ покупки, спустилась съ крылечка, проворно скользнула мимо и, чуть-чуть озираясь, пошла чрезъ дорогу, налѣво. Лавочникъ, человѣкъ пухлый и равнодушный ко всему на свѣтѣ, какъ всѣ загородные мелочные торговцы, крякнулъ и зѣвнулъ ей вслѣдъ, а Шубинъ обратился къ Берсеневу со словами: „это... это, вотъ видишь... тутъ есть у меня знакомое семейство... такъ это у нихъ... ты не подумай“... и не докончивъ рѣчи, побѣжалъ за уходившею дѣвушкой.

— Утри, по крайней мѣрѣ, свои слезы,—крикнулъ ему Берсеневъ, и не могъ удержаться отъ смѣха. Но когда онъ вернулся домой, на лицѣ его не было веселаго выраженія; онъ не смѣялся болѣе. Онъ ни на одно мгновеніе не повѣрилъ тому, что сказалъ ему Шубинъ, но слово, имъ произнесенное, запало глубоко ему въ душу. „Павелъ меня дурачилъ“, думалъ онъ... „но она когда-нибудь полюбитъ... Кого полюбитъ она?“

У Берсенева въ комнатѣ стояло фортепіано, небольшое и не новое, но съ мягкимъ и пріятнымъ, хотя не совсѣмъ чистымъ тономъ. Берсеневъ присѣлъ къ нему и началъ брать аккорды. Какъ всѣ русскіе дворяне, онъ въ молодости учился музыкѣ, и, какъ почти всѣ русскіе дворяне, игралъ очень плохо; но онъ страстно любилъ музыку.

Собственно говоря, онъ любилъ въ ней не искусство, не формы, въ которыхъ она выражается (симфоніи и сонаты, даже оперы наводили на него уныніе), а ея стихію: любилъ тѣ смутныя и сладкія, безпредметныя и всеобъемлющія ощущенія, которыя возбуждаются въ душѣ сочетаніемъ и переливами звуковъ. Болѣе часа не отходилъ онъ отъ фортепіано, много разъ повторяя одни и тѣ же аккорды, неловко отыскивая новые, останавливаясь и замирая на уменьшенныхъ септимахъ. Сердце въ немъ ныло, и глаза не однажды наполнялись слезами. Онъ не стыдился ихъ: онъ проливалъ ихъ въ темнотѣ. „Правъ Павелъ", думалъ онъ, „я предчувствую: этотъ вечеръ не повторится". Наконецъ онъ всталъ, зажегъ свѣчку, накинулъ халатъ, досталъ съ полки второй томъ *Исторіи Гогенштауфеновъ, Раумера* — и, вздохнувъ раза два, прилежно занялся чтеніемъ.

VI.

Между тѣмъ Елена вернулась въ свою комнату, сѣла передъ раскрытымъ окномъ и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечеръ около четверти часа у окна своей комнаты вошло у ней въ привычку. Она бесѣдовала сама съ собою въ это время, отдавала себѣ отчетъ въ протекшемъ днѣ. Ей недавно минулъ двадцатый годъ. Росту она была высокаго, лицо имѣла блѣдное и смуглое, большіе сѣрые глаза подъ круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лобъ и носъ совершенно прямые, сжатый ротъ и довольно острый подбородокъ. Ея темно-русая коса спускалась низко на тонкую шею. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словомъ, что-то такое, что̀ не могло всѣмъ нравиться, что̀ даже отталкивало иныхъ. Руки у ней были узкія, розовыя, съ длинными пальцами, ноги тоже узкія; она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь впередъ. Она росла очень странно;

сперва обожала отца, потомъ страстно привязалась къ матери, и охладѣла къ обоимъ, особенно къ отцу. Въ послѣднее время она обходилась съ матерью, какъ съ больною бабушкой; а отецъ, который гордился ею, пока она слыла за необыкновеннаго ребенка, сталъ ея бояться, когда она выросла, и говорилъ о ней, что она какая-то восторженная республиканка, Богъ знаетъ въ кого! Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала „во вѣки вѣковъ“; требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, — а судъ произносила она скоро, часто слишкомъ скоро, — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея. Всѣ впечатлѣнія рѣзко ложились въ ея душу: не легко давалась ей жизнь.

Гувернантка, которой Анна Васильевна поручила докончить воспитаніе своей дочери,—воспитаніе, замѣтимъ въ скобкахъ, даже не начатое скучавшей барыней,—была изъ русскихъ, дочь разорившагося взяточника, институтка, очень чувствительное, доброе и лживое существо; она то-и-дѣло влюблялась и кончила тѣмъ, что въ пятидесятомъ году (когда Еленѣ минуло семнадцать лѣтъ) вышла замужъ за какого-то офицера, который тутъ же ее и бросилъ. Гувернантка эта очень любила литературу и сама пописывала стишки; она пріохотила Елену къ чтенію, но чтеніе одно ея не удовлетворяло: она съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра; нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала объ нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; милостыню она подавала заботливо, съ невольною важностью, почти съ волненіемъ. Всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады, находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими. Мать не мѣшала ей, зато отецъ очень негодовалъ на свою дочь, за ея, какъ онъ выражался, пошлое нѣжничанье, и увѣрялъ, что отъ собакъ да кошекъ въ домѣ ступить негдѣ. „Леночка“,

кричалъ онъ ей бывало: „иди скорѣй, паукъ муху сосетъ, освобождай несчастную!“ И Леночка, вся встревоженная, прибѣгала, освобождала муху, расклеивала ей лапки. „Ну, теперь дай себя покусать, коли ты такая добрая“, иронически замѣчалъ отецъ; но она его не слушала. На десятомъ году, Елена познакомилась съ нищею дѣвочкой, Катей, и тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривеннички — игрушекъ Катя не брала. Она садилась съ ней рядомъ на сухую землю, въ глуши, за кустомъ крапивы; съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черствый хлѣбъ, слушала ея разсказы. У Кати была тетка, злая старуха, которая ее часто била; Катя ее ненавидѣла и все говорила о томъ, какъ она убѣжитъ отъ тетки, какъ будетъ жить на *всей Божьей волѣ*; съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала Елена этимъ невѣдомымъ, новымъ словамъ, пристально смотрѣла на Катю, и все въ ней тогда—ея черные, быстрые, почти звѣриные глаза, ея загорѣлыя руки, глухой голосокъ, даже ея изорванное платье — казалось Еленѣ чѣмъ-то особеннымъ, чуть не священнымъ. Елена возвращалась домой и долго потомъ думала о нищихъ, о Божьей волѣ; думала о томъ, какъ она вырѣжетъ себѣ орѣховую палку, и сумку надѣнетъ, и убѣжитъ съ Катей, какъ она будетъ скитаться по дорогамъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ: она однажды видѣла Катю въ такомъ вѣнкѣ. Входилъ ли въ это время кто-нибудь изъ родныхъ въ комнату, она дичилась и глядѣла букой. Однажды она въ дождь бѣгала на свиданье съ Катей и запачкала себѣ платье: отецъ увидалъ ее и назвалъ замарашкой, крестьянкой. Она вспыхнула вся—и страшно, и чудно стало ей на сердцѣ. Катя часто напѣвала какую-то полудикую, солдатскую пѣсенку; Елена выучилась у ней этой пѣсенкѣ... Анна Васильевна подслушала ее и пришла въ негодованіе.

— Откуда ты набралась этой мерзости?—спросила она свою дочь.

Елена только посмотрѣла на мать и ни слова не сказала: она почувствовала, что скорѣе позволитъ растерзать себя на части, чѣмъ выдастъ свою тайну, и опять стало ей и

страшно, и сладко на сердцѣ. Впрочемъ, знакомство ея съ Катей продолжалось не долго; бѣдная дѣвочка занемогла горячкой и черезъ нѣсколько дней умерла.

Елена очень тосковала и долго по ночамъ заснуть не могла, когда узнала о смерти Кати. Послѣднія слова нищей дѣвочки безпрестанно звучали у ней въ ушахъ и ей самой казалось, что ее зовутъ...

А годы шли да шли; быстро и не слышно, какъ подснѣжныя воды, протекала молодость Елены, въ бездѣйствіи внѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ. Подругъ у ней не было: изо всѣхъ дѣвицъ, посѣщавшихъ домъ Стаховыхъ, она не сошлась ни съ одной. Родительская власть никогда не тяготѣла надъ Еленой, а съ шестнадцатилѣтняго возраста она стала почти совсѣмъ независима; она зажила собственною своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа и разгоралась, и погасала одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было: никто не стѣснялъ ея, никто ея не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. „Какъ жить безъ любви? а любить некого!“ думала она, и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній. Восемнадцати лѣтъ она чуть не умерла отъ злокачественной лихорадки; потрясенный до основанія, весь ея организмъ, отъ природы здоровый и крѣпкій, долго не могъ справиться: послѣдніе слѣды болѣзни исчезли наконецъ, но отецъ Елены Николаевны все не безъ озлобленія толковалъ объ ея нервахъ. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи. Потомъ она утихала, даже смѣялась надъ собой, безпечно проводила день за днемъ, но внезапно что-то сильное, безымянное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталыя, не взлетѣвшія крылья; но эти порывы не обходились ей даромъ. Какъ она ни старалась не выдать того, что въ ней происходило, тоска взволнованной души сказывалась

въ самомъ ея наружномъ спокойствіи, и родные ея часто были въ правѣ пожимать плечами, удивляться и не понимать ея „странностей“.

Въ день, съ котораго начался нашъ разсказъ, Елена дольше обыкновеннаго не отходила отъ окна. Она много думала о Берсеневѣ, о своемъ разговорѣ съ нимъ. Онъ ей нравился; она вѣрила теплотѣ его чувствъ, чистотѣ его намѣреній. Онъ никогда еще такъ не говорилъ съ ней, какъ въ тотъ вечеръ. Она вспомнила выраженіе его несмѣлыхъ глазъ, его улыбки—и сама улыбнулась и задумалась, но уже не о немъ. Она принялась глядѣть въ „ночь“ черезъ открытое окно. Долго глядѣла она на темное, низко-нависшее небо; потомъ она встала, движеніемъ головы откинула отъ лица волосы и, сама не зная зачѣмъ, протянула къ нему, къ этому небу, свои обнаженныя, похолодѣвшія руки; потомъ она ихъ уронила, стала на колѣни передъ своею постелью, прижалась лицомъ къ подушкѣ и, несмотря на всѣ свои усилія не поддаться нахлынувшему на нее чувству, заплакала какими-то странными, недоумѣвающими, но жгучими слезами.

VII.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Берсеневъ отправился на обратномъ извозчикѣ въ Москву. Ему нужно было получить съ почты деньги, купить кое-какія книги, да кстати ему хотѣлось повидаться съ Инсаровымъ и переговорить съ нимъ. Берсеневу, во время послѣдней бесѣды съ Шубинымъ, пришла мысль пригласить Инсарова къ себѣ на дачу. Но онъ не скоро отыскалъ его: съ прежней своей квартиры онъ переѣхалъ на другую, до которой добраться было нелегко: она находилась на заднемъ дворѣ безобразнаго каменнаго дома, построеннаго на петербургскій маперъ между Арбатомъ и Поварской. Тщетно Берсеневъ скитался отъ одного грязнаго крылечка къ другому, тщетно взывалъ то къ дворнику, то къ „кому-нибудь“. Дворники и въ Петербургѣ стараются избѣгать взоровъ посѣтителей, а въ Москвѣ подавно: никто не откликнулся Берсеневу; только любопытный портной, въ одномъ жи-

летѣ и съ моткомъ сѣрыхъ нитокъ на плечѣ, выставилъ молча изъ высокой форточки свое тусклое и небритое лицо съ подбитымъ глазомъ, да черная безрогая коза, взобравшаяся на навозную кучу, обернулась, проблеяла жалобно и проворнѣе прежняго зажевала свою жвачку. Какая-то женщина въ старомъ салопѣ и стоптанныхъ сапогахъ сжалилась, наконецъ, надъ Берсеневымъ и указала ему квартиру Инсарова. Берсеневъ засталъ его дома. Онъ нанималъ комнату у самаго того портного, который столь равнодушно взиралъ изъ форточки на затрудненіе забредшаго человѣка,—большую, почти совсѣмъ пустую комнату съ темнозелеными стѣнами, тремя квадратными окнами, крошечною кроваткой въ одномъ углу, кожанымъ диванчикомъ въ другомъ и громадной клѣткой, подвѣшенной подъ самый потолокъ; въ этой клѣткѣ когда-то жилъ соловей. Инсаровъ пошелъ навстрѣчу Берсеневу, какъ только тотъ переступилъ порогъ дверей, но не воскликнулъ: „а, это вы!“ или: „ахъ, Боже мой! какими судьбами?“ не сказалъ даже: „здравствуйте“, а просто стиснулъ ему руку и подвелъ его къ единственному, находившемуся въ комнатѣ, стулу.

— Сядьте, — сказалъ онъ, и самъ присѣлъ на край стола.

— У меня, вы видите, еще безпорядокъ, — прибавилъ Инсаровъ, указывая на груду бумагъ и книгъ на полу:— еще не обзавелся, какъ должно. Некогда еще было.

Инсаровъ говорилъ по-русски совершенно правильно, крѣпко и чисто произнося каждое слово; но его гортанный, впрочемъ пріятный голосъ звучалъ чѣмъ-то не русскимъ. Иностранное происхожденіе Инсарова (онъ былъ болгаръ родомъ) еще яснѣе сказывалось въ его наружности: это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, худощавый и жилистый, съ впалою грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные, прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови, когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ

отчетливо очерченныхъ, губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый до верху.

— Зачѣмъ вы съ прежней вашей квартиры съѣхали?— спросилъ его Берсеневъ.

— Эта дешевле; къ университету ближе.

— Да вѣдь теперь вакаціи... И что̀ вамъ за охота жить въ городѣ лѣтомъ! Нанялн бы дачу, коли ужъ рѣшились переѣзжать.

Инсаровъ ничего не отвѣчалъ на это замѣчаніе и предложилъ Берсеневу трубку, промолвивъ: „извините, папиросъ и сигаръ не имѣю“.

Берсеневъ закурилъ трубку.

— Вотъ я, — продолжалъ онъ: — нанялъ себѣ домикъ возлѣ Кунцова. Очень дешево и очень удобно. Такъ что даже лишняя есть комната наверху.

Инсаровъ опять ничего не отвѣчалъ.

Берсеневъ затянулся.

— Я даже думалъ,—заговорилъ онъ снова, выпуская дымъ тонкою струей:—что если бы, напримѣръ, нашелся кто-нибудь... вы, напримѣръ, такъ думалъ я... который бы захотѣлъ... который бы согласился помѣститься у меня тамъ наверху... какъ бы это хорошо было! Какъ вы полагаете, Дмитрій Никанорычъ?

Инсаровъ вскинулъ на него свои небольшіе глазки.

— Вы мнѣ предлагаете жить у васъ на дачѣ?

— Да; у меня наверху тамъ есть лишняя комната.

— Очень вамъ благодаренъ, Андрей Петровичъ; но я полагаю, средства мои мнѣ не позволяютъ.

— То-есть, какъ же не позволяютъ?

— Не позволяютъ жить на дачѣ. Мнѣ двѣ квартиры держать невозможно.

— Да вѣдь я...—началъ-было Берсеневъ и остановился.— Вамъ отъ этого никакихъ лишнихъ расходовъ бы не было,—продолжалъ онъ.—Здѣшняя квартира осталась бы, положимъ, за вами; зато тамъ все очень дешево; можно бы даже такъ устроиться, чтобъ обѣдать, напримѣръ, вмѣстѣ.

Инсаровъ молчалъ. Берсеневу стало неловко.

— По крайней мѣрѣ, навѣстите меня когда-нибудь,— началъ онъ, погодя немного.—Отъ меня въ двухъ шагахъ живетъ семейство, съ которымъ мнѣ очень хочется васъ познакомить. Какая тамъ есть чудная дѣвушка, если бы вы знали, Инсаровъ! Тамъ также живетъ одинъ мой близкій пріятель, человѣкъ съ большимъ талантомъ; я увѣренъ, что вы съ нимъ сойдетесь. (Русскій человѣкъ любитъ потчивать—коли нечѣмъ инымъ, такъ своими знакомыми.)—Право, пріѣзжайте. А еще лучше, переселяйтесь къ намъ, право. Мы бы могли вмѣстѣ работать, читать... Я, вы знаете, занимаюсь исторіей, философіей. Все это васъ интересуетъ, у меня книгъ много.

Инсаровъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Позвольте узнать,—спросилъ онъ, наконецъ:—сколько вы платите за вашу дачу?

— Сто рублей серебромъ.

— А сколько въ ней комнатъ?

— Пять.

— Стало-быть, по расчету, приходилось бы за одну комнату двадцать рублей?

— По расчету... Да помилуйте, она мнѣ совсѣмъ не нужна. Просто, стоитъ пустая.

— Можетъ-быть; но послушайте,—прибавилъ Инсаровъ съ рѣшительнымъ и въ то же время простодушнымъ движеніемъ головы.—Я только въ такомъ случаѣ могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, если вы согласитесь взять съ меня деньги по расчету. Двадцать рублей дать я въ силахъ, тѣмъ болѣе, что, по вашимъ словамъ, я буду тамъ дѣлать экономію на всемъ прочемъ.

— Разумѣется; но право же мнѣ совѣстно.

— Иначе нельзя, Андрей Петровичъ.

— Ну, какъ хотите; только какой же вы упрямый!

Инсаровъ опять ничего не отвѣтилъ.

Молодые люди условились насчетъ дня, въ который Инсаровъ долженъ былъ переселиться. Позвали хозяина; но онъ сперва прислалъ свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи, съ огромнымъ пестрымъ платкомъ на головѣ; она внимательно, чуть не съ ужасомъ, выслушала все, что̀ ей ска-

залъ Инсаровъ, и ушла молча; вслѣдъ за ней появилась ея мать, беременная на сносѣ, тоже съ платкомъ на головѣ, только крошечнымъ. Инсаровъ объяснилъ ей, что онъ переѣзжаетъ на дачу возлѣ Кунцова, но оставляетъ квартиру за собой и поручаетъ ей всѣ свои вещи; портниха тоже словно испугалась и удалилась. Наконецъ, пришелъ хозяинъ; этотъ сначала какъ-будто все понялъ и только задумчиво проговорилъ: „возлѣ Кунцова?“ а потомъ вдругъ отперъ дверь и закричалъ: „За вами, штоль, фатера?“ Инсаровъ его успокоилъ. „Потому, надо знать“, повторилъ портной сурово и скрылся.

Берсеневъ отправился во-свояси, очень довольный успѣхомъ своего предложенія. Инсаровъ проводилъ его до двери съ любезною, въ Россіи мало употребительною вѣжливостью, и, оставшись одинъ, бережно снялъ сюртукъ и занялся раскладываніемъ своихъ бумагъ.

VIII.

Вечеромъ того же дня, Анна Васильевна сидѣла въ своей гостиной и собиралась плакать. Кромѣ ея, въ комнатѣ находился ея мужъ, да еще нѣкто Уваръ Ивановичъ Стаховъ, троюродный дядя Николая Артемьевича, отставной корнетъ лѣтъ шестидесяти, человѣкъ тучный до неподвижности, съ сонливыми желтыми глазками и безцвѣтными толстыми губами на желтомъ пухломъ лицѣ. Онъ съ самой отставки постоянно жилъ въ Москвѣ процентами съ небольшого капитала, оставленнаго ему женой изъ купчихъ. Онъ ничего не дѣлалъ и наврядъ ли думалъ, а если и думалъ, такъ берегъ свои думы про себя. Разъ только въ жизни онъ пришелъ въ волненіе и оказалъ дѣятельность, а именно: онъ прочелъ въ газетахъ о новомъ инструментѣ на всемірной лондонской выставкѣ: „контробомбардонѣ“ и пожелалъ выписать себѣ этотъ инструментъ, даже спрашивалъ, куда послать деньги и чрезъ какую контору? Уваръ Ивановичъ носилъ просторный сюртукъ табачнаго цвѣта и бѣлый платокъ на шеѣ, ѣлъ часто и много, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, то-есть всякій разъ, когда ему приходилось выра-

зить какое-либо мнѣніе, судорожно двигалъ пальцами правой руки по воздуху, сперва отъ большого пальца къ мизинцу, потомъ отъ мизинца къ большому пальцу, съ трудомъ приговаривая: „надо бы... какъ-нибудь, того...“

Уваръ Ивановичъ сидѣлъ въ креслахъ возлѣ окна и дышалъ напряженно, Николай Артемьевичъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы; лицо его выражало неудовольствіе.

Онъ остановился, наконецъ, и покачалъ головой.

— Да, — началъ онъ: — въ наше время молодые люди были иначе воспитаны. Молодые люди не позволяли себѣ манкировать старшимъ. (Онъ произнесъ: *ман*, въ носъ, по-французски.) А теперь я только гляжу и удивляюсь. Можетъ-быть, не правъ *я*, а они правы; можетъ-быть. Но все же у меня есть свой взглядъ на вещи: не олухомъ же я родился. Какъ вы объ этомъ думаете, Уваръ Ивановичъ?

Уваръ Ивановичъ только поглядѣлъ на него и поигралъ пальцами.

— Елену Николаевну, напримѣръ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ: — Елену Николаевну я не понимаю, точно. Я для нея не довольно возвышенъ. Ея сердце такъ обширно, что обнимаетъ всю природу, до малѣйшаго таракана или лягушки, словомъ, все, за исключеніемъ родного отца. Ну, прекрасно; я это знаю и ужъ не суюсь. Потому тутъ и нервы, и ученость, и паренье въ небеса, это все не по нашей части. Но г. Шубинъ... положимъ, онъ артистъ удивительный, необыкновенный, я объ этомъ не спорю; однако манкировать старшему, человѣку, которому онъ все-таки, можно сказать, обязанъ многимъ, — это я, признаюсь, dans mon gros bon sens допустить не могу. Я отъ природы не взыскателенъ, нѣтъ, но всему есть мѣра.

Анна Васильевна позвонила съ волненіемъ. Вошелъ казачокъ.

— Что-жъ Павелъ Яковлевичъ не идетъ,—проговорила она.—Что это, я его дозваться не могу?

Николай Артемьевичъ пожалъ плечами.

— Да на что̀, помилуйте, вы хотите его позвать? Я этого вовсе не требую, не желаю даже.

— Какъ на что̀, Николай Артемьевичъ? Онъ васъ обезпокоилъ; можетъ-быть, помѣшалъ курсу вашего лѣченія. Я хочу объясниться съ нимъ. Я хочу знать, чѣмъ онъ могъ васъ прогнѣвать.

— Я вамъ повторяю, что я этого не требую. И что̀ за охота... devant les domestiques...

Анна Васильевна слегка покраснѣла.

— Напрасно вы это говорите, Николай Артемьевичъ. Я никогда... devant... les domestiques... Ступай, Ѳедюшка, да смотри, сейчасъ приведи сюда Павла Яковлевича.

Казачокъ вышелъ.

— И нисколько это все не нужно,—проговорилъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ, и снова принялся шагать по комнатѣ.—Я совсѣмъ не къ тому рѣчь велъ.

— Помилуйте, Paul долженъ извиниться передъ вами.

— Помилуйте, на что мнѣ его извиненія? И что̀ такое извиненія? Это все фразы.

— Какъ на что̀? его вразумить надо.

— Вразумите его вы сами. Онъ васъ скорѣй послушаетъ. А я на него не въ претензіи.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, вы сегодня съ самаго вашего пріѣзда не въ духѣ. Вы даже на мои глаза похудѣли въ послѣднее время. Я боюсь, что курсъ лѣченія вамъ не помогаетъ.

— Курсъ лѣченія мнѣ необходимъ,—замѣтилъ Николай Артемьевичъ:—у меня печень не въ порядкѣ.

Въ это мгновеніе вошелъ Шубинъ. Онъ казался усталымъ. Легкая, чуть-чуть насмѣшливая улыбка играла на его губахъ.

— Вы меня спрашивали, Анна Васильевна? — промолвилъ онъ.

— Да, конечно, спрашивала. Помилуй, Paul, это ужасно. Я тобой очень недовольна. Какъ ты можешь манкировать Николаю Артемьевичу?

— Николай Артемьевичъ вамъ жаловался на меня? —

спросилъ Шубинъ и съ тою же усмѣшкой на губахъ глянулъ на Стахова.

Тотъ отвернулся и опустилъ глаза.

— Да, жаловался. Я не знаю, чѣмъ ты передъ нимъ провинился, но ты долженъ сейчасъ извиниться, потому что его здоровье очень теперь разстроено, и наконецъ мы всѣ въ молодыхъ лѣтахъ должны уважать своихъ благодѣтелей.

„Эхъ, логика!“ подумалъ Шубинъ и обратился къ Стахову:

— Я готовъ извиниться передъ вами, Николай Артемьевичъ,—проговорилъ онъ съ учтивымъ полупоклономъ:—если я васъ точно чѣмъ-нибудь обидѣлъ.

— Я вовсе... не съ тѣмъ,—возразилъ Николай Артемьевичъ, попрежнему избѣгая взоровъ Шубина. — Впрочемъ, я охотно васъ прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человѣкъ.

— О, это не подвержено никакому сомнѣнію! — промолвилъ Шубинъ. — Но позвольте полюбопытствовать: извѣстно ли Аннѣ Васильевнѣ, въ чемъ именно состоитъ моя вина?

— Нѣтъ, я ничего не знаю,—замѣтила Анна Васильевна и вытянула шею.

— О, Боже мой! — торопливо воскликнулъ Николай Артемьевичъ: — сколько разъ ужъ я просилъ, умолялъ, сколько разъ говорилъ, какъ мнѣ противны всѣ эти объясненія и сцены! Въ кои-то вѣки пріѣдешь домой, хочешь отдохнуть, — говорятъ: семейный кругъ, intérieur, будь семьяниномъ;—а тутъ сцены, непріятности. Минуты нѣтъ покоя. Поневолѣ поѣдешь въ клубъ или... или куда-нибудь. Человѣкъ живой, у него физика, она имѣетъ свои требованія, а тутъ...

И не докончивъ начатой рѣчи, Николай Артемьевичъ быстро вышелъ вонъ и хлопнулъ дверью. Анна Васильевна посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Въ клубъ?— горько прошептала она: — не въ клубъ вы ѣдете, вѣтрепикъ! Въ клубѣ некому дарить лошадей собственнаго завода — да еще сѣрыхъ! Любимой моей

масти. Да, да, легкомысленный человѣкъ,—прибавила она, возвысивъ голосъ:—не въ клубъ вы ѣдете. А ты, Paul,—продолжала она вставая:—какъ тебѣ не стыдно? Кажется, не маленькій. Вотъ теперь у меня голова заболѣла. Гдѣ Зоя, не знаешь?

— Кажется, у себя на верху. Разсудительная сія лисичка въ такую погоду всегда въ свою норку прячется.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста!—Анна Васильевна поискала вокругъ себя. — Рюмочку мою съ натертымъ хрѣномъ ты не видѣлъ? Paul, сдѣлай одолженіе, впередъ не серди меня.

— Гдѣ васъ разсердить, тетушка? Дайте мнѣ вашу ручку поцѣловать. А хрѣнъ вашъ я видѣлъ въ кабинетѣ на столикѣ.

— Дарья его вѣчно гдѣ-нибудь позабудетъ, — промолвила Анна Васильевна и удалилась, шумя шелковымъ платьемъ.

Шубинъ хотѣлъ-было пойти за ней, но остановился, услышавъ за собою медленный голосъ Увара Ивановича.

— Не такъ бы тебя, молокососа... слѣдовало,—говорилъ въ перемежку отставной корнетъ.

Шубинъ подошелъ къ нему.

— А за что же бы меня слѣдовало, достохвальный Уваръ Ивановичъ?

— За что? Младъ ты, такъ уважай. Да.

— Кого?

— Кого? Извѣстно, кого. Скаль зубы-то.

Шубинъ скрестилъ руки на груди.

— Ахъ вы, представитель хорового начала,—воскликнулъ онъ:—черноземная вы сила, фундаментъ вы общественнаго зданія!

Уваръ Ивановичъ заигралъ пальцами.

— Полно, братъ, не искушай.

— Вѣдь вотъ, — продолжалъ Шубинъ: — не молодой, кажется, дворянинъ, а сколько въ немъ еще таится счастливой, дѣтской вѣры! Уважать! Да знаете ли вы, стихійный вы человѣкъ, за что Николай Артемьевичъ гнѣвается на меня? Вѣдь я съ нимъ сегодня цѣлое утро

провелъ у его нѣмки; вѣдь мы сегодня втроемъ пѣли: „Не отходи отъ меня“; вотъ бы вы послушали. Васъ, кажется, это беретъ. Пѣли мы, сударь мой, пѣли — ну, и скучно мнѣ стало; вижу я: дѣло неладно, нѣжности много. Я и началъ дразнить обоихъ. Хорошо вышло. Сперва она на меня разсердилась; а потомъ на него; а потомъ онъ на нее разсердился и сказалъ ей, что онъ только дома счастливъ, и что у него тамъ рай, а она ему сказала, что онъ нравственности не имѣетъ; а я ей сказалъ: Ахъ! по-нѣмецки; онъ ушелъ, а я остался; онъ пріѣхалъ сюда, въ рай, то-есть, а въ раю ему тошно. Вотъ онъ и принялся брюзжать. Ну-съ, кто теперь, по-вашему, виноватъ?

— Конечно ты,—возразилъ Уваръ Ивановичъ.

Шубинъ уставился на него.

— Осмѣлюсь спросить у васъ, почтенный витязь, — началъ онъ подобострастнымъ голосомъ:—эти загадочныя слова вы изволили произнести вслѣдствіе какого-либо соображенія вашей мыслительной способности, или же подъ наитіемъ мгновенной потребности произвести сотрясеніе въ воздухѣ, называемое звукомъ?

— Не искушай, говорятъ, — простоналъ Уваръ Ивановичъ...

Шубинъ засмѣялся и выбѣжалъ вонъ.

— Эй,—воскликнулъ, четверть часа спустя, Уваръ Ивановичъ:—того... рюмку водки.

Казачокъ принесъ водки и закуску на подносѣ. Уваръ Ивановичъ тихонько взялъ съ подноса рюмку и долго, съ усиленнымъ вниманіемъ глядѣлъ на нее, какъ будто не понимая хорошенько, что у него такое въ рукѣ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на казачка и спросилъ: не Васькой ли его зовутъ? Потомъ онъ принялъ огорченный видъ, выпилъ водки, закусилъ и полѣзъ доставать носовой платокъ изъ кармана. Но казачокъ уже давно отнесъ подносъ и графинъ на мѣсто, и остатокъ селедки съѣлъ, и уже успѣлъ соснуть, прикорнувъ къ барскому пальто, а Уваръ Ивановичъ все еще держалъ платокъ передъ собою на растопыренныхъ пальцахъ и съ тѣмъ же уси-

леннымъ вниманіемъ посматривалъ то въ окно, то на полъ и стѣны.

IX.

Шубинъ вернулся къ себѣ во флигель и раскрылъ-было книгу. Камердинеръ Николая Артемьевича осторожно вошелъ въ его комнату и вручилъ ему небольшую трехугольную записку, запечатанную крупною гербовою печатью. „Я надѣюсь, — стояло въ запискѣ: — что вы, какъ честный человѣкъ, не позволите себѣ намекнуть даже единымъ словомъ на нѣкоторый вексель, о которомъ была сегодня утромъ рѣчь. Вамъ извѣстны мои отношенія и мои правила, незначительность самой суммы и другія обстоятельства, наконецъ есть семейныя тайны, которыя должно уважать, и семейное спокойствіе есть такая святыня, которую одни êtres sans coeur, къ которымъ я не имѣю причины васъ причислить, отвергаютъ! (Сію записку возвратите.) Н. С.“

Шубинъ начертилъ внизу карандашомъ: „Не безпокойтесь, я еще пока платковъ изъ кармановъ не таскаю“; возвратилъ записку камердинеру и снова взялся за книгу. Но она скоро выскользнула у него изъ рукъ. Онъ посмотрѣлъ на заалѣвшееся небо, на двѣ молодыя могучія сосны, стоявшія особнякомъ отъ остальныхъ деревьевъ, подумалъ: „днемъ сосны синеватыя бываютъ, а какія онѣ великолѣпно-зеленыя вечеромъ“, и отправился въ садъ, съ тайною надеждой встрѣтить тамъ Елену. Онъ не обманулся. Впереди, на дорогѣ между кустами, мелькнуло ея платье. Онъ нагналъ ее и, поровнявшись съ нею, промолвилъ:

— Не глядите въ мою сторону, я не стою.

Она бѣгло взглянула на него, бѣгло улыбнулась и пошла дальше, въ глубь сада. Шубинъ отправился вслѣдъ за нею.

— Я прошу васъ не смотрѣть на меня, — началъ онъ: — а заговариваю съ вами: противорѣчіе явное! Но это все равно; мнѣ не впервой. Я сейчасъ вспомнилъ, что я еще не попросилъ у васъ, какъ слѣдуетъ, прощенія въ моей

глупой вчерашней выходкѣ. Вы не сердитесь на меня, Елена Николаевна?

Она остановилась и не тотчасъ отвѣчала ему—не потому, чтобъ она сердилась, а ея мысли были далеко.

— Нѣтъ, — сказала она наконецъ: — я нисколько не сержусь.

Шубинъ закусилъ губу.

— Какое озабоченное... и какое равнодушное лицо!— пробормоталъ онъ.—Елена Николаевна,—продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ:—позвольте мнѣ разсказать вамъ маленькій анекдотецъ. У меня былъ пріятель, а у этого пріятеля былъ тоже пріятель, который сперва велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а потомъ запилъ. Вотъ однажды рано поутру, мой пріятель встрѣчаетъ его на улицѣ (а ужъ они, замѣтьте, раззнакомились), встрѣчаетъ его и видитъ, что онъ пьянъ. Мой пріятель взялъ да отвернулся отъ него. А тотъ-то подошелъ, да и говоритъ: „Я бы не разсердился, говоритъ, если бъ вы не поклонились, но зачѣмъ отворачиваться? Можетъ-быть, это я съ горя. Миръ моему праху!“

Шубинъ умолкъ.

— И только?—спросила Елена.

— Только.

— Я васъ не понимаю. На что вы намекаете? Сейчасъ вы говорили мнѣ, чтобъ я не глядѣла въ вашу сторону.

— Да, а теперь я вамъ разсказалъ, какъ не хорошо отворачиваться.

— Да развѣ я...—начала-было Елена.

— А развѣ нѣтъ?

Елена слегка покраснѣла и протянула Шубину руку. Онъ крѣпко пожалъ ее.

— Вотъ вы меня какъ будто поймали на дурномъ чувствѣ, — сказала Елена: — ваше подозрѣніе не справедливо. Я и не думала чуждаться васъ.

— Положимъ, положимъ. Но сознайтесь, что у васъ въ эту минуту тысяча мыслей въ головѣ, изъ которыхъ вы мнѣ ни одной не повѣрите. Что? небось, не правду я сказалъ?

— Можетъ-быть.

— Да отчего же это? отчего?

— Мои мысли мнѣ самой не ясны,—проговорила Елена.

— Тутъ-то ихъ и довѣрять другому,—подхватилъ Шубинъ. — Но я вамъ скажу, въ чемъ дѣло. Вы дурного мнѣнія обо мнѣ.

— Я?

— Да, вы. Вы воображаете, что во мнѣ все наполовину притворно, потому что я художникъ; что я не способенъ не только ни на какое дѣло, — въ этомъ вы, вѣроятно, правы, — но даже ни къ какому истинному, глубокому чувству: что я и плакать-то искренно не могу, что я болтунъ и сплетникъ, — и все потому, что я художникъ. Что же мы, послѣ этого, за несчастные, Богомъ убитые люди? Вы, напримѣръ, я побожиться готовъ, не вѣрите въ мое раскаяніе.

— Нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю. Но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже.

Шубинъ дрогнулъ.

— Ну, я вижу, это, какъ выражаются доктора, неизлѣчимый казусъ, casus incurabilis. Тутъ остается только поникнуть головой, да покориться. А между тѣмъ, Господи, неужели это правда, неужели же я все съ собой вожусь, когда рядомъ живетъ такая душа? И знать, что никогда не проникнешь въ эту душу, никогда не будешь вѣдать, отчего она груститъ, отчего она радуется, что̀ въ ней бродитъ, чего ей хочется, куда она идетъ... Скажите,— промолвилъ онъ, послѣ небольшого молчанія: — вы никогда, ни за что, ни въ какомъ случаѣ не полюбили бы художника?

Елена посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Не думаю, Павелъ Яковлевичъ; нѣтъ.

— Что̀ и требовалось доказать,—проговорилъ съ комической унылостію Шубинъ. — За симъ, я полагаю, мнѣ приличнѣе не мѣшать вашей уединенной прогулкѣ. Профессоръ спросилъ бы васъ: а на основаніи какихъ данныхъ вы сказали: нѣтъ? Но я не профессоръ, я дитя, по

вашимъ понятіямъ; но отъ дѣтей не отворачиваются, помните. Прощайте. Миръ моему праху!

Елена хотѣла-было остановить его, но подумала и тоже сказала:

— Прощайте.

Шубинъ вышелъ со двора. Въ недальнемъ разстояніи отъ дачи Стаховыхъ встрѣтился ему Берсеневъ. Онъ шелъ проворными шагами, наклонивъ голову и сдвинувъ шляпу на затылокъ.

— Андрей Петровичъ!—крикнулъ Шубинъ.

Тотъ остановился.

— Ступай, ступай, — продолжалъ Шубинъ: — я только такъ, я тебя не задерживаю,—и проберись прямо въ садъ; тамъ ты найдешь Елену. Она, кажется, тебя ждетъ... кого-то она ждетъ во всякомъ случаѣ... Понимаешь ты силу этихъ словъ: она ждетъ! А знаешь, братъ, какое удивительное обстоятельство? Представь; вотъ уже два года, какъ я живу съ ней въ одномъ домѣ, я въ нее влюбленъ, и только сейчасъ, сію минуту, не то что понялъ, а увидалъ ее. Увидалъ и руки разставилъ. Не взирай на меня, пожалуйста, съ этою лжеязвительною усмѣшкой, которая мало идетъ къ твоимъ степеннымъ чертамъ. Ну, да, разумѣю, ты хочешь напомнить мнѣ объ Аннушкѣ. Что̀ же? Я не отказываюсь. Нашему брату Аннушки подъ стать. Да здравствуютъ же Аннушки и Зои, и самыя даже Августины Христіановны! Ты ступай къ Еленѣ теперь, а я отправлюсь... ты думаешь къ Аннушкѣ? Нѣтъ, братъ, хуже: къ князю Чикурасову. Есть такой меценатъ изъ казанскихъ татаръ, въ родѣ Волгина. Видишь ты это пригласительное письмо, эти буквы: R. S. V. P.? И въ деревнѣ мнѣ нѣтъ покоя. Addio!

Берсеневъ выслушалъ тираду Шубина, молча и какъ будто конфузясь немножко за него; потомъ онъ вошелъ на дворъ Стаховской дачи. А Шубинъ дѣйствительно поѣхалъ къ князю Чикурасову, которому наговорилъ, съ самымъ любезнымъ видомъ, самыхъ колкихъ дерзостей. Меценатъ изъ казанскихъ татаръ хохоталъ, гости мецената смѣялись, а никому не было весело и, разставшись,

всѣ злились. Такъ два малознакомыхъ господина, встрѣтившись на Невскомъ, внезапно оскалятъ другъ передъ другомъ зубы, приторно съежатъ глаза, носъ и щеки, и тотчасъ же, миновавъ другъ друга, принимаютъ прежнее равнодушное или угрюмое, большею частію геморроидальное выраженіе.

X.

Елена дружелюбно встрѣтила Берсенева, уже не въ саду, а въ гостиной, и тотчасъ же, почти нетерпѣливо, возобновила вчерашній разговоръ. Она была одна: Николай Артемьевичъ тихонько скрылся куда-то, Анна Васильевна лежала наверху съ мокрою повязкой на головѣ. Зоя сидѣла возлѣ нея, аккуратно расправивъ юбку и сложивъ на колѣняхъ ручки; Уваръ Ивановичъ почивалъ въ мезонинѣ на широкомъ и удобномъ диванѣ, получившемъ прозвище: „самосонъ". Берсеневъ снова упомянулъ о своемъ отцѣ: онъ свято чтилъ его память. Скажемъ и мы нѣсколько словъ о немъ.

Владѣлецъ восьмидесяти двухъ душъ, которыхъ онъ освободилъ передъ смертью, иллюминатъ, старый гёттингенскій студентъ, авторъ рукописнаго сочиненія о *Проступленіяхъ или прообразованіяхъ духа въ мірѣ*, — сочиненія, въ которомъ шеллингіанизмъ, сведенборгіанизмъ и республиканизмъ смѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ,—отецъ Берсенева привезъ его въ Москву еще мальчикомъ, тотчасъ послѣ кончины его матери, и самъ занялся его воспитаніемъ. Онъ подготовлялся къ каждому уроку, трудился необыкновенно добросовѣстно и совершенно неуспѣшно: онъ былъ мечтатель, книжникъ, мистикъ, говорилъ съ запинкой, глухимъ голосомъ, выражался темно и кудряво, все больше сравненіями, дичился даже сына, котораго любилъ страстно. Не мудрено, что сынъ только хлопалъ глазами за его уроками, и не подвигался ни на волосъ. Старикъ (ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ женился очень поздно) догадался наконецъ, что дѣло не идетъ на ладъ, и помѣстилъ своего Андрюшу въ пансіонъ. Андрюша сталъ учиться, но изъ-

подъ родительскаго присмотра не вышелъ: отецъ навѣщалъ его безпрестанно, надоѣдая содержателю своими наставленіями и бесѣдами; надзиратели также тяготились незванымъ гостемъ: онъ то-и-дѣло приносилъ имъ какія-то, по ихъ словамъ, премудреныя книги о воспитаніи. Даже школьникамъ становилось неловко при видѣ смуглаго и рябого лица старика, его тощей фигуры, постоянно облеченной въ какой-то вострополый сѣрый фракъ. Школьники не подозрѣвали тогда, что этотъ угрюмый, никогда не улыбавшійся господинъ, съ журавлиной походкой и длиннымъ носомъ—сердцемъ сокрушался и болѣлъ о каждомъ изъ нихъ, почти такъ же, какъ о собственномъ сынѣ. Онъ однажды вздумалъ побесѣдовать съ ними о Вашингтонѣ: „Юные питомцы!“ началъ онъ, но, при первыхъ звукахъ его страннаго голоса, юные питомцы разбѣжались. Честный гёттингенецъ жилъ не на розахъ: онъ былъ постоянно подавленъ ходомъ исторіи, всякаго рода вопросами и соображеніями. Когда молодой Берсеневъ поступилъ въ университетъ, онъ ѣздилъ съ нимъ на лекціи; но уже здоровье начинало измѣнять ему. Событія 48 года потрясли его до основанія (надо было всю книгу передѣлать), и онъ умеръ зимой 53-го года, не дождавшись выхода сына изъ университета, но заранѣе поздравивъ его кандидатомъ и благословивъ его на служеніе наукѣ. „Передаю тебѣ свѣточъ“, говорилъ онъ ему за два часа до смерти: „я держалъ его покамѣстъ могъ, не выпускай и ты сей свѣточъ до конца“.

Берсеневъ долго говорилъ съ Еленой о своемъ отцѣ. Неловкость, которую онъ чувствовалъ въ ея присутствіи, исчезла, и пришепетывалъ онъ не такъ сильно. Разговоръ перешелъ къ университету.

— Скажите, — спросила его Елена: — между вашими товарищами были замѣчательные люди?

Берсеневъ вспомнилъ снова Шубина.

— Нѣтъ, Елена Николаевна, сказать вамъ по правдѣ, не было между нами ни одного замѣчательнаго человѣка. Да и гдѣ! Было, говорятъ, время въ московскомъ университетѣ! Только не теперь. Теперь, это училище — не

университетъ. Мнѣ было тяжело съ моими товарищами,— прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Тяжело?..—прошептала Елена.

— Впрочемъ, — продолжалъ Берсеневъ: — я долженъ оговориться. Я знаю одного студента, — правда, онъ не моего курса, — это, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ.

— Какъ его зовутъ?—съ живостью спросила Елена.

— Инсаровъ, Дмитрій Никаноровичъ. Онъ болгаръ.

— Не русскій?

— Нѣтъ не русскій.

— Зачѣмъ же онъ живетъ въ Москвѣ?

— Онъ пріѣхалъ сюда учиться. И знаете ли, съ какою цѣлью онъ учится? У него одна мысль: освобожденіе его родины. И судьба его необыкновенная. Отецъ его былъ довольно зажиточный купецъ, родомъ изъ Тырнова. Тырновъ теперь небольшой городокъ, а въ старину это была столица Болгаріи, когда еще Болгарія была независимымъ королевствомъ. Торговалъ онъ въ Софіи, имѣлъ сношенія съ Россіей; сестра его, родная тетка Инсарова, до сихъ поръ живетъ въ Кіевѣ, замужемъ за старшимъ учителемъ исторіи, въ тамошней гимназіи. Въ 1835 году, стало-быть восемнадцать лѣтъ тому назадъ, совершилось ужасное злодѣяніе: мать Инсарова вдругъ пропала безъ вѣсти; черезъ недѣлю ее нашли зарѣзанною.

Елена содрогнулась. Берсеневъ остановился.

— Продолжайте, продолжайте,—проговорила она.

— Ходили слухи, что ее похитилъ и убилъ турецкій ага; ея мужъ, отецъ Инсарова, дознался правды, хотѣлъ отмстить, но онъ только ранилъ кинжаломъ агу... Его разстрѣляли.

— Разстрѣляли? безъ суда?

— Да. Инсарову въ то время пошелъ восьмой годъ. Онъ остался на рукахъ у сосѣдей. Сестра узнала объ участи братниняго семейства и пожелала имѣть племянника у себя. Его доставили въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ. Въ Кіевѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Оттого онъ такъ хорошо говоритъ по-русски.

— Онъ говоритъ по-русски?

— Какъ мы съ вами. Когда ему минуло двадцать лѣтъ (это было въ началѣ 48 года), онъ пожелалъ вернуться на родину. Былъ въ Софіи и Тырновѣ, всю Болгарію исходилъ вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года, выучился опять родному языку. Турецкое правительство преслѣдовало его, и онъ, вѣроятно, въ эти два года подвергался большимъ опасностямъ; я разъ увидѣлъ у него на шеѣ широкій рубецъ, должно быть слѣдъ раны; но онъ объ этомъ говорить не любитъ. Онъ тоже, въ своемъ родѣ, молчальникъ. Я пытался все разспрашивать, — не тутъ-то было. Отвѣчаетъ общими фразами. Онъ ужасно упрямъ. Въ 50-мъ году онъ опять пріѣхалъ въ Россію, въ Москву, съ намѣреніемъ образоваться вполнѣ, сблизиться съ русскими, а потомъ, когда онъ выйдетъ изъ университета...

— Что̀ же тогда?—перебила Елена.

— А что Богъ дастъ. Мудрено впередъ загадывать.

Елена долго не спускала глазъ съ Берсенева.

— Вы очень заинтересовали меня своимъ разсказомъ,— промолвила она.—Каковъ онъ изъ себя, этотъ вашъ, какъ вы его назвали... Инсаровъ?

— Какъ вамъ сказать? по-моему, не дуренъ. Да вотъ вы сами его увидите.

— Какъ такъ?

— Я его приведу сюда, къ вамъ. Онъ послѣзавтра переѣзжаетъ въ нашу деревеньку и будетъ жить со мной на одной квартирѣ.

— Неужели? Да захочетъ ли онъ придти къ намъ?

— Еще бы! Онъ очень будетъ радъ.

— Онъ не гордъ?

— Онъ? Нимало. То-есть, если хотите, онъ гордъ, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете. Денегъ онъ, напримѣръ, взаймы ни отъ кого не возьметъ.

— А онъ бѣденъ?

— Да не богатъ. Ѣздивши въ Болгарію, онъ собралъ кой-какія крохи, уцѣлѣвшія отъ отцовскаго достоянія, и тетка ему помогаетъ; но все это бездѣлица.

— У него, должно-быть, много характера, — замѣтила Елена.

— Да. Это желѣзный человѣкъ. И въ то же время, вы увидите, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и даже скрытности. Правда, его искренность—не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего... Да вотъ я его къ вамъ приведу, погодите.

— И не застѣнчивъ онъ?—спросила опять Елена.

— Нѣтъ, не застѣнчивъ. Одни самолюбивые люди застѣнчивы.

— А развѣ вы самолюбивы?

Берсеневъ смѣшался и развелъ руками.

— Вы возбуждаете мое любопытство, — продолжала Елена. — Ну, а скажите, не отмстилъ онъ этому турецкому агѣ?

Берсеневъ улыбнулся.

— Мстятъ только въ романахъ, Елена Николаевна; да и притомъ въ двѣнадцать лѣтъ этотъ ага могъ умереть.

— Однако, господинъ Инсаровъ вамъ ничего объ этомъ не говорилъ?

— Ничего.

— Зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Софію?

— Тамъ отецъ его жилъ.

Елена задумалась.

— Освободить свою родину!— промолвила она. — Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики...

Въ это мгновеніе вошла въ комнату Анна Васильевна, и разговоръ прекратился.

Странныя ощущенія волновали Берсенева, когда онъ возвращался домой въ тотъ вечеръ. Онъ не раскаивался въ своемъ намѣреніи познакомить Елену съ Инсаровымъ, онъ находилъ весьма естественнымъ то глубокое впечатлѣніе, которое произвели на нее его разсказы о молодомъ болгарѣ... не самъ ли онъ старался усилить это впечатлѣніе! Но тайное и темное чувство скрыто гнѣздилось въ его сердцѣ; онъ грустилъ нехорошею грустію. Эта грусть не помѣшала ему, однако, взяться за *Исторію*

Гогенштауфеновъ и начать читать ее съ самой той страницы, на которой онъ остановился наканунѣ.

XI.

Два дня спустя, Инсаровъ, по обѣщанію, явился къ Берсеневу съ своею поклажей. Слуги у него не было, но онъ безъ всякой помощи привелъ свою комнату въ порядокъ, уставилъ мебель, подтеръ пыль и вымелъ полъ. Особенно долго возился онъ съ письменнымъ столомъ, который никакъ не хотѣлъ помѣститься въ назначенный для него простѣнокъ; но Инсаровъ, со свойственною ему молчаливою настойчивостью, добился своего. Устроившись, онъ попросилъ Берсенева взять съ него десять рублей впередъ и, вооружившись толстой палкой, отправился осматривать окрестности своего новаго жилища. Онъ вернулся часа черезъ три, и, на приглашеніе Берсенева раздѣлить съ нимъ его трапезу, отвѣчалъ, что онъ не отказывается обѣдать съ нимъ сегодня, но что онъ уже переговорилъ съ хозяйкой дома и будетъ впередъ получать свою ѣду отъ нея.

— Помилуйте! — возразилъ Берсеневъ: — васъ будутъ скверно кормить: эта баба совсѣмъ стряпать не умѣетъ. Отчего вы не хотите обѣдать со мною? мы бы расходъ пополамъ дѣлили.

— Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете,—отвѣчалъ съ спокойной улыбкой Инсаровъ.

Въ этой улыбкѣ было что-то такое, что̀ не позволяло настаивать: Берсеневъ слова не прибавилъ. Послѣ обѣда онъ предложилъ Инсарову свести его къ Стаховымъ; но тотъ отвѣчалъ, что располагаетъ посвятить весь вечеръ на переписку съ своими болгарами и потому проситъ его отсрочить посѣщеніе Стаховыхъ до другого дня. Непреклонность воли Инсарова была уже прежде извѣстна Берсеневу, но только теперь, находясь съ нимъ подъ одной кровлей, онъ могъ окончательно убѣдиться въ томъ, что Инсаровъ никогда не мѣнялъ никакого своего рѣшенія, точно такъ же, какъ никогда не откладывалъ исполненія

даннаго обѣщанія. Берсеневу, какъ коренному русскому человѣку, эта, болѣе чѣмъ нѣмецкая, аккуратность сначала казалась дикою, немножко даже смѣшною; но онъ скоро привыкъ къ ней и кончилъ тѣмъ, что находилъ ее если не почтенною, то по крайней мѣрѣ весьма удобною.

На второй день послѣ своего переселенія, Инсаровъ всталъ въ четыре часа утра, обѣгалъ почти все Кунцово, искупался въ рѣкѣ, выпилъ стаканъ холоднаго молока и принялся за работу; а работы у него было не мало: онъ учился и русской исторіи, и праву, и политической экономіи, переводилъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собиралъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составлялъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую для русскихъ. Берсеневъ зашелъ къ нему и потолковалъ съ нимъ о Фейербахѣ. Инсаровъ слушалъ его внимательно, возражалъ рѣдко, но дѣльно; изъ возраженій его видно было, что онъ старался дать самому себѣ отчетъ въ томъ: нужно ли ему заняться Фейербахомъ, или же можно обойтись безъ него. Берсеневъ навелъ потомъ рѣчь на его занятія и спросилъ: не покажетъ ли онъ ему что-нибудь? Инсаровъ прочелъ ему свой переводъ двухъ или трехъ болгарскихъ пѣсенъ и пожелалъ узнать его мнѣніе. Берсеневъ нашелъ переводъ правильнымъ, но не довольно оживленнымъ. Инсаровъ принялъ это замѣчаніе къ свѣдѣнію. Отъ пѣсенъ Берсеневъ перешелъ къ современному положенію Болгаріи, и тутъ онъ впервые замѣтилъ, какая совершалась перемѣна въ Инсаровѣ при одномъ упоминовеніи его родины: не то чтобы лицо его разгоралось, или голосъ возвышался—нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь. Инсаровъ не любилъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говорилъ охотно со всякимъ. Онъ говорилъ, не спѣша, о туркахъ, объ ихъ притѣсненіяхъ, о горѣ и бѣдствіяхъ своихъ согражданъ, объ ихъ надеждахъ; сосредоточенная обдуманность единой и давней страсти слышалась въ каждомъ его словѣ.

„А вѣдь чего добраго“, подумалъ между тѣмъ Берсеневъ, „турецкій ага, пожалуй, поплатился ему за смерть матери и отца“.

Инсаровъ не успѣлъ еще умолкнуть, какъ дверь растворилась и на порогѣ появился Шубинъ.

Онъ вошелъ въ комнату какъ-то слишкомъ развязно и добродушно; Берсеневъ, который зналъ его хорошо, тотчасъ понялъ, что его что-то коробило.

— Рекомендуюсь безъ церемоній,—началъ онъ съ свѣтлымъ и открытымъ выраженіемъ лица:—моя фамилія Шубинъ; я пріятель вотъ этого молодого человѣка. (Онъ указалъ на Берсенева.) Вѣдь вы господинъ Инсаровъ, не такъ ли?

— Я Инсаровъ.

— Такъ дайте же руку и познакомимтесь. Не знаю, говорилъ ли вамъ Берсеневъ обо мнѣ, а мнѣ онъ много говорилъ объ васъ. Вы здѣсь поселились? Отлично! Не сердитесь на меня, что я такъ пристально на васъ гляжу. Я по ремеслу моему ваятель, и предвижу, что въ скоромъ времени попрошу у васъ позволенія слѣпить вашу голову.

— Моя голова къ вашимъ услугамъ,—проговорилъ Инсаровъ.

— Что же мы дѣлаемъ, сегодня, а?—заговорилъ Шубинъ, внезапно садясь на низенькій стулъ и опираясь обѣими руками на широко-разставленныя колѣни.—Андрей Петровичъ, есть какой-нибудь планъ на нынѣшній день у вашего благородія? Погода славная; сѣномъ и сухою земляникой пахнетъ такъ... словно грудной чай пьешь. Надо бы сочинить какой-нибудь фокусъ. Покажемъ новому обитателю Кунцова всѣ его многочисленныя красоты. („А его коробитъ“, продолжалъ думать про себя Берсеневъ.) Ну, что жъ ты молчишь, мой другъ Горацію? Раскрой свои вѣщія уста. Сочинимъ мы фокусъ, или нѣтъ?

— Я не знаю,—замѣтилъ Берсеневъ:—какъ Инсаровъ. Онъ, кажется, собирается работать.

Шубинъ повернулся на стулѣ.

— Вы хотите работать?—спросилъ онъ какъ-то въ носъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ:—нынѣшній день я могу посвятить прогулкѣ.

— А!—промолвилъ Шубинъ.—Ну, и прекрасно. Ступайте, другъ мой Андрей Петровичъ, прикройте шляпой вашу мудрую голову, и пойдемте куда глаза глядятъ. Наши глаза молодые—глядятъ далеко. Я знаю трактирчикъ прескверненькій, гдѣ намъ дадутъ обѣдишко препакостный; а намъ будетъ очень весело. Пойдемте.

Полчаса спустя, они всѣ трое шли по берегу Москвы-рѣки. У Инсарова оказался довольно странный, ушастый картузъ, отъ котораго Шубинъ пришелъ въ не совсѣмъ естественный восторгъ. Инсаровъ выступалъ не спѣша, глядѣлъ, дышалъ, говорилъ и улыбался спокойно: онъ отдалъ этотъ день удовольствію и наслаждался вполнѣ.— „Благоразумные мальчики такъ гуляютъ по воскресеньямъ“, шепнулъ Шубинъ Берсеневу на ухо. Самъ Шубинъ очень дурачился, выбѣгалъ впередъ, становился въ позы извѣстныхъ статуй, кувыркался на травѣ: спокойствіе Инсарова не то, чтобы раздражало его, а заставляло его кривляться.—„Что ты такъ егозишь, французъ!“ раза два замѣтилъ ему Берсеневъ.—„Да я французъ, полу-французъ“, возражалъ ему Шубинъ: „а ты держи середину между шуткою и серіозомъ, какъ говаривалъ мнѣ одинъ половой“.—Молодые люди повернули прочь отъ рѣки и пошли по узкой и глубокой рытвинѣ, между двумя стѣнами золотой, высокой ржи; голубоватая тѣнь падала на нихъ отъ одной изъ этихъ стѣнъ; лучистое солнце, казалось, скользило по верхушкамъ колосьевъ; жаворонки пѣли, перепела кричали; повсюду зеленѣли травы; теплый вѣтерокъ шевелилъ и поднималъ ихъ листья, качалъ головки цвѣтовъ. Послѣ долгихъ странствованій, отдыховъ, болтовни—(Шубинъ пробовалъ даже играть въ чехарду съ какимъ-то прохожимъ беззубымъ мужичкомъ, который все смѣялся, что́ съ нимъ ни дѣлали господа)—молодые люди добрели до „скверненькаго“ трактирчика. Слуга чуть не сшибъ каждаго изъ нихъ съ ногъ, и дѣйствительно накормилъ ихъ очень дурнымъ обѣдомъ, съ какимъ-то забалканскимъ виномъ, что̀, впрочемъ, не мѣшало имъ

веселиться отъ души, какъ предсказывалъ Шубинъ; самъ онъ веселился громче всѣхъ—и меньше всѣхъ. Онъ пилъ здоровье непонятнаго, но великаго Венелина, здоровье болгарскаго короля Крума, Хрума или Хрома, жившаго чуть не въ Адамовы времена.

— Въ девятомъ столѣтіи,—поправилъ его Инсаровъ.

— Въ девятомъ столѣтіи?—воскликнулъ Шубинъ.—О какое счастье!

Берсеневъ замѣтилъ, что посреди всѣхъ своихъ проказъ, выходокъ и шутокъ, Шубинъ все какъ-будто бы экзаменовалъ Инсарова, какъ-будто щупалъ его и волновался внутренно,—а Инсаровъ оставался попрежнему спокойнымъ и яснымъ.

Наконецъ, они вернулись домой, переодѣлись и, чтобы уже не выходить изъ колеи, въ которую попали съ утра, рѣшились отправиться въ тотъ же вечеръ къ Стаховымъ. Шубинъ побѣжалъ впередъ извѣстить объ ихъ приходѣ.

XII.

— *Ирой* Инсаровъ сейчасъ сюда пожалуетъ! — торжественно воскликнулъ онъ, входя въ гостиную Стаховыхъ, гдѣ въ ту минуту находились только Елена и Зоя.

— Wer?—спросила по-нѣмецки Зоя. Взятая врасплохъ, она всегда выражалась на родномъ языкѣ. Елена выпрямилась. Шубинъ поглядѣлъ на нее съ игривою улыбочкой на губахъ. Ей стало досадно, но она ничего не сказала.

— Вы слышали,—повторилъ онъ:—господинъ Инсаровъ сюда идетъ.

— Слышала,—отвѣчала она:—и слышала какъ вы его назвали. Удивляюсь вамъ, право. Нога господина Инсарова еще здѣсь не была, а вы уже считаете за нужное ломаться.

Шубинъ вдругъ опустился.

— Вы правы, вы всегда правы, Елена Николаевна,—пробормоталъ онъ:—но это я только такъ, ей Богу. Мы цѣлый день съ нимъ вмѣстѣ гуляли, и онъ, я увѣряю васъ, отличный человѣкъ.

— Я объ этомъ васъ не спрашивала,—промолвила Елена и встала.

— Господинъ Инсаровъ молодъ?—спросила Зоя.

— Ему сто-сорокъ-четыре года,—отвѣчалъ съ досадой Шубинъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ двухъ пріятелей. Они вошли. Берсеневъ представилъ Инсарова. Елена попросила ихъ сѣсть и сама сѣла, а Зоя отправилась наверхъ: надо было предувѣдомить Анну Васильевну. Начался разговоръ довольно незначительный, какъ всѣ первые разговоры. Шубинъ наблюдалъ молчкомъ изъ уголка, но наблюдать было не за чѣмъ. Въ Еленѣ онъ замѣчалъ слѣды сдержанной досады противъ него, Шубина—и только. Онъ глядѣлъ на Берсенева и на Инсарова и, какъ ваятель, сравнивалъ ихъ лица. Оба, думалъ онъ, не красивы собой: у болгара характерное, скульптурное лицо; вотъ теперь оно хорошо освѣтилось; у великоросса просится больше въ живопись: линій нѣту, физіономія есть. А, пожалуй, и въ того и въ другого влюбиться можно. Она еще не любитъ, но полюбитъ Берсенева, рѣшилъ онъ про себя.— Анна Васильевна появилась въ гостиную, и разговоръ принялъ оборотъ совершенно *дачный*, именно дачный, не деревенскій. То былъ разговоръ весьма разнообразный по обилію обсуждаемыхъ предметовъ; но коротенькія, довольно томительныя паузы прерывали его каждыя три минуты. Въ одну изъ этихъ паузъ, Анна Васильевна обратилась къ Зоѣ. Шубинъ понялъ ея нѣмой намекъ и скорчилъ кислую рожу, а Зоя сѣла за фортепіано, сыграла и спѣла всѣ свои штучки. Уваръ Ивановичъ показался было изъ-за двери, но пошевелилъ перстами и отретировался. Потомъ подали чай, потомъ прошлись всѣмъ обществомъ по саду... На дворѣ стемнѣло, и гости удалились.

Инсаровъ дѣйствительно произвелъ на Елену меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала, или, говоря точнѣе, онъ произвелъ на нее не то впечатлѣніе, котораго ожидала она. Ей понравилась его прямота и непринужденность, — и лицо его понравилось; но все существо Инсарова, спокойно-твердое и обыденно-простое, какъ-то

не ладилось съ тѣмъ образомъ, который составился у нея въ головѣ отъ разсказовъ Берсенева. Елена, сама того не подозрѣвая, ожидала чего-то болѣе „фатальнаго“. Но, думала она, онъ сегодня говорилъ очень мало, я сама виновата; я не разспрашивала его, подождемъ до другого раза... а глаза у него выразительные, честные глаза. Она чувствовала, что ей не преклониться передъ нимъ хотѣлось, а подать ему дружески руку, и она недоумѣвала: не такими воображала она себѣ людей, подобныхъ Инсарову, „героевъ“. Это послѣднее слово напомнило ей Шубина, и она, уже лежа въ постели, вспыхнула и разсердилась.

— Какъ вамъ понравились ваши новые знакомые?— спросилъ на возвратномъ пути Берсеневъ у Инсарова.

— Они мнѣ очень понравились,—отвѣчалъ Инсаровъ:— особенно дочь. Славная, должно-быть, дѣвушка. Она волнуется, но въ ней это хорошее волненіе.

— Надо будетъ къ нимъ ходить почаще, — замѣтилъ Берсеневъ.

— Да, надо,—проговорилъ Инсаровъ, и ничего больше не сказалъ до самаго дома. Онъ тотчасъ заперся въ своей комнатѣ, но свѣча у него горѣла далеко за полночь.

Берсеневъ не успѣлъ еще прочесть страницу изъ Раумера, какъ горсть брошеннаго мелкаго песку стукнула о стекла его окна. Онъ невольно вздрогнулъ, раскрылъ окно и увидалъ Шубина, блѣднаго, какъ полотно.

— Экой ты неугомонный! ночная ты бабочка!—началъ было Берсеневъ.

— Тсъ!—перебилъ его Шубинъ: — я пришелъ къ тебѣ украдкой, какъ Максъ къ Агатѣ. Мнѣ непремѣнно нужно сказать тебѣ два слова наединѣ.

— Да войди же въ комнату.

— Нѣтъ, не нужно,—возразилъ Шубинъ и облокотился на оконницу:—этакъ веселѣе, болѣе на Испанію похоже. Во-первыхъ, поздравляю тебя: твои акціи поднялись. Твой хваленый, необыкновенный человѣкъ провалился. За это я тебѣ поручиться могу. А чтобъ тебѣ доказать мою безпристрастность, слушай: вотъ формулярный списокъ гос-

подина Инсарова. Талантовъ никакихъ, поэзіи *нема*, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокій, но здравый и живой, сушь и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи. Что́? ты скажешь, я несправедливъ? Еще замѣчаніе: ты съ нимъ никогда на *ты* не будешь, и никто съ нимъ на *ты* не бывалъ; я, какъ артистъ, ему противенъ, чѣмъ я горжусь. Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своею землею связанъ — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, молъ, въ насъ, живая вода! Зато и задача его легче, удобопонятнѣе: сто́итъ только турокъ вытурить, велика штука! Но всѣ эти качества, слава Богу, не нравятся женщинамъ. Обаянія нѣтъ, *шарму*; не то, что въ насъ съ тобой.

— Къ чему ты меня приплелъ?— пробормоталъ Берсеневъ.—И въ остальномъ ты не правъ: ты ему нисколько не противенъ, и со своими соотечественниками онъ на *ты*... я это знаю.

— Это другое дѣло! Для нихъ онъ герой, а признаться сказать, я себѣ героевъ иначе представляю: герой не долженъ умѣть говорить: герой мычитъ, какъ быкъ; зато двинетъ рогомъ—стѣны валятся. И онъ самъ не долженъ знать, зачѣмъ онъ двигаетъ, а двигаетъ. Впрочемъ, можетъ-быть, въ наши времена требуются герои другого калибра.

— Что тебя Инсаровъ такъ занимаетъ?—спросилъ Берсеневъ. — Неужели ты только для того прибѣжалъ сюда, чтобъ описать мнѣ его характеръ?

— Я пришелъ сюда, — началъ Шубинъ: — потому что мнѣ дома очень было грустно.

— Вотъ какъ! Ужъ не хочешь ли ты опять заплакать?

— Смѣйся! я пришелъ сюда, потому что я готовъ локти себѣ кусать, потому что отчаяніе меня грызетъ, досада, ревность...

— Ревность! къ кому?

— Къ тебѣ, къ нему, ко всѣмъ. Меня терзаетъ мысль, что если бъ я раньше понялъ ее, если бъ я умѣючи

взялся за дѣло... Да что толковать! Кончится тѣмъ, что я буду все смѣяться, дурачиться, ломаться, какъ она говоритъ, а тамъ возьму да удавлюсь.

— Ну, удавиться ты не удавишься, — замѣтилъ Берсеневъ.

— Въ такую ночь, конечно, нѣтъ; но дай намъ только дожить до осени. Въ такую ночь люди умираютъ тоже, только отъ счастья. Ахъ, счастье! Каждая вытянутая черезъ дорогу тѣнь отъ дерева такъ, кажется, и шепчетъ теперь: „Знаю я, гдѣ счастье... Хочешь скажу?“ Я бы позвалъ тебя гулять, да ты теперь подъ вліяніемъ прозы. Спи, и да снятся тебѣ математическія фигуры! А у меня душа разрывается. Вы, господа, видите, что человѣкъ смѣется, значитъ, по-вашему, ему легко; вы можете доказать ему, что онъ самому себѣ противорѣчитъ, значитъ, онъ не страдаетъ... Богъ съ вами!

Шубинъ быстро отошелъ отъ окошка. „Аннушка!“ хотѣлъ-было крикнуть ему вслѣдъ Берсеневъ, но удержался: на Шубинѣ, дѣйствительно, лица не было. Минуты двѣ спустя, Берсеневу даже почудились рыданія: онъ всталъ, отворилъ окно; все было тихо, только гдѣ-то вдали, какой-то, должно-быть, проѣзжій мужичокъ тянулъ: *Степь Моздовскую*.

XIII.

Въ теченіе первыхъ двухъ недѣль послѣ переселенія Инсарова въ сосѣдство Кунцова, онъ не болѣе четырехъ или пяти разъ посѣтилъ Стаховыхъ; Берсеневъ ходилъ къ нимъ черезъ день. Елена всегда ему была рада, всегда завязывалась между нимъ и ею живая и интересная бесѣда, и все-таки онъ возвращался домой часто съ печальнымъ лицомъ. Шубинъ почти не показывался; онъ съ лихорадочною дѣятельностію занялся своимъ искусствомъ: либо сидѣлъ взаперти у себя въ комнатѣ и выскакивалъ оттуда въ блузѣ, весь выпачканный глиной, либо проводилъ дни въ Москвѣ, гдѣ у него была студія, куда приходили къ нему модели и итальянскіе формовщики, его пріятели и учители. Елена ни разу не поговорила съ

Инсаровымъ такъ, какъ бы она хотѣла; въ его отсутствеі она готовилась разспросить его о многомъ, но когда онъ приходилъ, ей становилось совѣстно своихъ приготовленій. Самое спокойствіе Инсарова ее смущало: ей казалось, что она не имѣетъ права заставить его высказываться, и она рѣшалась ждать; со всѣмъ тѣмъ, она чувствовала, что съ каждымъ его посѣщеніемъ, какъ бы незначительны ни были обмѣненныя между ними слова, онъ привлекалъ ее болѣе и болѣе; но ей не пришлось остаться съ нимъ наединѣ,—а чтобы сблизиться съ человѣкомъ — нужно хоть однажды побесѣдовать съ нимъ съ-глазу-на-глазъ. Она много говорила о немъ съ Берсеневымъ. Берсеневъ понималъ, что воображеніе Елены поражено Инсаровымъ, и радовался, что его пріятель не провалился, какъ утверждалъ Шубинъ; онъ съ жаромъ, до малѣйшихъ подробностей, разсказывалъ ей все, что̀ зналъ о немъ (мы часто, когда сами хотимъ понравиться другому человѣку, превозносимъ въ разговорѣ съ нимъ нашихъ пріятелей, почти никогда притомъ не подозрѣвая, что мы тѣмъ самихъ себя хвалимъ), и лишь изрѣдка, когда блѣдныя щеки Елены слегка краснѣли, а глаза свѣтлѣли и расширялись, та нехорошая, уже имъ испытанная, грусть щемила его сердце.

Однажды Берсеневъ пришелъ къ Стаховымъ не въ обычную пору, часу въ одиннадцатомъ утра. Елена вышла къ нему въ залу.

— Вообразите себѣ, — началъ онъ съ принужденной улыбкой:—нашъ Инсаровъ пропалъ.

— Какъ пропалъ?—проговорила Елена.

— Пропалъ. Третьяго дня вечеромъ ушелъ куда-то, и съ тѣхъ поръ его нѣтъ.

— Онъ не сказалъ вамъ, куда онъ пошелъ?

— Нѣтъ.

Елена опустилась на стулъ.

— Онъ, вѣроятно, въ Москву отправился,—промолвила она, стараясь казаться равнодушной и въ то же время сама дивясь тому, что она старается казаться равнодушной.

— Не думаю, — возразилъ Берсеневъ. — Онъ ушелъ не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Къ нему третьяго дня, передъ обѣдомъ, явились два какихъ-то человѣка, должно-быть, его соотечественники.

— Болгары? почему вы это думаете?

— А потому, что, сколько я могъ разслышать, они говорили съ нимъ на языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ, но славянскомъ... Вотъ вы все находите, Елена Николаевна, что въ Инсаровѣ таинственнаго мало: ужъ на что таинственнѣе этого посѣщенія? Представьте: вошли къ нему—и ну кричать и спорить, да такъ дико, злобно... И онъ кричалъ.

— И онъ?

— И онъ. Кричалъ на нихъ. Они какъ будто жаловались другъ на друга. И если бы вы взглянули на этихъ посѣтителей! Лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ, одѣты плохо, въ пыли, въ поту, съ виду ремесленники — не ремесленники, и не господа... Богъ знаетъ, что̀ за люди.

— И онъ съ ними отправился?

— Съ ними. Накормилъ ихъ, да ушелъ съ ними. Хозяйка мнѣ сказывала,—они вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши съѣли. Такъ, говоритъ, въ перегонку и глотали, словно волки.

Елена слабо усмѣхнулась.

— Вы увидите,—промолвила она:—все это разрѣшится чѣмъ-нибудь очень прозаическимъ.

— Дай Богъ! Только напрасно вы употребили это слово. Въ Инсаровѣ нѣтъ ничего прозаическаго, хотя Шубинъ и увѣряетъ...

— Шубинъ!—перебила Елена и пожала плечомъ.— Но сознайтесь, что эти два господина, глотающіе кашу...

— И Ѳемистоклъ ѣлъ наканунѣ Саламинскаго сраженія,—съ улыбкой замѣтилъ Берсеневъ.

— Такъ: но зато на другой день и было сраженіе. А вы все-таки дайте мнѣ знать, когда онъ вернется, — прибавила Елена и попыталась перемѣнить разговоръ, — но разговоръ не клеился.

Появилась Зоя и стала ходить по комнатѣ на цыпочкахъ, давая тѣмъ знать, что Анна Васильевна еще не проснулась.

Берсеневъ ушелъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, принесли отъ него записку Еленѣ.

„Вернулся“, писалъ онъ ей: „загорѣлый и въ пыли по самыя брови; но зачѣмъ и куда ѣздилъ, не знаю; не узнаете ли вы?“

— Не узнаете ли вы!—прошептала Елена.—Развѣ онъ говоритъ со мной?

XIV.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Елена стояла въ саду передъ небольшою закуткой, гдѣ у ней воспитывались два дворовые щенка. (Садовникъ нашелъ ихъ заброшенными подъ заборомъ и принесъ ихъ барышнѣ, про которую ему сказали прачки, что она, молъ, всякихъ звѣрей и скотовъ жалуетъ. Онъ не ошибся въ расчетѣ; Елена дала ему четвертакъ.) Она заглянула въ закутку, убѣдилась, что щенки живы и здоровы, и что солому имъ постлали свѣжую, обернулась и чуть не вскрикнула: прямо къ ней, по аллеѣ, шелъ Инсаровъ, одинъ.

— Здравствуйте, — промолвилъ онъ, приближаясь къ ней и снимая картузъ. Она замѣтила, что онъ точно сильно загорѣлъ въ послѣдніе три дня.—Я хотѣлъ придти сюда съ Андреемъ Петровичемъ, да онъ что-то замѣшкался; вотъ я и отправился безъ него. Въ домѣ у васъ никого нѣтъ: всѣ спятъ или гуляютъ, я и пришелъ сюда.

— Вы какъ будто извиняетесь,—отвѣчала Елена.—Это совсѣмъ не нужно. Мы всѣ очень рады васъ видѣть... Сядемте тутъ на скамейкѣ, въ тѣни.

Она сѣла. Инсаровъ помѣстился возлѣ нея.

— Васъ, кажется, дома не было въ это время? — начала она.

— Да,—отвѣтилъ онъ:—я уходилъ... Вамъ Андрей Петровичъ сказывалъ?

Инсаровъ глянулъ на нее, улыбнулся и началъ играть

картузомъ. Улыбаясь, онъ быстро моргалъ глазами и выдвигалъ впередъ губы, что̀ придавало ему очень добродушный видъ.

— Андрей Петровичъ, вѣроятно, вамъ также сказалъ, что я ушелъ съ какими-то... безобразными людьми,—проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

Елена немного смутилась, но тотчасъ почувствовала, что Инсарову надо всегда говорить правду.

— Да,—сказала она рѣшительно.

— Что̀ же вы подумали обо мнѣ?—спросилъ онъ ее вдругъ.

Елена подняла на него глаза.

— Я подумала...—промолвила она:—я подумала, что вы всегда знаете, что̀ дѣлаете, и что вы ничего дурного не въ состояніи сдѣлать.

— Ну, и спасибо вамъ за это. Вотъ видите ли, Елена Николаевна,—началъ онъ, какъ-то довѣрчиво подсаживаясь къ ней:—нашихъ здѣсь небольшая семейка; есть между нами люди мало образованные; но всѣ крѣпко преданы общему дѣлу. Къ несчастью, безъ ссоръ нельзя, а меня всѣ знаютъ, вѣрятъ мнѣ; вотъ и позвали меня разобрать одну ссору. Я отправился.

— Далеко отсюда?

— Я за шестьдесятъ верстъ ѣздилъ, въ Троицкій посадъ. Тамъ, при монастырѣ, тоже есть наши. По крайней мѣрѣ, не даромъ хлопоталъ: уладилъ дѣло.

— И трудно вамъ было?

— Трудно. Одинъ все упрямился. Деньги не хотѣлъ отдать.

— Какъ? Изъ-за денегъ была ссора?

— Да; и деньги-то небольшія. А вы что̀ полагали?

— И вы для такихъ пустяковъ за шестьдесятъ верстъ ѣздили? Три дня потеряли?

— То не пустяки, Елена Николаевна, когда свои земляки замѣшаны. Тутъ отказаться грѣхъ. Вы вотъ, я вижу, даже щенкамъ не отказываете въ помощи, и я васъ хвалю за это. А что̀ я время-то потерялъ, это не бѣда, потомъ наверстаю. Наше время не намъ принадлежитъ.

— Кому же?

— А всѣмъ, кому въ насъ нужда. Я вамъ все это такъ, съ бухта-барахта разсказалъ, потому что я дорожу вашимъ мнѣніемъ. Я воображаю, какъ Андрей Петровичъ васъ удивилъ!

— Вы дорожите моимъ мнѣніемъ,—проговорила Елена вполголоса:—почему?

Инсаровъ опять улыбнулся.

— Потому, что вы хорошая барышня, не аристократка... вотъ и все...

Настало небольшое молчаніе.

— Дмитрій Никаноровичъ,—сказала Елена:—знаете ли вы, что вы въ первый разъ со мной такъ откровенны?

— Какъ такъ? Мнѣ кажется, я всегда говорилъ вамъ все, что̀ думалъ.

— Нѣтъ, это въ первый разъ, и я очень этому рада,— и я тоже хочу быть откровенною съ вами. Можно?

Инсаровъ засмѣялся и сказалъ:

— Можно.

— Предваряю васъ, что я очень любопытна.

— Ничего, говорите.

— Мнѣ Андрей Петровичъ много разсказывалъ о вашей жизни, о вашей молодости. Мнѣ извѣстно одно обстоятельство, одно ужасное обстоятельство... Я знаю, что вы ѣздили потомъ къ себѣ на родину... Не отвѣчайте мнѣ, ради Бога, если мой вопросъ вамъ покажется нескромнымъ, но меня мучитъ одна мысль... Скажите, встрѣтились ли вы съ тѣмъ человѣкомъ...

Дыханіе захватило у Елены. Ей стало и стыдно, и страшно своей смѣлости. Инсаровъ глядѣлъ на нее пристально, слегка прищуривъ глаза и трогая пальцами подбородокъ.

— Елена Николаевна,—началъ онъ, наконецъ, и голосъ его былъ тише обыкновеннаго, что̀ почти испугало Елену:— я понимаю, о какомъ человѣкѣ вы сейчасъ упомянули. Нѣтъ, я не встрѣтился съ нимъ, и слава Богу! Я не искалъ его. Я не искалъ его не потому, чтобъ я не почиталъ себя въ правѣ убить его, — я бы очень спокойно

убилъ его,—но потому, что тутъ не до частной мести, когда дѣло идетъ о народномъ, общемъ отмщеніи... или нѣтъ, это слово не годится... когда дѣло идетъ объ освобожденіи народа. Одно помѣшало бы другому. Въ свое время и то не уйдетъ... И то не уйдетъ,—повторилъ онъ и покачалъ головой.

Елена посмотрѣла на него сбоку.

— Вы очень любите свою родину? — произнесла она робко.

— Это еще не извѣстно,—отвѣчалъ онъ.—Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ.

— Такъ что, если бы васъ лишили возможности возвратиться въ Болгарію,—продолжала Елена:—вамъ было бы очень тяжело въ Россіи?

Инсаровъ потупился.

— Мнѣ кажется, я бы этого не вынесъ,—проговорилъ онъ.

— Скажите,—начала опять Елена:—трудно выучиться болгарскому языку?

— Нисколько. Русскому стыдно не знать по-болгарски. Русскій долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія. Хотите, я вамъ принесу болгарскія книги? Вы увидите, какъ это легко. Какія у насъ пѣсни! не хуже сербскихъ. Да вотъ постойте, я вамъ переведу одну изъ нихъ. Въ ней говорится про... Да вы знаете ли хоть немножко нашу исторію?

— Нѣтъ, я ничего не знаю,—отвѣтила Елена.

— Постойте, я вамъ принесу книжку. Вы изъ нея хоть главные факты узнаете. Такъ слушайте же пѣсню... Впрочемъ, я вамъ лучше принесу написанный переводъ. Я увѣренъ: вы полюбите насъ: вы всѣхъ притѣсненныхъ любите. Если бы вы знали, какой нашъ край благодатный! А между тѣмъ его топчутъ, его терзаютъ,—подхватилъ онъ съ невольнымъ движеніемъ руки, и лицо его потемнѣло:—у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые турки, насъ рѣжутъ.

— Дмитрій Никаноровичъ!—воскликнула Елена.

Онъ остановился.

— Извините меня. Я не могу говорить объ этомъ хладнокровно. Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что̀ же другое можно любить на землѣ? Что̀ одно неизмѣнно, что̀ выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... Замѣтьте: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я,—мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость.

Инсаровъ замолкъ на мгновеніе, и снова заговорилъ о Болгаріи. Елена слушала его съ пожирающимъ, глубокимъ и печальнымъ вниманіемъ. Когда онъ кончилъ, она еще разъ спросила его:

— Такъ вы ни за что не остались бы въ Россіи?

А когда онъ ушелъ, она долго смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ въ этотъ день сталъ для нея другимъ человѣкомъ. Не такимъ она провожала его, какимъ встрѣтила его за два часа тому назадъ.

Съ того дня онъ сталъ ходить все чаще и чаще, а Берсеневъ все рѣже. Между обоими пріятелями завелось что-то странное, что̀ они оба хорошо чувствовали, но назвать не могли, а разъяснить боялись. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

XV.

Анна Васильевна любила сидѣть дома, какъ уже извѣстно читателю; но иногда, совершенно неожиданно, проявлялось въ ней непреодолимое желаніе чего-нибудь необыкновеннаго, какой-нибудь удивительной partie de plaisir; и чѣмъ затруднительнѣе была эта partie de plaisir, чѣмъ больше требовала она приготовленій и сборовъ, чѣмъ больше волновалась сама Анна Васильевна, тѣмъ ей было пріятнѣе. Находилъ ли на нее этотъ *стихъ* зимой — она приказывала нанять двѣ-три ложи рядомъ, собирала всѣхъ своихъ знакомыхъ и отправлялась въ театръ, или даже въ маскарадъ; лѣтомъ—она ѣхала за городъ, куда-нибудь

подальше. На другой день она жаловалась на головную боль, кряхтѣла и не вставала съ постели, а мѣсяца черезъ два въ ней опять загоралась жажда „необыкновеннаго“. То же случилось и теперь. Кто-то упомянулъ при ней о красотахъ Царицына, и Анна Васильевна внезапно объявила, что она послѣ-завтра намѣрена ѣхать въ Царицыно. Поднялась тревога въ домѣ: нарочный поскакалъ въ Москву за Николаемъ Артемьевичемъ; съ нимъ же поскакалъ и дворецкій закупать вина, паштетовъ и всякихъ съѣстныхъ припасовъ; Шубину вышелъ приказъ нанять ямскую коляску (одной кареты было мало) и приготовить подставныхъ лошадей; казачокъ два раза сбѣгалъ къ Берсеневу и Инсарову, и снесъ имъ двѣ пригласительныя записки, написанныя сперва по-русски, потомъ по-французски, Зоей; сама Анна Васильевна хлопотала о дорожномъ туалетѣ барышень. Между тѣмъ partie de plaisir чуть не разстроилась: Николай Артемьевичъ прибылъ изъ Москвы въ кисломъ и недоброжелательномъ, фрондёрскомъ расположеніи духа (онъ все еще дулся на Августину Христіановну) и, узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшительно объявилъ, что онъ не поѣдетъ;—что скакать изъ Кунцова въ Москву, а изъ Москвы въ Царицыно, а изъ Царицына опять въ Москву, а изъ Москвы опять въ Кунцово—нелѣпость,—и наконецъ, прибавилъ онъ, пусть мнѣ сперва докажутъ, что на одномъ пунктѣ земного шара можетъ быть веселѣе, чѣмъ на другомъ пунктѣ, тогда я поѣду. Это ему никто, разумѣется, доказать не могъ, и Анна Васильевна, за неимѣніемъ солиднаго кавалера, уже готова была отказаться отъ partie de plaisir, да вспомнила объ Уварѣ Ивановичѣ, и съ горя послала за нимъ въ его комнатку, говоря: „утопающій и за соломинку хватается“. Его разбудили; онъ сошелъ внизъ, выслушалъ молча предложеніе Анны Васильевны, поигралъ пальцами и, къ общему изумленію, согласился. Анна Васильевна поцѣловала его въ щеку и назвала миленькимъ; Николай Артемьевичъ улыбнулся презрительно и сказалъ: quelle bourde! (онъ любилъ при случаѣ употреблять „шикарныя“ французскія слова)—а на слѣдующее утро, въ семь часовъ, карета и коляска,

нагруженныя до верху, выкатились со двора Стаховской дачи. Въ каретѣ сидѣли дамы, горничная и Берсеневъ; Инсаровъ помѣстился на козлахъ; а въ коляскѣ находились Уваръ Ивановичъ и Шубинъ. Уваръ Ивановичъ самъ движеніемъ пальца подозвалъ къ себѣ Шубина; онъ зналъ, что тотъ будетъ дразнить его всю дорогу, но между „черноземной силой“ и молодымъ художникомъ существовала какая-то странная связь и бранчивая откровенность. Впрочемъ, на этотъ разъ Шубинъ оставилъ своего толстаго друга въ покоѣ: онъ былъ молчаливъ, разсѣянъ и мягокъ.

Солнце уже высоко стояло на безоблачной лазури, когда экипажи подкатили къ развалинамъ Царицынскаго зàмка, мрачнымъ и грознымъ даже въ полдень. Все общество спустилось на траву и тотчасъ же двинулось въ садъ. Впереди шла Елена и Зоя съ Инсаровымъ; за ними съ выраженіемъ полнаго счастія на лицѣ выступала Анна Васильевна подъ руку съ Уваромъ Ивановичемъ. Онъ пыхтѣлъ и переваливался, новая соломенная шляпа рѣзала ему лобъ и ноги горѣли въ сапогахъ, но ему было хорошо; Шубинъ и Берсеневъ замыкали шествіе. „Мы будемъ, братецъ, въ резервѣ, какъ нѣкіе ветераны“, шепнулъ Берсеневу Шубинъ. „Тамъ теперь Болгарія“, прибавилъ онъ, показавъ бровями на Елену.

Погода была чудесная. Все кругомъ цвѣло, жужжало и пѣло; вдали сіяли воды прудовъ; праздничное, свѣтлое чувство охватывало душу. „Ахъ, хорошо! ахъ, хорошо!“ безпрестанно твердила Анна Васильевна; Уваръ Ивановичъ потряхивалъ одобрительно головой въ отвѣтъ на ея восторженныя восклицанія и разъ даже промолвилъ: „Что̀ толковать!“ Елена изрѣдка мѣнялась словами съ Инсаровымъ; Зоя придерживала двумя пальчиками край широкой шляпы, кокетливо выносила изъ-подъ розоваго бареженаго платья свои маленькія ножки, обутыя въ свѣтлосѣрыя ботинки съ тупыми носками, и посматривала то вбокъ, то назадъ. „Эге!“ воскликнулъ вдругъ вполголоса Шубинъ: „Зоя Никитишна никакъ оглядывается. Пойду-ка я къ ней. Елена Николаевна теперь меня пре-

зираетъ, а тебя, Андрей Петровичъ, уважаетъ, что̀ на одно выходитъ. Пойду; довольно я кисъ. Тебѣ же, мой другъ, совѣтую ботанизировать: въ твоемъ положеніи это самое лучшее, что̀ ты придумать можешь; оно же и въ ученомъ отношеніи полезно. Прощай!“ Шубинъ подбѣжалъ къ Зоѣ, подставилъ ей руку кренделемъ и, сказавъ: „Ihre Hand, Madame“, подхватилъ ее и пустился съ ней впередъ. Елена остановилась, подозвала Берсенева и тоже взяла его руку, но продолжала говорить съ Инсаровымъ. Она спрашивала у него, какъ на его языкѣ называется ландышъ, кленъ, дубъ, липа... (Болгарія! подумалъ бѣдный Андрей Петровичъ.)

Вдругъ впереди раздался крикъ; всѣ подняли голову. Сигарочница Шубина летѣла въ кустъ, брошенная рукой Зои. „Погодите, я съ вами за это разсчитаюсь!“ воскликнулъ онъ, полѣзъ въ кустъ, нашелъ тамъ сигарочницу и вернулся-было къ Зоѣ; но не успѣлъ онъ къ ней приблизиться, какъ уже опять его сигарочница летѣла черезъ дорожку. Разъ пять повторялась эта продѣлка, онъ все хохоталъ и грозился, а Зоя только втихомолку улыбалась и пожималась, какъ кошечка. Наконецъ онъ поймалъ ея пальцы и такъ ихъ тиснулъ, что она пискнула, и долго потомъ дула на руку, притворно сердилась, а онъ ей напѣвалъ что-то на ухо.

— Шалуны, молодой народъ, — весело замѣтила Анна Васильевна Увару Ивановичу.

Тотъ поигралъ перстами.

— Какова Зоя Никитишна?—сказалъ Берсеневъ Еленѣ.

— А Шубинъ?—отвѣчала она.

Между тѣмъ все общество подошло къ бесѣдкѣ, извѣстной подъ именемъ Миловидовой, и остановилось, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ Царицынскихъ прудовъ. Они тянулись одинъ за другимъ на нѣсколько верстъ; сплошные лѣса темнѣли за ними. Мурава, покрывавшая весь скатъ холма до главнаго пруда, придавала самой водѣ необыкновенно-яркій, изумрудный цвѣтъ. Нигдѣ, даже у берега, не вспухала волна, не бѣлѣла пѣна; даже ряби не пробѣгало по ровной глади. Казалось, застывшая масса

стекла тяжело и свѣтло улеглась въ огромной купели, и небо ушло къ ней на дно, и кудрявыя деревья неподвижно глядѣлись въ ея прозрачное лоно. Всѣ долго и молча любовались видомъ; даже Шубинъ притихъ, даже Зоя задумалась. Наконецъ всѣ единодушно захотѣли покататься по водѣ. Шубинъ, Инсаровъ и Берсеневъ побѣжали по травѣ взапуски. Они отыскали большую, раскрашенную лодку, отыскали двухъ гребцовъ и позвали дамъ. Дамы сошли къ нимъ; Уваръ Ивановичъ осторожно спустился за дамами. Пока онъ входилъ въ лодку, пока усаживался, много было смѣху. „Смотрите, баринъ, не затопите насъ“, замѣтилъ одинъ изъ гребцовъ, молодой курносый парень въ александрійской рубахѣ. — Ну, ну, фуфыря! — проговорилъ Уваръ Ивановичъ. Лодка отчалила. Молодые люди взялись-было за весла, но грести умѣлъ изъ нихъ одинъ Инсаровъ. Шубинъ предложилъ спѣть хоромъ какую-нибудь русскую пѣсню, и самъ затянулъ: „Внизъ по матушкѣ“... Берсеневъ, Зоя и даже Анна Васильевна подхватили (Инсаровъ не умѣлъ пѣть), но вышла разноголосица, на третьемъ стихѣ пѣвцы запутались, одинъ Берсеневъ пытался продолжать басомъ: „Ничего въ волнахъ не видно“, — но тоже скоро сконфузился. Гребцы перемигнулись и оскалили зубы молча.—Что?— обратился къ нимъ Шубинъ:—видно господа пѣть-то не умѣютъ? — Малый въ александрійской рубахѣ только головой тряхнулъ. — Такъ погоди жъ, курносый, возразилъ Шубинъ, мы тебѣ покажемъ. Зоя Никитишна, спойте намъ: Le lac, Нидермейера. Не гребите, вы! — Мокрыя весла поднялись на воздухъ, какъ крылья, и такъ и замерли, звонко роняя капли; лодка проплыла еще немного и остановилась, чуть-чуть закружившись на водѣ, какъ лебедь. Зоя поломалась... Allons! ласково промолвила Анна Васильевна... Зоя скинула шляпу и запѣла: „O, lac, l'année à peine a fini sa carrière...“

Ея небольшой, но чистый голосокъ такъ и помчался по зеркалу пруда; далеко въ лѣсахъ отзывалось каждое слово; казалось, и тамъ кто-то пѣлъ четкимъ и таинственнымъ, но не человѣческимъ, не здѣшнимъ голосомъ. Когда

Зоя кончила, громкое браво раздалось изъ одной прибрежной бесѣдки и оттуда выскочило нѣсколько краснорожихъ нѣмцевъ, пріѣхавшихъ *покнейпировать* въ Царицыно. Нѣкоторые изъ нихъ были безъ сюртуковъ, безъ галстуковъ, и даже безъ жилетовъ, и до того неистово кричали: bis! что Анна Васильевна велѣла поскорѣе отъѣхать на другой конецъ пруда. Но, прежде чѣмъ лодка пристала къ берегу, Увару Ивановичу еще разъ удалось удивить своихъ знакомыхъ: замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ лѣса эхо особенно ясно повторяло каждый звукъ, онъ вдругъ началъ кричать перепеломъ. Сперва всѣ вздрогнули, но тотчасъ же почувствовали истинное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Уваръ Ивановичъ кричалъ очень вѣрно и похоже. Это его поощрило, и онъ попробовалъ мяукать; но мяуканье выходило у него не такъ хорошо; онъ крикнулъ еще разъ перепеломъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и умолкъ. Шубинъ бросился его цѣловать: онъ оттолкнулъ его. Въ это мгновеніе лодка причалила, и все общество вышло на берегъ.

Между тѣмъ кучеръ съ лакеемъ и горничной принесли корзинки изъ кареты и приготовили обѣдъ на травѣ подъ старыми липами. Всѣ усѣлись вокругъ разостланной скатерти и принялись за паштетъ и прочія яства. У всѣхъ аппетитъ былъ отличный, а Анна Васильевна то и дѣло угащивала и уговаривала своихъ гостей, чтобы побольше ѣли, увѣряя, что на воздухѣ это очень здорово; она обращалась съ такими рѣчами къ самому Увару Ивановичу. „Будьте спокойны“, промычалъ онъ ей съ набитымъ ртомъ. „Далъ же Господь такой славный день!“ твердила она безпрестанно. Ее нельзя было узнать: она точно двадцатью годами помолодѣла. Берсеневъ замѣтилъ ей это. „Да, да“, сказала она; „была и я, въ мое время, хоть куда; изъ десятка бы меня не выкинули“. Шубинъ присоединился къ Зоѣ и безпрестанно наливалъ ей вина; она отказывалась, онъ ее потчивалъ и кончалъ тѣмъ, что самъ выпивалъ стаканъ и потомъ опять ее потчивалъ; онъ также увѣрялъ ее, что желаетъ преклонить свою голову къ ней на колѣни: она никакъ не хотѣла позволить

ему, „этакую большую вольность“. Елена казалась серьезнѣе всѣхъ, но на сердцѣ у ней было чудное спокойствіе, какого она давно не испытывала. Она чувствовала себя безконечно доброю, и ей все хотѣлось имѣть возлѣ себя не одного только Инсарова, но и Берсенева... Андрей Петровичъ смутно понималъ что̀ это значило и вздыхалъ украдкой.

Часы летѣли; вечеръ приближался. Анна Васильевна вдругъ всполошилась. „Ахъ, батюшки мои, какъ поздно“, заговорила она. „Пожито, попито, господа; пора и бороду утирать“. Она засуетилась, и всѣ засуетились, встали и пошли въ направленіи къ замку, гдѣ находились экипажи. Проходя мимо прудовъ, всѣ остановились, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться Царицынымъ. Вездѣ горѣли яркія, передвечернія краски; небо рдѣло, листья переливчато блистали, возмущенные поднявшимся вѣтеркомъ; растопленнымъ золотомъ струились отдаленныя воды; рѣзко отдѣлялись отъ темной зелени деревьевъ красноватыя башенки и бесѣдки, кое-гдѣ разбросанныя по саду. „Прощай, Царицыно, не забудемъ мы сегодняшнюю поѣздку!“ промолвила Анна Васильевна... Но въ это мгновенье, и какъ бы въ подтвержденіе ея послѣднихъ словъ, случилось странное происшествіе, которое дѣйствительно не такъ-то легко было позабыть.

А именно: не успѣла Анна Васильевна послать свой прощальный привѣтъ Царицыну, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, за высокимъ кустомъ сирени, раздались нестройныя восклицанія, хохотня и крики—и цѣлая гурьба растрепанныхъ мужчинъ, тѣхъ самыхъ любителей пѣнія, которые такъ усердно хлопали Зоѣ, высыпала на дорожку. Господа любители казались сильно навеселѣ. Они остановились при видѣ дамъ; но одинъ изъ нихъ, огромнаго росту, съ бычачьей шеей и бычачьими воспаленными глазами, отдѣлился отъ своихъ товарищей и, неловко раскланиваясь и покачиваясь на ходу, приблизился къ окаменѣвшей отъ испуга Аннѣ Васильевнѣ.

— Бонжуръ, мадамъ,—проговорилъ онъ сиплымъ голосомъ:—какъ ваше здоровье?

Анна Васильевна пошатнулась назадъ.

— А отчего вы,—продолжалъ великанъ дурнымъ русскимъ языкомъ: — не хотѣлъ пѣть bis, когда нашъ компани кричалъ bis, и браво, форо?

— Да, да, отчего?—раздалось въ рядахъ компаніи.

Инсаровъ шагнулъ-было впередъ, но Шубинъ остановилъ его и самъ заслонилъ Анну Васильевну.

— Позвольте,— началъ онъ: — почтенный незнакомецъ, выразить вамъ неподдѣльное изумленіе, въ которое вы повергаете всѣхъ насъ своими поступками. Вы, сколько я могу судить, принадлежите къ саксонской отрасли кавказскаго племени; слѣдовательно, мы должны предполагать въ васъ знаніе свѣтскихъ приличій, а между тѣмъ вы заговариваете съ дамой, которой вы не были представлены. Повѣрьте, въ другое время я, въ особенности, былъ бы очень радъ сблизиться съ вами, ибо замѣчаю въ васъ такое феноменальное развитіе мускуловъ: biceps, triceps и deltoïdaeus, что, какъ ваятель, почелъ бы за истинное счастіе имѣть васъ своимъ натурщикомъ; но на сей разъ оставьте насъ въ покоѣ.

„Почтенный незнакомецъ“ выслушалъ всю рѣчь Шубина, презрительно скрутивъ голову на сторону и уперши руки въ бока.

— Я ничего не понимаетъ, что̀ вы говорите такое, — промолвилъ онъ наконецъ.—Вы думаетъ, можетъ-быть, я сапожникъ, или часовыхъ дѣлъ мастеръ? Э! Я официръ, я чиновникъ, да.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, — началъ-было Шубинъ...

— А я вотъ что̀ говорю, — продолжалъ незнакомецъ, отстраняя его своею мощною рукой, какъ вѣтку съ дороги: — я говорю: отчего вы не пѣлъ bis, когда мы кричалъ bis? А теперь я сейчасъ, сей минутой уйду, только вотъ нушна, штопъ эта фрейлейнъ, не эта мадамъ, нѣтъ, эта не нушна, а вотъ эта, или эта (онъ указалъ на Елену и Зою), дала мнѣ einen Kuss, какъ мы это говоримъ по-нѣмецки, поцалуйшикъ, да; что жъ? это ничего.

— Ничего, einen Kuss, это ничего,—раздалось опять въ рядахъ компаніи.

— Ih! der Stakramenter! — проговорилъ, давясь отъ смѣху, одинъ уже совершенно чирый нѣмецъ.

Зоя ухватила за руку Инсарова, но онъ вырвался у нея и сталъ прямо передъ великорослымъ нахаломъ.

— Извольте идти прочь,—сказалъ онъ ему не громкимъ, но рѣзкимъ голосомъ.

Нѣмецъ тяжело захохоталъ.

— Какъ прочь? Вотъ это и я люблю! Развѣ я тоже не могу гуляйтъ? Какъ это прочь? Отчего прочь?

— Оттого, что вы осмѣлились безпокоить даму,—проговорилъ Инсаровъ и вдругъ поблѣднѣлъ:—оттого, что вы пьяны.

— Какъ? я пьянъ? Слышить? Hören Sie das, Herr Provisor? Я официръ, а онъ смѣетъ... Теперь я требую Satisfaction! Einen Kuss will ich!

— Если вы сдѣлаете еще шагъ,—началъ Инсаровъ...

— Ну? И что̀ тогда?

— Я васъ брошу въ воду.

— Въ воду? Herr Je! И только? Ну, посмотримъ, это очень любопытно, какъ это въ воду...

Господинъ *официръ* поднялъ руки и подался впередъ, но вдругъ произошло нѣчто необыкновенное: онъ крякнулъ, все огромное туловище его покачнулось, поднялось отъ земли, ноги брыкнули на воздухѣ, и прежде чѣмъ дамы успѣли вскрикнуть, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ понять, какимъ образомъ это сдѣлалось, господинъ *официръ*, всей своей массой, съ тяжкимъ плескомъ бухнулся въ прудъ и тотчасъ же исчезъ подъ заклубившейся водой.

— Ай!—дружно взвизгнули дамы.

— Mein Gott!—послышалось съ другой стороны.

Прошла минута... и круглая голова, вся облѣпленная мокрыми волосами, показалась надъ водой; она пускала пузыри, эта голова; двѣ руки судорожно барахтались у самыхъ ея губъ...

— Онъ утонетъ, спасите его, спасите!—закричала Анна

Васильевна Инсарову, который стоялъ на берегу разставивъ ноги и глубоко дыша.

— Выплыветъ,—проговорилъ онъ съ презрительной и безжалостной небрежностью.—Пойдемте,—прибавилъ онъ, взявши Анну Васильевну за руку:—пойдемте, Уваръ Ивановичъ, Елена Николаевна.

— А... а... о... о... — раздался въ это мгновеніе вопль несчастнаго нѣмца, успѣвшаго ухватиться за прибрежный тростникъ.

Всѣ двинулись вслѣдъ за Инсаровымъ, и всѣмъ пришлось пройти мимо самой „компаніи". Но лишившись своего главы, гуляки присмирѣли и ни словечка не вымолвили; одинъ только, самый храбрый изъ нихъ, пробормоталъ, потряхивая головой: „Ну, это однако... это, Богъ знаетъ, что... послѣ этого"; а другой даже шляпу снялъ. Инсаровъ казался имъ очень грознымъ, и не даромъ: что-то недоброе, что-то опасное выступило у него на лицѣ. Нѣмцы бросились вытаскивать своего товарища, и тотъ, какъ только очутился на твердой землѣ, началъ слезливо браниться и кричать вслѣдъ этимъ „русскимъ мошенникамъ", что онъ жаловаться будетъ, что онъ къ самому его превосходительству, графу фонъ-Кизерицъ пойдетъ...

Но „русскіе мошенники" не обращали вниманія на его возгласы и, какъ можно скорѣе, спѣшили къ замку. Всѣ молчали, пока шли по саду, только Анна Васильевна слегка охала. Но вотъ они приблизились къ экипажамъ, остановились, и неудержимый, несмолкаемый смѣхъ поднялся у нихъ, какъ у небожителей Гомера. Первый, визгливо, какъ безумный, залился Шубинъ, за нимъ горохомъ забарабанилъ Берсеневъ, тамъ Зоя разсыпалась тонкимъ бисеромъ, Анна Васильевна тоже вдругъ такъ и покатилась, даже Елена не могла не улыбнуться, даже Инсаровъ не устоялъ наконецъ. Но громче всѣхъ, и дольше всѣхъ, и неистовѣе всѣхъ хохоталъ Уваръ Ивановичъ: онъ хохоталъ до колотья въ боку, до чихоты, до удушья. Притихнетъ немного, да проговоритъ сквозь слезы: „я... думаю... что это хлопнуло?.. а это... онъ... плашмя"... И вмѣстѣ съ послѣднимъ, судорожно выдавленнымъ сло-

вомъ, новый взрывъ хохота потрясалъ весь его составъ. Зоя его еще больше подзадоривала. „Я, говоритъ, вижу, ноги по воздуху“... — Да, да,—подхватилъ Уваръ Ивановичъ:—ноги, ноги... а тамъ хлопъ! а это онъ п-п-плашмя!— „Да и какъ они это ухитрились, вѣдь нѣмецъ-то втрое больше ихъ былъ?“ спросила Зоя.—А я вамъ доложу,— отвѣтилъ, утирая глаза, Уваръ Ивановичъ:—я видѣлъ: одною рукой за поясницу, ногу подставилъ, да какъ хлопъ! Я слышу: что это?.. а это онъ, плашмя...

Уже экипажи давно тронулись, уже Царицынскій зàмокъ скрылся изъ виду, а Уваръ Ивановичъ все не могъ успокоиться. Шубинъ, который опять съ нимъ поѣхалъ въ коляскѣ, пристыдилъ его наконецъ.

А Инсарову было совѣстно. Онъ сидѣлъ въ каретѣ противъ Елены (на кòзлахъ помѣстился Берсеневъ) и молчалъ; она тоже молчала. Онъ думалъ, что она его осуждаетъ; а она не осуждала его. Она очень испугалась въ первую минуту; потомъ ее поразило выраженіе его лица; потомъ она все размышляла. Ей не было совершенно ясно, о чемъ размышляла она. Чувство, испытанное ею въ теченіе дня, исчезло; это она сознавала; но оно замѣнилось чѣмъ-то другимъ, чего она пока не понимала. Partie de plaisir продолжалась слишкомъ долго: вечеръ незамѣтно перешелъ въ ночь. Карета быстро неслась, то вдоль созрѣвающихъ нивъ, гдѣ воздухъ былъ душенъ и душистъ и отзывался хлѣбомъ, то вдоль широкихъ луговъ, и внезапная ихъ свѣжесть била легкою волной по лицу. Небо словно дымилось по краямъ. Наконецъ выплылъ мѣсяцъ, тусклый и красный. Анна Васильевна дремала; Зоя высунулась изъ окна и глядѣла на дорогу. Еленѣ пришло наконецъ въ голову, что она болѣе часу не говорила съ Инсаровымъ. Она обратилась къ нему съ незначительнымъ вопросомъ: онъ тотчасъ радостно отвѣтилъ ей. Въ воздухѣ стали носиться какіе-то неясные звуки; казалось, будто вдали говорили тысячи голосовъ: Москва неслась имъ навстрѣчу. Впереди замелькали огоньки; ихъ становилось все болѣе и болѣе; наконецъ, подъ колесами застучали камни. Анна Васильевна проснулась; всѣ заговорили въ

каретѣ, хотя никто уже не могъ разслышать, о чемъ шла рѣчь: такъ сильно гремѣла мостовая подъ двумя экипажами и тридцатью двумя лошадиными ногами. Длиннымъ и скучнымъ показался переѣздъ изъ Москвы въ Кунцово; всѣ спали или молчали, прижавшись головами къ разнымъ уголкамъ; одна Елена не закрывала глазъ: она не сводила ихъ съ темной фигуры Инсарова. На Шубина напала грусть: вѣтерокъ дулъ ему въ глаза и раздражалъ его; онъ завернулся въ воротникъ шинели и чуть-чуть было не всплакнулъ. Уваръ Ивановичъ благополучно похрапывалъ, качаясь направо и налѣво. Экипажи остановились наконецъ. Два лакея вынесли Анну Васильевну изъ кареты; она совсѣмъ расклеилась и, прощаясь съ своими спутниками, объявила имъ, что она чуть жива; они стали ее благодарить, а она только повторила: „чуть жива". Елена пожала въ первый разъ руку Инсарову, и долго не раздѣвалась, сидя подъ окномъ; а Шубинъ улучилъ время шепнуть уходившему Берсеневу:

— Ну какъ же не герой: въ воду пьяныхъ нѣмцевъ бросаетъ!

— А ты и того не сдѣлалъ, — возразилъ Берсеневъ, и отправился домой съ Инсаровымъ.

Заря уже занималась на небѣ, когда оба пріятеля возвратились на свою квартиру. Солнце еще не вставало, но уже заигралъ холодокъ, сѣдая роса покрыла травы, и первые жаворонки звенѣли высоко-высоко въ полусумрачной воздушной безднѣ, откуда, какъ одинокій глазъ, смотрѣла крупная, послѣдняя звѣзда.

XVI.

Елена, вскорѣ послѣ знакомства съ Инсаровымъ, начала (въ пятый или шестой разъ) дневникъ. Вотъ отрывки изъ этого дневника:

Іюня... Андрей Петровичъ мнѣ приноситъ книги, но я ихъ читать не могу. Сознаться ему въ этомъ—совѣстно; отдать книги, солгать, сказать, что читала—не хочется. Мнѣ кажется, это его огорчитъ. Онъ все за мной замѣ-

чаетъ. Онъ, кажется, очень ко мнѣ привязанъ. Очень хорошій человѣкъ Андрей Петровичъ.

...Чего мнѣ хочется? Отчего у меня такъ тяжело на сердцѣ, такъ томно? Отчего я съ завистью гляжу на пролетающихъ птицъ? Кажется, полетѣла бы съ ними, полетѣла — куда, не знаю, только далеко отсюда. И не грѣшно ли это желаніе? У меня здѣсь мать, отецъ, семья. Развѣ я не люблю ихъ? Нѣтъ, я не люблю ихъ такъ, какъ бы хотѣлось любить. Мнѣ страшно вымолвить это, но это правда. Можетъ-быть, я большая грѣшница; можетъ-быть, оттого мнѣ такъ грустно, оттого мнѣ нѣтъ покоя. Какая-то рука лежитъ на мнѣ и давитъ меня. Точно я въ тюрьмѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ на меня повалятся стѣны. Отчего же другіе этого не чувствуютъ? Кого же я буду любить, если я къ своимъ холодна? Видно, папенька правъ: онъ упрекаетъ меня, что я люблю однѣхъ собакъ да кошекъ. Надо объ этомъ подумать. Я мало молюсь; надо молиться... А кажется, я бы умѣла любить!

...Я все еще робѣю съ господиномъ Инсаровымъ. Не знаю отчего; я, кажется, не молоденькая, а онъ такой простой и добрый. Иногда у него очень серьезное лицо. Ему, должно-быть, не до насъ. Я это чувствую, и мнѣ какъ будто совѣстно отнимать у него время. Андрей Петровичъ— другое дѣло. Я съ нимъ готова болтать хоть цѣлый день. Но и онъ мнѣ все говоритъ объ Инсаровѣ. И какія страшныя подробности! Я его видѣла сегодня ночью съ кинжаломъ въ рукѣ. И будто онъ мнѣ говоритъ: „Я тебя убью и себя убью“. Какія глупости!

...О, если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что̀ ты должна дѣлать! Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да; это главное въ жизни. Но ка̀къ дѣлать добро? О, если бъ я могла овладѣть собою! Не понимаю, отчего я такъ часто думаю о господинѣ Инсаровѣ. Когда онъ приходитъ, и сидитъ, и слушаетъ внимательно, а самъ не старается, не хлопочетъ, я гляжу на него, и мнѣ пріятно— но только; а когда онъ уйдетъ, я все припоминаю его слова, и досадую на себя и даже волнуюсь... сама не знаю

отчего. (Онъ плохо говоритъ по-французски, и не стыдится—это мнѣ нравится.) Впрочемъ, я всегда много думаю о новыхъ лицахъ. Разговаривая съ нимъ, я вдругъ вспомнила нашего буфетчика Василія, который вытащилъ изъ горѣвшей избы безногаго старика и самъ чуть не погибъ. Папенька назвалъ его молодцомъ, мамаша дала ему пять рублей, а мнѣ хотѣлось ему въ ноги поклониться. И у него было простое, даже глупое лицо, и онъ потомъ сдѣлался пьяницей.

...Я сегодня подала грошъ одной нищей, а она мнѣ говоритъ: отчего ты такая печальная? А я и не подозрѣвала, что у меня печальный видъ. Я думаю, это отъ того происходитъ, что я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ. Некому протянуть руку. Кто подходитъ ко мнѣ, того не надобно; а кого бы хотѣла... тотъ идетъ мимо.

...Я не знаю, что̀ со мною сегодня; голова моя путается, я готова упасть на колѣни и просить, и умолять пощады. Не знаю, кто и какъ, но меня какъ будто убиваютъ, и внутренно я кричу, и возмущаюсь; я пла̀чу и не могу молчать... Боже мой! Боже мой! укроти во мнѣ эти порывы! Ты одинъ это можешь, все другое безсильно: ни мои ничтожныя милостыни, ни занятія, ничего, ничего, ничего мнѣ помочь не можетъ. Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче.

Къ чему молодость, къ чему я живу, зачѣмъ у меня душа, зачѣмъ все это?

...Инсаровъ, господинъ Инсаровъ, — я, право, не знаю какъ писать,—продолжаетъ занимать меня. Мнѣ хочется знать, что̀ у него тамъ, въ душѣ? Онъ, кажется, такъ открытъ, такъ доступенъ, а мнѣ ничего не видно. Иногда онъ глядитъ на меня какими-то испытующими глазами... или это одна моя фантазія? Поль меня все дразнитъ—я сердита на Поля. Что̀ ему надобно? Онъ въ меня влюбленъ... да мнѣ не нужно его любви. Онъ и въ Зою влюбленъ. Я къ нему несправедлива; онъ мнѣ вчера сказалъ, что я не умѣю быть несправедливой вполовину... это правда. Это очень дурно.

Ахъ, я чувствую, человѣку нужно несчастье, или бѣдность, или болѣзнь, а то какъ-разъ зазнаешься.

...Зачѣмъ Андрей Петровичъ разсказалъ мнѣ сегодня объ этихъ двухъ болгарахъ! Онъ какъ будто съ намѣреніемъ разсказалъ мнѣ это. Что̀ мнѣ до господина Инсарова? Я сердита на Андрея Петровича.

...Берусь за перо и не знаю какъ начать. Какъ неожиданно онъ сегодня заговорилъ со мною въ саду! Какъ онъ былъ ласковъ и довѣрчивъ! Какъ это скоро сдѣлалось! Точно мы—старые, старые друзья, и только сейчасъ узнали другъ друга. Какъ я могла не понимать его до сихъ поръ! Какъ онъ теперь мнѣ близокъ! И вотъ что̀ удивительно: я теперь гораздо спокойнѣе стала. Мнѣ смѣшно: вчера я сердилась на Андрея Петровича, на него, я даже назвала его *господинъ Инсаровъ*, а сегодня... Вотъ, наконецъ, правдивый человѣкъ; вотъ на кого положиться можно. Этотъ не лжетъ; это первый человѣкъ, котораго я встрѣчаю, который не лжетъ: всѣ другіе лгутъ, все лжетъ. Андрей Петровичъ, милый, добрый, за что̀ же я васъ обижаю? Нѣтъ! Андрей Петровичъ, можетъ-быть, ученѣе его, можетъ-быть, даже умнѣе... Но, я не знаю, онъ передъ нимъ такой маленькій. Когда *тотъ* говоритъ о своей родинѣ, онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошѣетъ, и голосъ какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ—онъ дѣлалъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу... Какъ онъ вдругъ обернулся ко мнѣ и улыбнулся мнѣ!.. Только братья такъ улыбаются. Ахъ, какъ я довольна! Когда онъ пришелъ къ намъ въ первый разъ, я никакъ не думала, что мы такъ скоро сблизимся. А теперь мнѣ даже нравится, что я въ первый разъ осталась равнодушною? Равнодушною! Развѣ я теперь не равнодушна?

...Я давно не чувствовала такого внутренняго спокойствія. Такъ тихо во мнѣ, такъ тихо. И записывать нечего. Я его часто вижу, вотъ и все. Что̀ еще записывать?

...Поль заперся, Андрей Петровичъ сталъ рѣже ходить... бѣдный! мнѣ кажется, онъ... Впрочемъ, это быть не мо-

жетъ. Я люблю говорить съ Андреемъ Петровичемъ: никогда ни слова о себѣ, все о чемъ-нибудь дѣльномъ, полезномъ. Не то, что Шубинъ. Шубинъ наряденъ, какъ бабочка, да любуется своимъ нарядомъ; этого бабочки не дѣлаютъ. Впрочемъ, и Шубинъ, и Андрей Петровичъ... я знаю, что̀ я хочу сказать.

...*Ему* пріятно къ намъ ходить, я это вижу. Но отчего? что̀ онъ нашелъ во̀ мнѣ? Правда, у насъ вкусы похожи: и онъ, и я, мы оба стиховъ не любимъ: оба не знаемъ толка въ художествѣ. Но насколько онъ лучше меня! Онъ спокоенъ, а я въ вѣчной тревогѣ; у него есть доро̀га, есть цѣль—а я, куда я иду? гдѣ мое гнѣздо? Онъ спокоенъ, но всѣ его мысли далеко. Придетъ время, и онъ покинетъ насъ навсегда, уйдетъ къ себѣ, туда, за море. Что̀-жъ? Дай Богъ ему! А я, все-таки, буду рада, что я его узнала, пока онъ здѣсь былъ.

Отчего онъ не русскій? Нѣтъ, онъ не могъ быть русскимъ.

И мамаша его любитъ; говоритъ: скромный человѣкъ. Добрая мамаша! Она его не понимаетъ. Поль молчитъ: онъ догадался, что мнѣ его намеки непріятны, но онъ къ нему ревнуетъ. Злой мальчикъ! И съ какого права? Развѣ я когда-нибудь...

Все это пустяки! Зачѣмъ мнѣ это все въ голову приходитъ?

...А вѣдь странно однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила? Мнѣ кажется, что у Д. (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Димитрій) отъ того такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что̀ не отвѣчаетъ. Не *я* хочу: *то* хочетъ. Кстати, и онъ, и я, мы одни цвѣты любимъ. Я сегодня сорвала розу. Одинъ листокъ упалъ, онъ его поднялъ... Я ему отдала всю розу.

...Д. къ намъ ходитъ часто. Вчера онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Онъ хочетъ учить меня по-болгарски. Мнѣ съ нимъ хорошо, какъ дома. Лучше, чѣмъ дома.

...Дни летятъ... И хорошо мнѣ, и почему-то жутко, и Бога благодарить хочется, и слезы не далеко. О, теплые, свѣтлые дни!

...Мнѣ все попрежнему легко, и только изрѣдка, изрѣдка, немножко грустно. Я счастлива. Счастлива ли я?

...Долго не забуду я вчерашней поѣздки. Какія странныя, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась... но онъ меня испугалъ. И потомъ—какое лицо зловѣщее, почти жестокое! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. Стало-быть, я его не понимала. И потомъ, когда всѣ смѣялись, когда я смѣялась, какъ мнѣ было больно за него! Онъ стыдился, я это чувствовала, онъ меня стыдился. Онъ мнѣ это сказалъ потомъ, въ каретѣ, въ темнотѣ, когда я старалась его разглядѣть и боялась его. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ-быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ, и остаться кроткимъ и мягкимъ? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ? А какъ начался этотъ день! Какъ мнѣ было хорошо идти съ нимъ рядомъ, даже молча... Но я рада тому, что̀ случилось. Видно, такъ слѣдовало.

...Опять безпокойство... Я не совсѣмъ здорова.

...Я всѣ эти дни ничего не записывала въ этой тетрадкѣ, потому что писать не хотѣлось. Я чувствовала: что̀ бы я ни написала, все будетъ не то, что̀ у меня на душѣ... А что у меня на душѣ? Я имѣла съ нимъ большой разговоръ, который мнѣ открылъ многое. Онъ мнѣ разсказалъ свои планы (кстати, я теперь знаю, отчего у него рана на шеѣ... Боже мой! когда я подумаю, что онъ уже былъ приговоренъ къ смерти, что онъ едва спасся, что его изранили...) Онъ предчувствуетъ войну и радуется ей. И со всѣмъ тѣмъ, я никогда не видала Д. такимъ грустнымъ. О чемъ онъ... онъ!.. можетъ грустить? Папенька изъ города вернулся, засталъ насъ обо-

ихъ, и какъ-то странно поглядѣлъ на насъ. Андрей Петровичъ пришелъ: я замѣтила, что онъ очень сталъ худъ и блѣденъ. Онъ упрекнулъ меня, будто бы я уже слишкомъ холодно и небрежно обращаюсь съ Шубинымъ. А я совсѣмъ забыла о Полѣ. Увижу его, постараюсь загладить свою вину. Мнѣ теперь не до него... и ни до кого въ мірѣ. Андрей Петровичъ заговорилъ со мною съ какимъ-то сожалѣніемъ. Что̀ все это значитъ? Отчего такъ темно вокругъ меня и во мнѣ? Мнѣ кажется, что вокругъ меня и во мнѣ происходитъ что-то загадочное, что нужно найти слово...

...Я не спала ночь, голова болитъ. Къ чему писать? Онъ сегодня ушелъ такъ скоро, а мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ... Онъ какъ будто избѣгаетъ меня. Да, онъ меня избѣгаетъ.

...Слово найдено, свѣтъ озарилъ меня! Боже! сжалься надо мною... Я влюблена!

XVII.

Въ тотъ самый день, когда Елена вписывала это послѣднее, роковое слово въ свой дневникъ, Инсаровъ сидѣлъ у Берсенева въ комнатѣ, а Берсеневъ стоялъ передъ нимъ, съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ. Инсаровъ только-что объявилъ ему о своемъ намѣреніи на другой же день переѣхать въ Москву.

— Помилуйте! — воскликнулъ Берсеневъ: — теперь наступаетъ самое красное время. Что̀ вы будете дѣлать въ Москвѣ? Что̀ за внезапное рѣшеніе! Или вы получили какое-нибудь извѣстіе?

— Я никакого извѣстія не получалъ,—возразилъ Инсаровъ: — но, по моимъ соображеніямъ, мнѣ нельзя здѣсь оставаться.

— Да какъ это можно...

— Андрей Петровичъ,—проговорилъ Инсаровъ:—будьте такъ добры, не настаивайте, прошу васъ. Мнѣ самому тяжело разстаться съ вами, дѣлать нечего.

Берсеневъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Я знаю,—проговорилъ онъ, наконецъ:—васъ не убѣдишь. Итакъ, это дѣло рѣшеное?

— Совершенно рѣшеное, — отвѣчалъ Инсаровъ, всталъ и удалился.

Берсеневъ прошелся по комнатѣ, взялъ шляпу и отправился къ Стаховымъ.

— Вы имѣете сообщить мнѣ что́-то,—сказала ему Елена, какъ только они остались вдвоемъ.

— Да; почему вы догадались?

— Это все равно. Говорите, что̀ такое?

Берсеневъ передалъ ей рѣшеніе Инсарова.

Елена поблѣднѣла.

— Что̀ это значитъ?—произнесла она съ трудомъ.

— Вы знаете, — промолвилъ Берсеневъ: — что Дмитрій Никаноровичъ не любитъ отдавать отчета въ своихъ поступкахъ. Но я думаю... Сядемте, Елена Николаевна, вы какъ будто не совсѣмъ здоровы... Я, кажется, могу догадаться, какая собственно причина этого внезапнаго отъѣзда.

— Какая, какая причина? — повторила Елена, крѣпко стискивая, и сама того не замѣчая, руку Берсенева въ своей похолодѣвшей рукѣ.

— Вотъ видите ли, — началъ Берсеневъ съ грустною улыбкой: — какъ бы это вамъ объяснить? Придется мнѣ возвратиться къ нынѣшней веснѣ, къ тому времени, когда я ближе познакомился съ Инсаровымъ. Я тогда встрѣтился съ нимъ въ домѣ одного родственника; у этого родственника была дочка, очень хорошенькая. Мнѣ показалось, что Инсаровъ къ ней неравнодушенъ, и я сказалъ ему это. Онъ разсмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что я ошибался, что сердце его не пострадало, но что онъ немедленно бы уѣхалъ, если бы что-нибудь подобное съ нимъ случилось, такъ какъ онъ не желаетъ, — это были его собственныя слова, — для удовлетворенія личнаго чувства измѣнить своему дѣлу и своему долгу. „Я болгаръ“, сказалъ онъ: „и мнѣ русской любви не нужно“...

— Ну... и что же... вы теперь... — прошептала Елена,

невольно отворачивая голову, какъ человѣкъ, ожидающій удара, но все не выпуская схваченной руки Берсенева.

— Я думаю,—промолвилъ онъ, и самъ понизилъ голосъ:—я думаю, что теперь сбылось то, что я тогда напрасно предполагалъ.

— То-есть... вы думаете... не мучьте меня!—вырвалось вдругъ у Елены.

— Я думаю,—поспѣшно подхватилъ Берсеневъ:—что Инсаровъ полюбилъ теперь одну русскую дѣвушку и, по обѣщанію своему, рѣшается бѣжать.

Елена еще крѣпче стиснула его руку и еще ниже наклонила голову, какъ бы желая спрятать отъ чужого взора румянецъ стыда, обливший внезапнымъ пламенемъ все лицо ея и шею.

— Андрей Петровичъ, вы добры, какъ ангелъ,—проговорила она:—но вѣдь онъ придетъ проститься?

— Да, я полагаю, навѣрное онъ придетъ, потому что не захочетъ уѣхать...

— Скажите ему, скажите...

Но тутъ бѣдная дѣвушка не выдержала: слезы хлынули у ней изъ глазъ, и она выбѣжала изъ комнаты.

„Такъ вотъ какъ она его любитъ“, думалъ Берсеневъ, медленно возвращаясь домой. „Я этого не ожидалъ; я не ожидалъ, что это уже такъ сильно. Я добръ, говоритъ она“, продолжалъ онъ свои размышленія... „Кто скажетъ, въ силу какихъ чувствъ и побужденій я сообщилъ все это Еленѣ? Но не по добротѣ, не по добротѣ. Все проклятое желаніе убѣдиться, дѣйствительно ли кинжалъ сидитъ въ ранѣ? Я долженъ быть доволенъ — они любятъ другъ друга, и я имъ помогъ... „Будущій посредникъ между наукой и россійскою публикой“, зоветъ меня Шубинъ; видно, мнѣ на роду написано быть посредникомъ. Но если я ошибся? Нѣтъ, я не ошибся...“

Горько было Андрею Петровичу, и не шелъ ему въ голову Раумеръ.

На слѣдующій день, часу во второмъ, Инсаровъ явился къ Стаховымъ. Какъ нарочно, о ту пору въ гостиной Анны Васильевны сидѣла гостья, сосѣдка-протопопица, очень

хорошая и почтенная женщина, но имѣвшая маленькую непріятность съ полиціей за то, что вздумала въ самый припекъ жара выкупаться въ пруду, близъ дороги, по которой часто проѣзжало какое-то важное генеральское семейство. Присутствіе посторонняго лица было сперва даже пріятно Еленѣ, у которой кровинки въ лицѣ не осталось, какъ только она услышала походку Инсарова; но сердце у ней замерло при мысли, что онъ можетъ проститься, не поговоривши съ ней наединѣ. Онъ же казался смущеннымъ и избѣгалъ ея взгляда. „Неужели онъ сейчасъ будетъ прощаться?“ думала Елена. Дѣйствительно, Инсаровъ обратился-было къ Аннѣ Васильевнѣ; Елена поспѣшно встала и отозвала его въ сторону, къ окну. Протопопица удивилась и попыталась обернуться; но она такъ туго затянулась, что корсетъ скрипѣлъ на ней при каждомъ движеніи. Она осталась неподвижною.

— Послушайте, — торопливо проговорила Елена: — я знаю, зачѣмъ вы пришли; Андрей Петровичъ сообщилъ мнѣ ваше намѣреніе, но я прошу васъ, я васъ умоляю не прощаться съ нами сегодня, а придти завтра сюда пораньше, часовъ въ одиннадцать. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Инсаровъ молча наклонилъ голову.

— Я васъ не буду удерживать... Вы мнѣ обѣщаете?

Инсаровъ опять поклонился, но ничего не сказалъ.

— Лепочка, поди сюда,—промолвила Анна Васильевна:— посмотри: какой у матушки чудесный ридикюль.

— Сама вышивала,—замѣтила протопопица.

Елена отошла отъ окна.

Инсаровъ остался не болѣе четверти часа у Стаховыхъ. Елена наблюдала за нимъ украдкой. Онъ переминался на мѣстѣ, попрежнему не зналъ, куда дѣвать глаза, и ушелъ какъ-то странно, внезапно; точно исчезъ.

Медлительно прошелъ этотъ день для Елены; еще медлительнѣе протянулась долгая, долгая ночь. Елена то сидѣла на кровати, обнявъ колѣни руками и положивъ на нихъ голову, то подходила къ окну, прикладывалась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу, и думала, думала, до

изнуренія думала все однѣ и тѣ же думы. Сердце у ней не то окаменѣло, не то исчезло изъ груди; она его не чувствовала, но въ головѣ тяжко бились жилы, и волосы ее жгли, и губы сохли. „Онъ придетъ... онъ не простился съ мамашей... онъ не обманетъ... Неужели Андрей Петровичъ правду сказалъ? Быть не можетъ... Онъ словами не обѣщалъ придти... Неужели я навсегда съ нимъ разсталась“... Вотъ какія мысли не покидали ея... именно не покидали: онѣ не приходили, не возвращались,—онѣ безпрестанно колыхались въ ней, какъ туманъ. „Онъ меня любитъ!“ вспыхивало вдругъ во всемъ ея существѣ, и она пристально глядѣла въ темноту; никому не видимая, тайная улыбка раскрывала ея губы... но она тотчасъ встряхивала головой, заносила къ затылку сложенные пальцы рукъ, и снова, какъ туманъ, колыхались въ ней прежнія думы. Передъ утромъ она раздѣлась и легла въ постель, но заснуть не могла. Первые огненные лучи солнца ударили въ ея комнату... „О, если онъ меня любитъ!“ воскликнула она вдругъ, и не стыдясь озарившаго ее свѣта, раскрыла свои объятія...

Она встала, одѣлась, сошла внизъ. Еще никто не просыпался въ домѣ. Она пошла въ садъ; но въ саду такъ было тихо, и зелено, и свѣжо, такъ довѣрчиво чирикали птицы, такъ радостно выглядывали цвѣты, что ей жутко стало. „О!“ подумала она: „если это правда, нѣтъ ни одной травки счастливѣе меня,—да правда ли это?“ Она вернулась въ свою комнату, и, чтобъ какъ-нибудь убить время, стала мѣнять платье. Но все у ней падало и скользило изъ рукъ, и она еще сидѣла, полураздѣтая, передъ своимъ туалетнымъ зеркальцемъ, когда ее позвали чай пить. Она сошла внизъ; мать замѣтила ея блѣдность, но сказала только: „какая ты сегодня интересная“, и, окинувъ ее взглядомъ, прибавила: „Это платье очень къ тебѣ идетъ; ты его всегда надѣвай, когда вздумаешь кому понравиться“. Елена ничего не отвѣчала и сѣла въ уголокъ. Между тѣмъ пробило девять часовъ; до одиннадцати оставалось еще два часа. Елена взялась за книгу, потомъ за шитье, потомъ опять за книгу; потомъ она дала себѣ слово пройтись сто

разъ по одной аллеѣ, и прошлась сто разъ; потомъ она долго смотрѣла, какъ Анна Васильевна пасьянсъ раскладывала... да взглянула на часы: еще десяти не было. Шубинъ пришелъ въ гостиную. Она попыталась заговорить съ нимъ и извинилась передъ нимъ, сама не зная въ чемъ... Каждое ея слово не то чтобъ усилій ей стоило, не возбуждало въ ней самой какое-то недоумѣніе. Шубинъ нагнулся къ ней. Она ожидала насмѣшки, подняла глаза, и увидала передъ собою печальное и дружелюбное лицо... Она улыбнулась этому лицу. Шубинъ тоже улыбнулся ей, молча, и тихонько вышелъ. Она хотѣла удержать его, но не тотчасъ вспомнила, какъ позвать его. Наконецъ, пробило одиннадцать часовъ. Она стала ждать, ждать, ждать и прислушиваться. Она уже ничего не могла дѣлать; она перестала даже думать. Сердце въ ней ожило и стало биться громче, все громче, и странное дѣло! время какъ-будто помчалось быстрѣе. Прошло четверть часа, прошло полчаса, прошло еще нѣсколько минутъ, по мнѣнію Елены, и вдругъ она вздрогнула: часы пробили не двѣнадцать, они пробили часъ. „Онъ не придетъ, онъ уѣдетъ, не простясь...“ Эта мысль, вмѣстѣ съ кровью, такъ и бросилась ей въ голову. Она почувствовала, что дыханіе ей захватываетъ, что она готова зарыдать... Она побѣжала въ свою комнату и упала, лицомъ на сложенныя руки, на постель.

Полчаса пролежала она неподвижно; сквозь ея пальцы на подушку лились слезы. Она вдругъ приподнялась и сѣла: что-то странное совершалось въ ней! лицо ея измѣнилось, влажные глаза сами собой высохли и заблестѣли, брови надвинулись, губы сжались. Прошло еще полчаса. Елена въ послѣдній разъ приникла ухомъ: не долетитъ ли до нея знакомый голосъ? встала, надѣла шляпу, перчатки, накинула мантилью на плечи и, незамѣтно выскользнувъ изъ дома, пошла проворными шагами по дорогѣ, ведущей къ квартирѣ Берсенева.

XVIII.

Елена шла, потупивъ голову и неподвижно устремивъ глаза впередъ. Она ничего не боялась, она ничего не соображала; она хотѣла еще разъ увидаться съ Инсаровымъ. Она шла, не замѣчая, что солнце давно скрылось, заслоненное тяжелыми черными тучами, что вѣтеръ порывисто шумѣлъ въ деревьяхъ и клубилъ ея платье, что пыль внезапно поднималась и неслась столбомъ по дорогѣ... Крупный дождикъ закапалъ, она и его не замѣчала; но онъ пошелъ все чаще, все сильнѣе, сверкнула молнія, громъ ударилъ. Елена остановилась, посмотрѣла вокругъ... Къ ея счастію, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ застала ее гроза, находилась ветхая заброшенная часовенка надъ развалившимся колодцемъ. Она добѣжала до нея и вошла подъ низенькій навѣсъ. Дождь хлынулъ ручьями; небо кругомъ обложилось. Съ нѣмымъ отчаяніемъ глядѣла Елена на частую сѣтку быстро падавшихъ капель. Послѣдняя надежда увидѣться съ Инсаровымъ исчезла. Старушка-нищая вошла въ часовенку, отряхнулась, проговорила съ поклономъ: „отъ дождя, матушка", и, кряхтя и охая, присѣла на уступчикъ возлѣ колодца. Елена опустила руку въ карманъ: старушка замѣтила это движеніе, и лицо ея, сморщенное и желтое, но когда-то красивое, оживилось. „Спасибо тебѣ, кормилица, родная", начала она. Въ карманѣ Елены не нашлось кошелька, а старушка протягивала уже руку...

— Денегъ у меня нѣтъ, бабушка,—сказала Елена:—а вотъ, возьми, на что-нибудь пригодится.

Она подала ей свой платокъ.

— О-охъ, красавица ты моя,—проговорила нищая:—да на что же мнѣ платочекъ твой? Развѣ внучкѣ подарить, когда замужъ выходить будетъ. Пошли тебѣ Господь за твою доброту!

Раздался ударъ грома.

— Господи, Іисусе Христе, — пробормотала нищая и перекрестилась три раза. — Да никакъ я уже тебя вы-

дѣла,—прибавила она, погодя немного.—Никакъ ты мнѣ Христову милостыню подавала?

Елена вглядѣлась въ старуху и узнала ее.

— Да, бабушка, — отвѣчала она. — Ты еще меня спросила, отчего я такая печальная?

— Такъ, голубка, такъ. То-то я тебя признала. Да ты и теперь словно кручинна живешь. Вотъ и платочекъ твой мокрый, знать отъ слезъ. Охъ, вы молодушки, всѣмъ вамъ одна печаль, горе великое!

— Какая же печаль, бабушка?

— Какая? Эхъ, барышня хорошая, не моги ты со мной, со старухой, лукавить. Знаю я, о чемъ ты тужишь: не сиротское твое горе. Вѣдь и я была молода, свѣтикъ, мытарства-то эти я тоже проходила. Да. А я тебѣ, за твою доброту, вотъ что̀ скажу: попался тебѣ человѣкъ хорошій, не вѣтреникъ, ты уже держись одного; крѣпче смерти держись. Ужъ быть, такъ быть, а не быть, видно Богу такъ угодно. Да. Ты что̀ на меня дивишься? я та же ворожея. Хошь, унесу съ твоимъ платочкомъ все твое горе! Унесу, и полно. Вишь, дождикъ рѣденькій пошелъ; ты-то подожди еще, а я пойду. Меня ему не впервой мочить. Помни же, голубка: была печаль, сплыла печаль, и помину ей нѣтъ. Господи, помилуй!

Нищая приподнялась съ уступчика, вышла изъ часовенки и поплелась своею дорогой. Елена съ изумленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ. „Что это значитъ?“ прошептала она невольно.

Дождикъ сѣялся все мельче и мельче, солнце заиграло на мгновеніе. Елена уже собиралась покинуть свое убѣжище... Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ часовни, она увидѣла Инсарова. Закутанный плащомъ, онъ шелъ по той же самой дорогѣ, по которой пришла Елена; казалось, онъ спѣшилъ домой.

Она оперлась рукой о ветхое перильце крылечка, хотѣла позвать его, но голосъ измѣнилъ ей... Инсаровъ уже проходилъ мимо, не поднимая головы...

— Дмитрій Никаноровичъ!—проговорила она наконецъ.

Инсаровъ внезапно остановился, оглянулся... Въ первую

минуту онъ не узналъ Елены, но тотчасъ же подошелъ къ ней.

— Вы! вы здѣсь!—воскликнулъ онъ.

Она отступила, молча, въ часовню. Инсаровъ послѣдовалъ за Еленой.

— Вы здѣсь?—повторилъ онъ.

Она продолжала молчать, и только глядѣла на него какимъ-то долгимъ, мягкимъ взглядомъ. Онъ опустилъ глаза.

— Вы шли отъ насъ?—спросила она его.

— Нѣтъ... не отъ васъ.

— Нѣтъ? — повторила Елена и постаралась улыбнуться. — Такъ-то вы держите ваши обѣщанія? Я васъ ждала съ утра.

— Я вчера, вспомните Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ.

Елена опять едва улыбнулась, и провела рукой по лицу. И лицо, и рука были очень блѣдны.

— Вы, стало-быть, хотѣли уѣхать, не простившись съ нами?

— Да,—сурово и глухо промолвилъ Инсаровъ.

— Какъ? Послѣ нашего знакомства, послѣ этихъ разговоровъ, послѣ всего... Стало-быть, если бъ я васъ здѣсь не встрѣтила случайно (голосъ Елены зазвенѣлъ, и она умолкла на мгновеніе)... такъ бы вы и уѣхали, и руки бы мнѣ не пожали въ послѣдній разъ, и вамъ бы не было жаль?

Инсаровъ отвернулся.

— Елена Николаевна, пожалуйста, не говорите такъ. Мнѣ и безъ того не весело. Повѣрьте, мое рѣшеніе мнѣ стоило большихъ усилій. Если бъ вы знали...

— Я не хочу знать!—съ испугомъ перебила его Елена:— зачѣмъ вы ѣдете... Видно, такъ нужно. Видно, намъ должно разстаться. Вы безъ причины не захотѣли бы огорчить вашихъ друзей. Но развѣ такъ разстаются друзья? Вѣдь мы друзья съ вами, не правда ли?

— Нѣтъ,—сказалъ Инсаровъ.

— Какъ?.. — промолвила Елена. Щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ.

— Я именно отъ того и уѣзжаю, что мы не друзья. Не заставляйте меня сказать то, что̀ я не хочу сказать, что̀ я не скажу.

— Вы прежде были со мной откровенны,—съ легкимъ упрекомъ произнесла Елена.—Помните?

— Тогда я могъ быть откровеннымъ, тогда мнѣ скрывать было нечего; а теперь...

— А теперь?—спросила Елена.

— А теперь... А теперь я долженъ удалиться. Прощайте.

Если бъ въ это мгновеніе Инсаровъ поднялъ глаза на Елену, онъ бы замѣтилъ, что лицо ея все больше свѣтлѣло, чѣмъ больше онъ самъ хмурился и темнѣлъ; но онъ упорно глядѣлъ на полъ.

— Ну, прощайте, Дмитрій Никаноровичъ, — начала она.—Но, по крайней мѣрѣ, такъ какъ мы уже встрѣтились, дайте мнѣ теперь вашу руку.

Инсаровъ протянулъ-было руку.

— Нѣтъ, и этого я не могу,—промолвилъ онъ и отвернулся снова.

— Не можете?

— Не могу. Прощайте.

И онъ отправился къ выходу часовни.

— Погодите еще немножко,—сказала Елена.—Вы какъ будто боитесь меня. А я храбрѣе васъ, — прибавила она съ внезапной легкой дрожью во всемъ тѣлѣ.—Я могу вамъ сказать... хотите?.. отчего вы меня здѣсь застали? Знаете ли, куда я шла?

Инсаровъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Елену.

— Я шла къ вамъ.

— Ко мнѣ?

Елена закрыла лицо.

— Вы хотѣли заставить меня сказать, что я васъ люблю,—прошептала она:—вотъ... я сказала.

— Елена!—вскрикнулъ Инсаровъ.

Она приняла руки, взглянула на него, и упала къ нему на грудь.

Онъ крѣпко обнялъ ее и молчалъ. Ему не нужно было

говорить ей, что онъ ее любитъ. Изъ одного его восклицанія, изъ этого мгновеннаго преобразованія всего человѣка, изъ того, какъ поднималась и опускалась эта грудь, къ которой она такъ довѣрчиво прильнула, какъ прикасались концы его пальцевъ къ ея волосамъ, Елена могла понять, что она любима. Онъ молчалъ, и ей не нужно было словъ. „Онъ тутъ, онъ любитъ... чего жъ еще?“ Тишина блаженства, тишина невозмутимой пристани, достигнутой цѣли, та небесная тишина, которая и самой смерти придаетъ и смыслъ, и красоту, наполнила ее всю своею божественной волной. Она ничего не желала, потому что она обладала всѣмъ. „О, мой братъ, мой другъ, мой милый!..“ шептали ея губы, и она сама не знала, чье это сердце, его ли, ея ли, такъ сладостно билось и таяло въ ея груди.

А онъ стоялъ неподвижно, онъ окружалъ своими крѣпкими объятіями эту молодую, отдавшуюся ему жизнь, онъ ощущалъ на груди это новое, безконечно дорогое бремя; чувство умиленія, чувство благодарности неизъяснимой разбило въ прахъ его твердую душу, и никогда еще не извѣданныя слезы навернулись на его глаза...

А она не плакала; она твердила только: „О, мой другъ, о, мой братъ!“

— Такъ ты пойдешь за мною всюду? — говорилъ онъ ей, четверть часа спустя, попрежнему окружая и поддерживая ее своими объятіями.

— Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.

— И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?

— Я себя не обманываю; я это знаю.

— Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?

— Знаю.

— Что я не русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?

Знаю, знаю.

Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу труд-

ному, неблагодарному, что мнѣ... что намъ придется подвергаться не однѣмъ опасностямъ, но и лишеніямъ, униженію, быть-можетъ?

— Знаю, все знаю... Я тебя люблю.

— Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что тамъ, одна, между чужими, ты, можетъ-быть, принуждена будешь работать...

Она положила ему руку на губы.

— Я люблю тебя, мой милый.

Онъ началъ горячо цѣловать ея узкую, розовую руку. Елена не отнимала ея отъ его губъ, и съ какою-то дѣтскою радостью, съ смѣющимся любопытствомъ глядѣла, какъ онъ покрывалъ поцѣлуями то самую руку ея, то пальцы...

Вдругъ она покраснѣла и спрятала свое лицо на его груди.

Онъ ласково приподнялъ ея голову и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Такъ здравствуй же, — сказалъ онъ ей: — моя жена передъ людьми и передъ Богомъ!

XIX.

Часъ спустя, Елена съ шляпой въ одной рукѣ, съ мантильей въ другой, тихо входила въ гостиную дачи. Волосы ея слегка развились, на каждой щекѣ виднѣлось маленькое розовое пятнышко, улыбка не хотѣла сойти съ ея губъ, глаза смыкались и, полузакрытые, тоже улыбались. Она едва переступала отъ усталости, и ей была пріятна эта усталость: да и все ей было пріятно. Все казалось ей милымъ и ласковымъ. Уваръ Ивановичъ сидѣлъ подъ окномъ; она подошла къ нему, положила ему руку на плечо, потянулась немного и какъ-то невольно засмѣялась.

— Чему?—спросилъ онъ, удивившись.

Она не знала, что̀ сказать. Ей хотѣлось поцѣловать Увара Ивановича.

— Плашмя!..—промолвила она наконецъ.

Но Уваръ Ивановичъ даже бровью не повелъ и про-

должалъ съ удивленіемъ глядѣть на Елену. Она уронила на него мантилью и шляпу.

— Милый Уваръ Ивановичъ, — проговорила она: — я спать хочу, я устала, — и она опять засмѣялась и упала на кресло возлѣ него.

— Гмъ, — крикнулъ Уваръ Ивановичъ и заигралъ пальцами. — Это, надо бы, да...

А Елена глядѣла вокругъ себя и думала: „Со всѣмъ этимъ я скоро должна разстаться... и странно: нѣтъ во мнѣ ни страха, ни сомнѣнія, ни сожалѣнія... Нѣтъ, мамаши жалко!“ Потомъ опять возникла передъ ней часовенка, прозвучалъ опять его голосъ, она почувствовала вокругъ себя его руки. Сердце ея радостно, но слабо шевельнулось: истома счастія лежала и на немъ. Вспомнилась ей старушка-нищая. „Точно, унесла она мое горе“, подумала она. „О, какъ я счастлива! какъ незаслуженно! какъ скоро!“ Ей бы стоило дать себѣ крошечку воли, и полились бы у нея сладкія, нескончаемыя слезы. Она удерживала ихъ только тѣмъ, что посмѣивалась. Какое положеніе она ни принимала, ей казалось, что ужъ лучше и ловчѣе нельзя: точно ее баюкали. Всѣ движенія ея были медленны и мягки; куда дѣвалась ея торопливость, ея угловатость? Вошла Зоя: Елена рѣшила, что она не видала прелестнѣе личика; Анна Васильевна вошла: что-то кольнуло Елену, но съ какою нѣжностію она обняла свою добрую мать и поцѣловала ее въ лобъ, подлѣ волосъ, уже слегка посѣдѣлыхъ! Потомъ она отправилась въ свою комнатку: какъ тамъ ей все улыбнулось! Съ какимъ чувствомъ стыдливаго торжества и смиренія сѣла она на свою кроватку, на ту самую кроватку, гдѣ три часа тому назадъ она провела такія горькія мгновенія! „А вѣдь ужъ я тогда знала, что онъ меня любитъ“, подумала она: „да и прежде... Ай, нѣтъ! нѣтъ! это грѣхъ. „Ты моя жена“... прошептала она, закрывшись руками, и бросилась на колѣни.

Къ вечеру она стала задумчивѣе. Грусть ее взяла при мысли, что она не скоро увидится съ Инсаровымъ. Онъ не могъ, не возбуждая подозрѣнія, оставаться у Берсе-

нева, и потому вотъ на чемъ они съ Еленой порѣшили: Инсаровъ долженъ былъ вернуться въ Москву и пріѣхать къ нимъ въ гости раза два до осени; съ своей стороны, она обѣщалась писать ему письма и, если будетъ можно, назначить ему свиданіе, гдѣ-нибудь около Кунцова. Къ чаю она сошла въ гостиную и застала тамъ всѣхъ своихъ домашнихъ и Шубина, который зорко посмотрѣлъ на нее, какъ только она появилась; она хотѣла-было заговорить съ нимъ дружески, по-старому, да боялась его проницательности, боялась самой себя. Ей сдавалось, что онъ не даромъ болѣе двухъ недѣль оставлялъ ее въ покоѣ. Скоро пришелъ Берсеневъ и передалъ Аннѣ Васильевнѣ поклонъ отъ Инсарова вмѣстѣ съ извиненіемъ его въ томъ, что онъ вернулся въ Москву, не засвидѣтельствовавъ ей своего почтенія. Имя Инсарова въ первый разъ въ теченіе дня произносилось передъ Еленой; она почувствовала, что покраснѣла; она поняла въ то же время, что ей слѣдовало выразить сожалѣніе о внезапномъ отъѣздѣ такого хорошаго знакомаго; но она не могла приучить себя къ притворству и продолжала сидѣть неподвижно и безмолвно, между тѣмъ какъ Анна Васильевна охала и горевала. Елена старалась держаться около Берсенева; она его не боялась, хоть онъ и зналъ часть ея тайны, она спасалась подъ его крылышко отъ Шубина, который все продолжалъ посматривать на нее — не насмѣшливо, но внимательно. На Берсенева въ теченіе вечера тоже находило недоумѣніе: онъ ожидалъ, что увидитъ Елену болѣе печальной. Къ счастію ея, между нимъ и Шубинымъ завязался споръ объ искусствѣ; она отодвинулась и, словно сквозь сонъ, слушала ихъ голоса. Понемногу, не только они, но и вся комната, все, что окружало ее, показалось ей какъ бы сномъ—все: и самоваръ на столѣ, и коротенькій жилетъ Увара Ивановича, и гладкіе ногти Зои, и масляный портретъ великаго князя Константина Павловича на стѣнѣ: все уходило, все покрывалось дымкой, все переставало существовать. Только жаль ей было ихъ всѣхъ. „Для чего живутъ?“ думала она.

— Ты спать хочешь, Леночка?—спросила ее мать.

Она не слышала вопроса матери.

— Полусправедливый намекъ, говоришь ты?.. — Эти слова, рѣзко произнесенныя Шубинымъ, внезапно возбудили вниманіе Елены. — Помилуй, — продолжалъ онъ: — въ этомъ-то самый вкусъ и есть. Справедливый намекъ возбуждаетъ уныніе — это не по-христіански, къ несправедливому человѣкъ равнодушенъ — это глупо, а отъ полусправедливаго онъ и досаду чувствуетъ, и нетерпѣніе. Напримѣръ, если я скажу, что Елена Николаевна влюблена въ одного изъ насъ, какого рода это будетъ намекъ, ась?

— Ахъ, мсьё Поль,—проговорила Елена: —я бы хотѣла показать вамъ мою досаду, да право не могу. Я очень устала.

— Что̀ жъ ты не ляжешь?—промолвила Анна Васильевна, которая вечеромъ сама всегда дремала и оттого охотно посылала спать другихъ. — Простись со мной, да ступай съ Богомъ, Андрей Петровичъ извинитъ.

Елена поцѣловала свою мать, поклонилась всѣмъ и пошла. Шубинъ проводилъ ее до двери.

— Елена Николаевна,— шепнулъ онъ ей на порогѣ: — вы топчете мсьё Поля; вы безжалостно ходите по немъ, а мсьё Поль благословляетъ васъ, и ваши ножки, и башмаки на вашихъ ножкахъ, и подошвы вашихъ башмаковъ.

Елена пожала плечомъ, нехотя протянула ему руку — не ту, которую цѣловалъ Инсаровъ — и, вернувшись къ себѣ въ комнату, тотчасъ раздѣлась, легла и заснула. Она спала глубокимъ, безмятежнымъ сномъ... такъ даже дѣти не спятъ: такъ спитъ только выздоровѣвшій ребенокъ, когда мать сидитъ возлѣ его колыбельки и глядитъ на него, и слушаетъ его дыханіе.

XX.

— Зайди ко мнѣ на минутку,—сказалъ Берсеневу Шубинъ, какъ только тотъ простился съ Анной Васильевной:—у меня есть кое-что тебѣ показать.

Берсеневъ отправился къ нему во флигель. Его поразило множество студій, статуэтокъ и бюстовъ, окутанныхъ

мокрыми тряпками и разставленныхъ по всѣмъ уголкамъ комнаты.

— Да ты, я вижу, работаешь не на шутку,—замѣтилъ онъ Шубину.

— Что-нибудь надобно жъ дѣлать, — отвѣтилъ тотъ.— Одно не везетъ, надо пробовать другое. Впрочемъ, я, какъ корсиканецъ, занимаюсь больше вендеттой, нежели чистымъ искусствомъ. Treme Bisanzia!

— Я тебя не понимаю,—проговорилъ Берсеневъ.

— А вотъ, погоди. Вотъ, извольте поглядѣть, любезный другъ и благодѣтель, мою месть нумеръ 1-й.

Шубинъ раскуталъ одну фигуру, и Берсеневъ увидѣлъ отмѣнно-схожій, отличный бюстъ Инсарова. Черты лица были схвачены Шубинымъ вѣрно до малѣйшей подробности, и выраженіе онъ имъ придалъ славное: честное, благородное и смѣлое.

Берсеневъ пришелъ въ восторгъ.

— Да это просто прелесть!—воскликнулъ онъ.—Поздравляю тебя. Хоть на выставку! Почему ты называешь это великолѣпное произведеніе местью?

— А потому, сэръ, что я намѣренъ поднести это, какъ вы изволили выразиться, великолѣпное произведеніе, Еленѣ Николаевнѣ въ день ея именинъ. Понимаете вы сію аллегорію? Мы не слѣпые, мы видимъ, что̀ около насъ происходитъ, но мы джентльмены, милостивый государь, и мстимъ по-джентльменски.

— А вотъ, — прибавилъ Шубинъ, раскутывая другую фигурку: — такъ какъ художникъ, по новѣйшимъ эстетикамъ, пользуется завиднымъ правомъ воплощать въ себѣ всякія мерзости, возводя ихъ въ перлъ созданія, то мы, при возведеніи сего перла, нумера второго, мстили уже вовсе не какъ джентльмены, а просто en canaille.

Онъ ловко сдернулъ полотно, и взорамъ Берсенева предстала статуэтка, въ дантановскомъ вкусѣ, того же Инсарова. Злѣе и остроумнѣе невозможно было ничего придумать. Молодой болгаръ былъ представленъ бараномъ, поднявшимся на заднія ножки и склоняющимъ рога для удара. Тупая важность, задоръ, упрямство, неловкость,

ограниченность, такъ и отпечатались на физіономіи „супруга овецъ тонкорунныхъ“, и между тѣмъ сходство было до того поразительно, несомнѣнно, что Берсеневъ не могъ не расхохотаться!

— Что̀? забавно?—промолвилъ Шубинъ:—узналъ ироя? На выставку тоже совѣтуешь послать? Это, братецъ ты мой, я самъ себѣ въ собственныя именины подарю... Ваше высокоблагородіе, позвольте выкинуть колѣнце!

И Шубинъ прыгнулъ раза три, ударяя себя сзади подошвами.

Берсеневъ поднялъ съ полу полотно и забросилъ имъ статуэтку.

— Охъ, ты, великодушный, — началъ Шубинъ: — кто-бишь въ исторіи считается особенно великодушнымъ? Ну, все равно! А теперь,—продолжалъ онъ, торжественно и печально раскутывая третью, довольно большую массу глины:—ты узришь нѣчто, что̀ докажетъ тебѣ смиренномудріе и прозорливость твоего друга. Ты убѣдишься въ томъ, что онъ, опять-таки, какъ истинный художникъ чувствуетъ потребность и пользу собственнаго заушенія. Взирай!

Полотно взвилось, и Берсеневъ увидѣлъ двѣ, рядомъ и близко поставленныя, точно сросшіяся головы... Онъ не тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но, приглянувшись, узналъ въ одной изъ нихъ Аннушку, въ другой самого Шубина. Впрочемъ, это были скорѣе карикатуры, чѣмъ портреты. Аннушка была представлена красивою, жирною дѣвкой съ низкимъ лбомъ, заплывшими глазами и бойко вздернутымъ носомъ. Ея крупныя губы нагло ухмылялись; все лицо выражало чувственность, безпечность и удаль, не безъ добродушія. Себя Шубинъ изобразилъ испитымъ, исхудалымъ жуиромъ, съ ввалившимися щеками, съ безсильно висящими косицами жидкихъ волосъ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ въ погасшихъ глазахъ, съ заостреннымъ, какъ у мертвеца, носомъ.

Берсеневъ отвернулся съ отвращеніемъ.

— Какова двоешка, братъ?—промолвилъ Шубинъ.—Не соблаговолишь ли сочинить приличную подпись? Къ пер-

вымъ двумъ штукамъ я уже подписи придумалъ. Подъ бюстомъ будетъ стоять: „Герой, намѣревающійся спасти свою родину“. Подъ статуэткой: „Берегитесь, колбасники!“ А подъ этой штукой — какъ ты думаешь? — „Будущность художника Павла Яковлева Шубина“... Хорошо?

— Перестань, — возразилъ Берсеневъ. — Стоило терять время на такую...—Онъ не тотчасъ подобралъ подходящее слово.

— Гадость? хочешь ты сказать. Нѣтъ, братъ, извини, ужъ коли чему на выставку идти, такъ этой группѣ.

— Именно гадость,—повторилъ Берсеневъ.—Да и что за вздоръ? Въ тебѣ вовсе нѣтъ тѣхъ залоговъ подобнаго развитія, которыми до сихъ поръ, къ несчастію, такъ обильно одарены наши артисты. Ты, просто, наклеветалъ на себя.

— Ты полагаешь? — мрачно проговорилъ Шубинъ. — Если во мнѣ ихъ нѣтъ и если они ко мнѣ привьются, то въ этомъ будетъ виновата... одна особа. Ты знаешь ли,— прибавилъ онъ, трагически нахмуривъ брови:—что я уже пробовалъ пить?

— Врешь?!

— Пробовалъ, ей-Богу,—возразилъ Шубинъ, и вдругъ осклабился и просвѣтлѣлъ:—да невкусно, братъ, въ горло не лѣзетъ, и голова потомъ, какъ барабанъ. Самъ великій Лущихинъ—Харлампій Лущихинъ, первая московская, а по другимъ, велико-россійская воронка,—объявилъ, что изъ меня проку не будетъ. Мнѣ, по его словамъ, бутылка ничего не говоритъ.

Берсеневъ замахнулся-было на группу, но Шубинъ остановилъ его.

— Полно, братъ, не бей; это какъ урокъ годится, какъ пугало.

Берсеневъ засмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ, пожалуй, пощажу твое пугало,— промолвилъ онъ: — и да здравствуетъ вѣчное, чистое искусство!

— Да здравствуетъ!—подхватилъ Шубинъ.—Съ нимъ и хорошее лучше, и дурное не бѣда!

Пріятели крѣпко пожали другъ другу руку и разошлись.

XXI.

Первымъ ощущеніемъ Елены, когда она проснулась, былъ радостный испугъ. „Неужели? неужели?“ спрашивала она себя, и сердце ея замирало отъ счастія. Воспоминанія нахлынули на нее... она потонула въ нихъ. Потомъ опять ее осѣнила та блаженная, восторженная тишина. Но въ теченіе утра Еленой понемногу овладѣло безпокойство, а въ слѣдующіе дни ей стало и томно, и скучно. Правда, она теперь знала, чего она хотѣла, но отъ этого ей не было легче. То незабвенное свиданіе выбросило ее навсегда изъ старой колеи: она уже не стояла въ ней, она была далеко, а между тѣмъ, кругомъ все совершалось обычнымъ порядкомъ, все шло своимъ чередомъ, какъ будто ничего не измѣнилось; прежняя жизнь попрежнему двигалась, попрежнему разсчитывая на участіе и содѣйствіе Елены. Она пыталась начать письмо къ Инсарову, но и это не удалось: слова выходили на бумагѣ не то мертвыя, не то лживыя. Дневникъ свой она покончила: она подъ послѣднею строкой провела большую черту. То было прошедшее, а она всѣми помыслами своими, всѣмъ существомъ ушла въ будущее. Ей было тяжело. Сидѣть съ матерью, ничего не подозрѣвающей, выслушивать ее, отвѣчать ей, говорить съ ней—казалось Еленѣ чѣмъ-то преступнымъ; она чувствовала въ себѣ присутствіе какой-то фальши; она возмущалась, хотя краснѣть ей было не за что; не разъ поднималось въ ея душѣ почти непреодолимое желаніе высказать все безъ утайки, что̀ бы тамъ ни было потомъ. „Для чего“, думала она, „Дмитрій не тогда же, не изъ этой часовни увелъ меня, куда хотѣлъ? Не сказалъ ли онъ мнѣ, что я его жена передъ Богомъ? Зачѣмъ я здѣсь?“ Она вдругъ стала дичиться всѣхъ, даже Увара Ивановича, который болѣе чѣмъ когда-либо недоумѣвалъ и игралъ перстами. Уже ни ласковымъ, ни милымъ, ни даже сномъ не казалось ей все окружающее: оно, какъ кошмаръ, давило ей грудь неподвижнымъ, мертвеннымъ бременемъ: оно какъ будто и упрекало ее, и

негодовало, и знать про нее не хотѣло... Ты, молъ, все-таки наша. Даже ея бѣдные питомцы, угнетенные птицы и звѣри глядѣли на нее, — по крайней мѣрѣ такъ чудилось ей — недовѣрчиво и враждебно. Ей становилось совѣстно и стыдно своихъ чувствъ. „Вѣдь это все-таки мой домъ“, думала она, „моя семья, моя родина...“ — „Нѣтъ, это больше не твоя родина, не твоя семья“, твердилъ ей другой голосъ. Страхъ овладѣвалъ ею, и она досадовала на свое малодушіе. Бѣда только начиналась, а ужъ она теряла терпѣніе... То ли она обѣщала?

Не скоро она совладѣла съ собою. Но прошла недѣля, другая... Елена немного успокоилась и привыкла къ новому своему положенію. Она написала двѣ маленькія записочки Инсарову, и сама отнесла ихъ на почту: она бы ни за что, и изъ стыдливости, и изъ гордости, не рѣшилась довѣриться горничной. Она начинала уже поджидать его самого... Но вмѣсто его, въ одно прекрасное утро, прибылъ Николай Артемьевичъ.

XXII.

Еще никто въ домѣ отставного гвардіи поручика Стахова не видалъ его такимъ кислымъ и въ то же время такимъ самоувѣреннымъ и важнымъ, какъ въ тотъ день. Онъ вошелъ въ гостиную въ пальто и шляпѣ, вошелъ медленно, широко разставляя ноги и стуча каблуками; приблизился къ зеркалу и долго смотрѣлъ на себя, съ спокойною строгостью покачивая головой и кусая губы. Анна Васильевна встрѣтила его съ наружнымъ волненіемъ и тайною радостью (она его иначе никогда не встрѣчала); онъ даже шляпы не снялъ, не поздоровался съ нею, и молча далъ Еленѣ поцѣловать свою замшевую перчатку. Анна Васильевна стала его разспрашивать о курсѣ лѣченія, — онъ ничего не отвѣчалъ ей; явился Уваръ Ивановичъ, — онъ взглянулъ на него и сказалъ: „ба!“ Съ Уваромъ Ивановичемъ онъ вообще обходился холодно и свысока, хотя признавалъ въ немъ „слѣды настоящей Стаховской крови“. Извѣстно, что почти всѣ русскія дворянскія фамиліи убѣждены въ существованіи исключитель-

ныхъ, породистыхъ особенностей, имъ однѣмъ свойственныхъ: намъ не однажды довелось слышать толки „между своими“ о „подсаласкинскихъ“ носахъ и „перепрѣевскихъ“ затылкахъ. Зоя вышла и присѣла передъ Николаемъ Артемьевичемъ. Онъ крякнулъ, опустился въ кресла, потребовалъ себѣ кофею, и только тогда снялъ шляпу. Ему принесли кофею; онъ выпилъ чашку и, посмотрѣвъ поочередно на всѣхъ, промолвилъ сквозь зубы: „sortez, s'il vous plait“, и, обратившись къ женѣ, прибавилъ: „et vous, madame, restez, je vous prie“.

Всѣ вышли, кромѣ Анны Васильевны. У нея голова задрожала отъ волненія. Торжественность пріемовъ Николая Артемьевича ее поразила. Она ожидала чего-то необыкновеннаго.

— Что̀ такое!—воскликнула она, какъ только дверь затворилась.

Николай Артемьевичъ бросилъ равнодушный взглядъ на Анну Васильевну.

— Ничего особеннаго, что̀ это у васъ за манера тотчасъ принимать видъ какой-то жертвы?—началъ онъ, безо всякой нужды опуская углы губъ на каждомъ словѣ.—Я только хотѣлъ васъ предувѣдомить, что у насъ сегодня будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такой?

— Курнатовскій, Егоръ Андреевичъ. Вы его не знаете. Оберъ-секретарь въ сенатѣ.

— Онъ будетъ сегодня у насъ обѣдать?

— Да.

— И вы только для того, чтобы мнѣ это сказать, велѣли всѣмъ выдти?

Николай Артемьевичъ снова бросилъ на Анну Васильевну взглядъ, на этотъ разъ уже ироническій.

— Васъ это удивляетъ? Погодите удивляться.

Онъ умолкъ. Анна Васильевна тоже помолчала немного.

— Я желала бы,—заговорила она...

— Я знаю, вы меня всегда считали за „имморальнаго“ человѣка,—началъ вдругъ Николай Артемьевичъ.

— Я!—съ изумленіемъ пробормотала Анна Васильевна.

— И, можетъ-быть, вы и правы. Я не хочу отрицать, что, дѣйствительно, я вамъ иногда подавалъ справедливый поводъ къ неудовольствію—(сѣрыя лошади! промелькнуло въ головѣ Анны Васильевны),—хотя вы сами должны согласиться, что при извѣстномъ вамъ состояніи вашей конституціи...

— Да я васъ нисколько не обвиняю, Николай Артемьевичъ.

— C'est possible. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ себя оправдывать. Меня оправдаетъ время. Но я почитаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что знаю свои обязанности и умѣю радѣть и... о пользахъ ввѣреннаго мнѣ... ввѣреннаго мнѣ семейства.

„Что̀ все это значитъ?“ думала Анна Васильевна. (Она не могла знать, что наканунѣ, въ англійскомъ клубѣ, въ углу диванной, поднялось преніе о неспособности русскихъ произносить *стихи*. „Кто у насъ умѣетъ говорить? Назовите кого-нибудь?“ воскликнулъ одинъ изъ спорившихъ.—Да хоть бы Стаховъ, напримѣръ, отвѣчалъ другой, и указалъ на Николая Артемьевича, который тутъ же стоялъ и чуть не пискнулъ отъ удовольствія.)

— Напримѣръ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ: — дочь моя, Елена. Не находите ли вы, что пора ей наконецъ ступить твердой стопою на стезю... выдти замужъ, я хочу сказать. Всѣ эти умствованія и филантропіи хороши, но до извѣстной степени, до извѣстныхъ лѣтъ. Пора ей покинуть свои туманы, выдти изъ общества разныхъ артистовъ, школяровъ, и какихъ-то черногорцевъ, и сдѣлаться какъ всѣ.

— Какъ я должна понять ваши слова?—спросила Анна Васильевна.

— А вотъ, извольте выслушать, — отвѣчалъ Николай Артемьевичъ все съ тѣмъ же опусканіемъ губъ. — Скажу вамъ прямо, безъ обиняковъ: я познакомился, я сблизился съ этимъ молодымъ человѣкомъ, г-мъ Курнатовскимъ, въ надеждѣ имѣть его своимъ зятемъ. Смѣю думать, что, увидѣвши его, вы не обвините меня въ пристрастіи или

въ опрометчивости сужденій. (Николай Артемьевичъ говорилъ и самъ любовался своимъ краснорѣчіемъ.) Образованія отличнаго, онъ правовѣдъ, манеры прекрасныя, тридцать три года, оберъ-секретарь, коллежскій совѣтникъ, и Станиславъ на шеѣ. Вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость, что я не принадлежу къ числу тѣхъ pères de comédie, которые бредятъ одними чинами; но вы сами мнѣ говорили, что Еленѣ Николаевнѣ нравятся дѣльные, положительные люди: Егоръ Андреевичъ первый по своей части дѣлецъ; теперь, съ другой стороны, дочь моя имѣетъ слабость къ великодушнымъ поступкамъ: такъ знайте же, что Егоръ Андреевичъ, какъ только достигъ возможности, вы понимаете меня, возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу своихъ братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ.

— А кто его отецъ?—спросила Анна Васильевна.

— Отецъ его? Отецъ его тоже извѣстный въ своемъ родѣ человѣкъ, нравственности самой высокой, un vrais stoïcien, отставной, кажется, майоръ, всѣми имѣніями графовъ Б... управляетъ.

— А!—промолвила Анна Васильевна.

— А! что̀: а? — подхватилъ Николай Артемьевичъ. — Ужели и вы заражены предразсудками?

— Да я ничего не сказала, — начала-было Анна Васильевна...

— Нѣтъ, вы сказали: а!.. Какъ бы то ни было, я счелъ нужнымъ васъ предупредить о моемъ образѣ мыслей, и смѣю думать... смѣю надѣяться, что г-нъ Курнатовскій будетъ принятъ à bras ouverts. Это не какой-нибудь черногорецъ.

— Разумѣется; надо будетъ только Ваньку повара позвать, блюдо приказать прибавить.

— Вы понимаете, что я въ это не вхожу,—проговорилъ Николай Артемьевичъ, всталъ, надѣлъ шляпу, и, посвистывая (онъ отъ кого-то слышалъ, что посвистывать можно только у себя на дачѣ и въ манежѣ), отправился гулять въ садъ. Шубинъ поглядѣлъ на него изъ окошка своего флигеля, и, молча, высунулъ ему языкъ.

Въ четыре часа безъ десяти минутъ, къ крыльцу Стаховской дачи подъѣхала ямская карета, и человѣкъ еще молодой, благообразной наружности, просто и изящно одѣтый, вышелъ изъ нея и велѣлъ доложить о себѣ. Это былъ Егоръ Андреевичъ Курнатовскій.

Вотъ что, между прочимъ, писала на слѣдующій день Ипсарову Елена:

„Поздравь меня, милый Дмитрій, у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ; папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что это за гость. Зовутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій; онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшого роста, меньше тебя, хорошо сложенъ: черты у него правильныя, онъ коротко остриженъ, носитъ большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія: на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, офиціальная какая-то; точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. „Какъ она его изучила!“ думаешь ты, можетъ-быть, въ эту минуту. Да; для того, чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха. Въ немъ есть что-то желѣзное... и тупое, и пустое въ то же время—и честное; говорятъ, онъ, точно, очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ: говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть-было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ; г-нъ Курнатовскій объявилъ, и — я должна сознаться — безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило... но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художе-

ства. Этотъ какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и не нужно, но въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ comme il faut онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ: онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе! Я подумала: если бы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось, а этотъ пускай себѣ говоритъ! пусть хвастается! Со мной онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого, онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила*—это его любимое слово. Онъ долженъ быть самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ самопожертвованію (ты видишь: я безпристрастна), то-есть къ пожертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ заговорили о взяткахъ...

— Я понимаю, — сказалъ онъ: — что во многихъ случаяхъ берущій взятку не виноватъ; онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

Я вскрикнула.

— „Раздавить невиноватаго!“

— „Да, ради принципа“.

— „Какого?“—спросилъ Шубинъ.

Курнатовскій не то смѣшался, не то удивился, и сказалъ:

— Этого нечего объяснять.

„Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, подхватилъ, что конечно нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала нашего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Господинъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, университетовъ и т. д... а между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это какъ на гимнастику какую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ) — оба

практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій живой, жизнью данный идеалъ; а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія. — Шубинъ уменъ, и я для тебя запомнила его слова; а по-моему, что̀ же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить нельзя*.

„Онъ уѣхалъ поздно, но мамаша успѣла мнѣ сообщить, что я ему понравилась, что папенька въ восторгѣ... Ужъ не сказалъ ли онъ обо мнѣ, что и у меня есть правила? А я чуть было не отвѣтила мамашѣ, что мнѣ очень жалко, но что у меня уже есть мужъ. Отчего тебя папенька такъ не любитъ? Съ мамашей еще можно было бы какъ-нибудь...

„О, мой милый! Я тебѣ такъ подробно описала этого господина для того, чтобы заглушить мою тоску. Я не живу безъ тебя, я безпрестанно тебя вижу, слышу... Я жду тебя, только не у насъ, какъ ты было хотѣлъ,—представь, какъ намъ будетъ тяжело и неловко! — а знаешь, гдѣ я тебѣ писала—въ той рощѣ... О, мой милый! Какъ я тебя люблю!“

XXIII.

Недѣли три послѣ перваго посѣщенія Курнатовскаго, Анна Васильевна, къ великой радости Елены, переселилась въ Москву, въ свой большой деревянный домъ, возлѣ Пречистенки, домъ съ колоннами, бѣлыми лирами и вѣнками надъ каждымъ окномъ, съ мезониномъ, службами, палисадникомъ, огромнымъ зеленымъ дворомъ, колодцемъ на дворѣ и собачьей конуркой возлѣ колодца. Анна Васильевна никогда такъ рано не съѣзжала съ дачи, но въ тотъ годъ у ней отъ первыхъ осеннихъ холодовъ *разыгрались* флюсы; Николай Артемьевичъ, съ своей стороны, окончивши курсъ лѣченія, соскучился по женѣ; притомъ же Августина Христіановна уѣхала погостить къ своей кузинѣ въ Ревель: въ Москву прибыло какое-то иностранное семейство, показывавшее *пластическія позы*, des poses plastiques, описаніе которыхъ въ *Московскихъ Вѣдомо-*

стяхъ сильно возбудило любопытство Анны Васильевны. Словомъ, дальнѣйшее пребываніе на дачѣ оказалось неудобнымъ, и даже, по словамъ Николая Артемьевича, несовмѣстнымъ съ исполненіемъ его „предначертаній“. Послѣднія двѣ недѣли показались очень длинными Еленѣ. Курнатовскій пріѣзжалъ два раза, по воскресеньямъ; въ другіе дни онъ былъ занятъ. Онъ пріѣзжалъ собственно для Елены, но разговаривалъ больше съ Зоей, которой онъ очень понравился. „Das ist ein Mann!“ думала она про-себя, глядя на его смуглое и мужественное лицо, слушая его самоувѣренныя, снисходительныя рѣчи. По ея мнѣнію ни у кого не было такого чуднаго голоса, никто не умѣлъ такъ отлично произнести: „я имѣлъ чес-с-сть“, или „я весьма довòленъ“. Инсаровъ не былъ у Стаховыхъ, но Елена видѣла его разъ, украдкой, въ небольшой рощицѣ надъ Москвой-рѣкой, гдѣ она назначила ему свиданіе. Они едва успѣли сказать нѣсколько словъ другъ другу. Шубинъ возвратился въ Москву вмѣстѣ съ Анной Васильевной; Берсеневъ—нѣсколькими днями позже.

Инсаровъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, и въ третій разъ перечитывалъ письма, доставленныя ему изъ Болгаріи съ „оказіей“; по почтѣ ихъ боялись посылать. Онъ былъ очень встревоженъ ими. Событія быстро развивались на Востокѣ; занятіе княжествъ русскими войсками волновало всѣ умы; гроза росла, слышалось уже вѣяніе близкой, неминуемой войны. Кругомъ занимался пожаръ, и никто не могъ предвидѣть, куда онъ пойдетъ, гдѣ остановится; старыя обиды, давнія надежды — все зашевелилось. Сердце Инсарова сильно билось: и *его* надежды сбывались. Но не рано ли? не напрасно ли? думалъ онъ, стискивая руки. Мы еще не готовы.—Но такъ и быть! Надо будетъ ѣхать.

Что-то слегка зашумѣло за дверью, она быстро распахнулась—и въ комнату вошла Елена.

Инсаровъ затрепеталъ весь, бросился къ ней, упалъ передъ нею на колѣни, обнялъ ея станъ, и крѣпко прижался къ нему головой.

— Ты меня не ждалъ?—заговорила она, едва переводя духъ. (Она быстро взбѣжала по лѣстницѣ.) Милый! милый!—Такъ вотъ гдѣ ты живешь? Я тебя скоро нашла. Дочь твоего хозяина меня проводила. Мы третьяго дня переѣхали. Я хотѣла тебѣ написать, но подумала, лучше я сама пойду. Я къ тебѣ на четверть часа. Встань, запри дверь.

Онъ поднялся, проворно заперъ дверь, воротился къ ней и взялъ ее за руку. Онъ не могъ говорить: радость его душила. Она съ улыбкой глядѣла ему глаза... въ нихъ было столько счастья... Она застыдилась.

— Постой,—сказала она, ласково отнимая у него руки:— дай мнѣ шляпу снять.

Она развязала ленты шляпы, сбросила ее, спустила съ плечъ мантилью, поправила волосы и сѣла на маленькій, старенькій диванчикъ. Инсаровъ не шевелился и глядѣлъ на нее, какъ очарованный.

— Сядь же, — проговорила она, не поднимая на него глазъ и указывая ему на мѣсто возлѣ себя.

Инсаровъ сѣлъ, но не на диванъ, а на полъ у ея ногъ.

— Нà, сними съ меня перчатки, — промолвила она неровнымъ голосомъ. Ей становилось страшно.

Онъ принялся сперва разстегивать, потомъ стаскивать одну перчатку, стащилъ ее до половины, и жадно прильнулъ губами къ забѣлѣвшей подъ нею тонкой и нѣжной кисти.

Елена вздрогнула и хотѣла отслонить его другой рукою, онъ началъ цѣловать другую руку. Елена потянула ее къ себѣ, онъ откинулъ голову, она посмотрѣла ему въ лицо, нагнулась—и губы ихъ слились...

Прошло мгновеніе... Она вырвалась, встала, шепнула: „нѣтъ, нѣтъ“, и быстро подошла къ письменному столу.

— Вѣдь я здѣсь хозяйка, для меня не должно быть у тебя тайны,—проговорила она, стараясь казаться безпечной и становясь къ нему спиной. — Сколько бумагъ! Это что̀ за письма?

Инсаровъ наморщилъ брови.

— Эти письма?—промолвилъ онъ, вставая съ полу.—Ты можешь ихъ прочесть.

Елена повертѣла ихъ въ рукѣ.

— Ихъ такъ много, и они такъ мелко написаны, а я сейчасъ должна уйти... Богъ съ ними! Не отъ соперницы?.. Да они и не по-русски,—прибавила она, перебирая тонкіе листы.

Инсаровъ приблизился къ ней и коснулся ея стана. Она вдругъ обернулась къ нему, свѣтло ему улыбнулась, и оперлась на его плечо.

— Эти письма изъ Болгаріи, Елена; друзья мнѣ пишутъ, они меня зовутъ.

— Теперь? Туда?

— Да... теперь. Пока еще время, пока проѣхать можно.

Она вдругъ бросила ему обѣ руки вокругъ шеи.

— Вѣдь ты меня возьмешь съ собой?

Онъ прижалъ ее къ сердцу.

— О, моя милая дѣвушка, о, моя героиня, какъ ты произнесла это слово! Но не грѣшно ли, не безумно ли мнѣ, мнѣ бездомному, одинокому, увлекать тебя съ собою... И куда же!

Она зажала ему ротъ.

— Тссъ... или я разсержусь и никогда больше не приду къ тебѣ. Развѣ не все рѣшено, не все кончено между нами? Развѣ я не твоя жена? Развѣ жена разстается съ мужемъ.

— Жёны не идутъ на войну,—промолвилъ онъ съ полупечальной улыбкой.

— Да, когда онѣ могутъ остаться. А развѣ я могу остаться здѣсь?

— Елена, ты ангелъ!.. Но подумай, мнѣ, можетъ-быть, придется выѣхать изъ Москвы... черезъ двѣ недѣли. Мнѣ уже нельзя помышлять ни объ университетскихъ лекціяхъ, ни объ окончаніи работъ.

— Что̀ же такое?—перебила Елена.—Ты долженъ скоро ѣхать? Да хочешь ли, я теперь же, сейчасъ, сію минуту. останусь у тебя, съ тобой навсегда, и домой не вернусь, хочешь? Поѣдемъ сейчасъ, хочешь?

Инсаровъ съ удвоенною силой заключилъ ее въ свои объятія.

— Такъ пусть же Богъ накажетъ меня,—воскликнулъ онъ:—если я дѣлаю дурное дѣло! Съ нынѣшняго дня мы соединены на вѣкъ!

— Я остаюсь?—спросила Елена.

— Нѣтъ, моя чистая дѣвушка; нѣтъ, мое сокровище. Ты сегодня вернешься домой, но будь готова. Это дѣло нельзя разомъ сдѣлать; надо хорошенько все обдумать. Тутъ нужны деньги, паспортъ...

— Деньги у меня есть,—перебила Елена:—восемьдесятъ рублей.

— Ну, это не много,—замѣтилъ Инсаровъ:—а все годится.

— Да я могу достать, я займу, я попрошу у мамаши... Нѣтъ, я у пей просить не буду... Да можно часы продать... У меня серьги есть, два браслета... кружево.

— Не въ деньгахъ дѣло, Елена; паспортъ, твой паспортъ, какъ съ этимъ быть?

— Да, какъ съ этимъ быть? А непремѣнно нуженъ паспортъ?

— Непремѣнно.

Елена усмѣхнулась.

— Что̀ мнѣ въ голову пришло! Помнится, я была еще маленькая... У насъ ушла горничная. Ее поймали, простили, и она долго жила у насъ... а все-таки всѣ ее величали: Татьяна бѣглая. Не думала я тогда, что и я, можетъ-быть, буду бѣглая, какъ она.

— Елена, какъ тебѣ не стыдно!

— А что̀? Конечно, лучше поѣхать съ паспортомъ. Но если нельзя...

— Это мы все уладимъ послѣ, послѣ, погоди,—промолвилъ Инсаровъ.—Дай мнѣ только осмотрѣться, дай подумать. Мы обо всемъ переговоримъ съ тобой, какъ слѣдуетъ. А деньги есть и у меня.

Елена отвела рукой волосы, падавшіе на его лобъ.

— О, Дмитрій! Какъ намъ весело будетъ ѣхать вдвоемъ!

— Да,—сказалъ Инсаровъ:—а тамъ, куда мы пріѣдемъ...

— Что̀ жъ?—перебила Елена.—Развѣ умирать вдвоемъ тоже не весело? да нѣтъ, зачѣмъ умирать? Мы будемъ жить, мы молоды. Сколько тебѣ лѣтъ? Двадцать шесть?

— Двадцать шесть.

— А мнѣ двадцать. Еще много времени впереди. А! ты хотѣлъ убѣжать отъ меня? Тебѣ не нужно было русской любви, болгаръ! Посмотримъ теперь, какъ ты отъ меня отдѣлаешься. Но что бы было съ нами, если бъ я тогда не пошла къ тебѣ!

— Елена, ты знаешь, что̀ заставляло меня удаляться.

— Знаю: ты полюбилъ и испугался. Но неужели ты не подозрѣвалъ, что и тебя любили?

— Честью клянусь, Елена, нѣтъ.

Она быстро и неожиданно его поцѣловала.

— Вотъ за это-то я тебя и люблю. А теперь прощай!

— Ты не можешь больше остаться? — спросилъ Инсаровъ.

— Нѣтъ, мой милый. Ты думаешь, мнѣ легко было уйти одной. Четверть часа давно минуло. — Она надѣла мантилью и шляпу. — А ты приходи къ намъ завтра вечеромъ. Нѣтъ, послѣ-завтра. Будетъ натянуто, скучно, да дѣлать нечего: по крайней мѣрѣ увидимся. Прощай. Выпусти меня. — Онъ обнялъ ее въ послѣдній разъ. — Ай! смотри, ты мою цѣпочку сломалъ. О, мой неловкій! Ну, ничего. Тѣмъ лучше. Я пройду на Кузнецкій-мостъ, отдамъ ее въ починку. Если меня спросятъ, я скажу, что была на Кузнецкомъ-мосту.—Она взялась за ручку двери. — Кстати, я тебѣ и забыла сказать: мусье Курнатовскій, вѣроятно, на-дняхъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе. Но я сдѣлаю ему... вотъ что̀. — Она приставила большой палецъ лѣвой руки къ кончику носа и поиграла остальными пальцами на воздухѣ. — Прощай. До свиданія. Теперь я дорогу знаю... А ты не теряй времени...

Елена открыла немножко дверь, прислушалась, обернулась къ Инсарову, кивнула головой и выскользнула изъ комнаты.

Съ минуту стоялъ Инсаровъ передъ завторившеюся дверью и тоже прислушивался. Дверь внизу на дворъ стук-

нула. Онъ подошелъ къ дивану, сѣлъ и закрылъ глаза рукой. Съ нимъ еще никогда ничего подобнаго не случалось. „Чѣмъ заслужилъ я такую любовь?“ думалъ онъ. „Не сонъ ли это?“

Но тонкій запахъ резеды, оставленный Еленой въ его бѣдной, темной комнаткѣ, напоминалъ ея посѣщеніе. Вмѣстѣ съ нимъ, казалось, еще оставались въ воздухѣ и звуки молодого голоса, и шумъ легкихъ, молодыхъ шаговъ, и теплота, и свѣжесть молодого, дѣвственнаго тѣла.

XXIV.

Инсаровъ рѣшился подождать еще болѣе положительныхъ извѣстій, а самъ началъ готовиться къ отъѣзду. Дѣло было очень трудное. Собственно для него не предстояло никакихъ препятствій: стоило вытребовать паспортъ, — но какъ быть съ Еленой? Достать ей паспортъ законнымъ путемъ было невозможно. Обвѣнчаться съ нею тайно, а потомъ явиться къ родителямъ... „Они тогда отпустятъ насъ“, думалъ онъ. „А если нѣтъ? Мы все-таки уѣдемъ. А если они будутъ жаловаться... если... Нѣтъ, лучше постараться достать какъ-нибудь паспортъ“.

Онъ рѣшился посовѣтываться (разумѣется, никого не называя) съ однимъ своимъ знакомымъ, отставнымъ, или отставленнымъ прокуроромъ, опытнымъ и старымъ докой по части всякихъ секретныхъ дѣлъ. Почтенный этотъ человѣкъ жилъ не близко: Инсаровъ тащился къ нему цѣлый часъ на скверномъ Ванькѣ, да еще вдобавокъ не засталъ его дома; а на возвратномъ пути промокъ до костей, благодаря внезапно набѣжавшему ливню. На слѣдующее утро, Инсаровъ, несмотря на довольно сильную головную боль, вторично отправился къ отставному прокурору. Отставной прокуроръ выслушалъ его внимательно, понюхивая табачокъ изъ табакерки, украшенной изображеніемъ полногрудой нимфы, и искоса посматривая на гостя своими лукавыми, тоже табачнаго цвѣта, глазками, выслушалъ и потребовалъ „бо́льшей опредѣленности въ изложеніи фактическихъ данныхъ“; а замѣтивъ, что Инсаровъ неохотно вдавался въ подробности (онъ и пріѣхалъ къ

нему, скрѣпя сердце), ограничился совѣтомъ вооружиться прежде всего „пенёнзами“ и попросилъ побывать въ другой разъ, „когда у васъ“, прибавилъ онъ, нюхая табакъ надъ раскрытою табакеркою: „прибудетъ довѣрчивости и убудетъ недовѣрчивости“ (онъ говорилъ на о). „А паспортъ“, продолжалъ онъ, какъ бы про себя: „дѣло рукъ человѣческихъ; вы, напримѣръ, ѣдете: кто васъ знаетъ, Марья ли вы Бредихина, или же Каролина Фогельмейеръ?“ Чувство гадливости шевельнулось въ Инсаровѣ, но онъ поблагодарилъ прокурора и обѣщался завернуть на-дняхъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ къ Стаховымъ. Анна Васильевна встрѣтила его ласково, попеняла ему, что онъ совсѣмъ ихъ забылъ и, найдя его блѣднымъ, освѣдомилась о его здоровьѣ; Николай Артемьевичъ ни слова ему не сказалъ, только поглядѣлъ на него съ задумчиво-небрежнымъ любопытствомъ; Шубинъ обошелся съ нимъ холодно, но Елена удивила его. Она его ждала; она для него надѣла то самое платье, которое было на ней въ день ихъ перваго свиданія въ часовнѣ; но она такъ спокойно его привѣтствовала и такъ была любезна и безпечно-весела, что, глядя на нее, никто бы не подумалъ, что судьба этой дѣвушки уже рѣшена, и что одно тайное сознаніе счастливой любви придавало оживленіе ея чертамъ, легкость и прелесть всѣмъ ея движеніямъ. Она разливала чай вмѣсто Зои, шутила, болтала; она знала, что за ней будетъ наблюдать Шубинъ, что Инсаровъ не сумѣетъ надѣть маску, не сумѣетъ прикинуться равнодушнымъ, и вооружилась заранѣе. Она не ошиблась: Шубинъ не спускалъ съ нея глазъ, а Инсаровъ былъ очень молчаливъ и пасмуренъ въ теченіе всего вечера. Елена чувствовала себя до того счастливой, что ей захотѣлось подразнить его.

— Ну, что? — спросила она его вдругъ: — планъ вашъ подвигается!

Инсаровъ смутился.

— Какой планъ?—проговорилъ онъ.

— А вы забыли?— отвѣтила она, смѣясь ему въ лицо: онъ одинъ могъ понять значеніе этого счастливаго смѣха:— ваша болгарская христоматія для русскихъ?

— Quelle bourde!— пробормоталъ сквозь зубы Николай Артемьевичъ.

Зоя сѣла за фортепіано. Елена едва замѣтно пожала плечомъ и показала Инсарову глазами на дверь, какъ бы отпуская его домой. Потомъ она съ разстановкой два раза коснулась пальцемъ стола и посмотрѣла на него. Онъ понялъ, что она ему назначала свиданіе черезъ два дня, и она быстро улыбнулась, когда увидала, что онъ ее понялъ. Инсаровъ всталъ и началъ прощаться: онъ чувствовалъ себя нездоровымъ. Явился Курнатовскій. Николай Артемьевичъ вскочилъ, поднялъ правую руку выше головы и мягко опустилъ ее на ладонь оберъ-секретаря. Инсаровъ остался еще нѣсколько минутъ, чтобы посмотрѣть на своего соперника. Елена, украдкой, лукаво покачала головой, хозяинъ не счелъ нужнымъ ихъ представить другъ другу, и Инсаровъ ушелъ, въ послѣдній разъ обмѣнявшись взоромъ съ Еленой. Шубинъ подумалъ, подумалъ—и яростно заспорилъ съ Курнатовскимъ о юридическомъ вопросѣ, въ которомъ ничего не смыслилъ.

Инсаровъ не спалъ всю ночь и утромъ чувствовалъ себя дурно; однако, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ и писаніемъ писемъ, но голова у него была тяжела и какъ-то запутана. Къ обѣду у него сдѣлался жаръ: онъ ничего ѣсть не могъ. Жаръ быстро усилился къ вечеру; появилась ломота во всѣхъ членахъ и мучительная головная боль. Инсаровъ легъ на тотъ самый диванчикъ, гдѣ такъ недавно сидѣла Елена; онъ подумалъ: „по дѣломъ я наказанъ, зачѣмъ таскался къ этому старому плуту“, и попытался заснуть... Но ужъ недугъ завладѣлъ имъ. Съ страшною силой забились въ немъ жилы, знойно вспыхнула кровь, какъ птицы закружились мысли. Онъ впалъ въ забытье. Какъ раздавленный, навзничь лежалъ онъ, и вдругъ ему почудилось: кто-то надъ нимъ тихо хохочетъ и шепчетъ; онъ съ усиліемъ раскрылъ глаза, свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчки дернулъ по нимъ, какъ ножомъ... Что̀ это? старый прокуроръ передъ нимъ, въ халатѣ изъ тармаламы, подпоясанный фуляромъ, какъ онъ видѣлъ его наканунѣ... „Каролина Фогельмейеръ“,

бормочетъ беззубый ротъ. Инсаровъ глядитъ, а старикъ ширится, пухнетъ, растетъ, ужъ онъ не человѣкъ — онъ дерево... Инсарову надо лѣзть по крутымъ сучьямъ. Онъ цѣпляется, падаетъ грудью на острый камень, а Каролина Фогельмейеръ сидитъ на корточкахъ, въ видѣ торговки, и лепечетъ: пирожки, пирожки, пирожки,—а тамъ течетъ кровь, и сабли блестятъ нестерпимо... Елена! и все исчезло въ багровомъ хаосѣ.

XXV.

— Къ вамъ пришелъ какой-то, кто его знаетъ, слесарь, что ль, какой,—говорилъ на слѣдующій вечеръ Берсеневу его слуга, отличавшійся строгимъ обхожденіемъ съ бариномъ и скептическимъ направленіемъ ума: — хочетъ васъ видѣть.

— Позови,—промолвилъ Берсеневъ.

Вошелъ „слесарь". Берсеневъ узналъ въ немъ портного, хозяина квартиры, гдѣ жилъ Инсаровъ.

— Что ты?—спросилъ онъ его.

— Я къ вашей милости, — началъ портной, медленно переставляя ноги и по временамъ взмахивая правою рукой съ захваченнымъ тремя послѣдними пальцами обшлагомъ. — Нашъ жилецъ, кто его знаетъ, оченно боленъ.

— Инсаровъ?

— Точно такъ, нашъ жилецъ. Кто его знаетъ, вчера еще съ утра былъ на ногахъ, вечеромъ только пить просилъ, наша хозяйка ему и воду носила, а ночью залопоталъ, намъ-то слышно, потому перегородка; а сегодня утромъ, ужъ и безъ языка, лежитъ, какъ пластъ, а жаръ отъ него, Боже ты мой! Я подумалъ, кто его знаетъ, умретъ того и гляди; въ кварталъ, думаю, надо дать знать. Потому какъ онъ одинъ; да хозяйка мнѣ говоритъ: „Сходи, молъ, ты къ тому жильцу, у кого нашъ-то на дачѣ нанимался: можетъ, онъ тебѣ что скажетъ, аль самъ придетъ". Вотъ я къ вашей милости и пришелъ, потому какъ намъ нельзя, то-есть...

Берсеневъ схватилъ фуражку, сунулъ портному въ руку

цѣлковый и тотчасъ поскакалъ съ нимъ на квартиру Инсарова.

Онъ нашелъ его лежащаго на диванѣ въ безпамятствѣ, не раздѣтаго. Лицо его страшно измѣнилось. Берсеневъ тотчасъ приказалъ хозяину съ хозяйкой раздѣть его и перенесть на постель, а самъ бросился къ доктору и привезъ его. Докторъ прописалъ разомъ піявки, мушки, каломель и велѣлъ пустить кровь.

— Онъ опасенъ?—спросилъ Берсеневъ.

— Да, очень,—отвѣчалъ докторъ.— Сильнѣйшее воспаленіе въ легкихъ; перипневмонія въ полномъ развитіи, можетъ-быть, и мозгъ пораженъ, а субъектъ молодой. Его же силы теперь противъ него направлены. Поздно послали, а впрочемъ, мы все сдѣлаемъ, что̀ требуетъ наука.

Докторъ былъ еще самъ молодъ и вѣрилъ въ науку.

Берсеневъ остался на ночь. Хозяинъ и хозяйка оказались добрыми и даже расторопными людьми, какъ только нашелся человѣкъ, который сталъ имъ говорить, что̀ надо было дѣлать. Явился фельдшеръ и начались медицинскія истязанія.

Къ утру Инсаровъ очнулся на нѣсколько минутъ, узналъ Берсенева, спросилъ: „я, кажется, нездоровъ?“ посмотрѣлъ вокругъ себя съ тупымъ и вялымъ недоумѣніемъ труднобольного и опять забылся. Берсеневъ поѣхалъ домой, переодѣлся, захватилъ съ собой кое-какія книги и вернулся на квартиру Инсарова. Онъ рѣшился поселиться у него, по крайней мѣрѣ, на первое время. Онъ огородилъ его кровать ширмами, а себѣ устроилъ мѣстечко около диванчика. Не весело и не скоро прошелъ день. Берсеневъ отлучился только для того, чтобы пообѣдать. Насталъ вечеръ. Онъ зажегъ свѣчку съ абажуромъ и принялся за чтеніе. Все было тихо кругомъ. У хозяевъ за перегородкой слышался то сдержанный шопотъ, то зѣвокъ, то вздохъ... Кто-то у нихъ чихнулъ, и его шопотомъ побранили; за ширмами раздавалось тяжелое и неровное дыханіе, изрѣдка прерываемое короткимъ стономъ, да тоскливымъ метаніемъ головы по подушкѣ... Странныя нашли на Берсенева думы. Онъ находился въ комнатѣ человѣка,

жизнь котораго висѣла на ниткѣ, человѣка, котораго, онъ это зналъ, любила Елена... Вспомнилась ему та ночь, когда Шубинъ нагналъ его и объявилъ ему, что она его любитъ, его, Берсенева! А теперь... „Что мнѣ теперь дѣлать?“ спрашивалъ онъ самого себя. „Извѣстить ли Елену объ его болѣзни? Подождать ли? Это извѣстіе печальнѣе того, которое я же ей сообщилъ когда-то: странно, какъ судьба меня все ставитъ третьимъ лицомъ между ними!“ Онъ рѣшилъ, что лучше подождать. Взоры его упали на столъ, покрытый грудами бумагъ... „Исполнитъ ли онъ свои замыслы?“ подумалъ Берсеневъ. „Неужели все исчезнетъ?“ И жалко ему становилось молодой, погибающей жизни, и онъ давалъ себѣ слово ее спасти...

Ночь была нехороша. Больной много бредилъ. Нѣсколько разъ вставалъ Берсеневъ съ своего диванчика, приближался на цыпочкахъ къ постели и печально прислушивался къ его несвязному лепетанію. Разъ только Инсаровъ произнесъ съ внезапной ясностью: „я не хочу, я не хочу, ты не должна“... Берсеневъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Инсарова: лицо его, страдальческое и мертвенное въ то же время, было неподвижно, и руки лежали безсильно... „Я не хочу“, повторилъ онъ едва слышно.

Докторъ пріѣхалъ поутру, покачалъ головой и прописалъ новыя лѣкарства.

— Еще далеко до кризиса, — сказалъ онъ, надѣвая шляпу.

— А послѣ кризиса?—спросилъ Берсеневъ.

— Послѣ кризиса? Исходъ бываетъ двоякій: aut Caesar, aut nihil.

Докторъ уѣхалъ. Берсеневъ прошелся нѣсколько разъ по улицѣ: ему нуженъ былъ чистый воздухъ. Онъ вернулся и взялся за книгу. Раумера ужъ онъ давно кончилъ: онъ теперь изучалъ Грота.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и осторожно вдвинулась въ комнату головка хозяйской дочери, покрытая, по обыкновенію, тяжелымъ платкомъ.

— Здѣсь, — заговорила она вполголоса:— та барышня, что тогда мнѣ гривенничекъ...

Головка хозяйской дочери внезапно скрылась, и на мѣсто ея появилась Елена.

Берсеневъ вскочилъ, какъ ужаленный; но Елена не шевельнулась, не вскрикнула... Казалось, она все поняла въ одно мгновеніе. Страшная блѣдность покрыла ея лицо, она подошла къ ширмамъ, заглянула за нихъ, всплеснула руками и окаменѣла. Еще мгновеніе, и она бы бросилась къ Инсарову, но Берсеневъ остановилъ ее:

— Что̀ вы дѣлаете? — проговорилъ онъ трепещущимъ шопотомъ.—Вы его погубить можете!

Она зашаталась. Онъ подвелъ ее къ диванчику и посадилъ ее.

Она посмотрѣла ему въ лицо, потомъ окинула его взглядомъ, потомъ уставилась на полъ.

— Онъ умираетъ?—спросила она такъ холодно и спокойно, что Берсеневъ испугался.

— Ради Бога, Елена Николаевна,— началъ онъ: — что̀ вы это? Онъ боленъ, точно,—и довольно опасно... Но мы его спасемъ; за это я вамъ ручаюсь.

— Онъ безъ памяти?—спросила она такъ же, какъ въ первый разъ.

— Да, онъ теперь въ забытьи... Это всегда бываетъ въ началѣ этихъ болѣзней, но это ничего не значитъ, ничего,—увѣряю васъ. Выпейте воды.

Она подняла на него глаза, и онъ понялъ, что она не слышала его отвѣтовъ.

— Если онъ умретъ,— проговорила она все тѣмъ же голосомъ:—и я умру.

Инсаровъ въ это мгновеніе простоналъ слегка; она затрепетала, схватила себя за голову, потомъ стала развязывать ленты шляпы.

— Что̀ это вы дѣлаете?—спросилъ ее Берсеневъ.

Она не отвѣчала.

— Что̀ вы дѣлаете?—повторилъ онъ.

— Я остаюсь здѣсь.

— Какъ... надолго?

— Не знаю, можетъ-быть, на весь день, на ночь, навсегда... не знаю.

— Ради Бога, Елена Николаевна, придите въ себя. Я, конечно, никакъ не могъ ожидать васъ здѣсь увидѣть; но я все-таки... предполагаю, что вы зашли сюда на короткое время. Вспомните, васъ могутъ хватиться дома...

— И что̀ же?

— Васъ будутъ искать... Васъ найдутъ...

— И что̀ же?

— Елена Николаевна! Вы видите... Онъ васъ теперь защитить не можетъ.

Она опустила голову, словно задумалась, поднесла платокъ къ губамъ, и судорожныя рыданія, съ потрясающею силою, внезапно исторглись изъ ея груди... Она бросилась лицомъ на диванъ, старалась заглушить ихъ, но все ея тѣло поднималось и билось, какъ только что пойманная птичка.

— Елена Николаевна... ради Бога...—твердилъ надъ ней Берсеневъ.

— А? Что̀ такое?—раздался вдругъ голосъ Инсарова.

Елена выпрямилась, а Берсеневъ такъ и замеръ на мѣстѣ... Погодя немного, онъ подошелъ къ постели. Голова Инсарова попрежнему безсильно лежала на подушкѣ; глаза были закрыты.

— Онъ бредитъ?—прошептала Елена.

— Кажется,—отвѣчалъ Берсеневъ:—но это ничего; это тоже всегда такъ бываетъ, особенно если...

— Когда онъ занемогъ?—перебила Елена.

— Третьяго дня; со вчерашняго дня я здѣсь. Положитесь на меня, Елена Николаевна. Я не отойду отъ него; всѣ средства будутъ употреблены. Если нужно, мы созовемъ консиліумъ.

— Онъ умретъ безъ меня,—воскликнула она, ломая руки.

— Я вамъ даю слово извѣщать васъ ежедневно о ходѣ его болѣзни, и если бы наступила дѣйствительная опасность...

— Клянитесь мнѣ, что вы тотчасъ пошлете за мною когда бы то ни было, днемъ, ночью; пишите записку прямо ко мнѣ... Мнѣ все равно теперь. Слышите ли вы? обѣщаетесь ли вы это сдѣлать?

— Обѣщаюсь, передъ Богомъ.

— Поклянитесь.

— Клянусь.

Она вдругъ схватила его руку, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее отдернуть, припала къ ней губами.

— Елена Николаевна... что̀ вы это,—пролепеталъ онъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... не надо...—произнесъ невнятно Инсаровъ и тяжело вздохнулъ.

Елена подошла къ ширмамъ, стиснула платокъ зубами и долго-долго глядѣла на больного. Безмолвныя слезы потекли по ея щекамъ.

— Елена Николаевна, — сказалъ ей Берсеневъ: — онъ можетъ придти въ себя, узнать васъ; Богъ знаетъ, хорошо ли это будетъ. Притомъ же я съ часу на часъ жду доктора...

Елена взяла шляпу съ диванчика, надѣла ее и остановилась. Глаза ея печально блуждали по комнатѣ. Казалось, она вспоминала...

— Я не могу уйти,—прошептала она наконецъ.

Берсеневъ пожалъ ей руку.

— Соберитесь съ силами,—промолвилъ онъ:—успокойтесь; вы оставляете его на моемъ попеченіи. Я сегодня же вечеромъ заѣду къ вамъ.

Елена взглянула на него, проговорила:

— О, мой добрый другъ!—зарыдала и бросилась вонъ.

Берсеневъ прислонился къ двери. Чувство горестное и горькое, не лишенное какой-то странной отрады, сдавило ему сердце. „Мой добрый другъ!“ подумалъ онъ, и повелъ плечомъ.

— Кто здѣсь?—послышался голосъ Инсарова.

Берсеневъ подошелъ къ нему.

— Я здѣсь, Дмитрій Никаноровичъ. Что̀ вамъ? Какъ вы себя чувствуете?

— Одинъ?—спросилъ больной.

— Одинъ.

— А она?

— Кто она? — проговорилъ почти съ испугомъ Берсеневъ.

Инсаровъ промолчалъ.

— Резеда,—шепнулъ онъ, и глаза его опять закрылись.

XXVI.

Инсаровъ цѣлыхъ восемь дней находился между жизнью и смертью. Докторъ пріѣзжалъ безпрестанно, интересуясь, опять-таки какъ молодой человѣкъ, труднымъ больнымъ. Шубинъ услышалъ объ опасномъ положеніи Инсарова и навѣстилъ его; явились его соотечественники — болгары; въ числѣ ихъ Берсеневъ узналъ обѣ странныя фигуры, возбудившія его изумленіе своимъ нежданымъ посѣщеніемъ на дачѣ; всѣ изъявили искреннее участіе, нѣкоторые предлагали Берсеневу смѣнить его у постели больного; но онъ не соглашался, помня обѣщаніе, данное Еленѣ. Онъ каждый день ее видѣлъ и украдкой передавалъ ей—иногда на словахъ, иногда въ маленькой записочкѣ—всѣ подробности хода болѣзни. Съ какимъ сердечнымъ замираніемъ она его ожидала, какъ она его выслушивала и разспрашивала! Она сама все порывалась къ Инсарову; но Берсеневъ умолялъ ее этого не дѣлать: Инсаровъ рѣдко бывалъ одинъ. Въ первый день, когда она узнала объ его болѣзни, она сама чуть не занемогла; она, какъ только вернулась, заперлась у себя въ комнатѣ; но ее позвали къ обѣду, и она явилась въ столовую съ такимъ лицомъ, что Анна Васильевна испугалась и хотѣла непремѣнно уложить ее въ постель. Еленѣ, однако, удалось переломить себя. „Если онъ умретъ“, твердила она, „и меня не станетъ“. Эта мысль ее успокоила и дала ей силу казаться равнодушною. Впрочемъ, никто ее слишкомъ не тревожилъ: Анна Васильевна возилась съ своими флюсами; Шубинъ работалъ съ остервенѣніемъ; Зоя предавалась меланхоліи и собиралась прочесть *Вертера*; Николай Артемьевичъ очень былъ недоволенъ частыми посѣщеніями „школяра“, тѣмъ болѣе, что его „предначертанія“ насчетъ Курнатовскаго подвигались туго: практическій оберъ-секретарь недоумѣвалъ и выжидалъ. Елена даже не благодарила Берсенева: есть услуги, за которыя жутко и стыдно благодарить. Только однажды,

въ четвертое свое свиданіе съ нимъ (Инсаровъ очень плохо провелъ ночь, докторъ намекнулъ на консиліумъ), только въ это свиданіе она напомнила ему объ его клятвѣ. „Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемте“, сказалъ онъ ей. Она встала и пошла-было одѣваться. „Нѣтъ“, промолвилъ онъ, „подождемте еще до завтра“. Къ вечеру Инсарову полегчило.

Восемь дней продолжалась эта пытка. Елена казалась покойной, но ничего не могла ѣсть, не спала по ночамъ. Тупая боль стояла во всѣхъ ея членахъ; какой-то сухой, горячій дымъ, казалось, наполнялъ ея голову. „Наша барышня какъ свѣча таетъ“, говорила о ней ея горничная.

Наконецъ, на девятый день, переломъ совершился. Елена сидѣла въ гостиной подлѣ Анны Васильевны, и, сама не понимая что́ дѣлала, читала ей *Московскія Вѣдомости*; Берсеневъ вошелъ. Елена взглянула на него (какъ быстръ и робокъ, и проницателенъ, и тревоженъ былъ первый взглядъ, который она на него всякій разъ бросала!) и тотчасъ же догадалась, что онъ принесъ добрую вѣсть. Онъ улыбался; онъ слегка кивалъ ей: она приподнялась ему навстрѣчу.

— Онъ пришелъ въ себя, онъ спасенъ, онъ черезъ недѣлю будетъ совсѣмъ здоровъ,—шепнулъ онъ ей.

Елена протянула руки, какъ будто отклоняя ударъ, и ничего не сказала, только губы ея задрожали, и алая краска разлилась по всему лицу. Берсеневъ заговорилъ съ Анной Васильевной, а Елена ушла къ себѣ, упала на колѣни и стала молиться, благодарить Бога... Легкія, свѣтлыя слезы полились у ней изъ глазъ. Она вдругъ почувствовала крайнюю усталость, положила голову на подушку, шепнула: „бѣдный Андрей Петровичъ!“ и тутъ же заснула, съ мокрыми рѣсницами и щеками. Она давно уже не спала и не плакала.

XXVII.

Слова Берсенева сбылись только отчасти: опасность миновалась, но силы Инсарова возстановлялись медленно, и докторъ поговаривалъ о глубокомъ и общемъ потря-

сеніи всего организма. Со всѣмъ тѣмъ больной оставилъ постель и началъ ходить по комнатѣ; Берсеневъ переѣхалъ къ себѣ на квартиру; но онъ каждый день заходилъ къ своему, все еще слабому, пріятелю, и каждый день, попрежнему, увѣдомлялъ Елену о состояніи его здоровья. Инсаровъ не смѣлъ писать къ ней и только косвенно, въ разговорахъ съ Берсеневымъ, намекалъ на нее; а Берсеневъ, съ притворнымъ равнодушіемъ, разсказывалъ ему о своихъ посѣщеніяхъ у Стаховыхъ, стараясь, однако, дать ему понять, что Елена была очень огорчена и что теперь она успокоилась. Елена тоже не писала Инсарову; у ней иное было въ головѣ.

Однажды, Берсеневъ только что сообщилъ ей съ веселымъ лицомъ, что докторъ уже разрѣшилъ Инсарову съѣсть котлетку, и что онъ, вѣроятно, скоро выйдетъ,— она задумалась, потупилась...

— Угадайте, что̀ я хочу сказать вамъ,—промолвила она.

Берсеневъ смутился. Онъ ее понялъ.

— Вѣроятно,—отвѣтилъ онъ, глянувъ въ сторону:—вы хотите мнѣ сказать, что вы желаете его видѣть.

Елена покраснѣла и едва слышно произнесла:

— Да.

— Такъ что̀ жъ? Это вамъ, я думаю, очень легко. „Фи!“ подумалъ онъ: „какое у меня гадкое чувство на сердцѣ“.

— Вы хотите сказать, что я уже прежде... — проговорила Елена. — Но я боюсь... теперь онъ, вы говорите, рѣдко бываетъ одинъ.

— Этому не трудно помочь,—возразилъ Берсеневъ, все не глядя на нее.—Предувѣдомить я его, разумѣется, не могу; но дайте мнѣ записку. Кто вамъ можетъ запретить написать ему, какъ хорошему знакомому, въ которомъ вы принимаете участіе? Тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Назначьте ему... то-есть, напишите ему, когда вы будете.

— Мнѣ совѣстно,—шепнула Елена.

— Дайте записку, я отнесу.

— Это не нужно, а я хотѣла васъ попросить... не

сердитесь на меня, Андрей Петровичъ... не приходите завтра къ нему!

Берсеневъ закусилъ губу.

— А! Да, понимаю, очень хорошо, очень хорошо. — И прибавивъ два-три слова, онъ быстро удалился.

„Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше“, думалъ онъ, спѣша домой. „Я не узналъ ничего новаго, но тѣмъ лучше. Что за охота лѣпиться къ краюшку чужого гнѣзда? Я ни въ чемъ не раскаиваюсь, я сдѣлалъ что мнѣ совѣсть велѣла, но теперь полно. Пусть ихъ! Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики,— мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастіе!“

На другое утро Инсаровъ получилъ по городской почтѣ коротенькую записку: „Жди меня“, писала ему Елена: „и вели всѣмъ отказывать. А. П. не придетъ“.

XXVIII.

Инсаровъ прочелъ записку Елены и тотчасъ же сталъ приводить свою комнату въ порядокъ, попросилъ хозяйку унести склянки съ лѣкарствомъ, снялъ шлафрокъ, надѣлъ сюртукъ. Отъ слабости и отъ радости у него голова кружилась и сердце билось. Ноги у него подкосились: онъ опустился на диванъ и сталъ глядѣть на часы. „Теперь три четверти двѣнадцатаго“, сказалъ онъ самому себѣ: „раньше двѣнадцати она никакъ придти не можетъ; буду думать о чемъ-нибудь другомъ въ теченіе четверти часа, а то я не вынесу. Раньше двѣнадцати она никакъ не можетъ“...

Дверь распахнулась, и въ легкомъ шелковомъ платьѣ, вся блѣдная и вся свѣжая, молодая, счастливая, вошла Елена, и съ слабымъ радостнымъ крикомъ упала къ нему на грудь.

— Ты живъ, ты мой, — твердила она, обнимая и ла-

ская его голову. Онъ замеръ весь, онъ задыхался отъ этой близости, отъ этихъ прикосновеній, отъ этого счастія.

Она сѣла возлѣ него, и прижалась къ нему, и стала глядѣть на него тѣмъ смѣющимся и ласкающимъ, и нѣжнымъ взглядомъ, который свѣтится въ однихъ только женскихъ любящихъ глазахъ.

Ея лицо внезапно опечалилось.

— Какъ ты похудѣлъ, мой бѣдный Дмитрій, — сказала она, проводя рукой по его щекѣ:—какая у тебя борода!

— И ты похудѣла, моя бѣдная Елена,—отвѣчалъ онъ, ловя губами ея пальцы.

Она весело встряхнула кудрями.

— Это ничего. Посмотри, какъ мы поправимся! Гроза налетѣла, какъ въ тотъ день, когда мы встрѣтились въ часовнѣ, налетѣла и прошла. Теперь мы будемъ жить!

Онъ отвѣчалъ ей одною улыбкой.

— Ахъ, какіе дни, Дмитрій, какіе жестокіе дни! Какъ это люди переживаютъ тѣхъ, кого они любятъ! Я напередъ всякій разъ знала, что̀ мнѣ Андрей Петровичъ скажетъ, право: моя жизнь падала и поднималась вмѣстѣ съ твоей. Здравствуй, мой Дмитрій!

Онъ не зналъ, что̀ сказать ей. Ему хотѣлось броситься къ ея ногамъ.

— Еще что̀ я замѣтила, — продолжала она, откидывая назадъ его волосы (я много дѣлала замѣчаній все это время, на досугѣ): — когда человѣкъ очень, очень несчастливъ,—съ какимъ глупымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всѣмъ, что̀ около него происходитъ! Я, право, иногда заглядывалась на муху, а у самой на душѣ такой холодъ и ужасъ! Но это все прошло, прошло, не правда ли? Все свѣтло впереди, не правда ли?

— Ты для меня впереди, — отвѣтилъ Инсаровъ: — для меня свѣтло.

— А для меня-то! А помнишь ли ты, тогда, когда я у тебя была, не въ послѣдній разъ... нѣтъ, не въ послѣдній разъ, — повторила она съ невольнымъ содроганіемъ: — а когда мы говорили съ тобой, я, сама не знаю отчего, упо-

мянула о смерти; я и не подозрѣвала тогда, что она насъ караулила. Но вѣдь ты здоровъ теперь?

— Мнѣ гораздо лучше, я почти здоровъ.

— Ты здоровъ, ты не умеръ. О, какъ я счастлива!

Настало небольшое молчаніе.

— Елена?—спросилъ ее Инсаровъ.

— Что̀, мой милый?

— Скажи мнѣ, не приходило ли тебѣ въ голову, что эта болѣзнь послана намъ въ наказаніе?

Елена серьезно взглянула на него.

— Эта мысль мнѣ въ голову приходила, Дмитрій. Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долгъ я преступила, противъ чего согрѣшила я? Можетъ-быть, совѣсть у меня не такая, какъ у другихъ, но она молчала; или, можетъ-быть, я противъ тебя виновата?—Я тебѣ помѣшаю, я остановлю тебя...

— Ты мнѣ не помѣшаешь, Елена, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Да, Дмитрій, мы пойдемъ вмѣстѣ, я пойду за тобой... Это мой долгъ. Я тебя люблю... Другого долга я не знаю.

— О, Елена!—промолвилъ Инсаровъ: — какія несокрушимыя цѣпи кладетъ на меня каждое твое слово!

— Зачѣмъ говорить о цѣпяхъ?—подхватила она.—Мы съ тобой вольные люди. Да,—продолжала она, задумчиво глядя на полъ, а одной рукой попрежнему разглаживая его волосы: — многое я испытала въ послѣднее время, о чемъ и понятія не имѣла никогда! Если бы мнѣ предсказалъ кто-нибудь, что я, барышня, благовоспитанная, буду уходить одна изъ дома подъ разными сочиненными предлогами, и куда же уходить! къ молодому человѣку на квартиру, — какое я почувствовала бы негодованіе! И это все сбылось, и я никакого не чувствую негодованія. Ей Богу,—прибавила она и обернулась къ Инсарову.

Онъ глядѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ обожанія, что она тихо опустила руку съ его волосъ на его глаза.

— Дмитрій,—начала она снова: — вѣдь ты не знаешь, вѣдь я тебя видѣла тамъ, на этой страшной постели, я видѣла тебя въ когтяхъ смерти, безъ памяти...

— Ты меня видѣла?

— Да.

Онъ помолчалъ.

— И Барсеневъ былъ здѣсь?

Она кивнула головой.

Инсаровъ наклонился къ ней.

— О, Елена! — прошепталъ онъ: — я не смѣю глядѣть на тебя.

— Отчего? Андрей Петровичъ такой добрый! Я его не стыдилась. И чего мнѣ стыдиться? Я готова сказать всему свѣту, что я твоя... А Андрею Петровичу я довѣряю, какъ брату.

— Онъ меня спасъ!—воскликнулъ Инсаровъ.—Онъ благороднѣйшій, добрѣйшій человѣкъ!

— Да... И знаешь ли ты, что я ему всѣмъ обязана? Знаешь ли ты, что онъ мнѣ первый сказалъ, что ты меня любишь? И если бъ я могла все открыть... Да, онъ благороднѣйшій человѣкъ.

Инсаровъ посмотрѣлъ пристально на Елену.

— Онъ влюбленъ въ тебя, не правда ли?

Елена опустила глаза.

— Онъ меня любилъ,—проговорила она вполголоса.

Инсаровъ крѣпко стиснулъ ей руку.

— О, вы, русскіе,—сказалъ онъ:—золотыя у васъ сердца! И онъ, онъ ухаживалъ за мной, онъ не спалъ ночи... И ты, ты, мой ангелъ... Ни упрека, ни колебанія... и это все мнѣ, мнѣ...

— Да, да, все тебѣ, потому что тебя любятъ. Ахъ, Дмитрій! Какъ это странно! Я, кажется, тебѣ уже говорила объ этомъ,—но все равно, мнѣ пріятно это повторить, а тебѣ будетъ пріятно это слушать, — когда я тебя увидала въ первый разъ...

— Отчего у тебя на глазахъ слезы? — перебилъ ее Инсаровъ.

— У меня? слезы? — Она утерла глаза платкомъ. — О, глупый! Онъ еще не знаетъ, что и отъ счастья плачутъ. Такъ я хотѣла сказать: когда я увидала тебя въ первый разъ, я въ тебѣ ничего особеннаго не нашла, право. Я

помню, сначала Шубинъ мнѣ гораздо болѣе понравился, хотя я никогда его не любила, а что касается до Андрея Петровича,—о! тутъ была минута, когда я подумала: ужъ не онъ ли? А ты—ничего; зато... потомъ... потомъ... такъ ты у меня сердце обѣими руками и взялъ!

— Пощади меня...—проговорилъ Инсаровъ. Онъ хотѣлъ встать и тотчасъ же опустился на диванъ.

— Что̀ съ тобой?—заботливо спросила Елена.

— Ничего... я еще немного слабъ... Мнѣ это счастіе еще не по силамъ.

— Такъ сиди смирно. Не извольте шевелиться, не волнуйтесь,—прибавила она, грозя ему пальцемъ.—И зачѣмъ вы вашъ шлафрокъ сняли? Рано еще вамъ щеголять! Сидите, а я вамъ буду сказки разсказывать. Слушайте и молчите. Послѣ вашей болѣзни вамъ много разговаривать вредно.

Она начала говорить ему о Шубинѣ, о Курнатовскомъ, о томъ, что она дѣлала въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль, о томъ, что, судя по газетамъ, война неизбѣжна, и что, слѣдовательно, какъ только онъ выздоровѣетъ совсѣмъ, надо будетъ, не теряя ни минуты, найти средства къ отъѣзду... Она говорила все это, сидя съ нимъ рядомъ, опираясь на его плечо...

Онъ слушалъ ее, слушалъ, то блѣднѣя, то краснѣя... онъ нѣсколько разъ хотѣлъ остановить ее, и вдругъ выпрямился.

— Елена,—сказалъ онъ ей какимъ-то страннымъ и рѣзкимъ голосомъ:—оставь меня, уйди.

— Какъ,—промолвила она съ изумленіемъ.—Ты дурно себя чувствуешь?—прибавила она съ живостью.

— Нѣтъ... мнѣ хорошо... но, пожалуйста, оставь меня.

— Я тебя не понимаю. Ты меня прогоняешь?.. Что это ты дѣлаешь?—проговорила она вдругъ: онъ склонился съ дивана почти до полу, и приникъ губами къ ея ногамъ.—Не дѣлай этого, Дмитрій... Дмитрій...

Онъ приподнялся.

— Такъ оставь меня! Вотъ видишь ли, Елена, когда я сдѣлался боленъ, я не тотчасъ лишился сознанія, я

зналъ, что я на краю гибели; даже въ жару, въ бреду, я понималъ, я смутно чувствовалъ, что это смерть ко мнѣ идетъ, я прощался съ жизнью, съ тобой, со всѣмъ, я разставался съ надеждой... И вдругъ это возрожденіе, этотъ свѣтъ послѣ тьмы, ты... ты... возлѣ меня, у меня... твой голосъ, твое дыханіе... Это свыше силъ моихъ! Я чувствую, что я люблю тебя страстно, я слышу, что ты сама называешь себя моей, я ни за что не отвѣчаю... Уйди!

— Дмитрій...—прошептала Елена, и спрятала къ нему на плечо голову. Она только теперь его поняла.

— Елена, — продолжалъ онъ: — я тебя люблю, ты это знаешь, я жизнь свою готовъ отдать за тебя... зачѣмъ же ты пришла ко мнѣ теперь, когда я слабъ, когда я не владѣю собою, когда вся кровь моя зажжена... ты моя, говоришь ты... ты меня любишь...

— Дмитрій,—повторила она, и вспыхнула вся, и еще тѣснѣе къ нему прижалась.

— Елена, сжалься надо мной — уйди, я чувствую, я могу умереть—я не выдержу этихъ порывовъ... вся душа моя стремится къ тебѣ... подумай, смерть едва не разлучила насъ... и теперь, ты здѣсь, ты въ моихъ объятіяхъ... Елена...

Она затрепетала вся.

— Такъ возьми жъ меня, — прошептала она чуть слышно...

XXIX.

Николай Артемьевичъ ходилъ, нахмуривъ брови, взадъ и впередъ по своему кабинету. Шубинъ сидѣлъ у окна и, положивъ ногу на ногу, спокойно курилъ сигару.

— Перестаньте, пожалуйста, шагать изъ угла въ уголъ,— промолвилъ онъ, отряхая пепелъ съ сигары.—Я все ожидаю, что вы заговорите, слѣжу за вами—шея у меня заболѣла. Притомъ же въ вашей походкѣ есть что-то напряженное, мелодраматическое.

— Вамъ бы все только балагурить, — отвѣтилъ Николай Артемьевичъ. — Вы не хотите войти въ мое положеніе, вы не хотите понять, что я привыкъ къ этой жен-

щинѣ, что я привязанъ къ ней наконецъ, что отсутствіе ея меня должно мучить. Вотъ ужъ октябрь на дворѣ, зима на носу... Что̀ она можетъ дѣлать въ Ревелѣ?

— Должно-быть, чулки вяжетъ.. себѣ; себѣ—не вамъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь; а я вамъ скажу, что я подобной женщины не знаю. Эта честность, это безкорыстіе...

— Подала она вексель ко взысканію?—спросилъ Шубинъ.

— Это безкорыстіе,—повторилъ, возвысивъ голосъ, Николай Артемьевичъ:—это удивительно. Мнѣ говорятъ, на свѣтѣ есть милліонъ другихъ женщинъ; а я скажу: покажите мнѣ этотъ милліонъ; покажите мнѣ этотъ милліонъ, говорю я: ces femmes—qu'on me les montre! И не пишетъ, вотъ что убійственно!

— Вы краснорѣчивы, какъ Пиѳагоръ, — замѣтилъ Шубинъ:—но знаете ли, что̀ бы я вамъ присовѣтовалъ?

— Что̀?

— Когда Августина Христіановна возвратится... вы понимаете меня?

— Ну да; что же?

— Когда вы ее увидите... Вы слѣдите за развитіемъ моей мысли?

— Ну да, да.

— Попробуйте ее побить: что изъ этого выйдетъ?

Николай Артемьевичъ отвернулся съ негодованіемъ.

— Я думалъ, онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь путный совѣтъ подастъ. Да что отъ него ожидать! Артистъ, человѣкъ безъ правилъ...

— Безъ правилъ! А вотъ, говорятъ, вашъ фаворитъ, господинъ Курнатовскій, человѣкъ съ правилами, вчера васъ на сто рублей серебромъ обыгралъ. Это ужъ не деликатно, согласитесь.

— Что жъ? Мы играли въ коммерческую. Конечно, я могъ ожидать... Но его такъ мало умѣютъ цѣнить въ этомъ домѣ...

— Что онъ подумалъ: куда ни шла!—подхватилъ Шубинъ:—тесть ли онъ мнѣ или нѣтъ—это еще скрыто въ урнѣ судьбы, а сто рублей хорошо человѣку, который взятокъ не беретъ.

— Тесть! Какой я къ чорту тесть? Vous rêvez, mon cher. Конечно, всякая другая дѣвушка обрадовалась бы такому жениху! Посудите сами: человѣкъ бойкій, умный, самъ собою въ люди вышелъ, въ двухъ губерніяхъ лямку теръ...

— Въ .....ой губерніи губернатора за носъ водилъ, — замѣтилъ Шубинъ.

— Очень можетъ быть. Видно, такъ и слѣдовало. Практикъ, дѣлецъ...

— И въ карты хорошо играетъ,—опять замѣтилъ Шубинъ.

— Ну да, и въ карты хорошо играетъ. Но Елена Николаевна... Развѣ ее возможно понять? Желаю я знать, гдѣ тотъ человѣкъ, который бы взялся постигнуть, чего она хочетъ? То она весела, то скучаетъ; похудѣетъ вдругъ такъ, что не смотрѣлъ бы на нее, а тамъ вдругъ поправится, и все это безъ всякой видимой причины...

Вошелъ неблаговидный лакей съ чашкой кофе, сливочникомъ и сухарями на подносѣ.

— Отцу нравится женихъ, — продолжалъ Николай Артемьевичъ, размахивая сухаремъ: — а дочери что до этого за дѣло! Это было хорошо въ прежнія, патріархальныя времена, а теперь мы все это перемѣнили. Nous avons changé tout ça. Теперь барышня разговариваетъ съ кѣмъ ей угодно; читаетъ, что̀ ей угодно; отправляется одна по Москвѣ безъ лакея, безъ служанки, какъ въ Парижѣ; и все это принято. На-дняхъ я спрашиваю: гдѣ Елена Николаевна? Говорятъ, изволила выдти. Куда? Неизвѣстно. Что это—порядокъ?

— Возьмите же вашу чашку, да отпустите человѣка,— промолвилъ Шубинъ. — Сами же вы говорите, что не надо devant les domestiques,—прибавилъ онъ вполголоса.

Лакей исподлобья взглянулъ на Шубина, а Николай Артемьевичъ взялъ чашку, налилъ себѣ сливокъ и сгребъ штукъ десять сухарей.

— Я хотѣлъ сказать,—началъ онъ, какъ только лакей вышелъ:—что я ничего въ этомъ домѣ не значу. Вотъ и все. Потому, въ наше время всѣ судятъ по наружности:

ной человѣкъ и пустъ, и глупъ, да важно себя держитъ — его уважаютъ; а другой, можетъ-быть, обладаетъ талантами, которые могли бы... могли бы принести великую пользу, но по скромности...

— Вы государственный человѣкъ, Николинька?—спросилъ Шубинъ тоненькимъ голоскомъ.

— Полноте паясничать! — воскликнулъ съ сердцемъ Николай Артемьевичъ. — Вы забываетесь! Вотъ вамъ новое доказательство, что я въ этомъ домѣ ничего не значу, ничего!

— Анна Васильевна васъ притѣсняетъ... бѣдненькій!— проговорилъ, потягиваясь, Шубинъ. — Эхъ, Николай Артемьевичъ, грѣшно намъ съ вами! Вы бы лучше какой-нибудь подарочекъ для Анны Васильевны приготовили. На-дняхъ ея рожденіе, а вы знаете, какъ она дорожитъ малѣйшимъ знакомъ вниманія съ вашей стороны.

— Да, да, — торопливо отвѣтилъ Николай Артемьевичъ:—очень вамъ благодаренъ, что напомнили. Какъ же, какъ же; непремѣнно. Да вотъ, есть у меня вещица: фермуарчикъ, я его на-дняхъ купилъ у Розенштрауха; только не знаю, право, годится ли?

— Вѣдь вы его для той, для ревельской жительницы купили?

— То-есть... я... да... я думалъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ, навѣрное годится.

Шубинъ поднялся со стула.

— Куда бы намъ сегодня вечеромъ, Павелъ Яковлевичъ, а? — спросилъ его Николай Артемьевичъ, любезно заглядывая ему въ глаза.

— Да вѣдь вы въ клубъ поѣдете.

— Послѣ клуба... послѣ клуба.

Шубинъ опять потянулся.

— Нѣтъ, Николай Артемьевичъ, мнѣ нужно завтра работать. До другого раза.—И онъ вышелъ.,

Николай Артемьевичъ насупился, прошелся раза два по комнатѣ, досталъ изъ бюро бархатный ящичекъ съ „фермуарчикомъ“, и долго его разсматривалъ и обтиралъ фуляромъ. Потомъ онъ сѣлъ передъ зеркаломъ и при-

нялся старательно расчесывать свои густые черные волосы, съ важностію на лицѣ наклоняя голову то направо, то налѣво, упирая въ щеку языкомъ и не спуская глазъ съ пробора. Кто-то кашлянулъ за его спиною: онъ оглянулся и увидалъ лакея, который приносилъ ему кофе.

— Ты зачѣмъ?—спросилъ онъ его.

— Николай Артемьевичъ!—проговорилъ не безъ нѣкоторой торжественности лакей:—вы нашъ барипъ!

— Знаю: что̀ же дальше!

— Николай Артемьевичъ, вы не извольте на меня прогнѣваться; только я, будучи у вашей милости на службѣ съ малыхъ лѣтъ, изъ рабскаго, значитъ, усердія должо̀нъ вашей милости донести...

— Да что̀ такое?

Лакей помялся на мѣстѣ.

— Вы вотъ изволите говорить, — началъ онъ:—что не изволите знать, куда Елена Николаевна отлучаться изволятъ. Я про то извѣстенъ сталъ.

— Что ты врешь, дуракъ?!

— Вся ваша воля, а только я ихъ четвертаго дня видѣлъ, какъ онѣ въ одинъ домъ изволили войти.

— Гдѣ? что̀? какой домъ?

— Въ .....мъ переулкѣ возлѣ Поварской. Недалече отсюда. Я и у дворника спросилъ, что, молъ, у васъ тутъ, какіе жильцы?

Николай Артемьевичъ затопалъ ногами.

— Молчать, бездѣльникъ! Какъ ты смѣешь?.. Елена Николаевна, по добротѣ своей, бѣдныхъ посѣщаетъ, а ты... Вонъ дуракъ!

Испуганный лакей бросился-было къ двери.

— Стой! — воскликнулъ Николай Артемьевичъ. — Что̀ тебѣ дворникъ сказалъ?

— Да ни... ничего не сказалъ. Говоритъ, сту... студентъ.

— Молчать, бездѣльникъ! Слушай, мерзавецъ, если ты хоть во снѣ кому-нибудь объ этомъ проговоришься...

— Помилуйте-съ...

— Молчать! если ты хоть пикнешь... если кто-нибудь...

если я узнаю... Ты у меня и подъ землей-то мѣста не найдешь! Слышишь? Убирайся!

Лакей исчезъ.

„Господи, Боже мой! Что̀ это значить?“ подумалъ Николай Артемьевичъ, оставшись одинъ: „что̀ мнѣ сказалъ этотъ болванъ? А? Надо будетъ однако узнать, какой это домъ, и кто тамъ живетъ. Самому сходить. Вотъ до чего дошло наконецъ!.. Un laquais! Quelle humiliation!“

И повторивъ громко: un laquais! Николай Артемьевичъ заперъ фермуаръ въ бюро, и отправился къ Аннѣ Васильевнѣ. Онъ нашелъ ее въ постели, съ повязанною щекой. По видъ ея страданій только раздражилъ его, и онъ очень скоро довелъ ее до слезъ.

XXX.

Между тѣмъ гроза, собиравшаяся на Востокѣ, разразилась. Турція объявила Россіи войну; срокъ, назначенный для очищенія княжествъ, уже минулъ; уже не далекъ былъ день Синопскаго погрома. Послѣднія письма, полученныя Инсаровымъ, неотступно звали его на родину. Здоровье его все еще не поправилось: онъ кашлялъ, чувствовалъ слабость, легкіе приступы лихорадки, но онъ почти не сидѣлъ дома. Душа его загорѣлась, онъ уже не думалъ о болѣзни. Онъ безпрестанно разъѣзжалъ по Москвѣ, видѣлся украдкой съ разными лицами, писалъ по цѣлымъ ночамъ, пропадалъ по цѣлымъ днямъ; хозяину онъ объявилъ, что скоро выѣзжаетъ, и заранѣе подарилъ ему свою незатѣйливую мебель. Съ своей стороны, Елена также готовилась къ отъѣзду. Въ одинъ ненастный вечеръ она сидѣла въ своей комнатѣ и, обрубая платки, съ невольнымъ уныніемъ прислушивалась къ завываніямъ вѣтра. Ея горничная вошла и сказала ей, что папенька въ маменькиной спальнѣ и зоветъ ее туда... „Маменька плачутъ“, шепнула она вслѣдъ уходившей Еленѣ: „а папенька гнѣваются“...

Елена слегка пожала плечами и вошла въ спальню Анны Васильевны. Добродушная супруга Николая Артемьевича полулежала въ откидномъ креслѣ и нюхала пла-

токъ съ одеколономъ; самъ онъ стоялъ у камина, застёгнутый на всѣ пуговицы, въ высокомъ, твердомъ галстукѣ и туго-накрахмаленныхъ воротничкахъ, смутно напоминая своей осанкой какого-то парламентскаго оратора. Ораторскимъ движеніемъ руки указалъ онъ своей дочери на стулъ, и когда та, не понявши его движенія, вопросительно посмотрѣла на него, онъ промолвилъ съ достоинствомъ, но не оборачивая головы: „прошу васъ сѣсть". (Николай Артемьевичъ всегда говорилъ женѣ *вы*, дочери— въ экстраординарныхъ случаяхъ.)

Елена сѣла.

Анна Васильевна слезливо высморкалась. Николай Артемьевичъ заложилъ правую руку за бортъ сюртука.

— Я васъ призвалъ, Елена Николаевна, — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія:—съ тѣмъ, чтобъ объясниться съ вами, или, лучше сказать, съ тѣмъ, чтобы потребовать отъ васъ объясненій. Я вами недоволенъ, или нѣтъ: это слишкомъ мало сказано; ваше поведеніе огорчаетъ, оскорбляетъ меня—меня и вашу мать... вашу мать, которую вы здѣсь видите.

Николай Артемьевичъ пускалъ въ ходъ однѣ басовыя ноты своего голоса. Елена молча посмотрѣла на него, потомъ на Анну Васильевну, и поблѣднѣла.

— Было время,—началъ снова Николай Артемьевичъ:— когда дочери не позволяли себѣ глядѣть свысока на своихъ родителей, — когда родительская власть заставляла трепетать непокорныхъ. Это время прошло, къ сожалѣнію; такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе; но повѣрьте, еще существуютъ законы, не позволяющіе... не позволяющіе... словомъ, еще существуютъ законы. Прошу васъ обратить на это вниманіе: законы существуютъ.

— Но, папенька,—начала-было Елена...

— Прошу васъ не перебивать меня. Перенесемся мыслію въ прошедшее. Мы съ Анной Васильевной исполнили свой долгъ. Мы съ Анной Васильевной ничего не жалѣли для вашего воспитанія: ни издержекъ, ни попеченій. Какую вы пользу извлекли изъ всѣхъ этихъ попеченій, этихъ издержекъ — это другой вопросъ; но я имѣлъ право ду-

мать... мы съ Анной Васильевной имѣли право думать, что вы, по крайней мѣрѣ, свято сохраните тѣ правила нравственности, которыя... которыя мы вамъ, какъ нашей единственной дочери... que nous vous avons inculqués, которыя мы вамъ внушили. Мы имѣли право думать, что никакія новыя „идеи“ не коснутся этой, такъ сказать, завѣтной святыни. И что̀ же? Не говорю уже о легкомысліи, свойственномъ вашему полу, вашему возрасту... но кто могъ ожидать, что вы до того забудетесь...

— Папенька,—проговорила Елена:—я знаю, что̀ вы хотите сказать...

— Нѣтъ, ты не знаешь, что̀ я хочу сказать!—вскрикнулъ фальцетомъ Николай Артемьевичъ, внезапно измѣнивъ и величавости парламентской осанки, и плавной важности рѣчи, и басовымъ нотамъ:—ты не знаешь, дерзкая дѣвчонка...

— Ради Бога, Nicolas,—пролепетала Анна Васильевна:—vous me faites mourir.

— Не говорите мнѣ этого, que je vous fais mourir, Анна Васильевна! Вы себѣ и представить не можете, что̀ вы сейчасъ услышите! Приготовьтесь къ худшему, предупреждаю васъ!

Анна Васильевна такъ и обомлѣла.

— Нѣтъ,—продолжалъ Николай Артемьевичъ, обратившись къ Еленѣ:—ты не знаешь, что̀ я хочу сказать!

— Я виновата передъ вами,—начала она...

— А, наконецъ-то?

— Я виновата передъ вами,—продолжала Елена:—въ томъ, что давно не призналась...

— Да ты знаешь ли,—перебилъ ее Николай Артемьевичъ:—что я могу уничтожить тебя однимъ словомъ?

Елена подняла на него глаза.

— Да, сударыня, однимъ словомъ! Нечего глядѣть-то! (Онъ скрестилъ руки на груди.) Позвольте васъ спросить, извѣстенъ ли вамъ нѣкоторый домъ въ ...мъ переулкѣ, возлѣ Поварской? Вы посѣщали этотъ домъ? (Онъ топнулъ ногой.) Отвѣчай же, негодная, и не думай хитрить! Люди,

люди, лакеи, сударыня, de vils laquais видѣли васъ, какъ вы входили туда, къ вашему...

Елена вся вспыхнула, и глаза ея заблистали.

— Мнѣ не за чѣмъ хитрить,—промолвила она:—да, я посѣщала этотъ домъ.

— Прекрасно! Слышите, слышите, Анна Васильевна. И вы, вѣроятно, знаете, кто въ немъ живетъ?

— Да, знаю: мой мужъ.

Николай Артемьевичъ вытаращилъ глаза.

— Твой...

— Мой мужъ,—повторила Елена.—Я замужемъ за Дмитріемъ Никаноровичемъ Инсаровымъ.

— Ты?... замужемъ?.. — едва проговорила Анна Васильевна.

— Да, мамаша... Простите меня. Двѣ недѣли тому назадъ, мы обвѣнчались тайно.

Анна Васильевна упала въ кресло; Николай Артемьевичъ отступилъ на два шага.

— Замужемъ! За этимъ оборвышемъ, черногорцемъ! Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла за бродягу, за разночинца! Безъ родительскаго благословенія! И ты думаешь, что я это такъ оставлю? что я не буду жаловаться? что я позволю тебѣ... что ты... что... Въ монастырь тебя, а его въ каторгу, въ арестантскія роты! Анна Васильевна, извольте сейчасъ сказать ей, что вы лишаете ее наслѣдства!

— Николай Артемьевичъ, ради Бога,—простонала Анна Васильевна.

— И когда, какимъ образомъ это сдѣлалось? Кто васъ вѣнчалъ? гдѣ? какъ? Боже мой! Что̀ скажутъ теперь всѣ знакомые, весь свѣтъ! И ты, безстыдная притворщица, могла послѣ этакого поступка жить подъ родительской кровлей! Ты не побоялась... грома небеснаго?

— Папенька,—проговорила Елена (она вся дрожала съ ногъ до головы, но голосъ ея былъ твердъ):—вы вольны дѣлать со мною все, что̀ угодно, но напрасно вы обвиняете меня въ безстыдствѣ и въ притворствѣ. Я не хотѣла... огорчать васъ заранѣе, но я поневолѣ на-дняхъ

сама бы все вамъ сказала, потому что мы на будущей недѣлѣ уѣзжаемъ отсюда съ мужемъ.

— Уѣзжаете? Куда это?

— На его родину, въ Болгарію.

— Къ туркамъ! — воскликнула Анна Васильевна и лишилась чувствъ.

Елена бросилась къ матери.

— Прочь! — возопилъ Николай Артемьевичъ, и схватилъ дочь за руку: — прочь, недостойная!

Но въ это мгновеніе дверь спальни отворилась и показалась блѣдная голова, съ сверкающими глазами; то была голова Шубина.

— Николай Артемьевичъ! — крикнулъ онъ во весь голосъ: — Августина Христіановна пріѣхала и зоветъ васъ!

Николай Артемьевичъ съ бѣшенствомъ обернулся, погрозилъ Шубину кулакомъ, остановился на минуту и быстро вышелъ изъ комнаты.

Елена упала къ ногамъ матери и обняла ея колѣни.

Уваръ Ивановичъ лежалъ на своей постели. Рубашка безъ ворота, съ крупною запонкой, охватывала его полную шею и расходилась широкими, свободными складками на его почти женской груди, оставляя на виду большой кипарисовый крестъ и ладонку. Легкое одѣяло покрывало его пространные члены. Свѣча тускло горѣла на ночномъ столикѣ, возлѣ кружки съ квасомъ, а въ ногахъ Увара Ивановича, на постели, сидѣлъ, подгорюнившись, Шубинъ.

— Да, — задумчиво говорилъ онъ: — она замужемъ и собирается уѣхать. Вашъ племянничекъ шумѣлъ и оралъ на весь домъ; заперся, для секрету, въ спальню, а не только лакеи и горничныя, — кучера все слышать могли! Онъ и теперь такъ и рветъ и мечетъ, со мной чуть не подрался, съ отцовскимъ проклятіемъ носится, какъ медвѣдь съ чурбакомъ; да не въ немъ сила. Анна Васильевна убита, но ее гораздо больше сокрушаетъ отъѣздъ дочери, чѣмъ ея замужество.

Уваръ Ивановичъ поигралъ пальцами.

— Мать,—проговорилъ онъ:—ну... и того.

— Племянникъ вашъ,—продолжалъ Шубинъ:—грозится и митрополиту, и генералъ-губернатору, и министру жалобы подать, а кончится тѣмъ, что она уѣдетъ. Кому весело свою родную дочь губить! Попѣтушится и опуститъ хвостъ.

— Прàва... не имѣютъ,—замѣтилъ Уваръ Ивановичъ и отпилъ изъ кружки.

— Такъ, такъ. А какая поднимется по Москвѣ туча осужденій, пересудовъ, толковъ! Она ихъ не испугалась... Впрочемъ, она выше ихъ. Уѣзжаетъ она—и куда! даже страшно подумать! Въ какую даль, въ какую глушь! Чтò ждетъ ее тамъ? Я гляжу на нее, точно она ночью, въ метель, въ тридцать градусовъ мороза, съ постоялаго двора съѣзжаетъ. Разстается съ родиной, съ семьей; а я ее понимаю. Кого она здѣсь оставляетъ? Кого видѣла? Курнатовскихъ, да Берсеневыхъ, да нашего брата; и это еще лучшіе. Чего тутъ жалѣть? Одно худо: говорятъ, ея мужъ, — чортъ знаетъ, языкъ какъ-то не поворачивается на это слово,—говорятъ, Инсаровъ кровью кашляетъ; это худо. Я его видѣлъ на-дняхъ: лицо, хоть сейчасъ лѣпи съ него Брута... Вы знаете, кто былъ Брутъ, Уваръ Ивановичъ?

— Что знать? человѣкъ.

— Именно: „человѣкъ онъ былъ“. Да, лицо чудесное, а нездоровое, очень нездоровое.

— Сражаться-то... все равно,—проговорилъ Уваръ Ивановичъ.

— Сражаться-то все равно, точно; вы сегодня совершенно справедливо изволите выражаться; да жить-то не все равно. А вѣдь ей съ нимъ пожить захочется.

— Дѣло молодое,—отозвался Уваръ Ивановичъ.

— Да, молодое, славное, смѣлое дѣло. Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности все равно. А тамъ—натянуты струны, звени на весь міръ или порвись!

Шубинъ уронилъ голову на грудь.

— Да,—продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія:—Инсаровъ ея стоитъ. А, впрочемъ, что за вздоръ! Никто ея не стоитъ. Инсаровъ... Инсаровъ... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя, хотя до сихъ поръ дѣлалъ то же, что и мы грѣшные, да будто ужъ мы такая совершенная дрянь? Ну хоть я, развѣ я дрянь, Уваръ Ивановичъ? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ? Никакихъ способностей, никакихъ талантовъ мнѣ не далъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, имя Павла Шубина будетъ современемъ славное имя? Вотъ, у васъ на столѣ лежитъ мѣдный грошъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, когда-нибудь, черезъ столѣтіе, эта мѣдь пойдетъ на статую Павла Шубина, воздвигнутую въ честь ему благодарнымъ потомствомъ?

Уваръ Ивановичъ оперся на локоть и уставился на разгорячившагося художника.

— Далека пѣсня,—проговорилъ онъ наконецъ, съ обычною игрой пальцевъ: — о другихъ рѣчь, а ты... того... о себѣ.

— О, великій философъ земли русской! — воскликнулъ Шубинъ.—Каждое ваше слово—чистое золото, и не мнѣ,—вамъ слѣдуетъ воздвигнуть статую, и за это берусь я. Вотъ, какъ вы теперь лежите, въ этой позѣ, — про которую не знаешь, что̀ въ ней больше — лѣни или силы? — такъ я васъ и отолью. Справедливымъ укоромъ поразили вы мой эгоизмъ и мое самолюбіе! Да! да! нечего говорить о себѣ: нечего хвастаться. Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все — либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самихъ себя изучили, щупаютъ безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладываютъ самимъ себѣ: вотъ что̀ я, молъ, чувствую, вотъ что̀ я думаю. Полезное, дѣльное занятіе! Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду!

Что жъ это, Уваръ Ивановичъ? Когда жъ наша придетъ пора? Когда у насъ народятся люди?

— Дай срокъ,—отвѣтилъ Уваръ Ивановичъ:—будутъ.

— Будутъ? Почва! черноземная сила! ты сказала: будутъ? Смотрите же, я запишу ваше слово. Да зачѣмъ же вы гасите свѣчку?

— Спать хочу, прощай.

XXXI.

Шубинъ сказалъ правду. Неожиданное извѣстіе о свадьбѣ Елены чуть не убило Анны Васильевны. Она слегла въ постель. Николай Артемьевичъ потребовалъ отъ нея, чтобъ она не пускала своей дочери къ себѣ на глаза; онъ какъ будто обрадовался случаю показать себя въ полномъ значеніи хозяина дома, во всей силѣ главы семейства: онъ безпрерывно шумѣлъ и гремѣлъ на людей, то и дѣло приговаривая: „я вамъ докажу, кто я таковъ, я вамъ дамъ знать—погодите?“ Пока онъ сидѣлъ дома, Анна Васильевна не видѣла Елены и довольствовалась присутствіемъ Зои, которая очень усердно ей услуживала, а сама думала про себя: „Diesen Insaroff vorziehen—und wem?“ Но какъ только Николай Артемьевичъ уѣзжалъ (а это случалось довольно часто: Августина Христіановна взаправду вернулась), Елена являлась къ своей матери — и та, долго, молча, со слезами глядѣла на нее. Этотъ нѣмой укоръ глубже всякаго другого проникалъ въ сердце Елены; не раскаяніе чувствовала она тогда, но глубокую, безконечную жалость, похожую на раскаяніе.

— Мамаша, милая мамаша! — твердила она, цѣлуя ея руки:—что же было дѣлать? Я не виновата, я полюбила его, я не могла поступить иначе. Вините судьбу! она меня свела съ человѣкомъ, который не нравится папенькѣ, который увозитъ меня отъ васъ.

— Охъ!— перебивала ее Анна Васильевна: — не напоминай мнѣ объ этомъ. Какъ я вспомню, куда ты хочешь ѣхать, сердце у меня такъ и покатится!

— Милая мамаша,—отвѣчала Елена:— утѣшьтесь хоть тѣмъ, что могло быть и хуже: я могла бы умереть.

— Да я и такъ не надѣюсь больше тебя видѣть. Либо ты кончишь жизнь тамъ, гдѣ-нибудь, подъ шалашомъ (Аннѣ Васильевнѣ Болгарія представлялась чѣмъ-то въ родѣ сибирскихъ тундръ), либо я не перенесу разлуки...

— Не говорите этого, добрая мамаша, мы еще увидимся, Богъ дастъ. А въ Болгаріи такіе же города, какъ здѣсь.

— Какіе тамъ города! Тамъ война теперь идетъ; теперь тамъ, я думаю, куда ни поди, все изъ пушекъ стрѣляютъ... Скоро ты ѣхать собираешься?

— Скоро... если только папенька... Онъ хочетъ жаловаться, онъ грозится развести насъ.

Анна Васильевна подняла глаза къ небу.

— Нѣтъ, Леночка, онъ не будетъ жаловаться. Я бы сама ни за что не согласилась на эту свадьбу, скорѣе умерла бы; да вѣдь сдѣланнаго не воротишь, а я не дамъ позорить мою дочь.

Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, Анна Васильевна собралась съ духомъ, и въ одинъ вечеръ заперлась съ своимъ мужемъ наединѣ въ спальнѣ. Все въ домѣ притихло и приникло. Сперва ничего не было слышно; потомъ загудѣлъ голосъ Николая Артемьевича, потомъ завязался споръ, поднялись крики, почудились даже стенанія... Уже Шубинъ вмѣстѣ съ горничными и Зоей собирался снова явиться на выручку, но шумъ въ спальнѣ сталъ понемногу ослабѣвать, перешелъ въ говоръ, и умолкъ. Только изрѣдка раздавались слабыя всхлипыванья—и тѣ прекратились. Зазвенѣли ключи, послышался визгъ отворяемаго бюро... Дверь раскрылась и появился Николай Артемьевичъ. Сурово посмотрѣлъ онъ на всѣхъ встрѣчныхъ и отправился въ клубъ; а Анна Васильевна потребовала къ себѣ Елену, крѣпко обняла ее и, залившись горькими слезами, промолвила:

— Все улажено, онъ не будетъ поднимать исторіи, и ничего теперь тебѣ не мѣшаетъ уѣхать... бросить насъ.

— Вы позволите Дмитрію придти благодарить васъ, — спросила Елена свою мать, какъ только та немного успокоилась.

— Подожди, душа моя, не могу я теперь видѣть нашего разлучника. Передъ отъѣздомъ успѣемъ.

— Передъ отъѣздомъ,—печально повторила Елена.

Николай Артемьевичъ согласился „не поднимать исторіи“; но Анна Васильевна не сказала своей дочери, какую цѣну онъ положилъ своему согласію. Она не сказала ей, что обѣщалась заплатить всѣ его долги, да съ рукъ на руки дала ему тысячу рублей серебромъ. Сверхъ того, онъ рѣшительно объявилъ Аннѣ Васильевнѣ, что не желаетъ встрѣтиться съ Инсаровымъ, котораго продолжалъ величать черногорцемъ, а пріѣхавши въ клубъ, безо всякой нужды заговорилъ о свадьбѣ Елены—со своимъ партнеромъ, отставнымъ инженернымъ генераломъ. „Вы слышали“, промолвилъ онъ съ притворною небрежностью: „дочь моя, отъ очень большой учености, вышла замужъ за какого-то студента“. Генералъ посмотрѣлъ на него черезъ очки, промычалъ: „Гмъ!“ и спросилъ его, въ чемъ онъ играетъ?

XXXII.

А день отъѣзда приближался. Ноябрь ужъ истекалъ, проходили послѣдніе сроки. Инсаровъ давно кончилъ всѣ свои сборы, и горѣлъ желаніемъ поскорѣе вырваться изъ Москвы. И докторъ его торопилъ: „вамъ нуженъ теплый климатъ“, говорилъ онъ ему: „вы здѣсь не поправитесь“. Нетерпѣніе томило и Елену; ее тревожила блѣдность Инсарова, его худоба. Она часто съ невольнымъ испугомъ глядѣла на его измѣнившіяся черты. Положеніе ея въ родительскомъ домѣ становилось невыносимымъ. Мать причитала надъ ней, какъ надъ мертвою, а отецъ обходился съ ней презрительно-холодно: близость разлуки втайнѣ мучила и его, но онъ считалъ своимъ долгомъ, долгомъ оскорбленнаго отца, скрывать свои чувства, свою слабость. Анна Васильевна пожелала, наконецъ, увидѣться съ Инсаровымъ. Его провели къ ней тихонько, черезъ заднее крыльцо. Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, она долго не могла заговорить съ нимъ, не могла даже рѣшиться взглянуть на него; онъ сѣлъ возлѣ ея кресла, и съ спо-

койной почтительностію ожидалъ перваго ея слова. Елена сидѣла тутъ же и держала въ рукѣ своей руку матери. Анна Васильевна подняла, наконецъ, глаза, промолвила: „Богъ вамъ судья, Дмитрій Никаноровичъ...“ и остановилась: упреки замерли на ея устахъ.

— Да вы больны, — воскликнула она: — Елена, онъ у тебя боленъ!

— Я былъ нездоровъ, Анна Васильевна, — отвѣтилъ Инсаровъ: — и теперь еще не совсѣмъ поправился; но я надѣюсь, родной воздухъ меня возстановитъ окончательно.

— Да... Болгарія! — пролепетала Анна Васильевна и подумала: „Боже мой, болгаръ, умирающій, голосъ какъ изъ бочки, глаза какъ лукошко, скелетъ скелетомъ, сюртукъ на немъ съ чужого плеча, желтъ какъ пупавка — и она его жена, она его любитъ... да это сонъ какой-то“... Но она тотчасъ же спохватилась.—Дмитрій Никаноровичъ,— проговорила она: — вы непремѣнно... непремѣнно должны ѣхать?

— Непремѣнно, Анна Васильевна.

Анна Васильевна посмотрѣла на него.

— Охъ, Дмитрій Никаноровичъ, не дай вамъ Богъ испытать то, что я теперь испытываю... Но вы обѣщаетесь мнѣ беречь ее, любить ее... Нужды вы терпѣть не будете, пока я жива!

Слезы заглушили ея голосъ. Она раскрыла свои объятія, и Елена и Инсаровъ припали къ ней.

Роковой день наступилъ наконецъ. Положено было, чтобы Елена простилась съ родителями — дома, а пустилась бы въ путь—съ квартиры Инсарова. Отъѣздъ былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ. За четверть часа до срока пришелъ Берсеневъ. Онъ полагалъ, что застанетъ у Инсарова его соотечественниковъ, которые захотятъ его проводить; но они уже всѣ впередъ уѣхали; уѣхали также и извѣстныя читателю двѣ таинственныя личности (онѣ служили свидѣтелями на свадьбѣ Инсарова). Портной встрѣтилъ съ поклономъ „добраго барина“; онъ, должно-быть, съ горя, а можетъ и съ радости, что мебель ему

доставалась, сильно выпилъ; жена скоро его увела. Въ комнатѣ уже все было прибрано; чемоданъ, перевязанный веревкой, стоялъ на полу. Берсеневъ задумался: много воспоминаній прошло у него по душѣ.

Двѣнадцать часовъ давно пробило, и ямщикъ уже привелъ лошадей, а „молодые“ все еще не являлись. Наконецъ послышались торопливые шаги на лѣстницѣ, и Елена вошла въ сопровожденіи Инсарова и Шубина. У Елены глаза были красны: она оставила мать свою лежащую въ обморокѣ; прощаніе было очень тяжело. Елена уже больше недѣли не видѣла Берсенева: въ послѣднее время онъ рѣдко ходилъ къ Стаховымъ. Она не ожидала его встрѣтить, вскрикнула: „вы! благодарствуйте!“ и бросилась ему на шею; Инсаровъ тоже его обнялъ. Настало томительное молчаніе. Что̀ могли сказать эти три человѣка, что̀ чувствовали эти три сердца? Шубинъ понялъ необходимость живымъ звукомъ, словомъ прекратить все томленіе.

— Собралось опять наше тріо, — заговорилъ онъ:— въ послѣдній разъ! Покоримся велѣніямъ судьбы, помянемъ прошлое добромъ, и съ Богомъ на новую жизнь! „Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу“, — запѣлъ онъ и остановился. Ему вдругъ стало совѣстно и неловко. Грѣшно пѣть тамъ, гдѣ лежитъ покойникъ; а въ это мгновеніе, въ этой комнатѣ, умирало то прошлое, о которомъ онъ упомянулъ, прошлое людей, собравшихся въ нее. Оно умирало для возрожденія къ новой жизни, положимъ... но все-таки умирало.

— Ну, Елена,—началъ Инсаровъ, обращаясь къ женѣ:— кажется, все? Все заплачено, уложено. Остается только этотъ чемоданъ стащить. Хозяинъ!

Хозяинъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ женой и дочерью. Онъ выслушалъ, слегка качаясь, приказаніе Инсарова, взвалилъ чемоданъ къ себѣ на плечи и быстро побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, стуча сапогами.

— Теперь, по русскому обычаю, сѣсть надо,—замѣтилъ Инсаровъ.

Всѣ сѣли: Берсеневъ помѣстился на старомъ диванчикѣ; Елена сѣла возлѣ него; хозяйка съ дочкой прикор-

нули на порогѣ. Всѣ умолкли; всѣ улыбались напряженно, и никто не зналъ, зачѣмъ онъ улыбается; каждому хотѣлось что-то сказать на прощанье, и каждый (за исключеніемъ, разумѣется, хозяйки и ея дочери: тѣ только глаза таращили), каждый чувствовалъ, что въ подобныя мгновенья позволительно сказать одну лишь пошлость, что всякое значительное, или умное, или просто задушевное слово, было бы чѣмъ-то неумѣстнымъ, почти ложнымъ. Инсаровъ поднялся первый и сталъ креститься... „Прощай, наша комната!“ воскликнулъ онъ.

Раздались поцѣлуи, звонкіе, но холодные поцѣлуи разлуки, напутственныя, недосказанныя желанія, обѣщанія писать, послѣднія, полусдавленныя прощальныя слова...

Елена, вся въ слезахъ, уже садилась въ повозку; Инсаровъ заботливо покрывалъ ея ноги ковромъ; Шубинъ, Берсеневъ, хозяинъ, его жена, дочка съ неизбѣжнымъ платкомъ на головѣ, дворникъ, посторонній мастеровой въ полосатомъ халатѣ — всѣ стояли у крыльца, какъ вдругъ на дворъ влетѣли богатыя сани, запряженныя лихимъ рысакомъ, и изъ саней, стряхая снѣгъ съ воротника шинели, выскочилъ Николай Артемьевичъ.

— Засталъ еще, слава Богу,—воскликнулъ онъ, и подбѣжалъ къ повозкѣ.—Вотъ тебѣ, Елена, наше послѣднее родительское благословеніе, — сказалъ онъ, нагнувшись подъ балчукъ, и, доставъ изъ кармана сюртука маленькій образокъ, зашитый въ бархатную сумочку, надѣлъ ей на шею. Она зарыдала и стала цѣловать его руки, а кучеръ между тѣмъ вынулъ изъ передка саней полубутылку шампанскаго и три бокала.

— Ну! — сказалъ Николай Артемьевичъ, а у самого слезы такъ и капали на бобровый воротникъ шинели:— надо проводить... и пожелать...—Онъ сталъ наливать шампанское; руки его дрожали, пѣна поднималась черезъ край и падала на снѣгъ. Онъ взялъ одинъ бокалъ, а два другіе подалъ Еленѣ и Инсарову, который уже успѣлъ помѣститься возлѣ нея.—Дай Богъ вамъ...—началъ Николай Артемьевичъ, и не могъ договорить — и выпилъ вино; тѣ тоже выпили. — Теперь вамъ бы слѣдовало,

господа, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Шубину и Берсеневу, — но въ это мгновеніе ямщикъ тронулъ лошадей. Николай Артемьевичъ побѣжалъ рядомъ съ повозкой.— Смотри жъ, пиши намъ, — говорилъ онъ прерывистымъ голосомъ. Елена выставила голову, промолвила: „прощайте, папенька, Андрей Петровичъ, Павелъ Яковлевичъ, прощайте всѣ, прощай Россія!“ и откинулась назадъ. Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ, засвисталъ; повозка, заскрипѣвъ полозьями, повернула изъ воротъ направо — и исчезла.

XXXIII.

Былъ свѣтлый апрѣльскій день. По широкой лагунѣ, отдѣляющей Венецію отъ узкой полосы наноснаго морского песку, называемой Лидо, скользила острогрудая гондола, мѣрно покачиваясь при каждомъ толчкѣ падавшаго на длинное весло гондольера. Подъ низенькою ея крышей, на мягкихъ кожаныхъ подушкахъ, сидѣли Елена и Инсаровъ.

Черты лица Елены немного измѣнились со дня ея отъѣзда изъ Москвы; но выраженіе ихъ стало другое: оно было обдуманнѣе и строже, и глаза глядѣли смѣлѣе. Все ея тѣло расцвѣло, и волосы, казалось, пышнѣе и гуще лежали вдоль бѣлаго лба и свѣжихъ щекъ. Въ однѣхъ только губахъ, когда она не улыбалась, сказывалось едва замѣтною складкой присутствіе тайной, постоянной заботы. У Инсарова, напротивъ, выраженіе лица осталось то же, но черты его жестоко измѣнились. Онъ похудѣлъ, постарѣлъ, поблѣднѣлъ, сгорбился; онъ почти безпрестанно кашлялъ короткимъ, сухимъ кашлемъ, и впалые глаза его блестѣли страннымъ блескомъ. На пути изъ Россіи, Инсаровъ пролежалъ почти два мѣсяца больной въ Вѣнѣ, и только въ концѣ марта пріѣхалъ съ женой въ Венецію: онъ оттуда надѣялся пробраться черезъ Зару въ Сербію, въ Болгарію; другіе пути ему были закрыты. Война уже кипѣла на Дунаѣ; Англія и Франція объявили Россіи войну, всѣ славянскія земли волновались и готовились къ возстанію.

Гондола пристала ко внутреннему краю Лидо. Елена и Инсаровъ отправились по узкой песчаной дорожкѣ, обсаженной чахоточными деревцами (ихъ каждый годъ сажаютъ, и они умираютъ каждый годъ) на внѣшній край Лидо, къ морю.

Они пошли по берегу. Адріатика катила передъ ними свои мутно-синія волны; онѣ пѣнились, шипѣли, набѣгали и, скатываясь назадъ, оставляли на пескѣ мелкія раковины и обрывки морскихъ травъ.

— Какое унылое мѣсто!—замѣтила Елена.—Я боюсь, не слишкомъ ли здѣсь холодно для тебя; но я догадываюсь, зачѣмъ ты хотѣлъ сюда пріѣхать.

— Холодно!—возразилъ съ быстрою, но горькою усмѣшкой Инсаровъ.—Хорошъ я буду солдатъ, коли мнѣ холоду бояться. А пріѣхалъ я сюда... я тебѣ скажу зачѣмъ. Я гляжу на это море, и мнѣ кажется, что отсюда ближе до моей родины. Вѣдь она тамъ,—прибавилъ онъ, протянувъ руку на востокъ.—Вотъ и вѣтеръ оттуда тянетъ.

— Не пригонитъ ли этотъ вѣтеръ тотъ корабль, который ты ждешь?—сказала Елена:—вотъ бѣлѣетъ парусъ, ужъ не онъ ли это?

Инсаровъ посмотрѣлъ въ морскую даль, куда показывала ему Елена.

— Рендичъ обѣщался черезъ недѣлю все намъ устроить,—замѣтилъ онъ. — На него, кажется, положиться можно... Слышала ты, Елена,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ одушевленіемъ: — говорятъ, бѣдные далматскіе рыбаки пожертвовали своими свинчатками, — ты знаешь, этими тяжестями, отъ которыхъ невода на дно опускаются, — на пули! Денегъ у нихъ не было, они только и живутъ, что рыбною ловлей; но они съ радостію отдали свое послѣднее достояніе, и голодаютъ теперь. Что̀ за народъ!

— Aufgepasst!—крикнулъ сзади ихъ надменный голосъ. Раздался глухой топотъ лошадиныхъ копытъ, и австрійскій офицеръ, въ короткой сѣрой тюникѣ и зеленомъ картузѣ, проскакалъ мимо ихъ... Они едва успѣли посторониться.

Инсаровъ мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Онъ не виноватъ,—промолвила Елена:—ты знаешь, у нихъ здѣсь нѣтъ другого мѣста, чтобы наѣзжать лошадей.

— Онъ не виноватъ,—возразилъ Инсаровъ:—да кровь онъ мнѣ расшевелилъ своимъ крикомъ, своими усами, своимъ картузомъ, всей своей наружностью. Вернемся.

— Вернемся, Дмитрій. Притомъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ дуетъ. Ты не поберегся послѣ твоей московской болѣзни, и поплатился за это въ Вѣнѣ. Надо теперь быть осторожнѣе.

Инсаровъ промолчалъ, только прежняя горькая усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Хочешь?—продолжала Елена:—покатаемся по Canal Grande. Вѣдь мы съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, хорошенько не видѣли Венеціи. А вечеромъ поѣдемъ въ театръ: у меня есть два билета на ложу. Говорятъ, новую оперу даютъ. Хочешь, мы нынѣшній день отдадимъ другъ другу, позабудемъ о политикѣ, о войнѣ, обо всемъ, будемъ знать только одно: что мы живемъ, дышимъ, думаемъ вмѣстѣ, что мы соединены навсегда... Хочешь?

— Ты этого хочешь, Елена, — отвѣчалъ Инсаровъ:— стало-быть, и я этого хочу.

— Я это знала, — замѣтила съ улыбкой Елена.— Пойдемъ, пойдемъ.

Они вернулись въ гондолѣ, сѣли, и велѣли везти себя, не спѣша, по Canal Grande.

Кто не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ, тому едва ли знакома вся несказанная прелесть этого волшебнаго города. Кротость и мягкость весны идутъ къ Венеціи, какъ яркое солнце лѣта къ великолѣпной Генуѣ, какъ золото и пурпуръ осени къ великому старцу — Риму. Подобно веснѣ, красота Венеціи и трогаетъ, и возбуждаетъ желанія; она томитъ и дразнитъ неопытное сердце, какъ обѣщаніе близкаго, незагадочнаго, но таинственнаго счастія. Все въ ней свѣтло, понятно, и все обвѣяно дремотною дымкой какой-то влюбленной тишины: все въ ней молчитъ, и все привѣтно; все въ ней женственно, начиная съ самаго имени: не даромъ ей одной дано названіе *Прекрасной*.

Громады дворцовъ, церквей, стоятъ легки и чудесны, какъ стройный сонъ молодого бога; есть что-то сказочное, что-то плѣнительно-странное въ зелено-сѣромъ блескѣ и шелковистыхъ отливахъ нѣмой волны каналовъ, въ безшумномъ бѣгѣ гондолъ, въ отсутствіи грубыхъ городскихъ звуковъ, грубаго стука, треска и гама. „Венеція умираетъ, Венеція опустѣла“, говорятъ вамъ ея жители; но, быть-можетъ, этой-то послѣдней прелести, прелести увяданія въ самомъ расцвѣтѣ и торжествѣ красоты, не доставало ей. Кто ея не видѣлъ, тотъ ея не знаетъ: ни Каналетти, ни Гварди (не говоря уже о новѣйшихъ живописцахъ)— не въ силахъ передать этой серебристой нѣжности воздуха, этой улетающей и близкой дали, этого дивнаго созвучія изящнѣйшихъ очертаній и тающихъ красокъ. Отжившему, разбитому жизнію не для чего посѣщать Венецію: она будетъ ему горька, какъ память о несбывшихся мечтахъ первоначальныхъ дней; но сладка будетъ она тому, въ комъ кипятъ еще силы, кто чувствуетъ себя благополучнымъ; пусть онъ принесетъ свое счастіе подъ ея очарованныя небеса, и какъ бы оно ни было лучезарно, она еще озолотитъ его неувядаемымъ сіяніемъ.

Гондола, въ которой сидѣли Инсаровъ и Елена, тихонько минула Riva dei Schiavoni, дворецъ дожей, Піаццетту, и вошла въ Большой-Каналъ. Съ обѣихъ сторонъ потянулись мраморные дворцы; они, казалось, тихо плыли мимо, едва давая взору обнять и понять всѣ свои красоты. Елена чувствовала себя глубоко-счастливою: въ лазури ея неба стояло одно темное облачко — и оно удалялось: Инсарову было гораздо лучше въ тотъ день. Они доплыли до крутой арки Ріальто и вернулись назадъ. Елена боялась холода церквей для Инсарова; но она вспомнила объ академіи delle Belle Arti, и велѣла гондольеру ѣхать туда. Они скоро обошли всѣ залы этого небольшого музея. Не будучи ни знатоками, ни дилетантами, они не останавливались передъ каждой картиной, не насиловали себя: какая-то свѣтлая веселость неожиданно нашла на нихъ. Имъ вдругъ все показалась очень забавно. (Дѣтямъ хорошо извѣстно это чувство.) Къ великому скандалу трехъ посѣ-

тителей англичанъ, Елена хохотала до слезъ надъ святымъ Маркомъ Тинторета, прыгающимъ съ неба, какъ лягушка въ воду, для спасенія истязаемаго раба; съ своей стороны, Инсаровъ пришелъ въ восторгъ отъ спины и икръ того энергическаго мужа въ зеленой хламидѣ, который стоитъ на первомъ планѣ Тиціановскаго *Вознесенія* и воздымаетъ руки вослѣдъ Мадонны; зато сама Мадонна— прекрасная, сильная женщина, спокойно и величественно стремящаяся въ лоно Бога Отца — поразила и Инсарова, и Елену; понравилась имъ также строгая и святая картина старика Чима да-Конельяно. Выходя изъ академіи, они еще разъ оглянулись на шедшихъ за ними англичанъ съ длинными, заячьими зубами и висячими бакенбардами — и засмѣялись; увидали своего гондольера съ куцою курткой и короткими панталонами—и засмѣялись; увидали торговку съ узелкомъ сѣдыхъ волосъ на самой вершинѣ головы — и засмѣялись пуще прежняго; посмотрѣли наконецъ другъ другу въ лицо — и залились смѣхомъ, а какъ только сѣли въ гондолу — крѣпко, крѣпко пожали другъ другу руку. Они пріѣхали въ гостиницу, побѣжали въ свою комнату, и велѣли подать себѣ обѣдать. Веселость не покидала ихъ и за столомъ. Они потчивали другъ друга, пили за здоровье московскихъ пріятелей, рукоплескали камеріеру за вкусное блюдо рыбы, и все требовали отъ него живыхъ frutti di mare; камеріере пожимался и шаркалъ ногами, а выходя отъ нихъ покачивалъ головой, и разъ даже со вздохомъ шепнулъ: poveretti! (бѣдняжки!) Послѣ обѣда они отправились въ театръ.

Въ театрѣ давали оперу Верди, довольно пошлую, сказать по совѣсти, но уже успѣвшую облетѣть всѣ европейскія сцены, оперу, хорошо извѣстную намъ, русскимъ — *Травіату*. Сезонъ въ Венеціи минулъ, и всѣ пѣвцы не возвышались надъ уровнемъ посредственности; каждый кричалъ, во сколько хватало силъ. Роль Віолетты исполняла артистка, не имѣвшая репутаціи, и судя по холодности къ ней публики, мало любимая, но не лишенная дарованія. Это была молодая, не очень красивая, черно-

глазая дѣвушка съ несовсѣмъ ровнымъ и уже разбитымъ голосомъ. Одѣта она была до наивности пестро и плохо: красная сѣтка покрывала ея волосы, платье изъ полинялаго голубого атласа давило ей грудь, толстыя шведскія перчатки восходили до острыхъ локтей; да и гдѣ-жъ было ей, дочери какого-нибудь бергамскаго пастуха, знать, какъ одѣваются парижскія камеліи! И держаться на сценѣ она не умѣла; но въ ея игрѣ было много правды и безхитростной простоты, и пѣла она съ той особенной страстностью выраженія и ритма, которая дается однимъ итальянцамъ. Елена и Инсаровъ сидѣли вдвоемъ въ темной ложѣ, возлѣ самой сцены; игривое расположеніе духа, которое нашло на нихъ въ академіи delle Belle Arti, все еще не проходило. Когда отецъ несчастнаго юноши, попавшаго въ сѣти соблазнительницы, появился на сценѣ въ гороховомъ фракѣ и взъерошенномъ бѣломъ парикѣ, раскрылъ криво ротъ и, самъ заранѣе смущаясь, выпустилъ унылое басовое *тремоло*, они чуть оба не прыснули... Но игра Віолетты подѣйствовала на нихъ.

— Этой бѣдной дѣвушкѣ почти не хлопаютъ,—сказала Елена:—а я въ тысячу разъ предпочитаю ее какой-нибудь самоувѣренной второстепенной знаменитости, которая бы ломалась и кривлялась и все била бы на эффектъ. Этой какъ будто самой не до шутки; посмотри, она не замѣчаетъ публики.

Инсаровъ припалъ къ краю ложи и пристально посмотрѣлъ на Віолетту.

— Да, — промолвилъ онъ: — она не шутитъ: смертью пахнетъ.

Елена умолкла.

Начался третій актъ. Занавѣсъ поднялся... Елена дрогнула при видѣ этой постели, этихъ завѣшенныхъ гардинъ, склянокъ съ лѣкарствомъ, заслоненной лампы... Вспомнилось ей близкое прошедшее... „А будущее? А настоящее?“ мелькнуло у ней въ головѣ. Какъ нарочно, въ отвѣтъ на притворный кашель актрисы раздался въ ложѣ глухой, неподдѣльный кашель Инсарова... Елена

украдкой взглянула на него, и тотчасъ же придала своимъ чертамъ выраженіе безмятежное и спокойное; Инсаровъ ее понялъ, и самъ началъ улыбаться и чуть-чуть подтягивать пѣнію.

Но онъ скоро притихъ. Игра Віолетты становилась все лучше, все свободнѣе. Она отбросила все постороннее, все ненужное и *нашла себя*: рѣдкое, высочайшее счастіе для художника! Она вдругъ переступила ту черту, которую опредѣлить невозможно, но за которой живетъ красота. Публика встрепенулась, удивилась. Некрасивая дѣвушка съ разбитымъ голосомъ начинала забирать ее въ руки, овладѣвать ею. Но уже и голосъ пѣвицы не звучалъ, какъ разбитый: онъ согрѣлся и окрѣпъ. Явился „Альфредо"; радостный крикъ Віолетты чуть не поднялъ той бури, имя которой fanatismo, и передъ которой ничто всѣ наши сѣверныя завыванія... Мгновеніе—и публика опять замерла. Начался дуэтъ, лучшій нумеръ оперы, въ которомъ удалось композитору выразить всѣ сожалѣнія безумно растраченной молодости, послѣднюю борьбу отчаянной и безсильной любви. Увлеченная, подхваченная дуновеніемъ общаго сочувствія, съ слезами художнической радости и дѣйствительнаго страданія на глазахъ, пѣвица отдалась поднимавшей ее волнѣ, лицо ея преобразилось, и передъ грознымъ призракомъ внезапно приблизившейся смерти, съ такимъ, до неба достигающимъ, порывомъ моленья, исторглись у ней слова: „Lascia mi vivere... morir si giovane" (дай мнѣ жить... умереть такой молодой!), что весь театръ затрещалъ отъ бѣшеныхъ рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ.

Елена вся похолодѣла. Она начала тихо искать своею рукою руку Инсарова, нашла ее и стиснула ее крѣпко. Онъ отвѣтилъ на ея пожатіе; но ни она не посмотрѣла на него, ни онъ на нее. Это пожатіе не походило на то, которымъ они, нѣсколько часовъ тому назадъ, привѣтствовали другъ друга въ гондолѣ.

Они поплыли въ свою гостиницу опять по Canal Grande. Ночь уже наступила, свѣтлая, мягкая ночь. Тѣ же дворцы потянулись имъ навстрѣчу, но они казались другими. Тѣ

изъ нихъ, которые освѣщала луна, золотисто бѣлѣли, и въ самой этой бѣлизнѣ какъ будто исчезали подробности украшеній и очертанія оконъ и балконовъ; онѣ отчетливѣе выдавались на зданіяхъ, залитыхъ легкой мглою ровной тѣни. Гондолы съ своими маленькими красными огонечками, казалось, еще неслышнѣе и быстрѣе бѣжали; таинственно блистали ихъ стальные гребни, таинственно вздымались и опускались весла надъ серебряными рыбками возмущенной струи; тамъ, сямъ, коротко и негромко восклицали гондольеры (они теперь никогда не поютъ); другихъ звуковъ почти не было слышно. Гостиница, гдѣ жили Инсаровъ и Елена, находилась на Riva dei Schiavoni; не доѣзжая до нея, они вышли изъ гондолы и прошлись нѣсколько разъ вокругъ площади святого Марка, подъ арками, гдѣ передъ крошечными кофейными толпилось множество празднаго народа. Ходить вдвоемъ съ любимымъ существомъ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, какъ-то особенно пріятно: все кажется прекраснымъ и значительнымъ, всѣмъ желаешь добра, мира и того же счастія, которымъ исполненъ самъ. Но Елена уже не могла безпечно предаваться чувству своего счастія: сердце ея, потрясенное недавними впечатлѣніями, не могло успокоиться; а Инсаровъ, проходя мимо дворца дожей, указалъ, молча, на жерла австрійскихъ пушекъ, выглядывавшихъ изъ-подъ нижнихъ сводовъ, и надвинулъ шляпу на брови. Притомъ онъ чувствовалъ себя усталымъ—и, взглянувъ въ послѣдній разъ на церковь св. Марка, на ея куполы, гдѣ подъ лучами луны на голубоватомъ свинцѣ зажигались пятна фосфорическаго свѣта, они медленно вернулись домой.

Комнатка ихъ выходила окнами на широкую лагуну, разстилающуюся отъ Riva dei Schiavoni до Джіудекки. Почти напротивъ ихъ гостиницы возвышалась остроконечная башня св. Георгія; направо, высоко въ воздухѣ, сверкалъ золотой шаръ Догапы — и разубранная, какъ невѣста, стояла красивѣйшая изъ церквей, Redentore, Палладія; налѣво чернѣли мачты и реи кораблей, трубы пароходовъ; кое-гдѣ висѣлъ, какъ большое крыло, напо-

ловину подобранный парусъ, и вымпела едва шевелились. Инсаровъ присѣлъ передъ окномъ, но Елена не дала ему долго любоваться видомъ; у него вдругъ показался жаръ, его охватила какая-то пожирающая слабость. Она уложила его въ постель и, дождавшись пока онъ заснулъ, тихонько вернулась къ окну. О, какъ тиха и ласкова была ночь, какою голубиною кротостію дышалъ лазурный воздухъ, какъ всякое страданіе, всякое горе должно было замолкнуть и заснуть подъ этимъ яснымъ небомъ, подъ этими святыми, невинными лучами! „О, Боже,—думала Елена:—зачѣмъ смерть, зачѣмъ разлука, болѣзнь и слезы? или зачѣмъ эта красота, это сладостное чувство надежды, зачѣмъ успокоительное сознаніе прочнаго убѣжища, неизмѣнной защиты, безсмертнаго покровительства? Что̀ же значитъ это улыбающееся, благословляющее небо, эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели это все только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни... одни... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ недосягаемыхъ безднахъ и глубинахъ,—все, все намъ чуждо? Къ чему же тогда эта жажда и радость молитвы? („Morir si giovane“ зазвучало у нея въ душѣ)... Неужели же нельзя умолить, отвратить, спасти... О, Боже! неужели нельзя вѣрить чуду?“ Она положила голову на сжатыя руки. „Довольно?“ шепнула она. „Неужели уже довольно! Я была счастлива, не однѣ только минуты, не часы, не цѣлые дни — нѣтъ, цѣлыя недѣли сряду. А съ какого права?“ Ей стало страшно своего счастія. „А если этого нельзя?—подумала она.—Если это не дается даромъ? Вѣдь это было небо... а мы люди, бѣдные, грѣшные люди... Morir si giovane... О, темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь!“

„Но если это—наказаніе“, подумала она опять: „если мы должны теперь внести полную уплату за нашу вину? Моя совѣсть молчала, она теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности? О, Боже, неужели мы такъ преступны! Неужели Ты, создавшій эту ночь, это небо, захочешь наказать насъ за то, что мы любили? А если

такъ, если онъ виноватъ, если я виновата, — прибавила она съ невольнымъ порывомъ:—такъ дай ему, о, Боже, дай намъ обоимъ умереть по крайней мѣрѣ честной, славной смертью—тамъ, на родныхъ его поляхъ, а не здѣсь, не въ этой глухой комнатѣ".

„А горе бѣдной, одинокой матери?" спросила она себя, и сама смутилась, и не нашла возраженій на свой вопросъ. Елена не знала, что счастіе каждаго человѣка основано на несчастіи другого, что даже его выгода и удобство требуютъ, какъ статуя—пьедестала, невыгоды и неудобства другихъ.

„Рендичъ!" пролепеталъ сквозь сонъ Инсаровъ.

Елена подошла къ нему на цыпочкахъ, нагнулась надъ нимъ и отерла потъ съ его лица. Онъ пометался немного на подушкѣ и затихъ.

Она опять подошла къ окну, и опять взяли ее думы. Она начала самоё-себя уговаривать и увѣрять себя, что нѣтъ причинъ бояться. Она даже устыдилась своей слабости. „Развѣ есть опасность? развѣ ему не лучше?" шепнула она. „Вѣдь если бы мы не были сегодня въ театрѣ, мнѣ бы все это въ голову не пришло". Въ это мгновеніе она увидѣла высоко надъ водой бѣлую чайку; ее, вѣроятно, вспугнулъ рыбакъ, и она летала молча, неровнымъ полетомъ, какъ бы высматривая мѣсто, гдѣ бы опуститься. „Вотъ, если она полетитъ сюда", подумала Елена: „это будетъ хорошій знакъ"... Чайка закружилась на мѣстѣ, сложила крылья—и, какъ подстрѣленная, съ жалобнымъ крикомъ пала куда-то далеко за темный корабль. Елена вздрогнула, а потомъ ей стало совѣстно, что она вздрогнула, и она, не раздѣваясь, прилегла на постель возлѣ Инсарова, который дышалъ тяжело и часто.

XXXIV.

Инсаровъ проснулся поздно, съ глухою болью въ головѣ, съ чувствомъ, какъ онъ выразился, безобразной слабости во всемъ тѣлѣ. Однако, онъ всталъ.

— Рендичъ не приходилъ? — было его первымъ вопросомъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчала Елена и подала ему послѣдній нумеръ „Osservatore Triestino“, въ которомъ много говорилось о войнѣ, о славянскихъ земляхъ, о княжествахъ. Инсаровъ началъ читать; она занялась приготовленіемъ для него кофе... Кто-то постучался въ дверь.

„Рендичъ“, подумали оба, но стучавшій проговорилъ по-русски: „можно войти?“ Елена и Инсаровъ переглянулись съ изумленіемъ, и, не дождавшись ихъ отвѣта, вошелъ въ комнату щегольски-одѣтый человѣкъ, съ маленькимъ, остренькимъ лицомъ и бойкими глазками. Онъ весь сіялъ, какъ будто только-что выигралъ огромныя деньги или услышалъ пріятнѣйшую новость.

Инсаровъ приподнялся со стула.

— Вы не узнаете меня,—заговорилъ незнакомецъ, развязно подходя къ нему и любезно кланяясь Еленѣ.— Лупояровъ, помните, мы въ Москвѣ встрѣтились у Е....хъ?

— Да, у Е....хъ,—произнесъ Инсаровъ.

— Какъ же, какъ же! Прошу васъ представить меня вашей супругѣ. Сударыня, я всегда глубоко уважалъ Дмитрія Васильевича... (онъ поправился): Никанора Васильевича,—и очень счастливъ, что имѣю, наконецъ, честь съ вами познакомиться. Вообразите,—продолжалъ онъ, обратившись къ Инсарову:—я только вчера вечеромъ узналъ, что вы здѣсь. Я тоже стою въ этой гостиницѣ. Что это за городъ, эта Венеція—поэзія, да и только! Одно ужасно: проклятые австріяки на каждомъ шагу! — ужъ эти мнѣ австріяки! Кстати, слышали вы, на Дунаѣ произошло рѣшительное сраженіе: 300 турецкихъ офицеровъ убито, Силистрія взята, Сербія уже объявила себя независимою. Не правда ли, вы, какъ патріотъ, должны быть въ восторгѣ? Во мнѣ самомъ славянская кровь такъ и кипитъ! Однако, я совѣтую вамъ быть осторожнѣе; я увѣренъ, что за вами наблюдаютъ. Шпіонство здѣсь ужасное! Вчера подходитъ ко мнѣ какой-то подозрительный человѣкъ и спрашиваетъ: „русскій ли я?“ Я ему сказалъ, что я датчанинъ... А только вы должно-быть нездоровы, любезнѣйшій Никаноръ Васильевичъ. Вамъ надобно полѣчиться; сударыня, вы должны полѣчить вашего мужа. Я вчера,

какъ сумасшедшій, бѣгалъ по дворцамъ и по церквамъ— вѣдь вы были во дворцѣ дожей? Что за богатство вездѣ! Особенно эта большая зала, и мѣсто Марино Фаліеро; такъ и стоитъ: decapitati pro criminibus. Я былъ и въ знаменитыхъ тюрьмахъ: вотъ гдѣ душа моя возмутилась—я, вы, можетъ-быть, помните—всегда любилъ заниматься соціальными вопросами и возставалъ противъ аристократіи— вотъ бы я куда привелъ защитниковъ аристократіи: въ эти тюрьмы; справедливо сказалъ Байронъ: „T stood in Venice on the bridge of sighs"; впрочемъ, и онъ былъ аристократъ. Я всегда былъ за прогрессъ. Молодое поколѣніе все за прогрессъ. А каковы англо-французы? Посмотримъ, много ли они сдѣлаютъ: Бустрапà и Пальмерстонъ. Вы знаете, Пальмерстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Нѣтъ, что ни говорите, русскій кулакъ не шутка. Ужасный плутъ этотъ Бустрапà! Хотите, я вамъ дамъ les Châtiments de Victor Hugo — удивительно! L'avenir le gendarme de Dieu — смѣло немножко сказано — но сила, сила. Хорошо также сказалъ князь Вяземскій: „Европа твердитъ: Башъ-Кадыкъ-Ларъ, глазъ не сводя съ Синопа". Я люблю поэзію. У меня также есть послѣдняя книжка Прудона, у меня все есть. Не знаю, какъ вы, а я радъ войнѣ; только какъ бы домой не потребовали, а я собираюсь отсюда во Флоренцію, въ Римъ: во Францію нельзя— такъ я думаю въ Испанію — женщины тамъ, говорятъ, удивительныя, только бѣдность и насѣкомыхъ много. Махнулъ бы въ Калифорнію, намъ, русскимъ, все ни почемъ, да я одному редактору далъ слово изучить въ подробности вопросъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ. Вы скажете, предметъ не интересный, спеціальный, но намъ нужны, нужны спеціалисты, довольно мы философствовали, теперь нужна практика, практика... А вы очень нездоровы, Никаноръ Васильевичъ, я васъ, можетъ-быть, утомляю, но все равно, я еще посижу немножко...

И долго еще трещалъ такимъ образомъ Лупояровъ и, уходя, обѣщалъ побывать.

Измученный нежданымъ посѣщеніемъ, Инсаровъ легъ на диванъ.

— Вотъ,—съ горечью промолвилъ онъ, взглянувъ на Елену:—вотъ ваше молодое поколѣніе! Иной важничаетъ и рисуется, а въ душѣ такой же свистунъ, какъ этотъ господинъ.

Елена не возражала своему мужу: въ это мгновеніе ее гораздо больше безпокоила слабость Инсарова, чѣмъ состояніе всего молодого поколѣнія Россіи... Она сѣла возлѣ него, взяла работу. Онъ закрылъ глаза и лежалъ неподвижно, весь блѣдный и худой. Елена взглянула на его рѣзко обрисовавшійся профиль, на его вытянутыя руки, и внезапный страхъ защемилъ ей сердце.

— Дмитрій...—начала она.

Онъ встрепенулся.

— Что̀? Рендичъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ еще... но какъ ты думаешь—у тебя жаръ, ты, право, не совсѣмъ здоровъ, не послать ли за докторомъ!

— Тебя этотъ болтунъ напугалъ. Не нужно. Я отдохну немного и все пройдетъ. Мы послѣ обѣда опять поѣдемъ... куда-нибудь.

Прошло два часа... Инсаровъ все лежалъ на диванѣ, но заснуть не могъ, хотя не открывалъ глазъ. Елена не отходила отъ него; она уронила работу на колѣни и не шевелилась.

— Отчего ты не спишь?—спросила она его наконецъ.

— А вотъ, погоди.—Онъ взялъ ея руку и положилъ ее себѣ подъ голову. — Вотъ такъ... хорошо. Разбуди меня сейчасъ, какъ только Рендичъ пріѣдетъ. Если онъ скажетъ, что корабль готовъ, мы тотчасъ отправимся... Надобно все уложить.

— Уложить не долго,—отвѣчала Елена.

— Что̀ этотъ человѣкъ болталъ о сраженіи, о Сербіи,— проговорилъ, спустя немного, Инсаровъ. — Должно-быть, все выдумалъ. Но надо, надо ѣхать. Терять времени нельзя... Будь готова.

Онъ заснулъ, и все затихло въ комнатѣ.

Елена прислонилась головою къ спинкѣ кресла и долго глядѣла въ окно. Погода испортилась; вѣтеръ поднялся. Большія бѣлыя тучи быстро неслись по небу, тонкая

мачта качалась въ отдаленіи, длинный вымпелъ съ краснымъ крестомъ безпрестанно взвивался, падалъ и взвивался снова. Маятникъ старинныхъ часовъ стучалъ тяжко, съ какимъ-то печальнымъ шипѣніемъ. Елена закрыла глаза. Она дурно спала всю ночь; понемногу и она заснула.

Странный ей привидѣлся сонъ. Ей показалось, что она плыветъ въ лодкѣ по Царицынскому пруду съ какими-то незнакомыми людьми. Они молчатъ и сидятъ неподвижно, никто не гребетъ; лодка подвигается сама собой. Еленѣ не страшно, но скучно: ей бы хотѣлось узнать, что̀ это за люди, и зачѣмъ она съ ними? Она глядитъ, а прудъ ширится, берега пропадаютъ — ужъ это не прудъ, а безпокойное море: огромныя, лазуревыя, молчаливыя волны величественно качаютъ лодку; что-то гремящее, грозное, поднимается со дна; неизвѣстные спутники вдругъ вскакиваютъ, кричатъ, махаютъ руками... Елена узнаётъ ихъ лица: ея отецъ между ними. Но какой-то бѣлый вихорь налетаетъ на волны... все закружилось, смѣшалось...

Елена осматривается: попрежнему все бѣло вокругъ; но это снѣгъ, снѣгъ, безконечный снѣгъ. И она ужъ не въ лодкѣ, она ѣдетъ, какъ изъ Москвы, въ повозкѣ; она не одна: рядомъ съ ней сидитъ маленькое существо, закутанное въ старенькій салопъ. Елена вглядывается: это Катя, ея бѣдная подружка. Страшно становится Еленѣ. Развѣ она не умерла? думаетъ она.

— Катя, куда это мы съ тобой ѣдемъ?

Катя не отвѣчаетъ и завертывается въ свой салопчикъ; она зябнетъ. Еленѣ тоже холодно; она смотритъ вдоль по дорогѣ: городъ виднѣется вдали сквозь снѣжную пыль. Высокія бѣлыя башни съ серебряными главами... Катя, Катя, это Москва? Нѣтъ, думаетъ Елена, это Соловецкій монастырь: тамъ много, много маленькихъ тѣсныхъ келій; какъ въ ульѣ; тамъ душно, тѣсно,—тамъ Дмитрій запертъ. Я должна его освободить... Вдругъ сѣдая, зіяющая пропасть разверзается передъ нею. Повозка падаетъ, Катя смѣется. Елена, Елена! слышится голосъ изъ бездны.

„Елена!“ раздалось явственно въ ея ушахъ. Она бы-

стро подняла голову, обернулась и обомлѣла: Инсаровъ, бѣлый, какъ снѣгъ, снѣгъ ея сна, приподнялся до половины съ дивана, и глядѣлъ на нее большими, свѣтлыми, страшными глазами. Волосы его разсыпались по лбу, губы странно раскрылись. Ужасъ, смѣшанный съ какимъ-то тоскливымъ умиленіемъ, выражался на его внезапно-измѣнившемся лицѣ.

— Елена!—произнесъ онъ:—я умираю.

Она съ крикомъ упала на колѣни и прижалась къ его груди.

— Все кончено, — повторилъ Инсаровъ: — я умираю... Прощай, моя бѣдная! Прощай,. моя родина!..

И онъ навзничь опрокинулся на диванъ.

Елена выбѣжала изъ комнаты, стала звать на помощь, камеріѐре бросился за докторомъ. Елена припала къ Инсарову.

Въ это мгновенье на порогѣ двери показался человѣкъ широкоплечій, загорѣлый, въ толстомъ байковомъ пальто и клеенчатой низкой шляпѣ. Онъ остановился въ недоумѣніи.

— Рендичъ!—воскликнула Елена:—это вы! Посмотрите, ради Бога, съ нимъ дурно! Что̀ съ нимъ? Боже, Боже! Онъ вчера выѣзжалъ, онъ сейчасъ говорилъ со мною...

Рендичъ ничего не сказалъ и только посторонился. Мимо его проворно прошмыгнула маленькая фигурка въ парикѣ и въ очкахъ: это былъ докторъ, жившій въ той же гостиницѣ. Онъ приблизился къ Инсарову.

— Синьора, — сказалъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній:—господинъ иностранецъ скончался — il signore forestiere e morto,—отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

XXXV.

На другой день, въ той же комнатѣ, у окна стоялъ Рендичъ; передъ нимъ, закутавшись въ шаль, сидѣла Елена. Въ сосѣдней комнатѣ въ гробу лежалъ Инсаровъ. Лицо Елены было и испугано, и безжизненно; на лбу, между бровями, появились двѣ морщины: онѣ придавали напря-

женное выраженіе ея неподвижнымъ глазамъ. На окнѣ лежало раскрытое письмо Анны Васильевны. Она звала свою дочь въ Москву, хоть на мѣсяцъ, жаловалась на свое одиночество, на Николая Артемьевича, кланялась Инсарову, освѣдомлялась объ его здоровьѣ и просила его отпустить жену.

Рендичъ былъ далматъ, морякъ, съ которымъ Инсаровъ познакомился во время своего путешествія на родину, и котораго онъ отыскалъ въ Венеціи. Это былъ человѣкъ суровый, грубый, смѣлый и преданный славянскому дѣлу. Онъ презиралъ турокъ и ненавидѣлъ австрійцевъ.

— Сколько времени вы должны остаться въ Венеціи?— спросила его по-итальянски Елена. И голосъ ея былъ безъ жизни, какъ и лицо.

— День, чтобы нагрузиться и не возбудить подозрѣнія, а тамъ прямо въ Зару. Не обрадую я нашихъ земляковъ. Его уже давно ждали; на него надѣялись.

— На него надѣялись,—повторила машинально Елена.

— Когда вы его хороните?—спросилъ Рендичъ.

Елена не тотчасъ отвѣчала:

— Завтра.

— Завтра? я останусь: я хочу бросить горсть земли въ его могилу. Надо жъ и вамъ помочь. А лучше было бы ему лежать въ славянской землѣ.

Елена поглядѣла на Рендича.

— Капитанъ,—сказала она:—возьмите меня съ нимъ и перевезите насъ по ту сторону моря, прочь отсюда. Возможно это?

Рендичъ задумался.

— Возможно, только хлопотно. Надобно будетъ возиться съ здѣшнимъ проклятымъ начальствомъ. Но положимъ, мы это все уладимъ, похоронимъ его тамъ; какъ же я васъ назадъ доставлю?

— Вамъ не нужно будетъ доставлять меня назадъ.

— Какъ? Гдѣ же вы останетесь?

— Я уже найду себѣ мѣсто; только возьмите насъ, возьмите меня.

Рендичъ почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Какъ знаете, но все это очень хлопотно. Пойду, попытаюсь: а вы ждите меня здѣсь часа черезъ два.

Онъ ушелъ. Елена перешла въ сосѣднюю комнату, прислонилась къ стѣнѣ и долго стояла, какъ окаменѣлая. Потомъ она опустилась на колѣни, но молиться не могла. Въ ея душѣ не было упрековъ; она не дерзала вопрошать Бога, зачѣмъ не пощадилъ, не пожалѣлъ, не сберегъ, зачѣмъ наказалъ свыше вины, если и была вина? Каждый изъ насъ виноватъ уже тѣмъ, что живетъ, и нѣтъ такого великаго мыслителя, нѣтъ такого благодѣтеля человѣчества, который въ силу пользы, имъ приносимой, могъ бы надѣяться на то, что имѣетъ право жить... Но Елена молиться не могла: она окаменѣла.

Въ ту же ночь широкая лодка отчалила отъ гостиницы, гдѣ жили Инсаровы. Въ лодкѣ сидѣла Елена съ Рендичемъ и стоялъ длинный ящикъ, покрытый чернымъ сукномъ. Они плыли около часа и приплыли, наконецъ, къ небольшому двухъ-мачтовому кораблику, который стоялъ на якорѣ у самаго выхода гавани. Елена и Рендичъ взошли на корабль; матросы внесли ящикъ. Съ полуночи поднялась буря, но поутру рано корабль уже миновалъ Лидо. Въ теченіе дня буря разыгралась съ страшною силой, и опытные моряки въ конторахъ „Ллойда“ качали головами и не ждали ничего добраго. Адріатическое море между Венеціей, Тріестомъ и далматскимъ берегомъ чрезвычайно опасно.

Недѣли три послѣ отъѣзда Елены изъ Венеціи, Анна Васильевна получила въ Москвѣ слѣдующее письмо:

„Милые мои родные, я навсегда прощаюсь съ вами. Вы меня больше не увидите. Вчера скончался Дмитрій. Все кончено для меня. Сегодня я уѣзжаю съ его тѣломъ въ Зару. Я его схороню, и что со мной будетъ, не знаю! Но уже мнѣ нѣтъ другой родины, кромѣ родины Д. Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мною будетъ, но я и послѣ смерти Д. останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни. Я выучилась по-болгарски и по-сербски. Вѣроятно, я всего

этого не перенесу — тѣмъ лучше. Я приведена на край бездны и должна упасть. Насъ судьба соединила не даромъ: кто знаетъ, можетъ-быть, я его убила; теперь его очередь увлечь меня за собою. Я искала счастья—и найду, быть-можетъ, смерть. Видно, такъ слѣдовало; видно, была вина... Но смерть все прикрываетъ и примиряетъ, — не правда ли? Простите мнѣ всѣ огорченія, которыя я вамъ причинила; это было не въ моей волѣ. А вернуться въ Россію—зачѣмъ? Что̀ дѣлать въ Россіи?

„Примите мои послѣднія лобзанія и благословенія и не осуждайте меня“. Е.

Съ тѣхъ поръ минуло уже около пяти лѣтъ, и никакой вѣсти не приходило больше объ Еленѣ. Безплодны остались всѣ письма, запросы; напрасно самъ Николай Артемьевичъ, послѣ заключенія мира, ѣздилъ въ Венецію, въ Зару; въ Венеціи онъ узналъ то, что̀ уже извѣстно читателю, а въ Зарѣ никто не могъ дать ему положительныхъ свѣдѣній о Рендичѣ и кораблѣ, который онъ нанялъ. Ходили темные слухи, будто бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, море, послѣ сильной бури, выкинуло на берегъ гробъ, въ которомъ нашли трупъ мужчины... По другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, гробъ этотъ вовсе не былъ выкинутъ моремъ, но привезенъ и похороненъ возлѣ берега иностранной дамой, пріѣхавшею изъ Венеціи; нѣкоторые прибавляли, что даму эту видѣли потомъ въ Герцеговинѣ при войскѣ, которое тогда собиралось; описывали даже ея нарядъ, черный съ головы до ногъ. Какъ бы то ни было, слѣдъ Елены исчезъ навсегда и безвозвратно, и никто не знаетъ, жива ли она еще, скрывается ли гдѣ, или уже кончилась маленькая игра жизни, кончилось ея легкое броженіе, и настала очередь смерти. Случается, что человѣкъ, просыпаясь, съ невольнымъ испугомъ спрашиваетъ себя: неужели мнѣ уже тридцать... сорокъ... пятьдесятъ лѣтъ? Какъ это жизнь такъ скоро прошла? Какъ это смерть такъ близко надвинулась? Смерть, какъ рыбакъ, который поймалъ рыбу въ свою сѣть и оставляетъ ее на время въ водѣ: рыба еще пла-

ваетъ, но сѣть на ней, и рыбакъ выхватитъ ее — когда захочетъ.

Что̀ сталось съ остальными лицами нашего разсказа?

Анна Васильевна еще жива; она очень постарѣла послѣ поразившаго ее удара, жалуется меньше, но гораздо больше груститъ. Николай Артемьевичъ тоже постарѣлъ и посѣдѣлъ, и разстался съ Августиной Христіановной... Онъ теперь бранитъ все иностранное. Ключница его, красивая женщина лѣтъ тридцати, изъ русскихъ, ходитъ въ шелковыхъ платьяхъ и носитъ золотыя кольца и сережки. Курнатовскій, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, и въ качествѣ энергическаго брюнета, охотникъ до миловидныхъ блондинокъ, женился на Зоѣ; она у него въ большомъ повиновеніи и даже перестала думать по-нѣмецки. Берсеневъ находится въ Гейдельбергѣ: его на казенный счетъ отправили за границу; онъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, и не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ. Ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи: *О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній*, и — *О значеніи городского начала въ вопросѣ цивилизаціи;* жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испещрены иностранными словами. Шубинъ въ Римѣ; онъ весь предался своему искусству и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и многообѣщающихъ молодыхъ ваятелей. Строгіе туристы находятъ, что онъ не довольно изучилъ древнихъ, что у него нѣтъ „стиля“, и причисляютъ его къ французской школѣ; отъ англичанъ и американцевъ у него пропасть заказовъ. Въ послѣднее время много шуму надѣлала одна его Вакханка; русскій графъ Бобошкинъ, извѣстный богачъ, собирался было купить ее за 1,000 скуди, но предпочелъ дать 3,000 другому ваятелю, французу pur sang, за группу, изображающую „Молодую поселянку, умирающую отъ любви на груди Генія Весны“. Шубинъ изрѣдка переписывается съ Уваромъ Ивановичемъ, который одинъ нисколько и ни въ чемъ не измѣнился. „Помните“, писалъ

онъ ему недавно: „что́ вы мнѣ сказали въ ту ночь, когда сталъ извѣстенъ бракъ бѣдной Елены, когда я сидѣлъ на вашей кровати и разговаривалъ съ вами? Помните, я спрашивалъ у васъ тогда, будутъ ли у насъ люди? и вы мнѣ отвѣчали: „будутъ“. О, черноземная сила! И вотъ теперь, я, отсюда, изъ моего „прекраснаго далека“, снова васъ спрашиваю:—ну что́ же, Уваръ Ивановичъ, будутъ?“

Уваръ Ивановичъ поигралъ перстами и устремилъ въ отдаленіе свой загадочный взоръ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА:

стр.

Предисловіе автора къ собранію его романовъ, 1880 г. . III

Отцы и дѣти. Романъ въ XXVIII главахъ 1

Наканунѣ. Романъ въ XXXV главахъ 217

Le Docteur J. Chapireau
de l' Université de Paris.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. С. ТУРГЕНЕВА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

Типографія **А. Ф. Маркса**, Ср. Подьяч., № 1.

ДЫМЪ.

РОМАНЪ ВЪ XXVIII ГЛАВАХЪ.

(НАПИСАНО ВЪ 1867 ГОДУ.)

I.

10-го августа 1862 года, въ четыре часа пополудни, въ Баденъ-Баденѣ, передъ извѣстною „Conversation“ толпилось множество народа. Погода стояла прелестная; все кругомъ—зеленыя деревья, свѣтлые дома уютнаго города, волнистыя горы—все празднично, полною чашей раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца; все улыбалось какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило, и та же неопредѣленная, но хорошая улыбка бродила на человѣчьихъ лицахъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ. Самыя даже насурмленныя, набѣленныя фигуры парижскихъ лоретокъ не нарушали общаго впечатлѣнія яснаго довольства и ликованія, а пестрыя ленты, перья, золотыя и стальныя искры на шляпкахъ и вуаляхъ невольно напоминали взору оживленный блескъ и легкую игру весеннихъ цвѣтовъ и радужныхъ крылъ: одна лишь повсюду разсыпавшаяся, сухая, гортанная трескотня французскаго жаргона не могла ни замѣнить птичьяго щебетанья, ни сравниться съ нимъ.

А впрочемъ, все шло своимъ порядкомъ. Оркестръ въ павильонѣ игралъ то попурри изъ „Травіаты“, то вальсъ Штрауса, то *Скажите ей*, россійскій романсъ, положенный на инструменты услужливымъ капельмейстеромъ; въ игорныхъ залахъ, вокругъ зеленыхъ столовъ, тѣснились тѣ же всѣмъ знакомыя фигуры, съ тѣмъ же тупымъ и

жаднымъ, не то изумленнымъ, не то озлобленнымъ, въ сущности хищнымъ выраженіемъ, которое придаетъ каждымъ, даже самымъ аристократическимъ чертамъ картежная лихорадка; тотъ же тучноватый и чрезвычайно щегольски одѣтый помѣщикъ изъ Тамбова, съ тою же непостижимою, судорожною поспѣшностью, выпуча глаза, ложась грудью на столъ и не обращая вниманія на холодныя усмѣшки самихъ „крупіэ", въ самое мгновенье возгласа: „rien ne va plus!" разсыпалъ вспотѣвшею рукою по всѣмъ четвероугольникамъ рулетки золотые кружки луидоровъ, и тѣмъ самымъ лишалъ себя всякой возможности что-нибудь выиграть, даже въ случаѣ удачи; что̀ нисколько не мѣшало ему, въ тотъ же вечеръ, съ сочувственнымъ негодованіемъ поддакивать князю Коко̀, одному изъ извѣстныхъ предводителей дворянской оппозиціи, тому князю Коко̀, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: „Madame, le principe de la propriété est profondement ébranlé en Russie". Къ русскому дереву—à l'Arbre russe—обычнымъ порядкомъ собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы: подходили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали другъ друга величественно, изящно развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ, находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованія, но, сойдясь и усѣвшись, рѣшительно не знали, что сказать другъ другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, либо затасканными, крайне нахальными и крайне плоскими выходками давнымъ-давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора, въ жидовскихъ башмаченкахъ на мизерныхъ ножкахъ и съ презрѣнною бородкой на паскудной мордочкѣ, шута и болтуна. Онъ имъ вралъ, à ces princes russes, всякую прѣсную дребедень изъ старыхъ альманаховъ *Шаривари* и *Тентамарра*, а они, ces princes russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника, и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное. А между тѣмъ тутъ была

почти вся „fine fleur“ нашего общества, „вся знать и моды образцы“. Тутъ былъ графъ Х., нашъ несравненный дилетантъ, глубокая музыкальная натура, который такъ божественно „сказываетъ“ романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій коаферъ; тутъ былъ и нашъ восхитительный баронъ Z., этотъ мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ; тутъ былъ и князь У., другъ религіи и народа, составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ; и блестящій генералъ О. О., который что-то покорилъ, кого-то усмирилъ, и вотъ, однако, не знаетъ куда дѣться и чѣмъ себя зарекомендовать; и Р. Р., забавный толстякъ, который считаетъ себя очень больнымъ и очень умнымъ человѣкомъ, а здоровъ какъ быкъ и глупъ какъ пень... Тотъ же Р. Р. почти одинъ въ наше время еще сохранилъ преданія львовъ сороковыхъ годовъ, эпохи *Героя нашего времени* и графини Воротынской. Онъ сохранилъ и походку въ раскачку на каблукахъ, и „le culte de la pose“ (по-русски этого даже и сказать нельзя), и неестественную медлительность движеній, и сонную величественность выраженія на неподвижномъ, словно обиженномъ лицѣ, и привычку, зѣвая, перебивать чужую рѣчь, тщательно разсматривать собственные пальцы и ногти, смѣяться въ носъ, внезапно передвигать шляпу съ затылка на брови и т. д., и т. д. Тутъ были даже государственные люди, дипломаты, тузы съ европейскими именами, мужи совѣта и разума, воображающіе, что золотая булла издана папой, и что англійскій „poor-tax“ есть налогъ на бѣдныхъ; тутъ были, наконецъ, и рьяные, но застѣнчивые поклонники камелій, свѣтскіе молодые львы съ превосходнѣйшими проборами на затылкахъ, съ прекрасными висячими бакенбардами, одѣтые въ настоящіе лондонскіе костюмы, молодые львы, которымъ, казалось, ничего не мѣшало быть такими же пошляками, какъ и пресловутый французскій говорунъ; но нѣтъ! не въ ходу,

знать, у насъ родное,—и графиня Ш., извѣстная законодательница модъ и грапъ-жанра, прозванная злыми языками „Царицей Осъ“ и „Медузою въ чепцѣ“, предпочитала, въ отсутствіи говоруна, обращаться къ тутъ же вертѣвшимся итальянцамъ, молдаванцамъ, американскимъ „спиритамъ“, бойкимъ секретарямъ иностранныхъ посольствъ, нѣмчикамъ съ женоподобною, но уже осторожною физіономіей и т. п. Подражая примѣру графини, и княгиня Babette, та самая, у которой на рукахъ умеръ Шопенъ (въ Европѣ считаютъ около тысячи дамъ, на рукахъ которыхъ онъ испустилъ духъ), и княгиня Annette, которая всѣмъ бы взяла, если бы по временамъ, внезапно, какъ запахъ капусты среди тончайшей амбры, не проскакивала въ ней простая деревенская прачка; и княгиня Pachette, съ которою случилось такое несчастіе: мужъ ея попалъ на видное мѣсто и вдругъ, Dieu sait pourquoi, прибилъ градского голову и укралъ 20,000 р. с. казенныхъ денегъ; и смѣшливая княжна Зизи, и слезливая княжна Зозо; всѣ онѣ оставляли въ сторонѣ своихъ земляковъ, немилостиво обходились съ ними... Оставимъ же и мы ихъ въ сторонѣ, этихъ прелестныхъ дамъ, и отойдемъ отъ знаменитаго дерева, около котораго онѣ сидятъ въ такихъ дорогихъ, но нѣсколько безвкусныхъ туалетахъ, и пошли имъ Господь облегченія отъ грызущей ихъ скуки!

II.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ „русскаго“ дерева, за маленькимъ столомъ передъ кофейной Вебера, сидѣлъ красивый мужчина лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, сухощавый и смуглый, съ мужественнымъ и пріятнымъ лицомъ. Нагнувшись впередъ и опираясь обѣими руками на палку, онъ сидѣлъ спокойно и просто, какъ человѣкъ, которому и въ голову не можетъ придти, чтобы кто-нибудь его замѣтилъ или занялся имъ. Его каріе, съ желтизной, большіе выразительные глаза медленно посматривали кругомъ, то слегка прищуриваясь отъ солнца, то вдругъ упорно провожая какую-нибудь мимо проходившую, эксцентрическую фигуру, причемъ быстрая, почти

дѣтская усмѣшка чуть-чуть трогала его тонкіе усы, губы и выдающійся крутой подбородокъ. Одѣтъ онъ былъ въ просторное пальто нѣмецкаго покроя, и сѣрая мягкая шляпа закрывала до половины его высокій лобъ. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ, казалось, отдыхалъ отъ продолжительныхъ трудовъ, и тѣмъ простодушнѣе забавлялся разстилавшеюся передъ нимъ картиной, что мысли его были далеко, да и вращались онѣ, эти мысли, въ мірѣ, вовсе не похожемъ на то, что̀ его окружало въ этотъ мигъ. Онъ былъ русскій; звали его Григоріемъ Михайловичемъ Литвиновымъ.

Намъ нужно съ нимъ познакомиться, и потому приходится разсказать въ короткихъ словахъ его прошедшее, весьма незатѣйливое и несложное.

Сынъ отставного служаки-чиновника изъ купеческаго рода, онъ воспитывался не въ городѣ, какъ слѣдовало ожидать, а въ деревнѣ. Мать его была дворянка, изъ институтокъ, очень доброе и очень восторженное существо, не безъ характера однако. Будучи двадцатью годами моложе своего мужа, она его перевоспитала, насколько могла, перетащила его изъ чиновничьей колеи въ помѣщичью, укротила и смягчила его дюжій, терпкій нравъ. По ея милости онъ сталъ и одѣваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросилъ; сталъ уважать ученыхъ и ученость, хотя, конечно, ни одной книги въ руки не бралъ, — и всячески старался не уронить себя: даже ходить сталъ тише и говорилъ разслабленнымъ голосомъ, все больше о предметахъ возвышенныхъ, что̀ ему сто̀ило трудовъ немалыхъ. „Эхъ! взялъ бы, да выпоролъ!“ думалъ онъ иногда про себя, а вслухъ произносилъ: „да, да, это... конечно; это вопросъ“. Домъ свой мать Литвинова также поставила на европейскую ногу; слугамъ говорила: „вы“, и никому не позволяла за обѣдомъ наѣдаться до сопѣнія. Что̀ же касается до имѣнія ей принадлежавшаго, то ни она сама, ни мужъ ея ничего съ нимъ сдѣлать не сумѣли: оно было давно запущено,

но многоземельно, съ разными угодьями, лѣсами и озеромъ, на которомъ когда-то стояла большая фабрика, заведенная ревностнымъ, но безалабернымъ бариномъ, процвѣтавшая въ рукахъ плута купца и окончательно погибшая подъ управленіемъ честнаго антрепренера изъ нѣмцевъ. Госпожа Литвинова уже тѣмъ была довольна, что не разстроила своего состоянія и не надѣлала долговъ. Къ несчастью, здоровьемъ она похвалиться не могла и скончалась отъ чахотки въ самый годъ поступленія ея сына въ московскій университетъ. Онъ не кончилъ курса, по обстоятельствамъ (читатель узнаетъ о нихъ впослѣдствіи), и угодилъ въ провинцію, гдѣ потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. По милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною теоріей о вредѣ „абсентэизма", сколько доморощеннымъ убѣжденіемъ, что „своя рубашка къ тѣлу ближе", онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не видавъ ни одного „союзника", простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилого моря; потомъ послужилъ по выборамъ, конечно, не безъ непріятностей, и, поживъ въ деревнѣ, пристрастился къ хозяйству. Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло бы давать, и что въ опытныхъ и знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему недоставало—и онъ отправился за границу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, пріобрѣлъ познанія: не легко они ему давались; но онъ выдержалъ искусъ до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую онъ принесетъ своимъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину, куда съ отчаянными заклинаніями и мольбами въ каждомъ письмѣ звалъ его отецъ, совершенно сбитый

съ толку эманципаціей, разверстаніемъ угодій, выкупными сдѣлками, новыми порядками, однимъ словомъ... Но зачѣмъ же онъ въ Баденѣ?

А затѣмъ онъ въ Баденѣ, что онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда туда своей троюродной сестры и невѣсты— Татьяны Петровны Шестовой. Онъ зналъ ее чуть не съ дѣтства и провелъ съ ней весну и лѣто въ Дрезденѣ, гдѣ она поселилась съ своей теткой. Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу, и окончивъ свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать дѣйствительную, не коронную службу, предложилъ ей, какъ любимой женщинѣ, какъ товарищу и другу, соединить свою жизнь съ его жизнью—на радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, „for better for worse", какъ говорятъ англичане. Она согласилась, и онъ отправился въ Карлсруэ, гдѣ у него оставались книги, вещи, бумаги... Но почему же онъ въ Баденѣ, спросите вы опять?

А потому онъ въ Баденѣ, что тетка Татьяны, ее воспитавшая, Капитолина Марковна Шестова, старая дѣвица 55 лѣтъ, добродушнѣйшая и честнѣйшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнемъ самопожертвованія и самоотверженія, esprit fort (она Штрауса читала,—правда, тихонько отъ племянницы) и демократка, заклятая противница большого свѣта и аристократіи, не могла устоять противъ соблазна хотя разочекъ взглянуть на самый этотъ большой свѣтъ въ такомъ модномъ мѣстѣ, каковъ Баденъ... Капитолина Марковна ходила безъ кринолина и стригла въ кружокъ свои бѣлые волосы, но роскошь и блескъ тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать ихъ... Какъ же было не потѣшить добрую старушку?

Но оттого-то Литвиновъ такъ спокоенъ и простъ, оттого онъ такъ самоувѣренно глядитъ кругомъ, что жизнь его отчетливо ясно лежитъ предъ нимъ, что судьба его опредѣлилась, и что онъ гордится этою судьбой, и радуется ей, какъ дѣлу рукъ своихъ.

III.

— Ба! ба! ба! вотъ онъ гдѣ! раздался вдругъ надъ

самымъ его ухомъ пискливый голосъ, и отекшая рука потрепала его по плечу.

Онъ поднялъ голову—и узрѣлъ одного изъ своихъ немногочисленныхъ московскихъ знакомыхъ, нѣкоего Бамбаева, человѣка хорошаго, изъ числа пустѣйшихъ, уже немолодого, съ мягкими, словно разваренными щеками и носомъ, взъерошенными жирными волосами и дряблымъ тучнымъ тѣломъ. Вѣчно безъ гроша и вѣчно отъ чего-нибудь въ восторгѣ, Ростиславъ Бамбаевъ шлялся съ крикомъ, но безъ цѣли, по лицу нашей многосносной матушки земли.

— Вотъ что̀ называется встрѣча!—повторилъ онъ, расширяя заплывшіе глазки и выдвигая пухлыя губки, надъ которыми странно и неумѣстно торчали крашеные усы.— Ай да Баденъ! Всѣ сюда какъ тараканы лѣзутъ. Какъ ты сюда попалъ?

Бамбаевъ „тыкалъ“ рѣшительно всѣхъ на свѣтѣ.

— Я четвертаго дня сюда пріѣхалъ.

— Откуда?

— Да на что̀ тебѣ знать?

— Какъ на что̀! Да постой, постой, тебѣ, можетъ-быть, не извѣстно, кто еще сюда пріѣхалъ! Губаревъ! Самъ, своей особой! Вотъ кто здѣсь! Вчера изъ Гейдельберга прикатилъ. Ты, конечно, съ нимъ знакомъ?

— Я слышалъ о немъ.

— Только-то? Помилуй! Сейчасъ, сію минуту мы тебя къ нему потащимъ. Этакого человѣка не знать! Да вотъ кстати и Ворошиловъ... Постой, ты, пожалуй, и съ нимъ не знакомъ? Честь имѣю васъ другъ другу представить. Оба ученые! Это даже фениксъ! Поцѣлуйтесь!

И сказавъ эти слова, Бамбаевъ обратился къ стоявшему возлѣ него красивому молодому человѣку съ свѣжимъ и розовымъ, но уже серьезнымъ лицомъ. Литвиновъ приподнялся и, разумѣется, не поцѣловался, а обмѣнялся коротенькимъ поклономъ съ „фениксомъ“, которому, судя по строгости осанки, не слишкомъ понравилось это неожиданное представленіе.

— Я сказалъ: фениксъ, и не отступаю отъ своего слова, продолжалъ Бамбаевъ: — ступай въ Петербургъ,

въ — ій корпусъ, и посмотри на золотую доску: чье тамъ имя стоитъ первымъ? Ворошилова, Семена Яковлевича! Но Губаревъ, Губаревъ, братцы мои!! Вотъ къ кому бѣжать, бѣжать надо! Я рѣшительно благоговѣю передъ этимъ человѣкомъ! Да не я одинъ, всѣ сподрядъ благоговѣютъ. Какое онъ теперь сочиненіе пишетъ, о... о... о!..

— О чемъ это сочиненіе? спросилъ Литвиновъ.

— Обо всемъ, братецъ ты мой, въ родѣ, знаешь, Бёкля... только поглубже, поглубже... Все тамъ будетъ разрѣшено и приведено въ ясность.

— А ты самъ читалъ это сочиненіе?

— Нѣтъ, не читалъ, и это даже тайна, которую не слѣдуетъ разглашать; но отъ Губарева всего можно ожидать, всего! Да!—Бамбаевъ вздохнулъ и сложилъ руки.— Что если бъ еще такія двѣ, три головы завелись у насъ на Руси, ну что̀ бы это было, Господи Боже мой! Скажу тебѣ одно, Григорій Михайловичъ: чѣмъ бы ты ни занимался въ это послѣднее время, — а я и не знаю, чѣмъ ты вообще занимаешься, — какія бы ни были твои убѣжденія,—я ихъ тоже не знаю,—но у него, у Губарева, ты найдешь, чему поучиться. Къ несчастію, онъ здѣсь не надолго. Надо воспользоваться, надо идти. Къ нему, къ нему!

Проходившій франтикъ съ рыжими кудряшками и голубою лентою на низкой шляпѣ обернулся и съ язвительною усмѣшкой посмотрѣлъ сквозь стеклышко на Бамбаева. Литвинову досадно стало.

— Что ты кричишь? промолвилъ онъ:—словно гончую на слѣдъ накликаешь! Я еще не обѣдалъ.

— Что̀-жъ такое! Можно сейчасъ у Вебера... втроемъ... Отлично! У тебя есть деньги заплатить за меня? прибавилъ онъ вполголоса.

— Есть-то есть; только я, право, не знаю...

— Перестань, пожалуйста; ты меня благодарить будешь, и онъ радъ будетъ. Ахъ, Боже мой! перебилъ самого себя Бамбаевъ.—Это они финалъ изъ „Эрнани“ играютъ. Что̀ за прелесть!.. A son... mo Carlo... Экой однако я! Сейчасъ въ слезы. Ну, Семенъ Яковлевичъ! Ворошиловъ! Идемъ что ли?

Ворошиловъ, который все еще продолжалъ стоять не-

подвижно и стройно, сохраняя прежнее, нѣсколько горделивое достоинство осанки, знаменательно опустилъ глаза, нахмурился и промычалъ что-то сквозь зубы... но не отказался; а Литвиновъ подумалъ: „Что же! продѣлаемъ и это, благо время есть“. Бамбаевъ взялъ его подъ руку, но прежде чѣмъ направился въ кофейную, кивнулъ пальцемъ Изабеллѣ, извѣстной цвѣточницѣ Жокей-Клуба: ему вздумалось взять у ней букетъ. Но аристократическая цвѣточница не пошевельнулась; да и съ какой стати было ей подходить къ господину безъ перчатокъ, въ запачканной плисовой курткѣ, пестромъ галстукѣ и стоптанныхъ сапогахъ, котораго она и въ Парижѣ-то никогда не видала? Тогда Ворошиловъ, въ свою очередь, кивнулъ ей пальцемъ. Къ нему она подошла, и онъ, выбравъ въ ея коробкѣ крошечный букетъ фіалокъ, бросилъ ей гульденъ. Онъ думалъ удивить ее своею щедростью; но она даже бровью не повела, и когда онъ отъ нея отвернулся, презрительно скорчила свои стиснутыя губы. Одѣтъ Ворошиловъ былъ очень щегольски, даже изысканно, но опытный глазъ парижанки тотчасъ подмѣтилъ въ его туалетѣ, въ его турнюрѣ, въ самой его походкѣ, носившей слѣды рановременной военной выправки, отсутствіе настоящаго, чистокровнаго „шику“.

Усѣвшись у Вебера въ главной залѣ и заказавъ обѣдъ, знакомцы наши вступили въ разговоръ. Бамбаевъ громко и съ жаромъ потолковалъ о высокомъ значеніи Губарева, но скоро умолкъ и, шумно вздыхая и жуя, хлопалъ стаканъ за стаканомъ. Ворошиловъ пилъ и ѣлъ мало, словно нехотя, и разспросивъ Литвинова о родѣ его занятій, принялся высказывать собственныя мнѣнія... не столько объ этихъ занятіяхъ, сколько вообще о различныхъ „вопросахъ“... Онъ вдругъ оживился и такъ и помчался, какъ добрый конь, лихо и рѣзко отчеканивая каждый слогъ, каждую букву, какъ молодецъ-кадетъ на выпускномъ экзаменѣ, и сильно, но не въ ладъ размахивая руками. Съ каждымъ мгновеніемъ онъ становился все рѣчистѣй, все бойчѣй, благо никто его не прерывалъ: онъ словно читалъ диссертацію или лекцію. Имена новѣйшихъ

ученыхъ, съ прибавленіемъ года рожденія или смерти каждаго изъ нихъ, заглавія только-что вышедшихъ брошюръ, вообще имена, имена, имена—дружно посыпались съ его языка, доставляя ему самому высокое наслажденіе, отражавшееся въ его запылавшихъ глазахъ. Ворошиловъ видимо презиралъ всякое старье, дорожилъ однѣми сливками образованности, послѣднею, передовою точкой науки; упомянуть, хотя бы некстати, о книгѣ какого-нибудь доктора Зауэрбенгеля о пенсильванскихъ тюрьмахъ или о вчерашней статьѣ въ „Азіатикъ Джёрналъ", о Ведахъ и Пуранахъ (онъ такъ и сказалъ: „Джёрналъ", хотя, конечно, не зналъ по-англійски) — было для него истинною отрадой, благополучіемъ. Литвиновъ слушалъ его, слушалъ, и никакъ не могъ понять, какая же собственно его спеціальность? То онъ велъ рѣчь о роли кельтійскаго племени въ исторіи; то его уносило въ древній міръ и онъ разсуждалъ объ эгинскихъ мраморахъ, напряженно толковалъ о жившемъ до Фидіаса ваятелѣ Онатасѣ, который, однако, превращался у него въ Іонатана, и тѣмъ на мигъ наводилъ на все его разсужденіе не то библейскій, не то американскій колоритъ; то онъ вдругъ перескакивалъ въ политическую экономію и называлъ Бастіа дуракомъ и деревяжкой, „не хуже Адама Смита и всѣхъ физіократовъ..." „Физіократовъ!" прошепталъ ему вслѣдъ Бамбаевъ... „Аристократовъ?.." Между прочимъ Ворошиловъ вызвалъ выраженіе изумленія на лицѣ того же самаго Бамбаева небрежно и вскользь кинутымъ замѣчаніемъ о Маколеѣ, какъ о писателѣ устарѣломъ и уже опереженномъ наукой; что же до Гнейста и Риля, то онъ объявилъ, что ихъ стоитъ только назвать, и пожалъ плечами. Бамбаевъ также плечами пожалъ. „И все это разомъ, безо всякаго повода, передъ чужими, въ кофейной", размышлялъ Литвиновъ, глядя на бѣлокурые волосы, свѣтлые глаза, бѣлые зубы своего новаго знакомца (особенно смущали его эти крупные сахарные зубы, да еще эти руки съ ихъ неладнымъ размахомъ); „и не улыбнется ни разу; а со всѣмъ тѣмъ, должно-быть, добрый малый и крайне неопытный..." Ворошиловъ угомонился наконецъ; голосъ

его, юношески-звонкій и хриплый какъ у молодого пѣтуха, слегка порвался... кстати жъ Бамбаевъ началъ декламировать стихи и опять чуть не расплакался, что̀ произвело впечатлѣніе скандала за однимъ сосѣднимъ столомъ, около котораго помѣстилось англійское семейство, и хихиканье за другимъ: двѣ лоретки обѣдали за этимъ вторымъ столомъ съ какимъ-то престарѣлымъ младенцемъ въ лиловомъ парикѣ. Кельнеръ принесъ счетъ; пріятели расплатились.

— Ну, воскликнулъ Бамбаевъ, грузно приподнимаясь со стула: — теперь чашку кофе и маршъ! Вонъ она, однако, наша Русь, прибавилъ онъ, остановившись въ дверяхъ и чуть не съ восторгомъ указывая своей мягкой, красною рукой на Ворошилова и Литвинова...—Какова?

„Да, Русь“, подумалъ Литвиновъ; а Ворошиловъ, который уже опять успѣлъ придать лицу своему сосредоточенное выраженіе, снисходительно улыбнулся и слегка щелкнулъ каблуками.

Минутъ черезъ пять они всѣ трое поднимались вверхъ по лѣстницѣ гостиницы, гдѣ остановился Степанъ Николаевичъ Губаревъ... Высокая, стройная дама въ шляпкѣ съ короткою черною вуалеткой проворно спускалась съ той же лѣстницы, и увидавъ Литвинова, внезапно обернулась къ нему и остановилась, какъ бы пораженная изумленіемъ. Лицо ея мгновенно вспыхнуло и потомъ такъ же быстро поблѣднѣло подъ частой сѣткой кружева; но Литвиновъ ея не замѣтилъ, и дама проворнѣе прежняго побѣжала внизъ по широкимъ ступенямъ.

IV.

— Григорій Литвиновъ, рубашка-парень, русская душа, рекомендую, воскликнулъ Бамбаевъ, подводя Литвинова къ человѣку небольшого роста и помѣщичьяго склада, съ разстегнутымъ воротомъ, въ куцой курткѣ, сѣрыхъ утреннихъ панталонахъ и въ туфляхъ, стоявшему посреди свѣтлой, отлично убранной комнаты;—а это, прибавилъ онъ, обращаясь къ Литвинову: — это онъ, тотъ самый, понимаешь? Ну, Губаревъ, однимъ словомъ.

Литвиновъ съ любопытствомъ уставился на „того самаго“. На первый разъ онъ не нашелъ въ немъ ничего необыкновеннаго. Онъ видѣлъ передъ собою господина, наружности почтенной и немного туповатой, лобастаго, глазастаго, губастаго, бородастаго, съ широкой шеей, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ. Этотъ господинъ осклабился, промолвилъ: „Ммм... да... это хорошо... мнѣ пріятно...“, поднесъ руку къ собственному лицу, и тотчасъ же, повернувшись къ Литвинову спиной, ступилъ нѣсколько разъ по ковру, медленно и странно переваливаясь, какъ бы крадучись. У Губарева была привычка постоянно расхаживать взадъ и впередъ, то-и-дѣло подергивая и почесывая бороду концами длинныхъ и твердыхъ ногтей. Кромѣ Губарева, въ комнатѣ находилась еще одна дама въ шелковомъ поношенномъ платьѣ, лѣтъ пятидесяти, съ чрезвычайно подвижнымъ, какъ лимонъ желтымъ лицомъ, черными волосиками на верхней губѣ и быстрыми, словно выскочить готовыми, глазками; да еще какой-то плотный человѣкъ сидѣлъ, сгорбившись, въ уголку.

— Ну-съ, почтенная Матрена Семеновна, началъ Губаревъ, обращаясь къ дамѣ и видно не считая нужнымъ знакомить ее съ Литвиновымъ:—что-бишь вы начали намъ разсказывать?

Дама (звали ее Матреной Семеновной Суханчиковой, она была вдова, бездѣтная, небогатая, и второй уже годъ странствовала изъ края въ край) заговорила тотчасъ съ особеннымъ, ожесточеннымъ увлеченіемъ:

— Ну, вотъ онъ и является къ князю, и говоритъ ему: ваше сіятельство, говоритъ, — вы въ такомъ санѣ и въ такомъ званіи, говоритъ, что̀ вамъ сто̀итъ облегчить мою участь? Вы, говоритъ, не можете не уважать чистоту моихъ убѣжденій! И развѣ можно, говоритъ, въ наше время преслѣдовать за убѣжденія? И что жъ, вы думаете, сдѣлалъ князь, этотъ образованный, высокопоставленный сановникъ?

— Ну, что̀ онъ сдѣлалъ? промолвилъ Губаревъ, задумчиво закуривая папироску.

Дама выпрямилась и протянула впередъ свою костлявую правую руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ.

— Онъ призвалъ своего лакея и сказалъ ему: „сними ты сейчасъ съ этого человѣка сюртукъ и возьми себѣ. Я тебѣ дарю этотъ сюртукъ!“

— И лакей снялъ? спросилъ Бамбаевъ, всплеснувъ руками.

— Снялъ и взялъ. И это сдѣлалъ князь Барнауловъ, извѣстный богачъ, вельможа, облеченный особенною властью, представитель правительства! Что̀ жъ послѣ этого еще ожидать!

Все тщедушное тѣло г-жи Суханчиковой тряслось отъ негодованія, по лицу пробѣгали судороги, чахлая грудь порывисто колыхалась подъ плоскимъ корсетомъ; о глазахъ уже и говорить нечего; они такъ и прыгали. Впрочемъ, они всегда прыгали, о чемъ бы она ни говорила.

— Вопіющее, вопіющее дѣло! воскликнулъ Бамбаевъ.— Казни нѣтъ достойной!

— Ммм... ммм... Сверху до низу все гнило, замѣтилъ Губаревъ, не возвышая впрочемъ голоса.—Тутъ не казнь... тутъ нужна... другая мѣра.

— Да полно, правда ли это? промолвилъ Литвиновъ.

— Правда ли? подхватила Суханчикова.—Да въ этомъ и думать нельзя сомнѣваться, д-у-у-у-мать нельзя...— Она съ такою силою произнесла это слово, что даже скорчилась.—Мнѣ это сказывалъ одинъ вѣрнѣйшій человѣкъ. Да вы его, Степанъ Николаевичъ, знаете — Елистратовъ Капитонъ. Онъ самъ это слышалъ отъ очевидцевъ, отъ свидѣтелей этой безобразной сцены.

— Какой Елистратовъ? спросилъ Губаревъ.—Тотъ, что̀ былъ въ Казани?

— Тотъ самый. Я знаю, Степанъ Николаичъ, про него распустили слухъ, будто онъ тамъ съ какихъ-то подрядчиковъ или винокуровъ деньги бралъ. Да вѣдь кто это говоритъ? Пеликановъ! А возможно ли Пеликанову вѣрить, когда всѣмъ извѣстно, что онъ просто—шпіонъ!

— Нѣтъ, позвольте, Матрена Семеновна, вступился Бамбаевъ: — я съ Пеликановымъ пріятель; какой же онъ шпіонъ?

— Да, да, именно, шпіонъ!

— Да постойте, помилуйте...

— Шпіонъ, шпіонъ! кричала Суханчикова.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, постойте; я вамъ что́ скажу, кричалъ въ свою очередь Бамбаевъ.

— Шпіонъ, шпіонъ! твердила Суханчикова.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ Тентелеевъ, это другое дѣло! заревѣлъ Бамбаевъ уже во все горло.

Суханчикова мгновенно умолкла.

— Про этого барина я достовѣрно знаю, продолжалъ онъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ: — что когда третье отдѣленіе его вызывало, онъ у графини Блазенкрампфъ въ ногахъ ползалъ и все пищалъ: „спасите, заступитесь!“ А Пеликановъ никогда до такой подлости не унижался.

— Мм... Тентелеевъ... проворчалъ Губаревъ:—это... это замѣтить надо.

Суханчикова презрительно пожала плечомъ.

— Оба хороши, заговорила она: — но только я про Тентелеева еще лучше анекдотъ знаю. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ ужаснѣйшій тиранъ со своими людьми, хотя тоже выдавалъ себя за эманципатора. Вотъ онъ разъ въ Парижѣ сидитъ у знакомыхъ, и вдругъ входитъ мадамъ Бичеръ-Стоу, — ну, вы знаете, *Хижина дяди Тома.* Тентелеевъ человѣкъ ужасно чванливый, сталъ просить хозяина представить его; но та, какъ только услыхала его фамилію: „Какъ?“ — говоритъ: — „смѣть знакомиться съ авторомъ Дяди Тома?“ Да хлопъ его по щекѣ!—„Вонъ!“ говоритъ, — „сейчасъ!“ — И что́ жъ вы думаете? Тентелеевъ взялъ шляпу, да поджавши хвостъ и улизнулъ.

— Ну, это мнѣ кажется, преувеличено, замѣтилъ Бамбаевъ. — „Вонъ!“ она ему точно сказала, это фактъ; но пощечины она ему не дала.

— Дала пощечину, дала пощечину! съ судорожнымъ напряженіемъ повторила Суханчикова:—я не стану пустяковъ говорить. И съ такими людьми вы пріятель!

— Позвольте, позвольте, Матрена Семеновна, я никогда не выдавалъ Тентелеева за близкаго мнѣ человѣка; я про Пеликанова говорилъ.

— Ну, не Тентелеевъ, такъ другой: Михневъ, напримѣръ.

— Что же этотъ такое сдѣлалъ? спросилъ Бамбаевъ, уже заранѣе оробѣвъ.

— Что? Будто вы не знаете? На Вознесенскомъ проспектѣ всенародно кричалъ, что надо-молъ всѣхъ либераловъ въ тюрьму; а то еще къ нему приходитъ старый пансіонскій товарищъ, бѣдный, разумѣется, и говоритъ: „можно у тебя пообѣдать?“ А тотъ ему въ отвѣтъ: „нѣтъ, нельзя; у меня два графа сегодня обѣдаютъ... п'шолъ прочь!“

— Да это клевета, помилуйте! возопилъ Бамбаевъ.

— Клевета?.. клевета? Во-первыхъ, князь Вахрушкинъ, который тоже обѣдалъ у вашего Михнева...

— Князь Вахрушкинъ, строго вмѣшался Губаревъ:— мнѣ двоюродный братъ; но я его къ себѣ не пускаю... Ну, и упоминать о немъ, стало-быть, нечего.

— Во-вторыхъ, продолжала Суханчикова, покорно наклонивъ голову въ сторону Губарева: — мнѣ сама Прасковья Яковлевна сказала.

— Нашли на кого сослаться! Она, да вотъ еще Саркизовъ, это первые выдумщики.

— Ну-съ, извините; Саркизовъ лгунъ, точно, онъ же съ мертваго отца парчевой покровъ стащилъ, объ этомъ я спорить никогда не стану; но Прасковья Яковлевна, какое сравненіе! Вспомните, какъ она благородно съ мужемъ разошлась! Но вы, я знаю, вы всегда готовы...

— Ну полноте, полноте, Матрена Семеновна, перебилъ ее Бамбаевъ.—Бросимте эти дрязги, и воспаримте-ка въ горнія. Я вѣдь стараго закала кочерга. Читали вы M-lle de la Quintinie? Вотъ прелесть-то! И съ принципами вашими въ самый разъ!

— Я романовъ больше не читаю, сухо и рѣзко отвѣчала Суханчикова.

— Отчего?

— Оттого, что теперь не то время; у меня теперь одно въ головѣ: швейныя машины.

— Какія машины? спросилъ Литвиновъ.

— Швейныя, швейныя; надо всѣмъ, всѣмъ женщинамъ, запастись швейными машинами, и составлять общества; этакъ онѣ всѣ будутъ хлѣбъ себѣ зарабатывать, и вдругъ

независимы станутъ. Иначе онѣ никакъ освободиться не могутъ. Это важный, важный соціальный вопросъ. У насъ такой объ этомъ былъ споръ съ Болѐславъ Стадницкимъ. Болѐславъ Стадницкій чудная натура, но смотритъ на эти вещи ужасно легкомысленно. Все смѣется... Дуракъ!

— Всѣ будутъ въ свое время потребованы къ отчету, со всѣхъ взыщется, медленно, не то наставническимъ, не то пророческимъ тономъ, произнесъ Губаревъ.

— Да, да, повторилъ Бамбаевъ: — взыщется, именно взыщется. А что̀, Степанъ Николаичъ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—сочиненіе подвигается?

— Матеріалы собираю, отвѣчалъ насупившись Губаревъ, и обратившись къ Литвинову, у котораго голова начинала ходить кругомъ отъ этой яичницы незнакомыхъ ему именъ, отъ этого бѣшенства сплетни, спросилъ его: чѣмъ онъ занимается?

Литвиновъ удовлетворилъ его любопытству.

— А! значитъ, естественными науками. Это полезно, какъ школа; какъ школа, не какъ цѣль. Цѣль теперь должна быть... мм... должна быть... другая. Вы, позвольте узнать, какихъ придерживаетесь мнѣній?

— Какихъ мнѣній?

— Да, то-есть, собственно, какія ваши политическія убѣжденія?

Литвиновъ улыбнулся.

— Собственно у меня нѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій.

Плотный человѣкъ, сидѣвшій въ углу, при этихъ словахъ внезапно поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на Литвинова.

— Что̀ такъ? промолвилъ съ странною кротостью Губаревъ.—Не вдумались еще, или уже устали?

— Какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется, намъ, русскимъ, еще рано имѣть политическія убѣжденія или воображать, что мы ихъ имѣемъ. Замѣтьте, что я придаю слову: „политическій“ то значеніе, которое принадлежитъ ему по праву, и что...

— Ага! изъ недозрѣлыхъ, съ тою же кротостью пе-

ребилъ его Губаревъ, и подойдя къ Ворошилову, спросилъ его:—прочелъ ли онъ брошюру, которую онъ далъ ему?

Ворошиловъ, который, къ удивленію Литвинова, съ самаго своего прихода словечка не проронилъ, а только хмурился и значительно поводилъ глазами (онъ вообще либо ораторствовалъ, либо молчалъ), Ворошиловъ выпятилъ по-военному грудь, и, щелкнувъ каблуками, кивнулъ утвердительно головой.

— Ну, и что жъ? Остались довольны?

— Что̀ касается до главныхъ основаній, доволенъ; но съ выводами не согласенъ.

— Ммм... Андрей Иванычъ мнѣ однако хвалилъ эту брошюру. Вы мнѣ потомъ изложите ваши сомнѣнія.

— Прикажете письменно?

Губаревъ видимо удивился: онъ этого не ожидалъ; однако, подумавъ немного, промолвилъ:

— Да, письменно. Кстати я васъ попрошу изложить мнѣ также свои соображенія... насчетъ... насчетъ ассоціацій.

— По методѣ Лассаля прикажете или Шульце-Делича?

— Ммм... по обѣимъ. Тутъ, понимаете, для насъ, русскихъ, особенно важна финансовая сторона. Ну, и артель... какъ зерно... Все это нужно принять къ свѣдѣнію. Вникнуть надо. Вотъ и вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ...

— А вы, Степанъ Николаичъ, какого мнѣнія насчетъ количества слѣдуемыхъ десятинъ? съ почтительною деликатностью въ голосѣ спросилъ Ворошиловъ.

— Ммм... А община? глубокомысленно произнесъ Губаревъ, и прикусивъ клокъ бороды, уставился на ножку стола.—Община... Понимаете ли вы? Это великое слово! Потомъ, что̀ значатъ эти пожары... эти... эти правительственныя мѣры противъ воскресныхъ школъ, читаленъ, журналовъ? А несогласіе крестьянъ подписывать уставныя грамоты? И наконецъ, то, что̀ происходитъ въ Польшѣ? Развѣ вы не видите, къ чему это все ведетъ? Развѣ вы не видите, что... мм... что намъ... намъ нужно теперь слиться съ народомъ, узнать... узнать его мнѣніе? — Губаревымъ внезапно овладѣло какое-то тяжелое, почти злобное волненіе; онъ даже побурѣлъ въ лицѣ и усиленно

дышалъ, но все не поднималъ глазъ и продолжалъ жевать бороду.—Развѣ вы не видите...

— Евсеевъ подлецъ! брякнула вдругъ Суханчикова, которой Бамбаевъ, изъ уваженія къ хозяину, разсказывалъ что-то вполголоса. Губаревъ круто повернулъ на каблукахъ и опять заковылялъ по комнатѣ.

Стали появляться новые посѣтители; подъ конецъ вечера набралось довольно много народу. Въ числѣ ихъ пришелъ и господинъ Евсеевъ, такъ жестоко обозванный Суханчиковой: она очень дружелюбно съ нимъ разговаривала и попросила его провести ее домой; пришелъ нѣкто Пищалкинъ, идеальный мировой посредникъ, человѣкъ изъ числа тѣхъ людей, въ которыхъ, быть-можетъ, точно нуждается Россія, а именно — ограниченный, мало знающій и бездарный, но добросовѣстный, терпѣливый и честный: крестьяне его участка чуть не молились на него, и онъ самъ весьма почтительно обходился съ самимъ собою, какъ съ существомъ истинно достойнымъ уваженія. Пришло нѣсколько офицерчиковъ, выскочившихъ на коротенькій отпускъ въ Европу и обрадовавшихся случаю, конечно осторожно и не выпуская изъ головы задней мысли о полковомъ командирѣ, побаловаться съ умными и немножко даже опасными людьми; прибѣжали двое жиденькихъ студентиковъ изъ Гейдельберга: одинъ все презрительно оглядывался, другой хохоталъ судорожно... обоимъ было очень неловко; вслѣдъ за ними втерся французикъ, такъ-называемый, *п'ти жёномъ:* грязненькій, бѣдненькій, глупенькій... онъ славился между своими товарищами, комми-вояжерами, тѣмъ, что въ него влюблялись русскія графини; самъ же онъ больше помышлялъ о даровомъ ужинѣ; явился наконецъ Титъ Биндасовъ, съ виду шумный буршъ, а въ сущности кулакъ и выжига, по рѣчамъ террористъ, по призванію квартальный, другъ россійскихъ купчихъ и парижскихъ лоретокъ, лысый, беззубый, пьяный; явился онъ весьма красный и дрянной, увѣряя, что спустилъ послѣднюю копейку этому „шельмецу Беназету“, а на дѣлѣ онъ выигралъ шестнадцать гульденовъ... Словомъ, много набра-

лось народу. Замѣчательно, поистинѣ замѣчательно было то уваженіе, съ которымъ всѣ посѣтители обращались къ Губареву, какъ наставнику или главѣ; они излагали ему свои сомнѣнія, повергали ихъ на его судъ; а онъ отвѣчалъ... мычаніемъ, подергиваніемъ бороды, вращаніемъ глазъ или отрывочными, незначительными словами, которыя тотчасъ же подхватывались на лету, какъ изреченія самой высокой мудрости. Самъ Губаревъ рѣдко вмѣшивался въ пренія; зато другіе усердно надсаживали грудь. Случалось не разъ, что трое, четверо кричали вмѣстѣ въ теченіе десяти минутъ, и всѣ были довольны и понимали. Бесѣда продолжалась за полночь и отличалась, какъ водится, обиліемъ и разнообразіемъ предметовъ. Суханчикова говорила о Гарибальди, о какомъ-то Карлѣ Ивановичѣ, котораго высѣкли его собственные дворовые, о Наполеонѣ III, о женскомъ трудѣ, о купцѣ Плескачевѣ, завѣдомо уморившемъ двѣнадцать работницъ и получившемъ за это медаль съ надписью: „за полезное“, о пролетаріатѣ, о грузинскомъ князѣ Чукчеулидзевѣ застрѣлившемъ жену изъ пушки, и о будущности Россіи; Пищалкинъ говорилъ тоже о будущности Россіи, объ откупѣ, о значеніи національностей и о томъ, что онъ больше всего ненавидитъ пошлое; Ворошилова вдругъ прорвало: единымъ духомъ, чуть не захлебываясь, онъ назвалъ Дрэпера, Фирхова, г-на Шелгунова, Биша, Гельмгольца, Стара, Стура, Реймонта, Іоганна Миллера физіолога, Іоганна Миллера историка, очевидно смѣшивая ихъ, Тэна, Ренана, г-на Щапова, а потомъ Томаса Наша, Пиля, Грина... „Это что̀ же за птицы?“ съ изумленіемъ пробормоталъ Бамбаевъ. „Предшественники Шекспира, относящіеся къ нему какъ отроги Альпъ къ Монъ-Блану!“ хлестко отвѣчалъ Ворошиловъ, и также коснулся будущности Россіи. Бамбаевъ тоже поговорилъ о будущности Россіи и даже расписалъ ее въ радужныхъ краскахъ, но въ особенный восторгъ привела его мысль о русской музыкѣ, въ которой онъ видѣлъ что-то „ухъ! большое“, и въ доказательство затянулъ романсъ Варламова, но скоро былъ прерванъ общимъ крикомъ, что: „онъ-молъ поетъ

Miserere изъ „Троватора“ и прескверно поетъ“. Одинъ офицерчикъ подъ шумокъ ругнулъ русскую литературу, другой привелъ стишки изъ *Искры*; а Титъ Биндасовъ поступилъ еще проще: объявилъ, что всѣмъ бы этимъ мошенникамъ зубы надо повышибать—и баста! не опредѣляя впрочемъ, кто собственно были эти мошенники. Дымъ отъ сигаръ стоялъ удушливый; всѣмъ было жарко и томно, всѣ охрипли, у всѣхъ глаза посоловѣли, потъ лилъ градомъ съ каждаго лица. Бутылки холоднаго пива появлялись и опоражнивались мгновенно. „Что̀ бишь я такое говорилъ?“ твердилъ одинъ: „да съ кѣмъ же я сейчасъ спорилъ и о чемъ?“ спрашивалъ другой. И среди всего этого гама и чада, попрежнему переваливаясь и шевеля въ бородѣ, безъ устали расхаживалъ Губаревъ, и то прислушивался, приникая ухомъ, къ чьему-нибудь разсужденію, то вставлялъ свое слово, и всякій невольно чувствовалъ, что онъ-то, Губаревъ, всему матка и есть, что онъ здѣсь и хозяинъ, и первенствующее лицо...

У Литвинова, часамъ къ десяти, сильно разболѣлась голова, и онъ ушелъ потихоньку и незамѣтно, воспользовавшись усиленнымъ взрывомъ всеобщаго крика: Суханчикова вспомнила новую несправедливость князя Барнаулова: чуть ли не приказалъ онъ кому-то ухо откусить.

Свѣжій ночной воздухъ ласково прильнулъ къ воспаленному лицу Литвинова, влился пахучею струей въ его засохшія губы. „Что̀ это“, думалъ онъ, идя по темной аллеѣ: „при чемъ это я присутствовалъ? Зачѣмъ они собрались? Зачѣмъ кричали, бранились, изъ кожи лѣзли? Къ чему все это?“ Литвиновъ пожалъ плечами и отправился къ Веберу, взялъ газету и спросилъ себѣ мороженаго. Въ газетѣ толковалось о римскомъ вопросѣ, а мороженое оказалось сквернымъ. Онъ уже собирался идти домой, какъ вдругъ къ нему подошелъ незнакомый человѣкъ въ шляпѣ съ широкими полями, и проговоривъ порусски: „я васъ не безпокою?“ присѣлъ за его столикъ. Тутъ только Литвиновъ, вглядѣвшись попристальнѣе въ незнакомца, узналъ въ немъ того плотнаго господина, который забился въ уголокъ у Губарева и съ такимъ вни-

маніемъ окинулъ его глазами, когда рѣчь зашла о политическихъ убѣжденіяхъ. Въ теченіе всего вечера господинъ этотъ не разѣвалъ рта, а теперь, подсѣвъ къ Литвинову и снявъ шляпу, глядѣлъ на него дружелюбнымъ и нѣсколько смущеннымъ взглядомъ.

V.

— Господинъ Губаревъ, у котораго я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть сегодня, началъ онъ:—меня вамъ не отрекомендовалъ; такъ ужъ, если вы позволите, я самъ себя рекомендую: Потугинъ, отставной надворный совѣтникъ, служилъ въ министерствѣ финансовъ, въ С.-Петербургѣ. Надѣюсь, что вы не найдете страннымъ... я вообще не имѣю привычки такъ внезапно познакомиться... но съ вами...

Тутъ Потугинъ замялся и попросилъ кельнера принести его рюмочку киршвассера. „Для храбрости", прибавилъ онъ съ улыбкой.

Литвиновъ съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на это послѣднее изо всѣхъ тѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми ему въ тотъ день пришлось столкнуться, и тотчасъ же подумалъ: „этотъ не то что̀ тѣ".

Дѣйствительно не то. Предъ нимъ сидѣлъ, перебирая по краю стола тонкими ручками, человѣкъ широкоплечій, съ просторнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ, съ понурою курчавою головой, съ очень умными и очень печальными глазками подъ густыми бровями, съ крупнымъ правильнымъ ртомъ, нехорошими зубами и тѣмъ чисто русскимъ носомъ, которому присвоено названіе картофеля; человѣкъ съ виду неловкій и даже диковатый, но уже навѣрное не дюжинный. Одѣтъ онъ былъ небрежно: старомодный сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, и галстукъ сбился на сторону. Его внезапная довѣрчивость не только не показалась Литвинову назойливостью, но напротивъ втайнѣ ему польстила: нельзя было не видѣть, что за этимъ человѣкомъ не водилось привычки навязываться незнакомымъ. Странное впечатлѣніе произвелъ онъ на Литвинова: онъ возбуждалъ въ немъ и уваженіе, и сочувствіе, и какое-то невольное сожалѣніе.

— Такъ я не безпокою васъ? повторилъ онъ мягкимъ, немного сиплымъ и слабымъ голосомъ, который какъ нельзя лучше шелъ ко всей его фигурѣ.

— Помилуйте, возразилъ Литвиновъ; — я, напротивъ, очень радъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ и я радъ. Я слышалъ объ васъ много; я знаю, чѣмъ вы занимаетесь и какія ваши намѣренія. Дѣло хорошее. То-то вы и молчали сегодня.

— Да и вы, кажется, говорили мало, замѣтилъ Литвиновъ.

Потугинъ вздохнулъ.

— Другіе ужъ больно много разсуждали-съ. Я слушалъ. Ну что̀, прибавилъ онъ, помолчавъ немного и какъ-то забавно уставивъ брови: — понравилось вамъ наше Вавилонское столпотвореніе?

— Именно столпотвореніе. Вы прекрасно сказали. Мнѣ все хотѣлось спросить у этихъ господъ, изъ чего они такъ хлопочутъ?

Потугинъ опять вздохнулъ.

— Въ томъ-то и штука, что они и сами этого не вѣдаютъ-съ. Въ прежнія времена про нихъ бы такъ выразились: „они-молъ слѣпыя орудія высшихъ цѣлей“; ну а теперь мы употребляемъ болѣе рѣзкіе эпитеты. И замѣтьте, что собственно я нисколько не намѣренъ обвинять ихъ; скажу болѣе, они всѣ... то-есть почти всѣ, прекрасные люди. Про г-жу Суханчикову я, напримѣръ, навѣрное знаю очень много хорошаго: она послѣднія свои деньги отдала двумъ бѣднымъ племянницамъ. Положимъ, тутъ дѣйствовало желаніе пощеголять, порисоваться, но согласитесь, замѣчательное самоотверженіе въ женщинѣ, которая сама не богата! Про г-на Пищалкина и говорить нечего: ему непремѣнно, современемъ, крестьяне его участка поднесутъ серебряный кубокъ въ видѣ арбуза, а, можетъ-быть, и икону съ изображеніемъ его ангела, и хотя онъ имъ скажетъ въ своей благодарственной рѣчи, что онъ не заслуживаетъ подобной чести, но это онъ неправду скажетъ: онъ ея заслуживаетъ. У г-на Бамбаева, вашего пріятеля, сердце чудное; правда, у него, какъ у поэта Языкова, который, говорятъ, воспѣвалъ разгулъ,

сидя за книгой и кушая воду — восторгъ собственно ни на что не обращенный, но все же восторгъ; и г-нъ Ворошиловъ тоже добрѣйшій; онъ, какъ всѣ люди его школы, люди золотой доски, точно на ординарцы присланъ къ наукѣ, къ цивилизаціи, и даже молчитъ фразисто, но онъ еще такъ молодъ! Да, да, все это люди отличные, а въ результатѣ ничего не выходитъ; припасы первый сортъ, а блюдо хоть въ ротъ не бери.

Литвиновъ съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ Потугина: всѣ пріемы, всѣ обороты его неторопливой, но самоувѣренной рѣчи изобличали и умѣнье, и охоту говорить.

Потугинъ, точно, и любилъ, и умѣлъ говорить; но какъ человѣкъ, изъ котораго жизнь уже успѣла повытравить самолюбіе, онъ съ философическимъ спокойствіемъ ждалъ случая, встрѣчи по-сердцу.

— Да, да, началъ онъ снова, съ особымъ, ему свойственнымъ, не болѣзненнымъ, но унылымъ юморомъ:—это все очень странно-съ. И вотъ еще что прошу замѣтить. Сойдется, напримѣръ, десять англичанъ, они тотчасъ заговорятъ о подводномъ телеграфѣ, о налогѣ на бумагу, о способѣ выдѣлывать крысьи шкуры, то-есть о чемъ-нибудь положительномъ, опредѣленномъ; сойдется десять нѣмцевъ, — ну, тутъ, разумѣется, Шлезвигъ-Гольштейнъ и единство Германіи явится на сцену; десять французовъ сойдется,—бесѣда неизбѣжно коснется „клубнички“, какъ они тамъ ни виляй; а сойдется десять русскихъ, мгновенно возникаетъ вопросъ,—вы имѣли случай сегодня въ томъ убѣдиться,—вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ яицъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гумиластика: ни соку, ни толку. Ну, и, конечно, тутъ же кстати достанется и гнилому Западу. Экая притча, подумаешь! бьетъ онъ насъ на всѣхъ пунктахъ, этотъ Западъ—а гнилъ! И хоть бы мы дѣйствительно его презирали, продолжалъ Потугинъ: — а то вѣдь это все фраза и ложь. Ругать-то мы его ругаемъ, а только его мнѣніемъ и дорожимъ, то-есть, въ сущности, мнѣніемъ парижскихъ лоботрясовъ. У

меня есть знакомый, и хорошій, кажется, человѣкъ, отецъ семейства, уже не молодой; такъ тотъ нѣсколько дней въ уныніи находился оттого, что въ парижскомъ ресторанѣ спросилъ себѣ une portion de biftek aux pommes de terre, а настоящій французъ тутъ же крикнулъ: Garçon! biftek pommes! Сгорѣлъ мой пріятель отъ стыда! И потомъ вездѣ кричалъ: Biftek pommes! и другихъ училъ. Самыя даже лоретки удивляются благоговѣйному трепету, съ которымъ наши молодые степняки входятъ въ ихъ позорную гостиную... Боже мой! думаютъ они, вѣдь это гдѣ я? У самой Annah Deslions!!

— Скажите пожалуйста, спросилъ Литвиновъ:—чему вы приписываете несомнѣнное вліяніе Губарева на всѣхъ его окружающихъ? Не дарованіямъ, не способностямъ же его?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; у него этого ничего не имѣется...

— Такъ характеру, что ли?

— И этого нѣтъ-съ, а у него много воли-съ. Мы, славяне вообще, какъ извѣстно, этимъ добромъ не богаты и передъ нимъ пасуемъ. Г-нъ Губаревъ захотѣлъ быть начальникомъ, и всѣ его начальникомъ признали. Что̀ прикажете дѣлать?! Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрились; не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ; бариномъ этимъ бываетъ, большею частью, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ-называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ... теперь, напримѣръ, мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное; такая ужъ видно наша натура. Но главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ; это значитъ, нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народился — стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ происходили у насъ продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы

не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупитъ-то онъ по господскому приказу. Ну-съ, а народъ мы тоже мягкій; въ руки насъ взять не мудрено. Вотъ такимъ-то образомъ и г-нъ Губаревъ попалъ въ барья; долбилъ-долбилъ въ одну точку и продолбился. Видятъ люди: большого мнѣнія о себѣ человѣкъ, вѣритъ въ себя, приказываетъ—главное, приказываетъ; стало-быть, онъ правъ, и слушаться его надо. Всѣ наши расколы, наши Онуфріевщины да Акулиновщины именно такъ и основались. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ.

У Потугина покраснѣли щеки и глаза потускнѣли; но странное дѣло! рѣчь его, горькая и даже злая, не отзывалась желчью, а скорѣе печалью, и правдивою, искреннею печалью.

— Вы какъ съ Губаревымъ познакомились? спросилъ Литвиновъ.

— Я его давно знаю-съ. И замѣтьте, какая у насъ опять странность: иной, напримѣръ, сочинитель что ли, весь свой вѣкъ и стихами, и прозой бранилъ пьянство, откупъ, укорялъ... да вдругъ самъ взялъ да два винные завода купилъ и снялъ сотню кабаковъ — и ничего! Другого бы съ лица земли стерли, а его даже не упрекаютъ. Вотъ и г-нъ Губаревъ: онъ и славянофилъ, и демократъ, и соціалистъ, и все что угодно, а имѣньемъ его управлялъ и теперь еще управляетъ братъ, хозяинъ въ старомъ вкусѣ, изъ тѣхъ, что дантистами величали. И та же г-жа Суханчикова, которая заставляетъ г-жу Бичеръ-Стоу бить по щекамъ Тентелеева, передъ Губаревымъ чуть не ползаетъ. А вѣдь только за нимъ и есть, что онъ умныя книжки читаетъ, да все въ глубину устремляется. Какой у него даръ слова, вы сегодня сами судить могли; и это еще слава Богу, что онъ мало говоритъ, все только ёжится. Потому что когда онъ въ духѣ, да на-распашку, такъ даже мнѣ, терпѣливому человѣку, не въ мочь становится. Начнетъ подтрунивать да грязные анекдотцы разсказывать,—да, да, нашъ великій г-нъ Губаревъ разсказываетъ грязные анекдоты и такъ мерзко смѣется при этомъ...

— Будто вы такъ терпѣливы? промолвилъ Литвиновъ.— Я напротивъ полагалъ... Но позвольте узнать, какъ ваше имя и отчество?

Потугинъ отхлебнулъ немного киршвассеру.

— Меня зовутъ Созонтомъ... Созонтомъ Иванычемъ. Дали мнѣ это прекрасное имя въ честь родственника, архимандрита, которому я только этимъ и обязанъ. Я, если смѣю такъ выразиться, священническаго поколѣнія. А что вы насчетъ терпѣнья сомнѣваетесь, такъ это напрасно: я терпѣливъ. Я двадцать-два года подъ начальствомъ родного дядюшки, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иринарха Потугина прослужилъ. Вы его не изволили знать?

— Нѣтъ.

— Съ чѣмъ васъ поздравляю. Нѣтъ, я терпѣливъ. Но „возвратимся на первое", какъ говоритъ почтенный мой собратъ, сожженный протопопъ Аввакумъ. Удивляюсь я, милостивый государь, своимъ соотечественникамъ. Всѣ унываютъ, всѣ повѣсивши носъ ходятъ, и въ то же время всѣ исполнены надеждой, и чуть что̀, такъ на стѣну и лѣзутъ. Вотъ хоть бы славянофилы, къ которымъ г-нъ Губаревъ себя причисляетъ: прекраснѣйшіе люди, а та же смѣсь отчаянія и задора, тоже живутъ буквой „буки". Все-молъ будетъ, будетъ. Въ наличности ничего нѣтъ, и Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому что мы-молъ образованные люди,—дрянь; но народъ... о, это великій народъ! Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемте же вѣрить въ армякъ. Ну, а коли армякъ выдастъ? Нѣтъ, онъ не выдастъ, прочтите Кохановскую, и очи въ потолоки! Право, если бъ я былъ живописцемъ, вотъ бы я какую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: вылѣчи-молъ меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти; а мужикъ, въ свою очередь, низко кланяется

образованному человѣку: научи-молъ меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты. Ну, и разумѣется, оба ни съ мѣста. А стóило бы только дѣйствительно смириться— не на однихъ словахъ, — да попризанять у старшихъ братьевъ, чтó они придумали—лучше насъ и прежде насъ! Кельперъ, *нохъ эйнъ глэзхенъ киршъ!* Вы не думайте, что я пьяница, но алкоголь развязываетъ мнѣ языкъ.

— Послѣ того, что вы сейчасъ сказали, промолвилъ съ улыбкой Литвиновъ:—мнѣ нечего и спрашивать, къ какой вы принадлежите партіи, и какого мнѣнія вы о Европѣ. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одно замѣчаніе. Вотъ вы говорите, что намъ слѣдуетъ занимать, перенимать у нашихъ старшихъ братьевъ; но какъ же возможно перенимать, не соображаясь съ условіями климата, почвы, съ мѣстными, съ народными особенностями? Отецъ мой, помнится, выписалъ отъ Бутеноповъ чугунную, отлично зарекомендованную вѣялку; вѣялка эта точно была очень хороша — и чтò же? она цѣлыхъ пять лѣтъ простояла въ сараѣ безо всякой пользы, пока ее не замѣнила деревянная американская—гораздо болѣе подходящая къ нашему быту и къ нашимъ привычкамъ, какъ вообще всѣ американскія машины. Нельзя, Созонтъ Ивановичъ, перенимать зря.

Потугинъ приподнялъ голову.

— Не ожидалъ я отъ васъ такого возраженія, почтеннѣйшій Григорій Михайловичъ, началъ онъ, погодя немного. — Кто же васъ заставляетъ перенимать зря? Вѣдь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вамъ пригодно: стало-быть, вы соображаете, вы выбираете. А чтò до результатовъ—такъ вы не извольте безпокоиться: своеобразность въ нихъ будетъ въ силу самыхъ этихъ мѣстныхъ, климатическихъ и прочихъ условій, о которыхъ вы упоминаете. Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудокъ ее переваритъ по-своему; и со временемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ *свой* сокъ. Возьмите примѣръ хоть съ нашего языка. Петръ Великій наводнилъ его тысячами чужеземныхъ словъ, голландскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ: слова эти выражали понятія, съ которыми нужно было познакомить

русскій народъ; не мудрствуя и не церемонясь, Петръ вливалъ эти слова цѣликомъ, ушатами, бочками въ нашу утробу. Сперва, точно, вышло нѣчто чудовищное, а потомъ — началось именно то перевариванье, о которомъ я вамъ докладывалъ. Понятія привились и усвоились; чужія формы постепенно испарились, языкъ въ собственныхъ нѣдрахъ нашелъ, чѣмъ ихъ замѣнить — и теперь вашъ покорный слуга, стилистъ весьма посредственный, берется перевести любую страницу изъ Гегеля, — да-съ, да-съ, изъ Гегеля, — не употребивъ ни одного не-славянскаго слова. Что̀ произошло съ языкомъ, то, должно надѣяться, произойдетъ и въ другихъ сферахъ. Весь вопросъ въ томъ—крѣпка ли натура? а наша натура—ничего, выдержитъ: не въ такихъ была передрягахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые народы; точно такъ же какъ восторгаться до пѣны у рта тому, что мы-молъ русскіе — способны одни праздные люди. Я очень забочусь о своемъ здоровьѣ, но въ восторгъ отъ него не прихожу: совѣстно-съ.

— Все такъ, Созонтъ Иванычъ, заговорилъ въ свою очередь Литвиновъ: — но зачѣмъ же непремѣнно подвергать насъ подобнымъ испытаніямъ? Сами жъ вы говорите, что сначала вышло нѣчто чудовищное! ну — а коли это чудовищное такъ бы и осталось? Да оно и осталось, вы сами знаете.

— Только не въ языкѣ — а ужъ это много значитъ! А нашъ народъ не я дѣлалъ; не я виноватъ, что ему суждено проходить черезъ такую школу. „Нѣмцы правильно развивались“, кричатъ славянофилы: „подавайте и намъ правильное развитіе!“ Да гдѣ жъ его взять, когда самый первый историческій поступокъ нашего племени—призваніе себѣ князей изъ-за моря — есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждомъ изъ насъ до сихъ поръ; каждый изъ насъ, хоть разъ въ жизни, непремѣнно чему-нибудь чужому, не русскому, сказалъ: „иди владѣти и княжити надо мною!“ — Я, пожалуй, готовъ согласиться, что, вкладывая иностранную суть въ собственное тѣло, мы никакъ не можемъ навѣрное знать

напередъ, что такое мы вкладываемъ: кусокъ хлѣба или кусокъ яда?—да вѣдь извѣстное дѣло: отъ худого къ хорошему никогда не идешь черезъ лучшее, а всегда черезъ худшее — и ядъ въ медицинѣ бываетъ полезенъ. Однимъ только тупицамъ или пройдохамъ прилично указывать съ торжествомъ на бѣдность крестьянъ послѣ освобожденія, на усиленное ихъ пьянство послѣ уничтоженія откуповъ... Черезъ худшее къ хорошему!

Потугинъ провелъ рукой по лицу.

— Вы спрашивали меня, какого я мнѣнія о Европѣ, началъ онъ опять:—я удивляюсь ей и преданъ ея началамъ до чрезвычайности и нисколько не считаю нужнымъ это скрывать. Я давно... нѣтъ, недавно... съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ бояться высказывать свои убѣжденія... вѣдь вотъ и вы не усомнились заявить г-ну Губареву свой образъ мыслей. Я, слава Богу, пересталъ соображаться съ понятіями, воззрѣніями, привычками человѣка, съ которымъ бесѣдую. Въ сущности я ничего не знаю хуже той ненужной трусости, той подленькой угодливости, въ силу которой, посмотришь, иной важный сановникъ у насъ поддѣлывается къ ничтожному въ его глазахъ студентику, чуть не заигрываетъ съ нимъ, зайцемъ къ нему забѣгаетъ. Ну, положимъ, сановникъ такъ поступаетъ изъ желанія популярности, а нашему брату, разночинцу, изъ чего вилять? Да-съ, да-съ, я западникъ, я преданъ Европѣ; то-есть, говоря точнѣе, я преданъ образованности той самой образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются—цивилизаціи—да, да, это слово еще лучше—и люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ. Это слово: ци... ви...ли...зація (Потугинъ отчетливо, съ удареніемъ произнесъ каждый слогъ), и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ, народность тамъ, что ли, слава, кровью пахнутъ... Богъ съ ними!

— Ну, а Россію, Созонтъ Иванычъ, свою родину, вы любите?

Потугинъ провелъ рукой по лицу.

— Я ее страстно люблю, и страстно ее ненавижу.

Литвиновъ пожалъ плечами.

— Это старо, Созонтъ Иванычъ, это общее мѣсто.

— Такъ что же такое? Что̀ за бѣда? Вотъ чего испугались! Общее мѣсто! Я знаю много хорошихъ общихъ мѣстъ. Да вотъ, напримѣръ: свобода и порядокъ—извѣстное общее мѣсто. Что̀ жъ, по-вашему, лучше какъ у насъ: чиноначаліе и безурядица? И притомъ, развѣ всѣ эти фразы, отъ которыхъ такъ много пьянѣетъ молодыхъ головъ: презрѣнная буржуазія, souveraineté du peuple, право на работу, развѣ онѣ тоже не общія мѣста? А что̀ до любви, неразлучной съ ненавистью...

— Байроновщина, перебилъ Литвиновъ: — романтизмъ тридцатыхъ годовъ.

— Вы ошибаетесь, извините-съ; первый указалъ на подобное смѣшеніе чувствъ Катуллъ, римскій поэтъ Катуллъ *), двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Я это у него вычиталъ, потому что нѣсколько знаю по-латыни, вслѣдствіе моего, если смѣю такъ выразиться, духовнаго происхожденія. Да-съ; я и люблю и ненавижу свою Россію, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вотъ ее покинулъ: нужно было провѣтриться немного, послѣ двадцатилѣтняго сидѣнія за казеннымъ столомъ, въ казенномъ зданіи; я покинулъ Россію, и здѣсь мнѣ очень пріятно и весело; но я скоро назадъ поѣду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не расти на ней морошкѣ!

— Вамъ весело, вамъ пріятно, и мнѣ здѣсь хорошо, сказалъ Литвиновъ: — и я сюда учиться пріѣхалъ: но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть хоть бы вотъ подобныя штучки...— Онъ указалъ на двухъ проходившихъ лоретокъ, около которыхъ кривлялось и картавило нѣсколько членовъ Жокей-Клуба, и на игорную залу, набитую биткомъ, несмотря на позднее время дня.

— Да кто жъ вамъ сказалъ, что и я слѣпъ на это? подхватилъ Потугинъ. — Только извините меня, ваше за-

*) Odi et amo. Quare id faciam, fortasse, requiris?
Nescio: sed fieri sentio et excrucior.

Катуллъ, LXXXVI.

мѣчаніе напоминаетъ мнѣ торжествующія указанія нашихъ несчастныхъ журнальцевъ, во время крымской кампаніи, на недостатки англійскаго военнаго управленія, разоблаченные *Тэймсомъ*. Я самъ не оптимистъ, и все человѣческое, вся наша жизнь, вся эта комедія съ трагическимъ концомъ не представляется мнѣ въ розовомъ свѣтѣ; но зачѣмъ навязывать именно Западу то, что̀, быть-можетъ, коренится въ самой нашей человѣческой сути? Этотъ игорный домъ безобразенъ, точно; ну, а доморощенное наше шулерство, небось, красивѣе? Нѣтъ, любезнѣйшій Григорій Михайловичъ, будемте посмирнѣе, да потише: хорошій ученикъ видитъ ошибки своего учителя, но молчитъ о нихъ почтительно; ибо самыя эти ошибки служатъ ему въ пользу и наставляютъ его на прямой путь. А если вамъ непремѣнно хочется почесать зубки насчетъ гнилого Запада, то вотъ бѣжитъ рысцой князь Коко̀; онъ, вѣроятно, спустилъ въ четверть часа за зеленымъ столомъ трудовой, вымученный оброкъ полутораста семействъ, нервы его раздражены, притомъ я видѣлъ, онъ сегодня у Маркса перелистывалъ брошюру Вёльйо... Отличный вамъ будетъ собесѣдникъ!

— Да позвольте, позвольте, поспѣшно проговорилъ Литвиновъ, видя, что Потугинъ приподнимается съ мѣста.—Я князя Коко̀ знаю очень мало, и ужъ, конечно, предпочитаю бесѣду съ вами...

— Очень вамъ благодаренъ, перебилъ его Потугинъ, вставая и раскланиваясь:—но я уже такъ-таки многонько бесѣдовалъ съ вами, то-есть собственно говорилъ я одинъ, а вы, вѣроятно, сами по себѣ замѣтили, что человѣку всегда какъ-то совѣстно и неловко становится, когда онъ много наговоритъ—одинъ. Особенно такъ, съ перваго раза: вотъ, молъ, я каковъ, посмотри! До пріятнаго свиданья... А я, повторяю, очень радъ моему знакомству съ вами.

— Да постойте, Созонтъ Иванычъ, скажите по крайней мѣрѣ, гдѣ вы живете и долго ли здѣсь намѣрены остаться?

Потугина какъ будто слегка покоробило.

— Съ недѣлю я еще останусь въ Баденѣ, а впрочемъ,

мы можемъ сходиться вотъ тутъ, у Вебера или у Маркса. А не то я къ вамъ зайду.

— Все-таки мнѣ нужно знать вашъ адресъ.

— Да. Но вотъ что: я не одинъ.

— Вы женаты? внезапно спросилъ Литвиновъ.

— Нѣтъ, помилуйте... зачѣмъ такъ несообразно говорить?.. Но со мной дѣвица.

— А! съ вѣжливою ужимкой, какъ бы извиняясь, промолвилъ Литвиновъ и потупилъ глаза.

— Ей всего шесть лѣтъ, продолжалъ Потугинъ.—Она сирота... дочь одной дамы... одной моей хорошей знакомой. Ужъ мы лучше будемъ сходиться здѣсь. Прощайте-съ.

Онъ нахлобучилъ шляпу на свою курчавую голову, и быстро удалился, мелькнувъ раза два подъ газовыми рожками, довольно скупо освѣщающими дорогу, ведущую къ Лихтенталевской аллеѣ.

VI.

„Странный человѣкъ!“ думалъ Литвиновъ, направляясь къ гостиницѣ, въ которой остановился: „странный человѣкъ! Надо будетъ отыскать его“. Онъ вошелъ въ свою комнату: письмо на столѣ бросилось ему въ глаза. „А! отъ Тани!“ подумалъ онъ и заранѣе обрадовался; но письмо было изъ деревни, отъ отца. Литвиновъ сломилъ крупную гербовую печать и принялся-было читать... Сильный, очень пріятный и знакомый запахъ поразилъ его. Онъ оглянулся и увидѣлъ на окнѣ въ стаканѣ воды большой букетъ свѣжихъ геліотроповъ. Литвиновъ нагнулся къ нимъ не безъ удивленія, потрогалъ ихъ, понюхалъ... Что-то какъ будто вспомнилось ему, что-то весьма отдаленное... но что именно, онъ не могъ придумать. Онъ позвонилъ слугу и спросилъ его, откуда взялись эти цвѣты? Слуга отвѣчалъ, что ихъ принесла дама, которая не хотѣла назваться, но сказала, что онъ-молъ, „герръ Злуитенгофъ“, по самымъ этимъ цвѣтамъ непремѣнно долженъ догадаться, кто она такая. Литвинову опять какъ будто что-то вспомнилось... Онъ спросилъ у слуги, какой наружности была дама?

Слуга объяснилъ, что она была высокаго роста и прекрасно одѣта, а на лицѣ имѣла вуаль.

— Вѣроятно русская графиня, прибавилъ онъ.

— Почему вы такъ полагаете? спросилъ Литвиновъ.

— Она мнѣ дала два гульдена, отвѣтилъ слуга и осклабился.

Литвиновъ услалъ его и долго потомъ стоялъ въ раздумьи передъ окномъ; наконецъ однако махнулъ рукой и снова принялся за письмо изъ деревни. Отецъ изливалъ въ немъ свои обычныя жалобы, увѣрялъ, что хлѣба никто даже даромъ не беретъ, что люди вышли вовсе изъ повиновенія и что, вѣроятно, скоро наступитъ конецъ свѣта. „Вообрази ты себѣ", писалъ онъ между прочимъ: „послѣдняго моего кучера, калмычонка, помнишь? испортили, и непремѣнно такъ бы и пропалъ человѣкъ, и ѣздить было бы не съ кѣмъ, да, спасибо, добрые люди надоумили и посовѣтовали отослать больного въ Рязань къ священнику, извѣстному мастеру противъ порчи; и лѣченіе дѣйствительно удалось какъ нельзя лучше, въ подтвержденіе чего прилагаю письмо самого батюшки, яко документъ". Литвиновъ съ любопытствомъ пробѣжалъ этотъ „документъ". Въ немъ обозначалось, что: „дворовый человѣкъ Никаноръ Дмитріевъ былъ одержимъ болѣзнію, по медицинской части недоступною; и эта болѣзнь зависящая отъ злыхъ людей; а причиной онъ самъ, Никаноръ, ибо свое обѣщаніе передъ нѣкою дѣвицей не исполнилъ, а потому она черезъ людей сдѣлала его никуда неспособнымъ, и еслибъ не я въ этихъ обстоятельствахъ объявился ему помощникомъ, то онъ долженъ былъ совершенно погибнуть, какъ червь капустная; но азъ, надѣясь на Всевидящее Око, сдѣлался ему подпорой въ его жизни; а какъ я оное совершилъ, сіе есть тайна; а ваше благородіе прошу, чтобъ оной дѣвицѣ впредь такими злыми качествами не заниматься, и даже пригрозить не мѣшаетъ, а то она опять можетъ надъ нимъ злодѣйствовать". Задумался Литвиновъ надъ этимъ документомъ; повѣяло на него степною глушью, слѣпымъ мракомъ заплѣсневѣвшей жизни, и чудно показалось ему, что онъ прочелъ это письмо именно въ Баденѣ. Между тѣмъ полночь

уже давно пробила; Литвиновъ легъ въ постель и задулъ свѣчу. Но онъ не могъ заснуть; видѣнныя имъ лица, слышанныя имъ рѣчи то-и-дѣло вертѣлись и кружились, странно сплетаясь и путаясь, въ его горячей, отъ табачнаго дыма разболѣвшейся головѣ. То чудилось ему мычанье Губарева и представлялись его внизъ устремленные глаза съ ихъ тупымъ и упрямымъ взглядомъ; то вдругъ эти самые глаза разгорались и прыгали, и онъ узнавалъ Суханчикову, слышалъ ея трескучій голосъ, и невольно, шопотомъ, повторялъ за нею: „дала, дала пощечину"; то выдвигалась передъ нимъ нескладная фигура Потугина, и онъ въ десятый, въ двадцатый разъ припоминалъ каждое его слово; то, какъ куколка изъ табакерки, выскакивалъ Ворошиловъ въ своемъ общелкнутомъ пальто, сидѣвшемъ на немъ какъ новый мундирчикъ, и Пищалкинъ мудро и важно кивалъ отлично-выстриженною и дѣйствительно благонамѣренною головой; а тамъ Бипдасовъ гаркалъ и ругался, и Бамбаевъ восторгался слезливо... А главное: этотъ запахъ, неотступный, неотвязный, сладкій, тяжелый запахъ не давалъ ему покоя, и все сильнѣй и сильнѣй разливался въ темнотѣ, и все настойчивѣе напоминалъ ему что-то, чего онъ никакъ уловить не могъ... Литвинову пришло въ голову, что запахъ цвѣтовъ вреденъ для здоровья ночью въ спальнѣ, и онъ всталъ, ощупью добрелъ до букета и вынесъ его въ сосѣднюю комнату; но и оттуда проникалъ къ нему въ подушку, подъ одѣяло, томительный запахъ, и онъ тоскливо переворачивался съ боку на бокъ. Уже лихорадка начинала подкрадываться къ нему; уже священникъ, „мастеръ противъ порчи", два раза, въ видѣ очень прыткаго зайца съ бородой и косичкой, перебѣжалъ ему дорогу, и сидя въ огромномъ генеральскомъ султанѣ, какъ въ кустѣ, соловьемъ защелкалъ передъ нимъ Ворошиловъ... какъ вдругъ онъ приподнялся съ постели и, всплеснувъ руками, воскликнулъ: „Неужели *она*, не можетъ быть!"

Но для того, чтобъ объяснить это восклицаніе Литвинова, мы должны попросить снисходительнаго читателя вернуться съ нами за нѣсколько лѣтъ назадъ...

VII.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ проживало въ Москвѣ, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, чуть не въ бѣдности, многочисленное семейство князей Осининыхъ. То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья", засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ"; но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ"; ихъ разорили „страшно и всеконечно", отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя; рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли со временемъ и даже „московскій дворишко" и „рухлядишку" возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ" ихъ родъ—не поднялся ни при Петрѣ, ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь, считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ. Семейство Осининыхъ, о которомъ у насъ зашла рѣчь, состояло изъ мужа, жены и пяти человѣкъ дѣтей. Проживало оно около Собачьей-Площадки, въ одно-этажномъ деревянномъ домикѣ, съ полосатымъ параднымъ крылечкомъ на улицу, зелеными львами на воротахъ и прочими дворянскими затѣями, и едва-едва сводило концы съ концами, должая въ овощную лавочку и частенько сидя безъ дровъ и безъ свѣчъ по зимамъ. Самъ князь былъ человѣкъ вялый и глуповатый, нѣкогда красавецъ и франтъ, но совершенно опустившійся; ему, не столько изъ уваженія къ его имени, сколько изъ вниманія къ его женѣ, бывшей фрейлинѣ, дали одно изъ московскихъ старозавѣтныхъ мѣстъ съ небольшимъ жалованьемъ, мудренымъ названіемъ и безо всякаго дѣла; онъ ни во что не вмѣшивался и только курилъ съ утра до вечера, не вы-

ходя изъ шлафрока и тяжело вздыхая. Супруга его была женщина больная и озлобленная, постоянно озабоченная хозяйственными дрязгами, помѣщеніемъ дѣтей въ казенныя заведенія и поддержкой петербургскихъ связей; она никакъ не могла свыкнуться съ своимъ положеніемъ и удаленіемъ отъ двора.

Отецъ Литвинова, въ бытность свою въ Москвѣ, познакомился съ Осиниными, имѣлъ случай оказать имъ нѣкоторыя услуги, далъ имъ однажды рублей триста взаймы; и сынъ его, будучи студентомъ, часто къ нимъ навѣдывался: кстати жъ его квартира находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ дома. Но не близость сосѣдства привлекала его, не плохія удобства ихъ образа жизни его соблазняли: онъ сталъ часто посѣщать Осининыхъ съ тѣхъ поръ, какъ влюбился въ ихъ старшую дочь, Ирину.

Ей минуло тогда семнадцать лѣтъ; она только что оставила институтъ, откуда мать ее взяла по непріятности съ начальницей. Непріятность произошла отъ того, что Ирина должна была произнести на публичномъ актѣ привѣтственные стихи попечителю на французскомъ языкѣ, а передъ самымъ актомъ ее смѣнила другая дѣвица, дочь очень богатаго откупщика. Княгиня не могла переварить этотъ аффронтъ; да и сама Ирина не простила начальницѣ ея несправедливости; она уже заранѣе мечтала о томъ, какъ на виду всѣхъ, привлекая всеобщее вниманіе, она встанетъ, скажетъ свою рѣчь, и какъ Москва потомъ заговоритъ о ней... И точно: Москва вѣроятно заговорила бы объ Иринѣ. Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалою грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта блѣдно-матовою кожей, чистою и гладкою какъ фарфоръ, съ густыми бѣлокурыми волосами: ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими, свѣтлыми. Черты ея лица, изящно, почти изысканно правильныя, не вполнѣ еще утратили то простодушное выраженіе, которое свойственно первой молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки, въ улыбкѣ, не то разсѣянной, не то усталой, сказывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ, чуть

улыбавшихся, тонкихъ губъ, этого небольшого, орлинаго, нѣсколько сжатаго носа было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ, и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза, изъ-черна сѣрые, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинные, какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ взмахомъ бровей. Странное выраженіе было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали. Въ институтѣ Ирина слыла за одну изъ лучшихъ ученицъ по уму и способностямъ, но съ характеромъ непостояннымъ, властолюбивымъ и съ бѣдовою головой; одна классная дама напророчила ей, что ея страсти ее погубятъ — „vos passions vous perdront“; зато другая классная дама ее преслѣдовала за холодность и безчувственность, и называла ее „une jeune fille sans coeur“. Подруги Ирины находили ее гордою и скрытною, братья и сестры ея побаивались, мать ей не довѣряла, а отцу становилось неловко, когда она устремляла на него свои таинственные глаза; но и отцу и матери она внушала чувство невольнаго уваженія не въ силу своихъ качествъ, а въ силу особенныхъ, неясныхъ ожиданій, которыя она въ нихъ возбуждала, Богъ вѣдаетъ почему.

— Вотъ ты увидишь, Прасковья Даниловна, сказалъ однажды старый князь, вынимая чубукъ изо рта:—Аринка-то насъ еще вывезетъ.

Княгиня разсердилась и сказала мужу, что у него „des expressions insupportables“, но потомъ задумалась и повторила сквозь зубы:

— Да... и хорошо бы насъ вывезти.

Ирина пользовалась почти неограниченною свободою въ родительскомъ домѣ; ея не баловали, даже немного чуждались ея, но и не прекословили ей: она только того и хотѣла... Бывало, при какой-нибудь уже слишкомъ унизительной сценѣ: лавочникъ ли придетъ и станетъ кричать на весь дворъ, что ему ужъ надоѣло таскаться за своими же деньгами, собственные ли люди примутся въ глаза бранить своихъ господъ, что вы молъ за князья,

коли сами съ голоду въ кулакъ свищете, — Ирина даже бровью не пошевельнетъ и сидитъ неподвижно, со злою улыбкою на сумрачномъ лицѣ; а родителямъ ея одна улыбка горше всякихъ упрековъ, и чувствуютъ они себя виноватыми, безъ вины виноватыми, передъ этимъ существомъ, которому какъ будто съ самаго рожденія дано было право на богатство, на роскошь, на поклоненіе.

Литвиновъ влюбился въ Ирину, какъ только увидалъ ее (онъ былъ всего тремя годами старше ея), но долгое время не могъ добиться не только взаимности, но и вниманія. На ея обращеніи съ нимъ лежалъ даже отпечатокъ какой-то враждебности; точно онъ обидѣлъ ее, и она глубоко затаила обиду, а простить ея не могла. Онъ былъ слишкомъ молодъ и скроменъ въ то время, чтобы понять, что могло скрываться подъ этою враждебною, почти презрительною суровостью. Бывало, забывъ лекціи и тетради, сидитъ онъ въ невеселой гостиной Осининскаго дома, сидитъ и украдкой смотритъ на Ирину: сердце въ немъ медленно и горестно таетъ и давитъ ему грудь; а она какъ будто сердится, какъ будто скучаетъ, встанетъ, пройдется по комнатѣ, холодно посмотритъ на него, какъ на столъ или на стулъ, пожметъ плечомъ и скреститъ руки; или въ теченіе цѣлаго вечера, даже разговаривая съ Литвиновымъ, нарочно ни разу не взглянетъ на него, какъ бы отказывая ему и въ этой милостынѣ; или, наконецъ, возьметъ книжку и уставится въ нее, не читая, хмурится и кусаетъ губы, а не то вдругъ громко спроситъ у отца или у брата: какъ по-нѣмецки терпѣніе? Онъ попытался вырваться изъ заколдованнаго круга, въ которомъ мучился и бился безустанно, какъ птица, попавшая въ западню; онъ отлучился на недѣлю изъ Москвы. Чуть не сошедъ съ ума отъ тоски и скуки, весь исхудалый, больной, вернулся онъ къ Осининымъ... Странное дѣло! Ирина тоже замѣтно похудѣла за эти дни, лицо ея пожелтѣло, щеки осунулись... но встрѣтила она его съ большей еще холодностью, съ почти злораднымъ небреженіемъ, точно онъ еще увеличилъ ту тайную обиду, которую ей нанесъ... Такъ мучила она его мѣсяца два. Потомъ въ одинъ

день все измѣнилось. Словно вспыхнула пожаромъ, словно грозовою тучею налетѣла любовь. Однажды — онъ долго помнилъ этотъ день—онъ опять сидѣлъ въ гостиной Осининыхъ у окна и смотрѣлъ безсмысленно на улицу, и досадно ему было, и скучно, и презиралъ онъ самого себя, и съ мѣста двинуться онъ не могъ... Казалось, теки рѣка тутъ же подъ окномъ, бросился бы онъ въ нее съ ужасомъ, но безъ сожалѣнія. Ирина помѣстилась недалеко отъ него и какъ-то странно молчала и не шевелилась. Она уже нѣсколько дней не говорила съ нимъ вовсе, да и ни съ кѣмъ она не говорила; все сидѣла, подпершись руками, словно недоумѣвала, и лишь изрѣдка медленно осматривалась кругомъ. Это холодное томленіе пришлось, наконецъ, не въ мочь Литвинову; онъ всталъ и, не прощаясь, началъ искать свою шапку. „Останьтесь", послышался вдругъ тихій шопотъ. Сердце дрогнуло въ Литвиновѣ, онъ не сразу узналъ голосъ Ирины: что-то небывалое прозвучало въ одномъ этомъ словѣ. Онъ поднялъ голову и остолбенѣлъ: Ирина ласково, да, ласково, глядѣла на него. „Останьтесь", повторила она: „не уходите. Я хочу быть съ вами". Она еще понизила голосъ. „Не уходите... я хочу". Ничего не понимая, не сознавая хорошенько, что онъ дѣлаетъ, онъ приблизился къ ней, протянулъ руки... Она тотчасъ подала ему обѣ свои, потомъ улыбнулась, вспыхнула вся, отвернулась, и не переставая улыбаться, вышла изъ комнаты... Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась вмѣстѣ съ младшею сестрой, опять взглянула на него тѣмъ же долгимъ и кроткимъ взглядомъ и усадила его возлѣ себя... Сперва она ничего не могла сказать: только вздыхала и краснѣла; потомъ начала, словно робѣя, разспрашивать его объ его занятіяхъ, чего она прежде никогда не дѣлала. Вечеромъ того же дня она нѣсколько разъ принималась извиняться передъ нимъ въ томъ, что не умѣла оцѣнить его до сихъ поръ, увѣряла его, что она теперь совсѣмъ другая стала, удивила его внезапною республиканскою выходкой—(онъ въ то время благоговѣлъ передъ Робеспьеромъ и не дерзалъ громко осуждать Марата), а недѣлю спустя, онъ ужъ зналъ, что

она его полюбила. Да; онъ долго помнилъ тотъ первый день... но не забылъ онъ также и послѣдующихъ,—тѣхъ дней, когда еще силясь сомнѣваться и боясь повѣрить, онъ съ замираніями восторга, чуть не испуга, видѣлъ ясно, какъ нарождалось, росло, и неотразимо захватывая все передъ собою, нахлынуло, наконецъ, неожиданное счастье. Наступили свѣтлыя мгновенья первой любви, мгновенья, которымъ не суждено, да и не слѣдуетъ повторяться въ одной и той же жизни. Ирина стала вдругъ повадлива какъ овечка, мягка какъ шелкъ и безконечно добра; принялась давать уроки своимъ младшимъ сестрамъ,—не на фортепіано,—она не была музыкантшей,—но во французскомъ языкѣ, въ англійскомъ; читала съ ними ихъ учебники, входила въ хозяйство; все ее забавляло, все занимало ее; она то болтала безъ умолку, то погружалась въ безмолвное умиленіе; строила различные планы, пускалась въ нескончаемыя предположенія о томъ, что̀ она будетъ дѣлать, когда выйдетъ замужъ за Литвинова (они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что бракъ ихъ состоится), какъ они станутъ вдвоемъ... „Трудиться?“ подсказывалъ Литвиновъ... „Да, трудиться“, повторяла Ирина: „читать... но главное путешествовать“. Ей особенно хотѣлось оставить поскорѣе Москву, и когда Литвиновъ представлялъ ей, что онъ еще не кончилъ курса въ университетѣ, она каждый разъ, подумавъ немного, возражала, что можно доучиться въ Берлинѣ или... тамъ гдѣ-нибудь. Ирина мало стѣснялась въ выраженіи чувствъ своихъ, а потому для князя и княгини расположеніе ея къ Литвинову оставалось тайной не долго. Обрадоваться они не обрадовались, но, сообразивъ всѣ обстоятельства, не сочли нужнымъ наложить тотчасъ свое „veto“. Состояніе Литвинова было порядочное... „Но фамилія, фамилія!..“ замѣчала княгиня. „Ну, конечно, фамилія“, отвѣчалъ князь: „да все жъ онъ не разночинецъ, а главное: вѣдь Ирина не послушается насъ. Развѣ было когда-нибудь, чтобъ она не сдѣлала того, чего захотѣла? Vous connaissez sa violence! Притомъ же опредѣлительнаго еще ничего нѣтъ“. Такъ разсуждалъ князь, и тутъ же, однако, мысленно при-

бавилъ: „Мадамъ Литвинова—и только? Я ожидалъ другого“. Ирина вполнѣ завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. Онъ словно попалъ въ водоворотъ, словно потерялъ себя... И жутко ему было, и сладко, и ни о чемъ онъ не жалѣлъ, и ничего не берегъ. Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ мужемъ, и какая выйдетъ изъ Ирины жена, и правильны ли отношенія между ними—онъ не могъ рѣшить; кровь его загорѣлась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь что̀ будетъ! Но несмотря на всякое отсутствіе сопротивленія со стороны Литвинова, на избытокъ порывистой нѣжности со стороны Ирины, дѣло все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и толчковъ. Однажды онъ забѣжалъ къ ней прямо изъ университета въ старомъ сюртукѣ, съ руками запачканными въ чернилахъ. Она бросилась къ нему навстрѣчу съ обычнымъ ласковымъ привѣтомъ, и вдругъ остановилась.

— У васъ нѣтъ перчатокъ, съ разстановкою проговорила она, и тотчасъ же прибавила:—фи! какой вы... студентъ!

— Вы слишкомъ впечатлительны, Ирина, замѣтилъ Литвиновъ.

— Вы... настоящій студентъ, повторила она: — vous n'êtes pas distingué.

И повернувшись къ нему спиной, она вышла вонъ изъ комнаты. Правда, часъ спустя, она умоляла его простить ее... Вообще, она охотно казнилась и винилась передъ нимъ; только—странное дѣло! она часто, чуть не плача, обвиняла себя въ дурныхъ побужденіяхъ, которыхъ не имѣла, и упорно отрицала свои дѣйствительные недостатки. Въ другой разъ онъ засталъ ее въ слезахъ, съ головою опертою на руки, съ распущенными локонами; и когда, весь перетревоженный, онъ спросилъ о причинѣ ея печали, она молча указала пальцемъ себѣ на грудь. Литвиновъ невольно вздрогнулъ. „Чахотка“! мелькнуло у него въ головѣ, и онъ схватилъ ее за руку.

— Ты больна? произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ

(они ужъ начали въ важныхъ случаяхъ говорить „ты“ другъ другу).—Такъ я сейчасъ за докторомъ...

Но Ирина не дала ему докончить, и съ досадой топнула ножкой.

— Я совершенно здорова... но это платье... развѣ вы не понимаете?

— Что такое?.. это платье... проговорилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Что такое? А то, что у меня другого нѣтъ, и что оно старое, гадкое, и я принуждена надѣвать это платье каждый день... даже когда ты... когда вы приходите... Ты, наконецъ, разлюбишь меня, видя меня такой замарашкой!

— Помилуй, Ирина, что ты говоришь! И платье это премилое... Оно мнѣ еще потому дорого, что я въ первый разъ въ немъ тебя видѣлъ.

Ирина покраснѣла.

— Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, Григорій Михайловичъ, что у меня уже тогда не было другого платья.

— Но увѣряю васъ, Ирина Павловна, оно прелесть какъ идетъ къ вамъ.

— Нѣтъ, оно гадкое, гадкое, твердила она, нервически дергая свои длинные, мягкіе локоны.—Охъ, эта бѣдность, бѣдность, темнота! Какъ избавиться отъ этой бѣдности! Какъ выйти, выйти изъ темноты!

Литвиновъ не зналъ что̀ сказать и слегка отворотился.

Вдругъ Ирина вскочила со стула и положила ему обѣ руки на плечи.

— Но вѣдь ты меня любишь? Ты любишь меня? промолвила она, приблизивъ къ нему свое лицо, и глаза ея, еще полные слезъ, засверкали веселостью счастья. — Ты любишь меня и въ этомъ гадкомъ платьѣ?

Литвиновъ бросился передъ ней на колѣни.

— Ахъ, люби меня, люби меня, мой милый, мой спаситель, прошептала она, пригибаясь къ нему.

Такъ дни неслись, проходили недѣли, и хотя никакихъ еще не произошло формальныхъ объясненій, хотя Литвиновъ все еще медлилъ съ своимъ запросомъ, конечно, не по собственному желанію, а въ ожиданіи повелѣнія отъ

Ирины (она какъ-то разъ замѣтила, что мы-де оба смѣшно молоды, надо хоть нѣсколько недѣль еще къ нашимъ годамъ прибавить); но уже все подвигалось къ развязкѣ, и ближайшее будущее обозначалось яснѣй и яснѣй, какъ вдругъ совершилось событіе, разсѣявшее, какъ легкую дорожную пыль, всѣ тѣ предположенія и планы.

VIII.

Въ ту зиму дворъ посѣтилъ Москву. Одни празднества смѣнялись другими; наступилъ чередъ и обычному большому балу въ Дворянскомъ Собраніи. Вѣсть объ этомъ балѣ, правда, въ видѣ объявленія въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, дошла и до домика на Собачьей-Площадкѣ. Князь всполошился первый; онъ тотчасъ рѣшилъ, что надо непремѣнно ѣхать и везти Ирину, что непростительно упускать случай видѣть своихъ государей, что для столбовыхъ дворянъ въ этомъ заключается даже своего рода обязанность. Онъ настаивалъ на своемъ мнѣніи съ особеннымъ, вовсе ему не свойственнымъ жаромъ; княгиня до нѣкоторой степени соглашалась съ нимъ и только вздыхала объ издержкахъ; но рѣшительное сопротивленіе оказала Ирина. „Не нужно, не поѣду“, отвѣчала она на всѣ родительскіе доводы. Ея упорство приняло такіе размѣры, что старый князь рѣшился, наконецъ, попросить Литвинова постараться уговорить ее, представивъ ей, въ числѣ другихъ „резоновъ“, что молодой дѣвушкѣ неприлично дичиться свѣта, что слѣдуетъ „и это испытать“, что ужъ и такъ ее никто нигдѣ не видитъ. Литвиновъ взялся представить ей эти „резоны“. Ирина пристально и внимательно посмотрѣла на него, такъ пристально и такъ внимательно, что онъ смутился, и поигравъ концами своего пояса, спокойно промолвила:

— Вы этого желаете? вы?

— Да... я полагаю, отвѣчалъ съ запинкой Литвиновъ.— Я согласенъ съ вашимъ батюшкой... Да и почему вамъ не поѣхать... людей посмотрѣть и себя показать, прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

— Себя показать, медленно повторила она. — Ну, хо-

рошо, я поѣду... Только помните, вы сами этого желали.

— То-есть, я... началъ-было Литвиновъ.

— Вы сами этого желали, перебила она.—И вотъ еще одно условіе: вы должны мнѣ обѣщать, что васъ на этомъ балѣ не будетъ.

— Но отчего же?

— Мнѣ такъ хочется.

Литвиновъ разставилъ руки.

— Покоряюсь... но, признаюсь, мнѣ было бы такъ весело видѣть васъ во всемъ великолѣпіи, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое вы непремѣнно произведете... Какъ бы я гордился вами! прибавилъ онъ со вздохомъ.

Ирина усмѣхнулась.

— Все это великолѣпіе будетъ состоять въ бѣломъ платьѣ, а что до впечатлѣнія... Ну, словомъ, я такъ хочу.

— Ирина, ты какъ будто сердишься?

Ирина усмѣхнулась опять.

— О, нѣтъ! Я не сержусь. Только ты... (Она вперила въ него свои глаза, и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія.) Можетъ-быть, это нужно, прибавила она вполголоса.

— Но, Ирина, ты меня любишь?

— Я люблю тебя, отвѣтила она съ почти торжественною важностью и крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

Всѣ слѣдующіе дни Ирина тщательно занималась своимъ туалетомъ, своею прической; наканунѣ бала она чувствовала себя нездоровою, не могла усидѣть на мѣстѣ, всплакнула раза два въ одиночку: при Литвиновѣ она какъ-то однообразно улыбалась... впрочемъ, обходилась съ нимъ попрежнему нѣжно, но разсѣянно, и то-и-дѣло посматривала на себя въ зеркало. Въ самый день бала она была очень молчалива и блѣдна, но спокойна. Часу въ девятомъ вечера Литвиновъ пришелъ посмотрѣть на нее. Когда она вышла къ нему въ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ, съ вѣткой небольшихъ синихъ цвѣтовъ въ слегка приподнятыхъ волосахъ, онъ такъ и ахнулъ: до того она ему показалась прекрасною и величественною, ужъ точно не по лѣтамъ. „Да, она выросла съ утра“, подумалъ

онъ: — „и какая осанка! Что̀ значитъ, однако, порода?“ Ирина стояла передъ нимъ съ опущенными руками, не улыбаясь и не жеманясь, и глядѣла рѣшительно, почти смѣло, не на него, а куда-то вдаль, прямо передъ собою.

— Вы точно сказочная царевна, промолвилъ наконецъ Литвиновъ:—или нѣтъ: вы какъ полководецъ передъ сраженіемъ, передъ побѣдой... Вы не позволяли мнѣ ѣхать на этотъ балъ,—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ она попрежнему не шевелилась, и не то чтобы не слушала его, а слѣдила за другою, внутреннею рѣчью:—но вы не откажетесь принять отъ меня и взять съ собою эти цвѣты?

Онъ подалъ ей букетъ изъ геліотроповъ.

Она быстро взглянула на Литвинова, протянула руку, и внезапно схвативъ конецъ вѣтки, украшавшей ея голову, промолвила:

— Хочешь? Скажи только слово, и я сорву все это и останусь дома.

У Литвинова сердце такъ и покатилось. Рука Ирины уже срывала вѣтку...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же, подхватилъ онъ торопливо, въ порывѣ благодарныхъ и великодушныхъ чувствъ: — я не эгоистъ, зачѣмъ стѣснять свободу... когда я знаю, что твое сердце...

— Ну, такъ не подходите, платье изомнете, поспѣшно проговорила она.

Литвиновъ смѣшался.

— А букетъ возьмете? спросилъ онъ.

— Конечно: онъ очень милъ, и я очень люблю этотъ запахъ. Merci... Я его сохраню на память...

— Перваго вашего выѣзда, замѣтилъ Литвиновъ:—перваго вашего торжества.

Ирина посмотрѣла на себя въ зеркало черезъ плечо, чуть согнувши станъ.

— И будто я въ самомъ дѣлѣ такъ хороша? Вы не пристрастны?

Литвиновъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ. Но Ирина уже не слушала его и, поднеся букетъ къ лицу, опять глядѣла куда-то вдаль, своими странными,

словно потемнѣвшими и расширенными глазами, а поколебленные легкимъ движеніемъ воздуха концы тонкихъ лентъ слегка приподнимались у ней за плечами, словно крылья.

Появился князь, завитой, въ бѣломъ галстукѣ, черномъ полиняломъ фракѣ и съ владимірскою лентой дворянской медали въ петлицѣ; за нимъ вошла княгиня въ шелковомъ платье шинé, стараго покроя, и съ тою суровою заботливостію, подъ которою матери стараются скрыть свое волненіе, оправила сзади дочь, то-есть, безо всякой нужды встряхнула складками ея платья. Четверомѣстный ямской рыдванъ, запряженный двумя мохнатыми клячами, подползъ къ крыльцу, скрипя колесами по сугробамъ неразметаннаго снѣга, и тщедушный лакей въ неправдоподобной ливреѣ выскочилъ изъ передней и съ нѣкоторою отчаянностью доложилъ, что карета готова... Благословивъ на ночь оставшихся дѣтей и облачившись въ мѣховыя одежды, князь и княгиня направились къ крыльцу; Ирина въ жиденькомъ, коротенькомъ салопчикѣ,—ужъ какъ же ненавидѣла она этотъ салопчикъ!—молча послѣдовала за ними. Провожавшій ихъ Литвиновъ надѣялся получить прощальный взглядъ отъ Ирины, но она сѣла въ карету, не оборачивая головы.

Около полуночи онъ прошелся подъ окнами Собранія. Безчисленные огни громадныхъ люстръ сквозили свѣтлыми точками изъ-за красныхъ занавѣсей и по всей площади, заставленной экипажами нахальнымъ, праздничнымъ вызовомъ разносились звуки штраусовскаго вальса.

На другой день, часу въ первомъ, Литвиновъ отправился къ Осининымъ. Онъ засталъ дома одного князя, который тотчасъ же ему объявилъ, что у Ирины болитъ голова, что она лежитъ въ постели и не встанетъ до вечера, что, впрочемъ, такое разстройство нимало не удивительно послѣ перваго бала.

— C'est très naturel, vous savez, dans les jeunes filles, прибавилъ онъ по-французски, что̀ нѣсколько поразило Литвинова, который въ то же мгновеніе замѣтилъ, что на князѣ былъ не шлафрокъ, какъ обыкновенно, а сюртукъ.—

И притомъ, продолжалъ Осининъ:—какъ ей было не занемочь послѣ вчерашнихъ происшествій!

— Происшествій? пробормоталъ Литвиновъ.

— Да, да, происшествій, происшествій, de vrais événements. Вы не можете себѣ представить, Григорій Михайловичъ, quel succès elle a eu! Весь дворъ замѣтилъ ее! Князь Александръ Ѳедоровичъ сказалъ, что ей мѣсто не здѣсь, и что она напоминаетъ ему графиню Девонширскую... ну, вы знаете, ту... извѣстную... А старикъ Блазенкрампфъ объявилъ во всеуслышаніе, что Ирина — la reine du bal, и пожелалъ ей представиться; онъ и мнѣ представился, то-есть, онъ мнѣ сказалъ, что онъ меня помнитъ гусаромъ, и спрашивалъ, гдѣ я теперь служу. Презабавный этотъ графъ, и такой adorateur du beau sexe! Да что я! княгиня моя... и той не давали покоя: Наталья Никитишна сама съ ней заговаривала... чего больше? Ирина танцовала avec tous les meilleurs cavaliers; ужъ подводили мнѣ ихъ, подводили... я и счетъ потерялъ. Повѣрите ли: такъ всѣ и ходятъ толпами вокругъ насъ; въ мазуркѣ только ее и выбирали. Одинъ иностранный дипломатъ, узнавъ, что она москвичка, сказалъ Государю: „Sire“, сказалъ онъ:—„décidément c'est Moscou qui est le centre de votre empire!“ а другой дипломатъ прибавилъ: „C'est une vraie révolution, Sire“; révélation или révolution.... что-то въ этомъ родѣ. Да... да... это... это... я вамъ скажу: это было что-то необыкновенное.

— Ну, а сама Ирина Павловна? спросилъ Литвиновъ, у котораго во время княжеской рѣчи похолодѣли ноги и руки:—веселилась, казалась довольна?

— Конечно веселилась; еще бы ей не быть довольной! А впрочемъ, вы знаете, ея сразу не разберешь. Всѣ мнѣ говорятъ вчера: какъ это удивительно! jamais on ne dirait que mademoiselle votre fille est à son premier bal. Графъ Рейзенбахъ между прочимъ... да вы его навѣрное знаете...

— Нѣтъ, я его вовсе не знаю и не зналъ никогда.

— Двоюродный братъ моей жены...

— Не знаю я его.

— Богачъ, камергеръ, въ Петербургѣ живетъ, въ ходу

человѣкъ, въ Лифляндіи всѣмъ вертитъ. До сихъ поръ онъ нами пренебрегалъ... да вѣдь я за этимъ не гонюсь. J'ai l'humeur facile, comme vous savez. Ну, такъ вотъ онъ. Подсѣлъ къ Иринѣ, побесѣдовалъ съ ней четверть часа, не болѣе, и говоритъ, потомъ, моей княгинѣ: „Ma cousine", говоритъ, „votre fille est une perle; c'est une perfection; всѣ поздравляютъ меня съ такой племянницей..." А потомъ, я гляжу: подошелъ онъ къ... важной особѣ и говоритъ, а самъ все посматриваетъ на Ирину... ну, и особа посматриваетъ...

— И такъ-таки Ирина Павловна цѣлый день не покажется? опять спросилъ Литвиновъ.

— Да; у ней голова очень болитъ. Она велѣла вамъ кланяться и благодарить васъ за вашъ букетъ, qu'on a trouvé charmant. Ей нужно отдохнуть... Княгиня моя поѣхала съ визитами... да и я самъ, вотъ...

Князь закашлялся и засѣменилъ ногами, какъ бы затрудняясь, что́ еще прибавить. Литвиновъ взялъ шляпу, сказалъ, что не намѣренъ мѣшать ему и зайдетъ позже освѣдомиться о здоровьи, и удалился.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Осининскаго дома онъ увидѣлъ остановившуюся передъ полицейскою будкой щегольскую двумѣстную карету. Ливрейный, тоще щегольской лакей, небрежно нагнувшись съ козелъ, разспрашивалъ будочника изъ чухонцевъ, гдѣ здѣсь живетъ князь Павелъ Васильевичъ Осининъ. Литвиновъ заглянулъ въ карету: въ ней сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, геморроидальной комплексіи, съ сморщеннымъ и надменнымъ лицомъ, греческимъ носомъ и злыми губами, закутанный въ соболью шубу, по всѣмъ признакамъ важный сановникъ.

IX.

Литвиновъ не сдержалъ своего обѣщанія зайти попозже; онъ сообразилъ, что лучше отложить посѣщеніе до слѣдующаго дня. Войдя, часовъ около двѣнадцати, въ слишкомъ знакомую гостиную, онъ нашелъ тамъ двухъ младшихъ княженъ, Викториньку и Клеопатриньку. Онъ поздоровался съ ними, потомъ спросилъ: легче ли Иринѣ Павловнѣ и можно ли ее видѣть.

— Ириночка уѣхала съ мамасей, отвѣчала Викторинька; она хотя и сюсюкала, но была бойчѣе своей сестры.

— Какъ... уѣхала? повторилъ Литвиновъ, и что-то тихо задрожало у него въ самой глубинѣ груди.—Развѣ... развѣ... развѣ она объ эту пору не занимается съ вами, не даетъ вамъ уроковъ?

— Ириночка теперь усь больсе намъ уроковъ давать не будетъ, отвѣчала Викторинька. — Теперь ужъ не будетъ, повторила за ней Клеопатринька.

— А папá вашъ дома? спросилъ Литвиновъ.

— И папаси нѣтъ дома, продолжала Викторинька:— а Ириночка нездорова: она всю ночь плакала, плакала...

— Плакала?

— Да, плакала... Мнѣ Егоровна сказала, и глаза у ней такіе красные, такъ они и распу-ухли...

Литвиновъ прошелся раза два по комнатѣ, чуть-чуть вздрагивая, словно отъ холода, и возвратился къ себѣ на квартиру. Онъ испытывалъ ощущеніе подобное тому, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ смотритъ съ высокой башни внизъ: вся внутренность его замирала, и голова кружилась тихо и приторно. Тупое недоумѣніе и мышья бѣготня мыслей, неясный ужасъ и нѣмота ожиданія, и любопытство, странное, почти злорадное, въ сдавленномъ горлѣ горечь непролитыхъ слезъ, на губахъ усиліе пустой усмѣшки, и мольба безсмысленная, ни къ кому не обращенная... о, какъ это все было жестоко и унизительно безобразно! „Ирина не хочетъ меня видѣть“, безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; „это ясно; но почему же? Чтò такое могло произойти на этомъ злополучномъ балѣ? И какъ же возможна вдругъ такая перемѣна? Такъ внезапно... (Люди безпрестанно видятъ, что смерть приходитъ внезапно, но привыкнуть къ ея внезапности никакъ не могутъ, и находятъ ее безсмысленною). Ничего мнѣ не велѣть сказать, не хотѣть объясниться со мною...“

— Григорій Михайлычъ, произнесъ чей-то напряженный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

Литвиновъ встрепенулся и увидалъ передъ собою своего

человѣка съ запиской въ рукахъ. Онъ узналъ почеркъ Ирины... Еще не распечатавъ записки, онъ уже предчувствовалъ бѣду и склонилъ голову на грудь, и поднялъ плечи, какъ бы хоронясь отъ удара.

Онъ собрался наконецъ съ духомъ и разомъ разорвалъ кувертъ. На небольшомъ листикѣ почтовой бумаги стояли слѣдующія слова:

„Простите меня, Григорій Михайлычъ. Все кончено между нами: я переѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ ужасно тяжело, но дѣло сдѣлано. Видно, моя судьба... да нѣтъ, я не хочу оправдываться. Предчувствія мои сбылись. Простите меня, забудьте меня: я не стою васъ.

„Ирина“.

„Будьте великодушны: не старайтесь меня увидѣть“.

Литвиновъ прочелъ эти пять строкъ и медленно опустился на диванъ, словно кто пихнулъ его въ грудь. Онъ выронилъ записку, поднялъ ее, прочелъ снова, шепнулъ: „въ Петербургъ“, снова ее выронилъ, и только. На него нашла даже тишина; онъ даже своими закинутыми назадъ руками поправилъ подушку подъ головой. „Убитые насмерть не мечутся“, подумалъ онъ; „какъ налетѣло, такъ и улетѣло... Все это естественно; я всегда этого ожидалъ... (Онъ лгалъ передъ самимъ собою: онъ никогда ничего подобнаго не ожидалъ.) Плакала?.. Она плакала?.. О чемъ же она плакала? Вѣдь она не любила меня! Впрочемъ, все это понятно и согласно съ ея характеромъ. Она, она меня не стоитъ... Вотъ какъ!“ (Онъ горько усмѣхнулся.) „Она сама не знала, какая въ ней таилась сила, ну, а убѣдившись въ ея дѣйствіи на балѣ, какъ же ей было остановиться на ничтожномъ студентѣ... все это понятно“.

Но тутъ онъ вспомнилъ ея нѣжныя слова, ея улыбки и эти глаза, незабвенные глаза, которыхъ онъ никогда не увидитъ, которые и свѣтлѣли и таяли при одной встрѣчѣ съ его глазами; онъ вспомнилъ еще одно, быстрое, робкое, жгучее лобзаніе — и онъ вдругъ зарыдалъ, зарыдалъ судорожно, бѣшено, ядовито, перевернулся ницъ, и захлебываясь и задыхаясь, съ неистовымъ наслажденіемъ,

какъ бы жаждая растерзать и самого себя и все вокругъ себя, забилъ свое воспаленное лицо въ подушку дивана, укусилъ ее...

Увы! тотъ господинъ, кого Литвиновъ видѣлъ наканунѣ въ каретѣ, былъ именно двоюродный братъ княгини Осининой, богачъ и камергеръ, графъ Рейзенбахъ. Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное Ириной на высокопоставленныя лица, и мгновенно сообразивъ, какія, „mit etwas Accuratesse", изъ этого факта можно извлечь выгоды, графъ, какъ человѣкъ энергическій и умѣющій прислуживаться, тотчасъ составилъ свой планъ. Онъ рѣшился дѣйствовать быстро, по-наполеоновски. „Возьму эту оригинальную дѣвушку къ себѣ въ домъ", такъ размышлялъ онъ: „въ Петербургъ; сдѣлаю ее своею, чортъ возьми, наслѣдницей, ну, хоть не всего имѣнія; кстати жъ у меня нѣтъ дѣтей, она же мнѣ племянница, и графиня моя скучаетъ одна... Все же пріятнѣй, когда въ гостиной хорошенькое личико... Да, да; это такъ: es ist eine Idee, es ist eine Idee!" Надобно было ослѣпить, отуманить, поразить родителей.—„Имъ же ѣсть нечего", продолжалъ графъ свои размышленія, уже сидя въ каретѣ и направляясь къ Собачьей-Площадкѣ, „такъ, небось, упрямиться не станутъ. Не такіе же ужъ они чувствительные. Можно и сумму денегъ дать. А она? И она согласится. Медъ сладокъ... она его вчера лизнула. Это мой капризъ, положимъ; пускай же они имъ воспользуются... дураки. Я имъ скажу: такъ и такъ; рѣшайтесь. А не то я возьму другую; сироту—еще удобнѣе. Да или нѣтъ, двадцать четыре часа сроку, und damit Punctum".

Съ этими самыми словами на губахъ, предсталъ графъ передъ княземъ, котораго уже наканунѣ, на балѣ, предварилъ о своемъ посѣщеніи. О послѣдствіяхъ же этого посѣщенія, кажется, много распространяться не стоитъ. Графъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: князь и княгиня дѣйствительно не упрямились и взяли сумму денегъ, и Ирина дѣйствительно согласилась, не давъ истечь назначенному сроку. Не легко ей было разорвать связь съ Литвиновымъ; она его любила, и, пославши ему записку,

чуть не слегла въ постель, безпрестанно плакала, похудѣла, пожелтѣла... Но со всѣмъ тѣмъ, мѣсяцъ спустя, княгиня отвезла ее въ Петербургъ и поселила у графа, поручивъ ее попеченіямъ графини, женщины очень доброй, но съ умомъ цыпленка и съ наружностью цыпленка.

А Литвиновъ бросилъ тогда университетъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню. Мало-по-малу его рана зажила. Сперва онъ никакихъ свѣдѣній не имѣлъ объ Иринѣ, да онъ и избѣгалъ разговоровъ о Петербургѣ и петербургскомъ обществѣ. Потомъ понемногу начали бродить на ея счетъ слухи, не дурные, но странные; молва занялась ею. Имя княжны Осининой, окруженное блескомъ, отмѣченное особенною печатью, стало чаще и чаще упоминаться даже въ губернскихъ кружкахъ. Оно произносилось съ любопытствомъ, съ уваженіемъ, съ завистью, какъ произносилось нѣкогда имя графини Воротынской. Наконецъ, распространилась вѣсть объ ея замужествѣ. Но Литвиновъ едва обратилъ вниманіе на эту послѣднюю новинку: онъ былъ уже женихомъ Татьяны.

Теперь читателю, вѣроятно, понятно стало, что̀ именно вспомнилось Литвинову, когда онъ воскликнулъ: „неужели!“ а потому мы снова вернемся въ Баденъ и снова примемся за нить прерваннаго нами разсказа.

X.

Литвиновъ заснулъ очень поздно и спалъ не долго: солнце только-что встало, когда онъ поднялся съ постели. Видныя изъ его оконъ, вершины темныхъ горъ влажно багровѣли на ясномъ небѣ. „Какъ тамъ, должно-быть, свѣжо подъ деревьями!“ подумалось ему, и онъ поспѣшно одѣлся, разсѣянно глянулъ на букетъ, еще пышнѣе распустившійся за ночь, взялъ палку и отправился за „Старый Замокъ“, на извѣстныя „Скалы“. Утро обхватило его своею сильною и тихою лаской. Бодро дышалъ онъ, бодро двигался; здоровье молодости играло въ каждой его жилкѣ; сама земля словно подбрасывала его легкія ноги. Съ каждымъ шагомъ ему становилось все привольнѣе, все веселѣй: онъ шелъ въ росистой тѣни, по крупному песку доро-

жекъ, вдоль елокъ, по всѣмъ концамъ вѣтвей окаймленныхъ яркою зеленью весеннихъ отпрысковъ. „Эко славно какъ!“ то-и-дѣло твердилъ онъ про себя. Вдругъ послышались ему знакомые голоса: онъ глянулъ впередъ и увидалъ Ворошилова и Бамбаева, шедшихъ къ нему навстрѣчу. Его такъ и покоробило: какъ школьникъ отъ учителя, бросился онъ въ сторону и спрятался за кустъ... „Создатель!“ взмолился онъ, „пронеси соотчичей!“ Кажется, никакихъ бы денегъ въ это мгновенье не пожалѣлъ онъ, лишь бы они его не увидали... И они дѣйствительно не увидали его: Создатель пронесъ соотчичей мимо. Ворошиловъ своимъ кадетски-самодовольнымъ голосомъ толковалъ Бамбаеву о различныхъ „фазисахъ“ готической архитектуры, а Бамбаевъ только подмычивалъ одобрительно; замѣтно было, что Ворошиловъ уже давно пробираетъ его своими фазисами, и добродушный энтузіастъ начиналъ скучать. Долго, закусивъ губу и вытянувъ шею, прислушивался Литвиновъ къ удалявшимся шагамъ; долго звучали то гортанные, то носовые переливы наставительной рѣчи; наконецъ, все затихло. Литвиновъ вздохнулъ, вышелъ изъ своей засады и отправился далѣе.

Часа три пробродилъ онъ по горамъ. Онъ то покидалъ дорожку и перепрыгивалъ съ камня на камень, изрѣдка скользя по гладкому мху; то садился на обломокъ скалы подъ дубомъ или букомъ, и думалъ пріятныя думы, подъ немолчное шептаніе ручейковъ, заросшихъ папоротникомъ, подъ успокоительный шелестъ листьевъ, подъ звонкую пѣсенку одинокаго чернаго дрозда; легкая, тоже пріятная дремота подкрадывалась къ нему, словно обнимала его сзади, и онъ засыпалъ... но вдругъ улыбался и оглядывался: золото и зелень лѣса, лѣсного воздуха били мягко ему въ глаза—и онъ снова улыбался и снова закрывалъ ихъ. Ему захотѣлось позавтракать, и онъ направился къ Старому Замку, гдѣ за нѣсколько крейцеровъ можно получить стаканъ хорошаго молока съ кофеемъ. Но не успѣлъ онъ помѣститься за однимъ изъ бѣлыхъ крашеныхъ столиковъ, находящихся на платформѣ передъ замкомъ, какъ послышался тяжелый храпъ лошадей, и по-

явились три коляски, изъ которыхъ высыпало довольно многочисленное общество дамъ и кавалеровъ... Литвиновъ тотчасъ призналъ ихъ за русскихъ, хотя они всѣ говорили по-французски... потому что они говорили по-французски. Туалеты дамъ отличались изысканнымъ щегольствомъ; на кавалерахъ были сюртуки съ иголочки, но въ обтяжку и съ перехватомъ, что не совсѣмъ обыкновенно въ наше время, панталоны сѣрые съ искоркой, и городскія, очень глянцовитыя шляпы. Низенькій, черный галстукъ туго стягивалъ шею каждаго изъ этихъ кавалеровъ, и во всей ихъ осанкѣ сквозило нѣчто воинственное. Дѣйствительно, они были военные люди; Литвиновъ попалъ на пикникъ молодыхъ генераловъ, особъ высшаго общества и съ значительнымъ вѣсомъ. Значительность ихъ сказывалась во всемъ: въ ихъ сдержанной развязности, въ миловидно-величавыхъ улыбкахъ, въ напряженной разсѣянности взгляда, въ изнѣженномъ подергиваніи плечъ, покачиваніи стана и сгибаніи колѣнъ; она сказывалась въ самомъ звукѣ голоса, какъ бы любезно и гадливо благодарящаго подчиненную толпу. Всѣ эти воины были превосходно вымыты, выбриты, продушены насквозь какимъ-то истинно-дворянскимъ и гвардейскимъ запахомъ, смѣсью отличнѣйшаго сигарнаго дыма и удивительнѣйшаго пачули. И руки у всѣхъ были дворянскія, бѣлыя, большія, съ крѣпкими, какъ слоновая кость, ногтями; у всѣхъ усы такъ и лоснились, зубы сверкали, а тончайшая кожа отливала румянцемъ на щекахъ, лазурью на подбородкѣ. Иные изъ молодыхъ генераловъ были игривы, другіе задумчивы; но печать отмѣннаго приличія лежала на всѣхъ. Каждый, казалось, глубоко сознавалъ собственное достоинство, важность своей будущей роли въ государствѣ, и держалъ себя и строго и вольно, съ легкимъ оттѣнкомъ той рѣзвости, того „чортъ меня побери“, которые такъ естественно появляются во время заграничныхъ поѣздокъ. Разсѣвшись шумно и пышно, общество позвало засуетившихся кельнеровъ. Литвиновъ поторопился допить стаканъ молока, расплатился и, нахлобучивъ шляпу, уже проскользнулъ-было мимо генеральскаго пикника...

— Григорій Михайлычъ, проговорилъ женскій голосъ.— Вы не узнаёте меня?

Онъ невольно остановился. Этотъ голосъ... Этотъ голосъ слишкомъ часто въ былое время заставлялъ биться его сердце... Онъ обернулся и увидалъ Ирину.

Она сидѣла у стола, и скрестивъ руки на спинкѣ отодвинутаго стула, склонивъ голову на бокъ и улыбаясь, привѣтливо, почти радостно глядѣла на него.

Литвиновъ тотчасъ ее узналъ, хотя она успѣла измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, десять лѣтъ тому назадъ, хотя она изъ дѣвушки превратилась въ женщину. Ея тонкій станъ развился и расцвѣлъ, очертанія нѣкогда сжатыхъ плечъ напоминали теперь богинь, выступающихъ на потолкахъ старинныхъ итальянскихъ дворцовъ. Но глаза остались тѣ же, и Литвинову показалось, что они глядѣли на него такъ же, какъ и тогда, въ томъ небольшомъ московскомъ домикѣ.

— Ирина Павловна... проговорилъ онъ нерѣшительно.

— Вы узнали меня? Какъ я рада! какъ я... (Она остановилась, слегка покраснѣла и выпрямилась.) Это очень пріятная встрѣча, продолжала она уже по-французски. — Позвольте познакомить васъ съ моимъ мужемъ. Valérien, мсьё Литвиновъ, un ami d'enfance; Валеріанъ Владиміровичъ Ратмировъ, мой мужъ.

Одинъ изъ молодыхъ генераловъ, едва ли не самый изящный изо всѣхъ, привсталъ со стула и чрезвычайно вѣжливо раскланялся съ Литвиновымъ, между тѣмъ какъ остальные товарищи чуть-чуть насупились, или не столько насупились, сколько углубились на мигъ каждый въ самого себя, какъ бы заранѣе протестуя противъ всякаго сближенія съ постороннимъ штатскимъ, а другія дамы, участвовавшія въ пикникѣ, сочли за нужное и прищуриться немного, и усмѣхнуться, и даже изобразить недоумѣніе на лицахъ.

— Вы... Вы давно въ Баденѣ? спросилъ генералъ Ратмировъ, какъ-то не по-русски охорашиваясь и очевидно не зная, о чемъ бесѣдовать съ другомъ дѣтства жены.

— Недавно, отвѣчалъ Литвиновъ.

— И долго намѣрены остаться? продолжалъ учтивый генералъ.

— Я еще не рѣшилъ.

— А! Это очень пріятно... очень.

Генералъ умолкъ. Литвиновъ тоже безмолвствовалъ. Оба держали шляпы въ рукахъ, и, нагнувъ впередъ туловище и осклабясь, глядѣли другъ другу въ брови.

— „Deux gendarmes un beau dimanche, запѣлъ, разумѣется, фальшиво,—не фальшиво поющій русскій дворянинъ доселѣ намъ не попадался,—подслѣповатый и желтоватый генералъ съ выраженіемъ постояннаго раздраженія на лицѣ, точно онъ самъ себѣ не могъ простить свою наружность. Среди всѣхъ своихъ товарищей, онъ одинъ не походилъ на розу.

— Да что же вы не сядете, Григорій Михайлычъ, промолвила, наконецъ, Ирина.

Литвиновъ повиновался, сѣлъ.

— I say, Valérien, give me some fire, проговорилъ другой генералъ, тоже молодой, но уже тучный, съ неподвижными, словно въ воздухъ уставленными глазами и густыми шелковистыми бакенбардами, въ которыя онъ медленно погружалъ свои бѣлоснѣжные пальцы. Ратмировъ подалъ ему серебряную коробочку со спичками.

— Avez vous des papiros? спросила, картавя, одна изъ дамъ.

— De vrais papelitos, comtesse.

— „Deux gendarmes un beau dimanche“, чуть не со скрипомъ зубовъ затянулъ опять подслѣповатый генералъ.

— Вы должны непремѣнно посѣтить насъ, говорила между тѣмъ Литвинову Ирина.—Мы живемъ въ Hôtel de l'Europe. Отъ четырехъ до шести я всегда дома. Мы съ вами такъ давно не видались.

Литвиновъ взглянулъ на Ирину, она не опустила глазъ.

— Да, Ирина Павловна, давно. Съ Москвы.

— Съ Москвы, съ Москвы, повторила она съ разстановкой.—Приходите, мы потолкуемъ, старину вспомянемъ. А знаете ли, Григорій Михайлычъ, вы не много перемѣнились.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вы вотъ перемѣнились, Ирина Павловна.

— Я постарѣла.

— Нѣтъ. Я не то хотѣлъ сказать...

— Irène? вопросительно промолвила одна изъ дамъ съ желтою шляпкой на желтыхъ волосахъ, предварительно пошептавшись и похихикавши съ сидѣвшимъ возлѣ нея кавалеромъ.—Irène?

— Я постарѣла, продолжала Ирина, не отвѣчая дамѣ, но я не перемѣнилась. Нѣтъ, нѣтъ, я ни въ чемъ не перемѣнилась.

— „Deux gendarmes un beau dimanche!“ раздалось опять. Раздражительный генералъ помнилъ только первый стихъ извѣстной пѣсенки.

— Все еще покалываетъ, ваше сіятельство, громко и на *о* проговорилъ тучный генералъ съ бакенбардами, вѣроятно намекая на какую-нибудь забавную, всему „бомонду“ извѣстную исторію и, засмѣявшись короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ, опять уставился въ воздухъ. Все остальное общество также засмѣялось.

— What a sad dog you are, Boris! замѣтилъ вполголоса Ратмировъ. Онъ самое имя „Борисъ“ произнесъ на англійскій ладъ.

— Irène? въ третій разъ спросила дама въ желтой шляпкѣ. Ирина быстро обернулась къ ней.

— Eh bien, quoi? que me voules-vous?

— Je vous le dirai plus tard, жеманно отвѣчала дама. При весьма непривлекательной наружности, она постоянно жеманилась и кривлялась; какой-то острякъ сказалъ про нее, что она „minaudait dans le vide“, „кривлялась въ пустомъ пространствѣ“.

Ирина нахмурилась и нетерпѣливо пожала плечомъ.

— Mais que fait donc monsieur Verdier? Pourquoi ne vient-il pas? воскликнула одна дама съ тѣми для французскаго слуха нестерпимыми, протяжными удареніями, которыя составляютъ особенность великороссійскаго выговора.

— Ахъ, вуй, ахъ, вуй, мсьё Вердіе, мсьё Вердіе, простонала другая, родомъ прямо уже изъ Арзамаса.

— Tranquillisez-vous, mesdames, — вмѣшался Ратми-

ровъ:—monsieur Verdier m'a promis de venir se mettre à vos pieds.

— Хи, хи, хи!—Дамы заиграли вѣеромъ.

Кельнеръ принесъ нѣсколько стакановъ пива.

— Байришъ-биръ? спросилъ генералъ съ бакенбардами, нарочно бася и притворяясь изумленнымъ.—Гутенъ моргенъ.

— А что? Графъ Павелъ все еще тамъ? холодно и вяло спросилъ одинъ молодой генералъ другого.

— Тамъ,—такъ же холодно отвѣчалъ тотъ.—Mais c'est provisoire. Serge, говорятъ, на его мѣсто.

— Эге! процѣдилъ первый сквозь зубы.

— Н-да, процѣдилъ и второй.

— Я не могу понять, заговорилъ генералъ, напѣвавшій пѣсенку:—я не могу понять, что̀ за охота была Полю оправдываться, приводить разныя тамъ причины... Ну, онъ поприжалъ купца, il lui a fait rendre gorge... ну, и что-жъ такое? У него могли быть свои соображенія.

— Онъ боялся... обличенія въ журналахъ, пробурчалъ кто-то.

Раздражительный генералъ вспыхнулъ.

— Ну, ужъ это послѣднее дѣло! Журналы! Обличеніе! Если бъ это отъ меня зависѣло, я бы въ этихъ въ вашихъ журналахъ только и позволилъ печатать, что таксы на мясо или на хлѣбъ, да объявленія о продажѣ шубъ да сапоговъ.

— Да дворянскихъ имѣній съ аукціона, ввернулъ Ратмировъ.

— Пожалуй, при теперешнихъ обстоятельствахъ... Однако, что̀ за разговоръ въ Баденѣ, au Vieux-Château!

— Mais pas du tout! pas du tout! залепетала дама въ желтой шляпкѣ.—J'adore les questions politiques.

— Madame a raison, вмѣшался другой генералъ съ чрезвычайно пріятнымъ и какъ бы дѣвическимъ лицомъ.—Зачѣмъ намъ избѣгать этихъ вопросовъ... даже въ Баденѣ? — Онъ при этихъ словахъ учтиво взглянулъ на Литвинова и снисходительно улыбнулся. — Порядочный

человѣкъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не долженъ отступаться отъ своихъ убѣжденій. Не правда ли?

— Конечно, отвѣчалъ раздражительный генералъ, такъ же взбрасывая глазами на Литвинова и какъ бы косвенно его распекая:—но я не вижу надобности...

— Нѣтъ, нѣтъ, съ прежнею мягкостью перебилъ снисходительный генералъ. — Вотъ вашъ пріятель, Валеріанъ Владиміровичъ, упомянулъ о продажѣ дворянскихъ имѣній. Что жъ? Развѣ это не фактъ?

— Да ихъ и продать теперь невозможно; никому они не нужны! воскликнулъ раздражительный генералъ.

— Можетъ-быть... можетъ-быть. Потому-то и надо заявлять этотъ фактъ... этотъ грустный фактъ на каждомъ шагу. Мы разорены — прекрасно; мы унижены — объ этомъ спорить нельзя; но мы, крупные владѣльцы, мы все-таки представляемъ начало... un principe. Поддерживать этотъ принципъ—нашъ долгъ. Pardon, madame, вы кажется, платокъ уронили. Когда нѣкоторое, такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны указывать—съ покорностью указывать (генералъ протянулъ палецъ)—указывать перстомъ гражданина на бездну, куда все стремится. Мы должны предостерегать, мы должны говорить съ почтительною твердостію: „воротитесь, воротитесь назадъ...“ Вотъ что̀ мы должны говорить.

— Нельзя же, однако, совсѣмъ воротиться, задумчиво замѣтилъ Ратмировъ.

Снисходительный генералъ только осклабился.

— Совсѣмъ; совсѣмъ назадъ, mon très-cher. Чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ лучше.

Генералъ опять вѣжливо взглянулъ на Литвинова. Тотъ не вытерпѣлъ.

— Ужъ не до семибоярщины ли намъ вернуться, ваше превосходительство?

— А хоть бы и такъ! Я выражаю свое мнѣніе не обинуясь; надо передѣлать... да... передѣлать все сдѣланное

— И девятнадцатое февраля?

— И девятнадцатое февраля — насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas. А воля? ска-

жутъ мнѣ. Вы думаете, сладка народу эта воля? Спросите-ка его...

— Попытайтесь, подхватилъ Литвиновъ:—попытайтесь отнять у него эту волю...

— Comment nommez-vous ce monsieur? шепнулъ генералъ Ратмирову.

— Да о чемъ вы тутъ толкуете? заговорилъ вдругъ тучный генералъ, очевидно разыгрывавшій въ этомъ обществѣ роль избалованнаго ребенка. О журналахъ все? О щелкопёрахъ? Позвольте, я вамъ разскажу, какой у меня былъ анекдотъ съ щелкопёромъ — чудо! Говорятъ мнѣ: написалъ на васъ un folliculaire пашквиль. Ну я, разумѣется, тотчасъ его подъ цугундеръ. Привели голубчика...—Какъ же это ты такъ, говорю, другъ мой, folliculaire, пашквили пишешь? Аль патріотизмъ одолѣлъ? „Одолѣлъ", говоритъ. Ну, а деньги, говорю, folliculaire, любишь? „Люблю", говоритъ. Тутъ я ему, милостивые государи мои, далъ набалдашникъ моей палки понюхать.— А это ты любишь, ангелъ мой? „Нѣтъ, говоритъ, этого не люблю."—Да ты, я говорю, понюхай какъ слѣдуетъ, руки-то у меня чистыя. „Не люблю", говоритъ, и полно.—А я, говорю, душа моя, очень это люблю, только не для себя. Понимаешь ты сію аллегорію, сокровище ты мое? „Понимаю", говоритъ.—Такъ смотри же, впередъ будь пàинька, а теперь вотъ тебѣ цѣлковый-рупь, ступай и благословляй меня денно и нощно. И ушелъ folliculaire.

Генералъ засмѣялся, и всѣ опять за нимъ засмѣялись— всѣ, исключая Ирины, которая даже не улыбнулась и какъ-то сумрачно посмотрѣла на разсказчика.

Снисходительный генералъ потрепалъ Бориса по плечу.

— Все это ты выдумалъ, другъ ты мой сердечный... Станешь ты палкой кому-нибудь грозить... У тебя и палки-то нѣтъ. C'est pour faire rire ces dames. Для краснаго словца. Но дѣло не въ томъ. Я сейчасъ сказалъ, что надобно совсѣмъ назадъ вернуться. Поймите меня. Я не врагъ такъ-называемаго прогресса; но всѣ эти университеты да семинаріи тамъ, да народныя училища, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга, tout

ce fond du sac, la petite propriété, pire que le prolétariat— (генералъ говорилъ изнѣженнымъ, почти разслабленнымъ голосомъ), voilà ce qui m'effraie... вотъ гдѣ нужно остановиться... и остановить. (Онъ опять ласково взглянулъ на Литвинова.) Да-съ, нужно остановиться. Не забудьте, вѣдь у насъ никто ничего не требуетъ, не проситъ. Самоуправленіе, напримѣръ, развѣ кто его проситъ? *Вы* его развѣ просите? Или ты? или ты? или вы, mesdames? Вы ужъ и такъ не только самимъ собою, всѣми нами управляете. (Прекрасное лицо генерала оживилось забавною усмѣшкой.)—Друзья мои любезные, зачѣмъ же зайцемъ-то забѣгать? Демократія вамъ рада, она кадитъ вамъ, она готова служить вашимъ цѣлямъ... да вѣдь это мечъ обоюдуострый. Ужъ лучше по-старому, попрежнему... вѣрнѣй гораздо. Не позволяйте умничать черни, да ввѣрьтесь аристократіи, въ которой одной и есть сила... Право, лучше будетъ. А прогрессъ... я собственно ничего не имѣю противъ прогресса. Не давайте намъ только адвокатовъ, да присяжныхъ, да земскихъ какихъ-то чиновниковъ, — да дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя, и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать?

— Петербургъ со всѣхъ четырехъ концовъ зажгли, вотъ вамъ и прогрессъ! прошипѣлъ раздражительный генералъ.

— Да ты, я вижу, злобенъ, промолвилъ, лѣниво покачиваясь, тучный генералъ: — тебя бы хорошо въ оберъ-прокуроры произвести; а по-моему avec Orphée aux enfers le progrès a dit son dernier mot.

— Vous dites toujours des bêtises, захихикала дама изъ Арзамаса.

Генералъ пріосанился.

— Je ne suis jamais plus sérieux, madame, que quand je dis des bêtises.

— Мьсё Вердіе эту самую фразу уже нѣсколько разъ сказалъ, замѣтила вполголоса Ирина.

— De la poigne et des formes! воскликнулъ тучный генералъ:—de la poigne surtout. А сіе по-русски можно перевести тако: вѣжливо, но въ зубы!

— Ахъ ты, шалунъ, шалунъ неисправимый! подхватилъ снисходительный генералъ.—Mesdames, не слушайте его пожалуйста. Комара не зашибетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что сердца пожираетъ.

— Ну, однако, нѣтъ, Борисъ, началъ Ратмировъ, обмѣнявшись взглядомъ съ женою: — шалость шалостью, а это преувеличеніе. Прогрессъ—это есть проявленіе жизни общественной, вотъ что̀ не надо забывать; это симптомъ. Тутъ надо слѣдить.

— Ну да, возразилъ тучный генералъ и сморщилъ носъ. — Дѣло извѣстное, ты въ государственные люди мѣтишь!

— Вовсе не въ государственные люди... Какіе тутъ государственные люди! А правду нельзя не признать.

„Boris“ опять запустилъ пальцы въ бакенбарды и уставился въ воздухъ.

— Общественная жизнь, это очень важно, потому что въ развитіи народа, въ судьбахъ, такъ-сказать, отечества...

— Valérien, перебилъ „Boris“ внушительно: — il y a des dames ici. Я этого отъ тебя не ожидалъ. Или ты въ комитетъ попасть желаешь?

— Да они всѣ теперь, слава Богу, уже закрыты, подхватилъ раздражительный генералъ, и снова запѣлъ: „Deux gendarmes, un beau dimanche...“

Ратмировъ поднесъ батистовый платокъ къ носу и граціозно умолкъ; снисходительный генералъ повторилъ: „шалунъ! шалунъ!“ А „Boris“ обратился къ дамѣ, кривлявшейся въ пустомъ пространствѣ, и, не понижая голоса, не измѣняя даже выраженія лица, началъ разспрашивать ее о томъ, когда же она „увѣнчаетъ его пламя“, такъ какъ онъ влюбленъ въ нее изумительно и страдаетъ необыкновенно.

Съ каждымъ мгновеніемъ, въ теченіе этого разговора, Литвинову становилось все болѣе и болѣе неловко. Его гордость, его честная, плебейская гордость, такъ и возмущалась. Что̀ было общаго между нимъ, сыномъ мелкаго чиновника, и этими военными петербургскими аристократами? Онъ любилъ все, что̀ они ненавидѣли, онъ ненави-

дѣлъ все то, что они любили; онъ слишкомъ ясно это сознавалъ, онъ всѣмъ существомъ своимъ это чувствовалъ. Шутки ихъ онъ находилъ плоскими, тонъ невыносимымъ, каждое движеніе ложнымъ; въ самой мягкости ихъ рѣчей ему слышалось возмутительное презрѣніе — и однакоже онъ какъ будто робѣлъ передъ ними, передъ этими людьми, этими врагами... „Фу, какая гадость! Я ихъ стѣсняю, я имъ кажусь смѣшнымъ“, вертѣлось у него въ головѣ:— „зачѣмъ же я остаюсь? Уйдемъ, уйдемъ тотчасъ!“ Присутствіе Ирины не могло удержать его: невеселыя ощущенія возбуждала въ немъ и она. Онъ поднялся со стула и началъ прощаться.

— Вы уже уходите? промолвила Ирина, но, подумавъ немного, не стала настаивать и только взяла съ него слово, что онъ непремѣнно посѣтитъ ее. Генералъ Ратмировъ съ прежнею утонченною вѣжливостью раскланялся съ нимъ, пожалъ ему руку, довелъ его до конца платформы... Но едва Литвиновъ успѣлъ завернуть за первый уголъ дороги, какъ дружный взрывъ хохота раздался за нимъ. Хохотъ этотъ относился не къ нему, а къ давно ожидаемому мсьё Вердіе, который внезапно появился на платформѣ, въ тирольской шляпѣ, синей блузѣ и верхомъ на ослѣ; но кровь такъ и хлынула Литвинову въ щеки, и горько стало ему: словно полынь склеила его стиснутыя губы. „Презрѣнные, пошлые люди!“ пробормоталъ онъ, не соображая того, что нѣсколько мгновеній, проведенныхъ въ обществѣ этихъ людей, еще не давали ему повода такъ жестоко выражаться. И въ этотъ-то міръ попала Ирина, его бывшая Ирина! Въ немъ она вращалась, жила, царствовала, для него она пожертвовала собственнымъ достоинствомъ, лучшими чувствами сердца... Видно, такъ слѣдовало; видно, она не заслуживала лучшей участи! Какъ онъ радовался тому, что ей не вздумалось разспрашивать его о его намѣреніяхъ! Ему бы пришлось высказываться передъ „ними“, въ „ихъ“ присутствіи... „Ни за что! никогда!“ шепталъ Литвиновъ, глубоко вдыхая свѣжій воздухъ и чуть не бѣгомъ не спускаясь по дорогѣ въ Баденъ. Онъ думалъ о своей невѣстѣ, о своей милой,

доброй, святой Татьянѣ, и какъ чиста, благородна, какъ правдива казалась она ему! Съ какимъ неподдѣльнымъ умиленіемъ припоминалъ онъ ея черты, ея слова, самыя ея привычки... съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія!

Быстрая ходьба успокоила его нервы. Возвратясь домой, онъ усѣлся за столъ, взялъ книгу въ руки, и внезапно ее выронилъ, даже вздрогнулъ... Что̀ съ нимъ случилось? Ничего не случилось съ нимъ, но Ирина... Ирина... удивительнымъ, страннымъ, необычайнымъ вдругъ показалось ему его свиданіе съ нею. Возможно ли? онъ встрѣтился, говорилъ съ тою самой Ириной... И почему на ней не лежитъ того противнаго, свѣтскаго отпечатка, которымъ такъ рѣзко отмѣчены всѣ тѣ, другіе? Почему ему сдается, что она какъ будто скучаетъ, или грустить, или тяготится своимъ положеніемъ? Она въ ихъ станѣ, но она не врагъ. И что̀ могло ее заставить такъ радушно обратиться къ нему, звать его къ себѣ?

Литвиновъ встрепенулся. — О, Таня, Таня! воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ: — ты одна мой ангелъ, мой добрый геній, тебя я одну люблю и вѣкъ любить буду. А къ той я не пойду. Богъ съ ней совсѣмъ! Пусть она забавляется своими генералами!

Литвиновъ снова взялся за книгу.

XI.

Литвиновъ взялся за книгу, но ему не читалось. Онъ вышелъ изъ дому, прогулялся немного, послушалъ музыку, поглазѣлъ на игру и опять вернулся къ себѣ въ комнату, опять попытался читать—все безъ толку. Какъ-то особенно вяло влачилось время. Пришелъ Пищалкинъ, благонамѣренный мировой посредникъ, и посидѣлъ часика три. Побесѣдовалъ, потолковалъ, ставилъ вопросы, разсуждалъ вперемежку—то о предметахъ возвышенныхъ, то о предметахъ полезныхъ, и такую, наконецъ, распространилъ скуку, что бѣдный Литвиновъ чуть не взвылъ. Въ искусствѣ наводить скуку, тоскливую, холодную, безвыходную и безнадежную скуку, Пищалкинъ не зналъ соперниковъ

даже между людьми высочайшей нравственности, извѣстными мастерами по этой части. Одинъ видъ его остриженной и выглаженной головы, его свѣтлыхъ и безжизненныхъ глазъ, его доброкачественнаго носа, возбуждалъ невольную унылость, а баритонный, медлительный, какъ бы заспанный его голосъ казался созданнымъ для того, чтобы съ убѣжденіемъ и вразумительностью произносить изреченія, состоявшія въ томъ, что дважды-два четыре, а не пять, и не три, вода мокра, а добродѣтель похвальна; что частному лицу, равно какъ и государству, а государству, равно какъ и частному лицу, необходимо нуженъ кредитъ для денежныхъ операцій. И со всѣмъ тѣмъ человѣкъ онъ былъ превосходный! Но ужъ таковъ предѣлъ судебъ на Руси: скучны у насъ превосходные люди. Пищалкинъ удалился; его замѣнилъ Биндасовъ, и немедленно, съ великою наглостью, потребовалъ у Литвинова взаймы сто гульденовъ, которые тотъ ему и далъ, несмотря на то, что не только не интересовался Биндасовымъ, но даже гнушался имъ и зналъ навѣрное, что денегъ своихъ не получитъ ввѣкъ; притомъ онъ самъ въ нихъ нуждался. Зачѣмъ же онъ далъ ихъ ему? спроситъ читатель. А чортъ знаетъ зачѣмъ! На это русскіе тоже молодцы. Пусть читатель положитъ руку на сердце и вспомнитъ, какое множество поступковъ въ его собственной жизни не имѣло рѣшительно другой причины. А Биндасовъ даже не поблагодарилъ Литвинова: потребовалъ стаканъ аффенталера (баденскаго краснаго вина) и ушелъ, не обтеревъ губъ и нахально стуча сапогами. И ужъ какъ же досадовалъ на себя Литвиновъ, глядя на красный загривокъ удалявшагося кулака! Передъ вечеромъ онъ получилъ письмо отъ Татьяны, въ которомъ она его извѣщала, что вслѣдствіе нездоровья ея тетки, раньше пяти, шести дней она въ Баденъ пріѣхать не можетъ. Это извѣстіе непріятно подѣйствовало на Литвинова: оно усилило его досаду, и онъ легъ спать рано, въ дурномъ настроеніи духа. Слѣдующій день выдался не лучше предшествовавшаго, чуть ли не хуже. Съ самаго утра комната Литвинова наполнилась соотечественниками: Бамбаевъ, Ворошиловъ, Пищалкинъ,

два офицера, два гейдельбергскіе студента, всѣ привалили разомъ и такъ-таки не уходили вплоть до обѣда, хотя скоро выболтались и видимо скучали. Они просто не знали, куда дѣться, и попавъ на квартиру Литвинова, какъ говорится, „застряли“ въ ней. Сперва они потолковали о томъ, что Губаревъ уѣхалъ обратно въ Гейдельбергъ, и что надо будетъ къ нему отправиться; потомъ немного пофилософствовали, коснулись польскаго вопроса; потомъ приступили къ разсужденіямъ объ игрѣ, о лореткахъ, принялись разсказывать скандальные анекдотцы; наконецъ, разговоръ завязался о томъ, какіе бываютъ силачи, какіе толстые люди и какіе обжоры. Выступили на свѣтъ Божій старые анекдоты о Лукинѣ, о дьяконѣ, съѣвшемъ на пари тридцать три селедки, объ извѣстномъ своей тучностью уланскомъ полковникѣ Изъѣдиновѣ, о солдатѣ, ломавшемъ говяжью кость о собственный лобъ, а тамъ пошло уже совершенное вранье. Самъ Пищалкинъ разсказалъ, зѣвая, что зналъ въ Малороссіи бабу, въ которой при смерти оказалось двадцать семь пудовъ съ фунтами, и помѣщика, который за завтракомъ съѣдалъ трехъ гусей и осетра; Бамбаевъ вдругъ пришелъ въ экстазъ и объявилъ, что онъ самъ въ состояніи съѣсть цѣлаго барана, „разумѣется, съ приправами“, а Ворошиловъ брякнулъ что-то такое несообразное насчетъ товарища, силача-кадета, что всѣ помолчали, помолчали, посмотрѣли другъ на друга, взялись за шапки и разбрелись. Оставшись наединѣ, Литвиновъ хотѣлъ-было заняться, но ему точно копоти въ голову напустили; онъ ничего не могъ сдѣлать путнаго, и вечеръ тоже пропалъ даромъ. На слѣдующее утро, онъ собирался завтракать, кто-то постучался къ нему въ дверь. „Господи“, подумалъ Литвиновъ, — „опять кто-нибудь изъ вчерашнихъ пріятелей“, и не безъ нѣкотораго содроганія промолвилъ:

— Herein!

Дверь тихонько отворилась, и въ комнату вошелъ Потугинъ.

Литвиновъ чрезвычайно ему обрадовался.

— Вотъ это мило! заговорилъ онъ, крѣпко стискивая руку нежданому гостю: — вотъ спасибо! Я самъ непре-

мѣнно навѣстилъ бы васъ, да вы не хотѣли мнѣ сказать, гдѣ вы живете. Садитесь пожалуйста, положите шляпу. Садитесь же!

Потугинъ ничего не отвѣчалъ на ласковыя рѣчи Литвинова, стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу, посреди комнаты и только посмѣивался, да покачивалъ головой. Радушный привѣтъ Литвинова его, видимо, тронулъ, но въ выраженіи его лица было нѣчто принужденное.

— Тутъ... маленькое недоразумѣніе... началъ онъ не безъ запинки.—Конечно, я всегда съ удовольствіемъ... но меня собственно... меня къ вамъ прислали.

— То-есть, вы хотите сказать, промолвилъ жалобнымъ голосомъ Литвиновъ:—что сами собой вы бы не пришли ко мнѣ?

— О, нѣтъ, помилуйте!.. Но я... я, можетъ-быть, не рѣшился бы сегодня васъ безпокоить, если бы меня не попросили зайти къ вамъ. Словомъ, у меня есть къ вамъ порученіе.

— Отъ кого, позвольте узнать?

— Отъ одной вамъ извѣстной особы, отъ Ирины Павловны Ратмировой. Вы третьяго дня обѣщались навѣстить ее и не пришли.

Литвиновъ съ изумленіемъ уставился на Потугина.

— Вы знакомы съ г-жею Ратмировой?

— Какъ видите.

— И коротко знакомы?

— Я до нѣкоторой степени ей пріятель.

Литвиновъ помолчалъ.

— Позвольте васъ спросить, началъ онъ наконецъ: — вамъ извѣстно, для чего Иринѣ Павловнѣ угодно меня видѣть?

Потугинъ подошелъ къ окну.

— До нѣкоторой степени извѣстно. Она, сколько я могу судить, очень обрадовалась встрѣчѣ съ вами, ну, и желаетъ возобновить прежнія отношенія.

— Возобновить, повторилъ Литвиновъ.—Извините мою нескромность, но позвольте мнѣ еще спросить васъ. Вамъ извѣстно, какого рода были эти отношенія?

— Собственно—нѣтъ, не извѣстно. Но я полагаю, при-

бавилъ Потугинъ, внезапно обратившись къ Литвинову и дружелюбно глядя на него: — я полагаю, что они были хорошаго свойства. Ирина Павловна очень васъ хвалила, и я долженъ былъ дать ей слово, что приведу васъ. Вы пойдете?

— Когда?

— Теперь... сейчасъ.

Литвиновъ только руками развелъ.

— Ирина Павловна, продолжалъ Потугинъ: — полагаетъ, что та... какъ бы выразиться... та среда, что ли, въ которой вы ее застали третьяго дня, не должна возбудить ваше особенное сочувствіе; но она велѣла вамъ сказать, что чортъ не такой черный, какимъ его изображаютъ.

— Гм... Это изреченіе примѣняется собственно къ той... средѣ?

— Да... и вообще.

— Гм... Ну, а вы, Созонтъ Иванычъ, какого мнѣнія о чортѣ?

— Я думаю, Григорій Михайлычъ, что онъ во всякомъ случаѣ не такой, какимъ его изображаютъ.

— Онъ лучше?

— Лучше ли, хуже, это рѣшить трудно, но не такой. Ну что же, идемъ мы?

— Да вы посидите сперва немножко. Мнѣ, признаться, все-таки кажется немного страннымъ...

— Что̀, смѣю спросить?

— Какимъ образомъ вы, собственно вы, могли сдѣлаться пріятелемъ Ирины Павловны?

Потугинъ окинулъ самого себя взглядомъ.

— Съ моею фигурой, съ положеніемъ моимъ въ обществѣ, оно точно неправдоподобно; но вы знаете — уже Шекспиръ сказалъ: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацій“, и такъ далѣе. Жизнь тоже шутить не любитъ. Вотъ вамъ сравненіе: дерево стоитъ передъ вами и вѣтра нѣтъ; какимъ образомъ листъ на нижней вѣткѣ прикоснется къ листу на верхней вѣткѣ? Никоимъ образомъ. А поднялась буря, все перемѣшалось — и тѣ два листа прикоснулись.

— Ага! Стало-быть бури были?

— Еще бы! Безъ нихъ развѣ проживешь? Но въ сторону философію. Пора идти.

Литвиновъ все еще колебался.

— О, Господи! воскликнулъ съ комической ужимкой Потугинъ: — какіе нынче стали молодые люди! Прелестнѣйшая дама приглашаетъ ихъ къ себѣ, засылаетъ за ними гонцовъ, нарочныхъ, а они чинятся! Стыдитесь, милостивый государь, стыдитесь. Вотъ ваша шляпа. Возьмите ее, и „форвертсъ!“ какъ говорятъ наши друзья, пылкіе нѣмцы.

Литвиновъ постоялъ еще немного въ раздумьѣ, но кончилъ тѣмъ, что взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Потугинымъ.

XII.

Они пришли въ одну изъ лучшихъ гостиницъ Бадена и спросили генеральшу Ратмирову. Швейцаръ сперва освѣдомился объ ихъ именахъ, потомъ тотчасъ отвѣчалъ, что „die Frau Fürstin ist zu Hause“, и самъ повелъ ихъ по лѣстницѣ, самъ постучалъ въ дверь номера и доложилъ о нихъ. „Die Frau Fürstin“ приняла ихъ немедленно; она была одна: мужъ ея отправился въ Карлсруэ для свиданія съ проѣзжавшимъ сановнымъ тузомъ изъ „вліятельныхъ“.

Ирина сидѣла за небольшимъ столикомъ и вышивала по канвѣ, когда Потугинъ съ Литвиновымъ переступили порогъ двери. Она проворно бросила шитье въ сторону, оттолкнула столикъ, встала; выраженіе неподдѣльнаго удовольствія распространилось по ея лицу. На ней было утреннее, до верху закрытое платье; прекрасныя очертанія плечъ и рукъ сквозили черезъ легкую ткань; небрежно закрученная коса распустилась и падала низко на тонкую шею. Ирина бросила Потугину быстрый взглядъ, шепнула „merci“, и протянувъ Литвинову руку, любезно упрекнула его въ забывчивости. „А еще старый другъ“, прибавила она.

Литвиновъ началъ было извиняться. „C'est bien, c'est bien“, поспѣшно промолвила она и, съ ласковымъ наси-

ліемъ отнявъ у него шляпу, заставила его сѣсть. Потугинъ тоже сѣлъ, но тотчасъ же поднялся, и сказавъ, что у него есть безотлагательное дѣло и что онъ зайдетъ послѣ обѣда, сталъ раскланиваться. Ирина снова бросила ему быстрый взглядъ и дружески кивнула ему головой, но не удерживала его, и какъ только онъ исчезъ за портьеркой, съ нетерпѣливою живостью обратилась къ Литвинову.

— Григорій Михайлычъ, заговорила она по-русски своимъ мягкимъ и звонкимъ голосомъ: — вотъ мы одни наконецъ, и я могу сказать вамъ, что я очень рада нашей встрѣчѣ, потому что она... она дастъ мнѣ возможность... (Ирина посмотрѣла ему прямо въ лицо) попросить у васъ прощенія.

Литвиновъ невольно вздрогнулъ. Такого быстраго натиска онъ не ожидалъ. Онъ не ожидалъ, что она сама наведетъ рѣчь на прежнія времена.

— Въ чемъ... прощенія... пробормоталъ онъ.

Ирина покраснѣла.

— Въ чемъ?.. вы знаете въ чемъ, промолвила она и слегка отвернулась.—Я была виновата передъ вами, Григорій Михайлычъ... хотя, конечно, такая ужъ мнѣ выпала судьба (Литвинову вспомнилось ея письмо), и я не раскаиваюсь... это было бы, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поздно; но, встрѣтивъ васъ такъ неожиданно, я сказала себѣ, что мы непремѣнно должны сдѣлаться друзьями, непремѣнно... и мнѣ было бы очень больно, еслибъ это не удалось... и мнѣ кажется, что для этого мы должны объясниться съ вами, не откладывая и разъ навсегда, чтобъ уже потомъ не было никакой... gêne, никакой неловкости, разъ навсегда, Григорій Михайлычъ; и что вы должны сказать мнѣ, что вы меня прощаете, а то я буду предполагать въ васъ... de la rancune. Voilà! Это съ моей стороны, можетъ-быть, большая претензія, потому что вы, вѣроятно, давнымъ-давно все забыли, но все равно, скажите мнѣ, что вы меня простили.

Ирина произнесла всю эту рѣчь, не переводя духа, и Литвиновъ могъ замѣтить, что въ глазахъ ея заблистали слезы... да, дѣйствительно слезы.

— Помилуйте, Ирина Павловна, поспѣшно началъ онъ:— какъ вамъ не совѣстно извиняться, просить прощенія... То дѣло прошедшее, въ воду кануло, и мнѣ остается только удивляться, какъ вы, среди блеска, который васъ окружаетъ, могли еще сохранить воспоминаніе о темномъ товарищѣ первой вашей молодости...

— Васъ это удивляетъ? тихо проговорила Ирина.

— Меня это трогаетъ, подхватилъ Литвиновъ:—потому что я никакъ не могъ вообразить...

— А вы все-таки мнѣ не сказали, что вы меня простили, перебила Ирина.

— Я искренно радуюсь вашему счастью, Ирина Павловна, я отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго на землѣ...

— И не помните зла?

— Я помню только тѣ прекрасныя мгновенія, которыми я нѣкогда былъ вамъ обязанъ.

Ирина протянула ему обѣ руки. Литвиновъ крѣпко стиснулъ ихъ, и не разомъ ихъ выпустилъ... Что-то давно небывалое тайно шевельнулось въ его сердцѣ отъ этого мягкаго прикосновенія. Ирина опять глядѣла ему прямо въ лицо; но на этотъ разъ она улыбалась... И онъ въ первый разъ прямо и пристально посмотрѣлъ на нее... Онъ опять узналъ черты, когда-то столь дорогія, и тѣ глубокіе глаза съ ихъ необычайными рѣсницами, и родинку на щекѣ, и особый складъ волосъ надо лбомъ, и привычку какъ-то мило и забавно кривить губы и чуть-чуть вздрагивать бровями, все, все узналъ онъ... Но какъ она похорошѣла! Какая прелесть, какая сила женскаго молодого тѣла! И ни румянъ, ни бѣлилъ, ни сурьмы, ни пудры, никакой фальши на свѣжемъ, чистомъ лицѣ... Да, это была точно красавица!

Раздумье нашло на Литвинова... Онъ все глядѣлъ на нее, но уже мысли его были далеко... Ирина это замѣтила.

— Ну вотъ и прекрасно, громко заговорила она: — ну вотъ, теперь совѣсть моя покойна, и я могу удовлетворить мое любопытство...

— Любопытство, повторилъ Литвиновъ, какъ бы недоумѣвая.

— Да, да... Я непремѣнно хочу знать, что̀ вы дѣлали все это время, какіе ваши планы; я все хочу знать, какъ, что̀, когда... все, все. И вы должны говорить мнѣ правду, потому что я предувѣдомляю васъ, я не теряла васъ изъ вида... насколько это было возможно...

— Вы меня не теряли изъ вида, вы... тамъ... въ Петербургѣ?

— Среди блеска, который меня окружалъ, какъ вы сейчасъ выразились. Именно, да, не теряла. Объ этомъ блескѣ мы еще поговоримъ съ вами; а теперь вы должны разсказывать, много, долго разсказывать, никто намъ не помѣшаетъ. Ахъ, какъ это будетъ чудесно! прибавила Ирина, весело усаживаясь и охорашиваясь въ креслѣ. — Ну же, начинайте.

— Прежде чѣмъ разсказывать, я долженъ благодарить васъ, началъ Литвиновъ.

— За что?

— За букетъ цвѣтовъ, который очутился у меня въ комнатѣ.

— Какой букетъ? я ничего не знаю.

— Какъ?

— Говорятъ вамъ, я ничего не знаю... Но я жду... жду вашего разсказа... Ахъ, какой этотъ Потугинъ умница, что привелъ васъ!

Литвиновъ навострилъ уши.

— Вы съ этимъ господиномъ Потугинымъ давно знакомы? спросилъ онъ.

— Давно... но разсказывайте.

— И близко его знаете?

— О, да! — Ирина вздохнула. — Тутъ есть особенныя причины... Вы, конечно, слыхали про Элизу Бѣльскую... Вотъ та, что̀ умерла въ позапрошломъ году такой ужасной смертью?.. Ахъ, да вѣдь я забыла, что вамъ неизвѣстны наши исторіи... Къ счастью, къ счастью неизвѣстны. Oh, quelle chance! наконецъ-то, наконецъ одинъ человѣкъ, живой человѣкъ, который нашего ничего не знаетъ! И по-русски можно съ нимъ говорить, хоть дурнымъ языкомъ, да русскимъ, а не этимъ вѣчнымъ, притор-

нымъ, противнымъ петербургскимъ французскимъ языкомъ!

— И Потугинъ, говорите вы, находился въ отношеніяхъ съ...

— Мнѣ очень тяжело даже вспоминать объ этомъ, перебила Ирина.—Элиза была моимъ лучшимъ другомъ въ институтѣ, и потомъ, въ Петербургѣ, мы безпрестанно видались. Она мнѣ довѣрила всѣ свои тайны: она была очень несчастна, много страдала. Потугинъ въ этой исторіи велъ себя прекрасно, какъ настоящій рыцарь! Онъ пожертвовалъ собою. Я только тогда его оцѣнила! Но мы опять отбились въ сторону. Я жду вашего разсказа, Григорій Михайловичъ.

— Да мой разсказъ нисколько не можетъ интересовать васъ, Ирина Павловна.

— Это ужъ не ваше дѣло.

— Вспомните, Ирина Павловна, мы десять лѣтъ не видались, цѣлыхъ десять лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ!

— Не одной воды! не одной воды! повторила она, съ особымъ, горькимъ выраженіемъ: — потому-то я и хочу васъ слушать.

— И притомъ, я, право, не могу придумать, съ чего же мнѣ начать?

— Съ начала. Съ самаго того времени, какъ вы... какъ я переѣхала въ Петербургъ. Вы тогда оставили Москву... Знаете ли, я съ тѣхъ поръ уже никогда не возвращалась въ Москву!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Прежде было невозможно; а потомъ, когда я вышла замужъ...

— А вы давно замужемъ?

— Четвертый годъ.

— Дѣтей у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ, сухо отвѣтила она.

Литвиновъ помолчалъ.

— А до вашего замужества вы постоянно жили у этого, какъ бишь его, графа Рейзенбаха?

Ирина пристально посмотрѣла на него, какъ бы желая отдать себѣ отчетъ, зачѣмъ онъ это спрашиваетъ.

— Нѣтъ... промолвила она наконецъ.

— Стало-быть, ваши родители... Кстати, я и не спросилъ у васъ объ нихъ. Что̀ они...

— Они оба здоровы.

— И попрежнему живутъ въ Москвѣ?

— Попрежнему въ Москвѣ.

— А ваши братья, сестры?

— Имъ хорошо; я ихъ всѣхъ пристроила.

— А!—Литвиновъ исподлобья взглянулъ на Ирину.— По-настоящему, Ирина Павловна, не мнѣ бы слѣдовало разсказывать, а вамъ, если только...

Онъ вдругъ спохватился и умолкъ.

Ирина поднесла руки къ лицу и повертѣла обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ.

— Что жъ? Я не отказываюсь, промолвила она наконецъ.—Когда-нибудь... пожалуй... Но сперва вы... потому, вотъ видите, я хоть и слѣдила за вами, но объ васъ почти ничего не знаю; а обо мнѣ... ну обо мнѣ вы навѣрно слышали довольно. Неправда ли? Вѣдь вы слышали, скажите?

— Вы, Ирина Павловна, занимали слишкомъ видное мѣсто въ свѣтѣ, чтобы не возбуждать толковъ... особенно въ провинціи, гдѣ я находился, и гдѣ всякому слуху вѣрятъ.

— А вы вѣрили этимъ слухамъ? И какого рода были они?

— Признаться сказать, Ирина Павловна, эти слухи доходили до меня очень рѣдко. Я велъ жизнь весьма уединенную.

— Какъ такъ? Вѣдь вы были въ Крыму, въ ополченіи?

— Вамъ и это извѣстно?

— Какъ видите. Говорятъ вамъ, за вами слѣдили.

Литвинову снова пришлось изумиться.

— Зачѣмъ же я стану вамъ разсказывать, что̀ вы и безъ меня знаете? проговорилъ Литвиновъ вполголоса.

— А затѣмъ... затѣмъ, чтобъ исполнить мою просьбу. Вѣдь я прошу васъ, Григорій Михайловичъ.

Литвиновъ наклонилъ голову и началъ... началъ, нѣсколько сбивчиво, въ общихъ чертахъ, передавать Иринѣ свои незатѣйливыя похожденія. Онъ часто останавливался

и вопросительно взглядывалъ на Ирину, дескать не довольно ли? Но она настойчиво требовала продолженія разсказа, и откинувъ волосы за уши, облокотившись на ручку кресла, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ ловила каждое слово. Глядя на нее со стороны и слѣдя за выраженіемъ ея лица, иной бы, пожалуй, могъ подумать, что она вовсе не слушала того, что̀ Литвиновъ ей говорилъ, а только погружалась въ созерцаніе... Но не Литвинова созерцала она, хотя онъ и смущался, и краснѣлъ подъ ея упорнымъ взглядомъ. Предъ нею возникала цѣлая жизнь, другая, не его, ея собственная жизнь.

Литвиновъ не кончилъ, а умолкъ подъ вліяніемъ непріятнаго чувства постоянно возраставшей, внутренней неловкости. Ирина на этотъ разъ ничего не сказала ему, не попросила его продолжать, и прижавъ ладонь къ глазамъ, точно усталая, медленно прислонилась къ спинкѣ кресла и осталась неподвижной. Литвиновъ подождалъ немного, и сообразивъ, что визитъ его продолжался уже болѣе двухъ часовъ, протянулъ-было руку къ шляпѣ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался быстрый скрипъ тонкихъ лаковыхъ сапогъ, и, предшествуемый тѣмъ же отмѣннымъ дворянски-гвардейскимъ запахомъ, вошелъ Валеріанъ Владиміровичъ Ратмировъ.

Литвиновъ всталъ со стула и обмѣнялся поклономъ съ благовиднымъ генераломъ. А Ирина отняла, не спѣша, руку отъ лица и, холодно посмотрѣвъ на своего супруга, промолвила по-французски:—А! вотъ вы уже вернулись! но который же теперь часъ?

— Скоро четыре часа, ma chère amie, а ты еще не одѣта—насъ княгиня ждать будетъ, отвѣчалъ генералъ, и изящно нагнувъ перетянутый станъ въ сторону Литвинова, съ свойственною ему почти изнѣженною игривостью въ голосѣ, прибавилъ:—Видно, любезный гость заставилъ тебя забыть время.

Читатель позволитъ намъ сообщить ему на этомъ мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о генералѣ Ратмировѣ. Отецъ его былъ естественный... Что̀ вы думаете? Вы не ошибаетесь—но мы не то желали сказать... естественный сынъ знатнаго вель-

можи Александровскихъ временъ и хорошенькой актрисы француженки. Вельможа вывелъ сына въ люди, но состоянія ему не оставилъ—и этотъ сынъ (отецъ нашего героя) тоже не успѣлъ обогатиться: онъ умеръ въ чинѣ полковника, въ званіи полиціймейстера. За годъ до смерти онъ женился на красивой молодой вдовѣ, которой пришлось прибѣгнуть подъ его покровительство. Сынъ его и вдовы, Валеріанъ Александровичъ, по протекціи попавъ въ пажескій корпусъ, обратилъ на себя вниманіе начальства—не столько успѣхами въ наукахъ, сколько фронтовой выправкой, хорошими манерами и благонравіемъ (хотя подвергался всему, чему неизбѣжно подвергались всѣ бывшіе воспитанники казенныхъ военныхъ заведеній),—и вышелъ въ гвардію. Карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости въ танцахъ, мастерской ѣздѣ верхомъ ординарцемъ на парадахъ—большей частью на чужихъ лошадяхъ—и наконецъ, какому-то особенному искусству фамильярно-почтительнаго обращенія съ высшими, грустно-ласковаго, почти сиротливаго прислуживанья, не безъ примѣси общаго, легкаго какъ пухъ, либерализма... Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему, однако, перепороть пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ въ взбунтовавшемся бѣлорусскомъ селеніи, куда его послали для усмиренія. Наружностью онъ обладалъ привлекательной и необычайно моложавой: гладкій, румяный, гибкій и липкій, онъ пользовался удивительными успѣхами у женщинъ: знатныя старушки просто съ ума отъ него сходили. Осторожно по привычкѣ, молчаливый изъ расчета, генералъ Ратмировъ, подобно трудолюбивой пчелѣ, извлекающей сокъ изъ самыхъ даже плохихъ цвѣтковъ, постоянно обращался въ высшемъ свѣтѣ — и безъ нравственности, безо всякихъ свѣдѣній, но съ репутаціей дѣльца, съ чутьемъ на людей и пониманьемъ обстоятельствъ, а главное — съ неуклонно-твердымъ желаніемъ добра самому себѣ — видѣлъ наконецъ передъ собой всѣ пути открытыми...

Литвиновъ принужденно усмѣхнулся, а Ирина только плечами пожала.

— Ну что, промолвила она тѣмъ же холоднымъ тономъ,—видѣли вы графа?

— Какъ же, видѣлъ. Онъ приказалъ тебѣ кланяться.

— А! Онъ все глупъ попрежнему, этотъ вашъ покровитель?

Генералъ Ратмировъ ничего не отвѣчалъ, а только слегка посмѣялся въ носъ, какъ бы снисходя къ опрометчивости женскаго сужденія. Благосклонные взрослые люди такимъ точно смѣхомъ отвѣчаютъ на вздорныя выходки дѣтей.

— Да, прибавила Ирина:—глупость вашего графа слишкомъ поразительна, а ужъ я, кажется, на что успѣла насмотрѣться.

— Вы сами меня къ нему послали, замѣтилъ сквозь зубы генералъ, и обратившись къ Литвинову, спросилъ его порусски:—Пользуется ли онъ баденскими водами?

— Я, слава Богу, здоровъ, отвѣчалъ Литвиновъ.

— Это лучше всего, продолжалъ генералъ, любезно осклабясь: — да и вообще въ Баденъ не за тѣмъ ѣздятъ, чтобы лѣчиться; но здѣшнія воды весьма дѣйствительны, je veux dire, efficaces; и кто страдаетъ, какъ я, напримѣръ, нервическимъ кашлемъ...

Ирина быстро встала.—Мы еще увидимся съ вами, Григорій Михайловичъ, и я надѣюсь, скоро,—проговорила она по-французски, презрительно перебивая мужнину рѣчь:—а теперь я должна идти одѣваться. Эта старая княгиня несносна съ своими вѣчными parties de plaisir, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скуки.

— Вы сегодня очень строги ко всѣмъ, пробормоталъ ея супругъ и проскользнулъ въ другую комнату.

Литвиновъ направился къ двери... Ирина его остановила.

— Вы мнѣ все разсказали, промолвила она, а главное утаили.

— Что такое?

— Вы, говорятъ, женитесь?

Литвиновъ покраснѣлъ до ушей... Онъ дѣйствительно съ намѣреніемъ не упомянулъ о Танѣ; но ему стало страхъ досадно, во-первыхъ, что Ирина знаетъ о его свадьбѣ, а во-вторыхъ, что она какъ будто уличила его въ желаніи

скрыть отъ нея эту самую свадьбу. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ сказать, а Ирина не спускала съ него глазъ.

— Да, я женюсь, проговорилъ онъ наконецъ и тотчасъ удалился.

Ратмировъ вернулся въ комнату.

— Ну, что же ты не одѣваешься? спросилъ онъ.

— Ступайте одни; у меня голова болитъ.

— Но княгиня...

Ирина обмѣрила мужа взглядомъ съ ногъ до головы, повернулась къ нему спиной, и ушла въ свой кабинетъ.

XIII.

Литвиновъ былъ весьма недоволенъ собою, словно въ рулетку проигрался или не сдержалъ даннаго слова. Внутренній голосъ говорилъ ему, что какъ жениху, какъ человѣку уже степенному, не мальчику, ему не слѣдовало поддаваться ни подстреканію любопытства, ни обольщеніямъ воспоминаній. „Очень нужно было идти!“ разсуждалъ онъ. „Съ ея стороны кокетство одно, прихоть, капризъ... Она скучаетъ, ей все пріѣлось, она ухватилась за меня... иному лакомкѣ вдругъ захочется чернаго хлѣба... ну, и прекрасно. Я-то зачѣмъ побѣжалъ? Развѣ я могу... не презирать ея?“ Это послѣднее слово онъ произнесъ, даже мысленно, не безъ усилія.—„Конечно, тутъ опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ“, продолжалъ онъ свои разсужденія. „Вѣдь я знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю. Но все-таки съ огнемъ шутить не слѣдуетъ... Моей ноги у нея не будетъ“. Литвиновъ самому себѣ не смѣлъ или не могъ еще признаться, до какой степени Ирина ему казалась красивою, и какъ сильно она возбуждала его чувство.

День опять прошелъ тупо и вяло. За обѣдомъ Литвинову довелось сидѣть возлѣ осанистаго „бель-ома“ съ пафабренными усами, который все молчалъ и только пыхтѣлъ, да глаза таращилъ... но внезапно икнувъ, оказался соотечественникомъ, ибо тутъ же съ сердцемъ промолвилъ по-русски: „а я говорилъ, что не надо было ѣсть дыни!“ Вечеромъ тоже не произошло ничего утѣшитель-

наго: Биндасовъ въ глазахъ Литвинова выигралъ сумму вчетверо больше той, которую у него занялъ, но не только не возвратилъ ему своего долга, а даже съ угрозой посмотрѣлъ ему въ лицо, какъ бы собираясь наказать его еще чувствительнѣе именно за то, что онъ былъ свидѣтелемъ выигрыша. На слѣдующее утро снова нахлынула ватага соотечественниковъ; Литвиновъ едва-едва отъ нихъ отдѣлался и, отправившись въ горы, сперва наткнулся на Ирину, — онъ притворился, что не узналъ ея и быстро прошелъ мимо,—потомъ на Потугина. Съ Потугинымъ онъ заговорилъ-было, но тотъ неохотно отвѣчалъ ему. Онъ велъ за руку нарядно одѣтую дѣвочку съ пушистыми, почти бѣлыми локонами, большими темными глазами на блѣдномъ, болѣзненномъ личикѣ и тѣмъ особеннымъ, повелительнымъ и нетерпѣливымъ выраженіемъ, которое свойственно избалованнымъ дѣтямъ. Литвиновъ провелъ часа два въ горахъ и возвращался домой по Лихтенталевской аллеѣ... Сидѣвшая на скамейкѣ дама съ синимъ вуалемъ на лицѣ проворно встала и подошла къ нему... Онъ узналъ Ирину.

— Зачѣмъ вы избѣгаете меня, Григорій Михайловичъ, проговорила она нетвердымъ голосомъ, какой бываетъ у человѣка, у котораго накипѣло на сердцѣ.

Литвиновъ смутился.—Я васъ избѣгаю, Ирина Павловна?

— Да, вы... вы...

Ирина казалась взволнованною, почти разсерженною.

— Вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Развѣ я сегодня утромъ—вотъ, когда мы съ вами встрѣтились,—развѣ я не видѣла, что вы меня узнали? Скажите, развѣ вы не узнали меня? Скажите?

— Я право... Ирина Павловна...

— Григорій Михайловичъ, вы человѣкъ прямой, вы всегда говорили правду: скажите, скажите мнѣ, вѣдь вы узнали меня? вы съ намѣреніемъ отвернулись?

Литвиновъ взглянулъ на Ирину. Глаза ея блестѣли страннымъ блескомъ, а щеки и губы мертвенно бѣлѣли сквозь частую сѣтку вуаля. Въ выраженіи ея лица, въ

самомъ звукѣ ея порывистаго шопота было что-то до того неотразимо скорбное, молящее... Литвиновъ не могъ притворяться долѣе.

— Да... я узналъ васъ, промолвилъ онъ не безъ усилія.

Ирина тихонько вздрогнула и тихонько опустила руки.

— Отчего же вы не подошли ко мнѣ? прошептала она.

— Отчего... отчего!—Литвиновъ сошелъ въ сторону съ дорожки, Ирина молча послѣдовала за нимъ. — Отчего? повторилъ онъ еще разъ, и лицо его внезапно вспыхнуло, и чувство, похожее на злобу, стиснуло ему грудь и горло.— Вы... Вы это спрашиваете, послѣ всего, что̀ произошло между нами? Не теперь, конечно, не теперь, а тамъ... тамъ... въ Москвѣ.

— Но вѣдь мы съ вами рѣшили, вѣдь вы обѣщали... начала-было Ирина.

— Я ничего не обѣщалъ. Извините рѣзкость моихъ выраженій, но вы требуете правды—такъ посудите сами: чему, какъ не кокетству,—признаюсь, для меня непонятному,—чему, какъ не желанію испытать, насколько вы еще властны надо мною, могу я приписать вашу... я не знаю какъ назвать... вашу настойчивость? Наши до̀роги такъ далеко разошлись! Я все забылъ, все это переболѣло давно, я совсѣмъ другой человѣкъ сталъ; вы замужемъ, счастливы, по крайней мѣрѣ по наружности, пользуетесь завиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ: къ чему же, зачѣмъ это сближеніе? Что̀ я вамъ, что̀ вы мнѣ? Мы теперь и понять другъ друга не можемъ, между нами теперь нѣтъ уже рѣшительно ничего общаго, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ! Особенно... особенно въ прошедшемъ!

Литвиновъ произнесъ всю эту рѣчь торопливо, отрывисто, не поворачивая головы. Ирина не шевелилась, и только по временамъ, чуть-чуть протягивала къ нему руки. Казалось, она умоляла его остановиться и выслушать ее, а при послѣднихъ его словахъ слегка прикусила нижнюю губу, какъ бы подавляя ощущеніе остраго и быстраго уязвленія.

— Григорій Михайлычъ, начала она наконецъ голо-

сомъ уже болѣе спокойнымъ, и отошла еще дальше отъ дорожки, по которой изрѣдка проходили люди...

Литвиновъ въ свою очередь послѣдовалъ за ней.

— Григорій Михайлычъ, повѣрьте мнѣ: если бъ я могла вообразить, что у меня осталось на волосъ власти надъ вами, я бы первая избѣгала васъ. Если я этого не сдѣлала, если я рѣшилась, несмотря на... на мою прошедшую вину, возобновить знакомство съ вами, то это потому... потому...

— Почему? почти грубо спросилъ Литвиновъ.

— Потому, подхватила съ внезапною силой Ирина: — что мнѣ стало уже слишкомъ невыносимо, нестерпимо душно въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ завидномъ положеніи, о которомъ вы говорите; потому, что встрѣтивъ васъ, живого человѣка, послѣ всѣхъ этихъ мертвыхъ куколъ—вы могли видѣть образчики ихъ четвертаго дня, тамъ au Vieu Château,—я обрадовалась какъ источнику въ пустынѣ, а вы называете меня кокеткой и подозрѣваете меня, и отталкиваете меня подъ тѣмъ предлогомъ, что я дѣйствительно была виновата передъ вами, а еще больше передъ самой собою!

— Вы сами выбрали свой жребій, Ирина Павловна, угрюмо промолвилъ Литвиновъ, попрежнему не оборачивая голову.

— Сама, сама... я и не жалуюсь, я не имѣю права жаловаться, поспѣшно проговорила Ирина, которой, казалось, самая суровость Литвинова доставляла тайную отраду;—я знаю, что вы должны осуждать меня, я и не оправдываюсь, я только хочу объяснить вамъ мое чувство, я хочу убѣдить васъ, что мнѣ не до кокетства теперь... Мнѣ кокетничать съ вами! Да въ этомъ смыслу нѣтъ... Когда я васъ увидала, все мое хорошее, молодое во мнѣ пробудилось... то время, когда я еще не выбрала своего жребія, все, что̀ лежитъ тамъ, въ той свѣтлой полосѣ, за этими десятью годами...

— Да позвольте же, наконецъ, Ирина Павловна! Сколько мнѣ извѣстно, свѣтлая полоса въ вашей жизни началась именно съ той поры, какъ мы разстались...

Ирина поднесла платокъ къ губамъ.

— Это очень жестоко, что̀ вы говорите, Григорій Михайлычъ; но я сердиться на васъ не могу. О, нѣтъ, не свѣтлое то было время, не на счастье покинула я Москву, ни одного мгновенья, ни одной минуты счастья я не знала... повѣрьте мнѣ, что̀ бы ни разсказывали вамъ. Если бъ я была счастлива, могла ли бы я говорить съ вами такъ, какъ я теперь говорю... Я повторяю вамъ, вы не знаете, что̀ это за люди... Вѣдь они ничего не понимаютъ, ничему не сочувствуютъ, даже ума у нихъ нѣтъ, ni esprit, ni intelligence, а одно только лукавство, да сноровка; вѣдь, въ сущности, и музыка, и поэзія, и искусство имъ одинаково чужды... Вы скажете, что я ко всему этому была сама довольно равнодушна; но не въ такой степени, Григорій Михайлычъ... не въ такой степени! Не свѣтская женщина теперь передъ вами, вамъ сто̀итъ только взглянуть на меня, не львица... такъ, кажется, насъ величаютъ... а бѣдное, бѣдное существо, которое, право, достойно сожалѣнія. Не удивляйтесь моимъ словамъ... мнѣ не до гордости теперь! Я протягиваю къ вамъ руку какъ нищая, поймите же это наконецъ, какъ нищая... Я милостыни прошу, прибавила она вдругъ съ невольнымъ, неудержимымъ порывомъ:—я прошу милостыни, а вы...

Голосъ измѣнилъ ей. Литвиновъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Ирину; она дышала быстро, губы ея дрожали. Сердце въ немъ вдругъ забилось, и чувство злобы исчезло.

— Вы говорите, что наши дороги разошлись, продолжала Ирина:—я знаю, вы женитесь по склонности, у васъ уже составленъ планъ на всю вашу жизнь, да, это все такъ, но мы не стали другъ другу чужды, Григорій Михайлычъ, мы можемъ еще понять другъ друга. Или вы полагаете, что я совсѣмъ отупѣла, что я совсѣмъ погрязла въ этомъ болотѣ? Ахъ, нѣтъ, не думайте этого, пожалуйста! Дайте мнѣ душу отвести, прошу васъ, ну хоть во имя тѣхъ прежнихъ дней, если вы не хотите забыть ихъ. Сдѣлайте такъ, чтобы наша встрѣча не пропала даромъ, это было бы очень горько, она и безъ того не долго продолжится... Я не умѣю говорить какъ слѣдуетъ, но вы

поймете меня, потому что я требую малаго, очень малаго... только немножко участія, только чтобы не отталкивали меня, душу дали бы отвести...

Ирина умолкла, въ голосѣ ея звенѣли слезы. Она вздохнула, и робко, какимъ-то боковымъ, ищущимъ взоромъ посмотрѣла на Литвинова, протянула ему руку...

Литвиновъ медленно взялъ эту руку и слабо пожалъ ее.

— Будемте друзьями, шепнула Ирина.

— Друзьями, задумчиво повторилъ Литвиновъ.

— Да, друзьями... а если это слишкомъ большое требованіе, то будемте, по крайней мѣрѣ, хорошими знакомыми... Будемте запросто, какъ будто никогда ничего не случалось...

— Какъ будто ничего не случалось... повторилъ опять Литвиновъ.—Вы сейчасъ сказали мнѣ, Ирина Павловна, что я не хочу забыть прежнихъ дней... Ну, а если я не могу забыть ихъ?

Блаженная улыбка мелькнула на лицѣ Ирины, и тотчасъ же исчезла, смѣнившись заботливымъ, почти испуганнымъ выраженіемъ.

— Будьте какъ я, Григорій Михайлычъ, помните только хорошее; а главное, дайте мнѣ теперь слово... честное слово...

— Какое?

— Не избѣгать меня... не огорчать меня понапрасну... Вы обѣщаетесь? скажите!

— Да.

— И всякія дурныя мысли изъ головы выкините?

— Да... но понять васъ я все-таки отказываюсь.

— Это и не нужно... а впрочемъ погодите, вы меня поймете. Но вы обѣщаетесь?

— Я уже сказалъ: да.

— Ну спасибо. Смотрите же, я привыкла вамъ вѣрить. Я буду ждать васъ сегодня, завтра, я изъ дому не буду выходить. А теперь я должна васъ оставить. Герцогиня идетъ по аллеѣ... Она увидала меня, и я не могу не подойти къ ней... До свиданья... Дайте же мнѣ вашу руку, vite, vite. До свиданія.

И крѣпко стиснувши руку Литвинова, Ирина направилась къ особѣ среднихъ лѣтъ и сановитой наружности, тяжело выступавшей по песчаной дорожкѣ, въ сопровожденіи двухъ другихъ дамъ и ливрейнаго, чрезвычайно благообразнаго лакея.

— Eh bonjour, chère madame, проговорила особа, между тѣмъ какъ Ирина почтительно присѣдала передъ нею.— Comment allez-vous aujourd'hui? Venez un peu avec moi.

— Votre Altesse a trop de bonté, послышался вкрадчивый голосъ Ирины.

XIV.

Литвиновъ далъ удалиться герцогинѣ со всей ея свитой и тоже вышелъ на аллею. Онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ ощущалъ: и стыдно ему было, и даже страшно, и самолюбіе его было польщено... Нежданное объясненіе съ Ириной застигло его врасплохъ; ея горячія, быстрыя слова пронеслись надъ нимъ, какъ грозный ливень. „Чудачки эти свѣтскія женщины, думалъ онъ;—никакой въ нихъ нѣтъ послѣдовательности... и какъ извращаетъ ихъ среда, гдѣ онѣ живутъ, и безобразіе которой онѣ сами чувствуютъ!..“ Собственно онъ совсѣмъ не то думалъ, а только машинально повторялъ эти избитыя фразы, какъ бы желая тѣмъ самымъ отдѣлаться отъ другихъ, болѣе жуткихъ думъ. Онъ понималъ, что серьезно размышлять ему теперь не слѣдовало, что ему, вѣроятно, пришлось бы обвинить себя, и онъ шелъ замедленными шагами, чуть не усиленно обращая вниманіе на все, что̀ попадалось ему навстрѣчу... Онъ вдругъ очутился передъ скамейкой, увидалъ возлѣ нея чьи-то ноги, повелъ вверхъ по нимъ глазами... Ноги эти принадлежали человѣку, сидѣвшему на скамейкѣ и читавшему газету; человѣкъ этотъ оказался Потугинымъ. Литвиновъ издалъ легкое восклицаніе. Потугинъ положилъ газету на колѣни и внимательно, безъ улыбки посмотрѣлъ на Литвинова; и Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина, тоже внимательно и тоже безъ улыбки.

— Можно сѣсть возлѣ васъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Садитесь, сдѣлайте одолженіе. Только предувѣдомляю васъ: если вы хотите со мной разговоръ вести, не прогнѣвайтесь—я нахожусь теперь въ самомъ мизантропическомъ настроеніи, и всѣ предметы представляются мнѣ въ преувеличенно-скверномъ видѣ.

— Это ничего, Созонтъ Иванычъ, промолвилъ Литвиновъ, опускаясь на скамью:—это даже очень кстати... Но отчего на васъ нашелъ такой стихъ?

— По-настоящему мнѣ бы не слѣдовало злиться, началъ Потугинъ.—Я вотъ сейчасъ вычиталъ въ газетѣ проектъ о судебныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, и съ истиннымъ удовольствіемъ вижу, что и у насъ хватились наконецъ ума-разума, и не намѣрены болѣе, подъ предлогомъ самостоятельности тамъ, народности или оригинальности, къ чистой и ясной европейской логикѣ прицѣплять доморощенный хвостикъ; а напротивъ, берутъ хорошее чужое цѣликомъ. Довольно одной уступки въ крестьянскомъ дѣлѣ... Подите-ка, развяжитесь съ общимъ владѣніемъ!.. Точно, точно, мнѣ не слѣдовало бы злиться; да на мою бѣду наскочилъ я на русскій самородокъ, побесѣдовалъ съ нимъ, а эти самородки да самоучки меня въ самой могилѣ тревожить будутъ!

— Какой самородокъ? спросилъ Литвиновъ.

— Да тутъ такой господинъ бѣгаетъ, геніальнымъ музыкантомъ себя воображаетъ. „Я, говоритъ, конечно, ничего, я нуль, потому что я не учился, но у меня не въ примѣръ больше мелодій и больше идей, чѣмъ у Мейербеера“. Во-первыхъ, я скажу: зачѣмъ же ты не учился? а во-вторыхъ, не то что у Мейербеера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейтщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ двадцать разъ больше идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ; только флейтщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ; а нашъ братъ-самородокъ „трень-брень“ вальсикъ или романсикъ, и, смотришь—уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, молъ, геній. И въ живописи то же самое, и вездѣ. Ужъ эти мнѣ самородки! Да кто же

не знаетъ, что щеголяютъ ими только тамъ, гдѣ нѣтъ ни настоящей, въ кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящаго искусства. Неужели же не пора сдать въ архивъ это щеголянье, этотъ пошлый хламъ вмѣстѣ съ извѣстными фразами о томъ, что у насъ на Руси никто съ голоду не умираетъ, и ѣзда по дорогамъ самая скорая, и что мы шапками всѣхъ закидать можемъ? Лѣзутъ мнѣ въ глаза съ даровитостью русской натуры, съ геніальнымъ инстинктомъ, съ Кулибинымъ... Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье съ-просонья, а не то полузвѣриная смѣтка. Инстинктъ! Нашли чѣмъ хвастаться! Возьмите муравья въ лѣсу и отнесите его на версту отъ его кочки: онъ найдетъ дорогу къ себѣ домой; человѣкъ ничего подобнаго сдѣлать не можетъ; что жъ? развѣ онъ ниже муравья? Инстинктъ, будь онъ распрегеніальный, недостоинъ человѣка: разсудокъ, простой, здравый, дюжинный разсудокъ — вотъ наше прямое достояніе, наша гордость; разсудокъ никакихъ такихъ штукъ не выкидываетъ; оттого-то все на немъ и держится. А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерилъ какіе-то пребезобразные часы, такъ я бы эти самые часы на позорный столбъ выставить приказалъ; вотъ, молъ, смотрите, люди добрые, какъ не надо дѣлать. Кулибинъ самъ тутъ не виноватъ, да дѣло его дрянь. Хвалить Телушкина, что на адмиралтейскій шпиль лазилъ, за смѣлость и ловкость — можно; отчего не похвалить? Но не слѣдуетъ кричать, что, дескать, какой онъ носъ наклеилъ нѣмцамъ-архитекторамъ? и на что они? только деньги берутъ... Никакого онъ имъ носа не наклеивалъ: пришлось же потомъ лѣса вокругъ шпиля поставить, да починить его обыкновеннымъ порядкомъ. Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія! Нѣтъ; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись съ азбуки! Не то молчи, да сиди, поджавши хвостъ! Фу! даже жарко стало!

Потугинъ снялъ шляпу и помахалъ на себя платкомъ.

— Русское художество, заговорилъ онъ снова: — русское искусство!.. Русское пруженье я знаю, и русское безсиліе

знаю тоже, а съ русскимъ художествомъ, виноватъ, не встрѣчался. Двадцать лѣтъ сряду поклонялись этакой пухлой ничтожности, Брюллову, и вообразили, что и у насъ, молъ, завелась школа, и что она даже почище будетъ всѣхъ другихъ... Русское художество, ха-ха-ха! хо-хо!

— Но однако, позвольте, Созонтъ Иванычъ, замѣтилъ Литвиновъ.—Глинку вы, стало-быть, тоже не признаете?

Потугинъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Исключенія, вы знаете, только подтверждаютъ правило, но и въ этомъ случаѣ мы не могли обойтись безъ хвастовства! Сказать бы, напримѣръ, что Глинка былъ, дѣйствительно, замѣчательный музыкантъ, которому обстоятельства, внѣшнія и внутреннія, помѣшали сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ; но нѣтъ, какъ можно! Сейчасъ надо его произвести въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофъ-маршалы по части музыки, да другіе народы кстати оборвать: ничего, молъ, подобнаго у нихъ нѣту, и тутъ же указываютъ вамъ на какого-нибудь „мощнаго“ доморощеннаго генія, произведенія котораго не что иное, какъ жалкое подражаніе второстепеннымъ чужестраннымъ дѣятелямъ—именно второстепеннымъ: этимъ легче подражать. Ничего подобнаго? О, убогіе дурачки-варвары, для которыхъ не существуетъ преемственности искусства, и художники—нѣчто въ родѣ Раппо: чужакъ, молъ, шесть пудовъ одной рукой поднимаетъ, а нашъ — цѣлыхъ двѣнадцать! Ничего подобнаго!?? А у меня, осмѣлюсь доложить вамъ, изъ головы слѣдующее воспоминаніе не выходитъ. Посѣтилъ я нынѣшнею весной Хрустальный Дворецъ возлѣ Лондона; въ этомъ дворцѣ помѣщается, какъ вамъ извѣстно, нѣчто въ родѣ выставки всего, до чего достигла людская изобрѣтательность, — энциклопедія человѣчества, такъ сказать надо. Ну-съ, расхаживалъ я, расхаживалъ мимо всѣхъ этихъ машинъ и орудій, и статуй великихъ людей; и подумалъ я въ тѣ поры: если бы такой вышелъ приказъ, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ какого-либо народа съ лица земли, немедленно должно было бы исчезнуть изъ Хрустальнаго Дворца все то, что тотъ народъ выдумалъ, —

наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла въ таръ-тарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своемъ мѣстѣ, потому что даже самоваръ, и лапти, и дуга, и кнутъ—эти наши знаменитые продукты—не нами выдуманы. Подобнаго опыта даже съ Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошніе жители какія-то лодки да копья изобрѣли: посѣтители замѣтили бы ихъ отсутствіе. Это клевета! это слишкомъ рѣзко — скажете вы пожалуй... А я скажу: во-первыхъ, что я не умѣю порицать, воркуя; а во-вторыхъ, что, видно, не одному чорту, а и самому себѣ прямо въ глаза посмотрѣть никто не рѣшается, и не одни дѣти у насъ любятъ, чтобъ ихъ баюкали. Старыя наши выдумки къ намъ приползли съ Востока, новыя мы съ грѣхомъ пополамъ съ Запада перетащили, а мы все продолжаемъ толковать о русскомъ самостоятельномъ искусствѣ! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у насъ, молъ, дважды-два тоже четыре, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе.

— Но постойте, Созонтъ Иванычъ, воскликнулъ Литвиновъ.—Постойте! Вѣдь посылаемъ же мы что-нибудь на всемірныя выставки, и Европа чѣмъ-нибудь да запасается у насъ?

— Да, сырьемъ, сырыми продуктами. И замѣтьте, милостивый государь: это наше сырье большею частію только потому хорошо, что обусловлено другими прескверными обстоятельствами: щетина наша, напримѣръ, велика и жестка оттого, что свиньи плохи; кожа плотна и толста оттого, что коровы худы; сало жирно оттого, что вываривается пополамъ съ говядиной... Впрочемъ, что же я съ вами объ этомъ распространяюсь: вы вѣдь занимаетесь технологіей, лучше меня все это знать должны. Говорятъ мнѣ: изобрѣтательность! Россійская изобрѣтательность! Вотъ наши господа помѣщики и жалуются горько, и терпятъ убытки, оттого что не существуетъ удовлетворительной зерносушилки, которая избавила бы ихъ отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овины, какъ во времена Рюрика: овины эти страшно убыточны, не хуже лаптей или рогожъ,

и горятъ они безпрестанно. Помѣщики жалуются, а зерносушилокъ все нѣтъ какъ нѣтъ. А почему ихъ нѣтъ? Потому что нѣмцу не нужны; онъ хлѣбъ сырьемъ молотитъ, стало-быть и не хлопочетъ объ ихъ изобрѣтеніи, а мы... не въ состояніи! Не въ состояніи—и баста! Хоть ты что̀! Съ нынѣшняго дня обѣщаюсь, какъ только подвернется мнѣ самородокъ или самоучка—стой, скажу я ему, почтенный! а гдѣ зерносушилка? подавай ее! Да куда имъ! Вотъ поднять старый стоптанный башмакъ, давнымъ-давно свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фуріе, и почтительно возложивъ его на голову, носиться съ нимъ, какъ со святыней—это мы въ состояніи; или статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи—это тоже мы можемъ; а попробовалъ я какъ-то предложить одному такому сочинителю и политико-экономy, въ родѣ вашего господина Ворошилова, назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете ли, что̀ изъ этого вышло? Вышло то, что политико-экономъ, съ отчаянія, въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ, наконецъ, Монфермель, вспомнивъ, вѣроятно, польдекоковскій романъ. И пришелъ мнѣ тутъ на память слѣдующій анекдотъ. Пробирался я однажды съ ружьемъ и собакой по лѣсу...

— А вы охотникъ? спросилъ Литвиновъ.

— Пострѣливаю помаленьку. Пробирался я въ болото за бекасами; натолковали мнѣ про это болото другіе охотники. Гляжу, сидитъ на полянѣ передъ избушкой купеческій приказчикъ, свѣжій и ядреный какъ лущеный орѣхъ, сидитъ, ухмыляется, чему—неизвѣстно. И спросилъ я его: „Гдѣ, молъ, тутъ болото, и водятся ли въ немъ бекасы?“— „Пожалуйте, пожалуйте“, запѣлъ онъ немедленно, и съ такимъ выраженіемъ, словно я его рублемъ подарилъ, „съ нашимъ удовольствіемъ-съ, болото первый сортъ; а что̀ касательно до всякой дико̀й птицы — и Боже ты мой! — въ отличномъ изобиліи имѣется“. Я отправился, но не только никакой дико̀й птицы не нашелъ, самое болото давно высохло. Ну скажите мнѣ на милость, зачѣмъ вретъ русскій человѣкъ? Политико-экономъ зачѣмъ вретъ, и тоже о дико̀й птицѣ?

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ сочувственно.

— А заведите рѣчь съ тѣмъ же политико-экономомъ, продолжалъ Потугинъ: — о самыхъ трудныхъ задачахъ общественной науки, но только вообще, безъ фактовъ... фрррр! такъ птицей и взовьется, орломъ. Мнѣ разъ, однако, удалось поймать такую птицу: приманку я употребилъ, какъ вы изволите увидѣть, хорошую, видную. Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ „вьюношей“ о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, началъ я—съ „вьюношами“ надо всегда говорить почтительно—я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками—и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ... а вы вѣдь человѣка причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ? — Конечно, причисляю, подхватилъ „вьюноша“: человѣкъ вообще не что иное, какъ животное плотоядное.—И хищное, прибавилъ я. — И хищное, подтвердилъ онъ.—Прекрасно сказано, подтвердилъ я. Такъ вотъ, я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачіи? Вьюноша дрогнулъ.—Какъ такъ?—Да такъ же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь.—Задумался мой вьюноша.—Ну, говоритъ, въ этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ.—Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ огорчился же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ его товарищамъ. Заслужить названіе идеалиста — легко ли! Въ томъ-то и штука, что нынѣшняя молодежь ошиблась въ расчетѣ. Она вообразила, что время

прежней, темной, подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ-отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ, мы будемъ дѣйствовать... Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; а вамъ не угодно ли въ норку, въ норку опять по слѣдамъ старичковъ?

Наступило небольшое молчаніе.

— Я, сударь мой, такого мнѣнія, началъ опять Потугинъ:—что мы не однимъ только знаніемъ, искусствомъ, правомъ, обязаны цивилизаціи, но что самое даже чувство красоты и поэзіи развивается и входитъ въ силу подъ вліяніемъ той же цивилизаціи, и что такъ называемое народное, наивное, безсознательное творчество есть нелѣпость и чепуха. Въ самомъ Гомерѣ уже замѣтны слѣды цивилизаціи утонченной и богатой; самая любовь облагораживается ею. Славянофилы охотно повѣсили бы меня за подобную ересь, еслибъ они не были такими сердобольными существами; но я все-таки настаиваю на своемъ—и сколько бы меня ни потчивали г-жей Кохановской и *Роемъ на спокоѣ*, я этого triple extrait de mougik russe нюхать не стану, ибо не принадлежу къ высшему обществу, которому отъ времени до времени необходимо нужно увѣрить себя, что оно не совсѣмъ офранцузилось, и для котораго собственно и сочиняется эта литература en cuir de Russie. Попытайтесь прочесть простолюдину—настоящему—самыя хлесткія, самыя „народныя“ мѣста изъ *Роя*: онъ подумаетъ, что вы ему сообщаете новый заговоръ отъ лихоманки или запоя. Повторяю, безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи. Хотите ли уяснить себѣ поэтическій идеалъ нецивилизованнаго русскаго человѣка? Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о томъ, что любовь въ нихъ постоянно является какъ слѣдствіе колдовства, приворота, производится питіемъ „забыдущимъ“ и называется даже присухой, зазнобой; не говорю также о томъ, что наша такъ-называемая эпическая литература одна, между всѣми другими, европейскими и азіятскими, одна, замѣтьте, не представила—коли Ваньку-Таньку не считать—никакой типической пары любящихся существъ; что святорусскій богатырь свое знакомство съ

суженой-ряженой всегда начинаетъ съ того, что бьетъ ее по бѣлому тѣлу „нежалухою“—отчего „и женской полъ пухóлъ живетъ“;—обо всемъ этомъ я говорить не стану; но позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на изящный образъ юноши, жёнь-премьѐ, какимъ онъ рисовался воображенію первобытнаго, нецивилизованнаго славянина. Вотъ, извольте посмотрѣть, идетъ жёнь-премьѐ; шубоньку сшилъ онъ себѣ кунью, по всѣмъ швамъ строченую, поясокъ семишелковый подъ самыя мышки подведенъ, персты закрыты рукавчиками, воротъ въ шубѣ сдѣланъ выше головы, спереди-то не видать лица румянаго, сзади-то не видать шеи бѣленькой, шапочка сидитъ на одномъ ухѣ, а на ногахъ сапоги сафьянные, носы шиломъ, пяты востры—вокругъ носика-то носа яйцо кати; подъ пяту-пяту воробей лети-перепурхивай.—И идетъ молодецъ частой мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой“ походкой, которою нашъ Алкивіадъ, Чурило Пленковичъ, производилъ такое изумительное, почти медицинское дѣйствіе въ старыхъ бабахъ и молодыхъ дѣвкахъ, той самой походкой, которою до нынѣшняго дня такъ неподражаемо сѣменятъ наши по всѣмъ суставчикамъ развинченные половые, эти сливки, этотъ цвѣтъ русскаго щегольства, это nec plus ultra русскаго вкуса. Я это не шутя говорю: мѣшковатое ухарство, вотъ нашъ художественный идеалъ. Чтó, хорошъ образъ? Много въ немъ матеріаловъ для живописи, для ваянія? А красавица, которая плѣняетъ ючошу, и у которой „кровь въ лицѣ быдто у заицы?.....“ Но вы, кажется, не слушаете меня?

Литвиновъ встрепенулся. Онъ, дѣйствительно, не слышалъ, что говорилъ ему Потугинъ: онъ думалъ, неотступно думалъ объ Иринѣ, о послѣднемъ свиданіи съ нею...

— Извините меня, Созонтъ Иванычъ, началъ онъ:—но я опять къ вамъ съ прежнимъ вопросомъ насчетъ... насчетъ госпожи Ратмировой.

Потугинъ сложилъ газету и засунулъ ее въ карманъ.

— Вамъ опять хочется узнать, какъ я съ ней познакомился?

— Нѣтъ, не то; я бы желалъ услыхать ваше мнѣніе...

о той роли, которую она играла въ Петербургѣ. Въ сущности, какая это была роль?

— А я, право, не знаю, что́ сказать вамъ, Григорій Михайлычъ. Я сошелся съ госпожею Ратмировой довольно близко... но совершенно случайно и не надолго. Я въ ея міръ не заглядывалъ и что́ тамъ происходило—осталось для меня неизвѣстнымъ. Болтали при мнѣ кое-что, да вы знаете, сплетня царитъ у насъ не въ однихъ демократическихъ кружкахъ. Впрочемъ, я и не любопытствовалъ. Однако, я вижу, прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—она васъ занимаетъ.

— Да; мы побесѣдовали раза два довольно откровенно. Я все-таки себя спрашиваю: искренна ли она?

Потугинъ потупился.—Когда увлекается—искренна, какъ всѣ страстныя женщины. Гордость также иногда мѣшаетъ ей лгать.

— А она горда? Я скорѣй полагаю—капризна.

— Горда какъ бѣсъ; да это ничего.

— Мнѣ кажется, она иногда преувеличиваетъ...

— И это ничего; все-таки она искренна. Ну, а вообще говоря, у кого захотѣли вы правды? Лучшія изъ этихъ барынь испорчены до мозга костей.

— Но, Созонтъ Иванычъ, вспомните, не сами ли вы назвали себя ея пріятелемъ? Не сами ли вы почти насильно повели меня къ ней?

— Что жъ такое? Она просила меня васъ доставить; я и подумалъ: отчего же нѣтъ? А я дѣйствительно ея пріятель. Она не безъ хорошихъ качествъ: очень добра, то-есть щедра, то-есть даетъ другимъ, что̀ ей не совсѣмъ нужно. Впрочемъ, вѣдь вы сами должны знать ее не хуже меня.

— Я знавалъ Ирину Павловну десять лѣтъ тому назадъ; а съ тѣхъ поръ...

— Эхъ, Григорій Михайлычъ, что̀ вы говорите! Характеръ людской развѣ мѣняется? Какимъ въ колыбельку, такимъ и въ могилку. Или, можетъ-быть...—Тутъ Потугинъ нагнулся еще ниже:—можетъ-быть, вы ей въ руки попасть боитесь? Оно точно... Да вѣдь чьихъ-нибудь рукъ не миновать.

Литвиновъ насильственно засмѣялся.—Вы полагаете?

— Не миновать. Человѣкъ слабъ, женщина сильна, случай всесиленъ, примириться съ безцвѣтною жизнію трудно, вполнѣ себя позабыть невозможно... а тутъ красота и участіе, тутъ теплота и свѣтъ,—гдѣ же противиться? И побѣжишь, какъ ребенокъ къ нянькѣ. Ну, а потомъ, конечно, холодъ и мракъ, и пустота... какъ слѣдуетъ. И кончится тѣмъ, что ото всего отвыкнешь, все перестанешь понимать. Сперва не будешь понимать, какъ можно любить; а потомъ не будешь понимать, какъ жить можно.

Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина, и ему показалось, что онъ никогда еще не встрѣчалъ человѣка болѣе одинокаго, болѣе заброшеннаго... болѣе несчастнаго. Онъ не робѣлъ на этотъ разъ, не чинился; весь понурый и блѣдный, съ головою на груди и руками на колѣняхъ, онъ сидѣлъ неподвижно и только усмѣхался унылой усмѣшкой. Жалко стало Литвинову этого бѣднаго, желчнаго чудака.

— Мнѣ Ирина Павловна между прочимъ упомянула, началъ онъ вполголоса:—объ одной своей хорошей знакомой, которую звали, помнится, Бѣльской или Дольской...

Потугинъ вскинулъ на Литвинова свои печальные глазки.

— А! промолвилъ онъ глухо...—Она упомянула... ну, и что̀ жъ? Впрочемъ, прибавилъ онъ, какъ-то неестественно зѣвнувъ: мнѣ домой пора—обѣдать. Прощенія просимъ.

Онъ вскочилъ со скамейки и проворно удалился, прежде чѣмъ Литвиновъ успѣлъ промолвить слово... Досада смѣнила въ немъ жалость, досада, разумѣется, на самого себя. Всякаго рода нескромность была ему несвойственна, онъ хотѣлъ выразить свое участіе Потугину, а вышло нѣчто подобное неловкому намеку. Съ тайнымъ неудовольствіемъ на сердцѣ вернулся онъ въ свою гостиницу.

„Испорчена до мозга костей“, думалъ онъ нѣсколько времени спустя... „но горда какъ бѣсъ! Она, эта женщина, которая чуть не на колѣни становится передо мною, горда? горда, а не капризна?“

Литвиновъ попытался изгнать изъ головы образъ Ирины; но это ему не удалось. Онъ именно потому и не вспоминалъ о своей невѣстѣ; онъ чувствовалъ: сегодня тотъ

образъ своего мѣста не уступитъ. Онъ положилъ, не тревожась болѣе, ждать разгадки всей этой „странной исторіи“; разгадка эта не могла замедлиться, и Литвиновъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что она будетъ самая безобидная и естественная. Такъ думалъ онъ, а между тѣмъ не одинъ образъ Ирины не покидалъ его—всѣ слова ея поочередно приходили ему на память.

Кельнеръ принесъ ему записку: она была отъ той же Ирины.

„Если вамъ нечего дѣлать сегодня вечеромъ, приходите: я не буду одна; у меня гости—и вы еще ближе увидите нашихъ, наше общество. Мнѣ очень хочется, чтобы вы ихъ увидали: мнѣ сдается, что они покажутъ себя въ полномъ блескѣ. Надобно жъ вамъ знать, какимъ я воздухомъ дышу. Приходите; я буду рада васъ видѣть, да и вы не соскучаетесь (Ирина хотѣла сказать: соскучитесь). Докажите мнѣ, что наше сегодняшнее объясненіе навсегда сдѣлало невозможнымъ всякое недоразумѣніе между нами. Преданная вамъ И.“.

Литвиновъ надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и отправился къ Иринѣ. „Все это не важно, мысленно повторялъ онъ дорогой,—а посмотрѣть на *нихъ*... отчего не посмотрѣть? Это любопытно“. Нѣсколько дней тому назадъ эти самые люди возбуждали въ немъ другое чувство: они возбуждали въ немъ негодованье.

Онъ шелъ учащенными шагами, съ нахлобученною на глаза шляпой, съ напряженною улыбкой на губахъ, а Бамбаевъ, сидя передъ кофейной Вебера и издали указывая на него Ворошилову и Пищалкину, восторженно воскликнулъ: „Видите вы этого человѣка? Это камень! Это скала!! это гранитъ!!!“

XV.

Литвиновъ засталъ у Ирины довольно много гостей. Въ углу, за карточнымъ столомъ, сидѣло трое изъ генераловъ пикника: тучный, раздражительный и снисходительный. Они играли въ вистъ съ болваномъ, и нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить важность, съ которою

они сдавали, брали взятки, ходили съ трефъ, ходили съ бубенъ... ужъ точно государственные люди! Предоставивъ разночинцамъ, aux bourgeois, обычныя во время игры присказки и прибаутки, господа генералы произносили лишь самыя необходимыя слова; тучный генералъ позволилъ себѣ, однако, между двумя сдачами энергически отчеканить: „Ce satané as de pique!“ Въ числѣ посѣтительницъ Литвиновъ узналъ дамъ, участницъ пикника; но были также и другія, которыхъ онъ еще не видалъ. Была одна до того старая, что казалось, вотъ-вотъ сейчасъ разрушится: она поводила обнаженными, страшными, темно-сѣрыми плечами—и прикрывъ ротъ вѣеромъ, томно косилась на Ратмирова уже совсѣмъ мертвыми глазами; онъ за ней ухаживалъ: ее очень уважали въ высшемъ свѣтѣ, какъ послѣднюю фрейлину императрицы Екатерины. У окна, одѣтая пастушкой, сидѣла графиня Ш., „царица осъ“, окруженная молодыми людьми; въ числѣ ихъ отличался своей надменной осанкой, совершенно плоскимъ черепомъ и бездушно-звѣрскимъ выраженіемъ лица, достойнымъ бухарскаго хана или римскаго Геліогабала, знаменитый богачъ и красавецъ Финиковъ; другая дама, тоже графиня, извѣстная подъ короткимъ именемъ Lise, разговаривала съ длинноволосымъ, бѣлокурымъ и блѣднымъ „спиритомъ“; рядомъ стоялъ господинъ, тоже блѣдный и длинноволосый, и значительно посмѣивался: господинъ этотъ также вѣрилъ въ спиритизмъ, но сверхъ того занимался пророчествомъ, и на основаніи Апокалипсиса и Талмуда, предсказывалъ всякія удивительныя событія; ни одно изъ этихъ событій не совершалось,—а онъ не смущался, а продолжалъ пророчествовать. За фортепіанами помѣстился тотъ самый самородокъ, который возбудилъ такое негодованіе въ Потугинѣ; онъ бралъ аккорды разсѣянною рукой, d'une main distraite, и небрежно посматривалъ кругомъ. Ирина сидѣла на диванѣ между княземъ Кокò и г-жею Х., извѣстною нѣкогда красавицей и всероссійской умницей, давнымъ-давно превратившеюся въ дряпной сморчокъ, отъ котораго отдавало постнымъ масломъ и выдохшимся ядомъ. Увидѣвъ Литвинова, Ирина покраснѣла, встала, и когда

онъ подошелъ къ ней, крѣпко пожала ему руку. На ней было черное креповое платье съ едва замѣтными золотыми украшеніями; ея плечи бѣлѣли матовою бѣлизной, а лицо, тоже блѣдное подъ мгновенною алою волной по немъ разлитою, дышало торжествомъ красоты, и не одной только красоты: затаенная, почти насмѣшливая радость свѣтилась въ полузакрытыхъ глазахъ, трепетала около губъ и ноздрей...

Ратмировъ приблизился къ Литвинову и, помѣнявшись съ нимъ обычными привѣтствіями, не сопровожденными однако обычною игривостью, представилъ его двумъ-тремъ дамамъ: старой развалинѣ, царицѣ осъ, графинѣ Лизѣ... Онѣ приняли его довольно благосклонно. Литвиновъ не принадлежалъ къ ихъ кружку... но онъ былъ собой не дуренъ, даже очень, и выразительныя черты его молодого лица возбудили ихъ вниманіе. Только онъ не сумѣлъ упрочить за собою это вниманіе; онъ отвыкъ отъ общества и чувствовалъ нѣкоторое смущеніе, а тутъ еще тучный генералъ на него уставился. „Ага! рябчикъ! вольнодумецъ!“ казалось, говорилъ этотъ неподвижный, тяжелый взглядъ: „приползъ-таки къ намъ; ручку, молъ, пожалуйте“. Ирина пришла на помощь Литвинову. Она такъ ловко распорядилась, что онъ очутился въ уголку возлѣ двери, немного позади ея. Заговаривая съ нимъ, ей всякій разъ приходилось къ нему оборачиваться, и онъ всякій разъ любовался красивымъ изгибомъ ея блестящей шеи, онъ впивалъ тонкій запахъ ея волосъ. Выраженіе благодарности, глубокой и тихой, не сходило съ ея лица: онъ не могъ не сознаться, что именно благодарность выражали эти улыбки, эти взоры, и самъ онъ весь закипалъ тѣмъ же чувствомъ, и совѣстно становилось ему, и сладко, и жутко... и въ то же время она постоянно какъ будто хотѣла сказать: „ну что? каковы?“ Особенно ясно слышался Литвинову этотъ безмолвный вопросъ, какъ только кто-нибудь изъ присутствовавшихъ произносилъ или совершалъ пошлость, а это случилось не однажды во время вечера. Разъ даже она не выдержала и громко засмѣялась.

Графиня Лиза, дама весьма суевѣрная и склонная ко

всему чрезвычайному, натолковавшись досыта съ бѣлокурымъ спиритомъ объ Юмѣ, вертящихся столахъ, самоиграющихъ гармоникахъ и т. п., кончила тѣмъ, что спросила его, существуютъ ли такія животныя, на которыхъ дѣйствуетъ магнетизмъ.

— Одно такое животное во всякомъ случаѣ существуетъ, отозвался издали князь Кокò.—Вы вѣдь знаете Мильвановскаго? Его при мнѣ усыпили, и онъ храпѣлъ даже, ей, ей!

— Вы очень злы, mon prince; я говорю о настоящихъ животныхъ, je parle des bêtes.

— Mais moi aussi, madame, je parle d'une bête...

— Есть и настоящія, вмѣшался спиритъ;—напримѣръ—раки; они очень нервозны и легко впадаютъ въ каталепсію.

Графиня изумилась.— Какъ? Раки! Неужели? Ахъ, это чрезвычайно любопытно! Вотъ это я бы посмотрѣла! Мсьё Лужинъ, прибавила она, обратившись къ молодому человѣку съ каменнымъ, какъ у новыхъ куколъ, лицомъ и каменными воротничками (онъ славился тѣмъ, что оросилъ это самое лицо и эти самые воротнички брызгами Ніагары и Нубійскаго Нила, впрочемъ ничего не помнилъ изо всѣхъ своихъ путешествій и любилъ одни русскіе каламбуры...). Мсьё Лужинъ, будьте такъ любезны, достаньте намъ рака.

Мсьё Лужинъ осклабился.—Живого-съ или только живо? спросилъ онъ.

Графиня не поняла его.—Mais oui, рака, повторила она, une écrevisse.

— Какъ, что̀ такое? рака? рака? строго вмѣшалась графиня Ш. Отсутствіе мсьё Вердіе ее раздражало: она понять не могла, зачѣмъ Ирина не пригласила этого прелестнѣйшаго изъ французовъ. Развалина, уже давно ничего не понимавшая—притомъ и глухота ее одолѣвала,—только помотала головою.

— Oui, oui, vous allez voir. Мсьё Лужинъ, пожалуйста...

Молодой путешественникъ поклонился, вышелъ и возвратился вскорѣ. Кельнеръ выступалъ за нимъ и, улыбаясь во весь ротъ, несъ блюдо, на которомъ виднѣлся большой черный ракъ.

— Voici, madame, воскликнулъ Лужинъ;—теперь можно приступить къ операціи рака. Ха, ха, ха! (Русскіе люди всегда первые смѣются собственнымъ остротамъ.)

— Хе, хе, хе! снисходительно, въ качествѣ патріота и покровителя всякихъ отечественныхъ продуктовъ, отозвался князь Кокò.

(Просимъ читателя не удивляться и не негодовать: кто можетъ отвѣчать за себя, что, сидя въ партерѣ Александринскаго театра и охваченный его атмосферой, не хлопалъ еще худшему каламбуру?)

— Merci, merci, промолвила графиня. — Allons, allons, monsieur Fox, montrez nous ça.

Кельнеръ поставилъ блюдо на круглый столикъ. Произошло небольшое движеніе между гостями; нѣсколько головъ вытянулось; одни генералы за карточнымъ столомъ сохранили невозмутимую торжественность позы. Спиритъ взъерошилъ свои волосы, нахмурился, и приблизившись къ столику, началъ поводить руками по воздуху: ракъ топорщился, пятился и приподнималъ клешни. Спиритъ повторилъ и участилъ свои движенія: ракъ попрежнему топорщился.

— Mais que doit elle donc faire? спросила графиня.

— Elle doâ rester immobile et se dresser sur sa quiou, отвѣчалъ съ сильнымъ американскимъ акцентомъ г. Фоксъ, судорожно потрясая пальцами надъ блюдомъ; но магнетизмъ не дѣйствовалъ, ракъ продолжалъ шевелиться. Спиритъ объявилъ, что онъ не въ ударѣ, и съ недовольнымъ видомъ отошелъ отъ столика. Графиня принялась утѣшать его, увѣряя, что даже съ мсьё Юмомъ случались иногда подобныя неудачи... Князь Кокó подтвердилъ ея слова. Знатокъ Апокалипсиса и Талмуда подошелъ украдкой къ столику и быстро, но сильно тыкая пальцами въ направленіи рака, также попыталъ свое счастье, но безуспѣшно: признаковъ каталепсіи не оказалось. Тогда призвали кельнера и велѣли ему унести рака, чтò онъ и исполнилъ съ прежнею улыбкой во весь ротъ; слышно было, какъ онъ фыркнулъ за дверями... Въ кухнѣ потомъ много смѣялись über diese Russen. Самородокъ, который

продолжалъ брать аккорды во время опытовъ надъ ракомъ, придерживаясь минорныхъ тоновъ, потому нельзя вѣдь знать, какъ что̀ дѣйствуетъ — самородокъ сыгралъ свой неизмѣнный вальсъ, и, разумѣется, удостоился самаго лестнаго одобренія. Увлеченный соревнованіемъ, графъ X., нашъ несравненный дилетантъ (смотри главу I) „сказалъ" шансонетку своего изобрѣтенія, цѣликомъ выкраденную у Оффенбаха. Ея игривый припѣвъ на слова: „Quel oeuf? quel boeuf?" заставилъ закачаться вправо и влѣво почти всѣ дамскія головы; одна даже застонала слегка, и неотразимое, неизбѣжное слово: „Charmant! charmant!" промчалось по всѣмъ устамъ. Ирина переглянулась съ Литвиновымъ, и опять затрепетало около ея губъ то затаенное, насмѣшливое выраженіе... Но еще сильнѣе заиграло оно нѣсколько спустя, оно приняло даже злорадный оттѣнокъ, когда князь Кокò, этотъ представитель и защитникъ дворянскихъ интересовъ, вздумалъ излагать свои воззрѣнія передъ тѣмъ же самымъ спиритомъ и, разумѣется, немедленно пустилъ въ ходъ свою знаменитую фразу о потрясеніи собственности въ Россіи, при чемъ, конечно, досталось и демократамъ. Американская кровь заговорила въ спиритѣ: онъ началъ спорить. Князь, какъ водится, тотчасъ принялся кричать во всю голову, вмѣсто всякихъ доводовъ безпрестанно повторяя: c'est absurde! cela n'a pas le sens commun! Богачъ Финиковъ принялся говорить дерзости, не разбирая къ кому онѣ относились; талмудистъ запищалъ, сама графиня III. задребезжала... Словомъ, поднялся почти такой же несуразный гвалтъ, какъ у Губарева; только развѣ вотъ, что пива не было да табачнаго дыма, и одежда на всѣхъ была получше. Ратмировъ попытался возстановить тишину (генералы изъявляли неудовольствіе, послышалось восклицаніе Бориса: Encore cette satanée politique!), но попытка не удалась, и тутъ же находившійся сановникъ изъ числа мягко-пронзительныхъ, взявшись представитъ le résumé de la question en peu de mots, потерпѣлъ пораженіе; правда, онъ такъ мямлилъ и повторялся, такъ очевидно не умѣлъ ни выслушивать, ни понимать возраженія, и такъ несомнѣнно самъ не вѣдалъ,

въ чемъ собственно состояла la question, что другого исхода ожидать было невозможно; а тутъ еще Ирина исподтишка подзадоривала и натравливала другъ на друга спорившихъ, то и дѣло оглядываясь на Литвинова и слегка кивая ему... А онъ сидѣлъ, какъ очарованный, ничего не слышалъ и только ждалъ, когда сверкнутъ опять передъ нимъ эти великолѣпные глаза, когда мелькнетъ это блѣдное, нѣжное, злое, прелестное лицо... Кончилось тѣмъ, что дамы взбунтовались и потребовали прекращенія спора... Ратмировъ упросилъ дилетанта повторить свою шансонетку, и самородокъ снова сыгралъ свой вальсъ...

Литвиновъ остался за полночь и ушелъ позднѣе всѣхъ. Разговоръ въ теченіе вечера коснулся множества предметовъ, тщательно избѣгая все мало-мальски интересное; генералы, окончивъ свою величественную игру, величественно къ нему присоединились: вліяніе этихъ государственныхъ людей оказалось тотчасъ. Рѣчь зашла о парижскихъ полусвѣтскихъ знаменитостяхъ, имена и таланты которыхъ оказались всѣмъ коротко извѣстными, о послѣдней пьесѣ Сарду, о романѣ Абу, о Патти въ *Травіатѣ*. Кто-то предложилъ играть въ „секретари", au secretaire; но это не удалось. Отвѣты выдавались плоскіе и не безъ грамматическихъ ошибокъ; тучный генералъ разсказалъ, что онъ однажды на вопросъ: qu'est ce que l'amour? отвѣчалъ: une colique remontée au coeur, и немедленно захохоталъ своимъ деревяннымъ хохотомъ; развалина съ размаха ударила его вѣеромъ по рукѣ; кусокъ бѣлилъ свалился съ ея лба отъ этого рѣзкаго движенія. Высохшій сморчокъ упомянулъ-было о славянскихъ княжествахъ и о необходимости православной пропаганды за Дунаемъ, но не найдя отголоска, зашипѣлъ и стушевался. Въ сущности больше всего толковали объ Юмѣ; даже „царица осъ" разсказала, какъ по ней ползали руки, и какъ она ихъ видѣла и надѣла на одну изъ нихъ свое собственное кольцо. Иринѣ точно пришлось торжествовать: еслибъ Литвиновъ обращалъ даже больше вниманія на то, что̀ говорилось вокругъ него, онъ все-таки не вынесъ бы ни одного искренняго слова, ни одной дѣльной мысли, ни

одного новаго факта изо всей этой безсвязной и безжизненной болтовни. Въ самыхъ крикахъ и возгласахъ не слышалось увлеченія; въ самомъ порицаніи не чувствовалось страсти: лишь изрѣдка изъ-подъ личины мнимо-гражданскаго негодованія, мнимо-презрительнаго равнодушія, плаксивымъ пискомъ пищала боязнь возможныхъ убытковъ, да нѣсколько именъ, которыхъ потомство не забудетъ, произносилось со скрипѣніемъ зубовъ... И хоть бы капля живой струи подо всѣмъ этимъ хламомъ и соромъ! Какое старье, какой ненужный вздоръ, какіе плохіе пустячки занимали всѣ эти головы, эти души, и не въ одинъ только этотъ вечеръ занимали ихъ они, не только въ свѣтѣ, — но и дома, во всѣ часы и дни, во всю ширину и глубину ихъ существованія! И какое невѣжество въ концѣ концовъ! Какое непониманіе всего, на чемъ зиждется, чѣмъ украшается человѣческая жизнь!

Прощаясь съ Литвиновымъ, Ирина снова стиснула ему руку и знаменательно шепнула: „Ну что? Довольны вы? Насмотрѣлись? Хорошо?“ Онъ ничего не отвѣчалъ ей и только поклонился тихо и низко.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Ирина хотѣла-было уйти къ себѣ въ спальню... Онъ остановилъ ее.

— Je vous ai beaucoup admirée ce soir, madame, промолвилъ онъ, закуривая папироску и опираясь на каминъ:— vous vous êtes parfaitement moquée de nous tous.

— Pas plus cette fois-ci que les autres, равнодушно отвѣчала она.

— Какъ прикажете понять васъ? спросилъ Ратмировъ.

— Какъ хотите.

— Гмъ. C'est clair.—Ратмировъ осторожно, по-кошачьи, стряхнулъ пепелъ папироски концомъ длиннаго ногтя на мизинцѣ. — Да, кстати! Этотъ новый вашъ знакомецъ — какъ бишь его?.. господинъ Литвиновъ — должно-быть пользуется репутаціей очень умнаго человѣка.

При имени Литвинова Ирина быстро обернулась.

— Что вы хотите сказать?

Генералъ усмѣхнулся.

— Онъ все молчитъ... видно, боится скомпрометироваться.

Ирина тоже усмѣхнулась, только вовсе не такъ, какъ ея мужъ.

— Лучше молчать, чѣмъ говорить... какъ говорятъ иные.

— Attrapé! промолвилъ Ратмировъ съ притворнымъ смиреніемъ. — Шутки въ сторону: у него очень интересное лицо. Такое... сосредоточенное выраженіе... и вообще осанка... Да.—Генералъ поправилъ галстукъ, и посмотрѣлъ, закинувъ голову, на собственные усы.—Онъ, я полагаю, республиканецъ, въ родѣ другого вашего пріятеля, господина Потугина; вотъ тоже умникъ изъ числа безмолвныхъ.

Брови Ирины медленно приподнялись надъ расширенными, свѣтлыми глазами, а губы сжались и чуть-чуть скривились.— Къ чему вы это говорите, Валерьянъ Владимірычъ? какъ бы съ участіемъ замѣтила она.—Только заряды на воздухъ тратите... Мы не въ Россіи, и никто васъ не слышитъ.

Ратмирова передернуло.

— Это не мое только мнѣніе, Ирина Павловна, заговорилъ онъ какимъ-то внезапно-гортаннымъ голосомъ:—другіе также находятъ, что этотъ баринъ смотритъ карбонаріемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же эти другіе?

— Да Борисъ, напримѣръ...

— Какъ? И этому нужно было выразить свое мнѣніе?

Ирина передвинула плечами, какъ бы пожимаясь отъ холода, и тихонько провела по нимъ концами пальцевъ.

— Этому... да, этому... этому. Позвольте доложить вамъ, Ирина Павловна, вы словно сердитесь; а вы сами знаете, кто сердится...

— Я сержусь? Съ какой стати?

— Не знаю; можетъ-быть, на васъ непріятно подѣйствовало замѣчаніе, которое я позволилъ себѣ насчетъ...

Ратмировъ замялся.

— Насчетъ? вопросительно повторила Ирина. — Ахъ, пожалуйста, безъ ироніи и поскорѣе. Я устала, спать хочу.—Она взяла свѣчку со стола.—Насчетъ?..

— Да насчетъ все того же господина Литвинова. Такъ какъ теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ очень васъ занимаетъ...

Ирина подняла руку, въ которой держала подсвѣчникъ,— пламя пришлось въ уровень съ лицомъ ея мужа,—и внимательно, почти съ любопытствомъ посмотрѣвъ ему въ глаза, внезапно захохотала.

— Что̀ съ вами? спросилъ, нахмурившись, Ратмировъ.

Ирина продолжала хохотать.

— Да что̀ такое? повторилъ онъ, и топнулъ ногой.

Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, уязвленнымъ, и въ то же время красота этой женщины, такъ легко и смѣло стоявшей передъ нимъ, его невольно поражала... она терзала его. Онъ видѣлъ все, всѣ ея прелести, даже розовый блескъ изящныхъ ногтей на тонкихъ пальцахъ, крѣпко охватившихъ темную бронзу тяжелаго подсвѣчника—даже этотъ блескъ не ускользнулъ отъ него... и обида еще глубже въѣдалась въ его сердце. А Ирина все хохотала.

— Какъ? вы? вы ревнуете? промолвила она, наконецъ, и обернувшись спиной къ мужу, вышла вонъ изъ комнаты.—„Онъ ревнуетъ!“ послышалось за дверями, и снова раздался ея хохотъ.

Ратмировъ сумрачно посмотрѣлъ вслѣдъ своей женѣ,— онъ и тутъ не могъ не замѣтить обаятельной стройности ея стана, ея движеній,—и сильнымъ ударомъ разбивъ папироску о мраморную плиту камина, швырнулъ ее далеко прочь. Щеки его внезапно поблѣднѣли, судорога пробѣжала по подбородку и глаза тупо и звѣрски забродили по полу, словно отыскивая что-то... Всякое подобіе изящества исчезло съ его лица. Подобное выраженіе должно было принять оно, когда онъ засѣкалъ бѣлорусскихъ мужиковъ.

А Литвиновъ пришелъ къ себѣ въ комнату и, присѣвъ на стулъ передъ столомъ, взялъ голову въ обѣ руки и долго оставался неподвижнымъ. Онъ поднялся, наконецъ, раскрылъ ящикъ и, доставъ портфель, вынулъ изъ внутренняго кармана карточку Татьяны. Печально глянуло на него ея лицо, искаженное и, какъ водится, состарѣнное фотографіей. Невѣста Литвинова была дѣвушка великороссійской крови, русая, нѣсколько полная и съ чертами лица немного тяжелыми, но съ удивительнымъ выраженіемъ доброты и кротости въ умныхъ, свѣтло-карихъ глазахъ,

съ нѣжнымъ бѣлымъ лбомъ, на которомъ, казалось, постоянно лежалъ лучъ солнца. Литвиновъ долго не сводилъ глазъ съ карточки, потомъ тихонько ее отодвинулъ и снова схватился обѣими руками за голову. „Все кончено!“ прошепталъ онъ, наконецъ.—„Ирина! Ирина!“

Онъ только теперь, только въ это мгновеніе понялъ, что безвозвратно и безумно влюбился въ нее, влюбился, съ самаго дня первой встрѣчи съ нею въ Старомъ-Зàмкѣ, что никогда не переставалъ ее любить. А между тѣмъ, какъ бы онъ удивился, какъ бы онъ не повѣрилъ, разсмѣялся бы, пожалуй, если-бъ это ему сказали нѣсколько часовъ тому назадъ?

— Но Таня, Таня, Боже мой! Таня! Таня! повторялъ онъ съ сокрушеніемъ; а образъ Ирины такъ и воздвигался передъ нимъ въ своей черной, какъ бы траурной одеждѣ, съ лучезарною тишиной побѣды на бѣло-мраморномъ лицѣ.

XVI.

Литвиновъ не спалъ всю ночь и не раздѣвался. Очень ему было тяжело. Какъ человѣкъ честный и справедливый, онъ понималъ важность обязанностей, святость долга, и почелъ бы за стыдъ хитрить съ самимъ собой, съ своею слабостью, съ своимъ проступкомъ. Сперва нашло на него оцѣпенѣніе: долго не могъ онъ выбиться изъ-подъ темнаго гнета одного и того же полусознаннаго, неяснаго ощущенія; потомъ имъ овладѣлъ ужасъ при мысли, что будущность, его почти завоеванная будущность, опять заволоклась мракомъ, что его домъ, его прочный, только что возведенный домъ внезапно пошатнулся... Онъ началъ безжалостно упрекать себя, но тотчасъ же самъ остановилъ свои порывы. „Чтò за малодушіе?“ подумалъ онъ. „Не до упрековъ теперь; надо теперь дѣйствовать; Таня моя невѣста, она повѣрила моей любви, моей чести, мы соединены навѣкъ и не можемъ, не должны разъединиться“. Онъ живо представилъ себѣ всѣ качества Татьяны, онъ мысленно перебиралъ и пересчитывалъ ихъ; онъ старался возбудить въ себѣ и умиленіе, и нѣжность. „Остается одно“, думалъ онъ опять: „бѣжать, бѣжать немедленно, не дожидаясь ея

прибытія, бѣжать ей навстрѣчу; буду ли я страдать, буду ли мучиться съ Таней,—это невѣроятно,—но во всякомъ случаѣ, разсуждать объ этомъ, принимать это въ соображеніе—нечего; надо долгъ исполнить, хоть умри потомъ! Но ты не имѣешь права ее обманывать, шепталъ ему другой голосъ, ты не имѣешь права скрывать отъ нея перемѣну, происшедшую въ твоихъ чувствахъ; быть-можетъ, узнавъ, что ты полюбилъ другую, она не захочетъ стать твоей женой? Вздоръ! вздоръ!" возражалъ онъ: „это все софизмы, постыдное лукавство, ложная добросовѣстность; я не имѣю права не сдержать даннаго слова, вотъ это такъ. Ну, прекрасно... Тогда надо уѣхать отсюда, не видавшись съ тою"...

Но тутъ у Литвинова защемило на сердцѣ, холодно ему стало, физически холодно: мгновенная дрожь пробѣжала по тѣлу, слабо стукнули зубы. Онъ потянулся и зѣвнулъ, какъ въ лихорадкѣ. Не настаивая болѣе на своей послѣдней мысли, заглушая эту мысль, отворачиваясь отъ нея, онъ принялся недоумѣвать и удивляться, какимъ образомъ онъ могъ опять... опять полюбить это испорченное, свѣтское существо, со всею его противною, враждебною обстановкой. Онъ попытался-было спросить самого себя: да полно, точно полюбилъ ли ты? и только махнулъ рукой. Онъ еще удивлялся и недоумѣвалъ, а вотъ уже передъ нимъ, словно изъ мягкой, душистой мглы, выступалъ плѣнительный обликъ, поднимались лучистыя рѣсницы—и тихо, и неотразимо вонзались ему въ сердце волшебные глаза, и голосъ звенѣлъ сладостно, и блестящія плечи, плечи молодой царицы, дышали свѣжестью и жаромъ нѣги...

Къ утру въ душѣ Литвинова созрѣло, наконецъ, рѣшеніе. Онъ положилъ уѣхать въ тотъ же день навстрѣчу Татьянѣ, и въ послѣдній разъ увидавшись съ Ириной, сказать ей, если нельзя иначе, всю правду—и разстаться съ ней навсегда.

Онъ привелъ въ порядокъ и уложилъ свои вещи, дождался двѣнадцатаго часа и отправился къ ней. Но при видѣ ея полузавѣшенныхъ оконъ, сердце въ Литвиновѣ

такъ и упало... духа не достало переступить порогъ гостиницы. Онъ прошелся нѣсколько разъ по Лихтенталевской аллеѣ. „Господину Литвинову наше почтеніе!“ раздался вдругъ насмѣшливый голосъ съ высоты быстро-катившагося „догъ-карта“. Литвиновъ поднялъ глаза и увидалъ генерала Ратмирова, сидѣвшаго рядомъ съ княземъ М., извѣстнымъ спортсмэномъ и охотникомъ до англійскихъ экипажей и лошадей. Князь правилъ, а генералъ перегнулся на бокъ и скалилъ зубы, высоко приподнявъ шляпу надъ головой. Литвиновъ поклонился ему, и въ ту же минуту, какъ бы повинуясь тайному повелѣнію, бѣгомъ пустился къ Иринѣ.

Она была дома. Онъ велѣлъ доложить о себѣ: его тотчасъ приняли. Когда онъ вошелъ, она стояла посреди комнаты. На ней была утренняя блуза, съ широкими открытыми рукавами; лицо ея, блѣдное по-вчерашнему, но не по-вчерашнему свѣжее, выражало усталость; томная улыбка, которою она привѣтствовала своего гостя, еще яснѣе обозначила это выраженіе. Она протянула ему руку и посмотрѣла на него ласково, но разсѣянно.

— Спасибо, что пришли, заговорила она жалобнымъ голосомъ и опустилась на кресло.—Я не совсѣмъ здорова сегодня; я дурно ночь провела. Ну, что́ вы скажете о вчерашнемъ вечерѣ? Не права я была?

Литвиновъ сѣлъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Ирина Павловна, началъ онъ..

Она мгновенно выпрямилась и обернулась; глаза ея такъ и вперились въ Литвинова.

— Что́ съ вами? воскликнула она. — Вы блѣдны какъ мертвецъ, вы больны. Что̀ съ вами?

Литвиновъ смутился.

— Со мною, Ирина Павловна?

— Вы получили дурное извѣстіе? Несчастье случилось скажите, скажите...

Литвиновъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Ирину.

— Никакого дурного извѣстія я не получалъ, промолвилъ онъ не безъ усилія:—а несчастье дѣйствительно случилось, большое несчастье... и оно-то привело меня къ вамъ.

— Несчастье? Какое?

— А такое... что...

Литвиновъ хотѣлъ продолжать... и не могъ. Только руки онъ стиснулъ такъ, что пальцы хрустнули. Ирина наклонилась впередъ и словно окаменѣла.

— Ахъ! я люблю васъ! вырвалось, наконецъ, глухимъ стономъ изъ груди Литвинова, и онъ отвернулся, какъ бы желая спрятать свое лицо.

— Какъ, Григорій Михайлычъ, вы...—Ирина тоже не могла докончить рѣчь и, прислонившись къ спинкѣ кресла, поднесла къ глазамъ обѣ руки.—Вы... меня любите?

— Да... да... да, повторилъ онъ съ ожесточеніемъ, все болѣе и болѣе отворачивая свое лицо.

Все смолкло въ комнатѣ: залетѣвшая бабочка трепетала крыльями и билась между занавѣсомъ и окномъ.

Первый заговорилъ Литвиновъ.

— Вотъ, Ирина Павловна, началъ онъ: — вотъ то несчастье, которое меня... поразило, которое я долженъ бы былъ предвидѣть и избѣжать, если бъ какъ и тогда, какъ въ то московское время, я не попалъ тотчасъ въ водоворотъ. Видно, судьбѣ угодно было опять заставить меня, и опять черезъ васъ, испытать всѣ тѣ муки, которыя, казалось, не должны были уже повториться болѣе... Не даромъ я противился... старался противиться; да, знать, чему быть, того не миновать. А говорю я вамъ все это для того, чтобы кончить поскорѣе эту... эту трагикомедію, прибавилъ онъ съ новымъ порывомъ ожесточенія и стыда.

Литвиновъ опять умолкъ; бабочка попрежнему билась и трепетала. Ирина не отнимала рукъ отъ лица.

— И вы не обманываетесь? послышался ея шопотъ изъ-подъ этихъ бѣлыхъ, словно безкровныхъ рукъ.

— Я не обманываюсь, отвѣчалъ Литвиновъ беззвучнымъ голосомъ.—Я васъ люблю такъ, какъ никогда и никого не любилъ кромѣ васъ. Я не стану упрекать васъ: это было бы слишкомъ нелѣпо; не стану повторять вамъ, что, быть-можетъ, ничего бы этого не случилось, если бы вы сами иначе поступили со мною... Конечно, я одинъ виноватъ, моя самонадѣянность меня погубила; я по дѣломъ

наказанъ, и вы этого никакъ ожидать не могли. Конечно, вы не сообразили, что было бы гораздо безопаснѣе для меня, если бы вы не такъ живо чувствовали свою вину... свою мнимую вину передо мною, и не желали бъ ее загладить... но вѣдь сдѣланнаго не передѣлаешь. Я только хотѣлъ уяснить вамъ мое положеніе: оно ужъ и такъ довольно тяжело... По крайней мѣрѣ, не будетъ, какъ вы говорите, недоразумѣній, а откровенность моего признанія, я надѣюсь, уменьшитъ то чувство оскорбленія, которое вы не можете не ощутить.

Литвиновъ говорилъ, не поднимая глазъ; да если бъ онъ и взглянулъ на Ирину, онъ бы все-таки не могъ увидѣть, что̀ происходило у ней на лицѣ, такъ какъ она попрежнему не отнимала рукъ. А между тѣмъ, то̀, что происходило на этомъ лицѣ, вѣроятно бы его изумило: и страхъ, и радость выражало оно, и какое-то блаженное изнеможеніе, и тревогу; глаза едва мерцали изъ-подъ нависшихъ вѣкъ и протяжное, прерывистое дыханіе холодило раскрытыя, словно жаждавшія губы...

Литвиновъ помолчалъ, подождалъ отзыва, звука... Ничего!

— Мнѣ остается одно, началъ онъ снова:—удалиться; я пришелъ проститься съ вами.

Ирина медленно опустила руки на колѣни.

— Но мнѣ помнится, Григорій Михайлычъ, начала она:— та... та особа, о которой вы мнѣ говорили, она должна сюда пріѣхать? Вы ее ожидаете?

— Да; но я ей напишу... она остановится гдѣ-нибудь на дорогѣ... въ Гейдельбергѣ, напримѣръ.

— А! Въ Гейдельбергѣ... Да... Тамъ хорошо... Но все это должно разстроить ваши планы. Увѣрены ли вы, Григорій Михайлычъ, что вы не преувеличиваете, et que ce n'est pas une fausse alarme?

Ирина говорила тихо, почти холодно, съ небольшими разстановками и глядя въ сторону, въ окно. Литвиновъ не отвѣтилъ на ея послѣдній вопросъ.

— Только зачѣмъ вы упомянули объ оскорбленіи? продолжала она.—Я не оскорблена... о, нѣтъ! И если кто-нибудь изъ насъ виноватъ, такъ во всякомъ случаѣ не вы;

не вы одни... Вспомните наши послѣдніе разговоры, и вы убѣдитесь, что виноваты не вы.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ великодушіи, произнесъ сквозь зубы Литвиновъ:—но я желалъ бы знать: одобряете ли вы мое намѣреніе?

— Уѣхать?

— Да.

Ирина продолжала глядѣть въ сторону.

— Въ первую минуту ваше намѣреніе мнѣ показалось преждевременнымъ... но теперь я обдумала то, что̀ вы сказали... и если вы точно не ошибаетесь, то я полагаю, что вамъ слѣдуетъ удалиться. Этакъ будетъ лучше... лучше для насъ обоихъ.

Голосъ Ирины становился все тише и тише, и самая рѣчь замедлялась все болѣе и болѣе.

— Генералъ Ратмировъ, дѣйствительно, могъ бы замѣтить, началъ-было Литвиновъ...

Глаза Ирины опустились снова, и что-то странное мелькнуло около ея губъ—мелькнуло и замерло.

— Нѣтъ. Вы меня не поняли, перебила она его.—Я не думала о моемъ мужѣ. Съ какой стати? Ему и замѣчать было бы нечего. Но я повторяю: разлука необходима для насъ обоихъ.

Литвиновъ поднялъ шляпу, упавшую на полъ.

„Все кончено, подумалъ онъ, надо уйти".—И такъ, мнѣ остается проститься съ вами, Ирина Павловна, промолвилъ онъ громко, и жутко ему стало вдругъ, точно онъ самъ собирался произнести приговоръ надъ собою.—Мнѣ остается только надѣяться, что вы не станете поминать меня лихомъ... и что если мы когда-нибудь...

Ирина опять его перебила:

— Погодите, Григорій Михайлычъ, не прощайтесь еще со мною. Это было бы слишкомъ поспѣшно.

Что-то дрогнуло въ Литвиновѣ, но жгучая горечь нахлынула тотчасъ, и съ удвоенною силой, въ его сердце.

— Да не могу я остаться! воскликнулъ онъ.—Къ чему? Къ чему продолжать это томленіе?

— Не прощайтесь еще со мною, повторила Ирина.—Я

должна увидать васъ еще разъ... Опять такое нѣмое разставанье, какъ въ Москвѣ,—нѣтъ, я этого не хочу. Вы можете теперь уйти, но вы должны обѣщать мнѣ, дать мнѣ честное слово, что вы не уѣдете, не увидѣвшись еще разъ со мною.

— Вы этого желаете?

— Я этого требую. Если вы уѣдете, не простившись со мною, я вамъ никогда, никогда этого не прощу, слышите ли: никогда!—Странно! прибавила она, словно про себя:—я никакъ не могу себѣ представить, что я въ Баденѣ... Мнѣ такъ и чудится, что я въ Москвѣ... Ступайте.

Литвиновъ всталъ.

— Ирина Павловна, проговорилъ онъ:—дайте мнѣ вашу руку.

Ирина покачала головой.

— Я вамъ сказала, что не хочу прощаться съ вами...

— Я не на прощаніе прошу...

Ирина протянула-было руку, но взглянула на Литвинова, въ первый разъ послѣ его признанія, — и отвела ее назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, шепнула она:—я не дамъ вамъ моей руки. Нѣтъ... нѣтъ. Ступайте.

Литвиновъ поклонился и вышелъ. Онъ не могъ знать, отчего Ирина ему отказала въ послѣднемъ дружескомъ пожатіи... Онъ не могъ знать, чего она боялась.

Онъ вышелъ, а Ирина снова опустилась на кресло и снова закрыла себѣ лицо.

XVII.

Литвиновъ не вернулся домой: онъ ушелъ въ горы и, забравшись въ лѣсную чащу, бросился на землю лицомъ внизъ и пролежалъ тамъ около часа. Онъ не мучился, не плакалъ; онъ какъ-то тяжело и томительно замиралъ. Никогда онъ еще не испыталъ ничего подобнаго: то было невыносимо-ноющее и грызущее ощущеніе пустоты, пустоты въ самомъ себѣ, вокругъ, повсюду... Ни объ Иринѣ, ни о Татьянѣ не думалъ онъ. Онъ чувствовалъ одно:

палъ ударъ, и жизнь перерублена, какъ канатъ, и весь онъ увлеченъ впередъ и подхваченъ чѣмъ-то невѣдомымъ, но холоднымъ. Иногда ему казалось, что вихорь налеталъ на него, и онъ ощущалъ быстрое вращеніе и безпорядочные удары его темныхъ крылъ... Но рѣшимость его не поколебалась. Остаться въ Баденѣ... объ этомъ и рѣчи быть не могло. Мысленно онъ уже уѣхалъ: онъ уже сидѣлъ въ гремящемъ и дымящемъ вагонѣ и бѣжалъ, бѣжалъ въ нѣмую, мертвую даль. Онъ приподнялся наконецъ, и прислонивъ голову къ дереву, остался неподвижнымъ; только одною рукою онъ, самъ того не замѣчая, схватилъ и въ тактъ раскачивалъ верхній листъ папоротника. Шумъ приближавшихся шаговъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія: два угольщика съ большими мѣшками на плечахъ пробирались по крутой тропинкѣ. „Пора!“ шепнулъ Литвиновъ и вслѣдъ за угольщиками спустился въ городъ, повернулъ къ зданію желѣзной дороги и отправилъ телеграмму на имя Татьяниной тетки, Капитолины Марковны. Въ этой телеграммѣ онъ извѣщалъ ее о своемъ немедленномъ отъѣздѣ и назначилъ ей свиданіе въ Шрадеровой гостиницѣ въ Гейдельбергѣ. „Кончать, такъ кончать разомъ“, подумалъ онъ: „нечего откладывать до завтра“. Потомъ онъ зашелъ въ игорную залу, съ тупымъ любопытствомъ посмотрѣлъ двумъ-тремъ игрокамъ въ лицо, замѣтилъ издали гнусный затылокъ Биндасова, безукоризненное лицо Пищалкина и, постоявъ немного подъ колоннадой, отправился, не спѣша, къ Иринѣ. Не въ силу внезапнаго, невольнаго увлеченія отправился онъ къ ней; рѣшившись уѣхать, онъ также рѣшился сдержать данное слово и еще разъ съ нею повидаться. Онъ вступилъ въ гостиницу, не замѣченный швейцаромъ, поднялся по лѣстницѣ, никого не встрѣчая—и не постучавъ въ дверь, машинально толкнулъ ее и вошелъ въ комнату. Въ комнатѣ, на томъ же креслѣ, въ томъ же платьѣ, въ томъ же точно положеніи, какъ три часа тому назадъ, сидѣла Ирина... Видно было, что она не тронулась съ мѣста, не шевельнулась все это время. Она медленно приподняла голову, и увидавъ Литвинова, вся вздрогнула и ухвати-

лась за ручку кресла. — „Вы меня испугали“, прошептала она.

Литвиновъ глядѣлъ на нее съ безмолвнымъ изумленіемъ. Выраженіе ея лица, угасшихъ глазъ—поразило его.

Ирина улыбнулась насильственно и поправила развившіеся волосы.—Это ничего... я, право, не знаю... я, кажется, заснула тутъ.

— Извините меня, Ирина Павловна, началъ Литвиновъ:—я вошелъ безъ доклада... Я хотѣлъ исполнить то, что̀ вамъ было угодно отъ меня потребовать. Такъ какъ я сегодня уѣзжаю...

— Сегодня? Но вы, кажется, сказали мнѣ, что вы хотѣли сперва написать письмо...

— Я послалъ телеграмму.

— А! вы нашли нужнымъ поспѣшить. И когда вы уѣзжаете? Въ которомъ часу, то-есть?

— Въ семь часовъ вечера.

— А! въ семь часовъ! И вы пришли проститься?

— Да, Ирина Павловна, проститься.

Ирина помолчала.

— Я должна благодарить васъ, Григорій Михайлычъ; вамъ вѣроятно не легко было сюда придти.

— Да, Ирина Павловна, очень не легко.

— Жить вообще не легко, Григорій Михайлычъ; какъ вы полагаете?

— Какъ кому, Ирина Павловна.

Ирина опять помолчала, словно задумалась.

— Вы мнѣ доказали вашу дружбу тѣмъ, что пришли, промолвила она наконецъ.—Благодарю васъ. И вообще я одобряю ваше намѣреніе какъ можно поскорѣе все покончить... потому что всякое замедленіе... потому что... потому что я, та самая я, которую вы упрекали въ кокетствѣ, называли комедіанткой—такъ, кажется, вы меня называли?..

Ирина быстро встала и, пересѣвъ на другое кресло, приникла и прижалась лицомъ и руками къ краю стола...

— Потому что я люблю васъ... прошептала она сквозь стиснутые пальцы.

Литвиновъ пошатнулся, словно кто его въ грудь ударилъ. Ирина тоскливо повернула голову прочь отъ него, какъ бы желая въ свою очередь спрятать отъ него свое лицо, и положила ее на столъ.

— Да, я васъ люблю... я люблю васъ... и вы это знаете.

— Я? я это знаю? проговорилъ наконецъ Литвиновъ.—Я?

— Ну, а теперь вы видите, продолжала Ирина:—что вамъ точно надо уѣхать, что медлить нельзя... и намъ, и мнѣ нельзя медлить. Это опасно, это страшно... прощайте! прибавила она, порывисто вставая съ кресла:—прощайте!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ направленіи двери кабинета и, занеся руку за спину, торопливо повела ею по воздуху, какъ бы желая встрѣтить и пожать руку Литвинова; но онъ стоялъ, какъ вкопанный, далеко... Она еще разъ проговорила: „прощайте, забудьте", и не оглядываясь бросилась вонъ.

Литвиновъ остался одинъ, и все еще не могъ придти въ себя. Онъ опомнился наконецъ, проворно подошелъ къ двери кабинета, произнесъ имя Ирины разъ, два, три раза... Онъ уже ухватился за замо̀къ... Съ крыльца гостиницы послышался звонкій голосъ Ратмирова.

Литвиновъ надвинулъ шляпу на глаза и вышелъ на лѣстницу. Изящный генералъ стоялъ передъ ложей швейцара и дурнымъ нѣмецкимъ языкомъ объяснялъ ему, что желаетъ нанять карету на цѣлый завтрашній день. Увидавъ Литвинова, онъ опять неестественно высоко приподнялъ шляпу и опять выразилъ ему свое „почитаніе": онъ очевидно трунилъ надъ нимъ, но Литвинову было не до того. Онъ едва отвѣтилъ на поклонъ Ратмирова, и добравшись до своей квартиры, остановился передъ своимъ, уже уложеннымъ и закрытымъ, чемоданомъ. Голова у него кружилась и сердце дрожало, какъ струна. Что̀ было теперь дѣлать? И могъ ли онъ это предвидѣть?

Да, онъ это предвидѣлъ, какъ оно ни казалось невѣроятнымъ. Это оглушило его какъ громомъ, но онъ это предвидѣлъ, хоть и сознаться въ томъ не смѣлъ. А впрочемъ, онъ ничего не зналъ навѣрное. Все въ немъ перемѣша-

лось и спуталось; онъ потерялъ нить собственныхъ мыслей. Вспомнилъ онъ Москву, вспомнилъ, какъ „оно“ и тогда налетѣло внезапною бурей. Онъ задыхался: восторгъ, но восторгъ безотрадный и безнадежный, давилъ и рвалъ его грудь. Ни за что въ свѣтѣ онъ бы не согласился на то, чтобы слова, произнесенныя Ириной, не были въ дѣйствительности ею произнесены... Но что же? перемѣнить принятое рѣшеніе эти слова все-таки не могли. Оно попрежнему не колебалось и стояло твердо, какъ брошенный якорь. Литвиновъ потерялъ нить своихъ мыслей... да; но воля его осталась при немъ пока, и онъ распоряжался собою, какъ чужимъ подчиненнымъ человѣкомъ. Онъ позвонилъ кельнера, велѣлъ подать себѣ счетъ, удержалъ мѣсто въ вечернемъ омнибусѣ: онъ съ намѣреніемъ отрѣзывалъ себѣ всѣ пути. „Тамъ потомъ хоть умри“, твердилъ онъ какъ въ прошедшую, безсонную ночь; эта фраза ему особенно пришлась по вкусу.—„Тамъ потомъ хоть умри“, повторялъ онъ, медленно расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, и лишь изрѣдка невольно закрывалъ глаза и переставалъ дышать, когда эти слова, эти слова Ирины, вторгались ему въ душу и жгли ее огнемъ. „Видно, два раза не полюбишь, думалъ онъ; вошла въ тебя другая жизнь, впустилъ ты ее—не отдѣлаешься ты отъ этого яда до конца, не разорвешь этихъ нитей! Такъ; но что жъ это доказываетъ? Счастье... Развѣ оно возможно? Ты ее любишь, положимъ... и она... она тебя любитъ...“

Но тутъ ему опять пришлось взять себя въ руки. Какъ путникъ въ темную ночь, видя впереди огонекъ и боясь сбиться съ дороги, ни на мгновеніе не спускаетъ съ него глазъ, такъ и Литвиновъ постоянно устремлялъ всю силу своего вниманія на одну точку, на одну цѣль. Явиться къ своей невѣстѣ, и даже не собственно къ невѣстѣ (онъ старался не думать о ней), а въ комнату Гейдельбергской гостиницы—вотъ что̀ стояло передъ нимъ незыблемо, путеводнымъ огонькомъ. Что̀ дальше будетъ, онъ не вѣдалъ, да и вѣдать не хотѣлъ... Одно было несомнѣнно: назадъ онъ не вернется. „Тамъ хоть умри“, повторилъ онъ въ десятый разъ и взглянулъ на часы.

Четверть седьмого! Какъ долго еще приходилось ждать! Онъ снова зашагалъ взадъ и впередъ. Солнце склонялось къ закату, небо зардѣлось надъ деревьями, и алый полусвѣтъ ложился сквозь узкія окна въ его потемнѣвшую комнату. Вдругъ Литвинову почудилось, какъ будто дверь растворилась за нимъ тихо и быстро, и такъ же быстро затворилась снова... Онъ обернулся; у двери, закутанная въ черную мантилью, стояла женщина...

— Ирина! воскликнулъ онъ и всплеснулъ руками...

Она подняла голову и упала къ нему на грудь.

Два часа спустя, онъ сидѣлъ у себя на диванѣ. Чемоданъ стоялъ въ углу, раскрытый и пустой, а на столѣ, посреди безпорядочно разбросанныхъ вещей, лежало письмо отъ Татьяны, только что полученное Литвиновымъ. Она писала ему, что рѣшилась ускорить свой отъѣздъ изъ Дрездена, такъ какъ здоровье ея тетки совершенно поправилось, и что если никакихъ не встрѣтится препятствій, онѣ обѣ на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ прибудутъ въ Баденъ и надѣются, что онъ придетъ къ нимъ навстрѣчу на желѣзную дорогу. Квартира для нихъ была нанята Литвиновымъ въ той самой гостиницѣ, гдѣ онъ стоялъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ послалъ записку къ Иринѣ, а на слѣдующее утро онъ получилъ отъ нея отвѣтъ. „Днемъ позже, днемъ раньше, писала она,—это было неизбѣжно. А я повторяю тебѣ, что̀ вчера сказала: жизнь моя въ твоихъ рукахъ, дѣлай со мной, что̀ хочешь. Я не хочу стѣснять твою свободу, но знай, что если нужно, я все брошу, и пойду за тобой на край земли. Мы вѣдь увидимся завтра? Твоя Ирина“.

Послѣднія два слова были написаны крупнымъ и размашистымъ, рѣшительнымъ почеркомъ.

XVIII.

Въ числѣ лицъ, собравшихся 18-го августа къ 12 часамъ на площадку желѣзной дороги, находился и Литвиновъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ встрѣтилъ Ирину: она

сидѣла въ открытой каретѣ съ своимъ мужемъ и другимъ, ужъ пожилымъ господиномъ. Она увидала Литвинова, и онъ это замѣтилъ: что-то темное пробѣжало по ея глазамъ, но она тотчасъ же закрылась отъ него зонтикомъ.

Странная перемѣна произошла въ немъ со вчерашняго дня—во всей его наружности, въ движеніяхъ, въ выраженіи лица; да и онъ самъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Самоувѣренность исчезла, и спокойствіе исчезло тоже, и уваженіе къ себѣ; отъ прежняго душевнаго строя не осталось ничего. Недавнія, неизгладимыя впечатлѣнія заслонили собою все остальное. Появилось какое-то небывалое ощущеніе, сильное, сладкое—и недоброе; таинственный гость забрался въ святилище и овладѣлъ имъ, и улегся въ немъ, молчкомъ, но во всю ширину, какъ хозяинъ на новосельѣ. Литвиновъ не стыдился болѣе, онъ трусилъ—и въ то же время отчаянная отвага въ немъ загоралась; взятымъ, побѣжденнымъ знакома эта смѣсь противоположныхъ чувствъ; не безызвѣстна она и вору, послѣ первой кражи. А Литвиновъ былъ побѣжденъ, побѣжденъ внезапно... и что̀ сталось съ его честностью?

Поѣздъ опоздалъ нѣсколькими минутами. Томленіе Литвинова перешло въ мучительную тоску: онъ не могъ устоять на мѣстѣ, и, весь блѣдный, терся и толпился между народомъ. „Боже мой, думалъ онъ, хоть бы еще сутки...“ Первый взглядъ на Таню, первый взглядъ Тани... вотъ что̀ его страшило, вотъ что̀ надо было поскорѣй пережить... А послѣ? А послѣ—будь, что̀ будетъ!.. Онъ уже не принималъ болѣе никакого рѣшенія, онъ уже не отвѣчалъ за себя. Вчерашняя фраза болѣзненно мелькнула у него въ головѣ... И вотъ какъ онъ встрѣчаетъ Таню...

Продолжительный свистъ раздался наконецъ, послышался тяжелый, ежеминутно возраставшій гулъ, и медленно выкатываясь изъ-за поворота дороги, появился паровикъ. Толпа подалась ему навстрѣчу, и Литвиновъ двинулся за нею, волоча ноги, какъ осужденный. Лица, дамскія шляпки стали показываться изъ вагоновъ, въ одномъ окошкѣ замелькалъ бѣлый платокъ... Капитолина Марковна имъ махала... Кончено: она увидѣла Литвинова, и онъ ее

узналъ. Поѣздъ остановился. Литвиновъ бросился къ дверцамъ, отворилъ ихъ: Татьяна стояла возлѣ тетки и, свѣтло улыбаясь, протягивала руку.

Онъ помогъ имъ обѣимъ сойти, проговорилъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, недоконченныхъ и неясныхъ, и тотчасъ же засуетился, началъ отбирать билеты, дорожные мѣшки, плэды, побѣжалъ отыскивать носильщика, подозвалъ карету; другіе люди суетились вокругъ него, и онъ радовался ихъ присутствію, ихъ шуму и крику. Татьяна отошла немного въ сторону, и не переставая улыбаться, спокойно выжидала конца его торопливыхъ распоряженій. Капитолина Марковна, напротивъ, не могла устоять на мѣстѣ; ей все не вѣрилось, что она наконецъ попала въ Баденъ.—Она вдругъ закричала: „А зонтики? Таня, гдѣ зонтики?“ не замѣчая, что она крѣпко держала ихъ подъ мышкой; потомъ начала громко и продолжительно прощаться съ другой дамой, съ которой познакомилась во время переѣзда изъ Гейдельберга въ Баденъ. Дама эта была не кто иная, какъ извѣстная намъ г-жа Суханчикова. Она отлучалась въ Гейдельбергъ на поклоненіе Губареву и возвращалась съ „инструкціями“. На Капитолинѣ Марковнѣ была довольно странная пестрая мантилья и круглая дорожная шляпка въ видѣ гриба, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ выбивались стриженые бѣлые волосы; небольшого роста, худощавая, она раскраснѣлась отъ дороги и говорила по-русски, пронзительнымъ и пѣвучимъ голосомъ... Ее тотчасъ замѣтили.

Литвиновъ усадилъ наконецъ ее и Татьяну въ карету, и самъ помѣстился противъ нихъ. Лошади тронулись. Поднялись разспросы, возобновились пожатія рукъ, взаимныя улыбки, привѣты... Литвиновъ вздохнулъ свободно: первыя мгновенья прошли благополучно. Ничего въ немъ, повидимому, не поразило, не смутило Тани: она также ясно и довѣрчиво смотрѣла, также мило краснѣла, также добродушно смѣялась. Онъ наконецъ самъ рѣшился взглянуть, не вскользь и мелькомъ, а прямо и пристально взглянуть на нее: до тѣхъ поръ его собственные глаза ему не повиновались. Невольное умиленіе стиснуло его сердце:

безмятежное выраженіе этого честнаго, открытаго лица отдалось въ немъ горькимъ укоромъ. „Вотъ—ты пріѣхала сюда, бѣдная дѣвушка, думалъ онъ, ты, которую я такъ ждалъ и звалъ, съ которою я всю жизнь хотѣлъ пройти до конца, ты пріѣхала, ты мнѣ повѣрила... а я... а я...“ Литвиновъ наклонилъ голову; но Капитолина Марковна не дала ему задуматься; она осыпала его вопросами.

— Это что̀ за строеніе съ колоннами? Гдѣ тутъ играютъ? Это кто идетъ? Таня, Таня, посмотри, какіе криполины! А вотъ это кто? Здѣсь, должно-быть, все больше француженки изъ Парижа? Господи, что̀ за шляпка? Здѣсь все можно найти, какъ въ Парижѣ? Только, я воображаю, все ужасно дорого? Ахъ, съ какою отличною, умною женщиной я познакомилась! Вы ее знаете, Григорій Михайлычъ; она мнѣ сказала, что встрѣтилась съ вами у одного русскаго, тоже удивительно умнаго. Она обѣщалась навѣщать насъ. Какъ она всѣхъ этихъ аристократовъ отдѣлываетъ— просто чудо! Это что̀ за господинъ съ сѣдыми усами? Прусскій король? Таня, Таня, посмотри, это прусскій король. Нѣтъ? не прусскій король? Голландскій посланникъ? Я не слышу, колеса такъ стучатъ. Ахъ, какія чудесныя деревья!

— Да, тетя, чудесныя, подтвердила Таня—и какъ все здѣсь зелено, весело! Не правда ли, Григорій Михайлычъ...

— Весело... отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

Карета остановилась наконецъ передъ гостиницей. Литвиновъ проводилъ обѣихъ путешественницъ въ удержанный для нихъ номеръ, обѣщалъ зайти черезъ часъ и вернулся въ свою комнату. Затихшее на мигъ очарованіе овладѣло имъ немедленно, какъ только онъ вступилъ въ нее. Здѣсь, въ этой комнатѣ, со вчерашняго дня царствовала Ирина; все говорило о ней, самый воздухъ, казалось, сохранилъ тайные слѣды ея посѣщенія... Литвиновъ опять почувствовалъ себя ея рабомъ. Онъ выхватилъ ея платокъ, спрятанный у него на груди, прижался къ нему губами, и тонкимъ ядомъ разлились по его жиламъ знойныя воспоминанія. Онъ понялъ, что тутъ ужъ нѣтъ возврата, нѣтъ выбора; горестное умиленіе, возбужденное

въ немъ Татьяной, растаяло, какъ снѣгъ въ огнѣ, и раскаяніе замерло... замерло такъ, что даже волненіе въ немъ угомонилось, и возможность притворства, представившись его уму, не возмущала его... Любовь, любовь Ирины—вотъ что̀ стало теперь его правдой, его закономъ, его совѣстью... Предусмотрительный, благоразумный Литвиновъ даже не помышлялъ о томъ, какъ ему выбраться изъ положенія, ужасъ и безобразіе котораго онъ и чувствовалъ какъ-то легко и словно со стороны.

Часу еще не протекло, какъ уже явился къ Литвинову кельнеръ отъ новопріѣзжихъ дамъ: онѣ просили его пожаловать къ нимъ въ общую залу. Онъ отправился вслѣдъ за посланцемъ и нашелъ ихъ уже одѣтыми и въ шляпкахъ. Обѣ изъявили желаніе тотчасъ пойти осматривать Баденъ, благо погода была прекрасная. Особенно Капитолина Марковна такъ и горѣла нетерпѣніемъ; она даже опечалилась немного, когда узнала, что часъ фешенебельнаго сборища передъ Конверсаціонсгаузомъ еще не наступилъ. Литвиновъ взялъ ее подъ руку—и началась офиціальная прогулка. Татьяна шла рядомъ съ теткой и съ спокойнымъ любопытствомъ осматривалась кругомъ; Капитолина Марковна продолжала свои разспросы. Видъ рулетки, осанистыхъ крупіэ, которыхъ она—встрѣть она ихъ въ другомъ мѣстѣ,—навѣрное приняла бы за министровъ, видъ ихъ проворныхъ лопаточекъ, золотыхъ и серебряныхъ кучекъ на зеленомъ сукнѣ, игравшихъ старухъ и расписныхъ лоретокъ привелъ Капитолину Марковну въ состояніе какого-то нѣмотствующаго изступленія; она совсѣмъ позабыла, что ей слѣдовало вознегодовать—и только глядѣла, глядѣла во всѣ глаза, изрѣдка вздрагивая при каждомъ новомъ возгласѣ... Жужжаніе костяного шарика въ углубленіи рулетки проникало ее до мозгу костей—и только очутившись на свѣжемъ воздухѣ, она нашла въ себѣ довольно силы, чтобы, испустивъ глубокій вздохъ, назвать азартную игру безнравственною выдумкою аристократизма. На губахъ Литвинова появилась неподвижная, нехорошая улыбка; онъ говорилъ отрывисто и лѣниво, словно досадовалъ или скучалъ... Но вотъ онъ обер-

нулся къ Татьянѣ и втайнѣ смутился: она глядѣла на него внимательно и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто сама себя спрашивала, какого рода впечатлѣніе возбуждалось въ ней? Онъ поспѣшилъ кивнуть ей головой, она отвѣчала ему тѣмъ же и опять посмотрѣла на него вопросительно, не безъ нѣкотораго напряженія, словно онъ стоялъ отъ нея гораздо дальше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Литвиновъ повелъ своихъ дамъ прочь отъ Конверсаціонсгауза и, минуя „русское дерево", подъ которымъ уже возсѣдали соотечественницы, направился къ Лихтенталю. Не успѣлъ онъ вступить въ аллею, какъ увидалъ издали Ирину.

Она шла къ нимъ навстрѣчу съ своимъ мужемъ и Потугинымъ. Литвиновъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, однако не замедлилъ шагу и, поровнявшись съ нею, отвѣсилъ безмолвный поклонъ. И она ему поклонилась любезно, но холодно, и быстро окинувъ глазами Татьяну, скользнула мимо... Ратмировъ высоко приподнялъ шляпу, Потугинъ что-то промычалъ.

— Кто эта дама? спросила вдругъ Татьяна. Она до того мгновенья почти не раскрывала губъ.

— Эта дама? повторилъ Литвиновъ. — Эта дама? Это нѣкая госпожа Ратмирова.

— Русская?

— Да.

— Вы съ ней здѣсь познакомились?

— Нѣтъ; я ее давно знаю.

— Какая она красивая!

— Замѣтила ты ея туалетъ? вмѣшалась Капитолина Марковна.—Десять семействъ можно бы цѣлый годъ прокормить на тѣ деньги, которыхъ стоятъ одни ея кружева. Это съ ней шелъ ея мужъ? обратилась она къ Литвинову.

— Мужъ.

— Онъ должно-быть ужасно богатъ?

— Право не знаю; не думаю.

— А чинъ у него какой?

— Чинъ генеральскій.

— Какіе у нея глаза! проговорила Татьяна:—и выра-

женіе въ нихъ какое странное: и задумчивое, и проницательное... я такихъ глазъ не видывала.

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ; ему казалось, что онъ опять чувствуетъ на лицѣ своемъ вопрошающій взглядъ Татьяны, но онъ ошибался: она глядѣла себѣ подъ ноги, на песокъ дорожки.

— Боже мой! Кто этотъ уродъ? воскликнула вдругъ Капитолина Марковна, указывая пальцемъ на низенькій шарабанъ, въ которомъ, нагло развалясь, лежала рыжая и курносая женщина въ необыкновенно пышномъ нарядѣ и лиловыхъ чулкахъ.

— Этотъ уродъ! Помилуйте, это извѣстная мамзель Корà.

— Кто?

— Мамзель Корà... Парижская... знаменитость.

— Какъ? эта моська? Да вѣдь она пребезобразная?

— Видно, это не мѣшаетъ.

Капитолина Марковна только руками развела.

— Ну, вашъ Баденъ! промолвила она наконецъ. — А можно тутъ на скамейкѣ присѣсть? Я что-то устала.

— Конечно можно, Капитолина Марковна... На то и скамейки поставлены.

— Да вѣдь Господь васъ знаетъ! Вонъ, говорятъ, въ Парижѣ на бульварахъ тоже стоятъ скамейки: а сѣсть на нихъ неприлично.

Литвиновъ ничего не возразилъ Капитолинѣ Марковнѣ; онъ только въ это мгновеніе сообразилъ, что въ двухъ шагахъ оттуда находилось то самое мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ съ Ириной объясненіе, которое все рѣшило. Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ сегодня замѣтилъ у ней на щекѣ небольшое розовое пятно...

Капитолина Марковна опустилась на скамейку, Татьяна сѣла возлѣ нея. Литвиновъ остался на дорожкѣ; между имъ и Татьяной—или это ему только чудилось?—совершалось что-то... безсознательно и постепенно.

— Ахъ, она шутовка, шутовка, произнесла Капитолина Марковна, съ сожалѣніемъ покачивая головой. — Вотъ *ея* туалетъ продать, такъ не десять, а сто семействъ прокормить можно. Видѣли вы у ней подъ шля-

пой, на рыжихъ-то на волосахъ, брильянты? Это днемъ брильянты, а?

— У ней волосы не рыжіе, замѣтилъ Литвиновъ:—она ихъ краситъ въ рыжій цвѣтъ, теперь это въ модѣ.

Капитолина Марковна опять руками развела и даже задумалась.

— Ну, проговорила она наконецъ:—у насъ въ Дрезденѣ до такого скандала еще не дошло. Потому все-таки подальше отъ Парижа. Вы того же мнѣнія, не правда ли, Григорій Михайлычъ?

— Я? отвѣчалъ Литвиновъ, а самъ подумалъ: „О чемъ бишь это она?"—Я? Конечно... конечно...

Но тутъ послышались неторопливые шаги, и къ скамейкѣ приблизился Потугинъ.

— Здравствуйте, Григорій Михайлычъ, проговорилъ онъ, посмѣиваясь и кивая головой.

Литвиновъ тотчасъ схватилъ его за руку.

— Здравствуйте, здравствуйте, Созонтъ Иванычъ. Я, кажется, сейчасъ встрѣтилъ васъ съ... вотъ сейчасъ, въ аллеѣ.

— Да, это былъ я.

Потугинъ почтительно поклонился сидѣвшимъ дамамъ.

— Позвольте васъ представить, Созонтъ Иванычъ. Мои хорошія знакомыя, родственницы, только что пріѣхали въ Баденъ. Потугинъ, Созонтъ Иванычъ, нашъ соотечественникъ, тоже баденскій гость.

Обѣ дамы приподнялись немного. Потугинъ возобновилъ свои поклоны.

— Здѣсь настоящій раутъ, начала тонкимъ голоскомъ Капитолина Марковна; добродушная старая дѣвица легко робѣла, но пуще всего старалась не ударить въ грязь лицомъ:—всѣ считаютъ пріятнымъ долгомъ побывать здѣсь.

— Баденъ, точно, пріятное мѣсто, отвѣтилъ Потугинъ, искоса посматривая на Татьяну: — очень пріятное мѣсто Баденъ.

— Да; только ужъ слишкомъ аристократично, сколько я могу судить. Мы вотъ съ ней жили въ Дрезденѣ все это время... очень интересный городъ; но здѣсь рѣшительно раутъ.

„Понравилось словцо", подумалъ Потугинъ. — Это вы

совершенно справедливо изволили замѣтить, произнесъ онъ громко:—за то природа здѣсь удивительная и мѣстоположеніе такое, какое рѣдко можно найти. Ваша спутница въ особенности должна это оцѣнить. Не правда ли, сударыня? прибавилъ онъ, обращаясь на этотъ разъ прямо къ Татьянѣ.

Татьяна подняла на Потугина свои большіе, ясные глаза. Казалось, она недоумѣвала, чего хотятъ отъ нея, и зачѣмъ Литвиновъ познакомилъ ее, въ первый же день пріѣзда, съ этимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, у котораго впрочемъ умное и доброе лицо, и который глядитъ на нее привѣтливо и дружелюбно.

— Да, промолвила она наконецъ:—здѣсь очень хорошо.

— Вамъ надобно посѣтить старый замокъ, продолжалъ Потугинъ: — въ особенности совѣтую вамъ съѣздить въ Ибургъ.

— Саксонская Швейцарія, начала-было Капитолина Марковна...

Взрывъ трубныхъ звуковъ прокатился по аллеѣ: это военный прусскій оркестръ изъ Раштадта (въ 1862 году Раштадтъ былъ еще союзною крѣпостью) начиналъ свой еженедѣльный концертъ въ павильонѣ. Капитолина Марковна тотчасъ встала.

— Музыка! промолвила она:—музыка à la Conversation!.. Надо туда идти. Вѣдь теперь четвертый часъ, не правда ли? Общество теперь собирается?

— Да, отвѣчалъ Потугинъ:—теперь самый для общества модный часъ, и музыка прекрасная.

— Ну, такъ мѣшкать нечего. Таня, пойдемъ.

— Вы позволите сопровождать васъ? спросилъ Потугинъ, къ немалому удивленію Литвинова: ему и въ голову придти не могло, что Потугина прислала Ирина.

Капитолина Марковна осклабилась.

— Съ великимъ удовольствіемъ, мсье... мсье...

— Потугинъ, подсказалъ тотъ и предложилъ ей руку.

Литвиновъ подалъ свою Татьянѣ, и обѣ четы направились къ Конверсаціонсгаузу.

Потугинъ продолжалъ разсуждать съ Капитолиной Мар-

ковной. Но Литвиновъ шелъ, ни слова не говоря, и только раза два безо всякаго повода усмѣхнулся и слабо прижалъ къ себѣ руку Татьяны. Ложь была въ этихъ пожатіяхъ, на которыя она не отвѣчала, и Литвиновъ сознавалъ эту ложь. Не взаимное удостовѣреніе въ тѣсномъ союзѣ двухъ отдавшихся другъ другу душъ выражали они, какъ бывало; они замѣняли пока—слова, которыхъ онъ не находилъ. То безмолвное, что̀ началось между ими обоими, росло и утверждалось. Татьяна опять внимательно, почти пристально посмотрѣла на него.

То же самое продолжалось и передъ Конверсаціонсгаузомъ, за столикомъ, около котораго они усѣлись всѣ четверо, съ тою только разницей, что при суетливомъ шумѣ толпы, при громѣ и трескѣ музыки, молчаніе Литвинова казалось болѣе понятнымъ. Капитолина Марковна пришла, какъ говорится, въ совершенный азартъ; Потугинъ едва успѣвалъ поддакивать ей, удовлетворять ея любопытству. На его счастье, въ массѣ проходившихъ лицъ внезапно появилась худощавая фигура Суханчиковой и блеснули ея вѣчно-прыгающіе глаза. Капитолина Марковна тотчасъ ее признала, подозвала ее къ своему столику, усадила ее—и поднялась словесная буря.

Потугинъ обратился къ Татьянѣ и началъ бесѣдовать съ нею тихимъ и мягкимъ голосомъ, съ ласковымъ выраженіемъ на слегка наклоненномъ лицѣ; и она, къ собственному изумленію, отвѣчала ему легко и свободно; ей было пріятно говорить съ этимъ чужимъ, съ незнакомцемъ, между тѣмъ какъ Литвиновъ попрежнему сидѣлъ неподвижно, съ тою же неподвижной и нехорошей улыбкой на губахъ.

Наступило наконецъ время обѣда. Музыка умолкла, толпа стала рѣдѣть. Капитолина Марковна сочувственно простилась съ Суханчиковой. Великое она къ ней возымѣла уваженіе, хоть и говорила потомъ своей племянницѣ, что ужъ очень озлоблена эта особа; но за то все про всѣхъ вѣдаетъ! А швейныя машины дѣйствительно надо завести, какъ только отпразднуется свадьба. Потугинъ расклапялся: Литвиновъ повелъ своихъ дамъ домой. При входѣ въ гостиницу ему вручили записку: онъ отошелъ въ сторону и торопливо со-

рвалъ кувертъ. На небольшомъ клочкѣ веленевой бумажки стояли слѣдующія, карандашомъ начертанныя слова: „Приходите сегодня вечеромъ въ семь часовъ ко мнѣ на одну минуту, умоляю васъ. Ирина“. Литвиновъ сунулъ бумажку въ карманъ и, оберпувшись, усмѣхнулся опять... кому? зачѣмъ? Татьяна спиной къ нему стояла. Обѣдъ происходилъ за общимъ столомъ. Литвиновъ сидѣлъ между Капитолиной Марковной и Татьяной и, какъ-то странно оживившись, разговаривалъ, разсказывалъ анекдоты, наливалъ вина себѣ и дамамъ. Онъ такъ развязно держалъ себя, что сидѣвшій напротивъ французскій пѣхотный офицеръ изъ Страсбурга, съ эспаньйолкой и усами à la Napoléon III, нашелъ возможнымъ вмѣшаться въ разговоръ и даже кончилъ тостомъ à la santé des belles moscovites! Послѣ обѣда Литвиновъ проводилъ обѣихъ дамъ въ ихъ комнату, и постоявъ немного у окна и насупившись, внезапно объявилъ, что долженъ отлучиться на короткое время по дѣлу, но вернется къ вечеру непремѣнно. Татьяна ничего не сказала, поблѣднѣла и опустила глаза. Капитолина Марковна имѣла привычку спать послѣ обѣда; Татьянѣ было извѣстно, что Литвиновъ зналъ эту привычку за ея тёткой: она ожидала, что онъ этимъ воспользуется, что онъ останется, такъ какъ онъ съ самаго пріѣзда еще не былъ наединѣ съ нею, не поговорилъ съ ней откровенно. И вотъ онъ уходитъ! Какъ это понять? И вообще, все его поведеніе въ теченіе дня...

Литвиновъ поспѣшилъ удалиться, не дожидаясь возраженій; Капитолина Марковна легла на диванъ, и поохавши, и вздохнувши раза два, заснула безмятежнымъ сномъ; а Татьяна отошла въ уголъ и сѣла на кресло, крѣпко скрестивъ на груди руки.

XIX.

Литвиновъ проворно всходилъ по лѣстницѣ Hôtel de l'Europe... Дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ калмыцкимъ лукавымъ личикомъ, которая, повидимому, его караулила, остановила его, сказавши ему по-русски: „Пожалуйте сюда; Ирина Павловна сейчасъ придутъ“. Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Она улыбнулась, повторила: „По-

жалуйте, пожалуйте“, и ввела его въ небольшую комнату, находившуюся противъ Ирининой спальни и наполненную дорожными сундуками и чемоданами, а сама тотчасъ исчезла, легонько притворивши дверь. Не успѣлъ Литвиновъ оглянуться, какъ та же дверь быстро распахнулась, и въ розовомъ бальномъ платьѣ, съ жемчугомъ на волосахъ и на шеѣ, появилась Ирина. Она такъ и бросилась къ нему, схватила его за обѣ руки и нѣсколько мгновенiй оставалась безмолвной; глаза ея сiяли и грудь поднималась, словно она взбѣжала на высоту.

— Я не могла принять... васъ тамъ, начала она торопливымъ шопотомъ:—мы сейчасъ ѣдемъ на званый обѣдъ, но я непремѣнно хотѣла васъ видѣть... Вѣдь это ваша невѣста была, съ которой я васъ встрѣтила сегодня?

— Да, это была моя невѣста, проговорилъ Литвиновъ, упирая на слово „была“.

— Такъ вотъ, я хотѣла увидать васъ на одну минуту, чтобы сказать вамъ, что вы должны считать себя совершенно свободнымъ, что все то, что произошло вчера, не должно нисколько мѣнять ваши рѣшенiя...

— Ирина! воскликнулъ Литвиновъ: — зачѣмъ ты это говоришь?

Онъ произнесъ эти слова громкимъ голосомъ... Беззавѣтная страсть прозвучала въ нихъ. Ирина на мигъ невольно закрыла глаза.

— О, мой милый! продолжала она шопотомъ еще болѣе тихимъ, но съ увлеченiемъ неудержимымъ:—ты не знаешь, какъ я тебя люблю, но вчера я только долгъ свой заплатила, я загладила прошедшую вину... Ахъ! я не могла отдать тебѣ мою молодость, какъ бы я хотѣла, но никакихъ обязанностей я не наложила на тебя, ни отъ какого обѣщанiя я не разрѣшила тебя, мой милый! Дѣлай что хочешь, ты свободенъ, какъ воздухъ, ты ничѣмъ не связанъ, знай это, знай!

— Но я не могу жить безъ тебя, Ирина, перебилъ ее уже шопотомъ Литвиновъ:—я твой на вѣкъ и навсегда со вчерашняго дня... Только у ногъ твоихъ могу я дышать...

Онъ трепетно припалъ къ ея рукамъ. Ирина посмотрѣла на его наклоненную голову.

— Ну, такъ знай же, промолвила она:—что и я на все готова, что и я не пожалѣю никого и ничего. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ... Я тоже на вѣкъ твоя... твоя.

Кто-то осторожно постучался въ дверь. Ирина нагнулась, еще разъ шепнула: „твоя... прощай!“ Литвиновъ почувствовалъ на волосахъ своихъ ея дыханіе, прикосновеніе ея губъ. Когда онъ выпрямился, ея уже не было въ комнатѣ, только платье ея прошумѣло въ коридорѣ и издали послышался голосъ Ратмирова: „Eh bien! Vous ne venez pas?“

Литвиновъ присѣлъ на высокій сундукъ и закрылъ себѣ лицо. Женскій запахъ, тонкій и свѣжій, повѣялъ на него... Ирина держала его руки въ своихъ рукахъ. „Это слишкомъ... слишкомъ“, думалось ему. Дѣвочка вошла въ комнату и, снова улыбнувшись въ отвѣтъ на его тревожный взглядъ, промолвила:

— Извольте идти-съ, пока...

Онъ всталъ и вышелъ изъ гостиницы. Нечего было и думать тотчасъ возвратиться домой: надо было остепениться. Сердце въ немъ билось протяжно и неровно; земля, казалось, слабо двигалась подъ ногами. Литвиновъ вновь отправился по Лихтенталевской аллеѣ. Онъ понималъ, что наступало мгновенье рѣшительное, что откладывать дальше, скрываться, отворачиваться — становилось невозможнымъ, что объясненіе съ Татьяной неизбѣжно; онъ представлялъ, какъ она тамъ сидитъ и не шевелится, и ждетъ его... онъ предчувствовалъ, что̀ онъ ей скажетъ; но какъ приступить, какъ начать? Онъ махнулъ рукой на все свое правильное, благоустроенное, добропорядочное будущее: онъ зналъ, что онъ бросается очертя голову въ омутъ, куда и заглядывать не слѣдовало... но не это его смущало. То дѣло было поконченное, а какъ предстать передъ своего судью? И хоть бы точно судья его встрѣтилъ—ангелъ съ пламеннымъ мечомъ: легче было бы преступному сердцу... а то еще самому придется ножъ вонзать... Безобразно! А вернуться назадъ, отказаться отъ того другого, воспользоваться свободой, которую ему сулятъ, которую признаютъ за нимъ... Нѣтъ! лучше умереть! Нѣтъ, не надо той по-

стылой свободы... а низвергнуться въ прахъ, и чтобы тѣ глаза съ любовію склонились...

— Григорій Михайлычъ! промолвилъ чей-то печальный голосъ, и чья-то рука тяжело легла на Литвинова.

Онъ оглянулся не безъ испуга и узналъ Потугина.

— Извините меня, Григорій Михайлычъ, началъ тотъ съ обычной своей ужимкой:—я, можетъ-быть, васъ обезпокоилъ, но, увидавъ васъ издали, я подумалъ... Впрочемъ, если вамъ не до меня...

— Напротивъ, я очень радъ, процѣдилъ сквозь зубы Литвиновъ.

Потугинъ пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Прекрасный вечеръ, началъ онъ: — такъ тепло! Вы давно гуляете?

— Нѣтъ, недавно.

— Да что же я спрашиваю; я видѣлъ, какъ вы шли изъ Hôtel de l'Europe.

— Такъ вы за мной шли слѣдомъ?

— Да.

— Вы имѣете мнѣ что̀ сказать?

— Да, чуть слышно повторилъ Потугинъ.

Литвиновъ остановился и посмотрѣлъ на своего непрошеннаго собесѣдника. Лицо его было блѣдно, глаза блуждали; давнишнее, старое горе, казалось, выступило на его искаженныхъ чертахъ.

— Что̀ же собственно такое вы хотите мнѣ сказать? медленно проговорилъ Литвиновъ, и опять двинулся впередъ.

— А вотъ позвольте... сейчасъ. Если вамъ все равно— присядемте вотъ тутъ на скамеечку. Здѣсь будетъ удобнѣе.

— Да это что-то таинственное, промолвилъ Литвиновъ, садясь возлѣ него. — Вамъ словно не по себѣ, Созонтъ Иванычъ.

— Нѣтъ, мнѣ ничего; и таинственнаго тоже ничего нѣтъ. Я собственно хотѣлъ вамъ сообщить... то впечатлѣніе, которое произвела на меня ваша невѣста... вѣдь она, кажется, ваша невѣста?.. ну, словомъ, та дѣвица, съ которой вы меня сегодня познакомили. Я долженъ сказать, что я въ теченіе всей своей жизни не встрѣчалъ су-

щества болѣе симпатичнаго. Это золотое сердце, истинно ангельская душа.

Потугинъ произнесъ всѣ эти слова съ тѣмъ же горькимъ и скорбнымъ видомъ, такъ что даже Литвиновъ не могъ не замѣтить страннаго противорѣчія между выраженіемъ его лица и его рѣчами.

— Вы совершенно справедливо оцѣнили Татьяну Петровну, началъ Литвиновъ: — хотя мнѣ приходится удивляться во-первыхъ тому, что вамъ извѣстны мои отношенія къ ней, а во-вторыхъ и тому, какъ скоро вы ее разгадали. У ней, точно, ангельская душа; но позвольте узнать, вы объ этомъ хотѣли со мной бесѣдовать?

— Ея нельзя не разгадать тотчасъ, подхватилъ Потугинъ, какъ бы уклоняясь отъ послѣдняго вопроса:—стòитъ ей разъ заглянуть въ глаза. Она заслуживаетъ всевозможнаго счастья на землѣ, и завидна доля того человѣка, которому придется доставить ей это счастье! Нужно желать, чтобъ онъ оказался достойнымъ подобной доли.

Литвиновъ нахмурился слегка.

— Позвольте, Созонтъ Иванычъ, промолвилъ онъ: — я признаюсь, нахожу нашъ разговоръ вообще довольно оригинальнымъ... Я хотѣлъ бы знать: намекъ, который содержатъ ваши слова, относится ко мнѣ?

Потугинъ не тотчасъ отвѣчалъ Литвинову: онъ, видимо, боролся самъ съ собою.

— Григорій Михайлычъ, началъ онъ, наконецъ:—или я совершенно ошибся въ васъ, или вы въ состояніи выслушать правду, отъ кого бы она ни шла, и подъ какой бы невзрачной оболочкой она ни явилась. Я сейчасъ сказалъ вамъ, что видѣлъ, откуда вы шли.

— Ну да, изъ Hôtel de l'Europe. Чтò же изъ того?

— Вѣдь я знаю, съ кѣмъ вы тамъ видѣлись!

— Какъ?

— Вы видѣлись съ госпожей Ратмировой.

— Ну да, я былъ у ней. Чтò же далѣе?

— Чтò далѣе?.. Вы, женихъ Татьяны Петровны, вы видѣлись съ госпожею Ратмировой, которую вы любите... и которая любитъ васъ.

Литвиновъ мгновенно приподнялся со скамейки; кровь ударила ему въ голову.

— Что́ это? промолвилъ онъ, наконецъ, озлобленнымъ, сдавленнымъ голосомъ: — плоская шутка, шпіонство? Извольте объясниться.

Потугинъ бросилъ на него унылый взглядъ.

— Ахъ! не оскорбляйтесь моими словами, Григорій Михайлычъ; меня же вы оскорбить не можете. Не для того заговорилъ я съ вами и не до шутокъ мнѣ теперь.

— Можетъ-быть, можетъ-быть. Я готовъ вѣрить въ чистоту вашихъ намѣреній; но я все-таки позволю себѣ спросить васъ, съ какого права вы вмѣшиваетесь въ домашнія дѣла, въ сердечную жизнь чужого человѣка, и на какомъ основаніи вы вашу... выдумку такъ самоувѣренно выдаете за правду?

— Мою выдумку! Если бъ я это выдумалъ, вы бы не разсердились! а что до права, то я еще не слыхивалъ, чтобы человѣкъ поставилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли онъ право, или нѣтъ, протянуть руку утопающему.

— Покорно благодарю за заботливость, подхватилъ запальчиво Литвиновъ: — только я вовсе не нуждаюсь въ ней, и всѣ эти фразы о гибели, уготовляемой свѣтскими дамами неопытнымъ юношамъ, о безнравственности высшаго свѣта и такъ далѣе, считаю именно за фразы, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ презираю ихъ; а потому прошу васъ не утруждать своей спасительной десницы, и преспокойно позволить мнѣ утонуть.

Потугинъ опять поднялъ глаза на Литвинова. Онъ трудно дышалъ, губы его подергивало.

— Да посмотрите вы на меня, молодой человѣкъ, вырвалось у него, наконецъ, и онъ стукнулъ себя въ грудь:— неужели я похожъ на дюжиннаго, самодовольнаго моралиста, на проповѣдника? Развѣ вы не понимаете, что изъ одного участія къ вамъ, какъ бы сильно оно ни было, я бы слова не проронилъ, не далъ бы вамъ права упрекнуть меня въ томъ, что̀ пуще всего мнѣ ненавистно—въ нескромности, въ назойливости. Развѣ вы не видите, что тутъ дѣло совсѣмъ другого рода, что передъ вами чело-

вѣкъ разбитый, разрушенный, окончательно уничтоженный тѣмъ самымъ чувствомъ, отъ послѣдствій котораго онъ желалъ бы предохранить васъ, и... и къ той же самой женщинѣ!

Литвиновъ отступилъ шагъ назадъ.

— Возможно ли! что̀ вы сказали... Вы... вы... Созонтъ Иванычъ? Но госпожа Бѣльская... этотъ ребенокъ...

— Ахъ, не разспрашивайте меня... вѣрьте мнѣ! То темная, страшная исторія, которую я вамъ разсказывать не стану. Госпожу Бѣльскую я почти не зналъ, ребенокъ этотъ не мой, а взялъ я все на себя... потому... потому что *она* того хотѣла, потому что *ей* это было нужно. Зачѣмъ бы я находился здѣсь, въ вашемъ противномъ Баденѣ? И наконецъ, неужели вы полагаете, неужели вы на одну минуту могли вообразить, что я изъ сочувствія къ вамъ рѣшился предостеречь васъ? Мнѣ жаль той доброй, хорошей дѣвушки, вашей невѣсты, а впрочемъ, какое мнѣ дѣло до вашей будущности, до васъ обоихъ?.. Но я за нее боюсь... за нее.

— Много чести, господинъ Потугинъ, началъ Литвиновъ:—но такъ какъ мы, по вашимъ словамъ, находимся оба въ одинаковомъ положеніи, то почему же вы самому себѣ не читаете подобныхъ наставленій, и не долженъ ли я приписать ваши опасенія другому чувству?

— То-есть, ревности, хотите вы сказать? Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, стыдно вамъ финтить и лукавить, стыдно не понять, какое горькое горе говоритъ теперь моими устами! Нѣтъ, не въ одинаковомъ мы положеніи съ вами! Я, я—старый, смѣшной, вполнѣ безвредный чудакъ... а вы! Да что тутъ толковать! Вы ни на одну секунду не согласились бы принять на себя ту роль, которую я разыгрываю, и разыгрываю съ благодарностью! А ревность? Не ревнуетъ тотъ, у кого нѣтъ хоть бы капли надежды, и не теперь бы мнѣ пришлось испытать это чувство впервые. Мнѣ только страшно... страшно за нее, поймите вы это. И могъ ли я ожидать, когда она посылала меня къ вамъ, что чувство вины, которую она признавала за собою, такъ далеко ее завлечетъ?

— Но позвольте, Созонтъ Иванычъ, вы какъ будто знаете...

— Я ничего не знаю, и знаю все. Я знаю, прибавилъ онъ и отвернулся:—я знаю, гдѣ она была вчера. Но ея не удержать теперь: она, какъ брошенный камень, должна докатиться до дна. Я былъ бы еще бо̀льшимъ безумцемъ, если бы вообразилъ, что слова мои тотчасъ удержатъ васъ... васъ, которому такая женщина... Но полно объ этомъ. Я не могъ переломить себя, вотъ все мое извиненіе. Да и, наконецъ, какъ знать и почему не попытаться? Можетъ-быть, вы одумаетесь, можетъ-быть, какое-нибудь мое слово западетъ вамъ въ душу, вы не захотите погубить и ее, и себя, и то невинное, прекрасное существо... Ахъ! не сердитесь, не топайте ногой! Что мнѣ бояться, чего церемониться? Не ревность говоритъ во мнѣ теперь, не досада... Я готовъ упасть къ вашимъ ногамъ, умолять васъ... А впрочемъ, прощайте. Не бойтесь, все это останется втайнѣ. Я желалъ вамъ добра.

Потугинъ зашагалъ по аллеѣ, и скоро исчезъ въ уже надвигавшемся мракѣ... Литвиновъ его не удерживалъ.

„Страшная, темная исторія...“—говорилъ Потугинъ Литвинову, и не хотѣлъ ея разсказывать... Коснемся и мы ея всего двумя словами.

Лѣтъ за восемъ передъ тѣмъ ему пришлось быть временно прикомандированнымъ отъ своего министерства къ графу Рейзенбаху. Дѣло происходило лѣтомъ. Потугинъ ѣздилъ къ нему на дачу съ бумагами и проводилъ тамъ цѣлые дни. Ирина жила тогда у графа. Она никогда не гнушалась людей низко поставленныхъ, по крайней мѣрѣ не чуждалась ихъ, и графиня не разъ пеняла ей за ея излишнюю, московскую фамильярность. Ирина скоро отгадала умнаго человѣка въ этомъ скромномъ чиновникѣ, облеченномъ въ мундирный, до-верху застегнутый фракъ. Она часто и охотно бесѣдовала съ нимъ... а онъ... онъ полюбилъ ее страстно, глубоко, тайно... Тайно! *Онъ* такъ думалъ. Прошло лѣто; графъ пересталъ нуждаться въ постороннемъ помощникѣ. Потугинъ потерялъ Ирину изъ виду, но забыть ея не могъ. Года три спустя онъ совершенно неожиданно получилъ приглашеніе отъ одной мало знакомой ему дамы средней руки. Дама эта сперва не-

много затруднилась высказаться, но взявъ съ него клятву сохранить все, что̀ онъ услышитъ, въ величайшемъ секретѣ, предложила ему... жениться на одной дѣвицѣ, которая занимала видное положеніе въ свѣтѣ и для которой свадьба стала необходимостью. На главное лицо дама едва рѣшилась намекнуть, и тутъ же обѣщала Потугину денегъ... много денегъ. Потугинъ не оскорбился, удивленіе заглушило въ немъ чувство гнѣва, но, разумѣется, отказался наотрѣзъ. Тогда дама вручила ему записку къ нему—отъ Ирины. „Вы благородный, добрый человѣкъ“, писала она, „и я знаю, вы для меня все сдѣлаете; я прошу у васъ этой жертвы. Вы спасете существо, мнѣ дорогое. Спасая ее, вы спасете и меня... Не спрашивайте — ка̀къ. Я ни къ кому не рѣшилась бы обратиться съ подобною просьбой, но къ вамъ я протягиваю руки и говорю вамъ: сдѣлайте это для меня“. Потугинъ задумался и сказалъ, что для Ирины Павловны онъ, точно, готовъ сдѣлать многое, но хотѣлъ бы услышать ея желаніе изъ ея же устъ. Свиданіе состоялось въ тотъ же вечеръ: оно продолжалось не долго, и никто не зналъ о немъ, кромѣ той дамы. Ирина не жила уже у графа Рейзенбаха.

— Почему вы вспомнили именно обо мнѣ? спросилъ ее Потугинъ.

Она начала-было распространяться объ его хорошихъ качествахъ, да вдругъ остановилась...

— Нѣтъ, промолвила она:—вамъ надобно правду говорить. Я знала, я знаю, что вы меня любите; вотъ отчего я рѣшилась... И тутъ же разсказала ему все.

Элиза Бѣльская была сирота; родственники ея не любили и разсчитывали на ея наслѣдство... ей предстояла гибель. Спасая её, Ирина дѣйствительно оказывала услугу тому, кто былъ всему причиной и кто самъ теперь сталъ весьма близокъ къ ней, къ Иринѣ... Потугинъ, молча, долго посмотрѣлъ на Ирину, и согласился. Она заплакала и вся въ слезахъ бросилась ему на шею. И онъ заплакалъ... но различны были ихъ слезы. Уже все приготовлялось къ тайному браку, мощная рука устранила всѣ препятствія... Но случилась болѣзнь... а тамъ родилась

дочь, а тамъ мать... отравилась. Что̀ было дѣлать съ ребенкомъ? Потугинъ взялъ его на свое попеченіе изъ тѣхъ же рукъ, изъ рукъ Ирины.

Страшная, темная исторія... Мимо, читатель, мимо!

Больше часу прошло еще, прежде чѣмъ Литвиновъ рѣшился вернуться въ свою гостиницу. Онъ уже приближался къ ней, какъ вдругъ услышалъ шаги за собой. Казалось, кто-то упорно слѣдилъ за нимъ и шелъ скорѣе, когда онъ прибавлялъ шагу. Подойдя подъ фонарь, Литвиновъ оглянулся, и узналъ генерала Ратмирова. Въ бѣломъ галстукѣ, въ щегольскомъ пальто на-распашку, съ вереницей звѣздочекъ и крестиковъ на золотой цѣпочкѣ въ петлѣ фрака, генералъ возвращался съ обѣда, одинъ. Взглядъ его, прямо и дерзко устремленный на Литвинова, выражалъ такое презрѣніе и такую ненависть, вся его фигура дышала такимъ настойчивымъ вызовомъ, что Литвиновъ почелъ своею обязанностью пойти, скрѣпя сердце, ему навстрѣчу, пойти на „исторію“. Но поровнявшись съ Литвиновымъ, лицо генерала мгновенно измѣнилось: опять появилось на немъ обычное игривое изящество, и рука въ свѣтло-лиловой перчаткѣ высоко приподняла вылощенную шляпу. Литвиновъ молча снялъ свою, и каждый пошелъ своей дорогой.

„Вѣрно, замѣтилъ что-нибудь!“ подумалъ Литвиновъ. „Хоть бы... другой кто-нибудь!“ подумалъ генералъ.

Татьяна играла въ пикетъ со своею тёткой, когда Литвиновъ вошелъ къ нимъ въ комнату.

— Однако, хорошъ ты, мой батюшка! воскликнула Капитолина Марковна, и бросила карты на столъ:—въ первый же день, да на цѣлый вечеръ пропалъ! Ужъ мы ждали васъ, ждали, бранили, бранили...

— Я, тётя, ничего не говорила, замѣтила Татьяна.

— Ну, ты извѣстная смиренница! Стыдитесь, милостивый государь! еще женихъ!

Литвиновъ кое-какъ извинился и подсѣлъ къ столу.

— Зачѣмъ же вы перестали играть? спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Вотъ тебѣ нà! Мы съ ней въ карты отъ скуки играемъ, когда дѣлать нечего... а теперь вы пришли.

— Если вамъ угодно послушать вечернюю музыку, промолвилъ Литвиновъ:—я съ великою охотой провожу васъ.

Капитолина Марковна посмотрѣла на свою племянницу.

— Пойдемте, тётя, я готова, сказала та:—но не лучше ли остаться дома?

— И то дѣло! Будемте чай пить, по-нашему, по-московскому, съ самоваромъ; да поболтаемте хорошенько. Мы еще не покалякали какъ слѣдуетъ.

Литвиновъ велѣлъ принести чаю, но поболтать хорошенько не удалось. Онъ чувствовалъ постоянное угрызеніе совѣсти; что̀ бы онъ ни говорилъ, ему все казалось, что онъ лжетъ, и что Татьяна догадывается. А между тѣмъ въ ней не замѣчалось перемѣны; она такъ же непринужденно держалась... только взоръ ея ни разу не останавливался на Литвиновѣ, а какъ-то снисходительно и пугливо скользилъ по немъ—и блѣднѣе она была обыкновеннаго.

Капитолина Марковна спросила ее, не болитъ ли у ней голова?

Татьяна хотѣла-было сперва отвѣчать, что нѣтъ, но одумавшись, сказала: „да, немножко“.

— Съ дороги, промолвилъ Литвиновъ, и даже покраснѣлъ отъ стыда.

— Съ дороги, повторила Татьяна, и взоръ ея опять скользнулъ по немъ.

— Надо тебѣ отдохнуть, Танечка.

— Я и такъ скоро спать лягу, тётя.

На столѣ лежалъ *Guide des Voyageurs;* Литвиновъ принялся читать вслухъ описаніе баденскихъ окрестностей.

— Все это такъ, перебила его Капитолина Марковна:—но вотъ что̀ не надо забыть. Говорятъ, здѣсь полотно очень дешево, такъ вотъ бы купить для приданаго.

Татьяна опустила глаза.

— Успѣемъ, тётя. Вы о себѣ никогда не думаете, а вамъ непремѣнно надо сшить себѣ платье. Видите, какія здѣсь всѣ ходятъ нарядныя.

— Э, душа моя! къ чему это? Что̀ я за щеголиха! Добро бы я была такая красивая, какъ эта ваша знакомая, Григорій Михайлычъ, какъ бишь ее?

— Какая знакомая?

— Да вотъ, что̀ мы сегодня встрѣтили.

— А, та! съ притворнымъ равнодушіемъ проговорилъ Литвиновъ, и опять гадко стыдно стало ему. „Нѣтъ! подумалъ онъ, этакъ продолжать невозможно“.

Онъ сидѣлъ подлѣ своей невѣсты, а въ нѣсколькихъ вершкахъ разстоянія отъ нея, въ боковомъ его карманѣ, находился платокъ Ирины.

Капитолина Марковна вышла на минуту въ другую комнату.

— Таня... сказалъ съ усиліемъ Литвиновъ. Онъ въ первый разъ въ тотъ день назвалъ ее этимъ именемъ.

Она обернулась къ нему.

— Я... имѣю сказать вамъ нѣчто важное.

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Когда? Сейчасъ?

— Нѣтъ, завтра.

— А! завтра. Ну, хорошо.

Безконечная жалость мгновенно наполнила душу Литвинова. Онъ взялъ руку Татьяны, и поцѣловалъ ее смиренно, какъ виноватый; сердце въ ней тихонько сжалось, и не порадовалъ ее этотъ поцѣлуй.

Ночью, часу во второмъ, Капитолина Марковна, которая спала въ одной комнатѣ съ своей племянницей, вдругъ приподняла голову и прислушалась.

— Таня! промолвила она: ты плачешь?

Татьяна не тотчасъ отвѣчала.

— Нѣтъ, тётя, послышался ея кроткій голосокъ: — у меня насморкъ.

XX.

„Зачѣмъ я это ей сказалъ?“ думалъ на слѣдующее утро Литвиновъ, сидя у себя въ комнатѣ, передъ окномъ. Онъ съ досадой пожалъ плечами: онъ именно для того и сказалъ это Татьянѣ, чтобъ отрѣзать себѣ всякое отступленіе. На окнѣ лежала записка отъ Ирины: она звала его къ себѣ къ двѣнадцати часамъ. Слова Потугина безпрестанно приходили ему на память; они проносились зловѣщимъ, хотя слабымъ, какъ подземнымъ гуломъ; онъ сердился, и

никакъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Кто-то постучался въ дверь.

— Wer da? спросилъ Литвиновъ.

— А! вы дома! Отоприте! раздался хриплый басъ Биндасова.

Ручка замка затрещала.

Литвиновъ поблѣднѣлъ со злости.

— Нѣтъ меня дома, промолвилъ онъ рѣзко.

— Какъ нѣтъ дома? Это еще что̀ за штука?

— Говорятъ вамъ—нѣтъ дома; убирайтесь.

— Вотъ это мило! А я пришелъ-было денежекъ попризанять, проворчалъ Биндасовъ.

Однако, онъ удалился, стуча по обыкновенію каблуками.

Литвиновъ чуть не выскочилъ ему вслѣдъ: до того захотѣлось ему намять шею противному наглецу. Событія послѣднихъ дней разстроили его нервы: еще не много— и онъ бы заплакалъ. Онъ выпилъ стаканъ холодной воды, заперъ, самъ не зная зачѣмъ, всѣ ящики въ мебеляхъ и пошелъ къ Татьянѣ.

Онъ засталъ ее одну. Капитолина Марковна отправилась по магазинамъ за покупками. Татьяна сидѣла на диванѣ и держала обѣими руками книжку: она ее не читала и едва ли даже знала, что̀ это была за книжка. Она не шевелилась, но сердце сильно билось въ ея груди и бѣлый воротничокъ вокругъ ея шеи вздрагивалъ замѣтно и мѣрно.

Литвиновъ смутился... однако, сѣлъ возлѣ нея, поздоровался, улыбнулся; и она безмолвно ему улыбнулась. Она поклонилась ему, когда онъ вошелъ, поклонилась вѣжливо, не по-дружески—и не взглянула на него. Онъ протянулъ ей руку; она подала ему свои похолодѣвшіе пальцы, тотчасъ высвободила ихъ и снова взялась за книжку. Литвиновъ чувствовалъ, что начать бесѣду съ предметовъ маловажныхъ значило оскорбить Татьяну; она по обыкновенію ничего не требовала, но все въ ней говорило: „я жду, я жду“... Надо было исполнить обѣщаніе. Но онъ,—хотя почти всю ночь ни о чемъ другомъ не думалъ,—онъ не приготовилъ даже первыхъ, вступительныхъ словъ, и рѣ-

шительно не зналъ, какимъ образомъ перервать это жестокое молчаніе.

— Таня, началъ онъ, наконецъ:—я сказалъ вамъ вчера, что имѣю сообщить вамъ нѣчто важное (онъ въ Дрезденѣ наединѣ съ нею начиналъ говорить ей „ты“, но теперь объ этомъ и думать было нечего). Я готовъ, только прошу васъ заранѣе не сѣтовать на меня и быть увѣренной, что мои чувства къ вамъ...

Онъ остановился. Ему духъ захватило. Татьяна все не шевелилась и не глядѣла на него: только крѣпче прежняго стискивала книгу.

— Между нами, продолжалъ Литвиновъ, не докончивъ начатой рѣчи:—между нами всегда была полная откровенность; я слишкомъ уважаю васъ, чтобы лукавить съ вами; я хочу доказать вамъ, что умѣю цѣнить возвышенность и свободу вашей души, и хотя я... хотя, конечно...

— Григорій Михайлычъ, начала Татьяна ровнымъ голосомъ, и все лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью:— я приду вамъ на помощь: вы разлюбили меня и не знаете, какъ мнѣ это сказать.

Литвиновъ невольно вздрогнулъ.

— Почему же?.. проговорилъ онъ едва внятно:—почему вы могли подумать?.. Я, право, не понимаю...

— Что̀ же, не правда это? Не правда это, скажите? скажите?

Татьяна повернулась къ Литвинову всѣмъ тѣломъ; лицо ея съ отброшенными назадъ волосами приблизилось къ его лицу, и глаза ея, такъ долго на него не глядѣвшіе, такъ и впились въ его глаза.

— Не правда это? повторила она.

Онъ ничего не сказалъ, не произнесъ ни одного звука. Онъ бы не могъ солгать въ это мгновеніе, если бъ даже зналъ, что она ему повѣритъ, и что его ложь спасетъ ее; онъ даже взоръ ея вынести былъ не въ силахъ. Литвиновъ ничего не сказалъ, но она уже не нуждалась въ отвѣтѣ; она прочла этотъ отвѣтъ въ самомъ его молчаніи, въ этихъ виноватыхъ, потупленныхъ глазахъ,—и откинулась назадъ и уронила книгу... Она еще сомнѣвалась до

того мгновенья, и Литвиновъ это понялъ; онъ понялъ, что она еще сомнѣвалась — и какъ безобразно, дѣйствительно безобразно было все, что̀ онъ сдѣлалъ!

Онъ бросился передъ нею на колѣни.

— Таня, воскликнулъ онъ: — если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело видѣть тебя въ этомъ положеніи, какъ ужасно мнѣ думать, что это я... я! У меня сердце растерзано; я самъ себя не узнаю; я потерялъ себя и тебя, и все... Все разрушено, Таня, все! Могъ ли я ожидать, что я... я нанесу такой ударъ тебѣ, моему лучшему другу, моему ангелу-хранителю!.. Могъ ли я ожидать, что мы такъ съ тобой увидимся, такой проведемъ день, каковъ былъ вчерашній!..

Татьяна хотѣла-было встать и удалиться. Онъ удержалъ ее за край ея одежды.

— Нѣтъ, выслушай меня еще минуту. Ты видишь, я передъ тобою на колѣняхъ, но не прощенія пришелъ я просить, — ты не можешь и не должна простить меня; — я пришелъ тебѣ сказать, что другъ твой погибъ, что онъ падаетъ въ бездну и не хочетъ увлекать тебя съ собою... А спасти меня... нѣтъ! даже ты не можешь спасти меня. Я самъ бы оттолкнулъ тебя... Я погибъ, Таня, я безвозвратно погибъ!

Татьяна посмотрѣла на Литвинова.

— Вы погибли! проговорила она, какъ бы не вполнѣ его понимая. — Вы погибли?

— Да, Таня, я погибъ. Все прежнее, все дорогое, все, чѣмъ я доселѣ жилъ, — погибло для меня; все разрушено, все порвано, и я не знаю, что̀ меня ожидаетъ впереди. Ты сейчасъ мнѣ сказала, что я разлюбилъ тебя... Нѣтъ, Таня, я не разлюбилъ тебя, но другое, страшное, неотразимое чувство налетѣло, нахлынуло на меня. Я противился пока могъ...

Татьяна встала; ея брови сдвинулись; блѣдное лицо потемнѣло. Литвиновъ тоже поднялся.

— Вы полюбили другую женщину, начала она: — и я догадываюсь, кто она... Мы съ ней вчера встрѣтились, не правда ли?.. Что жъ! Я знаю, что̀ мнѣ теперь остается дѣ-

лать. Такъ какъ вы сами говорите, что это чувство въ васъ неизмѣнно... (Татьяна остановилась на мигъ: быть-можетъ, она еще надѣялась, что Литвиновъ не пропуститъ этого послѣдняго слова безъ возраженія, но онъ ничего не сказалъ), то мнѣ остается возвратить вамъ... ваше слово.

Литвиновъ наклонилъ голову, какъ бы съ покорностью принимая заслуженный ударъ.

— Вы имѣете право негодовать на меня, промолвилъ онъ:—вы имѣете полное право упрекать меня въ малодушіи... въ обманѣ.

Татьяна снова посмотрѣла на него.

— Я не упрекала васъ, Литвиновъ, я не обвиняю васъ. Я съ вами согласна: самая горькая правда лучше того, что̀ происходило вчера. Что̀ за жизнь теперь была бы наша!

„Что̀ за жизнь будетъ моя теперь!“ скорбно отозвалось въ душѣ Литвинова.

Татьяна приблизилась къ двери спальни.

— Я васъ прошу оставить меня одну на нѣсколько времени, Григорій Михайлычъ, — мы еще увидимся, мы еще потолкуемъ. Все это было такъ неожиданно. Мнѣ надо немного собраться съ силами... оставьте меня... пощадите мою гордость. Мы еще увидимся.

И сказавъ эти слова, Татьяна проворно удалилась и заперла за собою дверь на ключъ.

Литвиновъ вышелъ на улицу, какъ отуманенный, какъ оглушенный; что-то темное и тяжелое внѣдрилось въ самую глубь его сердца; подобное ощущеніе долженъ испытать человѣкъ, зарѣзавшій другого, и между тѣмъ легко ему становилось, какъ будто онъ сбросилъ, наконецъ, ненавистную ношу. Великодушіе Татьяны его уничтожило, онъ живо чувствовалъ все, что̀ онъ терялъ... и что же? къ раскаянію его примѣшивалась досада; онъ стремился къ Иринѣ, какъ къ единственно оставшемуся убѣжищу,— и злился на нее. Съ нѣкоторыхъ поръ и съ каждымъ днемъ чувства Литвинова становились все сильнѣе и запутаннѣе; эта путаница мучила, раздражала его, онъ терялся въ этомъ хаосѣ. Онъ жаждалъ одного: выйти, наконецъ, на дорогу, на какую бы то ни было, лишь бы не кружиться

болѣе въ этой безтолковой полутьмѣ. Людямъ положительнымъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью; она нарушаетъ самый смыслъ ихъ жизни... Но природа не справляется съ логикой, съ нашею человѣческой логикой; у ней есть своя, которую мы не понимаемъ и не признаёмъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ.

Разставшись съ Татьяной, Литвиновъ держалъ одно въ умѣ: увидѣться съ Ириной; онъ и отправился къ ней. Но генералъ былъ дома,—такъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ ему швейцаръ,—и онъ не захотѣлъ войти, онъ не чувствовалъ себя въ состояніи притворяться, и поплелся къ Конверсаціонсгаузу. Неспособность Литвинова притворяться въ этотъ день испытали на себѣ и Ворошиловъ, и Пипцалкинъ, которые попались ему навстрѣчу: онъ такъ и брякнулъ одному, что онъ пустъ, какъ бубенъ; другому, что онъ скученъ до обморока; хорошо еще, что Биндасовъ не подвернулся: навѣрное произошелъ бы „grosser Scandal". Оба молодые человѣка изумились; Ворошиловъ даже вопросъ себѣ поставилъ, не требуетъ ли офицерская честь удовлетворенія?—но, какъ Гоголевскій поручикъ Пироговъ, успокоилъ себя въ кофейной буттеръ-бродами. Литвиновъ увидалъ издали Капитолину Марковну, хлопотливо перебѣгавшую въ своей пестрой мантильѣ изъ лавки въ лавку... Совѣстно стало ему передъ доброю, смѣшною, благородною старушкой. Потомъ онъ вспомнилъ о Потугинѣ, о вчерашнемъ разговорѣ... Но вотъ, что-то повѣяло на него, что-то неосязаемое и несомнѣнное; если бы дуновеніе шло отъ падающей тѣни, оно бы не было неуловимѣе, но онъ тотчасъ почувствовалъ, что это приближалась Ирина. Дѣйствительно: она появилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ руку съ другой дамой; глаза ихъ тотчасъ встрѣтились. Ирина вѣроятно замѣтила что-то особенное въ выраженіи лица у Литвинова; она остановилась передъ лавкой, въ которой продавалось множество крошечныхъ деревянныхъ часовъ шварцвальдскаго издѣлія, подозвала его къ себѣ движеніемъ головы и показывая ему одни изъ этихъ часиковъ, прося его полюбоваться миловиднымъ ци-

ферблатомъ съ раскрашенной кукушкой на верху, промолвила не шопотомъ, а обыкновеннымъ своимъ голосомъ, какъ бы продолжая начатую фразу—оно меньше привлекаетъ вниманіе постороннихъ.

— Приходите черезъ часъ, я буду дома одна.

Но тутъ подлетѣлъ къ ней извѣстный дамскій угодникъ мсьё Вердіе, и началъ приходить въ восторгъ отъ цвѣта feuille morte ея платья, отъ ея низенькой испанской шляпки, надвинутой на самыя брови... Литвиновъ исчезъ въ толпѣ.

XXI.

— Григорій, говорила ему два часа спустя Ирина, сидя возлѣ него на кушеткѣ и положивъ ему обѣ руки на плечо.—Что̀ съ тобой? Скажи мнѣ теперь, скорѣе, пока мы одни.

— Со мною? промолвилъ Литвиновъ. — Я счастливъ, счастливъ, вотъ что̀ со мной.

Ирина потупилась, улыбнулась, вздохнула.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ, мой милый.

Литвиновъ задумался.

— Ну, такъ знай же... такъ какъ ты этого непремѣнно требуешь (Ирина широко раскрыла глаза и слегка отшатнулась): я сегодня все сказалъ моей невѣстѣ.

— Какъ все? Ты меня назвалъ?

Литвиновъ даже руками всплеснулъ.

— Ирина, ради Бога, какъ могла тебѣ такая мысль въ голову придти! чтобы я...

— Ну извини, меня... извини меня. Что̀ же ты сказалъ?

— Я сказалъ ей, что я не люблю ее болѣе.

— Она спросила, почему?

— Я не скрылъ отъ нея, что я полюбилъ другую, и что мы должны разстаться.

— Ну... и что̀ жъ она? Согласна?

— Ахъ, Ирина! что это за дѣвушка! Она вся самоотверженіе, вся благородство!

— Вѣрю, вѣрю... впрочемъ, ей другого ничего и не оставалось.

— И ни одного упрека, ни одного горькаго слова мнѣ, человѣку, который испортилъ всю ея жизнь, обманулъ ее, бросилъ безжалостно...

Ирина разсматривала свои ногти.

— Скажи мнѣ, Григорій... она тебя любила?

— Да, Ирина, она любила меня.

Ирина помолчала, оправила платье.

— Признаюсь, начала она:—я хорошенько не понимаю, зачѣмъ это тебѣ вздумалось съ нею объясняться?

— Какъ зачѣмъ, Ирина! Неужели бы ты хотѣла, чтобъ я лгалъ, притворялся передъ нею, передъ этою чистою душой? Или ты полагала...

— Я ничего не полагала, перебила Ирина.—Я, каюсь мало о ней думала... Я не умѣю думать о двухъ людяхъ разомъ.

— То-есть, ты хочешь сказать...

— Ну, и что-жъ? Она уѣзжаетъ, эта чистая душа? вторично перебила Ирина.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Литвиновъ.—Я еще долженъ увидаться съ ней. Но она не останется.

— А! счастливый путь!

— Нѣтъ, она не останется. Впрочемъ, я теперь тоже не о ней думаю, я думаю о томъ, что̀ *ты* мнѣ сказала, что̀ *ты* обѣщала мнѣ.

Ирина исподлобья посмотрѣла на него.

— Неблагодарный! ты еще не доволенъ?

— Нѣтъ, Ирина, я не доволенъ. Ты меня осчастливила, но я не доволенъ, и ты меня понимаешь.

— То-есть, я...

— Да, ты понимаешь меня. Вспомни твои слова, вспомни, что ты мнѣ писала. Я не могу дѣлиться съ другимъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу согласиться на жалкую роль тайнаго любовника, я не одну мою жизнь, я и другую жизнь бросилъ къ твоимъ ногамъ, я отъ всего отказался, я все разбилъ въ прахъ, безъ сожалѣнія и безъ возврата, но за то я вѣрю, я твердо убѣжденъ, что и ты сдержишь свое обѣщаніе и соединишь навсегда твою участь съ моею...

— Ты хочешь, чтобъ я бѣжала съ тобою? Я готова... (Литвиновъ восторженно припалъ къ ея рукамъ.) Я готова, я не отказываюсь отъ своего слова. Но ты самъ обдумалъ ли тѣ затрудненія... приготовилъ ли средства?

— Я? еще ничего не успѣлъ ни обдумать, ни приготовить, но скажи только: да, позволь мнѣ дѣйствовать, и мѣсяца не пройдетъ...

— Мѣсяца! Мы черезъ двѣ недѣли уѣзжаемъ въ Италію.

— Мнѣ и двухъ недѣль достаточно. О, Ирина! ты какъ будто холодно принимаешь мое предложеніе, быть-можетъ, оно кажется тебѣ мечтательнымъ, но я не мальчикъ, я не привыкъ тѣшиться мечтами, я знаю, какой это страшный шагъ, знаю, какую я беру на себя отвѣтственность; но я не вижу другого исхода. Подумай наконецъ, мнѣ уже для того должно навсегда разорвать всѣ связи съ прошедшимъ, чтобы не прослыть презрѣннымъ лгуномъ въ глазахъ той дѣвушки, которую я въ жертву тебѣ принесъ!

Ирина вдругъ выпрямилась и глаза ея засверкали.

— Ну, ужъ извините, Григорій Михайлычъ! Если я рѣшусь, если я убѣгу, такъ я убѣгу съ человѣкомъ, который это сдѣлаетъ для меня, собственно для меня, а не для того, чтобы не уронить себя во мнѣніи флегматической барышни, у которой въ жилахъ, вмѣсто крови, вода съ молокомъ, du lait coupé! И еще скажу я вамъ: мнѣ, признаюсь, въ первый разъ довелось услышать, что тотъ, къ кому я благосклонна, достоинъ сожалѣнія, играетъ жалкую роль! Я знаю роль болѣе жалкую: роль человѣка, который самъ не знаетъ, что̀ происходитъ въ его душѣ!

Литвиновъ выпрямился въ свою очередь.

— Ирина, началъ-было онъ...

Но она вдругъ прижала обѣ ладони ко лбу и, съ судорожнымъ порывомъ бросившись ему на грудь, обняла его съ неженскою силой.

— Прости меня, прости меня, заговорила она трепетнымъ голосомъ:—прости меня, Григорій! Ты видишь, какъ я испорчена, какая я гадкая, ревнивая, злая! Ты видишь

какъ я нуждаюсь въ твоей помощи, въ твоемъ снисхожденіи! Да, спаси меня, вырви меня изъ этой бездны, пока я не совсѣмъ еще погибла! Да, убѣжимъ, убѣжимъ отъ этихъ людей, отъ этого свѣта въ какой-нибудь далекій, прекрасный, свободный край! Быть-можетъ, твоя Ирина станетъ наконецъ достойнѣе тѣхъ жертвъ, которыя ты ей приносишь! Не сердись на меня, прости меня, мой милый—и знай, что я сдѣлаю все; что̀ ты прикажешь, пойду всюду, куда ты меня поведешь!

Сердце перевернулось въ Литвиновѣ. Ирина сильнѣе прежняго прижималась къ нему всѣмъ своимъ молодымъ и гибкимъ тѣломъ. Онъ нагнулся къ ея душистымъ разсыпаннымъ волосамъ и, въ опьянѣніи благодарности и восторга, едва дерзалъ ласкать ихъ рукой, едва касался до нихъ губами.

— Ирина, Ирина, твердилъ онъ:—мой ангелъ...

Она внезапно приподняла голову, прислушалась...—Это шаги моего мужа... онъ вошелъ въ свою комнату, прошептала она и проворно отодвинувшись, пересѣла на кресло. Литвиновъ хотѣлъ-было встать...—Куда же ты? продолжала она тѣмъ же шопотомъ, останься; онъ ужъ и такъ тебя подозрѣваетъ. Или ты боишься его?—Она не спускала глазъ съ двери.—Да, это онъ; онъ сейчасъ сюда придетъ. Разсказывай мнѣ что-нибудь, говори со мною.—Литвиновъ не могъ тотчасъ найтись и молчалъ.—Вы не пойдете завтра въ театръ? произнесла она громко.—Даютъ *le Verre d'eau*, устарѣлая піеса, и Плесси ужасно кривляется... Мы точно въ лихорадкѣ, прибавила она, понизивъ голосъ:—этакъ нельзя; это надо хорошенько обдумать. Я должна предупредить тебя, что всѣ мои деньги у него; mais j'ai mes bijoux. Уѣдемъ въ Испанію, хочешь?—Она снова возвысила голосъ.—Отчего это всѣ актрисы толстѣютъ? Вотъ хоть Madeleine Brohan... Да говори же, не сиди такъ молча. У меня голова кружится. Но ты не долженъ сомнѣваться во мнѣ... Я тебѣ дамъ знать, куда тебѣ завтра придти. Только ты напрасно сказалъ той барышнѣ... Ah, mais c'est charmant! воскликнула она вдругъ, и засмѣявшись нервически, оборвала оборку платка.

— Можно войти? спросилъ изъ другой комнаты Ратмировъ.

— Можно... можно.

Дверь отворилась, и на порогѣ появился генералъ. Онъ поморщился при видѣ Литвинова, однако поклонился ему, то-есть качнулъ верхнею частью корпуса.

— Я не зналъ, что у тебя гость, промолвилъ онъ: — je vous demande pardon de mon indiscrétion. А васъ Баденъ все еще забавляетъ, мсьё... Литвиновъ?

Ратмировъ всегда произносилъ фамилію Литвинова съ запинкой, точно онъ всякій разъ забывалъ, не тотчасъ припоминалъ ее... Этимъ, да еще преувеличенно-приподнятою шляпой при поклонѣ, онъ думалъ его уязвить.

— Я здѣсь не скучаю, мсьё le général.

— Въ самомъ дѣлѣ? А мнѣ Баденъ страшно пріѣлся. Мы скоро отсюда уѣзжаемъ, не правда ли, Ирина Павловна? Assez de Bade comme ça. Впрочемъ, я на ваше счастье сегодня пятьсотъ франковъ выигралъ.

Ирина кокетливо протянула руку.

— Гдѣ-жъ они? Пожалуйте. На булавки.

— За мной, за мной... А вы уже уходите, мсьё... Литвиновъ.

— Да-съ, ухожу, какъ изволите видѣть.

Ратмировъ опять качнулъ корпусомъ.

— До пріятнаго свиданія!

— Прощайте, Григорій Михайлычъ, промолвила Ирина.—А я сдержу свое обѣщаніе.

— Какое? Можно полюбопытствовать? спросилъ ея мужъ.

Ирина улыбнулась.

— Нѣтъ, это такъ... между нами. C'est à propos du voyage... où il vous plaira. Ты знаешь—сочиненіе Сталя?

— А! какъ же, какъ же, знаю. Премилые рисунки.

Ратмировъ казался въ ладахъ съ женою: онъ говорилъ ей „ты“.

XXII.

„Ужъ лучше не думать, право“, твердилъ Литвиновъ, шагая по улицѣ и чувствуя, что внутренняя возня снова поднимается въ немъ. „Дѣло рѣшеное. Она сдержитъ

свое обѣщаніе, и мнѣ остается принять всѣ нужныя мѣры... Но она словно сомнѣвается...“ Онъ встряхнулъ головой. Ему самому въ странномъ свѣтѣ представлялись собственныя намѣренія; чѣмъ-то натянутымъ и неправдоподобнымъ отзывались они. Нельзя долго носиться съ однѣми и тѣми же мыслями: онѣ передвигаются постепенно, какъ стеклышки калейдоскопа... смотришь: ужъ образы совсѣмъ не тѣ передъ глазами. Ощущеніе глубокой усталости овладѣло Литвиновымъ... Отдохнуть бы хоть часикъ... Но Таня? Онъ встрепенулся и, уже не разсуждая, покорно побрелъ домой, и только въ голову ему пришло, что его сегодня какъ мячъ перебрасываетъ отъ одной къ другой... Все равно: надо было покончить. Онъ вернулся въ гостиницу и также проворно, почти безчувственно, безъ колебанія и замедленія, отправился къ Татьянѣ.

Его встрѣтила Капитолина Марковна. Съ перваго взгляда на нее, онъ уже зналъ, что ей все было извѣстно: глаза бѣдной дѣвицы опухли отъ слезъ, и окаймленное взбитыми бѣлыми локонами, покраснѣвшее лицо выражало испугъ и тоску негодованія, горя и безграничнаго изумленія. Она устремилась-было къ Литвинову, но тутъ же остановилась, и закусивъ трепетавшія губы, глядѣла на него такъ, какъ будто и умолить его хотѣла, и убить, и увѣриться, что все это сонъ, безуміе, невозможное дѣло, неправда ли?

— Вотъ, вы... вы пришли, пришли, заговорила она... Дверь изъ сосѣдней комнаты мгновенно распахнулась—и до прозрачности блѣдная, но спокойная, легкою походкой вошла Татьяна.

Она тихонько обняла тетку одною рукой и посадила ее возлѣ себя.

— Сядьте и вы, Григорій Михайлычъ, сказала она Литвинову, который стоялъ, какъ потерянный, у двери. — Я очень рада, что еще разъ вижусь съ вами. Я сообщила тетушкѣ ваше рѣшеніе, наше общее рѣшеніе; она вполнѣ его раздѣляетъ и одобряетъ... Безъ взаимной любви не можетъ быть счастья, одного взаимнаго уваженія недо-

статочно (при словѣ „уваженіе“ Литвиновъ невольно потупился), и лучше разстаться прежде, чѣмъ раскаиваться потомъ. Неправда ли, тетя?

— Да конечно, начала Капитолина Марковна: — конечно, Танюша, тотъ, кто не умѣетъ одѣнить тебя... кто рѣшился...

— Тетя, тетя, перебила ее Татьяна:—помните, что вы мнѣ обѣщали. Вы сами мнѣ всегда говорили: правда, Татьяна, правда прежде всего—и свобода. Ну, а правда не всегда сладка бываетъ, и свобода тоже; а то какая была бы наша заслуга?

Она нѣжно поцѣловала Капитолину Марковну въ ея бѣлые волосы и, обратившись къ Литвинову, продолжала:

— Мы съ тетей положили уѣхать изъ Бадена... Я думаю, для всѣхъ насъ этакъ будетъ легче.

— Когда вы думаете уѣхать? глухо проговорилъ Литвиновъ. Онъ вспомнилъ, что тѣ же самыя слова ему недавно сказала Ирина.

Капитолина Марковна подалась-было впередъ, но Татьяна удержала ее, ласково коснувшись ея плеча.

— Вѣроятно скоро, очень скоро.

— И позволите ли вы мнѣ спросить, куда вы намѣрены ѣхать? тѣмъ же голосомъ проговорилъ Литвиновъ.

— Сперва въ Дрезденъ, потомъ вѣроятно въ Россію.

— Да на что же вамъ теперь это нужно знать, Григорій Михайлычъ... воскликнула Капитолина Марковна.

— Тетя, тетя, вмѣшалась опять Татьяна. Наступило небольшое молчаніе.

— Татьяна Петровна, началъ Литвиновъ: — вы понимаете, какое мучительно-тяжелое и скорбное чувство я долженъ испытывать въ это мгновеніе...

Татьяна встала.

— Григорій Михайлычъ, промолвила она:—не будемте говорить объ этомъ... Пожалуйста, прошу васъ, если не для васъ, такъ для меня. Я не со вчерашняго дня васъ знаю и хорошо могу себѣ представить, что̀ вы должны чувствовать теперь. Но къ чему говорить, къ чему растравливать... (Она остановилась: видно было, что она

хотѣла переждать поднявшееся въ ней волненіе, поглотить уже накипавшія слезы; ей это удалось). Къ чему растравливать рану, которую нельзя излѣчить? Предоставимте это времени. А теперь у меня до васъ просьба, Григорій Михайлычъ; будьте такъ добры, я вамъ дамъ сейчасъ письмо: отнесите это письмо на почту сами, оно довольно важно, а намъ съ тетей теперь некогда... Я вамъ очень буду благодарна. Подождите минутку... я сейчасъ...

На порогѣ двери Татьяна съ безпокойствомъ оглянулась на Капитолину Марковну; но она такъ важно и чинно сидѣла, съ такимъ строгимъ выраженіемъ въ нахмуренныхъ бровяхъ и крѣпко сжатыхъ губахъ, что Татьяна только головой ей кивнула и вышла.

Но едва лишь дверь за ней закрылась, какъ всякое выраженіе важности и строгости мгновенно исчезло съ лица Капитолины Марковны: она встала, на цыпочкахъ подбѣжала къ Литвинову и, вся сгорбившись и стараясь заглянуть ему въ глаза, заговорила трепетнымъ, слезливымъ шопотомъ:

— Господи Боже мой, заговорила она:—Григорій Михайлычъ, что̀ жъ это такое: сонъ это, что ли? *Вы* отказываетесь отъ Тани, вы ее разлюбили, вы измѣняете своему слову! Вы это дѣлаете, Григорій Михайлычъ, вы, на кого мы всѣ надѣялись, какъ на каменную стѣну! Вы? Вы? Вы? Ты, Гриша?.. Капитолина Марковна остановилась.— Да вѣдь вы ее убьете, Григорій Михайлычъ, продолжала она, не дождавшись отвѣта, а слезы такъ и покатились мелкими капельками по ея щекамъ.—Вы не смотрите на нее, что она теперь храбрится, вы вѣдь знаете, какой у ней нравъ! Она никогда не жалуется; она себя не жалѣетъ, такъ другіе должны ее жалѣть! Вотъ она теперь мнѣ толкуетъ: „тетя, надо сохранить наше достоинство!“, а какое тутъ достоинство, когда я смерть, смерть предвижу...—Татьяна стукнула стуломъ въ сосѣдней комнатѣ.— Да, смерть предвижу, подхватила еще тише старушка.— И что̀ такое могло сдѣлаться? Приворожили васъ, что̀ ли? Давно ли вы писали ей самыя нѣжныя письма? Да, и наконецъ, развѣ честный человѣкъ такъ можетъ посту-

пать? Я, вы знаете, женщина безъ всякихъ предразсудковъ, ésprit fort, я и Танѣ дала такое же воспитаніе, у ней тоже свободная душа...

— Тетя! раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ Татьяны.

— Но честное слово—это долгъ, Григорій Михайлычъ. Особенно для людей съ вашими, съ нашими правилами! Коли мы долга признавать не будемъ, что̀ жъ у насъ останется? Этого нельзя нарушать—такъ, по собственной прихоти, не соображаясь съ тѣмъ, что каково, молъ, другому! Это безсовѣстно... да, это—преступленіе; какая же это свобода!

— Тетя, поди сюда пожалуйста, послышалось снова.

— Сейчасъ, душа моя, сейчасъ... — Капитолина Марковна схватила Литвинова за руку. — Я вижу, вы сердитесь, Григорій Михайлычъ... („Я?! я сержусь?!“ хотѣлось ему воскликнуть, но языкъ его онѣмѣлъ). — Я не хочу сердить васъ—о, Господи! до того ли мнѣ! я, напротивъ, просить васъ хочу: одумайтесь, пока есть время, не губите ея, не губите собственнаго счастія, она еще повѣритъ вамъ. Гриша, она повѣритъ тебѣ, ничего еще не пропало; вѣдь она тебя любитъ такъ, какъ никто, никогда не полюбитъ тебя! Брось этотъ ненавистный Баденъ-Баденъ, уѣдемъ вмѣстѣ, выйдь только изъ-подъ этого волшебства, а главное: пожалѣй, пожалѣй...

— Да тетя, промолвила Татьяна съ оттѣнкомъ нетерпѣнія въ голосѣ.

Но Капитолина Марковна не слушала ея.

— Скажи только: „да!“ твердила она Литвинову: — а ужъ я все улажу... Ну, хоть головой мнѣ кивни! головкой-то хоть разочекъ, вотъ такъ!

Литвиновъ охотно, кажется, умеръ бы въ эту минуту; но слова „да!“ онъ не произнесъ, и головой онъ не кивнулъ.

Съ письмомъ въ рукѣ появилась Татьяна. Капитолина Марковна тотчасъ отскочила отъ Литвинова и, отвернувъ лицо въ сторону, низко нагнулась надъ столомъ, какъ бы разсматривая лежавшіе на немъ счеты и бумаги.

Татьяна приблизилась къ Литвинову.

— Вотъ, сказала она: — то письмо, о которомъ я вамъ говорила... Вы сейчасъ пойдете на почту, неправда ли?

Литвиновъ поднялъ глаза... Передъ нимъ, дѣйствительно, стоялъ его судья. Татьяна показалась ему выше, стройнѣе; просіявшее небывалою красотой лицо величаво окаменѣло, какъ у статуи; грудь не поднималась, и платье, одноцвѣтное и тѣсное, какъ хитонъ, падало прямыми, длинными складками мраморныхъ тканей къ ея ногамъ, которыя оно закрывало. Татьяна глядѣла прямо передъ собой, на одного только Литвинова, и взглядъ ея ровный и холодный, былъ также взглядомъ статуи. Онъ прочелъ въ немъ свой приговоръ; наклонился, взялъ письмо изъ неподвижно-протянутой къ нему руки и удалился молча.

Капитолина Марковна бросилась къ Татьянѣ, но та отклонила ея объятія и опустила глаза; краска распространилась по ея лицу, и со словами: „ну, теперь скорѣе!“ она вернулась въ спальню; Капитолина Марковна послѣдовала за ней, повѣсивъ голову.

На письмѣ, врученномъ Литвинову Татьяной, стоялъ адресъ одной ея дрезденской пріятельницы, нѣмки, которая отдавала въ наемъ небольшія меблированныя квартиры. Литвиновъ опустилъ письмо въ ящикъ, и ему показалось, что, вмѣстѣ съ этимъ маленькимъ клочкомъ бумажки, онъ все свое прошедшее, всю жизнь свою опустилъ въ могилу. Онъ вышелъ за городъ и долго бродилъ по узкимъ тропинкамъ между виноградниками; онъ не могъ отбиться, какъ отъ жужжанія назойливой лѣтней мухи, отъ постояннаго ощущенія презрѣнія къ самому себѣ: ужъ очень незавидную роль разыгралъ онъ въ этомъ послѣднемъ свиданіи... А когда онъ вернулся въ гостиницу и спустя нѣсколько времени освѣдомился о своихъ дамахъ, ему отвѣтили, что онѣ тотчасъ послѣ его ухода велѣли отвезти себя на желѣзную дорогу и отправились съ почтовымъ поѣздомъ неизвѣстно куда. Вещи ихъ были уложены и счеты уплачены съ утра. Татьяна попросила Литвинова отнести письмо на почту, очевидно, съ цѣлію удалить его. Онъ попытался спросить швейцара: не оставили ли эти дамы на его имя записки; но швейцаръ отвѣчалъ отрицательно, и даже изумился; видно было, что и ему этотъ внезапный отъѣздъ съ нанятой за не-

дѣлю квартиры казался сомнительнымъ и страннымъ. Литвиновъ повернулся къ нему спиной и заперся у себя въ комнатѣ.

Онъ не выходилъ изъ нея до слѣдующаго дня; бо̀льшую часть ночи онъ просидѣлъ за столомъ, писалъ и рвалъ написанное... Заря уже занималась, когда онъ окончилъ свою работу,—то было письмо къ Иринѣ.

XXIII.

Вотъ что̀ стояло въ этомъ письмѣ къ Иринѣ:

„Моя невѣста уѣхала вчера: мы съ ней никогда больше не увидимся... я даже не знаю навѣрное, гдѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что̀ мнѣ до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нею; самые труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ никакого смысла и примѣненія; все это умерло; мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашняго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю... И нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того, чтобы жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою... Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изъ всего этого мертваго прошлаго, изо всѣхъ этихъ — въ дымъ и прахъ обратившихся — начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточно; я весь въ этой любви, эта любовь—весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина! Ты меня знаешь, Ирина, ты знаешь, что всякая фраза мнѣ чужда и противна, и какъ ни сильны слова, въ которыхъ я стараюсь выразить мое чувство, ты не заподозришь ихъ искренности, ты не найдешь ихъ преувеличенными. Не мальчикъ въ порывѣ минутнаго восторга лепечетъ передъ тобою необдуманныя клятвы, а человѣкъ уже испытанный лѣтами — просто и прямо, чуть не съ ужасомъ, высказываетъ то, что̀ онъ призналъ несомнѣнною правдой.

Да, любовь твоя все для меня замѣнила — все, все! Суди же сама; могу ли я оставить это *все* въ рукахъ другого, могу ли я позволить ему располагать тобою? Ты, ты будешь принадлежать ему, все существо мое, кровь моего сердца будетъ принадлежать ему,—а я самъ... гдѣ я? что̀ я? Въ сторонѣ, зрителемъ... зрителемъ собственной жизни! Нѣтъ, это невозможно, невозможно! Участвовать, украдкой участвовать въ томъ, безъ чего не зачѣмъ, невозможно *дышать*... это ложь и смерть. Я знаю, какой великой жертвы я требую отъ тебя, не имѣя на то никакого права; да и что̀ можетъ дать право на жертву? Но не изъ эгоизма поступаю я такъ: эгоисту было бы легче и спокойнѣе не поднимать вовсе этого вопроса. Да, требованія мои тяжелы, и я не удивлюсь, если они тебя испугаютъ.—Тебѣ ненавистны люди, съ которыми ты жить должна, ты тяготишься свѣтомъ, но въ силахъ ли ты бросить этотъ самый свѣтъ, растоптать вѣнецъ, которымъ онъ тебя вѣнчалъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе, мнѣніе тѣхъ ненавистныхъ людей? Вопроси себя, Ирина, не бери на себя ношу не по плечамъ.—Я не хочу упрекать тебя, но помни: ты уже разъ не устояла противъ обаянія. Я такъ мало могу тебѣ дать взамѣнъ того, что ты потеряешь! Слушай же мое послѣднее слово: если ты не чувствуешь себя въ состояніи завтра же, сегодня же все оставить и уйти вслѣдъ за мною — видишь, какъ я смѣло говорю, какъ я себя не жалѣю,—если тебя страшитъ неизвѣстность будущаго, и отчужденіе, и одиночество, и порицаніе людское, если ты не надѣешься на себя, однимъ словомъ: скажи мнѣ это откровенно и безотлагательно, и я уйду; я уйду съ растерзанною душою, но благословлю тебя за твою правду. Если же ты, моя прекрасная, лучезарная царица, дѣйствительно полюбила такого маленькаго и темнаго человѣка, каковъ я, и дѣйствительно готова раздѣлить его участь,— ну, такъ дай мнѣ руку, и отправимся вмѣстѣ въ нашъ трудный путь! Только знай: мое рѣшеніе несомнѣнно: или все, или ничего! Это безумно... но я не могу иначе, не могу, Ирина! Я слишкомъ сильно тебя люблю.

Твой Г. Л.

Письмо это не очень понравилось самому Литвинову; оно не совсѣмъ вѣрно и точно выражало то, что онъ хотѣлъ сказать; неловкія выраженія, то высокопарныя, то книжныя, попадались въ немъ, и ужъ конечно оно не было лучше многихъ другихъ, имъ изорванныхъ писемъ; но оно пришлось послѣднимъ, главное все-таки было высказано—и усталый, измученный, Литвиновъ не чувствовалъ себя способнымъ извлечь что-нибудь другое изъ своей головы. Къ тому жъ, онъ не обладалъ умѣньемъ литературно изложить всю мысль, и, какъ всѣ люди, которымъ это не въ привычку, заботился о слогѣ. Первое его письмо было вѣроятно самымъ лучшимъ: оно горячѣе вылилось изъ сердца. Какъ бы то ни было, Литвиновъ отправилъ къ Иринѣ свое посланіе.

Она отвѣчала ему коротенькою запиской:

„Приходи сегодня ко мнѣ, писала она ему: *онъ* отлучился на цѣлый день. Твое письмо меня чрезвычайно взволновало. Я все думаю, думаю... и голова кружится отъ думъ. Мнѣ очень тяжело, но ты меня любишь, и я счастлива. Приходи.

Твоя И.“

Она сидѣла у себя въ кабинетѣ, когда Литвиновъ вошелъ къ ней. Его ввела та же тринадцати-лѣтняя дѣвочка, которая наканунѣ караулила его на лѣстницѣ. На столѣ передъ Ириной стоялъ раскрытый, полукруглый картонъ съ кружевами; она разсѣянно перебирала ихъ одною рукой; въ другой она держала письмо Литвинова. Она только-что перестала плакать: рѣсницы ея смокли и вѣки припухли; на щекахъ виднѣлись слѣды неотертыхъ слезъ. Литвиновъ остановился на порогѣ: она не замѣтила его входа.

— Ты плачешь? проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

Она встрепенулась, провела рукой по волосамъ и улыбнулась.

— Отчего ты плачешь? повторилъ Литвиновъ. Она молча показала ему на письмо.—Такъ ты отъ этого... промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Подойди сюда, сядь, сказала она: — дай мнѣ руку. Ну да, я плакала... Чему же ты удивляешься? Развѣ *это* легко? Она опять указала на письмо.

Литвиновъ сѣлъ.

— Я знаю, что это не легко, Ирина, я то же самое говорю тебѣ въ моемъ письмѣ... Я понимаю твое положеніе. Но если ты вѣришь въ значеніе твоей любви для меня, если слова мои тебя убѣдили, ты должна также понять, что̀ я чувствую теперь при видѣ твоихъ слезъ. Я пришелъ сюда, какъ подсудимый, и жду: что̀ мнѣ объявятъ? Смерть или жизнь? Твой отвѣтъ все рѣшитъ. Только не гляди на меня такими глазами... Они напоминаютъ мнѣ прежніе, московскіе глаза.

Ирина вдругъ покраснѣла и отвернулась, какъ будто сама чувствуя что-то неладное въ своемъ взорѣ.

— Что̀ ты это говоришь, Григорій? Какъ не стыдно тебѣ! ты желаешь знать мой отвѣтъ... да развѣ ты можешь въ немъ сомнѣваться! Тебя смущаютъ мои слезы... но ты ихъ не понялъ. Твое письмо, другъ мой, навело меня на размышленія. Вотъ, ты пишешь, что моя любовь для тебя все замѣнила, что даже всѣ твои прежнія занятія теперь должны остаться безъ примѣненія; а я спрашиваю тебя, можетъ ли мужчина жить одною любовью? Не прискучитъ ли она ему наконецъ, не захочетъ ли онъ дѣятельности и не будетъ ли онъ пенять на то, что̀ его отъ нея отвлекло? Вотъ какая мысль меня пугаетъ, вотъ чего я боюсь, а не то, что̀ ты предполагалъ.

Литвиновъ внимательно поглядѣлъ на Ирину, и Ирина внимательно поглядѣла на него, точно каждый изъ нихъ желалъ глубже и дальше проникнуть въ душу другого, глубже и дальше того, чего можетъ достигнуть, что̀ можетъ выдать слово.

— Ты напрасно этого боишься, началъ Литвиновъ:—я должно быть дурно выразился.—Скука? Бездѣйствіе? При тѣхъ новыхъ силахъ, которыя мнѣ дастъ твоя любовь? О, Ирина, повѣрь, въ твоей любви для меня цѣлый міръ, и я самъ еще не могу теперь предвидѣть все, что̀ можетъ развиться изъ него!

Ирина задумалась.

— Куда же мы поѣдемъ? шепнула она.

— Куда? Объ этомъ мы еще поговоримъ. Но, стало-быть... стало-быть, ты согласна, согласна? Ирина?

Она посмотрѣла на него.—И ты будешь счастливъ?

— О, Ирина!

— Ни о чемъ жалѣть не будешь? Никогда?

Она нагнулась къ картону съ кружевами и снова принялась перебирать ихъ.

— Не сердись на меня, мой милый, что я въ подобныя минуты занимаюсь этимъ вздоромъ... Я принуждена ѣхать на балъ къ одной дамѣ, мнѣ прислали эти тряпки, и я должна выбрать сегодня. Ахъ! мнѣ ужасно тяжело! воскликнула она вдругъ, и приложилась лицомъ къ краю картона. Слезы снова закапали изъ ея глазъ... Она отвернулась: слезы могли попасть на кружева.

— Ирина, ты опять плачешь, началъ съ безпокойствомъ Литвиновъ.

— Ну да, опять, подхватила Ирина. — Ахъ, Григорій, не мучь меня, не мучь себя!.. Будемъ свободные люди! Что̀ за бѣда, что я пла̀чу! Да и я сама, понимаю ли я, отчего льются эти слезы? Ты знаешь, ты слышалъ мое рѣшеніе, ты увѣренъ, что оно не измѣнится, что я согласна на... какъ ты это сказалъ?.. на все или ничего... чего же еще? Будемъ свободны! Къ чему эти взаимныя цѣпи? Мы теперь одни съ тобою, ты меня любишь, я люблю тебя; неужели намъ только и дѣла, что выпытывать другъ у друга наши мнѣнія? Посмотри на меня, я не хотѣла рисоваться передъ тобою, я ни единымъ словомъ не намекнула о томъ, что мнѣ, можетъ-быть, не такъ-то легко было попрать супружескія обязанности... а я вѣдь себя не обманываю, я знаю, что я преступница, и что *онъ* въ правѣ меня убить. Ну, и что же! Будемъ свободны, говорю я. День нашъ—вѣкъ нашъ.

Она встала съ кресла и посмотрѣла на Литвинова сверху внизъ, чуть улыбаясь и щурясь и обнаженною до локтя рукою отводя отъ лица длинный локонъ, на которомъ блистали двѣ-три капли слезъ. Богатая кружевная косынка соскользнула со стола и упала на полъ, подъ ноги Ирины. Она презрительно наступила на нее. — Или я тебѣ не нравлюсь сегодня? Подурнѣла я со вчерашняго дня? Скажи мнѣ, часто видалъ ты болѣе красивую руку? А эти волосы? Скажи, любишь ты меня?

Она обхватила его обѣими руками, прижала его голову къ своей груди, гребень ея зазвенѣлъ и покатился, и разсыпавшіеся волосы обдали его пахучею и мягкою волной

XXIV.

Литвиновъ расхаживалъ по комнатѣ у себя въ гостиницѣ, задумчиво потупивъ голову. Ему предстояло теперь перейти отъ теоріи къ практикѣ, изыскать средства и пути къ побѣгу, къ переселенію въ невѣдомые края... Но, странное дѣло! онъ не столько размышлялъ объ этихъ средствахъ и путяхъ, какъ о томъ, дѣйствительно ли, несомнѣнно ли состоялось рѣшеніе, на которомъ онъ такъ упорно настаивалъ? Было ли произнесено окончательное, безповоротное слово? Но вѣдь Ирина сказала ему при прощаніи: „Дѣлай, дѣлай, и когда будетъ готово, предувѣдомь только". Кончено! Въ сторону всѣ сомнѣнія... Надо приступить. И Литвиновъ приступилъ—пока—къ соображеніямъ. Прежде всего деньги. У Литвинова на лицо оказалось тысяча-триста-двадцать-восемь гульденовъ, на французскую монету — двѣ-тысячи-восемьсотъ-пятьдесятъ-пять франковъ; сумма незначительная; но на первыя потребности хватитъ, а тамъ надо тотчасъ написать отцу, чтобъ онъ выслалъ елико возможно; продалъ бы лѣсъ, часть земли... Но подъ какимъ предлогомъ?.. Ну, предлогъ найдется. Ирина говорила, правда, о своихъ bijoux, но это никакъ въ соображеніе принимать не слѣдуетъ; это, кто знаетъ, про черный день пригодится. Притомъ въ наличности находился также хорошій женевскій полухронометръ, за который можно получить... ну, хоть 400 франковъ. Литвиновъ отправился къ банкиру и завелъ обинякомъ рѣчь о томъ, что нельзя ли, при случаѣ, занять денегъ; но банкиры въ Баденѣ народъ травленый и осторожный, и въ отвѣтъ на подобные обиняки немедленно принимаютъ видъ преклонный и увялый, ни дать ни взять полевой цвѣтокъ, которому коса надрѣзала стебель: нѣкоторые же бодро и смѣло смѣются вамъ въ лицо, какъ бы сочувствуя вашей невинной шуткѣ. Литвиновъ, къ стыду своему, попыталъ даже счастье свое на рулеткѣ, даже—о,

позоръ!—поставилъ талеръ на 30 нумеръ, соотвѣтствовавшій числу его лѣтъ. Онъ это сдѣлалъ въ видахъ увеличенія и округленія капитала; и онъ дѣйствительно, если не увеличилъ, то округлилъ этотъ капиталъ, спустивъ излишніе двадцать-восемь гульденовъ. Второй вопросъ, тоже немаловажный: это паспортъ. Но для женщины паспортъ не такъ обязателенъ, и есть страны, гдѣ его вовсе не требуютъ. Бельгія, напримѣръ, Англія; наконецъ, можно и не русскій паспортъ достать. Литвиновъ очень серіозно размышлялъ обо всемъ этомъ: рѣшимость его была сильная, безъ малѣйшаго колебанія, а между тѣмъ, противъ его воли, мимо его воли, что-то несеріозное, почти комическое, проступало, просачивалось сквозь его размышленія, точно самое его предпріятіе было дѣломъ шуточнымъ, и никто ни съ кѣмъ никогда не бѣгивалъ въ дѣйствительности, а только въ комедіяхъ да романахъ, да, пожалуй, гдѣнибудь въ провинціи, въ какомъ-нибудь чухломскомъ или сызранскомъ уѣздѣ, гдѣ, по увѣренію одного путешественника, людей со скуки даже рветъ подчасъ. Пришло тутъ Литвинову на память, какъ одинъ изъ его пріятелей, отставной корнетъ Бацовъ, увезъ на ямской тройкѣ съ бубенчиками купеческую дочь, напоивъ предварительно родителей, да и самоё невѣсту, и какъ потомъ оказалось, что его же надули и чуть ли не приколотили вдобавокъ. Литвиновъ чрезвычайно сердился на самого себя за подобныя неумѣстныя воспоминанія, и тутъ же, вспомнивъ Татьяну, ея внезапный отъѣздъ, все это горе и страданіе, и стыдъ, слишкомъ глубоко почувствовалъ, что дѣло онъ затѣялъ нешуточное, и какъ онъ былъ правъ, когда говорилъ Иринѣ, что для самой его чести другого исхода не оставалось... И снова при одномъ этомъ имени что-то жгучее мгновенно, съ сладостной болью, обвилось и замерло вокругъ его сердца.

Конскій топотъ раздался за нимъ... Онъ посторонился... Ирина верхомъ обогнала его; рядомъ съ нею ѣхалъ тучный генералъ. Она узнала Литвинова, кивнула ему головой, и ударивъ лошадь по боку хлыстикомъ, подняла ее въ галопъ, потомъ вдругъ пустила ее во всю прыть. Темный вуаль ея взвился по вѣтру...

— Pas si vite! Nom de Dieu! pas si vite! закричалъ генералъ и тоже поскакалъ за нею.

XXV.

На другое утро Литвиновъ только что возвратился домой отъ банкира, съ которымъ еще разъ побесѣдовалъ объ игривомъ непостоянствѣ нашего курса и лучшемъ способѣ высылать за границу деньги, какъ швейцаръ вручилъ ему письмо. Онъ узналъ почеркъ Ирины, и не срывая печати—недоброе предчувствіе, Богъ знаетъ почему, проснулось въ немъ,—ушелъ къ себѣ въ комнату. Вотъ что̀ прочелъ онъ (письмо было написано по-французски).

„Милый мой! я всю ночь думала о твоемъ предложеніи... я не стану съ тобой лукавить. Ты былъ откровененъ со мною, я и буду откровенна: я не *могу* бѣжать съ тобою, я не *въ силахъ* это сдѣлать. Я чувствую, какъ я передъ тобою виновата; вторая моя вина еще больше первой—я презираю себя, свое малодушіе, я осыпаю себя упреками, но я не могу себя перемѣнить. Напрасно я доказываю самой себѣ, что я разрушила твое счастіе, что ты теперь точно въ правѣ видѣть во мнѣ одну легкомысленную кокетку, что я сама вызвалась, сама дала тебѣ торжественныя обѣщанія... Я ужасаюсь, я чувствую ненависть къ себѣ, но я не могу поступать иначе, не могу, не могу. Я не хочу оправдываться, не стану говорить тебѣ, что я сама была увлечена... все это ничего не значитъ; но я хочу сказать тебѣ и повторить, и повторить еще разъ: я твоя, твоя навсегда, располагай мною какъ хочешь, когда хочешь, безотвѣтно и безотчетно, я твоя... Но бѣжать, все бросить... нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я умоляла тебя спасти меня, я сама надѣялась все изгладить, сжечь все какъ въ огнѣ... но видно, мнѣ нѣтъ спасенія; видно, ядъ слишкомъ глубоко проникъ въ меня; видно, нельзя безнаказанно въ теченіе многихъ лѣтъ дышать этимъ воздухомъ! Я долго колебалась, писать ли тебѣ это письмо, мнѣ страшно подумать, какое ты примешь рѣшеніе, я надѣюсь только на любовь твою ко мнѣ. Но я сочла, что было бы безчестнымъ съ моей стороны не сказать тебѣ

правды — тѣмъ болѣе, что ты, быть-можетъ, уже началъ принимать первыя мѣры къ исполненію нашего замысла. Ахъ! онъ былъ прекрасенъ, но несбыточенъ. О, мой другъ, считай меня пустою, слабою женщиной, презирай меня, но не покидай меня, не покидай твоей Ирины!.. Оставить этотъ свѣтъ я не въ силахъ, но и жить въ немъ безъ тебя не могу. Мы скоро вернемся въ Петербургъ, пріѣзжай туда, живи тамъ, мы найдемъ тебѣ занятія, твои прошедшіе труды не пропадутъ, ты найдешь для нихъ полезное примѣненіе... только живи въ моей близости, только люби меня, какова я есть, со всѣми моими слабостями и пороками, и знай, ничье сердце никогда не будетъ такъ нѣжно тебѣ предано, какъ сердце твоей Ирины. Приходи скорѣе ко мнѣ, я не буду имѣть минуты спокойствія, пока я тебя не увижу.

„Твоя, твоя, твоя, И.“

Молотом ударила кровь въ голову Литвинова, а потомъ медленно и тяжело опустилась на сердце, и такъ камнемъ въ немъ и застыла. Онъ перечелъ письмо Ирины и, какъ въ тотъ разъ въ Москвѣ, въ изнеможеніи упалъ на диванъ и остался неподвижнымъ. Темная бездна внезапно обступила его со всѣхъ сторонъ, и онъ глядѣлъ въ эту темноту безсмысленно и отчаянно. Итакъ опять, опять обманъ, или нѣтъ, хуже обмана—ложь и пошлость... И жизнь разбита, все вырвано съ корнемъ, до тла, и то единственное, за которое еще можно было ухватиться—та послѣдняя опора—въ дребезги тоже! „Поѣзжай за нами въ Петербургъ“, повторялъ онъ съ горькимъ внутреннимъ хохотомъ: „мы тебѣ тамъ найдемъ занятія“... „Въ столоначальники, что ли, меня произведутъ? И кто эти *мы?* Вотъ когда сказалось ея прошедшее! Вотъ то тайное, безобразное, котораго я не знаю, но которое она пыталась-было изгладить и сжечь какъ бы въ огнѣ! Вотъ тотъ міръ интригъ, тайныхъ отношеній, исторій Бѣльскихъ, Дольскихъ... И какая будущность, какая прекрасная роль меня ожидаетъ! Жить въ ея близости, посѣщать ее, дѣлить съ ней развращенную меланхолію модной дамы, которая и тяготится, и скучаетъ свѣтомъ, а внѣ его круга существо-

вать не можетъ, быть домашнимъ другомъ ея и, разумѣется, его превосходительства... пока... пока минетъ капризъ, и пріятель-плебей потеряетъ свою пикантность, и тотъ же тучный генералъ или господинъ Финиковъ его замѣнитъ,— вотъ это возможно и пріятно и, пожалуй, полезно... говоритъ же она о полезномъ примѣненіи моихъ талантовъ?— а тотъ умыселъ несбыточенъ! несбыточенъ...“ Въ душѣ Литвинова поднимались, какъ мгновенные удары вѣтра передъ грозой, внезапные, бѣшеные порывы... Каждое выраженіе въ письмѣ Ирины возбуждало его негодованіе— самыя увѣренія ея въ неизмѣнности ея чувства оскорбля, ли его. „Этого нельзя такъ оставить“, воскликнулъ онъ, наконецъ: „я не позволю ей такъ безжалостно играть моею жизнію...“

Литвиновъ вскочилъ, схватилъ шляпу. Но что̀ было дѣлать? Бѣжать къ ней? Отвѣчать на ея письмо? Онъ остановился и опустилъ руки.

Да: что̀ было дѣлать?

Не самъ ли онъ предложилъ ей тотъ роковой выборъ? Онъ выпалъ не такъ, какъ ему хотѣлось... всякій выборъ подверженъ этой бѣдѣ. Она измѣнила свое рѣшеніе, правда; она сама, первая, объявила, что броситъ все и послѣдуетъ за нимъ, правда и то; но она не отрицаетъ своей вины, она прямо называетъ себя слабою женщиной; она не хотѣла обмануть его, она сама въ себѣ обманулась... Что̀ на это возразить? По крайней мѣрѣ, она не притворяется, не лукавитъ... она откровенна съ нимъ, безпощадно откровенна. Ничто не заставляло ее тотчасъ высказываться, ничто не мѣшало ей успокоивать его обѣщаніями, оттягивать и оставлять все въ неизвѣстности до самаго отъѣзда... до отъѣзда съ мужемъ въ Италію! Но она жизнь его загубила, она двѣ жизни загубила!.... Мало ли чего нѣтъ!

А передъ Татьяной виновата не она, виноватъ онъ, одинъ онъ, Литвиновъ, и не имѣетъ онъ права стряхивать съ себя ту отвѣтственность, которую желѣзнымъ ярмомъ на него наложила его вина... Все такъ; но что̀ же теперь оставалось дѣлать?

Онъ снова бросился на диванъ, и снова темно, и глухо, и безслѣдно, съ пожирающею быстротой, побѣжали мгновенія.....

„А не-то послушаться ея?“ мелькнуло въ его головѣ. „Она меня любитъ, она моя, и въ самомъ нашемъ влеченіи другъ къ другу, въ этой страсти, которая, послѣ стольких лѣтъ съ такой силой пробилась и вырвалась наружу, нѣтъ ли чего-то неизбѣжнаго, неотразимаго, какъ законъ природы? Жить въ Петербургѣ... да развѣ я первый буду находиться въ такомъ положеніи? Да и гдѣ бы мы пріютились съ ней?...“

И онъ задумался, и образъ Ирины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ навѣкъ напечатлѣлся въ его послѣднихъ воспоминаніяхъ, тихо предсталъ передъ нимъ...

Но не надолго... Онъ опомнился и съ новымъ порывомъ негодованія оттолкнулъ прочь отъ себя и тѣ воспоминанія, и тотъ обаятельный образъ.

„Ты мнѣ даешь пить изъ этой золотой чаши, воскликнулъ онъ, но ядъ въ твоемъ питьѣ, и грязью осквернены твои бѣлыя крылья... Прочь! Оставаться здѣсь съ тобою, послѣ того, какъ я... прогналъ, прогналъ мою невѣсту... безчестное, безчестное дѣло!“ Онъ стиснулъ горестно руки, и другое лицо, съ печатью страданья на неподвижныхъ чертахъ, съ безмолвнымъ укоромъ въ прощальномъ взорѣ, возникло изъ глубины...

И долго такъ еще мучился Литвиновъ; долго, какъ трудный больной, металась изъ стороны въ сторону его истерзанная мысль... Онъ утихъ, наконецъ; онъ, наконецъ, рѣшился. Съ самой первой минуты онъ предчувствовалъ это рѣшеніе... оно явилось ему сначала, какъ отдаленная, едва замѣтная точка среди вихря и мрака внутренней борьбы; потомъ оно стало надвигаться все ближе и ближе и кончило тѣмъ, что врѣзалось холоднымъ лезвіемъ въ его сердце.

Литвиновъ снова вытащилъ свой чемоданъ изъ угла, снова уложилъ, не торопясь, и даже съ какою-то тупою заботливостью, всѣ свои вещи, позвонилъ кельнера, расплатился и отправилъ къ Иринѣ записку на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Не знаю, больше ли вы теперь передо мной виноваты, чѣмъ тогда; но знаю, что теперешній ударъ гораздо сильнѣе... Это конецъ. Вы мнѣ говорите: „я не могу“; и я вамъ повторяю тоже: я не могу... того, что̀ вы хотите. Не могу и не хочу. Не отвѣчайте мнѣ. Вы не въ состояніи дать мнѣ единственный отвѣтъ, который я бы принялъ. Я уѣзжаю завтра рано съ первымъ поѣздомъ. Прощайте, будьте счастливы... Мы, вѣроятно, больше не увидимся“.

Литвиновъ до самой ночи не выходилъ изъ своей комнаты; ждалъ ли онъ чего, Богъ вѣдаетъ! Около семи часовъ вечера дама въ черной мантильѣ, съ вуалемъ на лицѣ, два раза подходила къ крыльцу его гостиницы. Отойдя немного въ сторону и поглядѣвъ куда-то вдаль, она вдругъ сдѣлала рѣшительное движеніе рукой и въ третій разъ направилась къ крыльцу...

— Куда вы, Ирина Павловна? раздался сзади ея чей-то напряженный голосъ.

Она обернулась съ судорожною быстротой... Потугинъ бѣжалъ къ ней.

Она остановилась, подумала, и такъ и бросилась къ нему, взяла его подъ руку и увлекла въ сторону.

— Уведите, уведите меня, твердила она, задыхаясь.

— Что̀ съ вами, Ирина Павловна? пробормоталъ онъ, изумленный.

— Уведите меня, повторила она съ удвоенной силой:— если вы не хотите, чтобъ я навсегда осталась... тамъ!

Потугинъ наклонилъ покорно голову, и оба поспѣшно удалились.

На слѣдующее утро, рано, Литвиновъ уже совсѣмъ собрался въ дорогу, — въ комнату къ нему вошелъ... тотъ же Потугинъ.

Онъ молча приблизился къ нему и молча пожалъ ему руку. Литвиновъ тоже ничего не сказалъ. У обоихъ были длинныя лица, и оба напрасно старались улыбнуться.

— Я пришелъ пожелать вамъ счастливаго пути, промолвилъ, наконецъ, Потугинъ.

— А почему вы знаете, что я уѣзжаю сегодня? спросилъ Литвиновъ.

Потугинъ поглядѣлъ вокругъ себя по полу...—Мнѣ это стало извѣстнымъ... какъ видите. Нашъ послѣдній разговоръ получилъ, наконецъ, такое странное направленіе... Я не хотѣлъ разстаться съ вами, не выразивъ вамъ моего искренняго сочувствія.

— Вы сочувствуете мнѣ теперь... когда я уѣзжаю?

Потугинъ печально посмотрѣлъ на Литвинова. — Эхъ, Григорій Михайлычъ, Григорій Михайлычъ, началъ онъ съ короткимъ вздохомъ:— не до того намъ теперь, не до тонкостей и препираній. Вы вотъ, сколько я могъ замѣтить, довольно равнодушны къ родной словесности и потому, быть-можетъ, не имѣете понятіе о Васькѣ Буслаевѣ?

— О комъ?

— О Васькѣ Буслаевѣ, новогородскомъ удальцѣ... въ сборникѣ Кирши Данилова.

— Какой Буслаевъ? промолвилъ Литвиновъ, нѣсколько озадаченный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи. — Я не знаю.

— Ну, все равно. Такъ вотъ я на что̀ хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Васька Буслаевъ, послѣ того какъ увлекъ своихъ новгородцевъ на богомолье въ Ерусалимъ, и тамъ, къ ужасу ихъ, выкупался нагимъ тѣломъ въ святой рѣкѣ Іорданѣ, ибо не вѣрилъ „ни въ чохъ, ни въ сопъ, ни въ птичій грай“,—этотъ логическій Васька Буслаевъ взлѣзаетъ на гору Ѳаворъ, а на вершинѣ той горы лежитъ большой камень, черезъ который всякаго роду люди напрасно пытались перескочить... Васька хочетъ тоже свое счастье извѣдать. И попадается ему на дорогѣ мертвая голова, человѣчья кость; онъ пихаетъ ее ногой. Ну, и говоритъ ему голова: „Что ты пихаешься? Умѣлъ я жить, умѣю и въ пыли валяться—и тебѣ то же будетъ.“ И точно: Васька прыгаетъ черезъ камень, и совсѣмъ-было перескочилъ, да каблукомъ задѣлъ и голову себѣ сломилъ. И тутъ я кстати долженъ замѣтить, что друзьямъ моимъ славянофиламъ, великимъ охотникамъ пихать ногою всякія мертвыя головы да гнилые народы, не худо бы призадуматься надъ этою былиной.

— Да къ чему все это? перебилъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ Литвиновъ.—Мнѣ пора, извините...

— А къ тому, отвѣчалъ Потугинъ,—и глаза его засвѣтились такимъ дружелюбнымъ чувствомъ, какого Литвиновъ даже не ожидалъ отъ него:—къ тому, что вотъ вы не отталкиваете мертвой человѣчьей головы и вамъ, быть-можетъ, за вашу доброту и удастся перескочить черезъ роковой камень. Не стану я васъ больше удерживать, только вы позвольте обнять васъ на прощанье.

— Я и пытаться не буду прыгать, промолвилъ Литвиновъ, троекратно цѣлуясь съ Потугинымъ, и къ скорбнымъ ощущеніямъ, переполнявшимъ его душу, примѣшалось на мигъ сожалѣніе объ одинокомъ горемыкѣ. Но надо ѣхать, ѣхать... Онъ заметался по комнатѣ.

— Хотите, я вамъ понесу что-нибудь? предложилъ свои услуги Потугинъ.

— Нѣтъ, благодарствуйте, не безпокойтесь, я самъ... Онъ надѣлъ шапку, взялъ въ руки мѣшокъ. —Итакъ, вы говорите, спросилъ онъ, уже стоя на порогѣ:—вы видѣли ее?

— Да, видѣлъ.

— Ну... и что же она?

Потугинъ помолчалъ.—Она васъ ждала вчера... и сегодня ждать васъ будетъ.

— А! Ну, такъ скажите ей... Нѣтъ, не нужно, ничего не нужно. Прощайте... Прощайте!

— Прощайте, Григорій Михайлычъ... Дайте мнѣ еще вамъ слово сказать. Вы еще успѣете меня выслушать: до отхода желѣзной дороги осталось больше получаса. Вы возвращаетесь въ Россію... Вы будете тамъ... со временемъ... дѣйствовать... Позвольте же старому болтуну—ибо я, увы! болтунъ и больше ничего,—дать вамъ напутственный совѣтъ. Всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи—въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова,—проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время, у насъ? Если такъ—идите смѣло впередъ: вы на хорошемъ пути, и дѣло ваше—благое! Слава Богу! Вы не одни теперь. Вы не будете „сѣятелемъ пустыннымъ“; завелись уже и у насъ труженики... піонеры... Но

вамъ теперь не до того.—Прощайте, не забывайте меня!

Литвиновъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы, бросился въ карету и доѣхалъ до желѣзной дороги, не оглянувшись ни разу на городъ, гдѣ осталось столько собственной жизни... Онъ какъ будто отдался волнѣ: она подхватила его, понесла, и онъ твердо рѣшился не противиться ея влеченію... отъ всякаго другого изъявленія воли онъ отказался.

Онъ уже садился въ вагонъ.

— Григорій Михайловичъ... Григорій... послышался за его спиной умоляющій шопотъ.

Онъ вздрогнулъ... Неужели Ирина? Точно: она. Закутанная въ шаль своей горничной, съ дорожною шляпою на неубранныхъ волосахъ, она стоитъ на платформѣ и глядитъ на него померкшими глазами. „Вернись, вернись, я пришла за тобой“, говорятъ эти глаза. И чего, чего не сулятъ они! Она не движется, не въ силахъ прибавить слово; все въ ней, самый безпорядокъ ея одежды, все какъ бы проситъ пощады...

Литвиновъ едва устоялъ на ногахъ, едва не бросился къ ней... Но та волна, которой онъ отдался, взяла свое... Онъ вскочилъ въ вагонъ и, обернувшись, указалъ Иринѣ на мѣсто возлѣ себя. Она поняла его. Время еще не ушло. Одинъ только шагъ, одно движеніе, и умчались бы въ невѣдомую даль двѣ навсегда соединенныя жизни... Пока она колебалась, раздался громкій свистъ, и поѣздъ двинулся.

Литвиновъ откинулся назадъ, а Ирина подошла, шатаясь, къ скамейкѣ и упала на нее, къ великому изумленію заштатнаго дипломата, случайно забредшаго на желѣзную дорогу. Онъ мало былъ знакомъ съ Ириной, но очень ею интересовался, и увидавъ, что она лежитъ какъ въ забытьи, подумалъ, что съ ней случилась „une attaque de nerfs“, а потому счелъ своимъ долгомъ, долгомъ d'un galant chevalier, придти ей на помощь. Но изумленіе его принялс гораздо большіе размѣры, когда, при первомъ словѣ, къ ней обращенномъ, она вдругъ поднялась, оттолкнула предложенную руку, и выбѣжавъ на улицу, чрезъ нѣсколько мгновеній исчезла въ молочной мглѣ тумана, столь свойственнаго шварцвальдскому климату въ первые осенніе дни.

XXVI.

Намъ случилось однажды войти въ избу крестьянки, только-что потерявшей единственнаго, горячо любимаго сына, и, къ немалому нашему удивленію, найти ее совершенно спокойною, чуть не веселою.—„Не замайте“, сказалъ ея мужъ, отъ котораго, вѣроятно, не скрылось это удивленіе: „она теперь закостенѣла“.—И Литвиновъ такъ же „закостенѣлъ“. Такое же спокойствіе нашло на него въ первые часы путешествія. Совершенно уничтоженный и безнадежно несчастный, онъ, однако, отдыхалъ, отдыхалъ послѣ тревогъ и терзаній послѣдней недѣли, послѣ всѣхъ этихъ ударовъ, разъ за разомъ обрушившихся на его голову. Они тѣмъ сильнѣе его потрясли, чѣмъ менѣе онъ былъ созданъ для подобныхъ бурь. Онъ ужъ точно ни на что не надѣялся теперь, и старался не вспоминать—пуще всего не вспоминать; онъ ѣхалъ въ Россію... надо же было куда-нибудь дѣваться! но уже никакихъ, лично до собственной особы касающихся, предположеній не дѣлалъ. Онъ не узнавалъ себя; онъ не понималъ своихъ поступковъ, точно онъ свое настоящее „я“ утратилъ, да и вообще онъ въ этомъ „я“ мало принималъ участія. Иногда ему сдавалось, что онъ собственный трупъ везетъ, и лишь пробѣгавшія изрѣдка горькія судороги неизлѣчимой душевной боли напоминали ему, что онъ еще носится съ жизнью. По временамъ ему казалось непостижимымъ, какимъ образомъ можетъ мужчина — мужчина! — допустить такое вліяніе на себя женщины, любви... „Постыдная слабость!“ шепталъ онъ и встряхивалъ шинелью и плотнѣе усаживался: вотъ, дескать, старое кончено, начнемъ новое...—минута, и онъ только улыбался горько и дивился самому себѣ. Онъ принялся глядѣть въ окно. День стоялъ сѣрый и сырой; дождя не было, но туманъ еще держался, и низкія облака заволокли небо. Вѣтеръ дулъ навстрѣчу поѣзду; бѣловатые клубы пара, то одни, то смѣшанные съ другими, болѣе темными клубами дыма, мчались безконечною вереницей мимо окна, подъ которымъ сидѣлъ Литвиновъ. Онъ сталъ слѣдить за этимъ паромъ,

за этимъ дымомъ. Безпрерывно взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цѣпляясь за траву, за кусты, какъ бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами... они непрестанно мѣнялись и оставались тѣ же... однообразная, торопливая, скучная игра! Иногда вѣтеръ мѣнялся, дорога уклонялась — вся масса вдругъ исчезала и тотчасъ же виднѣлась въ противоположномъ окнѣ; потомъ опять перебрасывался громадный хвостъ, и опять застилалъ Литвинову видъ широкой прирейнской равнины. Онъ глядѣлъ-глядѣлъ, и странное напало на него размышленіе... Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ: никто не мѣшалъ ему. — „Дымъ, дымъ", повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все то же да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то—и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и — ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что̀ съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ, старыхъ и молодыхъ людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей — и даже все то, что̀ проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего. А собственныя стремленія и чувства, и попытки, и мечтанія? Онъ только рукой махнулъ.

А между тѣмъ поѣздъ бѣжалъ да бѣжалъ; уже давно и Раштаттъ, и Карлсруэ, и Брухзаль остались назади; горы съ правой стороны дороги сперва отклонились, ушли въ даль, потомъ надвинулись опять, но уже не столь высокія и рѣже покрытыя лѣсомъ... Поѣздъ круто повернулъ въ сторону... вотъ и Гейдельбергъ. Вагоны подкатились подъ навѣсъ станціи; раздались крики разносчиковъ, про-

дающихъ всякіе, даже русскіе журналы; путешественники завозились на своихъ мѣстахъ, вышли на платформу; но Литвиновъ не покидалъ своего уголка и продолжалъ сидѣть, потупивъ голову. Вдругъ кто-то назвалъ его по имени; онъ поднялъ глаза: рожа Биндасова просунулась въ окно, а за нимъ—или это ему только померещилось?—нѣтъ, точно: всё баденскія, знакомыя лица: вотъ Суханчикова, вотъ Ворошиловъ, вотъ и Бамбаевъ; всѣ они подвигаются къ нему—а Биндасовъ оретъ:

— А гдѣ же Пищалкинъ? Мы его ждали; но все равно; вылѣзай, сосюля, мы всѣ къ Губареву.

— Да, братецъ, да, Губаревъ насъ ждетъ, подтвердилъ, выдвигаясь, Бамбаевъ:—вылѣзай.

Литвиновъ разсердился бы, если бъ не то мертвое бремя, которое лежало у него на сердцѣ. Онъ глянулъ на Биндасова и отвернулся молча.

— Говорятъ вамъ, здѣсь Губаревъ, воскликнула Суханчикова, и глаза ея чуть не выскочили.

Литвиновъ не пошевелился.

— Да, послушай, Литвиновъ, заговорилъ, наконецъ, Бамбаевъ:—здѣсь не одинъ только Губаревъ, здѣсь цѣлая фаланга отличнѣйшихъ, умнѣйшихъ молодыхъ людей, русскихъ—и всѣ занимаются естественными науками, всѣ съ такими благороднѣйшими убѣжденіями? Помилуй, ты для нихъ хоть останься. Здѣсь есть, напримѣръ, нѣкто... эхъ! фамилію забылъ! но это, просто, геній!

— Да бросьте его, бросьте его, Ростиславъ Ардаліонычъ, вмѣшалась Суханчикова:—бросьте! Вы видите, что̀ онъ за человѣкъ; и весь его родъ такой. Тетка у него есть: сначала мнѣ показалась путною, а третьяго дня ѣду я съ ней сюда—она передъ тѣмъ только что пріѣхала въ Баденъ, и глядь! ужъ назадъ летитъ,—ну-съ, ѣду я съ ней; стала ее разспрашивать... Повѣрите ли, сло̀ва отъ гордячки не добилась. Аристократка противная!

Бѣдная Капитолина Марковна — аристократка! Ожидала ли она подобнаго посрамленія?!

А Литвиновъ все молчалъ, и отвернулся, и фуражку на глаза надвинулъ. Поѣздъ тронулся, наконецъ.

— Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человѣкъ! закричалъ Бамбаевъ. — Этакъ вѣдь нельзя!

— Дрянь! колпакъ! завопилъ Биндасовъ. Вагоны катились все шибче и шибче, и онъ могъ безнаказанно ругаться.—Скряга! слизнякъ! каплюжникъ!!

Изобрѣлъ ли Биндасовъ на мѣстѣ это послѣднее наименованіе, перешло ли оно къ нему изъ другихъ рукъ, только оно, повидимому, очень понравилось двумъ тутъ же стоявшимъ благороднѣйшимъ молодымъ людямъ, изучавшимъ естественныя науки, ибо нѣсколько дней спустя оно уже появилось въ русскомъ періодическомъ листкѣ, издававшемся въ то время въ Гейдельбергѣ подъ заглавіемъ: *A tout venant je crache!* или: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“ *).

А Литвиновъ опять затвердилъ прежнее слово: дымъ, дымъ, дымъ! Вотъ, думалъ онъ, въ Гейдельбергѣ теперь болѣе сотни русскихъ студентовъ; всѣ учатся химіи, физикѣ, физіологіи — ни о чемъ другомъ и слышать не хотятъ... а пройдетъ пять-шесть лѣтъ, и пятнадцати человѣкъ на курсахъ не будетъ, у тѣхъ же знаменитыхъ профессоровъ... вѣтеръ перемѣнится, дымъ хлынетъ въ другую сторону... дымъ... дымъ... дымъ! **).

Къ ночи онъ проѣхалъ мимо Касселя. Вмѣстѣ съ темнотой, тоска несносная коршуномъ на него спустилась, и онъ заплакалъ, забившись въ уголъ вагона. Долго текли его слезы, не облегчая сердца, но какъ-то ѣдко и горестно терзая его; а въ то же время въ одной изъ гостиницъ Касселя, на постели, въ жару горячки лежала Татьяна; Капитолина Марковна сидѣла возлѣ нея.

— Таня, говорила она: — ради Бога, позволь мнѣ послать телеграмму къ Григорію Михайловичу; позволь, Таня!

— Нѣтъ, тетя, отвѣчала она: — не надо, не пугайся. Дай мнѣ воды; это скоро пройдетъ.

И дѣйствительно, недѣлю спустя здоровье ея поправилось, и обѣ подруги продолжали свое путешествіе.

---

*) Историческій фактъ.

**) Предчувствія Литвинова сбылись. Въ 1866 году было въ Гейдельбергѣ учащихся русскихъ въ лѣтній семестръ 13, а въ зимній 12.

XXVII.

Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, Литвиновъ вернулся въ свое помѣстье. Онъ испугался, увидавъ отца: до того тотъ похилѣлъ и опустился. Старикъ обрадовался сыну, насколько можетъ радоваться человѣкъ, уже покончившій съ жизнью; тотчасъ сдалъ ему всѣ, сильно разстроенныя дѣла и, проскрипѣвъ еще нѣсколько недѣль, сошелъ съ земного поприща. Литвиновъ остался одинъ въ своемъ ветхомъ господскомъ флигелькѣ и съ тяжелымъ сердцемъ, безъ надежды, безъ рвенія и безъ денегъ—началъ хозяйничать. Хозяйничанье въ Россіи невеселое, слишкомъ многимъ извѣстное дѣло: мы не станемъ распространяться о томъ, какъ солоно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со-дня-на-день, соглашаться на всякія уступки—и вещественныя, и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово: „свобода“ носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ сноровки, не безъ хитрости подчасъ... Литвинову, при душевномъ его настроеніи, приходилось вдвойнѣ тяжело. Охоты жить въ немъ оставалось мало... Откуда же было взяться охотѣ хлопотать и работать?

Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ кровь и плоть: выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени, и уже не растоптать его врагамъ — ни явнымъ, ни тайнымъ. Самъ Литвиновъ, хотя кончилъ тѣмъ, что отдалъ бо̀льшую часть земли крестьянамъ изъ-полу, то-есть обратился къ убогому, первобытному хозяйству, однако кой въ чемъ успѣлъ: возобновилъ фабрику, завелъ крошечную ферму съ пятью вольнонаемными работника-

ми,—а перебывало ихъ у него цѣлыхъ сорокъ,—расплатился съ главными частными долгами... И духъ въ немъ окрѣпъ; онъ снова сталъ походить на прежняго Литвинова. Правда, грустное, глубоко затаенное чувство не покидало его никогда, и затихъ онъ не по лѣтамъ, замкнулся въ свой тѣсный кружокъ, прекратилъ всѣ прежнія сношенія... но исчезло мертвенное равнодушіе, и среди живыхъ онъ снова двигался и дѣйствовалъ какъ живой. Исчезли также и послѣдніе слѣды овладѣвшаго имъ очарованія: какъ сквозь сонъ являлось ему все, что̀ произошло въ Баденѣ... А Ирина? И она поблѣднѣла и скрылась тоже, и только смутно чуялось Литвинову что-то опасное подъ туманомъ, постепенно окутавшимъ ея образъ. О Татьянѣ изрѣдка доходили вѣсти; онъ зналъ, что она вмѣстѣ съ своею теткой поселилась въ своемъ имѣньицѣ, верстахъ въ двухъ стахъ отъ него, живетъ тихо, мало выѣзжаетъ и почти не принимаетъ гостей,—а впрочемъ покойна и здорова. Вотъ, однажды, въ прекрасный майскій день, сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ и безучастно перелистывалъ послѣдній нумеръ петербургскаго журнала; слуга вошелъ къ нему и доложилъ о пріѣздѣ старика дяди. Дядя этотъ доводился двоюроднымъ братомъ Капитолинѣ Марковнѣ и недавно посѣтилъ ее. Онъ купилъ имѣніе по сосѣдству Литвинова и пробирался туда. Цѣлыя сутки прогостилъ онъ у своего племянника и много разсказывалъ о житьѣ-бытьѣ Татьяны. На другой день послѣ его отъѣзда, Литвиновъ отправилъ къ ней письмо, первое послѣ ихъ разлуки. Онъ просилъ позволенія возобновить хотя письменное знакомство и также желалъ знать, навсегда ли онъ долженъ покинуть мысль—когда-нибудь съ ней увидѣться? Не безъ волненія ожидалъ онъ отвѣта... отвѣтъ пришелъ, наконецъ. Татьяна дружелюбно откликнулась на его запросъ. „Если вамъ вздумается насъ посѣтить“, такъ кончала она: „милости просимъ, пріѣзжайте: говорятъ, даже больнымъ легче вмѣстѣ, чѣмъ порознь“. Капитолина Марковна присоединяла свой поклонъ. Какъ дитя обрадовался Литвиновъ; уже давно и ни отъ чего такъ весело не билось его сердце. И легко ему стало вдругъ, и свѣтло...

Такъ точно, когда солнце встаетъ и разгоняетъ темноту ночи, легкій вѣтерокъ бѣжитъ вмѣстѣ съ солнечными лучами по лицу воскреснувшей земли. Весь этотъ день Литвиновъ все посмѣивался, даже когда обходилъ свое хозяйство и отдавалъ приказанія. Онъ тотчасъ сталъ снаряжаться въ дорогу, а двѣ недѣли спустя онъ уже ѣхалъ къ Татьянѣ.

XXVIII.

Ѣхалъ онъ довольно медленно, проселками, безъ особенныхъ приключеній: разъ только шина лопнула на заднемъ колесѣ; кузнецъ ее сваривалъ-сваривалъ, обругалъ и ее, и себя, да такъ и бросилъ; къ счастью оказалось, что и съ лопнувшей шиной можно у насъ прекрасно путешествовать, особенно по „мякенькому", то-есть по грязи. Зато съ Литвиновымъ произошли двѣ-три довольно любопытныя встрѣчи. На одной станціи онъ засталъ мировой съѣздъ, и въ числѣ его Пищалкина, который произвелъ на него впечатлѣніе Солона или Соломона: такою возвышенною мудростью дышали его рѣчи, съ такимъ безграничнымъ уваженіемъ относились къ нему и помѣщики, и крестьяне... И по наружности Пищалкинъ сталъ походить на древняго мудреца: волосы его на темени вылѣзли, а пополнѣвшее лицо совершенно застыло въ какое-то величавое желе́ уже ничѣмъ необузданной добродѣтели. Онъ поздравилъ Литвинова съ прибытіемъ „въ мой—если смѣю употребить такое амбиціонное выраженіе,—собственный уѣздъ", а впрочемъ, тутъ же такъ и замеръ въ припадкѣ благонамѣренныхъ ощущеній. Одно извѣстіе онъ, однако, успѣлъ сообщить, а именно о Ворошиловѣ. Витязь съ золотой доски снова поступилъ на военную службу, и уже успѣлъ прочесть лекцію офицерамъ своего полка: „о буддизмѣ" или „динамизмѣ", что-то въ этомъ родѣ... Пищалкинъ хорошенько не помнилъ. На другой станціи Литвинову долго не закладывали лошадей; дѣло было на утренней зорькѣ,— и онъ задремалъ, сидя въ своей коляскѣ. Голосъ, показавшійся ему знакомымъ, разбудилъ его: онъ раскрылъ глаза...

Господи! да не господинъ ли Губаревъ стоитъ въ сѣрой

курткѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ на крыльцѣ почтовой избы и ругается?.. Нѣтъ, это не господинъ Губаревъ... Но какое поразительное сходство!.. Только у этого барина ротъ еще шире и зубастѣе, и взоръ понурыхъ глазъ еще свирѣпѣе, и носъ крупнѣе, и борода гуще, и весь обликъ еще грузнѣе и противнѣе.

— Па-адлецы, па-адлецы! твердилъ онъ медленно и злобно, широко разѣвая свой волчій ротъ: — мужичье поганое... Вотъ она... хваленая свобода-то... и лошадей не достанешь... па-адлецы!

— Па-адлецы, па-адлецы! послышался тутъ другой голосъ за дверями, и на крыльцѣ предсталъ—тоже въ сѣрой курткѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ,—предсталъ на этотъ разъ, дѣйствительно, несомнѣнно, самъ настоящій господинъ Губаревъ, Степанъ Николаевичъ Губаревъ.—Мужичье поганое! продолжалъ онъ въ подражаніе брату (оказалось, что первый господинъ былъ его старшій братъ, тотъ „дантистъ“ прежней школы, который заправлялъ его имѣніемъ).—Бить ихъ надо, вотъ что; по мордамъ бить; вотъ имъ какую свободу—въ зубы... Толкуютъ... волостной голова!.. Я бъ ихъ!.. Да гдѣ же этотъ мусье Ростонъ?.. Чего же онъ смотритъ?.. Это его дѣло, дармоѣда этакого... до безпокойства не доводить...

— А я жъ вамъ сказывалъ, братецъ, заговорилъ Губаревъ старшій:—что онъ ни на что не годенъ, именно дармоѣдъ! Только вы вотъ, по старой памяти... Мусье Ростонъ, мусье Ростонъ!.. Гдѣ ты пропадаешь?

— Ростонъ! Ростонъ! закричалъ младшій, великій Губаревъ.—Да покличьте же его хорошенько, братецъ Доримедонтъ Николаичъ!

— Я и то, братецъ Степанъ Николаичъ, его кличу.— Мусье Ростонъ!

— Вотъ я, вотъ я, вотъ я! послышался торопливый голосъ, и изъ-за угла избы выскочилъ—Бамбаевъ.

Литвиновъ такъ и ахнулъ. На злосчастномъ энтузіастѣ плачевно болталась обтерханная венгерка съ прорѣхами на рукавахъ; черты его не то что перемѣнились, а скривились и сдвинулись; перетревоженные глазки выражали

подобострастный испугъ и голодную подчиненность; но крашеные усы попрежнему торчали надъ пухлыми губами. Братья Губаревы немедленно и дружно принялись распекать его съ вышины крыльца; онъ остановился передъ ними внизу, въ грязи, и униженно сгорбивъ спину, пытался умилостивить робкою улыбочкой, и картузъ мялъ въ красныхъ пальцахъ, и ногами сѣменилъ, и бормоталъ, что лошади, молъ, сейчасъ явятся... Но братья не унимались, пока младшій не вскинулъ наконецъ глазами на Литвинова. Узналъ ли онъ его, стыдно ли ему стало чужого человѣка, только онъ вдругъ повернулся на пяткахъ, помедвѣжьи, и, закусивъ бороду, заковылялъ въ станціонную избу: братецъ тотчасъ умолкъ и, тоже повернувшись помедвѣжьи, отправился за нимъ вслѣдъ. Великій Губаревъ, видно, и на родинѣ не утратилъ своего вліянія.

Бамбаевъ побрелъ-было за братьями... Литвиновъ кликнулъ его по имени. Онъ оглянулся, воззрѣлся и, узнавъ Литвинова, такъ и ринулся къ нему съ протянутыми руками; но, добѣжавъ до коляски, ухватился за дверцы, припалъ къ нимъ грудью, и зарыдалъ въ три ручья.

— Полно, полно же, Бамбаевъ, твердилъ Литвиновъ, наклонясь надъ нимъ и трогая его за плечо.

Но онъ продолжалъ рыдать. — Вотъ... вотъ... вотъ до чего... бормоталъ онъ, всхлипывая.

— Бамбаевъ! загремѣли братья по избѣ.

Бамбаевъ приподнялъ голову и поспѣшно утеръ слезы.

— Здравствуй, душа моя, прошепталъ онъ:—здравствуй и прощай!.. Слышишь, зовутъ.

— Да какими судьбами ты здѣсь? спросилъ Литвиновъ:— и что̀ все это значитъ? Я думалъ, они француза зовутъ...

— Я у нихъ... домо̀вымъ управляющимъ, дворецкимъ, отвѣчалъ Бамбаевъ и ткнулъ пальцемъ въ направленіи избы.—А во французы я попалъ такъ, для шутки. Что́, братъ, дѣлать! Ѣсть вѣдь нечего, послѣдняго гроша лишился, такъ поневолѣ въ петлю полѣзешь. Не до амбиціи.

— Да давно ли *онъ* въ Россіи? и какъ же онъ съ прежними товарищами раздѣлался?

— Э, братъ! Это теперь все по боку... Погода вишь

перемѣнилась... Суханчикову, Матрену Кузьминишну, просто, въ шею прогналъ. Та съ горя въ Португалію уѣхала.

— Какъ въ Португалію? Что за вздоръ?

— Да, братъ, въ Португалію, съ двумя Матреновцами.

— Съ кѣмъ?

— Съ Матреновцами: люди ея партіи такъ прозываются.

— У Матрены Кузьминишны есть партія? И многочисленна она?

— Да вотъ именно эти два человѣка. А *онъ* съ полгода скоро будетъ, какъ сюда воротился. Другихъ подъ сюркупъ взяли, а ему ничего. Въ деревнѣ съ братцемъ живетъ, и послушалъ бы ты теперь...

— Бамбаевъ!

— Сейчасъ, Степанъ Николаичъ, сейчасъ. А ты, голубчикъ, процвѣтаешь, наслаждаешься! Ну, и слава Богу! Куда это тебя несетъ теперь?.. Вотъ, не думалъ, не гадалъ... Помнишь Баденъ? Эхъ, было житье! Кстати, Биндасова тоже ты помнишь? Представь, умеръ. Въ акцизные попалъ, да подрался въ трактирѣ: ему кіемъ голову и проломили. Да, да, тяжелыя подошли времена! А все же я скажу: Русь... экая эта Русь! Посмотри хоть на эту пару гусей: вѣдь въ цѣлой Европѣ ничего нѣтъ подобнаго! Настоящіе арзамасскіе!

И, заплативъ эту послѣднюю дань неистребимой потребности восторгаться, Бамбаевъ побѣжалъ въ станціонную избу, гдѣ опять, и не безъ нѣкоторыхъ загвоздокъ, произносилось его имя.

Къ концу того же дня Литвиновъ подъѣзжалъ къ Татьяниной деревнѣ. Домикъ, гдѣ жила бывшая его невѣста, стоялъ на холмѣ, надъ небольшой рѣчкой, посреди недавно разведеннаго сада. Домикъ тоже былъ новенькій, только-что построенный, и далеко виднѣлся черезъ рѣчку и поле. Литвинову онъ открылся версты за двѣ съ своимъ острымъ мезониномъ и рядомъ окошекъ, ярко рдѣвшихъ на вечернемъ солнцѣ. Уже съ послѣдней станціи онъ чувствовалъ тайную тревогу; но тутъ, просто, смятеніе овладѣло имъ, смятеніе радостное, не безъ нѣкотораго страха. „Какъ меня встрѣтятъ, думалъ онъ: — какъ

я предстану?..“ Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, онъ заговорилъ съ ямщикомъ, степеннымъ мужикомъ съ сѣдою бородой, который однако взялъ съ него за тридцать верстъ, тогда какъ и двадцати пяти не было. Онъ спросилъ его: знаетъ ли онъ Шестовыхъ помѣщицъ?

— Шестовыхъ-то? Какъ не знать! Барыни добрыя, что̀ толковать! Нашего брата тоже лѣчатъ. Вѣрно говорю. Лѣкарки! Къ нимъ со всего округа ходятъ. Право. Такъ и ползутъ. Какъ кто, напримѣръ, заболѣлъ, или порѣзался, или что̀, сейчасъ къ нимъ, и онѣ сейчасъ примочку тамъ, порошки или флястырь,—и ничего: помогаетъ. А благодарность представлять не моги; мы, говоритъ, на это не согласны; мы не за деньги. Школу тоже завели... Ну, да это статья пустая!

Пока ямщикъ разсказывалъ, Литвиновъ не спускалъ глазъ съ домика... Вотъ женщина въ бѣломъ вышла на балконъ, постояла, постояла и скрылась... „Ужъ не она ли?“ Сердце такъ и подпрыгнуло въ немъ. „Скорѣй! скорѣй!“ крикнулъ онъ на ямщика: тотъ погналъ лошадей. Еще нѣсколько мгновеній... и коляска вкатилась въ раскрытыя ворота... А на крыльцѣ уже стояла Капитолина Марковна и, вся внѣ себя, хлопая въ ладоши, кричала: „Я узнала, я первая узнала! Это онъ! это онъ!.. Я узнала!“

Литвиновъ выскочилъ изъ коляски, не давъ подбѣжавшему казачку открыть дверцы, и торопливо обнявъ Капитолину Марковну, бросился въ домъ, черезъ переднюю, въ залу... Передъ нимъ, вся застыдившись, стояла Татьяна. Она взглянула на него своими добрыми, ласковыми глазами (она нѣсколько похудѣла, но это шло къ ней) и подала ему руку. Но онъ не взялъ руки, онъ упалъ передъ ней на колѣни. Она никакъ этого не ожидала и не знала что̀ сказать, что̀ дѣлать... Слезы выступили у ней на глаза. Испугалась она, а все лицо расцвѣтало радостью... „Григорій Михайлычъ, что это, Григорій Михайлычъ?“ говорила она... а онъ продолжалъ лобызать край ея одежды... и съ умиленіемъ вспомнилось ему, какъ онъ въ Баденѣ такъ же лежалъ передъ ней на колѣняхъ... Но тогда—и теперь!

— Таня, твердилъ онъ:—Таня! ты меня простила, Таня?

— Тётя, тётя, что̀ жъ это? обратилась Татьяна къ вошедшей Капитолинѣ Марковнѣ.

— Не мѣшай, не мѣшай ему, Таня, отвѣчала добрая старушка.—Видишь: повинную голову принесъ.

Однако пора кончить; да и прибавлять нечего; читатель догадается и самъ... Но что̀ жъ Ирина?

Она все такъ же прелестна, несмотря на свои тридцать лѣтъ; молодые люди влюбляются въ нее безъ счета и влюблялись бы еще болѣе, если бъ... если бъ...

Читатель, не угодно ли вамъ перенестись съ нами на нѣсколько мгновеній въ Петербургъ, въ одно изъ первыхъ тамошнихъ зданій? Смотрите: передъ вами просторный покой, убранный. не скажемъ: богато—это выраженіе слишкомъ низменно,—но важно, представительно, внушительно. Чувствуете ли вы нѣкій трепетъ подобострастія? Знайте же: вы вступили въ храмъ, въ храмъ, посвященный высшему приличію, любвеобильной добродѣтели, словомъ: неземному. Какая-то тайная, дѣйствительная тайная тишина васъ объемлетъ. Бархатныя портьерки у дверей, бархатныя занавѣски у оконъ, пухлый, рыхлый коверъ на полу, все какъ бы предназначено и приспособлено къ укрощенію, къ смягченію всякихъ грубыхъ звуковъ и сильныхъ ощущеній. Тщательно завѣшенныя лампы внушаютъ степенныя чувства; благопристойный запахъ разлитъ въ спертомъ воздухѣ; самый самоваръ на столѣ шипитъ сдержанно и скромно. Хозяйка дома, особа важная въ петербургскомъ мірѣ, говоритъ чуть слышно; она всегда говоритъ такъ, какъ будто въ комнатѣ находится трудный, почти умирающій больной; другія дамы, въ подражаніе ей, едва шепчутъ; а сестра ея, разливающая чай, уже совсѣмъ беззвучно шевелитъ губами, такъ что сидящій передъ ней молодой человѣкъ, случайно попавшій въ храмъ приличія, даже недоумѣваетъ, чего она отъ него хочетъ? а она въ шестой разъ шелеститъ ему: „Voulez vous une tasse du thé?“ По угламъ виднѣются молодые, благообразные мужчины; тихое искательство свѣтится въ ихъ взорахъ; без-

мятежно тихо, хотя и вкрадчиво, выраженіе ихъ лицъ; множество знаковъ отличія тихо мерцаетъ на ихъ грудяхъ. Бесѣда ведется тоже тихая; касается она предметовъ духовныхъ и патріотическихъ, *Таинственной Капли* Ѳ. Н. Глинки, миссіи на востокѣ, монастырей и братчиковъ въ Бѣлоруссіи. Изрѣдка, глухо выступая по мягкому ковру, проходятъ ливрейные лакеи; громадныя ихъ икры, облеченныя въ тѣсные шелковые чулки, безмолвно вздрагиваютъ при каждомъ шагѣ; почтительное трепетаніе дюжихъ мышцъ только усугубляетъ общее впечатлѣніе благолѣпія, благонамѣренности, благоговѣнія... Это храмъ! это храмъ!

— Видѣли вы сегодня госпожу Ратмирову? кротко спрашиваетъ одна особа.

— Я встрѣтила ее сегодня у Lise, отвѣчаетъ эоловою арфой хозяйка:—мнѣ жаль ея... У ней умъ озлобленный... elle n'a pas la foi.

— Да, да, повторяетъ особа... это, помнится, Петръ Иванычъ про нее сказалъ, и очень вѣрно сказалъ, qu'elle a... qu'elle a l' озлобленный умъ.

— Elle n'a pas la foi,—испаряется, какъ дымъ кадильный, голосъ хозяйки.—C'est une âme égarée. У ней озлобленный умъ.

— У ней озлобленный умъ, повторяетъ однѣми губами сестра.

— — — —

И вотъ отчего молодые люди не всѣ сплошь влюбляются въ Ирину... Они ея боятся... они боятся ея „озлобленнаго ума“. Такая составилась о ней ходячая фраза; въ этой фразѣ, какъ во всякой фразѣ, есть доля истины. И не одни молодые люди ея боятся; ея боятся и взрослые, и высокопоставленныя лица, и даже особы. Никто не умѣетъ такъ вѣрно и тонко подмѣтить смѣшную или мелкую сторону характера, никому не дано такъ безжалостно заклеймить ее незабываемымъ словомъ... И тѣмъ больнѣе жжется это слово, что исходитъ оно изъ благоухающихъ, прекрасныхъ устъ... Трудно сказать, что́ происходитъ въ этой душѣ; но въ толпѣ ея обожателей молва ни за кѣмъ не признаетъ названія избранника.

Мужъ Ирины быстро подвигается на томъ пути, который у французовъ называется путемъ почестей. Тучный генералъ обскакиваетъ его; снисходительный остается сзади. И въ томъ же городѣ, гдѣ проживаетъ Ирина, проживаетъ и нашъ пріятель, Созонтъ Потугинъ: онъ рѣдко съ ней видится, и нѣтъ для нея особенной надобности поддерживать съ нимъ связь... Та дѣвочка, которую поручили его попеченіямъ, недавно умерла.

ДВОРЯНСКОЕ
ГНѢЗДО.

РОМАНЪ ВЪ XLV ГЛАВАХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

(написано въ 1858 году.)

I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру, небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ красиваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ,—человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый,—умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви: онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ, и вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О...., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу, и держалъ и сестру, и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не по-

ложила предѣла его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣняно на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы; и въ то же время Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О...., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороной онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало-быть,—рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины,—въ деревню таскаться незачѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла предъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки; за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись, и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Марѳой Тимоѳеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила

всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него замужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Марѳа Тимоѳеевна ходила живо, держалась прямо, и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила она вдругъ Марью Дмитріевну.—О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ, промолвила та.—Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Что̀ это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Марѳа Тимоѳеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ.) Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою,—не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергѣй Петровичъ—почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ! проговорила Марья Дмитріевна: — до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ, проворчала Марѳа Тимоѳеевна, и спицы еще быстрѣе заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она снова:— голова вся сѣдая, а что̀ ротъ раскроетъ, то солжетъ или насплетничаетъ. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть, конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говоритъ,—эка бѣда! Я сама не сильна во французъ-

скомъ „діалехтѣ“. Лучше бы онъ ни по-каковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминѣ, прибавила Марѳа Тимоѳеевна, глянувъ на улицу.— Вонъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа Тимоѳеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужъ вы, тетушка, всегда... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропиталъ краснощекій казачокъ, выскочивъ изъ-за двери.

II.

Вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблуковъ и безъ скрипу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома, потомъ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ, и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ, не торопясь, въ кресла, и съ улыбкой потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна:—она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже.—Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы.—Гм!.. да вотъ, пожалуйте, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.

— Ѳедя? воскликнула Марѳа Тимоѳеевна.—Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Марѳы Тимоѳеевны:—въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна:—кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ, возразилъ Гедеоновскій: — другой, на его мѣстѣ, и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Марѳа Тимоѳеевна;—это что за вздоръ? Человѣкъ возвратился на родину — куда жъ ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ.—Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимоѳеевна быстро взглянула на него.

— А тому назначается, возразила она: — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Ѳедю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что баловалъ жену. Ну, да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая.—А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. — И Марѳа Тимоѳеевна удалилась.

— Вотъ, она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами:—всегда!

— Лѣта ихнія! Что̀ дѣлать-съ! замѣтилъ Гедеоновскій.— Вотъ, онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? вѣкъ ужъ такой. Одинъ мой пріятель, препочтенный и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица, и та съ хитростью къ зерну приближается — все норовитъ, какъ бы сбоку подойти. А какъ погляжу я на васъ, моя барыня, нравъ-то

у васъ истинно ангельскій; пожалуйте-ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами, и она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила вполголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ—ничего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій шопотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право,—Ѳедино положеніе; я не знаю, какъ онъ переноситъ. Случаются, точно, несчастья со всякимъ: но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ піанистами, и, какъ тамъ по-ихнему, со львами, да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно...

— Очень, очень жалко, проговорила Марья Дмитріевна.— По-родственному; вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какъ же-съ, какъ же-съ. Какъ мнѣ не знать-съ всего, что̀ до вашего семейства относится? Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ,—какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитріевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю, ка̀къ намъ, женщинамъ, нужно осторожно вести себя!

— Женщина женщинѣ розь, Марья Дмитріевна. Есть, къ несчастію, такія — нрава непостояннаго... ну, и лѣта; опять, правила не внушены сызмала. (Сергѣй Петровичъ досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ

его развертывать.)—Такія женщины, конечно, бываютъ. (Сергѣй Петровичъ поднесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ.)—Но вообще говоря, если разсудить, то-есть... Пыль въ городѣ необыкновенная, заключилъ онъ.

— *Maman*, *maman*, вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати: — къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитріевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже всталъ и поклонился.—Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, проговорилъ онъ и, отойдя въ уголъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! продолжала дѣвочка.—Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ Лизой, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ; и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытымъ окномъ.

III.

— Здравствуйте, Марья Дмитріевна! воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ.—Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитріевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, Woldemar! Ахъ, какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера... Дорого взялъ, разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ... Да это имя глупо; я хочу перемѣнить... Eh bien, eh bien, mon garçon... Какой неугомонный!

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣненною мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь...

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, несмотря на его сопротивленіе, поставилъ его опять передъ окномъ.

— Prenez garde, prenez garde, твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его, возразилъ всадникъ;—я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ ноздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и рвалъ удила.

— Браво! воскликнула Марья Дмитріевна;—а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, проскакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя, онъ вбѣжалъ, помахивая хлыстикомъ, изъ двери передней въ гостиную; въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати,—старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

IV.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О.... онъ пріѣхалъ для исполненія временного казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабсъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Несмотря на свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. За то онъ, по-своему, заботился объ его воспитаніи: Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское словцо въ нѣкоторыхъ, большею частью забавныхъ, случаяхъ—можно,

c'est même très chic, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго „большого шлема", онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ „Володькѣ" какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны, Владиміръ Николаичъ, во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно—почтителенъ, гдѣ можно—дерзокъ, отличный товарищъ, un charmant garçon. Завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ; умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ,—танцовалъ отлично, одѣвался по-англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ,—не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе этого позво-

лялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, не принадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О..., и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Паншинъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гедеоновскаго по плечу и, повернувшись на каблукахъ, поймалъ Леночку за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная; а вотъ, я доложу вамъ, чего я боюсь: я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ; вчера у Бѣленицыныхъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гедеоновскій засмѣялся тоненькимъ и подобострастнымъ смѣхомъ: онъ заискивалъ въ молодомъ, блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ способностяхъ Паншина. Вѣдь вотъ, разсуждалъ онъ, какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служитъ примѣрно, и гордости ни малѣйшей. Впрочемъ, Паншина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ „исполнитель“. Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ; онъ самъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ современемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыгралъ васъ, про-

молвилъ Гедеоновскій:—а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще...

— Злодѣй, злодѣй, перебилъ его Паншинъ съ ласковой, но чуть-чуть презрительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ Лизѣ.

— Я не могъ найти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ:—Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка,—на дѣлѣ у ней кромѣ полекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву, и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати, продолжалъ онъ:—я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Не знаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла его премиленькимъ, но ея слова ничего не значатъ,—я желаю знать ваше мнѣніе. Впрочемъ, я думаю, лучше послѣ...

— Зачѣмъ же послѣ? вмѣшалась Марья Дмитріевна:—отчего же не теперь?

— Слушаю-съ, промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась, и пропадала вдругъ,—пододвинулъ колѣномъ стулъ, сѣлъ за фортепіано и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ;
Моей души тебя признало море
Своей луной,
И, движется,—и въ радости, и въ горѣ—
Тобой одной.
Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій
Душа полна;
Мнѣ тяжело... Но ты чужда смятеній,
Какъ та луна.

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженіемъ и силой; въ бурномъ аккомпаниментѣ слышались переливы волнъ. Послѣ словъ: мнѣ тяжело... онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ—morendo. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ,

Марья Дмитріевна сказала: прелестно,—а Гедеоновскій даже крикнулъ: восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны!.. Леночка съ дѣтскимъ благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого дилетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движенію плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пыль съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съежилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостиную.

— А! Христофоръ Ѳедорычъ, здравствуйте! воскликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула.—Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь,—я бы при васъ ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушиль, произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мосье Леммъ, сказала Марья Дмитріевна:—пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Еленъ Михайловнѣ.

— А! Ну, что-жъ—прекрасно. Леночка, ступай наверхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ-было вслѣдъ за дѣвочкой; но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христофоръ Ѳедорычъ, сказалъ онъ:—мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ Бетховенскую сонату въ четыре руки.

Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли,—прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю цѣнить серьезную

музыку,—напротивъ: она иногда скучна, но за то очень пользительна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться Бетховенскою сонатой. Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоновскому пройтись съ ней по саду.—Мнѣ хочется, сказала она:—еще поговорить и посовѣтываться съ вами о бѣдномъ нашемъ Ѳедѣ. Гедеоновскій осклабился, поклонился, взялъ двумя пальцами свою шляпу съ аккуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками, и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза: она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепіано.—Сверху доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

V.

Христофоръ-Теодоръ-Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году, въ королевствѣ саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ, отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ—и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и, подвигаясь все выше и выше, достигъ дирижёрскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но впослѣдствіи отка-

залъ ему и въ этомъ, — словомъ, не заплатилъ ему ни копейки. Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотого дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастье. Въ теченіе двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастье: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился, какъ рыба объ ледъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастіемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрялъ онъ въ городѣ О..., и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ, съ кривовыдавшимися лопатками и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ блѣдно-синими ногтями на твердыхъ, не разгибавшихся пальцахъ жилистыхъ, красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щеки и сжатыя губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, что̀, при его обычной молчаливости, производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые его волосы висѣли клочьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только-что залитые угольки, глухо тлѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая свое неповоротливое тѣло. Иныя его движенія напоминали неуклюжее охорашиваніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ, что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. Застарѣлое, неумолимое горе положило на бѣднаго музикуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его, и безъ того невзрачную, фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднѣлось въ этомъ

полуразрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ—кто знаетъ?—сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, если бъ жизнь иначе его повела; но не подъ счастливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку — и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ; не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во-время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты, — да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музыкальныхъ магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. Леммъ наконецъ махнулъ рукой на все; притомъ и годы брали свое: онъ зачерствѣлъ, одеревянѣлъ, какъ пальцы его одеревянѣли. Одинъ, съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни (онъ никогда женатъ не былъ), проживалъ онъ въ О... въ небольшомъ домишкѣ, недалеко отъ Калитинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію да собраніе протестантскихъ псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить: онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ. Его пѣли два хора,—хоръ счастливцевъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирялись и пѣли вмѣстѣ: „Боже милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ и отжени отъ насъ всякія лукавыя мысли и земныя надежды.“—На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: „Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Леммомъ“. Слова: „Только праведные правы“ и „Елизаветѣ Калитиной“ были окружены лучами. Внизу были приписано: „Для васъ однѣхъ, für Sie allein“.—

Оттого-то Леммъ и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему было очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ объ его кантатѣ.

VI.

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она.— Я вамъ показала кантату Христофора Ѳедорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

— Виноватъ, Лизавета Михайловна,—къ слову пришлось.

— Вы его огорчили—и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ довѣрять не будетъ.

— Что́ прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ младыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца: такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Что́ вы это говорите, Владиміръ Николаичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокій, убитый человѣкъ—и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Паншинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна, промолвилъ онъ.— Всему виною—моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. По ея милости я прослылъ за эгоиста.

Паншинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ, онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него какъ-то мило и мягко, задушевно, словно невольно.

— Вотъ и въ вашемъ домѣ, продолжалъ онъ:—матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволитъ — она такая добрая; вы... впрочемъ, я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за то̀ ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно-быть, обидѣлъ какимъ-нибудь необдуманнымъ, глу-

пымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда ли?

— Да, произнесла Лиза съ небольшой запинкой: — вы ей не нравитесь.

Паншинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; едва замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ну, а вы? промолвилъ онъ: — я вамъ тоже кажусь эгоистомъ?

— Я васъ еще мало знаю, возразила Лиза:—но я васъ не считаю за эгоиста; я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ...

— Знаю, знаю, что̀ вы хотите сказать, перебилъ ее Паншинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ:— за ноты, за книги, которыя я вамъ приношу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать — и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурного человѣка, но все же вы полагаете, что я — какъ бишь это сказано? — для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, промолвила Лиза:—вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте, сказалъ онъ: — не будемте больше говорить обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, разглаживая рукою листы лежавшей на пюпитрѣ тетради:—думайте обо мнѣ, что̀ хотите, называйте меня даже эгоистомъ — такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ: эта кличка мнѣ нестерпима... Anch'io sono pittore. Я тоже артистъ, хотя плохой, и это, а именно то, что я плохой артистъ,—я вамъ докажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй, сказала Лиза.

Первое adagio прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученное онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. За то вторая часть сонаты — довольно быстрое allegro — совсѣмъ не пошла: на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ:—я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепіано и обернулась къ Паншину.

— Что́ же мы будемъ дѣлать? спросила она.

— Узнаю васъ въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете сидѣть сложа руки. Что-жъ, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза—муза рисованія—какъ бишь ее звали? позабылъ... будетъ ко мнѣ благосклоннѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помнится, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Паншинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовый платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ, какъ-то скосясь, на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы; на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншинъ усѣлся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Ага! воскликнулъ онъ:—я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ—и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только — дайте-ка карандашъ — не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Паншинъ размашисто проложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанныя деревья, въ отдаленьѣ поляну, и зубчатыя горы на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисункѣ, да и вообще въ жизни, говорилъ Паншинъ, сгибая голову то направо, то налѣво:—легкость и смѣлость—первое дѣло.

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Паншинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезный Христофоръ Ѳедорычъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Мнѣ домой, проговорилъ Леммъ угрюмымъ голосомъ:—голова болитъ.

— Ну, что̀ за пустяки, — останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ, повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись-было за Бетховенскую сонату, продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талію и свѣтло улыбаясь:—но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣлъ сфой романце лутчи, возразилъ Леммъ, отводя руки Паншина, и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, послушайте, сказала она ему по-нѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора:—я виновата передъ вами — простите меня.

Леммъ ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владиміру Николаевичу вашу кантату; я была увѣрена, что онъ ее оцѣнитъ,—и она, точно, очень ему понравилась.

Леммъ остановился.

— Это ничего, сказалъ онъ по-русски и потомъ прибавилъ на родномъ своемъ языкѣ: — но онъ не можетъ ничего понимать; какъ вы этого не видите? Онъ дилетантъ— и все тутъ!

— Вы къ нему не справедливы, возразила Лиза:— онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

— Да, все второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ — ну, и браво. А я не сержусь; эта кантата и я—мы оба старые дураки; мнѣ немножко стыдно, но это ничего.

— Простите меня, Христофоръ Ѳедорычъ, проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, повторилъ онъ опять по-русски:— вы добрая дѣвушка... а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Леммъ уторопленнымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вѣжливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О....; отъ знакомыхъ онъ отворачивался

на улицѣ—такое ужъ онъ положилъ себѣ правило), Леммъ прошелъ мимо и исчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, вглядѣвшись въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

VII.

— Вы меня не узнаёте, промолвилъ онъ, снимая шляпу:—а я васъ узналъ, даромъ что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенокъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Матушка будетъ очень рада, возразила Лиза: — она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой? промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было такое лицо, котораго не забываешь; я вамъ тогда возилъ конфекты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ странный! Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Паншина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Марьѣ Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что̀ разсказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin! воскликнула она растянутымъ и почти слезливымъ голосомъ:— какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина, возразилъ Лаврецкій и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку: — какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Ѳедоръ Иванычъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте, во-первыхъ, представить вамъ мою дочь, Лизу...

— Я ужъ самъ отрекомендовался Лизаветѣ Михайловнѣ, перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій... Да садитесь же! Гляжу на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть: процвѣтаю. Да и вы, кузина,— какъ бы васъ не сглазить—не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не видались, — мечтательно промолвила Марья Дмитріевна. — Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили... то-есть, я хотѣла сказать, торопливо подхватила она: — я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина, возразилъ Лаврецкій: — и завтра же отправляюсь въ деревню — вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ; а есть у меня, верстахъ въ двадцати-пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ!

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да... но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто—для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитріевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на помощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитріевна успокоилась, опустилась на спинку креселъ и лишь изрѣдка вставляла свое словечко; но при этомъ такъ жалостливо глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу, возразила Марья Дмитріевна: — а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный. „А коли такъ“, подумала она: „мнѣ со-

вершенно все равно: видно тебѣ, мой батюшка, все какъ съ гуся вода; иной бы съ горя исчахъ, а тебя еще разнесло". Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась; вслухъ она говорила изящнѣе.

Лаврецкій, дѣйствительно, не походилъ на жертву рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами, такъ и вѣяло степнымъ здоровьемъ, крѣпкой, долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу, — и бѣлокурые волосы вились на его головѣ, какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась — не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Паншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароваренія, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюрки, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая, впрочемъ, о нихъ ни единымъ словомъ.

— А вѣдь это Ѳедя! раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ, за полу-закрытой дверью, голосъ Марѳы Тимоѳеевны:—Ѳедя, точно! И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ ужъ она обняла его. — Покажи-ка себя, покажи-ка, промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. Э! да какой же ты славный! Постарѣлъ, а не подурнѣлъ нисколько, право! Да что ты руки у меня цѣлуешь—ты меня самоё цѣлуй, коли тебѣ мои сморщенныя щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ: что̀, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ этакой! Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить! Только ты умница, что пріѣхалъ. А что̀, мать моя, прибавила она, обращаясь къ Марьѣ Дмитріевнѣ: — угостила ты его чѣмъ-нибудь?

— Мнѣ ничего не нужно, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи, Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки чаю ему не да-

дутъ. Лиза, пойди, похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленькій онъ былъ обжора страшный, да и теперь, должно-быть, покушать любитъ.

— Мое почтеніе, Марѳа Тимоѳеевна, промолвилъ Паншинъ, приближаясь сбоку къ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, государь мой, возразила Марѳа Тимоѳеевна:—не замѣтила васъ на радости. На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку, продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому: — только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну—и надолго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское.

— Завтра?

— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ,—тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься.—Старушка потрепала его по щекѣ.—Не думала я дождаться тебя: и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ—меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватитъ: всѣ мы, Пестовы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двужильными насъ прозывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколько бъ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ; чай, попрежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужъ на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что ли, это прозывается?—Но, однако, что̀ это я такъ раскудахталась; только г. Паншину (она никогда не называла его, какъ слѣдовало, Па́ншинымъ) разсуждать помѣшала. А, впрочемъ, станемте-ка лучше чай пить; да на террасу пойдемте его, батюшку, пить; у насъ сливки—не то, что̀ въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте-пойдемте, а ты, Ѳедюша, дай мнѣ руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террасу, за исключеніемъ Федеоновскаго, который втихомолку удалился. Во все про-

долженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Паншинымъ и Марѳой Тимоѳеевной, онъ сидѣлъ въ уголкѣ, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы: онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

Въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, вотъ что́ происходило въ домѣ г-жи Калитиной. Внизу, на порогѣ гостиной, улучивъ удобное мгновеніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: „вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно“. Лиза ничего не отвѣчала ему и, не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки;—а наверху, въ комнатѣ Марѳы Тимоѳеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣни и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не разспрашивала... Да и къ чему было говорить, о чемъ разспрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

VIII.

Ѳедоръ Ивановичъ Лаврецкій (мы должны попросить у читателя позволеніе прервать на время нить нашего разсказа) происходилъ отъ стариннаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ-верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ, но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ

Ѳедора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро ихъ распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но до-сыта, напивалось до-пьяна и тащило вонъ, что̀ могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей—дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница: онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, разсказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,—не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя—обидятся;—му̀ка!—Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера, и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее

копеечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего m-r Courtin de Vaucelles, ловкаго и тонкаго проныру,—самую, какъ она выражалась, fine fleur эмиграціи, — и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла замужъ за этого „финь-флёра"; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапчонками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ,—и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ (мы говоримъ о бракѣ княжны, не объ ея смерти) надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика; въ Петербургѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; въ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра);—пришлось ему, поневолѣ, вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось его родимое гнѣздо: глушь и копоть степного житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой недаромъ чуялась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — „Все

здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ: за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людского запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ: слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка этакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ". Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера, да еще „изувѣра" Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ Андреичъ не ошибался: точно, и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни—и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ, подобныхъ имъ, сочинителей сидѣли въ его головѣ,—но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ, удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость XVIII-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ: онъ ими гнушался, они его боялись; а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по-нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить, по крайней мѣрѣ, половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату: онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: „бонжуръ", да „команъ ву порте ву?" Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли,—да отъ

этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка, съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; и онъ полюбилъ ее: онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязаться—и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ: скоро всѣ узнали о связи молодого барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына, и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ: Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась-было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына; упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. „Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ,—подумалъ онъ,—такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю“. И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хотя съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправды-

вать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ — а именно—готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли: онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который, какъ нарочно, въ тотъ день причесался à la Titus и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосинные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные прерывистые крики...—Стой, мошенникъ! вопилъ онъ,—стой! проклятью!—Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всемъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкарауливъ крестьянскую телѣгу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, поскакалъ съ нею въ ближайшій городъ и обвѣнчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, вѣчно пьяный и добрѣйшій отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо Петру Андреичу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жилъ его троюродный братъ, Дмитрій Пестовъ, съ своею сестрой, уже знакомою читателямъ, Марѳой Тимоѳеевной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что намѣренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста и упросилъ

ихъ хоть на время пріютить его жену. При словѣ: жена— онъ всплакнулъ горько и, несмотря на свое столичное образованіе и философію, униженно, бѣднячкомъ-русачкомъ поклонился своимъ родственникамъ въ ноги, и даже стукнулъ о-полъ лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу; онъ прожилъ у нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца; но отвѣта не пришло,—и придти не могло. Петръ Андреичъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Петровича; только мать, тихонько отъ мужа, заняла у благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями да образокъ его женѣ; написать она побоялась, но велѣла сказать Ивану Петровичу, черезъ посланнаго сухопараго мужичка, умѣвшаго уходить въ сутки по шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огорчался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ переложитъ гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣстка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ было угодно, а что она посылаетъ Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословеніе. Сухопарый мужичокъ получилъ рубль, попросилъ позволенія повидаться съ новою барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть-можетъ, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистною деревенской жизнью, а главное — не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно „пустилъ въ ходъ“ и оправдалъ на дѣлѣ Руссо́, Дидерота и la Déclaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женою не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. То̀ дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургѣ, вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло: княжна Кубенская,—которую мусье Куртенъ успѣлъ бросить, но которая не успѣла еще умереть,— чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ племян-

никомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей—едва ли не послѣднія свои денежки—да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ ужъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Ѳеодоромъ, въ честь святого мученика Ѳедора Стратилата. По причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича: онъ не зналъ, что Марѳа Тимоѳеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ, Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ: онъ ухаживалъ за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лаисъ (классическія названія еще процвѣтали въ то время); Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ, словомъ, плылъ на всѣхъ парусахъ.

IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу; если бъ, пропустя полгода, Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головой и бросился ему въ ноги, онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбранивъ сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страха клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и, повидимому, въ усъ себѣ не дулъ. — „Молчи! не смѣй!“ твердилъ Петръ Андреичъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на милость; „ему, щенку, должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ;

покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его, негоднаго, и хорошо бы сдѣлалъ". Анна Павловна, при такихъ страшныхъ рѣчахъ, только крестилась украдкой. Что же касается до жены Ивана Петровича, то Петръ Андреичъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ, и даже въ отвѣтъ на письмо Пестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой якобы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считалъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденіи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьѣ родительницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Ѳедѣ еще году не минуло, какъ Анна Павловна занемогла смертельною болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же послалъ собственный свой экипажъ за невѣсткой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Марѳой Тимоѳеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андреича. Нянька несла за ней Ѳедю. Петръ Андреичъ молча поглядѣлъ на нее; она подошла къ его рукѣ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцѣлуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, проговорилъ онъ наконецъ:—здравствуй; пойдемъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Ѳедѣ; ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя ручонки. Старика перевернуло.

— Охъ, промолвилъ онъ:—сиротливый! Умолилъ ты меня за отца; не оставлю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна подманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ, обративъ обглоданное жестокою болѣзнью лицо къ своему мужу, хотѣла-было заговорить...

— Знаю, знаю, о чемъ ты просить хочешь, промолвилъ Петръ Андреичъ:—не печалься: она останется у насъ, и Ваньку для нея помилую.

Анна Павловна съ усиліемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреичъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ сына, что для смертнаго часа его матери, для младенца Ѳедора, онъ возвращаетъ ему свое благословеніе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ антресоляхъ, онъ представилъ ее своимъ почтеннѣйшимъ гостямъ, кривому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылокъ; Марѳа Тимоѳеевна съ ней простилась; она возненавидѣла Глафиру и въ теченіе одного дня раза три поссорилась съ нею.

Тяжело и неловко было сперва бѣдной женщинѣ; но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю. Онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе. Больше всего терпѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла понемногу забрать весь домъ въ руки: всѣ, начиная съ отца, ей покорялись; безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другой хозяйкой, — и какою еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андреича: она взялась проучить выскочку, и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ жъ ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, ей, безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не напомнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминовеніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были... но Ѳедю у нея отняли: вотъ что ее сокрушало. Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до

него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ поступилъ въ ея полное распоряженіе. Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣе; самъ Петръ Андреичъ желалъ видѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемыя деньги, обѣщалъ пріѣхать вскорѣ,—и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его, наконецъ, изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чувствовалъ себя дома. Маланья Сергѣевна не могла удержать его; она слишкомъ мало для него значила. Даже надежды ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе поручить Глафирѣ воспитаніе Ѳеди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки: безропотно, въ нѣсколько дней угасла она. Въ теченіе всей своей жизни не умѣла она ничему сопротивляться, и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея попрежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру, и какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцѣловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ, своего единственнаго сына. Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ. Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея молчаливаго присут-

ствія. „Прости—прощай, моя безотвѣтная!“ прошепталъ онъ, кланяясь ей въ послѣдній разъ, въ церкви. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ могилу.

Онъ самъ не долго пережилъ ее, не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной, да съ „Малашей“. Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія; онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Ѳедѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ, и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей; весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но—чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ, по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: „оказать новые опыты самоусердія“, „сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства“ и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ,—отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При

свиданіи съ сестрою, онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: „куда же я-то дѣнусь?"—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. Въ домѣ, точно, произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣпая, другая—разбитая параличомъ, да еще дряхлый маіоръ Очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый, золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появилась новая мебель изъ Москвы; завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики, завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: „in recto virtus"... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась: всѣ выдачи, покупки, попрежнему, отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ,—все осталось по-старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось „коренному преобразованію": отецъ исключительно занялся имъ.

XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы, Ѳедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно: память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и нею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Ѳедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только-что зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: „куда? сиди смирно". По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то-есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: „Символы и Эмблемы". Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ, подъ названіемъ: „Шафранъ и Радуга" относилось толкованіе: „дѣйствіе сего есть большое"; противъ другого, изображавшаго „Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту", стояла надпись: „Тебѣ всѣ они суть извѣстны".—„Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка", означали: „Мало-по-малу". Ѳедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣ же, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣ-

нокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и понѣмецки, кое-какъ играла на фортепіано, да сверхъ того отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Ѳедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими „Эмблемами"—сидитъ... сидитъ... въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣчка, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, такъ же полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Ѳедю интереснымъ дитятей: онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, если бы его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; зато по-временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Ѳедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему смолоду!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — „Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ:—и не только человѣка, но спартанца". Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски: двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившій гимнастику до совершенства; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ,—вотъ чѣмъ долженъ былъ за-

ниматься будущій „человѣкъ“; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водой и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его: mon fils, и говорилъ ему: vous. По-русски Ѳедя говорилъ отцу: „ты“, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система“ сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: „сынъ натуры, произведеніе мое“. Когда Ѳедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу,—и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ бо̀льшую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиныхъ и болѣе чѣмъ когда-либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но насталъ 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Близкіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился; здоровье ему измѣнило. Вольнодумецъ—началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ—сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа,

ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ—сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волею—хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца приказчики, бурмистры, простые мужики къ „старой колотовкѣ",—такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвобождаться изъ-подъ гнета давившей его руки. Онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ, — неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу, своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денёчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни другимъ не давалъ покоя. Онъ молился, роптал на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что̀ ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что̀ не вѣритъ, и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домаш-

нихъ, чтобъ они постоянно, днемъ и ночью, сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: „вы все врете,—экая чепуха!“

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея—и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. „Глаша, Глашка! буліонцу, буліонцу, старая дур...“ пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку буліону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать-три года!.. Жизнь открывалась передъ нимъ.

XII.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за приказчиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многаго, что̀ каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ

отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми: двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи... И вотъ, заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то пригодилось, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ,—и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки латинскаго языка. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бель-этажа дѣвушку,— и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не забилось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловид-

наго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ нею сидѣла сморщенная и желтая женщина лѣтъ 45, декольте, въ черномъ токѣ, съ беззубою улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ углубленіи ложи виднѣлся пожилой мужчина, въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстукѣ, съ выраженіемъ тупой величавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбардами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взоры отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ Михалевичъ. Появленіе этого человѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ, появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе, показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая посматривать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ стариннымъ пріятелемъ. Представленіе на сценѣ переставало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ въ „ударѣ“, не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу: она вся наклонилась впередъ, щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ... Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась, наконецъ, искусственно возведенная плотина: онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьиной; что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной, на „кондиціи“ у графа Н. Съ величайшей похвалой отозвался энтузіастъ о Вар-

варѣ Павловнѣ.—Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственною ему порывистой пѣвучестью въ голосѣ,—эта дѣвушка — изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. Замѣтивъ изъ разспросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавивъ, что онъ у нихъ, какъ свой; что генералъ человѣкъ совсѣмъ не гордый, а мать такъ глупа, что только тряпки не сосетъ. Лаврецкій покраснѣлъ, пробормоталъ что-то невнятное и убѣжалъ. Цѣлыхъ пять дней боролся онъ съ своею робостью; на шестой день молодой спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ распоряженіе Михалевича, который, будучи своимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы, — и оба отправились къ Коробьинымъ.

XIII.

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слылъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовикомъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячъ двадцать-пять приданаго, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и, наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не спѣша, свое благосостояніе; онъ на это и разсчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло: онъ придумалъ было новое средство пустить въ оборотъ казенныя деньги,—средство оказалось отличное, но онъ не во-время поскупился: на него донесли; вышла болѣе чѣмъ непріятная, вышла скверная исторія. Кое-какъ отвертѣлся генералъ отъ исторіи, но карьера его лопнула: ему посовѣтовали выйти въ отставку. Года два потолкался онъ еще въ Петербургѣ, въ надеждѣ, не наскочитъ ли на него тепленькое статское мѣсто: но мѣсто на него не наскакивало;

дочь вышла изъ института, расходы увеличивались съ каждымъ днемъ... Скрѣпя сердце, рѣшился онъ переѣхать въ Москву на дешевые хлѣба́, нанялъ въ Старой Конюшенной крошечный, низенькій домъ съ саженнымъ гербомъ на крышѣ, и зажилъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тратя 2750 руб. въ годъ. Москва—городъ хлѣбосольный, рада принимать встрѣчныхъ и поперечныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не безъ военной выправки, фигура Павла Петровича скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ гостиныхъ. Его голый затылокъ, съ косицами крашеныхъ волосъ и засаленной аннинской лентой на галстукѣ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣстенъ всѣмъ скучливымъ и блѣднымъ юношамъ, угрюмо скитающимся во время танцевъ вокругъ игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ сумѣлъ поставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но, по старой привычкѣ, въ носъ,—конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, дома ѣлъ умѣренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О женѣ его почти нечего сказать: звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Калліопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ, только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ ....скаго института, гдѣ считалась если не первою красавицей, то ужъ навѣрное первою умницей и лучшею музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцати лѣтъ не было, когда Лаврецкій увидалъ ее въ первый разъ.

XIV.

Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ

русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ, людямъ; генеральша какъ-то скоро стушевалась; что же касается до Варвары Павловны, то она такъ была спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ, отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ то же время какъ бы усталой походки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго,—вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что̀ словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній насчетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепіано и отчетливо сыграла нѣсколько Шопеновскихъ мазурокъ, тогда только-что входившихъ въ моду. Насталъ часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали; за столомъ генералъ потчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извозчикѣ скакалъ къ Депре. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣніи очарованія. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего сто̀итъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ ходить къ Коробьинымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято; генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, душъ; да и Варварѣ Павловнѣ, кото-

рая во все время ухаживанія молодого человѣка и даже въ самое мгновеніе признанія, сохранила обычную безмятежность и ясность души, и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ; а Калліопа Карловна подумала: meine Tochter macht eine schöne Partie— и купила себѣ новый токъ.

XV.

Итакъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ: кто-жъ выходитъ за студента, да и что за странная мысль—помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ, брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобной, ею купленной кареткѣ, въ Лаврики. Какъ все, что окружало его, было обдумано, предугадано, предусмотрѣно Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные несессеры, какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павловна сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ, Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упивался счастіемъ; онъ предавался ему, какъ дитя... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя, этотъ юный Алкидъ. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій; она сдержала больше, чѣмъ сулила. Пріѣхавши въ Лаврики, въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу смѣшною и устарѣлою, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если бы она располагала основаться въ Лаврикахъ, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьѣ ни на мигъ не прихо-

дила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, кротко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марѳа Тимоѳеевна пріѣхала повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень понравилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старику Коробьину захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя; управлять имѣніемъ такого близкаго родственника, говорилъ онъ, не стыдно даже генералу. Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно: не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она понемногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вбѣжала, какъ бѣшеная, въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ.—Этого Глафира Петровна не ожидала. „Хорошо, — сказала она, и глаза ея потемнѣли, — я вижу, что я здѣсь лишняя! знаю, кто меня отсюда гонитъ, съ родового моего гнѣзда. Только ты помяни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ вѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ“. Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробьинъ и, съ пріятною меланхоліей во взглядахъ и движеніяхъ, принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно меблированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцовальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабо-

чекъ. Ѳедору Иванычу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтовала ему вступить на службу; онъ, по старой отцовской памяти, да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что не даромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединяться, — и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ принялся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широкоплечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ столомъ, его полное, волосатое, румяное лицо, до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично (Варвара Павловна была хозяйка хоть-куда), а по вечерамъ вступалъ въ очаровательный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми, веселыми лицами,— и средоточіемъ этого міра была также рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго, онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого несчастья, да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ Парижѣ Варвара Павловна расцвѣла какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, сумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла премиленькую, въ одной изъ тихихъ, но модныхъ улицъ Парижа; мужу сшила такой шлафрокъ, какого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; пріобрѣла восхитительную каретку, прелестный піанино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась.

Сперва къ ней ѣздили одни русскіе, потомъ стали появляться французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами,—и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей, и la belle madame de Lavretzki скоро стала извѣстна отъ Chaussée d'Antin до Rue de Lille. Въ тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фельетонистовъ и хроникеровъ, которое теперь кишитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ; но ужъ тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловны нѣкто m-r Jules, неблаговидной наружности господинъ, съ скандалезной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуэлисты и битые люди. Этотъ m-r Jules былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ пописывалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то m-me de L....tzki, то m-me de *** cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P....; разсказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до m-me de L....tzki, какъ эта дама, настоящая по уму француженка (une vraie française par l'ésprit)—выше этого у французовъ похвалъ нѣтъ—мила и любезна, какая она необыкновенная музыкантша, и какъ она удивительно вальсируетъ (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекала всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды)... словомъ, пускалъ о ней молву по-міру, — а вѣдь это, что̀ ни говорите—пріятно. Дѣвица Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвица Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павловна прилежно посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во Французской Комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное Листъ у ней игралъ два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ—прелесть! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ прошла зима,

къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Ѳедоръ Иванычъ съ своей стороны не скучалъ, хотя жизнь, подчасъ, тяжела становилась у него на плечахъ,—тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ Sorbonne и Collège de France, слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ. „Я не теряю времени“, думалъ онъ: „все это полезно; но къ будущей зимѣ надобно непремѣнно вернуться въ Россію и приняться за дѣло“. Трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернуться въ Россію къ зимѣ, — пока онъ ѣхалъ съ женою въ Баденъ-Баденъ... Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

XVI.

Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

„Милый ангелъ Бетси! (Я никакъ не рѣшаюсь назвать тебя Barbe или Варвара—Varvara.) Я напрасно прождалъ тебя на углу бульвара; приходи завтра къ половинѣ второго на нашу квартирку. Твой добрый толстякъ (ton gros bon-homme de mari) объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего поэта *Пускина* (de votre poëte Pouskine), которой ты меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ!—Тысячу поцѣлуевъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя.

Эрнестъ“.

Лаврецкій не сразу понялъ, что̀ такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе.

Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны, никогда не представлялась

его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый, смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва ли не самый ничтожный изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полчаса; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнія; Варвара Павловна, въ шляпѣ и шали, торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ могъ только прошептать: Бетси,—и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто смѣшно, даже какъ будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало,— а онъ и не чувствовалъ усталости,—зато усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что̀ съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревянѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой, незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что̀ заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть попрежнему спокойной, попрежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ! „Ничего не понимаю!“ шептали его засохшія губы. „Кто мнѣ поручится теперь, что въ Петербургѣ...“ И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что

на-дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепіано и спѣла: „Старый мужъ, грозный мужъ!“ Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ, — и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойти, сказать имъ: „вы со мной напрасно пошутили; прадѣдъ мой мужиковъ за ребра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ“ — да убить ихъ обоихъ. То вдругъ ему казалось, что все, что̀ съ нимъ дѣлается, сонъ, и даже не сонъ, а такъ, вздоръ какой-то: что сто̀итъ только встряхнуться, оглянуться... Онъ оглядывался и, какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. Къ довершенію всего, Лаврецкій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, надѣялся быть отцомъ... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена. Онъ вернулся, наконецъ, въ Парижъ, остановился въ гостиницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

„Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ все. Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги“. (Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.) „Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что̀ хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастія. Отвѣта не нужно“.

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли, — и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ: но онъ поѣхалъ не

въ Россію, а въ Италію. Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать,—лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру насчетъ жениной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама напечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что̀ было совершенно излишне. Скрываясь въ небольшомъ италіанскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ-Баденъ: имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мсьё Жюлемъ. Въ этой статейкѣ, сквозь обычную игривость, проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Ѳедора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ, съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагикомическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала „извѣстностью“.

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже, пожалуй... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Мно-

гое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену,—близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прибылъ онъ въ городъ О..., гдѣ мы разстались съ нимъ, и куда мы просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

XVII.

На другое утро, послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. Ему навстрѣчу вышла Лиза, въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы? спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините, пожалуйста, проговорилъ Лаврецкій:—я... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда недалеко? спросила Лиза.

— Верстъ двадцать-пять.

На порогѣ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ, промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте, прибавилъ онъ:—вы идете въ церковь: помолитесь кстати и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо:— я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка.

Въ гостиной Лаврецкій засталъ Марью Дмитріевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея сло-

вамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно. Она приняла его съ обычною своею томной любезностью и понемногу разговорилась.

— Не правда ли, спросила она его:—Какой Владиміръ Николаевичъ пріятный молодой человѣкъ!

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что́ вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, mon cher cousin, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Что жъ? Онъ хорошей фамиліи, служитъ прекрасно, уменъ, ну, камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія... я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада. Отвѣтственность, конечно, большая; конечно, отъ родителей зависитъ счастіе дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть: и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я... я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Болюсъ выписала...

Марья Дмитріевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню.

— А Лиза какъ вамъ нравится? спросила она.

— Лизавета Михайловна прекраснѣйшая дѣвица, возразилъ Лаврецкій, всталъ, откланялся и зашелъ къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. Марья Дмитріевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: „экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной“.

Марѳа Тимоѳеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково близкихъ ея сердцу: изъ толстозобаго ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ свистать и таскать воду, — маленькой, очень пугливой и смирной собачонки Роски, — сердитаго кота Матроса,—черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и вострымъ носикомъ, которую звали Шурочкой,—и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти-пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на

темномъ платьѣ, по имени Настасьи Карповны Огарковой. Шурочка была мѣщаночка, круглая сирота. Марѳа Тимоѳеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску: и собачонку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь; за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не доѣдалъ и племянницу не кормилъ, а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Марѳа Тимоѳеевна свела знакомство на богомольѣ, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви (она понравилась Марѳѣ Тимоѳеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самаго веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Марѳой Тимоѳеевной, и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость ко всѣмъ молодымъ людямъ и невольно краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой невинной шутки. Весь ея капиталецъ состоялъ изъ 1200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Марѳы Тимоѳеевны, но на ровной съ ней ногѣ: Марѳа Тимоѳеевна не вынесла бы подобострастія.

— А! Ѳедя! начала она, какъ только увидала его: — вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полюбуйся. Мы всѣ къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастъ, а котъ оцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня.—Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце.—Я уже съ Марьей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой, что за Михайловна она для тебя! Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ шла, продолжалъ Лаврецкій.—Развѣ она богомольна?

— Да, Ѳедя, очень. Больше насъ съ тобою, Ѳедя.

— А вы развѣ не богомольны? замѣтила, пришепетывая, Настасья Карповна. И сегодня: къ ранней обѣднѣ не пошла, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ,—ты одна пойдешь: облѣнилась я, мать моя, возразила Марѳа Тимоѳеевна,—чаемъ ужъ очень себя балую. Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: *ты*, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ — не даромъ же она была Пестова: трое Пестовыхъ значатся въ синодикѣ Ивана Васильевича Грознаго; Марѳа Тимоѳеевна это знала.

— Скажите, пожалуйста, началъ опять Лаврецкій: — мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ... какъ бишь его?.. Паншинѣ. Что̀ это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! проворчала Марѳа Тимоѳеевна:—чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой навертывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ, видно, ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, да и славу Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу? спросилъ Лаврецкій.

— А потому, что молодецъ мнѣ не нравится; да и чему тутъ радоваться?

— Не нравится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему плѣнять. Будетъ съ него и того, что вотъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всполошилась.

— Что̀ вы это, Марѳа Тимоѳеевна, Бога вы не боитесь! воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плутъ, перебила ее Марѳа Тимоѳеевна:—знаетъ, чѣмъ ее прельстить: табакерку ей подарилъ. Ѳедя, попроси у ней табачку понюхать; ты увидишь, табакерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужъ ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, спросилъ Лаврецкій:—къ нему неравнодушна?

—Кажется, онъ ей нравится,—а, впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья

и подавно. Вотъ и Шурочкину душу—поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, промолвилъ онъ съ разстановкой:—дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Что-жъ скоро мы тебя увидимъ? спросила Марѳа Тимоѳеевна.

— Какъ придется, тетушка; тутъ вѣдь недалеко.

— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не хочешь жить въ Лаврикахъ:—ну, это твое дѣло; только съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ, за границей, всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ-быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилкахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Ѳедя, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ тебѣ и цѣлковый. Возьми, возьми, это я по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была; ну и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимоѳеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Паншинымъ не быть, не безпокойся; не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не безпокоюсь, отвѣчалъ Лаврецкій, и удалился.

XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухѣ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно мель-

кавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябиной; онъ глядѣлъ... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы—вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ то же время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были такъ же неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну—и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодраго, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ,—потомъ слѣпого, плаксиваго, съ неопрятной, сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, разсказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну,—и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

„Вотъ,—подумалъ онъ:—новое существо только-что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Блѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такіе серьезные, и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы. Точно, мнѣ самому сдается, Паншинъ ея не стоитъ. Однако, чѣмъ же онъ дуренъ? А впрочемъ, чего я размечтался? Побѣжитъ и она по той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну“. И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, но погрузился въ дремотное дорожное онѣмѣніе. Образы прошедшаго, попрежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ... о французской исторіи... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза... Тѣ же поля, тѣ же степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра... „Хорошъ возвращаюсь я на родину"—промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: „пошелъ!" запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій амбарикъ. Это было Васильевское.

Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показалось; лакей снова приготовился соскочить и снова закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и, спустя мгновенье, на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги, на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ кверху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцѣловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій:—тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безъ всякой нужды изгибаясь, какъ змѣя, высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

„Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся“, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ, и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

XIX.

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣса; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлой пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ притолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не открывалъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было; тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Ѳедорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, желчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшіе, злые глаза угрюмо глядѣли изъ-подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щеткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей. „Сами Глафира Петровна изволили плести“, доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась

узкая кровать, подъ пологомъ изъ стародавней, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганное жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальной находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углу; на полу лежалъ истертый, закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ то же время—какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда-нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, та же Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ, она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а только глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ, да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ

липъ, которыя поражали своею громадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ; онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то—лѣтъ сто тому назадъ—стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Ѳедоръ Иванычъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порога своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись; дѣти бѣжали прочь; собаки равнодушно лаяли. Ему, наконецъ, захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положить въ кастрюлю; когда она, наконецъ, сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если... „Сею минуту-съ подамъ-съ“, перебилъ его старикъ,—и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки, сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ, кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили

только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга; Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ долго шептался съ Апраксѣей, охалъ вполголоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отличноустроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у амбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова,—и сладко спалось старику.

XX.

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворовой собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей копуры;—и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. „Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки“, сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченію тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжанье мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, ко-

торый то-и-дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту; простучала телѣга; на деревнѣ скрипятъ ворота. „Что?“ задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. „Охъ, ты мой сударикъ“, говоритъ Антонъ двухлѣтней дѣвочкѣ, которую няньчитъ на рукахъ. „Квасъ неси“, повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. „Вотъ когда я на днѣ рѣки“, думаетъ опять Лаврецкій. „И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь“, думаетъ онъ: — „кто входитъ въ ея кругъ, — покоряйся: здѣсь незачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ, подъ окномъ, коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель, богородицыны слезки еще выше выкидываютъ свои розовые кудри; а тамъ, дальше, въ поляхъ, лоснится рожь и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе года“, продолжаетъ думать Лаврецкій: — „пусть же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло“. И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая,—и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ, кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцаній этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ какъ

весенній снѣгъ,—и странное дѣло!—никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

XXI.

Въ теченіе двухъ недѣль Ѳедоръ Иванычъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, расчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить—не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки,—и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копейки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ, тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. „А теперь“, жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ:—„такъ все вырубили, да распахали, что проѣхать негдѣ“. Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался-было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать, — и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массакà и желтое платье изъ трю-трю-левантина; но какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: „чтò, молъ, должòнъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?“ приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины, до самомалѣйшей тряпицы, было представлено Ѳедору Ивановичу. И точно, Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая

праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массакà и желтаго платья изъ трю-трю-левантина. Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ тò—„Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александромъ Александровичемъ Прозоровскимъ“; тò рецептъ грудного *декохта* съ примѣчаніемъ: „Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳедора Авксентьевича“; тò политическую новость слѣдующаго рода: „О тиграхъ французахъ что-то замолкло“;—и тутъ же рядомъ: „Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ преміеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?“ Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; много воспоминаній возбудили въ немъ давно забытые, но знакомые: „Символы и Эмблемы“. Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, разсыпанными на лбу, съ длинными, томными глазами и полураскрытымъ ртомъ,—и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ,—его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволяла снять портрета. „Я, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ“, говаривалъ Лаврецкому Антонъ:—„хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аѳанасьевича, помню,—какъ же: мнѣ, когда они скончались, восьмнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся,—такъ даже поджилки затряслись; однако, они ничего, только спросили, какъ зовутъ,—и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ, чтò и говорить, — и старшòго надъ собой

не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; носи— и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что̀ баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него, да скажутъ: мелко плаваешь;—самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженной памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что̀ добра послѣ себя оставилъ, серебра что̀, всякихъ запасовъ,—всѣ подвалы биткомъ набиты были! Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили,—ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ, Петръ Андреичъ, и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *химею*; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ, ложки серебряной отъ нихъ не осталось,—и то еще спасибо, Глафира Петровна порадѣла".

— А правда ли, перебивалъ его Лаврецкій:—ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ.

— А что̀, батюшка, рѣшился спросить однажды старикъ:— что̀ наша барынька, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій:—пожалуйста, не спрашивай о ней.

— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль, Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О..., къ Калитинымъ, и провелъ у нихъ вечеръ. Леммъ былъ тамъ; онъ очень понравился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Паншина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла одна и очень отчетливо; Леммъ оживился, расходился, свернулъ бумажку трубочкой и дирижировалъ. Марья

Дмитріевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; по ея словамъ, Бетховенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Леммъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблистали; самые волосы приподнялись надъ лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участья, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо и внимательно разспрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что показалъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую, положенную имъ на музыку, балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, пригласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Леммъ, проводившій его до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его руку; но, оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ воздухѣ, при только-что занимавшейся зарѣ, оглянулся, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку: „Ich bin wohl nicht klug“ (я не въ своемъ умѣ) пробормоталъ онъ, ложась въ свою жёсткую и короткую постель. Онъ попытался сказаться больнымъ, когда, нѣсколько дней спустя, Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Ѳедоръ Иванычъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привезти къ себѣ въ деревню фортепіано изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много разсказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ; Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо шевелился весь, какъ паукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ежиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, бе-

резовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканіе лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи—спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

XXII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ-будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и, полушутя, предложилъ ему написать для него либретто.

— Гмъ, либретто! возразилъ Леммъ:—нѣтъ, это не по мнѣ: у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ... Но если-бъ я могъ еще что-нибудь сдѣлать,—я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ...

Онъ умолкъ, и долго сидѣлъ неподвижно и поднявъ глаза на небо.

— Напримѣръ, проговорилъ онъ наконецъ:—что-нибудь въ такомъ родѣ: вы, звѣзды, о вы чистыя звѣзды?...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

— Вы, звѣзды, чистыя звѣзды, повторилъ Леммъ.—Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ... но одни невинные сердцемъ,—или что-нибудь въ этомъ родѣ... васъ понимаютъ, то-есть, нѣтъ,—васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ, — куда мнѣ! Но что̀-нибудь въ этомъ родѣ, что̀-нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ свѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже, продолжалъ онъ постепенно утихавшимъ голосомъ: — вы знаете, кто любитъ, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы однѣ можете утѣшить... Нѣтъ, это все не то! Я не поэтъ, промолвилъ онъ; — но что-нибудь въ этомъ родѣ...

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья! возразилъ Леммъ и углубился

въ уголъ коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновеній... Лаврецкій прислушался... „Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь“, шепталъ старикъ.

— Любовь, повторилъ про себя Лаврецкій, задумался, и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Ѳедорычъ, промолвилъ онъ громко:—а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ,—а?

— Это вы такъ думаете, возразилъ Леммъ: — потому что, вѣроятно, опытъ... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо сѣрѣло, когда коляска подъѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернулся въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ соловей свою послѣднюю, передразсвѣтную пѣснь. Лаврецкій вспомнилъ, что и у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда, при первыхъ его звукахъ, они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней, и сердце въ немъ утихло. „Чистая дѣвушка, проговорилъ онъ вполголоса:—чистыя звѣзды“, прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Леммъ долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, небывалая, сладкая мелодія собиралась посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія... но онъ не дождался ея.

— Не поэтъ и не музыкантъ! прошепталъ онъ наконецъ...

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду, подъ старой липой.

— Маэстро! сказалъ между прочимъ Лаврецкій:—вамъ придется скоро сочинять торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Замѣтили вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочемъ, прибавилъ онъ, погодя немного:—на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурного находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьёзная, съ возвышенными чувствами,—а онъ... онъ ди-ле-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что̀ это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человѣкъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ, потому что она еще совсѣмъ дитя, хотя ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ,—и это очень похвально; но она его не любитъ. Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть, душа его не прекрасна.

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и бѣгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій:—мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ: — не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него прощенія. Леммъ послѣ чая сыгралъ ему свою кантату, а

за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецкимъ, опять разговорился о Лизѣ. Лаврецкій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христофоръ Ѳедорычъ, сказалъ онъ наконецъ:—вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ, садъ въ полномъ цвѣту... Не пригласить ли ее сюда на день, вмѣстѣ съ ея матерью и моей старушкой теткой,—а? Вамъ это будетъ пріятно?

Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите, проговорилъ онъ чуть слышно.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно, возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Два дня спустя, Ѳедоръ Иванычъ отправился въ городъ, къ Калитинымъ.

XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома, но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи: онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему: ихъ оставили вдвоемъ въ гостиной. Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему, — да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка, внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній,—и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. „Вотъ онъ какой“, подумала она, ласково глядя на него; „вотъ ты какая“, подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— Не бойтесь, говорите, промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые, начала она, и въ то же время подумала: „да, онъ точно добрый...“—вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами... но какъ могли вы... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подсѣлъ къ ней.

— Дитя мое, заговорилъ онъ:—не прикасайтесь, пожалуйста, къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю, продолжала Лиза, какъ будто не разслушавъ его:—она передъ вами виновата, я не хочу ее оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что́ Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко:—мы не поймемъ другъ друга.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало; но она не замолчала.

— Вы должны простить, промолвила она тихо: — если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить! подхватилъ Лаврецкій. — Вы бы сперва должны были узнать, за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ... Да что тутъ толковать! Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять? съ усиліемъ проговорила Лиза. Дрожь ея рукъ становилась видимой.—Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Иванычъ.

— Но я же вамъ говорю, возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій: — вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней? прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ за-

ключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, ни за что нельзя ручаться.

— И я могу такъ же быть несчастной, промолвила Лиза (голосъ ея началъ прерываться):—но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться...

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня, торопливо произнесла Лиза.

Въ это мгновеніе вошла Марья Дмитріевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Постойте, неожиданно крикнулъ ей вслѣдъ Лаврецкій.—У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: посѣтите меня на моемъ новосельѣ. Вы знаете, я завелъ фортепіано; Леммъ гоститъ у меня; сирень теперь цвѣтетъ; вы подышите деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день,—согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитріевна приняла болѣзненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцѣловалъ у ней обѣ руки. Марья Дмитріевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ „тюленя", умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день, Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ и, все еще взволнованный, украдкой шепнулъ ей: „спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ..." И ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыбнулись,—она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его.

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать? спросила Марья Дмитріевна.

— Конечно, возразилъ Лаврецкій: — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется... начала-было Марья Дмитріевна... впрочемъ, какъ хотите, прибавила она.

Рѣшено было взять Леночку и Шурочку. Марѳа Тимоѳеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, сказала она:—кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постелѣ. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой; но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку; она задумалась, оставшись одна.

XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видѣлись съ Москвы. Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно-заглохшія воспоминанія. Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ попрежнему. Лаврецкій упомянулъ-было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: „слышалъ, братъ, слышалъ,—кто это могъ ожидать?“ — и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ:—завтра долженъ ѣхать; сегодня, мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что̀ ты, какія твои мнѣнія, убѣжденія, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ го-

довъ.) Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: волны жизни упали на мою грудь,—кто бишь это сказалъ?—хотя въ важномъ, существенномъ, я не измѣнился; я попрежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю,—я вѣрую теперь, да—я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піесу: въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе, оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся;
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги—признакъ сильнаго чувства—пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло, Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегда-готовая, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверть часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лав-

рецкій: тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные,—а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованный*, то *скѣптикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ: первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы,—впрочемъ, что̀ это я вру,—судьбы тутъ нѣту; старая привычка неточно выражаться. Но что-жъ это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь!—на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать-стать!—Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно—частный, такъ-сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій:—я не признаю...

— Нѣтъ, это твое правило, правило,—перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ часъ спустя:—ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденье, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ея найти нельзя, ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю.

— Ибо,—пожалуй, смѣйся,—ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только копеечный умъ... ты, просто, жалкій, отсталый вольтеріянецъ—вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріянецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій:—я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ:—я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ третьемъ часу ночи:—ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріянецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ,—все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій:—почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, продолжалъ неугомонный Михалевичъ:—начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что̀ плохо у англичанъ и у французовъ,—и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, вотъ умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да!—А то есть у насъ такіе господа—впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ,—которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ... какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію.—О, это млѣніе скуки—гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ...

— Да что-жъ ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій.—Работать... дѣлать... Скажи лучше, что̀ дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!

— Вишь, чего захотѣлъ! Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосѳенъ.—Помѣщикъ, дворянинъ—и не знаетъ, что̀ дѣлать!

Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ; вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ.—Ни одной секунды!—Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ:—у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...

— Позволь мнѣ замѣтить тебѣ, промолвилъ Лаврецкій:—что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушайка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. „До завтра“, проговорилъ онъ съ улыбкой,—и всунулъ трубку въ кисетъ. „До завтра“, повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Ивановичу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ до-сыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душой не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности; сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ „образованнаго человѣка“. Со всѣмъ тѣмъ, Михалевичъ не унывалъ и жилъ-

себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи,—и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую „панну"... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ... но, какъ подумаешь,—развѣ это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другого горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ,—а это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ,—и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнивалъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины...

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ, не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ:—а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи.

— Спасибо, братъ, промолвилъ Лаврецкій:—съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыныкъ!* воскликнулъ Михалевичъ.

— „Циникъ", поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыныкъ, повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ

воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣевая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ... „Помни мои послѣднія три слова“, закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ:—„религія, прогрессъ, человѣчность!.. Прощай!“ Голова его, съ нахлобученной на глаза фуражкой, исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ—и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. „А вѣдь онъ, пожалуй, правъ“, думалъ онъ, возвращаясь въ домъ:—„пожалуй, что я байбакъ“. Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хоть онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

XXVI.

Дня два спустя, Марья Дмитріевна, по обѣщанію, прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитріевна томно прошлась по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденья, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ,—и разслабленнымъ голосомъ, въ носъ, попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаныя бѣлыя перчатки, чай подалъ пріѣзжей барынѣ не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго, не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. Зато Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой стопою сталъ онъ за кресло Марьи Дмитріевны — и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его бариномъ хорошіе господа знаются. Впрочемъ, не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣта фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ и безпрестан-

но откашливался и сторонился съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось: она, какъ только вошла, дружелюбно протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то-и-дѣло запускалъ руку, небольшой свертокъ нотной бумаги и, сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепіано. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ сѣла за фортепіано и разобрала романсъ... Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ силился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усиліе такъ и осталось однимъ усиліемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали, — и Леммъ это понялъ: ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романсъ обратно въ карманъ и, въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ, покачавъ только головой, значительно сказалъ: „теперь—баста!“—сгорбился, съежился, и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марью Дмитріевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шлепалъ по нимъ рукою, плевалъ на нихъ и даже самъ закидывалъ удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитріевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Ѳедору Иванычу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: „il n'y a plus maintenant de ces gens comme ça comme autrefois“. Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно, выхваченные караси то-и-дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками; радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитріевна изнѣженно взвизгнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило отъ того,

что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и разговоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ, — другою она съ нѣкоторымъ усиліемъ поддерживала гнуткое удилище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка, — и думалъ: „о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!“ Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду—и не то щурилась, не то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обоихъ.

— А знаете ли, началъ Лаврецкій:—я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ... возразила-было Лиза—и застыдилась.

— Вы добры, повторилъ Лаврецкій.—Я топорный человѣкъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хоть бы Леммъ; онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы—не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, подхватилъ Лаврецкій:—съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не умѣть—это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ—это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!.. Берегитесь, у васъ клюетъ... Говорятъ, прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного:—Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да, отвѣчала Лиза:—это бездѣлка, но недурная.

— А какъ по-вашему, спросилъ Лаврецкій: — хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человѣкъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Ѳедора Иваныча.

— Какой странный вопросъ! воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее снова.

— Отчего же странный? Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человѣкъ, недавно сюда пріѣхавшій, какъ родственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей?

— У Владиміра Николаича доброе сердце, заговорила Лиза:—онъ уменъ; maman его очень любитъ.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А! промолвилъ Лаврецкій и умолкъ. Полу-печальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться.—„Ну, и дай Богъ имъ счастья!“—пробормоталъ онъ, наконецъ, какъ будто про себя, — и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Ѳедоръ Иванычъ, сказала она:—вы напрасно думаете... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится? спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей, промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилуйте, когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнивый не смѣется?.. А что́, прибавилъ онъ:—сдержали вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко объ этомъ.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства...

— Христіаниномъ нужно быть, заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза:—не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово! сказалъ онъ.

— Это слово не мое, отвѣчала она.

— Не ваше... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь: у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь...

— Да, мнѣ очень весело теперь, наивно возразила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ...

— Лиза, Лиза! закричала Марья Дмитріевна:—поди сюда, посмотри, какого карася я поймала.

— Сейчасъ, maman, отвѣчала Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей ракитѣ. „Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ“, думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длинныя, немного помятыя ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ? спросила она, нѣсколько мгновеній спустя.

— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а впрочемъ, время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что́ приходило ему въ душу: она такъ мило, такъ вни-

мательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? промолвила она: — а я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ. Она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть скучно со мною; ты мнѣ говоришь все такое хорошее, а у меня своихъ словъ нѣту.

„И слава Богу!“ подумалъ Лаврецкій.

XXVII.

Между тѣмъ, вечеръ наступалъ, и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочекъ съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили. Лаврецкій объявилъ, что проводитъ гостей до полъ-дороги и велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось уженье. Антонъ, съ замѣчательной для его лѣтъ силой, захлопнулъ дверцы и сурово закричалъ: пошелъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помѣщались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ—дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ теплый и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы,—онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей лошади—и изрѣдка мѣняясь двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитріевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только-что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной теплыни, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушая молодой, и въ шопотѣ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полъ-дороги. Онъ не захотѣлъ

будить Марью Дмитріевну, пожалъ слегка руку Лизы, и сказалъ: „вѣдь мы друзья теперь, не правда ли?“ Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покатилась дальше, тихонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обаянье лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно странно и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали,—а далеко было видно, хотя глазъ многаго не понималъ изъ того, что̀ видѣлъ, — все покоилось; молодая расцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налѣво; большая черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотѣ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепелокъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. „Ну, мы еще поживемъ, думалъ онъ:—не совсѣмъ еще насъ заѣла...“ Онъ не договорилъ: кто или что... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина; что встрѣться онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ,—Богъ знаетъ, что̀ могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лемма, хотя у ней „своихъ“ словъ нѣтъ. Да и это неправда: у ней есть свои слова... „Не говорите объ этомъ легкомысленно“, вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понуривъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ...

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной, благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ

ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда,—съ неба ли, съ земли,—тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ и взбѣжалъ на крыльцо.

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ исподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ не распечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать обложки и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ — и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ, извѣстный уже намъ мосье Жюль сообщалъ своимъ читателямъ „горестную новость“: прелестная, очаровательная москвитянка, писалъ онъ,—одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, Madame de Lavretzki скончалась почти внезапно, — и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только-что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ,—такъ продолжалъ онъ:— можно сказать, другомъ покойницы...

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

XXVIII.

На слѣдующее утро, за чаемъ, Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратиться въ городъ. „Мнѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки“, замѣтилъ старикъ: — „а то я здѣсь только даромъ время теряю“. Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался разсѣяннымъ. „Хорошо“, сказалъ онъ наконецъ: „я съ вами самъ поѣду“.—Безъ помощи слуги, кряхтя и сердясь, уложилъ Леммъ небольшой свой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ нотной бумаги. Подали лошадей. Выходя изъ кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній нумеръ газеты. Во все время дороги, и Леммъ, и Лаврецкій мало говорили другъ съ другомъ: каждаго изъ нихъ занимали собственныя мысли, и каждый былъ радъ,

что другой его не безпокоитъ. И разстались они довольно сухо, что̀, впрочемъ, часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику: тотъ вылѣзъ, досталъ свой чемоданъ и, не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, сказалъ ему по-русски: прощайте-съ!—Прощайте, повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ, на всякій случай, квартиру въ городѣ О.... Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостиной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитріевна сейчасъ выйдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ—не то, чтобъ свысока, а снисходительно; но Лиза, разсказывая Паншину свою вчерашнюю поѣздку, отозвалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать „прекраснаго“ человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитріевны отзывалось о Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перейдя къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ занятіяхъ, о воззрѣніяхъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ слѣдуетъ губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили—„de populariser l'idée du cadastre“. Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоувѣренностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: „вотъ что̀ бы я сдѣлалъ, если бъ я былъ правительствомъ“; „вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь“—не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина: не нравился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный человѣкъ, съ своей свѣтлой улыб-

кой, вѣжливымъ голосомъ и пытливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойственнымъ ему быстрымъ пониманіемъ ощущеній другого, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику, и подъ благовиднымъ предлогомъ скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ-быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, „aigri“ и, „en somme“, нѣсколько смѣшной.—Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Гедеоновскаго; потомъ пришла Марѳа Тимоѳеевна съ Лизой; за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Бѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти ребяческимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми браслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый человѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и неподвижной улыбкой на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома, въ минуту нѣжности, называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не понутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то-и-дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, если бъ не Лиза: ему хотѣлось сказать ей два слова наединѣ, но онъ долго не могъ улучить удобное мгновенье и довольствовался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣленицыной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то щурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Марѳой Тимоѳеевной, Бѣленицынымъ и Гедеоновскимъ, который игралъ очень медленно, безпрестанно ошибался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ. Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался кратко, многозначительно и печально,—ни дать, ни взять невысказавшійся художникъ,—но, несмотря на просьбы Бѣленицыной, которая очень съ

нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Ѳедоръ Иванычъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ въ комнату: она тотчасъ почувствовала, что онъ имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась разспросить его. Наконецъ, переходя въ залу наливать чай, она невольно поворотила голову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что̀ съ вами? промолвила она, ставя чайникъ на самоваръ.

— А развѣ вы что̀ замѣтили? проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла до сихъ поръ.

Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ:—передать вамъ одно извѣстіе, но теперь невозможно.—Впрочемъ, прочтите вотъ, что отмѣчено карандашомъ въ этомъ фельетонѣ, прибавилъ онъ, подавая ей нумеръ взятаго съ собою журнала. — Прошу хранить это въ тайнѣ; я зайду завтра утромъ.

Лиза изумилась... Паншинъ показался на порогѣ двери: она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна? задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы наверхъ. Лаврецкій вернулся въ гостиную и приблизился къ игорному столу. Марѳа Тимоѳеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнера, Гедеоновскаго, который, по ея словамъ, ступить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть, говорила она:—не то, что выдумки сочинять.

Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ въ числѣ другихъ гостей, — было тяжело: онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ повто-

рить, что придетъ завтра, и прибавилъ, что надѣется на ея дружбу.

— Приходите, отвѣчала она съ тѣмъ же недоумѣніемъ на лицѣ.

Паншинъ оживился по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедеоновскому, насмѣшливо любезничалъ съ Бѣленицыной и, наконецъ, спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на нее попрежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь; но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ въ свою жизнь: сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. По временамъ только всплывала у него въ головѣ мысль: „да это не правда, это все вздоръ",—и онъ останавливался, поникалъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. „Вишь, повадился", подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— Это ужасно! промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да, можетъ-быть, это еще и не правда, прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошлась немного.

— Скажите, начала она:—вы не огорчены? нисколько?

— Я самъ не знаю, что̀ я чувствую, отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что̀ вы говорите... Не сердитесь на меня. Вы меня называете своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее?—а ея уже тогда, можетъ-быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете?.. По крайней мѣрѣ, я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ. На что̀ вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи...

— Я давно ее простилъ, перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не то, возразила Лиза и покраснѣла. — Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили...

— Кому меня прощать?

— Кому?—Богу. Кто же можетъ насъ простить, кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте, воскликнулъ онъ:—я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать, проговорила Лиза вполголоса.—Вы забыли,—еще недавно, вотъ, когда вы со мной говорили,—вы не хотѣли ея прощать...

Оба молча прошлись по аллеѣ.

— А что̀ же ваша дочь? спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— О, не безпокойтесь! Я уже послалъ письма во всѣ

мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее... какъ вы говорите... обезпечена. Не безпокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы, продолжалъ Лаврецкій:—что̀ мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что̀ мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ? промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ, — да вѣдь оно у меня все выжжено!.. Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастіе, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда не бывало. О чемъ же тутъ было плакать? Впрочемъ, кто знаетъ?—я, можетъ-быть, былъ бы болѣе огорченъ, если-бъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше...

— Двумя недѣлями? возразила Лиза. — Да что̀-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали, подхватилъ внезапно Лаврецкій:—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что̀ значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось.

Лиза смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ, къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ, говорилъ Лаврецкій, идя за нею слѣдомъ:—я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ, и надѣюсь, что и вы отплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете? промолвила Лиза и остановилась.—Въ такомъ случаѣ я бы должна была... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна... А, впрочемъ, прибавила Лиза, и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому:—что̀ за откровенность въ половину?—Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него... Почему вы знаете?

— Онъ проситъ вашей руки?

— Да, произнесла Лиза, и прямо и серьезно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкій, въ свою очередь, серьезно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? проговорилъ онъ наконецъ.

— Я не знаю, что̀ отвѣчать, возразила Лиза и опустила сложенныя руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человѣкъ...

— Вы то же самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете,—нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ!

— Маменькѣ онъ нравится, продолжала Лиза: — онъ добрый; я ничего противъ него не имѣю.

— Однако, вы колеблетесь?

— Да... и можетъ-быть,—вы, ваши слова тому причиной. Помните, что̀ вы третьяго дня говорили? Но это слабость...

— О, дитя мое! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій—и голосъ его задрожалъ: — не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать...

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, произнесла-было Лиза...

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду, перебилъ ее Лаврецкій.—Опытъ, разсудокъ — все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ.

— Вы ли это говорите, Ѳедоръ Иванычъ? Вы сами женились по любви—и были ли вы счастливы?

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что̀ молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь!.. Да и, наконецъ, къ чему клеветать на себя? Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья... нѣтъ! я былъ счастливъ!

— Мнѣ кажется, Ѳедоръ Иванычъ, произнесла, понизивъ голосъ, Лиза (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ; притомъ, она чувствовала большое волненіе): — счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ...

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ (онъ схватилъ ее за обѣ руки; Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него):—лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что̀ ли... Это то же безвѣріе, тотъ же расчетъ,— и еще худшій. Повѣрьте мнѣ,—я имѣю право это говорить: я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ...

Въ это мгновеніе Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленьемъ уставились на него. Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня, пожалуйста,—и направился къ дому.

— Объ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ:—не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что̀ я вамъ сказалъ. Если-бъ даже вы не повѣрили мнѣ, если-бъ вы рѣшились на бракъ по разсудку, — и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ выходить: онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ... Не правда ли, вы обѣщаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому, и ни слова не вымолвила — не оттого, что она рѣшилась „спѣшить“; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ; они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и заперся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва ли когда-нибудь имъ испытанныя. Давно ли находился онъ въ состояніи „мирнаго оцѣпенѣнія“? давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки? Что́ же измѣнило его положеніе? что́ вынесло его наружу, на поверхность? самая обыкновенная, неизбѣжная, хотя всегда неожиданная случайность: смерть? Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ,—какой отвѣтъ дастъ Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ вспомнилъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тиши ночи, онъ говорилъ самому себѣ: „если бы!..“ Это „если бы“, отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ, — но одной его свободы было мало. „Она послушается матери“, думалъ онъ: „она выйдетъ за Паншина; но если даже она ему откажетъ, — не все ли равно для меня?“ Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ; насталъ вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ шелъ поспѣшно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. „Ну, подумалъ Лаврецкій, не буду эгоистомъ“ — и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостиной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитріевну, игравшую въ пикетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: вотъ неожиданно!—и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ пикетъ? спросила она его съ какою-то скрытой досадой, и тутъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ счелъ девяносто и началъ учтиво и спокойно

брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. „Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три“, мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствомъ.

— Можно видѣть Марѳу Тимоѳеевну? спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ бо́льшимъ достоинствомъ принимался тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— Я думаю, можно. Она у себя, наверху, отвѣчала Марья Дмитріевна:—освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился наверхъ. И Марѳу Тимоѳеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ Настасьей Карповной. Роска залаяла на него; но обѣ старушки привѣтливо его приняли, особенно Марѳа Тимоѳеевна казалась въ духѣ.

— А! Ѳедя! Милости просимъ, промолвила она:—садись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить—не кури: не могу я табачища вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не желаетъ курить.

— Былъ ты внизу? продолжала старушка:—кого тамъ видѣлъ? Паншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ? Она сюда хотѣла придти... Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Марѳа Тимоѳеевна, начала-было она...

— Зачѣмъ на минутку? возразила старушка.—Что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость: покалякай съ нимъ, займи его.

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго—и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему

знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены,—и вотъ, уже она сообщаетъ ему свои тайны... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату.

Марѳа Тимоѳеевна пришла на помощь.

— Вѣдь, если ты его занимать не будешь, заговорила она:—кто-жъ его, бѣдненькаго, займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи Карповны онъ слишкомъ старъ, ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Ѳедора Иваныча? промолвила Лиза.—Если онъ хочетъ, я лучше ему что-нибудь на фортепіано сыграю, прибавила она нерѣшительно.

— И прекрасно: ты у меня умница, возразила Марѳа Тимоѳеевна.—Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыграться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ, начала она:—что сердце людское исполнено противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недовѣрчивой къ бракамъ по любви, а я...

— Вы отказали ему? перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ; но и не согласилась. Я ему все сказала, все, что̀ я чувствовала, и просила его подождать. Довольны вы? прибавила она съ быстрой улыбкой,—и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Что мнѣ сыграть вамъ? спросила она, поднимая крышку фортепіано.

— Что̀ хотите, отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула, наконецъ, на Лаврецкаго

и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Что̀ съ вами? спросила она.

— Ничего, возразилъ онъ:—мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть,—продолжайте.

— Мнѣ кажется, говорила Лиза нѣсколько мгновеній спустя:—если бы онъ точно меня любилъ, онъ бы не написалъ этого письма; онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

— Это не важно, промолвилъ Лаврецкій:—важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, что̀ это за разговоръ! Мнѣ все мерещится ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли, Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизета? говорила въ то же время Марья Дмитріевна Паншину.

— Да, отвѣчалъ Паншинъ:—очень мило.

Марья Дмитріевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодого своего партнёра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

XXXI.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внушеннаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. „Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другого дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той:* она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекла бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да, кончилъ онъ свои размышленія:—все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Паншина она не любитъ... Слабое утѣшеніе!“

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ дней тамъ не выжилъ,—такъ ему показалось скучно. Его томило также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ пи-

семъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитріевна была противъ него возстановлена; но ему удалось нѣсколько умилостивить ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ,—и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, несмотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамильярной съ человѣкомъ „qui a un si grand ridicule“. Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ будто задумчивѣе, попеняла ему за его отсутствіе и спросила его—не пойдетъ ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте, сказала она прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить: — мы вмѣстѣ помолимся за упокой *ея* души. — Потомъ она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть,— не знаетъ, имѣетъ ли она право заставлять Паншина далѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же? спросилъ Лаврецкій.

— Потому, сказала она: — что я уже теперь начинаю подозрѣвать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ наверхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики пальцевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась; тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,—и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ— все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ

у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангелъ-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу... „Ты меня сюда привела“, подумалъ онъ: „коснись же меня, коснись моей души“. Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенья...

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрыя платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, роздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

XXXII.

Настали трудные дни для Ѳедора Иваныча. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненьемъ распечатывалъ письма, журналы,—и нигдѣ не находилъ ничего, что̀ бы могло подтвердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себѣ становился гадокъ: „что это я“, думалъ онъ: „жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены!“ Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день; но и тамъ ему не становилось легче: хозяйка явно дулась на него, принимала его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Леммъ напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему, а главное: Лиза какъ будто его избѣгала. Когда же ей случалось оставаться съ нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ: въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитріевна, какъ истая

эгоистка, ничего не подозрѣвала; но Марѳа Тимоѳеевна начинала присматривать за своей любимицей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ нумеръ журнала: онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что перемѣна въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою, отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь не до книгъ, отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Постойте на минуту; я съ вами такъ давно не былъ наединѣ. Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите, началъ онъ:—вы еще не рѣшились?

— Что вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня...

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью:—я ничего не знаю; я сама себя не знаю...

И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день, Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовленія ко всенощной. Въ углу столовой, на четыреугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не спѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Не освѣщенная гостиная была пуста. Лаврецкій походилъ по

столовой, спросилъ—не именинница ли кто? Ему отвѣчали шопотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Марѳы Тимоѳеевны; что хотѣли-было чудотворную икону поднять, но что она уѣхала за тридцать верстъ къ больному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, человѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонился; и онѣ ему поклонились молча. Священникъ постоялъ немного, еще разъ откашлянулся и спросилъ вполголоса басомъ:

— Приступать прикажете?

— Приступите, батюшка, возразила Марья Дмитріевна.

Онъ началъ облачаться; дьячокъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладаномъ. Изъ передней вышли горничныя и лакеи, и остановились сплошной кучкой передъ дверями. Роска, никогда не сходившая съ верху, вдругъ появилась въ столовой: ее стали выгонять—она испугалась, завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ. Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уголокъ; ощущенія его были странны, почти грустны; онъ самъ не могъ хорошенько разобрать, что онъ чувствовалъ. Марья Дмитріевна стояла впереди всѣхъ, передъ креслами; она крестилась изнѣженно-небрежно, по-барски — то оглядываясь, то вдругъ поднимала взоры кверху: она скучала. Марѳа Тимоѳеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцѣловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль, принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостиную. Начался разговоръ, не слишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестан-

но отирая платкомъ свою лысину, разсказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семьсотъ рублей на позолоту церковнаго „кумпола“, и сообщилъ вѣрное средство противъ веснушекъ. Лаврецкій подсѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово, и ни разу не взглянула на него. Она какъ-будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврецкому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что-нибудь забавное; но на сердцѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ, наконецъ, тайно недоумѣвая... Онъ чувствовалъ: что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостиной и слушая вкрадчивыя, но тяжелыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы... Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ о немъ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувство возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья,—и онъ испыталъ ихъ вполнѣ.

XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду)—и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ изліяній, началъ, по поводу извѣстной „Думы“, уко-

рять и упрекать новѣйшее поколѣніе; при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по-своему, если-бъ власть у него была въ рукахъ. „Россія,—говорилъ онъ,—отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды—это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ: самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны, говоритъ Лермонтовъ,—я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только наполовину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лѣчиться должны („le cadastre" подумалъ Лаврецкій).—У насъ,—продолжалъ онъ,—лучшія головы—les meilleures têtes—давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія учрежденія—и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно приноравливаться къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей... (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) служащихъ; но, въ случаѣ нужды, не безпокойтесь: учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ". Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину. „Вотъ какой,—думала она,—умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ". Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимоѳеевна, игравшая въ уголкѣ въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени, жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ, надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву,—но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что, забывъ

свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ—правда, весьма отдаленно—на его ложное положеніе въ обществѣ. Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ—только вольтеріянцемъ) — и покойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею,—того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ, наконецъ, раздосадованный Паншинъ: — вотъ, вы вернулись въ Россію, — что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю, отвѣчалъ Лаврецкій: — и стараться какъ можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, безспорно, возразилъ Паншинъ:—и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія...

— Une nature poétique, заговорила Марья Дмитріевна:—конечно, не можетъ пахать... et puis, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все en grand.

Этого было слишкомъ даже для Паншина: онъ замялся—и замялъ разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта—все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ.—„Какъ! въ такой вечеръ?“ слабо возразила она; однако велѣла принести карты.

Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марѳы Тимоѳеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться

вдвоемъ,—и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шопотомъ: „отдѣлалъ умника, спасибо“. Все затихло въ комнатѣ; слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да восклицаніе или счетъ очковъ,— да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая, пѣснь соловья.

XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ: онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и то же. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Марѳы Тимоѳеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили,—а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ— и радовался; но слово не выразитъ того, что происходило

въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же оно останется и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и расцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Марѳа Тимоѳеевна отправилась къ себѣ наверхъ съ Настасьей Карповной; Лаврецкій и Лиза прошлись по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга—и улыбнулись; такъ, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы досыта. Они вернулись къ Марьѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ пикетъ затянулся. Послѣдній „король“ кончился наконецъ, и хозяйка встала, кряхтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцѣловалъ у Марьи Дмитріевны руку, замѣтилъ, что инымъ счастливцамъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его предложеніе она попроситъ подождать, — и потому дулся на нее)—и удалился. Лаврецкій отправился вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались; Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатилъ. Лаврецкому не хотѣлось идти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ; узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густого орѣховаго куста, и долго стоялъ неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

„Это не даромъ“, подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ; со стороны дома не приноси-

лось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ, на поворотѣ аллеи, весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ наверху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Марѳы Тимоѳеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды... Свѣтъ исчезъ въ Лизиной комнатѣ.

„Спокойной ночи, моя милая дѣвушка“, прошепталъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье... Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. „Неужели Лиза? Не можетъ быть?..“ Лаврецкій приподнялся... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то поискала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери, и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она.—Вы здѣсь?

— Я... я... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ:—меня привело... Я... я... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что̀ съ нею. Она хотѣла подняться, не могла и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій:—Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ...

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдных рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что̀ съ вами? промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло... Онъ понялъ, что̀ значили эти слезы.—Неужели вы меня любите? прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, послышался ея голосъ:—встаньте, Ѳедор Иванычъ. Что̀ мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ страшно: что̀ это мы дѣлаемъ? повторила она.

— Я васъ люблю, проговорилъ онъ снова: — я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ-будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти, промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо... Онъ отклонилъ немного свою голову и коснулся ея блѣдныхъ губъ.

Полчаса спустя, Лаврецкій стоялъ уже передъ калит-

кой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. „Исчезни, прошедшее, темный призракъ, думалъ онъ:—она меня любитъ, она будетъ моя“. Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ, надъ его головою, разлились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ, сильнымъ потокомъ струились они,—и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастіе. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшого дома.

— Леммъ! вскрикнулъ Лаврецкій и побѣжалъ къ дому.— Леммъ! Леммъ! повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокѣ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! проговорилъ онъ съ достоинствомъ: — это вы?

— Христофоръ Ѳедоровичъ, что́ это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключъ отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно взбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ-было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: „Садитесь и слушить“; самъ сѣлъ за фортепіано, гордо и строго взглянулъ кругомъ и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго: сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что́ есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только-что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. „Повторите“, прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ ру-

кой по груди и, проговоривъ, не спѣша, на родномъ своемъ языкѣ: „это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ“, снова сыгралъ свою чудную композицію. Въ комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ поднявшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая, блѣдная комнатка казалась святилищемъ, и высоко, и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Лаврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ, въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго, сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая, какъ дитя.

— Это удивительно, сказалъ онъ:—что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете? произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали, возразилъ Леммъ:—развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Лаврецкій до утра не могъ заснуть; онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, „няньчиться съ писклятами“, — да и некогда ему было няньчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. „Скоренько жизнь моя проскочила“, промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна

въ сущности не много больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитывала дѣтей своихъ: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой—и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца, Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Морò изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Марѳы Тимоѳеевны. Марѳу Тимоѳеевну читатель знаетъ; а дѣвица Морò была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти — къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала, — лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышитъ—и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно-проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства,— въ ней гнѣздилось что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: „tout ça c'est des bêtises“. Она говорила неправильно, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала, — чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ-крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая. Ея баринъ, Дмитрій Пестовъ, отецъ Маріи Дмитріевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотьбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ

домъ, одѣлъ ее по-дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали „крупичатыя“, какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блаженная жизнь, но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то, въ жаркій лѣтній день, барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала, и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей ввѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ — до случая—въ женинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ недолго. Пришла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смиренно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубитъ ли ей кто—она только поклонится и поблаго-

даритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому. Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ было поручить Агафьѣ домашнее хозяйство; но она отказалась „ради соблазна"; онъ прикрикнулъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей; онъ и Агафью понялъ и не забылъ ея. Переселившись въ городъ, онъ, съ ея согласія, приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только-что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что̀ рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно ясно. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленное,—она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только одну ее и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслецѣ, сидитъ Лиза и тоже тру-

дится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что разсказываетъ ей Агафья, а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мучениць; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали.— „Желтофіоли?“ спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала— и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ: Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ: Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала; и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими—Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро̀ ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bêtises—не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ, Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ

своей воспитанницей, которая ей вѣрила попрежнему.

Агафья, однако, не ужилась съ Марѳой Тимоѳеевной, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей „панёвницы“ не нравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марѳа Тимоѳеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепіано; но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было „своихъ словъ“, но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что̀ ему дѣлать. Такъ росла она— покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцати-лѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій

отправился къ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо него верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитріевна „почивала",—такъ доложилъ лакей; у „нихъ" голова болѣла. Марѳы Тимоѳеевны и Лизаветы Михайловны не было дома. Лаврецкій походилъ около сада, въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось неприличнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ — и онъ рѣшился съѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На дорогѣ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе другого; но въ сельцѣ его тетки на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила,—и, помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: „всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себѣ на съѣденіе преданъ". Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вчерашніе звуки охватили его, образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умилился при мысли, что она его любитъ,—и подъѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что̀ поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ пачули, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему навстрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ онъ порогъ гостиной... Ему навстрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила тщательно-расчесанную душистую голову — и упала къ его ногамъ... Тутъ только онъ узналъ ее: эта дама была—его жена.

Дыханіе у него захватило... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! сказала она по-французски, и голосъ ея какъ ножомъ рѣзанулъ его по сердцу.

Онъ глядѣлъ на нее безсмысленно, и однако тотчасъ же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла, и отекла.

— Теодоръ! продолжала она, изрѣдка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно-красивые пальцы съ розовыми, лощеными ногтями: — Теодоръ, я передъ вами виновата, глубоко виновата,—скажу болѣе, я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучитъ, я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе; сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ... puis, j'ai été si malade,—я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ—я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все; не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась предстать предъ васъ, моего судью — paraître devant vous, mon juge; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ; я узнала вашъ адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла: — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишить себя жизни—ахъ, жизнь теперь для меня несносное бремя! — но мысль о моей дочери, о моей Адочкѣ меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала—вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами не виновата, а я такъ несчастна, такъ несчастна! воскликнула г-жа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ, наконецъ, въ себя; онъ отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите? съ отчаяніемъ проговорила его жена:— о, это жестоко! Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека... Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

— Что̀ вы хотите слышать отъ меня? произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, съ живостью подхватила она: — я знаю, я не въ правѣ ничего требовать; я не безумная, повѣрьте; я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощеніе; я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить? Я, какъ рабыня, исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій: — вы знаете — между нами все кончено... и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно; и если вамъ мало вашей пенсіи...

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ, перебила его Варвара Павловна: — пощадите меня, хотя... хотя ради этого ангела... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя, русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе, черные, заспанные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой ручонкой въ шею матери.

— Ada, vois, c'est ton père, проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цѣлуя ее: — prie le avec moi.

— C'est ça, papa, залепетала дѣвочка, картавя.

— Oui, mon enfant, n'est ce pas, que tu l'aimes?

Но тутъ стало не въ мочь Лаврецкому.

— Въ какой это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? пробормоталъ онъ и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книжку, сѣла у лампы, подождала около часу и, наконецъ, сама легла въ постель.

— Eh bien, madame? спросила служанка, француженка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— Eh bien, Justine, возразила она: — онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрый. Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрашнему дню сѣрое платье до верху; да не забудьте бараньихъ

котлетъ для Ады... Правда, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— A la guerre, comme à la guerre, возразила Жюстина и загасила свѣчку.

XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось, и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все однѣ и тѣ же мысли, темныя, вздорныя, злыя. „Она жива, она здѣсь“, шепталъ онъ съ постоянно возрождавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Желчь его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фельетона, лоскуту бумаги? „Ну, я бы не повѣрилъ“, подумалъ онъ: „какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ; она сама бы этого не знала“. Онъ не могъ отогнать отъ себя образа, голоса, взоровъ своей жены... и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ, въ окнѣ показалась голова старика въ колпакѣ, кислая, сморщенная, уже нисколько не похожая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? спросилъ Леммъ: — я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ. Но, видно, лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, вглядѣлся въ своего ночного посѣтителя и впустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего пестраго, дряхлаго халата, ёжась и жуя губами.

— Моя жена пріѣхала, проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, продолжалъ Лаврецкій: — я воображалъ... я прочелъ въ газетѣ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О-о, это вы недавно прочли? спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О-о, повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови.— И она пріѣхала.

— Пріѣхала. Она теперь у меня; а я... я несчастный человѣкъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный человѣкъ, медленно повторилъ Леммъ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, началъ Лаврецкій: — возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав...

— А, да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катринъ, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— И принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно,—несчастный молодой человѣкъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣстилъ ее о пріѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе,—и бросился на узенькій диванъ, лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпивая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Странными глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катринъ принесла имъ скверного кофе. Пробило восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ.

Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочокъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: „Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ-быть—завтра вечеромъ. Прощайте“. Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платьицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы:—намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. „Это отвращеніе, подумала она:—кончено! я для него даже не женщина“.

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и застегнулся до верху.—Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было—вы, все-таки, къ сожалѣнію, моя жена.—Не могу же я васъ прогнать... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики, живите тамъ; тамъ, вы знаете, хо-

рошій домъ; вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи... Согласны вы?

Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

— Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервически подергивая губами:—что я на все буду согласна, что̀ бы вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ,—этакъ лучше, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.—Стало-быть, продолжалъ онъ, приближаясь къ двери:—я могу разсчитывать...

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста.—Но, Ѳедоръ Иванычъ... (Теодоромъ она его больше не называла.)

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничѣмъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что со временемъ...

— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій:— вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ, я знаю, что этого вамъ совсѣмъ не нужно. А я давно васъ простилъ; но между нами всегда была бездна.

— Я сумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и склонила голову.—Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти,—коротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, нумеръ журнала.

Ѳедоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашомъ. Варвара Павловна еще съ большимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. Она была очень хороша въ это мгновенье. Сѣрое парижское платье стройно охватывало ея гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ, ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ воротничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ,—вся ея фигура, отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки, была такъ изящна...

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не воскликнулъ: „brava!“ чуть не ударилъ ее кулакомъ по те-

мени—и удалился. Часъ спустя, онъ уже отправился въ Васильевское, а два часа спустя, Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Аду Жюстинѣ, и отправилась къ Калитинымъ: изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

XXXVIII.

День пріѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О...., невеселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, въѣзжавшаго на дворъ. „Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія",—подумала она—и не обманулась; повертѣвшись въ гостиной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собралась съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ ли онъ чѣмъ-нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ, проговорилъ онъ глухо:—я хотѣлъ найти подругу по влеченію сердца; но, видно, этому не должно быть. Прощай, мечта! Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ и около часа просидѣлъ у ней. Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: votre mère vous appelle; adieu à jamais... сѣлъ на лошадь и отъ самаго крыльца поскакалъ во всю прыть. Лиза вошла къ Марьѣ Дмитріевнѣ и застала ее въ слезахъ: Паншинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что̀ ты меня убила? За что̀ ты меня убила? такъ начала свои жалобы огорченная вдова. — Кого тебѣ еще

нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Камеръ-юнкеръ! не интересанъ! Онъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. А я-то, я-то надѣялась! И давно ли ты къ нему измѣнилась? Откуда эта туча надута,—не сама собой пришла. Ужъ не тотъ ли фофанъ? Вотъ нашла совѣтчика!

— А онъ-то, мой голубчикъ, продолжала Марья Дмитріевна: — какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! Обѣщался не оставлять меня. Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась. Пошли ко мнѣ Палашу. Ты убьешь меня, если не одумаешься,—слышишь? И, назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитріевна услала Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ея ожидала. Марѳа Тимоѳеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня, начала Марѳа Тимоѳеевна трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ:—прекрасно! У кого ты это только выучилась, мать моя?.. Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что̀ съ вами? говорила Лиза, подавая ей стаканъ воды. — Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Паншина.

Марѳа Тимоѳеевна отставила стаканъ.

— Пить не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. Какой тутъ Паншинъ? Къ чему тутъ Паншинъ? А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать—а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты, пожалуйста, не вздумай отговариваться, продолжала Марѳа Тимоѳеевна.—Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка, чуть слышно промолвила Лиза.

— А-а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиреннику этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я сошла внизъ, въ гостиную, за книжкой; онъ былъ въ саду—и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. Да ты любишь его, что ли?

— Люблю, отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! она его любитъ!—Марѳа Тимоѳеевна сдернула съ себя чепецъ. — Женатаго человѣка любитъ! а? любитъ!

— Онъ мнѣ сказывалъ, начала Лиза...

— Что̀ онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ этакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марѳа Тимоѳеевна перекрестилась.—Царство ей небесное, прошептала она:—пустая была бабенка—не тѣмъ будь помянута. Вотъ какъ: вдовый онъ, стало-быть. Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? Только вотъ что̀ скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды... А что ты Паншина съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой, съ мужчинами; не сокрушай ты меня, старуху! А то вѣдь я не все ласкаться—я и кусаться умѣю... Вдовый!

Марѳа Тимоѳеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслужила она такого униженья. Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было,—и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того сви-

данія, послѣ того поцѣлуя — она уже колебаться не могла; она знала, что любитъ, — и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь—и не боялась угрозъ; она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

XXXIX.

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о пріѣздѣ Варвары Павловны Лаврецкой; она даже не знала—принять ли ее: она боялась оскорбить Ѳедора Иваныча. Наконецъ, любопытство превозмогло. Что жъ? подумала она: вѣдь она тоже родная, — и, усѣвшись въ креслахъ, сказала лакею: проси! Прошло нѣсколько мгновеній; дверь отворилась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ креселъ, почти склонила передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка, начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски:—благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхожденье съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ блѣдно-лиловыхъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть: и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что-нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцѣловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ. Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцѣлуемъ.

— Здравствуйте, bonjour, сказала Марья Дмитріевна: — конечно, я не воображала... впрочемъ, я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя, — не мнѣ быть судьею между женой и мужемъ...

— Мой мужъ во всемъ правъ, перебила ее Варвара Павловна:—я одна виновата.

— Это очень похвальныя чувства, возразила Марья Дмитріевна:—очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же, пожалуйста.

— Я вчера пріѣхала, отвѣчала Варвара Павловна, смиренно садясь на стулъ:—я видѣла Ѳедора Иваныча, я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбудитъ его гнѣвъ, продолжала Варвара Павловна:—но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То-есть, онъ не... Да, да, понимаю, промолвила Марья Дмитріевна.—Онъ только съ виду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Ѳедоръ Иванычъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣнье!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь какъ вы хорошо говорите по-русски. C'est étonnant.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей, Марья Дмитріевна, я это знаю; но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Ѳедоръ Иванычъ васъ, однако, вовсе не ожидалъ... Да; повѣрьте моей опытности: la patrie avant tout. Ахъ, покажите, пожалуйста, что̀ это у васъ за прелестная мантилья?

— Вамъ она нравится? — Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ. — Она очень простенькая, отъ madame Baudran.

— Это сейчасъ видно. Отъ madame Baudran.... Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хоть посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣй-

шая тетушка. Если позволите, я могу кое-что показать вашей камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа,—удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно.

— Совѣстно... повторила съ упрекомъ Варвара Павловна.—Хотите вы меня осчастливить—распоряжайтесь мною, какъ вашей собственностью!

Марья Дмитріевна растаяла.

— Vous êtes charmante, проговорила она.—Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете? спросила Варвара Павловна и слегка, какъ бы съ умиленіемъ, сложила руки.

— Разумѣется; вѣдь вы обѣдаете съ нами, я надѣюсь. Я... я васъ познакомлю съ моей дочерью. — Марья Дмитріевна немного смутилась. „Ну! куда ни шло!“ подумала она.—Она сегодня что-то нездорова у меня.

— О, ma tante, какъ вы добры! воскликнула Варвара Павловна—и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый болтунъ вошелъ, отвѣшивая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитріевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва-было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него ушки разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама понемногу разговорилась. Она скромно разсказывала о Парижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два разсмѣшила Марью Дмитріевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упрекала себя въ неумѣстной веселости: выпросила позволеніе привести Аду; снявши перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ à la guimauve руками,—какъ и гдѣ носятся воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась принести стклянку съ новыми англійскими духами: Victoria's Essence, и обрадовалась, какъ дитя, когда Марья Дмитріевна согласилась принять ее въ подарокъ; всплакнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услыхала русскіе колокола: „такъ

глубоко поразили они меня въ самое сердце“, промолвила она.

Въ это мгновеніе вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась ко встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она называла ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. „По дѣломъ!“ говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самоё пугавшіе порывы.—„Ну, надо идти!“ подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она вошла... Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: „я передъ нею виновата“—переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно. — Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она вкрадчивымъ голосомъ: — ваша maman такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете... добры. Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ то же время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо—возбудили такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. „Эта барышня брезгаетъ мною“, подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и, обернувшись къ Марьѣ Дмитріевнѣ, промолвила вполголоса: mais elle est délicieuse! Лиза слабо вспыхнула: насмѣшка, обида послышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну, за пяльцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство... Сильно и

болѣзненно забилось сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пяльцами и украдкой наблюдала за нею. „Эту женщину,—думала она:—любилъ *онъ*". Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собой, она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, начала она:—вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепіано, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ.—Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Варвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— Сильфида! воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! подтвердила Марья Дмитріевна. — Ну, Варвара Павловна, признаюсь, — промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени: — удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмцевъ, чудакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ.

— Лизавета Михайловна тоже музыкантша? спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человѣкъ; вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это—артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполнѣ оцѣнить.

— Молодой человѣкъ? проговорила Варвара Павловна.— Кто онъ такой? Бѣдный какой-нибудь?

— Помилуйте, первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ — et à Pétersbourg. Камеръ-юнкеръ, въ лучшемъ

обществѣ принятъ. Вы навѣрное слыхали о немъ: Паншинъ, Владиміръ Николаичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію... будущій министръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ, и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегодняшній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ пріѣдетъ, прибавила Марья Дмитріевна съ короткимъ вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой? повторила Варвара Павловна, слегка модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати-восьми лѣтъ—и самой счастливой наружности. Un jeune homme accompli, помилуйте.

— Образцовый, можно сказать, юноша, замѣтилъ Гедеоновскій.

Варвара Павловна внезапно заиграла шумный Штраусовскій вальсъ, начинавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ; въ самой серединѣ вальса она вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила аріею изъ „Лучіи“: Fra poco... Она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ „Лучіи“, съ удареніемъ на чувствительныхъ ноткахъ, очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа! проговорила она вполголоса Гедеоновскому.

— Сильфида! повторилъ Гедеоновскій и поднялъ глаза къ небу.

Насталъ часъ обѣда. Марѳа Тимоѳеевна сошла съ верху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полусловами на ея любезности, не глядѣла на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешься, и перестала заговаривать съ нею; зато Марья Дмитріевна стала еще ласковѣе съ своей гостьей: невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ, Марѳа Тимоѳеевна не на одну Варвару Павловну не глядѣла: она и на Лизу не глядѣла, хотя глаза такъ и блестѣли у ней.

Она сидѣла, какъ каменная, вся желтая, блѣдная, съ сжатыми губами—и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго нашла на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало: она словно опять оробѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Гедеоновскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя то-и-дѣло трусливо посматривалъ на Марѳу Тимоѳеевну и перхалъ,—перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался лгать, — но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марьѣ Дмитріевнѣ это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: „какой же, однако, дуракъ долженъ быть Ѳедоръ Иванычъ: не умѣлъ такую женщину понять!“

Она сѣла играть въ карты съ нею и Гедеоновскимъ, а Марѳа Тимоѳеевна увела Лизу къ себѣ на верхъ, сказавъ, что на ней лица нѣту, что у ней, должно-быть, болитъ голова.

— Да, у ней ужасно голова болитъ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ, и закатывая глаза.—У меня самой такіе бываютъ мигрени...

— Скажите! возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткину комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѳа Тимоѳеевна долго, молча, смотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни—и начала, все такъ же молча, цѣловать попеременно ея руки. Лиза подалась впередъ, покраснѣла — и заплакала, но не подняла Марѳы Тимоѳеевны, не отняла своихъ рукъ: она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощеніе за вчерашнее; и Марѳа Тимоѳеевна не могла нацѣловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ—и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и ше-

велилось передъ иконой,—въ сосѣдней комнаткѣ, за дверью, стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

XL.

А между тѣмъ внизу, въ гостиной, шелъ преферансъ; Марья Дмитріевна выиграла и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Паншина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завозилась на креслѣ; Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полуусмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Паншинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. „Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ“: вотъ что̀ выражало его не улыбавшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, воскликнула Марья Дмитріевна:—прежде вы безъ доклада входили!

Паншинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но къ ручкѣ не подошелъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей такъ же вѣжливо, но съ оттѣнкомъ изящества и уваженія, и подсѣлъ къ карточному столу. Преферансъ скоро̀ кончился. Паншинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣнье; потомъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не дѣйствовала на Варвару Павловну, не сообщалась ей. Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея ноздри слегка трепетали, какъ отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитріевна начала превозносить ея талантъ; Паншинъ учтиво, насколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что „онъ былъ въ этомъ заранѣе увѣренъ“—и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные

глаза и, сказавши вполголоса: „да вѣдь вы тоже артистъ, un confrère“,—прибавила еще тише: „venez!“—и качнула головой въ сторону фортепіано. Это одно брошенное слово: venez! — мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю наружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: „какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная“—направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепіано.

— Заставьте его спѣть романсъ — какъ луна плыветъ, воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы поете? промолвила Варвара Павловна, озаривъ его свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ.—Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, повторила она, настойчиво постучавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— Charmant, проговорила Варвара Павловна:—вы прекрасно поете, vous avez du style,—повторите.

Она обошла вокругъ фортепіано и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепіано и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— Charmant, charmante idée,—сказала она съ покойной увѣренностью знатока.—Скажите, вы написали что-нибудь для женскаго голоса, для mezzo-soprano?

— Я почти ничего не пишу, возразилъ Паншинъ: — я вѣдь это только такъ, между дѣломъ... а развѣ вы поете?

— Пою.

— О! спойте намъ что-нибудь, проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ заалѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу, промолвила она, обращаясь къ Паншину: — споемте дуэтъ.

Знаете ли вы: Son geloso, или La ci darem, или Mira la bianca luna?

— Я пѣлъ когда-то Mira la bianca luna, отвѣчалъ Паншинъ:—да давно, забылъ.

— Ничего, мы прорепетируемъ вполголоса. Пустите меня.

Варвара Павловна сѣла за фортепіано. Паншинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли вполголоса дуэтъ, причемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: Mira la bianca lu... u... una. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Паншинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ вошелъ въ азартъ, и если пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ по временамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна сыграла двѣ-три Тальберховскія вещицы и кокетливо „сказала“ французскую аріетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ,—но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою. Зѣвокъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; она вдругъ повернулась спиной къ фортепіано, промолвила: „assez de musique comme ça; будемъ болтать“, — и скрестила руки: „Oui, assez de musique“, весело повторилъ Паншинъ и завязалъ съ ней разговоръ—бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. „Совершенно, какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ“, думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ уклончивыя и вертлявыя рѣчи. Паншинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался; сначала онъ проводилъ рукой по лицу, хмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядами съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденію полу-свѣтской, полу-художественной болтовни. Варвара Павловна показывала себя большой философкой: на все у ней являлся готовый отвѣтъ, она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала

съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она, такъ же, какъ и онъ, читала однѣ французскія книжки: Жоржъ-Сандъ приводила ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ сердцевѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де-Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что̀ могло хотя отдаленно напомнить ея положеніе; о любви въ ея рѣчахъ и помину не было: напротивъ, онѣ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованіемъ, смиреніемъ. Паншинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась... но странное дѣло! — въ то самое время, какъ изъ устъ ея исходили слова осужденія, часто суроваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея говорили... что̀ именно говорили эти прелестные глаза,—трудно было сказать; но то были не строгія, не ясныя и сладкія рѣчи. Паншинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ и не вполнѣ владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николаича. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Паншину казалось, что онъ знаетъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все-таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку,—исчезала какъ бы въ туманѣ. Подали чай: разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитріевна позвонила казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Паншинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы—

мужчина или женщина. Марья Дмитріевна тотчасъ пришла въ волненіе, начала утверждать, что женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ словахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ, до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Паншина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, вполголоса промолвила: „elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame". Паншинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понялъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ неожиданномъ изліяніи, и позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ обѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы,—онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ возразилъ (несчастный!): „je crois bien"—и даже не: „je crois bien", а—„j'crois ben!"

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Марѳа Тимоѳеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу.

— Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой; жаль, что вы не слыхали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, un artiste consommée.

— Пойдите-ка сюда, ma chère, раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ, съ покорностью ребенка, подошла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще втайнѣ надѣялась, что та опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непремѣнно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли, шепнула она Варварѣ Павловнѣ:—я хочу

попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

— Вы были бы моей спасительницей, ma tante, проговорила она печальнымъ голосомъ:—я не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Ѳедоромъ Иванычемъ; онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы... въ самомъ дѣлѣ... начала-было съ любопытствомъ Марья Дмитріевна...

— Не спрашивайте меня, перебила ее Варвара Павловна и потупилась.—Я была молода, легкомысленна... Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все-таки, отчего же не попробовать? Не отчаивайтесь, возразила Марья Дмитріевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ, но взглянула ей въ лицо—и оробѣла. „Скромна, скромна,—подумала она:—а ужъ точно львица“.

— Вы больны? говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

— Я понимаю васъ, промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ, повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что̀ сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: „пусть!“ Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью посматривая въ сторону.

— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило, замѣтила Марья Дмитріевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что пріѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Аду; Гедеоновскій, который чуть-было не заснулъ, сидя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыльцѣ, подсаживая Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ вслѣдъ: au revoir! Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу заба-

влялась тѣмъ, что ставила, будто ненарочно, кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты; она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря западалъ въ карету. Сыгранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стòило ей только представить себѣ огни, бальную залу, быстрое круженье подъ звуки музыки—и душа въ ней такъ и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала на губахъ, что-то граціозно-вакхическое разливалось по всему тѣлу. Пріѣхавши домой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты—только львицы умѣютъ такъ выскакивать—обернулась къ Гедеоновскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

„Любезная особа, — думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стклянкой оподельдока:—хорошо, что я степенный человѣкъ... только—чему-жъ она смѣялась?“

Марѳа Тимоѳеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

XLI.

Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Чтò могло оторвать его отъ того, чтò онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья!—„Видно, Михалевичъ правъ“, думалъ онъ.—„Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ: — ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто

наслаждается? Вонъ, мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ-быть, онъ доволенъ своею судьбою... Что-жъ? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни свою мать: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова выпала ей доля? Ты, видно, только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію затѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой"... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего-нибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка. — „Эхъ ты! мелко плаваешь!" казалось, говорили его на бокъ скрученныя губы. „Неужели же, думалъ онъ, — я не слажу съ собою, — поддамся этому... вздору?" (Тяжело-раненые на войнѣ всегда называютъ „вздоромъ" свои раны. Не обманывать себя человѣку — не жить ему на землѣ.) „Мальчишка я, что̀ ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастія на всю жизнь—оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ — повернись колесо еще немного, и бѣднякъ, пожалуй, сталъ бы богачомъ. Не бывать, такъ не бывать — и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забивши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть—вздоръ!"— Антонъ! закричалъ онъ громко:—прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ.— „Да, подумалъ онъ опять,—надо ве-

лѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы“...

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали; онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ, на дорогу.

XLII.

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе и поразило его, и взбѣсило. „Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить“, подумалъ онъ съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами и руками попадавшіяся ему дѣтскія игрушки, книжки, разныя женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ „хламъ“.—Oui, monsieur, сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая Лаврецкому чувствовать, что она считаетъ его за необтесаннаго медвѣдя. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще „пикантное“, насмѣшливое, парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній (Варвара Павловна все не возвращалась), рѣшился отправиться къ Калитинымъ, — не къ Марьѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что не вошелъ въ ея гостиную, въ ту гостиную, гдѣ находилась его жена), но къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ; онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьяго крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, простоволосая, сгорбленная, съ

скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лаврецкаго, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда, и сюда по комнатѣ, какъ-будто отыскивая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ, заговорила она, избѣгая его взора и суетясь: —ну, здравствуй. Ну, что-жъ? Что же дѣлать! Гдѣ ты былъ вчера? Ну, она пріѣхала, ну, да. Ну, надо ужъ такъ... какъ-нибудь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, продолжала старушка.—Ты прямо наверхъ прошелъ? Ну, да, разумѣется. Что-жъ? ты на меня пришелъ посмотрѣть? Спасибо.

Старушка помолчала; Лаврецкій не зналъ, что̀ сказать ей; но она его понимала.

— Лиза... да, Лиза сейчасъ здѣсь была, продолжала Марѳа Тимоѳеевна, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля.—Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать моя, что̀ это посидѣть не можешь? И у меня голова болитъ. Должно-быть, отъ *эфтаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья, тетушка?

— Да какъ же; тутъ ужъ эти они, какъ бишь они по-вашему, дуэты пошли. И все по-итальянски; *чи-чи* да *ча-ча*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Паншинъ этотъ, да вотъ твоя. И какъ это все скоро уладилось; ужъ точно, по-родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то̀ сказать: собака—и та пристанища ищетъ; не пропадать же, благо люди не гонятъ.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ, возразилъ Лаврецкій:—тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это расчетъ. Да Господь съ ней! Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. А я тебя только теперь разглядѣла. Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка! воскликнула вдругъ Марѳа Тимоѳеевна:— поди-ка, скажи Лизаветѣ Михайловнѣ—то-есть, нѣтъ, спроси у ней... вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? она ужъ знаетъ.

— Слушаю-съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ послышались легкіе шаги по лѣстницѣ — и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизочка, хлопотливо заговорила Марѳа Тимоѳеевна:—куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку, Боже мой! Я тебя, впрочемъ, не звала... Ну, все равно. Что вы тамъ внизу дѣлаете? Вотъ и Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ.—Что̀ твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. Что у васъ тамъ внизу,— опять музыка?

— Нѣтъ—въ карты играютъ.

— Да вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да нѣтъ, Марѳа Тимоѳеевна...

— Не разсуждай, пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху.—Шурочка вышла.—Да гдѣ-жъ это мой чепецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу, промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно-быть, онъ у меня тамъ, въ спальнѣ.

И, бросивъ исподлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѳа Тимоѳеевна удалилась. Она оставила-было дверь отворенной; но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться, проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да, сказала она глухо:—мы скоро были наказаны.

— Наказаны, проговорилъ Лаврецкій.—За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено,—прошепталъ онъ:— да, все кончено—прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть, проговорила Лиза:—я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но этакъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что̀ было. Вы думаете—и не откажите мнѣ.

— Лиза, ради Бога,—вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что̀ вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!.. Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко!

— Я не требую отъ васъ... того, что̀ вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь, возразила Лиза и снова занесла руку на глаза.—Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій:—это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы—въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Паншина? спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

— Ахъ, Лиза, Лиза! воскликнулъ Лаврецкій:—какъ бы вы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Иванычъ, что счастіе зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы...

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась, и Марѳа Тимоѳеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла, сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой.—Сама его заложила. Вотъ, что̀ значитъ старость-то, бѣда! А впрочемъ, и молодость не лучше. Что̀, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь? прибавила она, оборотясь къ Ѳедору Иванычу.

— Съ нею въ Лаврики? я? Не знаю, промолвилъ онъ, погодя немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня—нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю, надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла снѣгирю корму насыпать. Да вотъ, постойте, я сейчасъ...

И Марѳа Тимоѳеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца.

Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза, началъ онъ умоляющимъ голосомъ:—мы разстаемся навсегда, сердце мое разрывается, — дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ...

— Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку:—нѣтъ, Лаврецкій (она въ первый разъ такъ его называла), не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю... да, я люблю васъ, прибавила она съ усиліемъ:—но нѣтъ... нѣтъ.

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ.

Дверь скрипнула... Платокъ скользнулъ по колѣнямъ Лизы. Лаврецкій подхватилъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марѳой Тимоѳеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ, промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Марѳа Тимоѳеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ прощаться съ нею.

— Ѳедя, сказала она вдругъ.

— Что̀, тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

— Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Гмъ. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте. Но къ чему это?

— Ужъ я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ, коли подумаешь хорошенько,—вѣдь ты не глупъ,—самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка. Спасибо, что навѣстилъ; а слово сказанное помни, Ѳедя, да поцѣлуй меня. Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю: да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ; вотъ, думала я, кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услыхала разъ, ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ ноетъ,—нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Что дѣлать, Ѳедя; а слово свое все-таки помни. Ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ... его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказала просить васъ къ ней пожаловать, доложилъ онъ Лаврецкому.

— Скажи, братецъ, что я не могу теперь... началъ-было Ѳедоръ Иванычъ.

— Приказали очинно просить, продолжалъ лакей:— приказали сказать, что онѣ дома.

— А развѣ гости уѣхали? спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ, возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ, на

вольтеровскомъ креслѣ, и нюхала одеколонъ; стаканъ воды съ флеръ-д'оранжемъ стоялъ возлѣ нея на столикѣ. Она волновалась и какъ будто трусила.

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, сказалъ онъ, холодно кланяясь.

— Да, возразила Марья Дмитріевна и отпила немного воды.—Я узнала, что вы прошли прямо къ тетушкѣ; я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ нужно переговорить съ вами. Садитесь, пожалуйста. — Марья Дмитріевна перевела дыханіе.—Вы знаете, продолжала она:—ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно, промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я приняла ее; вотъ о чемъ я хочу теперь объясниться съ вами, Ѳедоръ Иванычъ. Я, слава Богу, заслужила, могу сказать, всеобщее уваженіе, и ничего неприличнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хоть я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако, я не рѣшилась отказать ей, Ѳедоръ Иванычъ; она мнѣ родственница—по вамъ: войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома,—согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна, возразилъ Лаврецкій:—вы очень хорошо сдѣлали; я нисколько не сержусь. Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ; сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею—вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Ѳедоръ Иванычъ, воскликнула Марья Дмитріевна: — впрочемъ, я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. А что я волнуюсь—это не удивительно: я женщина и мать. А ваша супруга... Конечно, я не могу судить васъ съ нею—это я ей самой сказала; но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поигралъ шляпой.

— И вотъ что̀ я хотѣла вамъ еще сказать, Ѳедоръ Иванычъ, продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь

къ нему:—если-бъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна!—Право, это даже трогательно. А если-бъ вы слышали, какъ она о васъ отзывается! Я, говоритъ, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говоритъ, не умѣла цѣнить его, говоритъ; это, говоритъ, ангелъ, а не человѣкъ. Право, такъ и говоритъ: ангелъ. Раскаяніе у ней такое... Я, ей-Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна, промолвилъ Лаврецкій:—позвольте полюбопытствовать: говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла,—или какъ?...

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. Я вижу, что ей тяжело, такъ тяжело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь,—да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный!—Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, tout-à-fait, что̀ вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочекъ эта Адочка, что за прелесть!—Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говоритъ; и по-русски понимаетъ—меня тетенькой назвала. И знаете ли, этакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся,—совсѣмъ этого нѣтъ. На васъ такъ похожа, Ѳедоръ Иванычъ, что ужасъ. Глаза, брови... ну,—вы, какъ есть—вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, произнесъ вдругъ Лаврецкій:—позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего?—Марья Дмитріевна опять понюхала одеколонъ и отпила воды.—А для того, Ѳедоръ Иванычъ, я это говорю, что... вѣдь я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе... я знаю, сердце у васъ добрѣйшее. Послушайте, mon cousin,—я все-таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену.—Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ напол-

нились слезами.—Подумайте: молодость, неопытность... ну, можетъ-быть, дурной примѣръ: не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Ѳедоръ Иванычъ, она довольно была наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ, какъ на угольяхъ. „Боже мой, думалъ онъ:—что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня!“

— Вы не отвѣчаете, заговорила снова Марья Дмитріевна:—какъ я должна васъ понять?—Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Ѳедоръ Иванычъ, Богъ васъ наградитъ за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену...

Лаврецкій невольно поднялся со стула; Марья Дмитріевна тоже встала и, проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну. Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, казалось, отреклась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли—отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Не вините ее, поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна:—она ни за что не хотѣла оставаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣряла меня, что это еще больше васъ разсердитъ; я и слушать ее не стала; я лучше ея васъ знаю. Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите къ вашему мужу (она дернула ее за руку)—и мое благословеніе...

— Постойте, Марья Дмитріевна, перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ.—Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Марья Дмитріевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ *этой* сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. Что *вы* хотите отъ меня, сударыня? прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. Не сдѣлалъ ли я для васъ, что̀ могъ?

Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. Что же вы хотите? Вы умны,—вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде,—я не въ состояніи; не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человѣкомъ. Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновенье, въ душѣ со мной согласны. Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы желаете жить со мной подъ одной кровлей—не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

— Она желаетъ, чтобы вы ее простили, повторила Марья Дмитріевна.

— И не для себя, для Ады, шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Ады, повторила Марья Дмитріевна.

— Прекрасно. Вы этого хотите? произнесъ съ усиліемъ Лаврецкій.—Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитріевна воскликнула: — Ну, слава Богу! — и опять потянула Варвару Павловну за руку.—Примите же теперь отъ меня...

— Постойте, говорю вамъ, перебилъ ее Лаврецкій.—Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна, — продолжалъ онъ: — то-есть, я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, а потомъ уѣду — и буду наѣзжать. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но требуйте больше ничего. Вы бы сами разсмѣялись, если бы я исполнилъ желаніе почтенной вашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ бы увѣрять васъ, что... что прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтаетъ. Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете... это все равно. Повторяю, я буду жить съ вами... или, нѣтъ, я этого обѣщать не могу... Я сойдусь съ вами, буду васъ снова считать моей женой...

— Дайте же ей, по крайней мѣрѣ, на томъ руку, промол-

вила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, возразилъ Лаврецкій: — она мнѣ повѣритъ и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики;—и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выѣдете оттуда. А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣимъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ее съ собою, крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна...

— Оставьте его, шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благодарить, цѣловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подготовленной ею сценой. Чувствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

— Какъ это вы меня не поняли? толковала она:—вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Этакъ лучше, милая тетушка; не безпокойтесь—все прекрасно, твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ—холодный, какъ ледъ, замѣтила Марья Дмитріевна.—Положимъ, вы не плакали, да вѣдь я передъ нимъ разливалась. Въ Лаврикахъ запереть васъ хочетъ. Что жъ,—и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить? Всѣ мужчины безчувственны, сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— Зато женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ея полный станъ руками и прижалась къ ней лицомъ. Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнаткѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

XLIV.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецкаго — онъ не смыкалъ глазъ во всю ночь—но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ церковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидитъ ее тамъ же. Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячокъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капюшономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась: ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой, широкій крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждаго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что̀ съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него... „Сынъ померъ“, произнесъ онъ скороговоркой, — и снова принялся класть поклоны... „Что̀ для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви“,—подумалъ Лаврецкій,—и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. Онъ все ждалъ Лизы,—но Лиза не приходила. Цер-

ковь стала наполняться народомъ; ея все не было. Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ достойной; Лаврецкій подвинулся немного впередъ — и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и клиросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. Лаврецкій не свелъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ прощался съ нею. Народъ сталъ расходиться, а она все стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. Наконецъ, она перекрестилась въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ; она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизавета Михайловна, сказалъ онъ громко, съ насильственной развязностью: — можно васъ проводить?

Она ничего не сказала: онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной? спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ.—Вы слышали, что̀ вчера произошло?

— Да, да, проговорила она шопотомъ:—это хорошо.

И она пошла еще быстрѣй.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Ѳедоръ Иванычъ, начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ:—я хотѣла васъ просить: не ходите больше къ намъ, уѣзжайте поскорѣй; мы можемъ послѣ увидѣться,—когда-нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна:—но неужели мы такъ должны разстаться? неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова?..

— Ѳедоръ Иванычъ, вотъ вы теперь идете возлѣ меня... А ужъ вы такъ далеко отъ меня. И не вы одни, а...

— Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій:—что̀ вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ-быть... но что̀ бы ни было, забудьте... нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть...

— Довольно, прощайте. Не идите за мной.

— Лиза, началъ-было Лаврецкій...

— Прощайте, прощайте! повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

Лаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понуривъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Лемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что̀ скажете? проговорилъ, наконецъ, Лаврецкій.

— Что̀ я скажу? угрюмо возразилъ Леммъ: — ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли (Alles ist todt und wir sind todt). Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ налѣво. Прощайте.

На слѣдующее утро Ѳедоръ Иванычъ съ женою отправился въ Лаврики. Она ѣхала впереди, въ каретѣ, съ Адой и съ Жюстиной; онъ сзади—въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, колодцамъ, дугамъ, колокольчикамъ и множеству грачей; Жюстина раздѣляла ея удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ... Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О.... она имѣла объясненіе со своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе, сказала она ему: — и онъ, по выраженію ея умныхъ глазъ, могъ заключить, что она понимала его положеніе вполнѣ,—но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли вашихъ цѣлей, промолвилъ Ѳедоръ Иванычъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: закрыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно поминать ваши благодѣянія....

— Фи! полноте, перебилъ онъ ее.

— И сумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя, Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ женѣ тысячъ пять на прожитокъ—а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила не забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ нельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ оглашались звуками музыки, пѣнья и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, онъ обѣщался очень скоро вернуться—и сдержалъ свое обѣщаніе.

XLV.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и передъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столикомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимоѳеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила Марѳа Тимоѳеевна и низко наклонилась къ горшку съ молодымъ розаномъ:—какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово! прошептала она.

— Какое слово, какое? съ живостью подхватила старушка:—что̀ ты хочешь сказать?—Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ:—это сверхъ силъ моихъ! четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу!

— Да что̀ съ вами, тетушка? промолвила Лиза:—я ничего...

— Ничего? воскликнула Марѳа Тимоѳеевна: — это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что̀ ты сдѣлала со своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? Да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій человѣкъ, не кусается; да вѣдь что жъ такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу, промолвила вдругъ Марѳа Тимоѳеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы, то косынку.—Это тебѣ только такъ, сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лѣкарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: „не поддамся-молъ я, — ну его!“ и сама потомъ, какъ диву дашься,—какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза: — оно уже прошло, все прошло.

— Прошло: какое прошло! Вотъ, у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѳѣ Тимоѳеевнѣ.—Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ; не сердитесь, поймите меня...

— Да что́ такое, что̀ такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что такое?

— Я... я хочу... Лиза спрятала свое лицо на груди Марѳы Тимоѳеевны...—Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись: что̀ ты это, Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ: — лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову, щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, промолвила она:—не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на-вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...

Марѳа Тимоѳеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

„Она больна, бредитъ, думала она: — надо послать за докторомъ; да за какимъ? Гедеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ—а, можетъ-быть, на этотъ разъ и правду сказалъ“. Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженья Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѳа Тимоѳеевна испугалась и опечалилась не на шутку.—Да вѣдь ты не

знаешь, голубушка ты моя, начала она ее уговаривать:— какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ конопляным зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое, по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И кто жъ это видывалъ, чтобъ изъ-за этакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины— и въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя...

И Марѳа Тимоѳеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимоѳеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери... но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; зато Марѳа Тимоѳеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенія.

Съ наступившими первыми холодами, Варвара Павловна, несмотря на свое обѣщаніе зарыться въ глуши, запасшись денежками, переселилась въ Петербургъ, гдѣ наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для нея Паншинымъ, который еще раньше ея покинулъ О....скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О.... онъ совершенно лишился расположенія Марьи Дмитріевны; онъ вдругъ пересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лавриковъ. Варвара Павловна его поработила, именно поработила: другимъ словомъ нельзя выразить ея неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть надъ нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдую-

щаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б.....мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять настала весна... Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкой, — и разстанемся съ ними. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, попалъ, наконецъ, на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей судьбой, и воспитанники его „обожаютъ", хотя и передразниваютъ. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ нѣсколько согнувшись: должно-быть, владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще моложавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли, и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но втайнѣ занимается литературой: написалъ комедійку, въ родѣ „пословицъ",—и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непремѣнно „выводятъ" кого-нибудь или что-нибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее исподтишка двумъ-тремъ благоволящимъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ, однако, не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она, попрежнему, постоянно живетъ въ Парижѣ: Ѳедоръ Иванычъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждаго человѣка есть свой идеалъ: Варвара Павловна нашла свой—въ драматическихъ произведеніяхъ г-на Дюма-сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камеліи; быть г-жею Дошъ кажется ей верхомъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ mademoiselle Ada отъ подобнаго благо-

получія: изъ румянаго, пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не перевелись; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранитъ до конца своей жизни. Самымъ рьянымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубырниковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе посѣтители салона г-жи Лаврецкой называютъ его „le gros taureau de l'Ukraïne"; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ вполнѣ.

И такъ... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О.... мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Марьи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно-выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно, и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходившемъ солнцѣ; изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимоѳеевна не долго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ—бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О....; сестра его жены, шестнадцатилѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазками;

Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая — вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Роска, двѣ легавыя собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженію сосѣдей, „порядки небывалые“.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать-четыре года) занимались немногосложной, но судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленіи. Онъ постоялъ, нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулась;—изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка—и мгновенно, вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли такъ же ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться.—Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ—и не потому,

чтобъ вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили: Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непремѣнно его бы узнала, и представила все остальное общество, называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепіано; даже пяльцы у окна стояли тѣ же, въ томъ же положеніи—и чуть ли не съ тѣмъ же неоконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка:—и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхватилъ ея братъ. — Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Ѳедоръ Иванычъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимоѳеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка:—и мосьё Леммъ...

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ:—онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу, говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете,—музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю, едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ, заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ, прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ попрежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитріевны: — и вообразите, вотъ эта егоза

(онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! воскликнула Леночка — и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы о Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ, — и опять кругомъ все притихло: — ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходятъ.—Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; вотъ, „тихій ангелъ пролетѣлъ“, подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: — онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза — была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести,—чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьѣ, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью прошелся онъ по аллеямъ: липы не много постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, но тѣнь ихъ стала гуще; зато всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла, вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами:—насъ, кстати, пятеро.

— А Ѳедора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ.— Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Ѳедоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ... начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій:—не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, — точно имъ учитель урокъ прочелъ,—и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ на серединѣ—и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепіано и коснулся одной изъ клавишъ: раздался слабый, но чистый звукъ, и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и не легка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, если бъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился, наконецъ, переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и—къ чему таить правду?—постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно; тотъ уже мо-

жетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ; сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ—и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья,—онъ, одинокій, бездомный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія,—оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы", думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ:— „жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать,—и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ—и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!"

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой, сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

„И конецъ", спроситъ, можетъ-быть, неудовлетворенный читатель. „А что же сталось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?" Но что сказать о людяхъ, еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земного поприща, зачѣмъ возвращаться къ

пимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — увидѣлъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини— и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо—и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что̀ подумали, что̀ почувствовали оба? Кто узна̀етъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать—и пройти мимо.

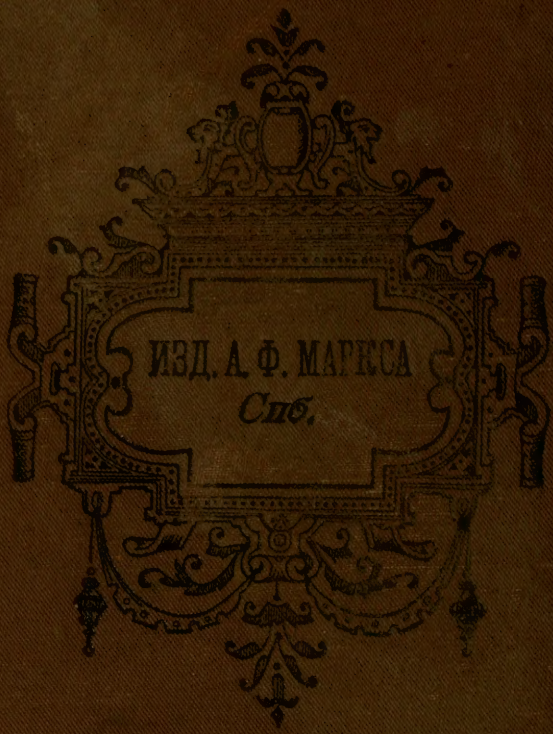
СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА:

стр.

Дымъ. Романъ въ XXVIII главахъ 3

Дворянское гнѣздо. Романъ въ XLV главахъ, съ эпилогомъ. 187


ИЗД. А. Ф. МАРКСА
Спб.